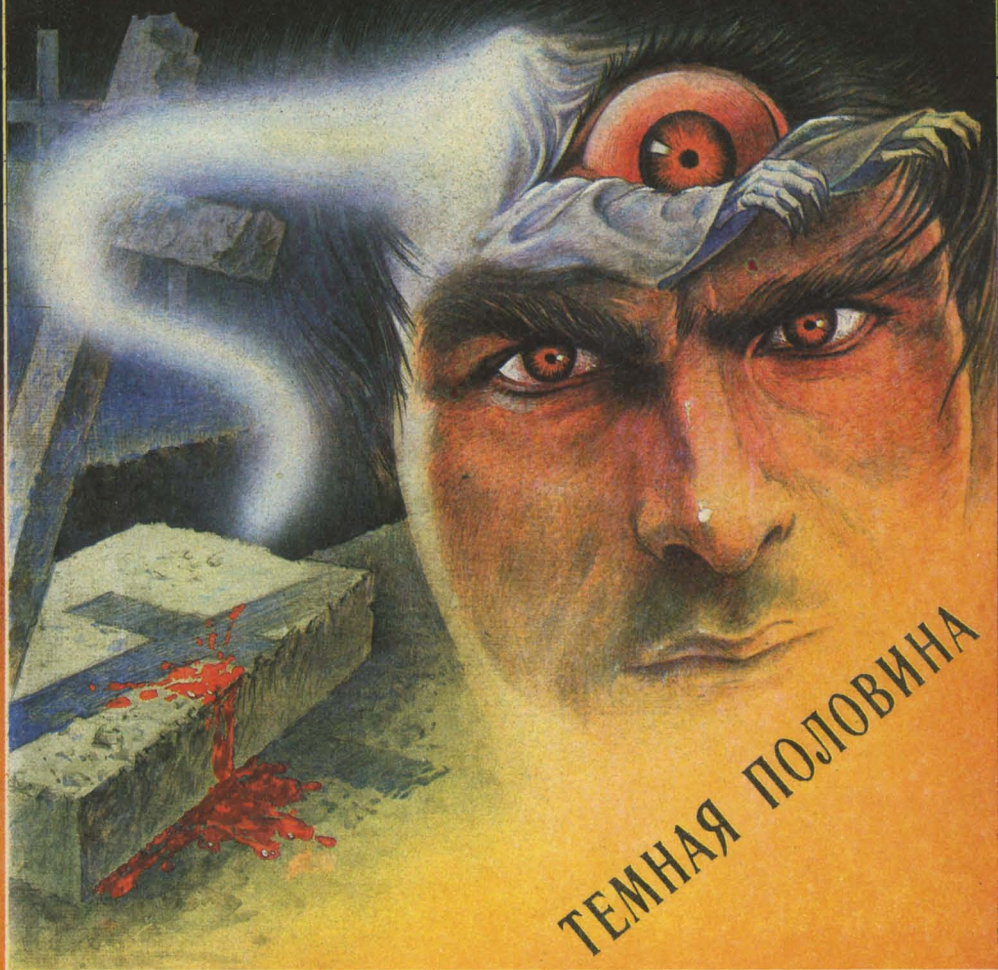

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 4

Художник В.А.Кормин

Темная половина: роман.

ISBN 5-85743-004-6

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн». Фирма «Татьяна». 1993, составление,
оформление, перевод

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

ПРОЛОГ

«Зарежь его, — сказал Мэшин. — Зарежь его, пока я стою здесь и смотрю. Я хочу увидеть поток крови. Не заставляй меня повторять это дважды».

Джордж Старк
«Путь Мэшина»

Человеческие жизни — их действительные жизни, а не простое физическое существование — начинаются по разному. Настоящая жизнь Тада Бомонта, мальчугана, родившегося и выросшего в районе Риджуэя в Бергенфилде, штат Нью-Джерси, началась в 1960 году. Два события произошли с ним в том году. Первое изменило его жизнь, второе почти оборвало ее. Тогда Таду Бомонту было одиннадцать лет.

В январе он представил короткий рассказ на литературный конкурс, организованный журналом «Америкэн тин». В июне он получил письмо от редактора журнала с извещением, что его талант отмечен почетной наградой по разделу беллетристики. В послании сообщалось, что члены жюри присудили бы ему второй приз, если бы соискатель был на два года старше, чтобы полностью соответствовать возрастным критериям «Америкэн тин». Тем не менее, по оценке редактора, рассказ Бомонта «Снаружи дома Марти» был необычайно зрелым творением, и его автора следовало горячо поздравить с успехом.

Через две недели «Америкэн тин» прислал почетный диплом. Он пришел заказным письмом. В дипломе было напечатано его имя типографским шрифтом столь староанглийского образца, что Бомонт с трудом различал буквы, а внизу листа стояла позолоченная печать, оттиснутая вместе с эмблемой «Америкэн тин».

Мать бросилась и обняла Тада, осыпая поцелуями этого спокойного и честного малого, который, казалось, никогда не обращал никакого внимания на окружающие его вещи и часто спотыкался об них своими большими ножищами.

Отец был, однако, менее взволнован.

— Если все было так здорово, почему же они не выслали ему хотя бы какие-нибудь деньги? — пробурчал он.

Мать ничего не сказала, но бережно хранила письмо и диплом, который был помещен в рамку и повешен в комнате мальчика над кроватью. Когда родственники или просто знакомые приходили в гости, она непременно и с гордостью демонстрировала эти реликвии. Тад, говаривала она собравшейся компании, в один прекрасный день собирается стать великим писателем. Она всегда чувствовала, что он предназначен для чего-то большого и великого, а этот диплом был первым доказательством ее правоты. Все это сильно смущало Тада, но он слишком любил свою мать, чтобы спорить с ней.

Однако, как бы он не смущался, Тад все же решил, что мать хотя бы частично, но права. Он не знал, есть ли у него что-то, необходимое для *великого* писателя, но он твердо решил стать писателем *вообще*, не важно каким. Почему бы и нет? Он быстро рос в мастерстве, и искал нужные и правильные слова на широкой и просторной дороге, а не в узких закоулках. Что касается денег, то издатели не смогут лишить его заслуженного заработка по чисто формальным мотивам. Ему же не всегда будет одиннадцать.

Второе важное событие того же 1960 года началось в августе. Это были головные боли. Сперва они не были слишком сильными, но с началом занятий в школе, редкие боли в висках и в затылке стали прогрессировать и сменились ужасающе длинными марафонами почти предсмертной агонии. Он ничего не мог делать во время таких приступов и просто лежал в своей затемненной комнате, ожидая смерти.

Приближение этих ужасных приступов отмечалось обычно каким-то призрачным звуком, который слышал только он сам — это звучало, как отдаленное попискивание тысячи маленьких птичек. Иногда ему казалось, что он почти видит этих птичек, которые представлялись ему полевыми воробьями, облеплявшими целыми дюжинами телефонные провода и крыши во времена своих весенних и осенних перелетов.

Мать повела его на осмотр к доктору Сьюорду.

Доктор исследовал зрачки Тада офтальмоскопом и покачал головой. Затем, опустив занавески и выключив верхнее освещение, врач попросил Тада смотреть на белый участок стены в кабинете. Используя фонарик, он быстро направлял яркие вспышки света на стену, пока Тад смотрел на нее.

— Это не заставляет тебя развеселиться, сынок?

Тад покачал головой.

— Ты не чувствуешь облегчения? Может быть, тебе стало хуже?

Тад снова покачал головой.

— Ты чувствуешь какой-нибудь запах? Типа гнилых фруктов или горящих тряпок?

— Нет.

— А как насчет твоих птиц? Ты их слышал, пока смотрел за мигающим светом?

— Нет, — сказал озадаченный Тад.

— Это нервы, — заявил отец после того, как Тад был отправлен в комнату для ожидающих. — Чертов малый просто комок нервов.

— Я думаю, что это мигрень, — сообщил доктор Сьюорд. — Необычная для столь юного человека, но не столь уж и редкая. А он кажется очень... впечатлительным.

— Он таковым и является, — сказала Шейла Бомонт не без некоторой гордости.

— Наверное, когда-то будет изобретено лекарство от этой болезни. Но сейчас я боюсь, что ему просто придется перемотаться всем этим.

— Да, и нам вместе с ним, — сказал Глен Бомонт.

Но это не были нервы, это не была мигрень, и это не проходило.

За четыре дня до праздника «Всех святых» (1 ноября) Шейла Бомонт услышала вопли одного из мальчуганов, с которыми Тад каждое утро ждал на остановке школьный автобус. Она выглянула из кухонного окна и увидела своего сына, бившегося в конвульсиях на проезжей части дороги. Шейла выскочила на улицу и велела детям отойти от сына, а после этого остановилась около него в полной беспомощности, боясь даже прикоснуться к Таду.

Если бы большой желтый автобус, ведомый мистером Ридом, появился чуть позже, Тад, наверное, отдал бы концы прямо на мостовой. Но Рид служил в медчасти в Корее. Он сумел запрокинуть голову Таду и сделать ему искусственное дыхание в тот самый момент, когда мальчик уже почти задохнулся. Тада доставили на скорой в госпиталь графства Бергенфилд, и на его счастье как раз в это время доктор Хью Притчард пил кофе в приемном покое. Здесь надо отметить, что как раз в это время Хью Притчард являлся лучшим неврологом в штате Нью-Джерси.

Притчард тут же потребовал себе рентгеновские снимки и начал их расшифровку. Он показал снимки Бомонтам, указав на неясную тень, которую он отметил кружком своего желтого стеклографа.

— Это... — сказал Притчард. — Что это?

— Какого черта мы можем знать? — задал, в свою очередь, вопрос Глен Бомонт. — Не я, а вы являетесь здесь, черт побери, доктором.

— Правильно, — сухо ответил Притчард.

— Жена говорит, что это похоже на синяк, — добавил затем Глен.

Доктор после некоторого раздумья сказал: «Если вы подразумеваете здесь припадок, то здесь нет сомнений. Но если вы полагаете, что припадок был связан с эпилепсией, я почти уверен, что это не так. Если бы этот страшный припадок был связан с эпилепсией, то она должна была бы достичь последней критической стадии, и Тад никак не смог бы не реагировать на световые тесты Литтона. Вам бы даже не понадобился доктор, чтобы установить такое заболевание у сына, поскольку он начинал бы биться в судорогах на коврик в гостиной каждый раз, как менялось изображение на экране вашего телевизора».

— Тогда что же это? — робко спросила Шейла.

Притчард обернулся к снимкам, укрепленным на экране с подсветкой. «Что это?» — повторил он и прикоснулся к своему желтому кружку. — «Внезапные приступы головных болей в сочетании с предыдущими припадками заставляют меня предполагать мозговую опухоль у вашего сына, возможно еще небольшую и, надеюсь, не злокачественную.

Глен Бомонт окаменело уставился на доктора, в то время как его жена стояла позади него, утирая слезы платком. Она плакала беззвучно. Этот плач был результатом годов жестоких тренировок. Удары Глена были всегда очень быстры и болезненны, но почти никогда не оставляли следов. После двенадцати лет своих молчаливых страданий.

она, вероятно, даже при всем желании не смогла бы закричать во весь голос.

— Не значит ли это, что вы хотите вырезать ему мозги? — спросил Глен со своей обычной деликатностью и тактом.

— Я не собираюсь действовать подобным образом, мистер Бомонт, но полагаю, что хирургия здесь была бы своевременна. И он подумал: *«Если Бог действительно существует, и он действительно создал нас по образу и подобию своему, мне бы не хотелось выяснять, почему чертовски много людей типа этого субъекта распоряжаются судьбами столь многих и причем намного лучше их».*

Глен молчал несколько долгих мгновений, опустив голову и наморщив лоб в тяжелом раздумьи. Наконец он поднял голову и задал тот вопрос, который беспокоил его больше всего на свете.

— Скажите мне правду, док, — сколько будет стоять вся эта канитель?

Ассистирующая операционная сестра первой увидела это.

Ее вопль казался еще более пронзительным и неожиданным в операционном зале, поскольку последние пятнадцать минут там слышались лишь команды Притчарда, отдаваемые им шепотом, да жужжание систем жизнеобеспечения пациента, перемежаемое коротким шуршанием хирургических пилок.

Она отшатнулась назад, ударилась о поднос с разложенными двумя дюжинами инструментов и опрокинула его. Поднос ударился с громким лязгом о кафельный пол, вызвав продолжительное эхо, сопровождаемое грохотом от падения более мелких, но тоже очень громгласно заявивших о себе хирургических принадлежностей.

— Хилари, — закричала старшая сестра. Ее возглас был проникнут ужасом и изумлением. Она настолько потеряла самообладание, что сделала полшага вслед за своей убегающей подругой в зеленом хирургическом комбинезоне.

Доктор Альбертсон, ассистировавший Притчарду, просто оттолкнул старшую медсестру назад как непослушного теленка, пробурчав: «Помните, где вы находитесь, пожалуйста».

— Да, доктор. — Она тотчас встала на свое место, не взглянув даже на открытую дверь операционной, откуда продолжая вопить пулей вылетела Хилари.

— Положите инструменты в стерилизатор, — сказал Альбертсон. — Немедленно. Быстро-быстро.

— Да, доктор.

Она начала собирать инструменты, тяжело дыша и готовая разрыдаться, но уже приходя в себя.

Доктор Притчард, казалось, ничего не заметил. Он с неослабевающим вниманием рассматривал экран, надетый на череп Тада Бомонта.

— Невероятно, — шептал он. — Просто невероятно. Это просто для учебников. Если бы я не видел этого своими глазами...

Шипение стерилизатора, казалось, заставило его оглянуться, и Притчард взглянул на доктора Альбертсона.

— Я хочу провести всасывание, — сказал он твердо. Притчард взглянул на сестру. — Чем вы занимаетесь? Живо шевелитесь!

Она подошла с инструментами в новом поддоне.

— Сделайте всасывание, Лестер, — обратился Притчард к Альбертсону. — Прямо сейчас. И я покажу вам нечто, чего вы никогда не увидите на ярмарочных шоу уродцев.

Альбертсон запустил операционную всасывающую помпу, не обращая внимания на старшую медсестру, которая пронеслась с инструментами прямо перед ним, словно глухая и безучастная машина.

Притчард взглянул на анестезиолога.

— Обеспечь мне хорошее давление крови, дружище. Давление — это все, что я прошу.

— У него сто пять на шестьдесят восемь, доктор. Стабильно, как скала.

— Хорошо, его мать говорит, что перед нами здесь лежит новый Уильям Шекспир, а потому держи давление на этом уровне. Очищайте его, Лестер, — не щекотите его этой чертовой штукой!

Альбертсон наложил отсос для очистки крови. Пульт управления работал ритмично и монотонно, гудя где-то в глубине операционной. Затем Альбертсон услышал свой собственный глубокий вздох. Он вдруг ощутил себя вздернутым на крюке в животе.

— О, мой Бог. Иисусе. Иисус Христос.

Он на мгновение в ужасе отшатнулся. Затем наклонился ближе. Над хирургической маской и за стеклами очков в роговой оправе его глаза вдруг выразили живое любопытство и изумление. — Что это?

— Я думаю, вы видите, что это, — сказал Притчард. — Я читал об этом, но никогда не ожидал увидеть это наяву.

Мозг Тада Бомонта был цвета наружной поверхности раковины улитки — умеренно серый с розоватым оттенком.

Сквозь гладкую поверхность коры мозга выступал слепой и уродливый человеческий глаз. Мозг слабо пульсировал. Глаз пульсировал вместе с ним. Это выглядело так, словно он пытался им подмигнуть. Именно это — подмигивание глаза — заставило ассистирующую медсестру удрать из операционной.

— Святой Боже, что это? — снова воскликнул Альбертсон.

— Это ничто. — сказал Притчард. — Когда-то это могло стать частью жизни, человеческой жизни. Сейчас это — ничто. Кроме беспокойства. А это беспокойство мы попробуем устранить.

Доктор Лоринг, анестезиолог, сказал: «Можно и мне взглянуть, Притчард?»

— Он в порядке?

— Да.

— Тогда валяй. Об этом ты сможешь рассказывать внукам. Но поспеши.

Пока Лоринг все это рассматривал, Притчард обернулся к Альбертсону. — Мне нужен аппарат Негли. Я собираюсь приоткрыть его чуть-чуть пошире. Тогда мы попробуем. Я не знаю, смогу ли я добраться до этого, но я сделаю все, что смогу.

Лестер Альбертсон, заменивший старшую медсестру, вложил свежестерилизованный зонд в руку Притчарда. Притчард, мурлыкая про себя песенку «Бонанза», обработал разрез быстро и почти без нажима, лишь иногда посматривая на зеркальце, закрепленное на конце зонда. Он работал, полагаясь в основном на ощущения при прикосновениях. Альбертсон затем утверждал, что никогда в жизни не встречал такой изощренной хирургии действительно на кончиках пальцев.

В добавление к глазу, они нашли часть ноздрей, три ногтя и два зуба. Глаз продолжал пульсировать и пытался подмигнуть даже в ту секунду, когда Притчард начал его пунктуру с последующим вырезом. Вся операция, от начального зондирования до конечной ампутации, заняла всего двадцать семь минут. Пять кусочков ткани шлепнулись на поднос из нержавеющей стали позади раскросной головы Тада.

— Я думаю, мы все прочистили, — наконец произнес Притчард. — Все посторонние включения тканей были, по-моему, присоединены рудиментарным ганглием. Даже если остались другие включения, у нас, я полагаю, были хорошие шансы убить их.

— Но... как объяснить, что мальчишка все еще жив? Я подразумеваю, что они были частью *его* самого, не так ли? — спросил в изумлении Лоринг.

Притчард указал на поднос. — Мы обнаружили глаз, несколько зубов и ногтей в башке этого малого, и вы считаете их частью его организма? Вы видели недостающие ногти на его пальцах? Хотите проверить?

— Но даже рак есть лишь часть собственно пациента...

— Это не был рак, — терпеливо сказал Притчард. Его руки делали свое дело, пока он ораторствовал. — В очень многих случаях, когда мать рождает единственного ребенка, этот младенец фактически начинает существование в ее чреве как двойня, друг мой. Пропорция достигает соотношения два к десяти. Что происходит с другим утробным плодом? Сильнейший поглощает слабейшего.

— Поглощает его? Вы подразумеваете, что он *съедает* двойника? — спросил Лоринг. Он выглядел немного бледным. — Мы говорим о *внутриутробном* каннибализме?

— Называйте это как хотите, но происходит оно весьма часто. Если им удастся разработать сонаграмное устройство, о котором столько болтают на всех медицинских конференциях, мы действительно сможем узнать, как часто это случается. Но сейчас не важно, сколько часто или редко это происходит; то, что мы увидели сегодня — это куда большая редкость. Часть двойника этого мальчика осталась непоглощенной. Так случилось, что эти части проступили в передней доле лба. Столь же легко они могли оказаться в его кишечнике, селезенке, позвоночнике, еще где-либо. Обычно единственными вра-

чами, встречающимися с чем-то аналогичным, являются паталогоанатомы — это происходит при вскрытиях, — но я никогда еще не слышал о случае, когда посторонние включения послужили бы причиной смерти пациента.

— Так что же произошло здесь? — спросил Альбертсон.

— Что-то заставило эту массу ткани, которая была, наверное, микроскопических размеров еще год назад, начать снова расти и развиваться. Часы развития поглощенного двойника, которые остановились по крайней мере за месяц до родов у миссис Бомонт, были снова каким-то образом заведены... и проклятая штуковина действительно начала расти. Нет никаких секретов во всем последующем, поскольку одного внутричерепного давления было вполне достаточно для жестоких головных болей и конвульсий у мальчика.

— Да, — сказал Лоринг очень мягко, — но почему это случилось?

Притчард лишь покачал головой. — Если мне удастся попрактиковаться не только в гольфе в ближайшие тридцать лет, вы можете тогда задать мне этот же вопрос. Возможно к тому времени у меня будет ответ. Все, что я знаю сейчас, это то, что я вырезал очень необычный и очень редкий вид опухоли. *Добркачественной* опухоли. И во избежание сложностей, я полагаю, это все, что нужно знать родителям. Отец мало чем отличается от китайского болвана. Я не представляю, как мне удалось бы объяснить ему, что я сделал аборт его 11-летнему сынишке. Лес, не дадим ему никаких поводов для раздумий.

И после некоторого размышления, он обратился ласково к старшей медсестре:

— Я хочу уволить эту глупую телку, которая удрала отсюда. Сделайте пометку, пожалуйста.

— Да, доктор.

Тад Бомонт покинул госпиталь через девять дней после операции. Левая половина его тела была очень слаба еще целых шесть месяцев, и иногда, когда Тад особенно уставал, он видел странные редкие мигающие вспышки света перед глазами.

Мать купила в подарок Таду старую 32-клавишную пишущую машинку «Ремингтон», и эти вспышки появлялись у него незадолго до сна, при попытках наилучшим образом выразить какую-то мысль или наметить развитие сюжета рассказа, над которым он трудился. Со временем эти явления также исчезли.

Тот ужасный и ни на что не похожий звук — писк целой эскадрильи воробьев — больше никогда не напоминал ему о себе после операции.

Он продолжал писать, приобретая уверенность и оттачивая стиль, и продал свой первый рассказ журналу «Америкэн тин» через шесть лет после начала своей настоящей жизни.

Родители, да и сам Тад, знали, что осенью у него была вырезана незлокачественная опухоль из верхней доли лба. Когда он вспоминал об этом, он думал только о том, что чрезвычайно счастливо отделался.

I

ДУРАЦКАЯ ФАРШИРОВКА

Мэшин медленно и тщательно расправил ножицы своими длинными и сильными пальцами. — Держи его голову, Джек, — сказал он человеку позади Холстеда. — Держи ее крепче, пожалуйста.

Холстед увидел, что собирается делать Мэшин и начал вопить, в то время как Джек Рэнгли сжал свои сильные руки вокруг его головы, сделав ее неподвижной. Вопли заполняли заброшенный склад и отдавались в нем гулким эхом. Пустое пространство служило естественным усилителем звука. Холстед звучал как оперный певец-премьер на вечернем представлении.

— Я вернулся, — сказал Мэшин. Холстед крепко зажмурил свои глаза, но это не помогло. Маленькое стальное лезвие без особых усилий вспороло веко его левого глаза и прорезало глазное яблоко с омерзительным треском. Кровавая вязкая жидкость начала быстро сочиться.

— Я вернулся от мертвых, и ты, кажется, совсем не рад меня видеть, ты, неблагодарный сукин сын.

Джордж Старк.
«Прогулка к Вавилону».

Глава 1 ЛЮДИ БУДУТ ГОВОРИТЬ

1

Номер журнала «Пипл» от 23 мая был самым обычным.

Обложка была посвящена только что умершей знаменитости, звезде рок-н-ролла, который повесился в тюремной камере после начала судебного расследования в связи с хранением кокаина и других наркотиков. Внутри, под обложкой, читателям было предложено традиционное меню: девять нераскрытых убийств на сексуальной почве в малодоступной западной части штата Небраска; пышущий здоровьем и святостью гуру, который был уличен в совращении малолетних; домохозяйка из Мэриленда, вырастившая гигантскую тыкву; развод голливудской кинозвезды; свадьба в высшем свете Нью-Йорка; борец, выздоравливающий после сердечного приступа; комик, защищающий свое право носить индийский национальный костюм.

В журнале также был напечатан очерк о некоем антрепренере из Юты, который рекламировал новейший боевик — куклу под именем «Да, мама! Да, мама!», которая, по его мнению, выглядела точь-в-точь как «всеми любимая теща». Кукла была снабжена встроенным кассетным проигрывателем, выдававшим на гора диалоги типа «Обед никогда не остывал в моем доме, пока он рос, милочка» или «твой брат никогда не рычал по-собачьи, когда я приезжала к нему погостить пару неделек». Для того, чтобы заставить куклу реветь или подвывать, вам следовало не просто нажимать на закрепленную в ее спине клавишу — в этом случае она начинала свою болтовню, — а ударить эту проклятую штуковину ногой изо всех сил.

— «Да, мама!» отлично сконструирована, ее набивочный материал гарантирует прочность, а также полную безопасность для стен и мебели, — заявил гордый изобретатель, мистер Гаспар Уилмот (который, как говорилось в очерке, был однажды привлечен к суду за уклонение от уплаты налогов, но сумел выйти сухим из воды).

А на странице тридцать третьей этого самого занимательного и наиболее информативного номера самого занимательного и информативного американского журнала была помещена традиционная для «Пипл» заставка — «Забавно, сильно и остро — БИОграфии».

— «Пипл», — сказал Тад Бомонт своей жене Лиз, когда они сидели бок о бок за кухонным столом, перечитывая еще раз статью в журнале, — попадает прямо в точку. «БИО». Если вам не хочется «БИО», ПЕРЕЛИСТАЙТЕ СТРАНИЦЫ ДО РАЗДЕЛА «В БЕДЕ» и читайте о девушках, которых разделявают в дебрях Небраски.

— Это не столь смешно, когда действительно всерьез подумаешь обо всем написанном, — ответила Лиз Бомонт, но тут же испортила все впечатление, хихикнув в своей маленький кулачок.

— Не «ха-ха», а несомненно очень точно, — сказал Тад и снова начал пролистывать статью. Он машинально потер небольшой белый шрам на лбу, как это не раз случалось с Тадом, когда он находился в задумчивой рассеянности.

В отличие от большинства реклам в «Пипле», страница для «БИО» была единственной, где слова занимали больше места, чем картинки.

— Ты жалеешь, что сделал это? — спросила Лиз. Она прислушалась, не разбудили ли они с Тадом своих близнецов, мирно спавших в соседней комнате.

— Во-первых, — ответил Тад, — я не делал этого. Мы это сделали. Оба для одного, и один для обоих, помнишь?

Он похлопал по картинке на второй странице статьи, изображающей его жену, демонстрирующую пару игрушечных гномов около Тада, восседающего за пишущей машинкой у стола, с которого свешивался закрученный лист бумаги. Было невозможно сказать, что именно, и было ли вообще что-либо написано на этой бумаге. Тад вышел в точности таким, каким он выглядел во время работы. Написание текста всегда было для него тяжелым занятием и не тем делом, которым он мог бы вполне полноценно заниматься на людях, особенно, если одним из наблюдателей выступал фотограф «Пипл». Это происходило вполне легко для Джорджа Старка, но не для Тада Бомонта. Лиз никогда не пыталась подойти к нему в те моменты, когда Тад старался — и иногда действительно с явным успехом — добиться чего-то за письменным столом.

— Да, но...

— Во-вторых...

Он взглянул на фото Лиз с гномами и самого себя, взирающего на нее снизу вверх. Оба они старательно улыбались. Это выглядело особо привлекательно на лицах тех людей, которые, несмотря на их симпатичную внешность, весьма скупно тратят время даже на столь обычное дело как зубоскальство. Он вспомнил прошлые времена, когда служил железнодорожным проводником на Аппалачской линии в штатах Мэн, Нью-Гемпшир и Вермонт. В те дни у него был прелестный енот по имени Джон Уэсли Хардинг. Не то, чтобы он пытался как-то приручить Джона, но енот сам по себе привязался к Таду. Правда, старина Джон любил слегка кусаться, особенно когда ему давали отхлебнуть из бутылки, и это поведение енота вызывало у хозяйина улыбку, похожую на нынешнюю.

— Во-вторых, что?

— Во-вторых, есть что-то забавное в одновременном оскале кандидата на Национальную книжную премию и его жены, глядящих друг на друга, как два подвыпивших енота.

— Тад, ты разбудишь двойняшек!

Он попытался, но без особого успеха, приглушить взрыв гнева.

— Во-вторых, мы выглядим как пара идиотов, хотя и я не возражаю быть чуточку таковым, — сказал он и, крепко обхватив жену, поцеловал ее в шею.

В другой комнате сперва Уильям, а затем и Уэнди начали плач.

Лиз попыталась строго посмотреть на мужа, но не смогла. Было слишком приятно слышать его смех. Это случилось совсем не часто. Звуки его смеха были полны экзотического шарма для нее. Тад Бомонт никак не соответствовал типу весельчака.

— Моя вина, — произнес он. — Пойду успокою ребят.

Он приподнялся, задел стол и чуть не опрокинул его. Он был воспитанным, но странно неуклюжим человеком, что сохранилось в нем с раннего детства.

Лиз успела подхватить горшок с цветами, водруженный в самом центре стола, как раз в тот момент, когда он собирался съехать с края и грохнуться на пол.

— Это точно, Тад, — сказала она и не смогла удержаться от смеха.

Он присел снова за стол. Он не взял ее руку, а просто ласково погладил.

— Слушай, детка, ты не жалеешь?

— Нет, — ответила она. И короткая мысль пришла ей тут же в голову. — *Мне все же это причиняет неудобство. Не потому, что мы выглядим слегка глуповато, а потому... ну, я просто не знаю, почему. Это просто слегка неудобно для меня, это все.*

Мысль пришла, но осталась невысказанной. Было слишком приятно видеть его смеющимся. Она поймала его руку и слегка сжала ее.

— Нет, — сказала она. — Я не жалею. Я думаю, это отлично. И если паблисити поможет «Золотой собаке», когда ты наконец решишь закончить эту проклятую штуковину, это будет еще лучше.

Она встала и прижала его плечи к креслу, когда он попытался встать тоже, чтобы сопровождать Лиз в детскую.

— Ты увидишь их в следующий раз, — объяснила она. — Я хочу, чтобы ты оставался здесь, пока твои подсознательные порывы разбить мой цветочный горшок окончательно не исчезнут.

— О'кей, Лиз, — сказал он, улыбаясь. — Я люблю тебя.

— Я тоже очень люблю тебя. — Она пошла в детскую, а Тад Бомонт снова начал листать страницы со своей рекламной «БИО».

В отличие от большинства статей в «Пипл» «БИО» Тадеуша Бомонта начиналась не с полнополосной фотографии, а с весьма небольшой, занимающей менее четверти страницы журнала. Она невольно обращала на себя внимание, поскольку умелый оформитель журнала окантовал бордюром ту картинку с Тадом и Лиз, где они были сфотографированы на кладбище, в трауре. Шрифтовые линии под фото казались почти грубым контрастом с изображением наверху.

На этом фото Тад стоял с лопатой, а Лиз с киркой. С одной стороны от них стояла тачка с другими кладбищенскими инструментами. На

самой могиле были размещены несколько букетов, но это не мешало прочесть надпись на могильной плите:

ДЖОРДЖ СТАРК
1975-1988

Не самый приятный парень

В почти чудовищном контрасте с этим местом и тем, что там произошло (а недавнее погребение было очевидно из самих дат, как и то, что скончавшемуся мальчику было отпущено совсем немного жизни), эти два могильщика пожимали друг другу свободные от инструментов руки поверх свежесасыпанного могильного дерна и радостно смеялись.

Это позирование было, конечно, хорошо придумано. Все фотографии, иллюстрирующие статью — погребение тела, демонстрация гномов и еще одна с Тадом, одиноко бредущим по лесной тропинке, вероятно, «в поисках идей», были всесторонне обдуманы. Это было весело. Лиз покупала «Пипл» в супермаркете последние пять лет или около этого, но они оба проглядывали журнал лишь за ужином или, когда не было подходящей карманной книжки, в ванне. Тад время от времени изумлялся успеху журнала, обдумывая, послужило ли этому стремление «Пипл» показывать жизнь знаменитостей, всегда притягательную для массового читателя, либо просто удачная подача материалов со всеми этими огромными черно-белыми фотографиями и броским текстом, состоящим в основном из простых и банальных сентенций. Но ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, не инсценированы ли все эти картинки.

Фотографом оказалась женщина по имени Филлис Майерс. Она сообщила Таду и Лиз, что захватила с собой фото игрушечных медвежат в детских гробах, причем медвежата одеты в детские костюмы. Она надеялась продать свои шедевры ведущему нью-йоркскому издателю. Не позднее второго дня с начала их знакомства для взятия интервью Тад сообразил, что женщина прошупывает его насчет написания текста. «Смерть и игрушечные медвежата, — сказала она, — будет окончательным и лучшим комментарием к американскому образу смерти, не так ли, Тад?»

Он предположил, что ее весьма мрачные интересы не ограничатся только этим проектом и поэтому мало удивился, когда Майерс раздобыла надгробную плиту Джорджа Старка и привезла ее из Нью-Йорка. Это было *папье-маше*.

— Вы не возражаете пожать руки перед ней, не так ли? — спросила она с улыбкой, которая была сразу и льстивой, и самодовольной. — Это произведет чудесный шок.

Лиз посмотрела на Тада вопросительно и с некоторым ужасом. Затем они оба взглянули на эту треклятую плиту, привезенную из Нью-Йорка (штаб-квартира журнала «Пипл») в Кастл Рок, штат Мэн (летний дом Тада и Лиз), со смешанным чувством изумления и тревоги. На плите была надпись, привлекая внимание Тада:

Не самый приятный парень

Если просуммировать все то, что хотел поведать журнал «Пипл» своим затаившим дыхание американским читателям о новой литературной знаменитости, то суть повествования оказалась бы чрезвычайно простой. Тад Бомонт был хорошо известным писателем, чей первый роман «Неожиданные танцоры» был выдвинут на Национальную книжную премию в 1972 году. Это, конечно, придавало вес автору среди литературных критиков, но ничуть не интересовало затаивших дыхание поклонников американских знаменитостей, для которых имя Тада Бомонта гроша ломаного не стоило. Все это произошло потому, что Бомонт опубликовал еще лишь один роман под своим подлинным именем. Тот человек, который действительно привлекал всеобщий интерес, не существовал как реальная личность. Тад написал один гигантский бестселлер и еще три имевших чрезвычайно большой успех романа под другим именем. И этим именем был Джордж Старк.

Джерри Харкуэй, который являлся полномочным и единственным корреспондентом «Ассошиэтед пресс» в Уотервилле, оказался первым распространителем истории о Джордже Старке после того, как литературный агент Тада, Рик Коули передал Луизе Букер из журнала «Паблишерз уикли» ту же сжатую информацию с одобрения Тада. Ни Харкуэй, ни Букер не смогли заполучить полного отчета по одной причине. Тад был непреклонен в своем желании уделять не слишком много внимания прилизанному лстивому коротышке из «Пипл» — Фредерику Клоусону, но и этого было вполне достаточно, чтобы поднять расходимость романа до той степени, которую в обычных условиях не смогли бы обеспечить ни «Ассошиэтед пресс», ни профессиональный журнал книгоиздателей. Клоусон, как объяснял Тад Луизе и Риду, был просто тем осликом, который вытащил информацию на публику.

По ходу того первого интервью Джерри задал вопрос, что за парень был Джордж Старк. «Джордж, — отвечал Тад, — был не самый приятный парень». Эта цитата выпрыгнула в заголовок интервью и вдохновила Майерс на всю эту комедию с могильной плитой, украшенной как раз той же надписью. Станный мир. Очень странный мир.

Совсем неожиданно Тад опять разразился смехом.

На черном фоне пониже фото Тада и Лиз на одной из прекрасных лужаек в Кастрл Роке были оставлены две белые полоски с текстом.

«ДОРОГОЙ УМЕРШИЙ БЫЛ ОСОБЕННО БЛИЗОК ЭТИМ ДВУМ ЛЮДЯМ», — гласила первая из них.

«ТАК ПОЧЕМУ ОНИ СМЕЮТСЯ?» — вопрошала вторая.

— Потому что мир — чертовски странное место, — сказал Тад и фыркнул в кулак.

Лиз Бомонт оказалась не единственной, кто испытывал некоторые неудобства от столь странного паблисити. Тад и сам чувствовал себя неловко. И все же ему было трудно удерживаться от смеха. Он потерпел несколько секунд, а затем разразился хохотом, когда его глаза снова остановились на знаменитой строчке — НЕ САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ ПАРЕНЬ. Попытки замолчать были столь же успешны, как затыкание дыр в плохо сделанной дамбе: как только вам удастся ликвидировать течь в одном месте, она неизбежно появляется в другом.

Тад подозревал нечто не совсем естественное в столь бессмысленном смехе — это была форма истерии. Он понимал, что юмор очень редко, если это вообще возможно, сопровождается подобными вещами. На самом деле, весь случай располагал к прямо противоположной веселью реакции.

Нужно чего-то опасаться, может быть.

Ты опасаясь этой чертовой статьи в журнале? Это то, что ты все время вспоминаешь? Глупо. Бояться быть осмеянным своими коллегами по факультету английской литературы, разглядывающими эти картинки и думающими, что ты, бедняга, видимо, немного тронулся.

Нет. Ему нечего опасаться своих коллег и даже тех из них, которые жили на Земле, когда на ней еще разгуливали динозавры. Он, в конце концов, имеет кое-что, а также достаточно денег для того, чтобы начать жизнь — пусть и не всегда под звуки праздничных труб — профессионального писателя, если только он того пожелает (Тад не был в этом полностью уверен, поскольку, хотя всегда не очень вникал в бюрократические и административные стороны университетской жизни, он чрезвычайно увлекался чисто преподавательской деятельностью). Нет, поскольку он уже однажды прошел через пересуды коллег, нимало этим не озабочась, несколько лет тому назад.

По-настоящему его заботило лишь то, что думают его друзья, а они, как и приятели Лиз, в некоторых случаях были и его коллегами по работе. Однако он был склонен надеяться, что именно близкие им люди легче всего догадаются, что это была лишь шутка, розыгрыш.

Если чего и следовало бояться, то...

— *Остановись*, — приказал его мозг тем сухим и жестким тоном, который сразу ставил на место его самых непослушных и самоуверенных студентов-старшекурсников, заставляя их бледнеть и умолкать после замечания Тада. *Прекрати эту глупость немедленно*.

Нехорошо. Этот голос был безотказным оружием против зарвавшихся студентов, но не имел никакого воздействия на самого Тада.

Он снова глянул на фото, в этот раз не обращая никакого внимания на выражение лиц жены и самого себя, исполнявших роль пары клоунов, которые разыгрывают хорошо отрепетированный трюк.

ДЖОРДЖ СТАРК 1975-1988

Не самый приятный парень

Это было причиной его опасений.

Эта могильная плита. Это имя. Эти даты. Эта мрачная эпитафия, которая, хотя и заставила его мычать от смеха, заложила еще кое-что *под изнанку* этого смеха.

Это имя. Эта эпитафия.

— В конце концов, неважно, — пробормотал Тад. — Сукин сын ныне мертв.

Но беспокойство оставалось.

Когда Лиз вернулась с умытыми и переодетыми близнецами, по одному на каждой руке, Тад снова перечитывал текст.

«Убил ли я его?»

Тадеуш Бомонт, один из самых многообещающих и талантливых американских романистов, выдвигенец на Национальную книжную премию 1972 года за «Неожиданных танцоров», задумчиво повторил вопрос. Он выглядел чуть-чуть смущенным. «Убийство», — заговорил он снова очень тихо и мягко, как будто само это слово никогда не приходило ранее ему на ум... хотя именно убийство было почти тем единственным делом, которым был действительно заполнен мозг второй, «темной половины» писателя, как называл Бомонт Джорджа Старка.

Из своего широкогорлого кувшина, стоящего позади старомодной пишущей машинки «Ремингтон», он вытягивает карандаш фирмы «Бэрол блэк бьюти» (которым и только которым мог писать Старк согласно Таду Бомонту) и начинает его слегка покусывать. Если приглядеться к доброй дюжине других карандашей в кувшине, легко убедиться, что их обкусывание — милая привычка хозяина.

«Нет, — наконец говорит он, ставя карандаш на место. — Я не убивал его». — Он улыбается. Бомонту тридцать девять, а когда он улыбается, его легко принять за одного из его же собственных студентов. — «Джордж умер естественной смертью».

Бомонт утверждает, что Джордж Старк был идеей его жены. Элизабет Стефенс Бомонт, спокойная и милая блондинка, отказывается от

чести быть единственной изобретательницей. «Все, что я сделала, — объясняет она, — было предложение написать роман под вымышленным именем и посмотреть, что из этого получится. Тад испытывал серьезное противодействие со стороны коллег-писателей, и ему был нужен стартовый скачок. И на самом деле, — смеется она, — Джордж Старк сильно помогал Таду все это время. Следы его присутствия нередко попадались мне в доме, особенно, когда Тад не успевал их выкинуть до моего появления. Однажды он попался мне на глаза, выходя из туалета».

Как и у большинства своих сверстников, проблемы Бомонта несколько сложнее и глубже, чем просто зависть и помехи со стороны писательского цеха. По крайней мере два популярных писателя (которые отказали нам в праве прямо их цитировать и называть) заявили, что их беспокоило психическое состояние Бомонта во время его творческого кризиса между первой и второй книгами. Один из них утверждает, что подозревал возможность самоубийства Бомонта после публикации «Неожиданных танцоров», которая вызвала куда больше критики, чем денежных поступлений.

На вопрос, думал ли он о самоубийстве, Бомонт только качает головой и говорит: «Это идея для глупца. Настоящая трудность связана не с приемом у читателя, а с противодействием уже сформировавшегося блока писателей. И даже мертвые писатели продолжают цепляться за живых, мешая им двигаться дальше».

Тем временем Лиз Бомонт проводила «обработку» — слово Бомонта — идеи псевдонима. «Она сказала, что я могу прихлопнуть все мои проблемы одним ударом, если только сам того пожелаю. Я могу написать любую понравившуюся мне штуковину без «Нью-Йорк таймс бук ревью», подглядывающего через мое плечо, чем именно я сейчас занимаюсь за письменным столом. Она сказала, что я, если только захочу, могу выдать вестерн, детектив, научно-фантастический роман. Или написать криминальный роман».

Тад Бомонт усмехается.

«Я думаю, что последнее предложение не было чисто случайным. Она догадывалась, что я вынашивал идею такого романа, но никак не мог найти нужной зацепки.

Идея псевдонима была своего рода *путеводной* для меня. Она обеспечивала *свободу* подобно секретному трюку исчезновения через люк, если вы понимаете, что я подразумеваю.

Но было и еще кое-что. То, что очень трудно объяснить».

Бомонт протягивает руку к тонко заточенным карандашам в кувшине, но затем передумывает. Он смотрит в окно кабинета на зеленеющие весенние деревья.

«Мысль о писательстве под псевдонимом была подобна идее стать невидимкой, — наконец произносит он, почти запинаясь на каждом слове. — Чем больше я обыгрывал эту идею, тем больше я ощущал, что я буду... ну... возрождать самого себя».

Снова его рука протягивается к кувшину, и на этот раз она захватывает карандаш, в то время как его мысли уже далеко отсюда.

Тад перевернул страницу и глянул на двойняшек, сидящих в их вдвоенном высоком кресле. Двойня «брат-сестра» всегда имеет чисто братские или братско-сестринские (если вы боитесь упреков в мужском шовинизме) черты сходства. Уэнди и Уильям были, однако, настолько похожи, что казались абсолютно одинаковыми, *не будучи* таковыми.

Уильям улыбался Таду, глядя из-за своей бутылочки.

Уэнди также улыбалась отцу, глядя из-за своей бутылочки, но ее отличала одна принадлежность, которой не успел обзавестись ее братец — единственный передний зуб, который прорезался без всякой боли, появившись во рту столь же бесшумно, как перископ подводной лодки на поверхности океана.

Уэнди сняла руку с бутылочки. Открыла ладонь, показывая какая она чистая и розовая. Сжала снова. Разжала. Это ее любимое занятие.

Не глядя на нее, Уильям снял одну из *своих* рук со *своей* бутылочки и проделал все то же самое. Это его любимое занятие.

Тад молча поднял руку со стола и сделал все в точности, как дети. Двойняшки радостно заулыбались.

Он глянул на журнал снова. — «Ах, «Пипл», — подумал он, — где бы мы были и чем бы мы были без вас? Это американское звездное время, кроме шуток».

Писатель, конечно, вылил на читателей всю свою горечь, которая особенно в нем накопилась за долгое четырехлетие после провала попытки получить Национальную книжную премию за «Неожиданных танцоров», — но этого следовало ожидать, и он не очень беспокоился своим интеллектуальным стриптизом. С одной стороны, не все было так уж и грязно, а, с другой, ему всегда было легче жить с правдой, чем с ложью. По крайней мере, на длинной дистанции.

Конечно, возникает вопрос, имеют ли что-нибудь общее журнал «Пипл» и «длинная дистанция».

Ну хорошо. Сейчас уже слишком поздно.

Имя парня, написавшего про него текст, было Майк — он это хорошо помнил, но как фамилия этого Майка? Если только вы не граф, рассуждающий о наследстве, или кинозвезда, сплетничающая о других кинозвездах, ваша фамилия всегда будет помещена в самом низу статьи для «Пипл». Тад перелистал четыре страницы (две из которых были заняты полностью рекламой) чтобы найти, наконец, фамилию корреспондента. Майк Дональдсон. Когда Тад спросил его, неужто кто-нибудь в мире всерьез интересуется и озабочен тем фактом, что Бомонт написал несколько книг под другим именем, Дональдсон ответил так, что сильно рассмешил Тада: «Отчеты свидетельствуют, что большинство читателей «Пипл» имеют чрезвычайно узкие носы. Потому в них очень трудно ковырять, и они вынуждены лезть в чужие дела и души. Они прямо-таки жаждут узнать все, что можно, о вашем приятеле Джордже».

— Он не мой приятель, — отвечал Тад, все еще смеясь.

Лиз подошла к столу.

— Тебе нужна моя помощь? — спросил Тад.

— Все в порядке, — ответила она. — Я собираюсь приготовить немного смеси для детей. Ты еще не устал от самолюбования?

— Не совсем, — бесстыдно заявил Тад и вернулся к статье.

«Труднее всего было с именем, — продолжает Бомонт, слегка трогая карандаш. — Оно очень важно. Я *знал*, что оно должно работать. Я знал, что оно может разбить тот самый писательский блок, с которым я сражался... если я буду иметь двойника. *Настоящего* двойника, то есть абсолютно независимого от меня самого».

Как он выбрал Джорджа Старка?

«Ну, был такой автор криминальных романов по имени Дональд Уэстлейк, — объясняет Бомонт. — И под своим настоящим именем он написал много забавных юморесок об американской жизни и правах.

Но начиная с ранних шестидесятых и до середины семидесятых годов, он написал серию романов под псевдонимом Ричард Старк, и эти книги очень отличаются от вышедших под настоящим именем автора. Серия посвящена профессиональному грабителю по имени Паркер. У него нет прошлого, нет и будущего, и нет других интересов, кроме краж и грабежей.

По каким-то причинам, которые знает только сам Уэстлейк, он прекратил в конце концов писать романы о Паркере. Но я никогда не забуду сказанное Уэстлейком уже после раскрытия тайны своего псевдонима. Он заявил, что *он* сам писал свои книги в солнечные дни, а Старк творил только в дождливое ненастье. Мне это очень понравилось, поскольку именно тогда для меня были сплошные дождливые дни, между 1973 и 1975 годами.

В лучших книгах той серии Паркер куда больше напоминает робота-убийцу, чем человека. Тема ограбления грабителей является практически неизменной в этих книгах. И Паркер проходит сквозь негодяев — *других* негодяев, хочу я сказать — *в точности* как робот, запрограммированный лишь на одну цель. «Я хочу мои деньги», — говорит он, и это *все*, что он говорит. «Я хочу мои деньги, я хочу мои деньги». Вам это не напоминает любого из нас?»

Интервьюер кивает. Бомонт описывает Алексиса Мэшина, главного героя первого и последнего романа Джорджа Старка.

«Если бы «Путь Мэшина» заканчивался на той же ноте, что и его начало, я бы навсегда упрятал роман в письменный стол, — говорит Бомонт. — Издавать его было бы чистым плагиатом. Но примерно через четверть этого пути роман обрел свою собственную жизнь, и все встало на свои места».

Интервьюер спрашивает, правда ли, что Бомонт после долгой работы над книгой узрел ожившего Джорджа Старка и даже беседовал с ним.

«Да, — отвечает Бомонт. — Но хватит об этом».

Тад перестает читать и почти готов разразиться новым приступом хохота помимо своей воли. Близнецы, видя улыбку отца, также приходят в состояние еще большего восторга. Тад, наконец, произносит:

— *Боже*, как же это мелодраматично! Ты заставил это прозвучать, как финальную сцену из «*Франкенштейна*», когда молния бьет в самую высокую башню замка и испепеляет чудовище!

— Я, видимо, не смогу сегодня покормить ребят, если ты не остановишься, — заметила Лиз таким тоном, что Тад понял всю несвоевременность своей попытки поцеловать ее.

— Остановиться?

— Ты улыбаешься, *они* улыбаются. Я не могу кормить все время улыбающегося ребенка, Тад.

— Извини, — сказал он виновато и взглянул на двойняшек. На их лицах сияли как две капли воды похожие улыбки.

Он опустил глаза и продолжил чтение.

«Я начал «Путь Мэшина» одной из ночей 1975 года, когда выдумал это имя. Но *была* еще одна вещь. Я заложил лист бумаги в машинку, собираясь печатать текст... но затем мне пришлось вынуть эту бумагу. Я-то печатал все свои произведения на машинке, но Джордж Старк, видимо, этого никогда не делал».

По лицу Бомонта снова скользнула улыбка.

«Может быть, это потому, что ему не пришлось пройти курсы машинописи в тех каменных отелях, где он проводил большую часть своей жизни».

Бомонт имеет в виду краткую биографию Джорджа Старка, напечатанную на суперобложке боевика, где говорится, что автору книги тридцать девять лет, и что Старк побывал в трех тюрьмах, отбывая сроки за поджог, хранение оружия и покушение на убийство. Суперобложка, однако, далеко не единственный источник информации об авторе скандального бестселлера. Бомонт также подразумевает автобиографический очерк для «Дарвин пресс», в котором он подробно и столь натурально описывает детали жизненного пути своего литературного двойника, что можно позавидовать воображению выдающегося романиста. В этом жизнеописании указаны все вехи и этапы пути к славе Джорджа Старка, от его рождения в Манчестере, штат Нью-Гемпшир до последнего местожительства в Оксфорде, штат Миссисипи. Не указано лишь то, что Старк погребен шесть недель тому назад на кладбище Хоумленд в Кастл Роке, штат Мэн.

«Я нашел старую тетрадь для записей в одном из ящиков моего письменного стола, а также пользуюсь этим», — он показывает на кув-

шин с карандашами и кажется несколько удивленным, обнаружив один из них в своей руке. — «Я начал писать и все, что помню — это то, что Лиз в середине ночи спросила меня, собираюсь ли я, наконец, ложиться спать».

Лиз Бомонт имеет собственные воспоминания о той ночи. Она говорит: «Я проснулась без четверти двенадцать и заметила, что он еще не ложился. Я подумала: «Значит, он работает». Но я не услышала звуков машинки, что меня немного удивило».

По ее лицу видно, что удивление ее тогда было куда сильнее.

«Когда я спустилась из спальни в кабинет мужа и увидела его царапающим что-то в этой тетрадке, я прямо-таки остоленбела, — смеется она. — Его нос почти касался бумаги».

Интервьюер спрашивает, почувствовала ли она облегчение, увидев эту картину.

Своими мягким и спокойным голосом Лиз отвечает: «Очень сильное облегчение».

«Я захлопнул тетрадь и увидел, что написал шестнадцать листов без каких-либо помарок и исправлений, — говорит Бомонт. — За это время я исписал карандаш почти на три четверти, пользуясь точилкой». Он смотрит на кувшин с выражением, которое можно одновременно принять и за меланхолию и за скрытый юмор. — «Я предполагаю, что мне нужно теперь убрать эти карандаши после смерти Джорджа Старка. Я сам не умею ими работать. Я пытался. Но ничего не выходит. Что до меня, то я не могу обойтись без машинки. Моя рука иначе тут же устает, а мозг тупеет».

Он бросает на собеседника быстрый взгляд и загадочно подмигивает.

— Милая, — он взглянул на жену, которая вся была поглощена нелегкой работой по запикиванию в рот Уильяма последних ложек смеси. Ребенок с немалым усердием стремился отправить подношение себе на нагрудник.

— Что?

— Глянь на меня, всего секунду.

Она обернулась.

— Это очень загадочно?

— Нет, дорогой.

— Я тоже думаю, что не так уж.

Конец очерка — это еще одна ироническая глава в длинной истории, которую Тад Бомонт называет не иначе как то, что только «чудаки именуют романом».

«Путь Мэшина» был опубликован в июне 1976 года в небольшом издательстве «Дарвин пресс» («сам» Бомонт печатается в куда более престижном «Даттоне») и произвел подлинную литературную сенсацию, выйдя в списке бестселлеров на первое место на обоих побережьях Америки. Роман был экранизирован как сногшибательный кинобоевик.

«Долгое время я ожидал, что кто-нибудь обнаружит, что я был Джорджем, а Джордж был мною, — говорит Бомонт. — Копирайт был зарегистрирован на имя Джорджа Старка, но мой литературный агент, как и его жена (она теперь уже экс-жена, но по-прежнему сотрудничает с ним), да и вся верхушка, и даже контролер-бухгалтер «Дарвин пресс» знали правду. Он *должен* был знать ее хотя бы потому, что Джордж умел писать длиннейшие романы, но никак не мог научиться самостоятельно подписывать банковские чеки. И, конечно, налоговое управление тоже должно было быть в курсе дел. Поэтому Лиз и я ждали примерно года полтора, что найдется некто, который разрушит всю эту комедию. Но этого не случилось. Я думаю, что мне здесь просто очень сильно и глупо повезло.

Все это доказывает, что когда ты уверен в невозможности *скрыть* что-либо от болтунов, они все почему-то придерживают языки».

Вернемся к тем следующим десяти годам, когда блистательный мистер Старк, куда более плодовитый, чем его вторая половина, опубликовал еще три романа. Ни один из них не смог повторить небывалый успех «Пути Мэшина», но все они занимали места вверху в списках бестселлеров.

После длительной паузы, вызванной раздумьем, Бомонт начинает рассуждать о причинах своего решения прекратить столь выгодную ему мистификацию публики: «Вы должны помнить, что Джордж Старк был всего лишь выдумкой, не более того. Я с удовольствием вел эту игру долгое время... и, черт побери, парень делал мне деньги. Я их называл «мои-твои деньги». Одно только сознание того, что я в любой момент могу бросить преподавание и заняться только писательской работой, производило для меня гигантский эффект освобождения от всех этих комплексов.

Но мне хотелось писать и свои собственные книги, и Старк начинал выпадать из игры. Он мешал мне. Все было очень просто. Я знал это, Лиз знала, мой агент тоже знал... Я думаю, что даже редактор Джорджа в «Дарвин пресс» понимал это. Если бы я продолжал сохранять сей секрет, соблазн написать еще один роман Джорджа Старка в конце концов одолел бы меня. Я столь же подвержен завлекающему зову денег, как и любой другой человек. Решение поэтому нужно было принимать окончательно и бесповоротно.

Другими словами, нужно было раскрыться перед публикой. То, что я и делаю. И как раз сейчас».

Тад оторвался от статьи с грустной усмешкой. Сразу же вдруг ощутилась некоторая искусственность и натянутость его веселья по поводу фото в «Пипл». Потому что не только фотографы журнала умели подавать свой материал так, как это хотели и ожидали неискушенные в литературе читатели. Он понял, что и большинство интервьюеров умеют это, в большей или меньшей степени. Но он считал, что он мог бы быть несколько поискуснее простого литератора в подаче материалов этого типа; он все же романист... а романист

оказался просто парнем, которому платят за его вранье. Чем больше вранья, тем больше денег.

Старк, можно сказать, выходил за грань обычного. В этом была вся штука.

Как прямолинейно.

Как успешно.

Как все это отдает дерьмом.

— Милая?

— Мм?

Она пыталась привести лицо Уэнди в относительный порядок. Уэнди была не в восторге от этой идеи. Она энергично мотала из стороны в сторону своей маленькой заляпанной кашей головкой, а Лиз старалась стереть следы пиршества влажной салфеткой. Тад подумал, что в конце концов жена схватит негодницу, если только не устанет до этого в бесплодной борьбе. Уэнди, судя по всему, также учитывала эту спасительную для нее возможность.

— Не зря ли мы лгали по поводу участия Клоусона во всем этом?

— Мы не лгали, Тад. Мы просто не называли его имя.

— И он был пустяковым мужиком, правда?

— Нет, дорогой.

— Нет?

— Нет, — ответила Лиз суровым тоном. Она только что занялась лицом Уильяма. — Он был грязным маленьким пресмыкающимся.

Тад фыркнул: — Пресмыкающимся?

— Точно. Пресмыкающимся.

— По-моему, я впервые в жизни слышу этот научный термин.

— Я увидела его на коробке с видеокассетой, когда ходила в угловой магазин. Фильм ужасов назывался «Пресмыкающиеся». И я подумала: «Чудесно. Кто-то догадался снять фильм о Фредерике Клоусоне и его семейке. Не забыть бы рассказать об этом Таду». Но забывала сделать это раньше.

— Так ты считаешь, что здесь все о'кей?

— В самом деле, все о'кей, — ответила она.

Она указала рукой с мокрой салфеткой сперва на Тада, затем на открытый журнал.

— Тад, ты урвал свой кусок мяса с этого. Люди получили свой кусок тоже. А Фредерик Клоусон получил кусок дерьма... но это единственное, что он заслужил.

— Спасибо, — произнес он.

Она пожала плечами. — Будь уверен. Ты иногда слишком терзаешь себя, Тад.

— Это беспокоит тебя?

— Да, *все* беспокоит... Уильям, ты сейчас у меня доиграешься! Тад, если бы ты помог мне сейчас немножко...

Тад закрыл журнал и понес Уильяма в детскую следом за Лиз, которая несла Уэнди. Засыпающий ребенок был теплым и приятно отяжелевшим, его руки обвилились вокруг шеи Тада, а сам Уильям еще пытался тарашиться на мир со своим обычным интересом ко всему вокруг себя. Лиз уложила Уэнди на одну половину стола для пеленания младенцев, Тад сделал то же самое с Уильямом на другой стороне. Лиз успела чуть раньше управиться с Уэнди.

— Значит, — сказал Тад, — мы должны закончить всю эту историю с «Пипл»? Верно?

— Да, — ответила она и улыбнулась. Что-то в этой улыбке показалось Таду не совсем искренним, но он помнил свой собственный ненормальный смех и решил ничего не уточнять. Иногда он был совсем не уверен в правильности некоторых мыслей и поступков — это было своего рода умственным аналогом его физической неуклюжести — и тогда полагался во всем на Лиз. Она редко упрекала его в нерешительности, но он видел печать усталости в ее глазах, когда заходил слишком далеко в самокопанин. Что она могла сказать? *Ты слишком терзаешь себя, Тад.*

Он тщательно запеленал Уилла и закрепил страховочную лямку на животе ребенка, поскольку еще во время этих операций Уилл делал все возможное чтобы скатиться со стола и покончить жизнь самоубийством.

— Буггууа! — завопил Уилл.

— Да, — согласился Тад

— Диввии, — провозгласила Уэнди.

Тад согласно кивнул: — Это тоже очень верно.

— Хорошо, что он умер, — вдруг сказала Лиз.

Тад взглянул на нее. Он задумался на секунду, затем кивнул. Не было необходимости уточнять, кто был он, они оба это знали.

— Да.

— Мне он никогда не нравился.

— *Это ведь почти относится к твоему мужу,* — готов был ответить Тад, но не стал. Здесь ведь нет ничего странного и обидного, поскольку Лиз говорит не о нем. Не только методы письма Джорджа Старка существенно отличали его от Тада.

— Мне тоже, дорогая, — сказал он. — Что у нас на ужин?

Глава 2

НАРУШАЯ ВЕДЕНИЕ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА

1

Этой ночью Тад увидел кошмарный сон. Он проснулся почти в слезах и дрожа, как щенок, застигнутый грозой. Он повстречался во сне с Джорджем Старком, причем последний был теперь агентом по продаже недвижимости, а не писателем, который всегда стоял позади Тада, воплощаясь лишь в голос и в тень.

2

Автобиография Старка для «Дарвин пресс», которую Тад написал незадолго до написания «Голубых из Оксфорда», второго по счету шедевра Джорджа Старка, утверждала, что Старк управлял грузовым пикапом марки «Дженерал моторс» 1967 года выпуска. Этот грузовичок должен был быть выкрашенным в весенние светлые цвета. Во сне, однако, они неслись в мрачно-черном «Торнадо», и Тад понимал, что пикапом здесь и не пахнет. Это был турбореактивный катафалк.

«Торнадо» был окрашен целиком в черное и никак не напоминал автомобиль агента по продаже недвижимости. Тад все смотрел на него через плечо, пока они шли к дому Старка, который почему-то хотел показать его Бомонту. Он подумал, что ему придется увидеть Старка в доме, и какой-то ужас заполнил сердце Тада. Но сейчас Старк стоял как раз за плечом Тада (хотя он никак не мог взять в толк, откуда Старк прошмыгнул туда столь быстро и бесшумно). Тад мог видеть только автомобиль, этого черного тарантула, ослепительно сверкающего в солнечном свете. На заднем бампере была наклейка. «МОДНЫЙ СУКИН СЫН» — гласила она. Слова были окаймлены слева и справа черепом и двумя скрещенными костями.

Дом, в который Старк привел Тада, был на самом деле его домом — не тем главным, зимним домом в Ладлоу, неподалеку от университета, а летним домиком в Кастл Роке. Позади здания открывался пейзаж зимнего озера, и Тад отчетливо слышал потрескивание ледяных волн, набегающих на берег. За входной калиткой висела небольшая табличка с объявлением «ПРОДАЕТСЯ».

— Отличный домик, не так ли? — Старк почти прошептал это из-за спины Тада. Его голос был столь ласков, что напоминал урчание избалованного домашнего кота.

— Это мой дом, — ответил Тад.

— Ты не прав. Хозяин этого дома мертв. Он убил жену и детей, а затем и самого себя. Он вытащил затычку. Только и всего — и привет родителям. Он имел эту затычку в самом себе. Но тебе не

следует столь тяжело все это переживать. Ты мог бы сказать, что это было чертовски приятно.

— Разве это смешно? — собирался Тад спросить Старка, и ему казалось особенно важным показать собеседнику, что он ничуть не боится его. Причина была в том, что Тад был объят ужасом. Но еще до того, как он сумел найти слова для вопроса, огромная рука, которая, казалось, была лишена ясных очертаний (хотя это было и трудно наверняка утверждать из-за тени от большой пальмы, падавшей на собеседников), протянулась через плечо Тада и покачала связкой ключей перед его носом.

Ключи не позванивали. Если бы это было так, он бы что-нибудь вымолвил, может быть, даже отодвинул бы эти проклятые ключи от лица, чтобы показать, как мало на него действует этот страшный человек, упорно держащийся за его спиной. Но рука придвигала ключи вплотную к его лицу. Тад был вынужден схватить связку, грозившую разбить его нос.

Он вставил один из ключей в замок наружной двери из гладко отполированного дуба, снабженной крохотным медным дверным молотком, очень похожим на маленькую птичку. Ключ повернулся легко, и это было странно, поскольку он был вовсе не дверным ключом, а ключом от пишущей машинки на длинном стальном пруте. Все прочие ключи в связке оказались отмычками, которыми пользуются взломщики.

Он взялся за ручку двери и повернул ее. Как только он это сделал, обрамленная металлом древесина на двери сморщилась и растрескалась сама собой, что сопровождалось серией хлопков, столь же громких, как при пожаре. Между досками двери вспыхнул огонь. Повалил дым. На двери были декоративные щеколды из металла с чеканкой, одна из них грохнулась на лестницу прямо под ноги Таду.

Он вошел внутрь.

Он не хотел этого; ему хотелось остаться на крыльце и спорить со Старком. И не только! Убеждать того, спросить, зачем, во имя Господа, Старк сделал это, поскольку войти внутрь дома было еще ужаснее и страшнее, чем впечатление от встречи с самим Старком. Но это был сон, кошмарный сон, и ему казалось, что причина всех кошмаров — отсутствие самообладания. Это напоминало ощущение от катания на американских горах, когда кажется, что ты в любую секунду после наклона или толчка можешь врезаться в кирпичную стену и погибнуть так же легко и просто, как насекомое под ударом хлопущки для мух.

Знакомая до мелочей прихожая показалась ему сейчас совершенно чужой, почти мрачной. Бросалось в глаза отсутствие выгоревшей ярко-красной ковровой дорожки, которую Лиз давно уже угрожала заменить, но никак не осуществляла сие намерение... и хотя это

казалось слишком незначительной деталью во время кошмара, это было тем, к чему он не раз возвращался позднее, поскольку именно это наиболее полно и точно отражало его ужас — ужас независимо от содержания самого сна. Можно ли считать безопасной чью-то жизнь, если даже такая пустяковая вещица, как ковровая дорожка в прихожей, может вызывать столь сильные чувства разрыва, дезориентации, печали и страха?

Ему не понравились звуки, напоминающие эхо, сопровождавшие его шаги по деревянному полу. Они не только производили впечатление, что убеждают Тада в правоте слов негодяя, который неотступно следовал за ним. Они доказывали полную пустоту и отсутствие жизни в доме. Но ему еще больше не нравились эти звуки, поскольку шаги Тада и шуршание его собственных подошв звучали как-то потерянно и безнадежно несчастливо.

Ему хотелось повернуться и уйти, но он никак не мог сделать этого. Потому что Старк был сзади него, и почему-то он знал, что Старк сейчас держит в руках те самые страшные ножницы Алекси́са Мэшина, которыми их хозяин изуродовал в конце романа «Путь Мэшина» лицо другого ублюдка.

Если он обернется, Джордж Старк может слегка обкарнать его.

Хотя дом был и пуст, но за исключением дорожек и ковров (в том числе и ковра, закрывавшего весь пол в гостиной) вся мебель и обстановка были на месте.

Ваза с цветами стояла на маленьком столике в конце прихожей, откуда можно было пройти либо прямо в гостиную с круглым потолком и окном во всю стену, открывающим вид на озеро, либо повернуть направо в кухню. Тад коснулся вазы, и она разлетелась на кусочки, выпустив облако едкого керамического порошка. Застоявшаяся вода испарилась, и подюжины садовых роз, стоявших в вазе, увяли и почернели в центре столика. Он потрогал сам стол. Поверхность издала сухой треск разрыва, и стол раскололся пополам, но не упал на пол, а остался стоять.

— Что ты сделал с моим домом? — воскликнул Тад, обращаясь к стоящему за ним человеку, не решаясь повернуть к нему голову. У него не было нужды проверять наличие этих ужасных ножниц, которыми еще до того, как Нони Гриффитс разукрасила щеки Мэшина красно-белыми бороздами и выколола ему глаз, сам Мэшин любил освежевывать носы своих «конкурентов по бизнесу».

— Ничего, — отвечал Старк. Таду не надо было проверять, улыбается ли этот негодяй, поскольку эта улыбка явно слышалась в голосе собеседника. — Ты сделал это, старина.

Затем они оказались на кухне.

Тад зацепил печь, и она раскололась пополам, как забитый грязью старый колокол. Нагревательные спирали вытянулись вверх и покривились. Омерзительное зловоние исходило из темной рас-

щелины посередине печи, и, наклонившись, он увидел индейку. Она загнила, и темная жидкость с какой-то начинкой вытекала из живота птицы.

— В местечке пониже, чем здешнее, мы называли это дурацкой фаршировкой, — заметил Старк из-за его плеча.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тад. — Где, по-твоему, находится местечко пониже?

— Эндсвилл, — спокойно ответил Старк. — Это то местечко, где сходятся все железнодорожные пути, Тад.

Он еще что-то добавил, но Тад пропустил дальнейшее мимо ушей. На полу лежал кошелек Лиз, и Тад перепрыгнул через него. Когда он ухватился, чтобы не упасть, за кухонный стол, то раскололся на мелкие щепки и обсыпал линолеум древесными опилками.

— Прекрати немедленно! — закричал Тад. — Я хочу проснуться! Я ненавижу ломать вещи!

— Ты всегда был неуклюжим, старина, — сказал Старк.

— Я не должен, — взволнованно ответил Тад. — Я не должен быть неуклюжим. Я не должен ломать вещи. Когда я осторожен, все в полном порядке.

— Да... очень плохо, что ты перестал быть столь осторожным, — сказал Старк, с той самой наполнявшей его голос гнусной улыбочкой. И они оказались в заднем чулане.

Там была Лиз, сидевшая поджав ноги в углу у двери, ведущей в сарай для дров. Один чулок был надет, другой спущен с ноги. Она носила нейлоновые чулки, и Тад мог видеть спустившуюся петлю на одном из них. Ее голова была опущена, ее медово-светлые волосы закрывали лицо. Он не хотел смотреть на ее лицо. Как ему не хотелось видеть ни лезвие, ни усмешку Старка, поскольку он и так знал, что они присутствуют здесь, так ему совсем не нужно было видеть лицо Лиз, чтобы убедиться, что она не спит и не в обмороке, а просто мертва.

— Включи свет, и тебе будет лучше видно, — посоветовал Старк все тем же улыбающимся голосом человека, просто-проводящего-время-со-своим-лучшим-приятелем. Он положил руку Таду на плечо, указывая на лампы, которые сам Тад устанавливал здесь. Они были электрические и выглядели одинаково: два фонаря «молнии», закрепленные на деревянном шпинделе и управляемые реостатом на стене.

— Я не хочу видеть!

Он пытался сказать это твердым и уверенным тоном, но все происходило помимо его воли. Он смог услышать какую-то запишку в своем ответе, что показывало его скрытую готовность разрыдаться. А то, что он сказал, видимо, не имело никакого значения, поскольку он приблизился к реостату на стене. Когда он щелкнул переключателем, из-под его пальцев брызнули голубые, не причинявшие боли искры от электродуги. Ручка реостата потемнела, сорвалась со стены

и пролетела по комнате подобно миниатюрной комете. Она разбила небольшое окно и скрылась в полумраке начинающегося дня.

Электрические фонари светились неестественно ярко, а шпindel начал поворачиваться и закручиваться спиралью, посылая движущиеся по комнате тени, которые кружились в каком-то лунатическом танце. Сперва у одной, а затем и у другой лампы лопнул стеклянный колпак, осыпав Тада осколками.

Почти ни о чем не думая, он наклонился и обхватил тело своей жены, желая вытащить его до того, как на нее обрушится тяжелый деревянный шпindel. Этот импульс был столь силен, что заглушил все прочие, включая и осознание того, что в сущности данный поступок не имеет смысла, она мертва. Старк мог обрушить на нее небоскреб «Эмпайр Стейт Билдинг», и даже это ей уже никак не могло бы повредить. Ей уже ничто более не могло повредить, в любом случае.

Когда он просунул свои руки под нее и соединил ладони на ее лопатках, тело Лиз подалось вперед, а голова запрокинулась. Кожа на лице потрескалась, как поверхность китайской вазы эпохи Мин. Ее глаза внезапно раскрылись. Ядовитая зеленая жижа, еще тепловатая, хлынула на его лицо. Ее рост открылся, и зубы блеснули. Он ощутил их прикус на своих щеках. Ее язык вывалился изо рта и свесился на воротник ее сорочки, как кровавая змея.

Тад начал истерически хохотать — слава богу, во сне, а не наяву, поскольку тогда бы он напугал Лиз на всю жизнь.

— Я не сделаю тебе куриного обрезания, — мягко сказал Джордж Старк. Его голос теперь не был улыбочивым. Он был холоден как ноябрьское озеро в Кастл Роке. — Запомни это. Ты не хочешь иметь дело со мной, поскольку когда ты со мной...

3

Тад проснулся, судорожно вздрагивая. Его лицо было влажно, подушка, в которую он конвульсивно спрятал лицо, была тоже влажной. Этой влагой могли быть либо испарина, либо слезы.

«...Когда ты со мной, ты трахаешь наилучшего», — вспомнил он и договорил в подушку, затем лег на нее, прижав колени к груди и подрагивая всем телом.

— Тад? — пробормотала Лиз в своем, очень далеком от него сне. — Близнецы о'кей?

— О'кей, — успокоил он. — Я... ничего. Спи дальше.

— Да, что-то... — Она сказала еще что-то, но Тад уже не улавливал смысл ее слов. Он был занят воспоминанием о фразе Старка насчет Эндсвилла... места, где заканчиваются все железнодорожные пути.

Тад лежал на постыле. Он потерял лицо и ожидал исчезновения всех кошмарных ощущений. И они отступали, но удивительно медленно. По крайней мере, ему удалось не разбудить Лиз.

Он бездумно уставился в темноту, не пытаясь уловить смысл сна, только желая избавиться от него. Через некоторое время в соседней комнате проснулась Уэнди и начала плакать, требуя перемены белья. Уильям, конечно, проснулся через несколько секунд и решил, что и ему необходима та же процедура (хотя, когда Тад снял с него пеленки, они были абсолютно сухими).

Лиз тотчас пробудилась и еще сонная двинулась в детскую. Тад сопровождал ее, почти радостный от осознания необходимости возни с детьми посреди ночи. Посреди этой ночи, во всяком случае. Он перепеленал Уильяма, пока Лиз проделывала то же самое с Уэнди. Никто из них не говорил много, и когда они возвращались в спальню, Тад был рад почувствовать, что теперь он действительно хочет спать. До этого он боялся, что образ разрушающегося у него на глазах тела Лиз никогда более не даст ему возможности спокойно спать по ночам.

Все уйдет утром, так всегда бывает с кошмарными сновидениями.

Это было его последней мыслью перед погружением в сон. Но когда он встал на следующее утро, он помнил сон во всех подробностях (хотя одинокое и печальное эхо от его шагов в мрачном коридоре было тем единственным впечатлением, которое полностью сохранило в душе Тада эмоциональный заряд). Это воспоминание о кошмаре не могло быть стертым последующими днями.

Оно было не менее ясным и четким, чем самые реальные события, отложившиеся в памяти Тада. Ключ, который оказался ключом от машинки, бесформенная пальма, сухой и почти безучастный голос Джорджа Старка, вещавший из-за плеча, что он не будет трогать Тада, а также по поводу траханья с наилучшими.

Глава 3 КЛАДБИЩЕНСКИЕ УБЛЮДКИ

1

Главу команды садовников Кастл Рока из трех человек звали Стивен Холт, хотя, конечно, каждый в городке называл его просто копателем. Таково обычное прозвище тысяч садовников в тысячах небольших городков и поселков Новой Англии. Как и у большинства коллег, у Холта было немало работы, учитывая размер его бригады. Город владел двумя лужайками для малышей-дошкольников, одна находилась около железнодорожной эстакады между Кастл Роком и Харлоу, другая — в Кастл Вью. Обе они требовали постоянного ухода, поскольку весной нужно было вскопать почву для засева, летом подрезать посадки, а осенью удалить все осыпавшиеся листья (не говоря уже о деревьях, которые нужно было удабривать и подрезать, а также о столиках и скамейках). Кроме того, в городе было два парка в Кастл Стрим и Кастл Фоллис, в которых всегда было полно народу, особенно ребятишек, а потому всегда была работа для садовников.

Одного этого перечня вполне достаточно, чтобы убедить нас в том, что старина Стив Холт не мог скучать в своей повседневной суете до самого смертного часа. Но Кастл Рок имел еще и три кладбища, за которые также отвечала бригада садовников. Уход за зелеными насаждениями был здесь самой легкой и простой обязанностью. Были еще и операции по уборке и обкладыванию могил дерном. Существовал патруль дозора. После праздников всегда оставалось множество увядших цветов и сломанных флажков — День Поминовения здесь был вне конкуренции по горам мусора, но Праздник независимости (4 июля), День Матери и День Отца также доставляли немало хлопот. А существовали еще и бесстыдные надписи на памятниках и могильных плитах, которые оставляли ничего не уважающие дети и которые нужно было немедленно счистить.

Город всем этим не занимался, конечно. Это было делом тех парней, которых называли копателями, к примеру, Стивена Холта. Правда, этим христианским именем его называла только мама, а для всех сограждан он был Копатель Холт с тех пор, как принялся за свою работу в 1964 году, и таковым останется до самой смерти, даже если и займется другой работой, что, конечно, маловероятно в его возрасте — 61 год.

В семь утра, в среду, которая пришлась на первое июня, прекрасным летним деньком Копатель подогнал свой автомобиль к кладбищу Хоумленд и вышел из машины открыть ворота. На них висел замок, но им пользовались дважды в год — на выпускной вечер в школе и в День всех святых (1 ноября). Открыв ворота, он медленно поехал по центральной аллее.

Это утро было отдано разведыванию. У него с собой была схема кладбища, на которую он наносил пометки об участках, где нужно вести работы между нынешним днем и Днем Отца. Закончив с осмотром Хоумленда, он должен направиться на другое кладбище — Грейс через весь город, а уже оттуда на кладбище Стэкпоул, которое находится на пересечении дороги Стэкпоул с городской дорогой № 3. С этого утра он и его ребята начнут действовать там, где это потребуется. Будет не слишком тяжело; самая трудная работа проделана в конце апреля, когда пришлось вести весеннюю уборку.

Те две недели он, Дейв Филипс и Дек Брэдфорд, который возглавлял городской отдел общественных работ, трудились по 10 часов в день, как и каждую весну, прочищая засоренные дренажные трубы, восстанавливая смытое весенними ручьями дерновое покрытие, выпрямляя наклонившиеся от паводка памятники и плиты. Весной всегда были тысячи дел, крупных и малых, и Копатель приходил домой едва не закрыв глаза, еле успевая приготовить себе небольшой ужин и перехватить стаканчик пива перед тем, как рухнуть в кровать. Весенняя уборка всегда кончалась в один день: в тот самый, когда он чувствовал, что боли в пояснице способны свести его с ума.

Июльская страда была совсем не так изнурительна, но весьма важна. В конце июня в город начинали прибывать отпускники, а вместе с ними приезжали и старожилы (с детьми), которые в свое время покинули Кастрл Рок, поменяв местожительство на более теплые или денежные края в Штатах, но по-прежнему владели недвижимостью в этом городке. Это были люди, которых Копатель считал настоящими двуногими осликами, способные поднять шум по поводу поломки лопасти водяного колеса на старой лесопилке. Или если бы могильный камень дядюшки Реджинальда слегка опрокинулся под воздействием времени.

«Ничего, зима тоже придет», — подумал он. Это было время отдыха от всех прочих сезонов года, включая и нынешний, когда зима казалась столь же далекой, как мечта.

Хоумленд был самым большим и красивым из всех городских кладбищ. Его центральная аллея была почти столь же прямой и широкой, как обычное шоссе, а ее пересекали четыре более узкие дорожки, чуточку шире, чем те полоски свежескошенного газона, которые захватывает косилка у колесного трактора. Копатель проехал всю центральную аллею, затем первую и вторую поперечную дорожку, повернул на третью... и нажал на тормоза.

— Ох, моча в дерьме! — воскликнул он, выключая мотор и вылезая из грузовика. Он пошел вниз по дорожке по направлению к вырытой яме в траве справа от пересечения дорожки с аллеей. Бурые комки земли и куча грязи лежали вокруг ямы, как шрапнель после взрыва гранаты. — Сукины дети!

Он стоял около ямы, его большие загорелые руки были в недоумении опущены. В мыслях царил кавардак. Не раз и не два ему и его товарищам приходилось засыпать ямы на кладбище, вырытые за ночь ватагой пьяных или идиотски веселящихся юнцов. Это были обычно молокососы, опьяневшие часто не столько от спиртного, сколько от лунного света и собственной смелости. Насколько знал Копатель Холт, никому из хулиганов не приходилось действительно выкапывать гроб или, прости Господи, покойника. Как бы пьяны или наглы не были эти молодчики, они обычно ограничивались ямой глубиной два или три фута, после чего уставали или им наскучивала эта игра. И хотя такая игра на городских кладбищах вряд ли говорила о хорошем воспитании и вкусе (поскольку ею должны заниматься только профессионалы типа Копателя, за что им и платят клиенты), она все же была не столь уж необычной. Как правило.

Но здесь, однако, ничего обычного не наблюдалось.

Яма не имела четких очертаний, это была просто воронка. Она, несомненно, не выглядела как могила вытянутой прямоугольной формы с аккуратными углами. Она была намного глубже, чем могли вырыть пьяные выпускники школы, но глубина ее была не одинакова, яма суживалась к концу, и когда Копатель сообразил, что именно напоминают очертания ямы, он почувствовал холодок в спине.

Это выглядело так, словно кто-то действительно был закопан еще живым в землю, но очнулся и вырыл себе путь наверх, пользуясь только своими руками.

— Ах, чтоб их... — прошептал он. — Сволочная проделка. Сучьи дети.

Должно быть, дети. Нигде внизу не было видно гроба и никаких следов от могильного камня. Это убеждало, что никакого тела здесь никогда не погребали. Ему не надо было возвращаться к машине, где в багажнике хранилась подробная схема кладбища, для того чтобы узнать это. Шестиместный участок кладбища был собственностью семьи первого почетного гражданина города Дэнфорда «Бастера» Китона. И пока только два места были заняты могилами отца и дяди Бастера. Они находились справа от ямы и не имели никаких повреждений или перекосов могильных плит и надгробных камней.

Копатель хорошо помнил этот участок по другой причине. Именно здесь эти кретины из Нью-Йорка установили свою поддельную могильную плиту, когда готовили материал о Таде Бомонте. Бомонт с женой имели летний дом в городе, на озере. Дейв Филипс присматривал за этим кладбищенским участком, и сам Копатель помогал Дейву наводить здесь порядок прошлой осенью, еще до того, как начали опадать листья и наступила горячая пора. А этой весной Бомонт попросил его самым вежливым и любезным образом о разрешении некоему фотографу установить здесь поддельный могильный камень для того, что он называл «шок-трюком».

«Если вам что-то не по душе, только скажите слово, — сказал тогда Бомонт еще вежливее, чем он это делал обычно. — Вообще-то это не Бог вещь какая важная затея».

«Действуйте смело, — ответил Копатель. — Говорите — журнал «Пипл»?»

Тад кивнул.

«Скажите! Здесь что-то есть, правда? Кто-то из журнала «Пипл» в нашем городке! Я бы хотел заполнить этот номер!»

«Не уверен, что я тоже, — сказал Бомонт. — Большое спасибо, мистер Холт».

Копателю нравился Бомонт, хотя тот и был писателем. Сам он дошел только до восьмого класса и должен был дважды попытаться пройти этот барьер, пока ему не удалось добиться успеха — и в городке еще никто и никогда не называл его «мистер».

«Проклятые журналисты, вероятно, с удовольствием раздели бы вас на этом кладбище и сфотографировали вместе с каким-нибудь свиноподобным датским догом, не так ли?»

Бомонт разразился редким для него смехом.

«Да, это как раз то, что они *должны* любить, я думаю», — сказал он и похлопал Копателя по плечу.

Фотографом оказалась женщина из породы тех, кого Копатель называл «суками первого класса из города». Городом здесь был, конечно, Нью-Йорк. У нее была такая походка, словно верхняя и нижняя части ее тела были на шарнирах, а потому обе эти части могли поворачиваться во все стороны, куда будет угодно. Она раздобыла целый прицеп-вагон в одном из бюро по сдаче внаем автомобилей в Портленде, и этот вагон был так набит всяким фотооборудованием, что маленькая комната в нем для нее и ее помощницы казалась просто чудом. Если бы места в вагоне стало не хватать для всех этих идиотских фотоштучек, у Копателя не было ни тени сомнения, что выбор между помощницей и оборудованием был бы, конечно, сделан не в пользу первой.

Бомонты, которые приехали вслед за фотографами, на своей машине и припарковали ее рядом с вагончиком, казались несколько смущенными. Поскольку они сопровождали первоклассную суку из города явно по собственной воле и желанию, Копатель догадался, что дело здесь в предначертании свыше. Пока же он раздумывал над всем этим, полностью игнорируя нетерпеливый взгляд первоклассной суки. «Все в порядке, мистер Бомонт?» — наконец произнес он.

Бог его знает, но, надеюсь, все пройдет, как надо», — ответил Бомонт и подмигнул Копателю. Копатель тоже подмигнул в ответ правым глазом.

Как только он догадался, что Бомонты согласились участвовать в этом дурацком шоу, Копатель решил обязательно досмотреть все до конца — ему не так часто удавалось полюбоваться бесплатным

зрелищем. Женщина привезла в вагоне эту треклятую поддельную могильную плиту с имитацией старинной работы. Она куда больше походила на картонки Чарльза Адамса, чем на любую настоящую, из тех, которые Копатель совсем недавно устанавливал, и в немалом количестве. Она суетилась вокруг своей дурацкой плиты, заставляя помощницу крутить и перетаскивать плиту с места на место. Копатель предложил ей свою помощь, но эта стерва даже не сказала «спасибо», по своей обычной хамской нью-йоркской манере, а потому Копатель больше и не высовывался.

Наконец она нашла, что так долго искала, и заставила теперь помощницу метаться вокруг нее с освещением. На это ушло еще никак не меньше получаса. Все это время мистер Бомонт стоял поблизости и наблюдал за фотографом, машинально потирая иногда свой небольшой белый шрам на лбу. Его глаза привлекли внимание Копателя.

«Малый, видно, сам хочет сделать ее фото, — подумал он. — Уж, наверное, это фото будет куда лучше, чем у этой девки, да и послужит оно подольше и для большего числа людей. Бомонт опишет эту потаскуху в одной из своих книг, а она даже не подозревает об этом».

Наконец женщина была полностью готова сделать несколько фотографий. Она заставила Бомонтов не меньше дюжины раз пожимать друг другу руки над могильной плитой, поскольку день был весьма пасмурный и освещение все время менялось. Она отдавала команды визгливым голосом, окончательно сбивая с толку свою помощницу. Между этими непрекращающимися покрякиваниями на помощницу и командами Бомонтам повернуть головы то вправо, то влево, поскольку то дневной свет, то ее проклятое освещение никак не могли полностью выхватить их лица, Копатель все ожидал, что мистер Бомонт — совсем не самый терпеливый мужчина в городе, как он не раз слышал — наконец взорвется и выйдет из себя. Но мистер Бомонт — и его жена также — казались скорее смущенными, чем обозлившимися, и они все это долгое время старательно выполняли то, что приказывала им эта первоклассная сука из города, хотя денек был весьма морозный. Копатель подумал, что если бы он был на их месте, давно бы послал эту леди куда следует. Наверное, через первые пятнадцать секунд их знакомства.

И вот он здесь, как раз там, где была установлена эта дурацкая поддельная могильная плита, и где разыгрывался дешевый балаган. А если ему нужны еще какие-то доказательства, то вот на влажном дерне те самые следы высоких каблучков первоклассной суки из города, которыми она протоптала почти целую дорожку, суетясь вокруг могилы со своими фотоштуковинами. Если это ее следы, то...

Вдруг он замер, и чувство холодного ужаса снова возникло где-то в спине. Он посмотрел на следы женских сапожек на высоких

каблуках и, когда он разглядывал их получше, эти следы, его взгляд наткнулся и на другие, более свежие.

2

Гусеницы? Может быть, это от гусениц трактора?

Конечно, нет; это следы тех же кретинов, которые выкопали эту яму, немного более глубокую, чем те предыдущие, которые вырывали их предшественники. Вот и все.

Но это было не все, Копатель Холт знал, что это совсем не все. Еще до того, как он приблизился к первому комку грязи на траве, он увидел глубокий отпечаток обуви на самом краю ямы.

Чьи же это ноги, чьи? Уж не думаешь ли ты, что эти следы оставил некий бестелесный ангел, летающий поблизости с лопатой в руке наподобие святого Каспара?

В мире немало людей, которые любят и умеют лгать самим себе, но Копатель Холт был не из их числа. Голос его взволнованного разума никак не мог заставить Холта не верить своим глазам. Всю свою жизнь он сталкивался со смертью, и ее отпечатки были слишком хорошо известны ему. Он бы не пожелал такого самому Господу.

Здесь, на куче грязи около могилы, были не только отпечатки чьей-то ноги, но и округлый след размером почти с блюдце. Этот отпечаток находился слева от ноги. А с другой стороны отпечатка и несколько сзади были оставлены борозды, в которых явно просматривались следы пальцев, причем эти пальцы слегка размазали землю до того, как крепко ухватились за край могилы.

За первым отпечатком ноги он увидел второй, а затем и третий. С обуви, видимо, осыпались пыль и грязь, которые лежали кучками на траве. Если бы он не приехал так рано, пока еще трава была влажная, солнце наверняка бы высушило все эти следы, и на них никто бы не обратил внимания.

Он пожелал бы сам прийти сюда попозже, он ведь мог сперва поехать на кладбище Грейс, что он и планировал, уходя сегодня из дому.

Но он передумал, и дело было сделано.

Следы ног терялись примерно в двенадцати футах от (могильной?) ямы. Возможно, их можно было обнаружить при более внимательном и тщательном осмотре, но у него не было особого желания заниматься этим. А сейчас он решил все же заняться более явными отпечатками у самого края ямы.

Это были борозды, оставленные пальцами. Перед ними было круглое углубление, а отпечаток ноги находился несколько позади него. Что же все это означало?

Не успел Копатель задать себе этот вопрос, как в голове у него тут же промелькнул и ответ, сказанный тем таинственным шепотом,

которым сообщал всякие новости старина Гручо Маркс* в шоу «Выставите на пари вашу жизнь». Он вдруг увидел все так ясно и четко, словно сам наблюдал, как все происходило, хотя этого он вовсе не желал наблюдать. От этого зрелища бросало в дрожь.

Потому что было ясно, что здесь стоял мужчина в свежевырытой могиле.

Да, но как он там оказался?

И он ли вырыл яму или кто-то еще сделал это?

Как же получилось, что он видит теперь перекрученные корни и разбросанные растения, которые были явно целиком выдавлены снизу, а не сорваны сверху могилы?

Не нужно думать о мелочах. Не нужно вообще ни о чем думать. Так будет намного проще и лучше. Либо думать только о том человеке, который стоял в яме, глубина которой была слишком велика, чтобы из нее можно было просто выпрыгнуть. Тогда что же он делает? Он ухватывается пальцами за край могилы и *вытягивает* себя оттуда. Не Бог весть какой трюк для крепкого мужчины, а не какого-нибудь сопливого мальчишки. Копатель еще раз взглянул на отпечатки ног на земле и подумал: «*Для мальчишки это чертовски большие ноги. Не меньше двенадцатого размера**, если не еще больше*».

Руки наружу. Подтянул тело вверх. Во время этого упражнения пальцы слегка поехали по влажной земле, поэтому в ней до сих пор остались четкие бороздки. Наконец, ты вылез наружу, опираясь на одно колено. Вот откуда этот округлый отпечаток. Наконец, ты вытащил и вторую ногу, поставил ее рядом с коленом, встал во весь рост и ушел отсюда. Все так же ясно и просто, как божий день.

То есть какой-то чудак выбрался из этой могилы и отправился погулять, не так ли? Может быть, он просто проголодался и решил заскочить в забегаловку Нэн перехватить чизбургер с пивом?

«Черт меня побери, но это же не могила, а сучья яма в земле!» — громко произнес он и чуть-чуть подскочил, почти как воробей перед ним.

Да, ничего кроме этой ямы — не говорил ли он этого самому себе? Но почему же он не увидел никаких следов работы лопатой? Почему он видит только следы, уходящие из могилы, но нет ничего вокруг нее, доказывающего, что кто-то до того подошел к ней, чтобы закопать того самого парня, который потом вылез.

Ему ничего не могло прийти в голову, что же делать со всем увиденным. Копатель предположил чисто теоретически, что здесь

* Один из знаменитых американских братьев-киноактеров комедийного жанра 30-х годов (Прим. перев.).

** Соответствует 46-му размеру обуви по европейским стандартам (Прим. перев.).

могло произойти преступление, но как вы можете обвинить кого-то в грабеже могилы, в которой ничего похожего на тело не могло лежать изначально. Худшее, что могло прийти на ум, был вандализм, но неясно, каким образом и для чего он был здесь совершен. Копатель Холт был совсем не уверен, что ему хочется дальше углубляться в эту проблему.

Лучшее, что можно было сделать на его месте, это побыстрее засыпать яму, разровнять дерн, убрать грязь и забыть обо всем этом как можно скорее.

«В конце концов, здесь же никто не был похоронен на самом деле», — в третий раз напомнил он сам себе.

Тот дождливый весенний день помнился ему лишь отдельными эпизодами. Да, могильная плита была похожа на настоящую! Когда ты увидел ее в руках помощницы фотографа, она выглядела как бутафорская, это точно. Но после того, как ее установили и украсили цветами, все, и ты сам, ощутили почти полную ее реальность и подлинность, словно под ней действительно покоился кто-то.

Его руки слегка вспотели от напряжения.

«Ты просто помешаешься на этом, старина», — строго сказал Копатель самому себе и, когда воробей подскочил снова, Копатель приветствовал его весьма нелюбезными, но абсолютно земными словами. *«Убирайся чирикать к ... матери»,* — сказал он и подошел к последнему отпечатку ноги.

За ним, как он это и ожидал, он увидел другие следы, размазанные по траве. Они были на большом расстоянии друг от друга. Глядя на них, Копатель никак не мог подумать, что парень побегал, но было ясно, что неизвестный не терял времени даром. Через сорок ярдов он заметил следы присутствия этого малого по отброшенной корзинке с цветами. Хотя он не мог обнаружить дальнейшие следы, корзинка явно была в стороне от первоначального направления движения, которое он мог видеть. Человек мог легко обойти корзинку, но не пожелал этого. Вместо этого он отбросил ее и продолжил шествие.

Люди, поступающие так, не были, по мнению Копателя, теми парнями, с которыми нужно знакомиться поближе, если только у тебя нет для этого чертовски хорошего повода.

Двигаясь по диагонали через кладбище, он оказался перед небольшой стеной между кладбищем и шоссе. Парень вел себя как человек, у которого есть места и дела для дальнейших занятий.

Хотя Копатель и не был сильнее в сфере воображения, чем в повседневных делах (эти две вещи, впрочем, часто идут рука об руку), он на мгновение представил себе этого человека, буквально увидел его: здорового парня с крупными ногами, пробирающегося через тишину пригородного кладбища во мраке, двигаясь уверенно и прямо, глубоко утаптывая землю своими ножищами, отбрасывающего корзи-

ну одним пинком! Он ничего не боялся — *этот* человек. Поскольку такие вещи еще происходят, в это верят некоторые люди, *они* будут бояться *его*. Идущего большими шагами, и Бог, пощади мужчину или женщину, попавшихся на его пути.

Птица подскочила.

Копатель вздрогнул.

«Забудь это, дружище», — сказал он себе еще раз. — Загони эту проклятую штуковину поглубже, и никогда не вспоминай о ней!»

Загнать ее внутрь он сумел и постарался забыть, но позже в этот же день Дек Брэдфорд нашел Холта на Стэкхоул Роуд и рассказал ему новости о Хомере Гамаше, которого нашли сегодня утром чуть менее чем в миле вверх от кладбища Хоумленд на дороге № 35. Весь город был полон ужасных слухов об этом убийстве.

Поэтому, хотя и очень неохотно, Копатель Холт решил сходить к шерифу Пэнборну. Он не знал, имеют ли яма и следы какое-то отношение к убийству Хомера Гамаша, но подумал, что лучше всего рассказать об увиденном тем людям, которым платят деньги, чтобы они разбирались во всякой чертовщине.

Глава 4 СМЕРТЬ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

1

Кастл Рок был, по крайней мере последние годы, очень несчастливым городком.

Для доказательства этого утверждения можно было бы вспомнить, сколько раз в нем отмечались удары молний, и как часто это происходило в одном и том же месте. И вообще если перечислить все несчастья в городке за последние восемьдесят лет, можно было бы только ими заполнить выпуск национальных новостей. В эти годы местным шерифом служил Джордж Бэннерман, но Большой Джордж, как его часто именовали в знак особого уважения, не мог заниматься делом Хомера Гамаша, поскольку сам уже был на том свете. Он пережил немало скверных происшествий, в том числе и целую серию изнасилований с удушением, совершенных одним из его же подчиненных, но не смог пережить randevу с бешеной собакой на городской дороге № 3, когда он был не просто убит, а буквально разорван на клочья. Оба эти случая были чрезвычайно необычными, но ведь и сам мир — весьма странное место. И, иногда, несчастливое место.

Новый шериф (он служил здесь уже восемь лет, но Алан Пэнборн решил именоваться «новым шерифом» по меньшей мере до 2000-ного года, чтобы, как он говорил жене, объяснить избирателям все свои ошибки небольшим стажем и опытом работы в здешних местах) тогда еще не жил в Кастл Роке. До 1980 года он занимался службой дорожного движения в маленьком, но быстро растущем городке-спутнике Нью-Йорка, неподалеку от Сиракуз.

Глядя на изуродованное тело Хомера Гамаша, лежащее в канаве позади дороги № 35, он думал, что лучше бы ему не менять место службы. Было ясно, что далеко не все несчастья Кастл Рока умерли вместе с Большим Джорджем Бэннерманом.

Ох, успокойся — ты же не хочешь на самом деле очутиться где-то еще на созданной Господом нашей земле. Не говори так, или несчастье действительно обрушится на тебя и придавит твои плечи. Это ведь чертовски хорошее место и для Энни, и для мальчиков, и оно было вполне подходящим до сих пор и для тебя, не так ли? Почему же ты захотел убраться отсюда?

Ведь он уже когда-то занимался чем-то похожим на это, не так ли? За время службы шерифом ему пришлось иметь дело никак не меньше чем с сорока трупами. Люди гибли на дорогах и при пожарах, и он встречал не менее сотни случаев поножовщины и драк между супругами или детьми — и это были лишь те случаи, о которых заявляли в полицию. Но нынешнее дело было из ряда вон выходящим, особенно для городка, где за все время его службы произошло всего

четыре убийства. Всего четыре, и только одному из преступников удалось сбежать с места происшествия — Джо Родвею, после того как он размозжил голову своей жене. Имея некоторое представление об этой даме, Пэнборн был почти опечален, получив телекс из полиции в Кингстоне, штат Род-Айленд с сообщением о поимке Родвея.

Один из случаев был связан с непредумышленным убийством, а два других были простыми случаями разбирательства: в одном деле фигурировал нож, а в другом — кастет. Кастет использовала жена старого пьяницы, у которой истощилось терпение через двадцать лет его художеств. Забулдыга был забит до смерти, когда он находился в обычном пьяном сне. На несчастной убийце виднелась немалая порция синяков, еще очень крупных и свежих, оставленных ей накануне на память убитым, когда он еще мог стоять на ногах. Пэнборн не очень сожалел о чрезвычайно мягком наказании, вынесенном судьей Пендером: шесть месяцев заключения в женской колонии и последующий шестилетний испытательный срок. Судья охотно дал бы убийце медаль, которую эта женщина действительно заслужила, но это было невозможно с политической и юридической точек зрения.

Убийство в реальной жизни маленьких городков, как он знал, очень редкое явление; в этом отличие реальности от романов Агаты Кристи, в которых запросто может погибнуть целых семь человек, один за другим, в каком-нибудь отрезанном от мира загородном доме некоего полковника во время зимних заносов. В повседневной жизни, Пэнборн в этом уверен, вы почти всегда прибываете на место, где еще находится кретин, тупо вззирающий на дело рук своих и начинающий соображать, какого дьявола он это натворил, и почему все произошло так быстро и без всякого его намерения. Даже если парень удирал, он никогда не успевал уйти далеко, да и всегда находились два-три свидетеля, которые могли в точности описать все происшедшее, объяснить кто и где сделал это. Ответом на последний вопрос служило обычно указание на ближайший бар. Обычно убийство в маленьком городе было очень простой, грубой и глупой штукой.

Но у всех правил есть исключения. Молния иногда действительно бьет дважды в одно и то же место, а время от времени убийства в таких маленьких городках невозможно раскрыть немедленно...

Пэнборну оставалось только ждать.

2

Полисмен Норрис Риджуик вышел из своей патрульной машины, припарковав ее позади машины Пэнборна. Позывные из радиопередатчиков потрескивали в теплом весеннем воздухе.

— Едет ли Рэй? — спросил Пэнборн. Рэй ван Аллен был медицинским экспертом и следователем по делам о насильственной смерти графства Кастл.

— Да, — ответил Норрис.

— Как насчет жены Хомера? Кто-нибудь уже сказал ей?

Пэнборн старался не смотреть на изуродованное лицо Хомера. На нем почти ничего не было видно, кроме расплющенного носа. Если бы не протез левой руки и золотые зубы, которые ранее блестели во рту Гамаша, а ныне были вдавлены в его шею, Пэнборн сомневался, сумела ли бы даже родная мать узнать сына.

Норрис Риджуик, который обладал некоторым сходством с депутатом Бэрни Файфом из «Энди Гриффин Шоу», потоптался на месте и устался на свои ботинки, которые почему-то стали чрезвычайно интересными для него. — Это... Джон на патрулировании во Вью, а Энди Клаттербук в Обурне, в окружном суде...

Пэнборн вздохнул и выпрямился. Гамашу было — должно было быть — шестьдесят семь лет. Он жил с женой в небольшом уютном домике около старого железнодорожного депо менее чем в двух милях отсюда. Их дети выросли и разъехались. Сама миссис Гамаш позвонила в офис шерифа сегодня рано утром и сообщила, почти плача, что в семь часов проснулась и обнаружила, что в доме нет Хомера, который иногда ложился спать в одной из детских комнат из-за ее храпа. Он не приходил домой с вечера. Он ушел из дома на игру в шары в семь вечера, как обычно, и должен был вернуться к полуночи, не позднее половины первого в самом крайнем случае, но все постели пусты, а в гараже нет его автомобиля.

Шейла Бригхем, диспетчер дневной смены, переключила этот вызов на номер шерифа, и Пэнборн включился в разговор из запра-вочной станции Сонни Джеккета.

Она дала ему нужные сведения об автомобиле — пикап «Шевроле» 1971 года выпуска бело-каштанового цвета, лицензия штата Мэн номер 96529Q. Шериф передал эти сведения по рации всем своим патрульным машинам (всего трем, считая и Клата, дающего сейчас показания в окружном суде) и сообщил миссис Гамаш, что свяжется с ней, как только получит какую-либо информацию о ее муже. Он не особенно волновался. Гамаш любил пиво, особенно в клубе боулинга, но он не был полным идиотом. Если бы он сильно перебрал, он ни за что не сел бы за руль, а лег бы поспать на кушетке в доме одного из приятелей по клубу.

Правда, возник один вопрос. Если Хомер мог остаться в доме у кого-то, почему он не позвонил жене, чтобы сообщить об этом? Разве он не знал, что она будет тревожиться? Понятно, что было уже поздно и, возможно, он не хотел беспокоить ее. Это была одна возможность. Но наилучшей, подумал Пэнборн, была бы возможность, что он *все же* позвонил ей, но она уже спала в комнате с закрытой дверью и не услышала телефонного звонка. Если добавить к тому же возможность нередкого для нее громоподобного храпа, то все становилось на свои места.

Пэнборн распрощался с потерявшей не только мужа, но и себя женщиной, почти уверенный, что Гамаш появится дома не позднее одиннадцати утра и будет предан позору и кое-какому еще более суровому наказанию. Эллиен давала старику знатную острastку, когда он шкодил. Пэнборн поэтому решил при случае даже похвалить Хомера — только тихо и незаметно — за то, что у него хватило ума не ехать тридцать миль между Сауз Пэрисом и Кастл Роком, когда он был под градусом.

Примерно через час после звонка Эллиен Гамаш, ему стало ясно, что он в чем-то сильно ошибался при первоначальном анализе ситуации. Если Гамаш и ночевал у кого-то из приятелей по клубу, это было первым случаем в его жизни. Иначе бы жена не стала так беспокоиться и подождала бы куда дольше звонка от него перед тем, как самой звонить в полицию. И Хомер Гамаш был слишком стар, чтобы так круто менять свои привычки. Если бы он где-то ночевал вне дома, это *должно было* быть далеко не в первый раз, а звонок жены никак не свидетельствовал о правильности такого предположения. Даже если дома его ждала бы нерадостная встреча, он все равно бы отправился туда по наезженной колее, и он, видимо, так и собирался поступить прошлой ночью... но не смог.

«Значит, старая псуна выучила новый трюк, — подумал он. — Это возможно. А может быть, он просто набрался больше обычного. Да черт побери, он мог выпить примерно столько же, как всегда, но окосеть более обычного. Говорят, такое нередко случается».

Он попытался забыть о Хомере Гамаше хотя бы на время. В кабинете его ждал годовой отчет, и сидя в кресле, он вертел карандаш и так, и сяк, не в силах отвязаться от мысли об этом вывалившемся где-то из машины старикашке с механической рукой вместо потерянной им в местечке под названием Пуссан в необъявленной войне во Вьетнаме. Это произошло, еще когда нынешние brave ветераны вьетнамской войны какали в свои штанишки... Однако, все эти мудрые рассуждения никак не помогали ни отчету, ни поискам Гамаша.

Ладно, ему надо будет зайти в кабинку Шейлы Бригхем и попросить ее связаться с Норрисом Риджуиком, поскольку он надеялся, что только Норрис может найти что-нибудь или выяснить судьбу Гамаша. То, что сообщил Норрис, обдало Алана ледяным ужасом. Это чувство волной пронизало все тело шерифа.

Он всегда презирал людей, болтающих о телепатии и предопределении свыше в своих радиопрограммах в прямом эфире. Эти люди, ищущие каких-то знаков и сигналов, в конце концов вели себя в жизни, как слепые котята. Но если бы кто-то спросил, что он предполагал услышать о Хомере Гамаше *в тот самый момент*, Алан наверняка бы ответил: *«Когда Норрис откликнулся... да, уже тогда я знал, что старик тяжело ранен или мертв. Возможность номер два?»*

Норрис остановился у фермы Арсено на дороге № 35 примерно в миле на юг от кладбища Хоумленд. Он даже не думал о Хомере Гамаше, хотя между фермой Арсено и домом Хомера было меньше трех миль, и если бы старик прошлой ночью возвращался из Сауз Пэриса обычным маршрутом, он должен был бы проехать здесь. Норрису не очень верилось, что кто-то на ферме заметил Хомера той ночью, поскольку в этом случае сам Хомер находился бы дома через десять минут или чуть позже.

Норрис остановился тут только потому, что здесь была лучшая кухня во всей округе. А он был одним из тех редких знатоков кулинарии, которые любили готовить сами. В этот день он был обуреваем желанием заполучить сахарные рожки. Он надеялся выяснить, когда их начнут продавать у Арсено. А уже после этого он мимоходом спросил Долли Арсено, не случилось ли ей видеть машину Хомера Гамаша прошлой ночью.

— Как здорово, — сказала миссис Арсено, — что вы спрашиваете об этом, потому что я *видела*. Вчера поздно ночью. Нет... теперь я думаю, это было ранним утром уже сегодняшнего дня, потому что Джонни Карсон еще выступал по телевизору, но дело шло уже к концу передачи. Я собиралась приготовить еще одну форму мороженого и посмотреть чуточку шоу Дэвида Леттермана, а потом лечь спать. Я плохо сплю в последнее время, а тот мужчина на другой стороне дороги еще более взвизгнул мне нервы.

— Что за мужчина, миссис Арсено? — спросил Норрис, внезапно заинтересовавшись.

— Я не знаю, просто какой-то мужчина. Мне не понравился его вид. Даже как следует не рассмотрела его, а тем не менее мне он почему-то очень не понравился. Звучит странно, я понимаю, но этот дом умалишенных на Джунипер Хилл совсем не так уж далеко отсюда, и когда ты видишь на сельской дороге одинокого мужчину, это уже заставляет тебя нервничать, даже если бы он и *носил* костюм.

— А что за костюм был на нем... — начал Норрис, но его слова были бесполезны. Миссис Арсено принадлежала к той породе сельских болтушек, которые никогда не обращают внимания на реплики собеседников. Норрис Риджуик решил просто выслушать весь поток ее красноречия и затем выудить из него нужную для себя информацию. Он вынул записную книжку из кармана.

— Между прочим, — продолжала она, — этот костюм заставил меня еще *больше* волноваться. Мне не казалось *нормальным*, что человек был одет в костюм в этот час, если только вы понимаете, о чем идет речь. Может быть, вы и не понимаете, может быть, вы думаете, что я просто глупая старуха, а может я и *действительно* просто глупая старая женщина, но за минуту или две до появления

Хомера я испугалась, не собирается ли этот мужчина подойти к моему дому, и я встала, чтобы проверить запор на двери. Он все время глядел сюда, знаете, я заметила это. Я сообразила, что, может быть, он смотрит потому, что окно еще освещено, хотя уже довольно поздно. Возможно, он мог также видеть и *меня*, потому что занавески совсем прозрачные. Я не смогла разглядеть его лицо — луны почти не было видно прошлой ночью, и не верю, что доживу *когда-нибудь* до уличного освещения около дома, спасибо, что провели хотя бы кабельное телевидение, как в городе — но я смогла увидеть, как он поворачивает голову. Затем он начал *пересекать* дорогу, по крайней мере, я *думаю*, что он это делал или собирался сделать. Если вы понимаете, что я имею в виду. Я подумала, что сейчас он подойдет к моему дому, постучит в дверь и скажет, что его машина сломалась в дороге и можно ли ему позвонить от меня по телефону, и я не знала, что бы я ответила на эти слова, если бы он сделал все *так*. Может быть, я вообще бы ничего и не сказала за дверь. Я предполагаю, что я просто глупая старуха, но я начала тут же вспоминать фильм из серии «Альфред Хичкок представляет», где какой-то сумасшедший убил кого-то и разрубил на куски, а затем запрятал их в багажник своей машины, и они смогли его поймать только потому, что задний фонарь был разбит или еще что-то в этом роде, но на другой стороне было...

— Миссис Арсено, могу ли я спросить...

— было то, что я не хочу называть. Это ведь был филистимлянин, или гоморрец, или еще кто-то, перешедший на другую сторону дороги, — миссис Арсено продолжала со все большим вдохновением. — Вы знаете историю о добром самаритянине. Поэтому я была в некотором затруднении насчет того, как мне действовать. Но я сказала себе...

И здесь Норрис позабыл обо всех сахарных рожках. Он даже сумел на секунду прервать миссис Арсено и сообщить ей, что тот человек, которого она видела прошлой ночью, может быть «находящейся ныне в розыске» личностью. Он вернул ее к началу рассказа и попросил описать ему все увиденное без участия Альфреда Хичкока, а также доброго самаритянина, если только это возможно.

История, переданная им по радиции шерифу была такова: она смотрела «Ночное шоу» в одиночестве, ее муж и сыновья уже спали. Ее кресло находилось у окна, откуда была видна дорога № 35. Ставни были открыты. Около двенадцати тридцати или двенадцати сорока она выглянула в окно и увидела человека, стоявшего на противоположной стороне дороги... со стороны кладбища Хоумленд.

Пришел ли этот мужчина оттуда или с другой стороны?

Миссис Арсено не может здесь ничего утверждать наверняка. Она предполагает, что он мог прийти со стороны Хоумленд, что означало бы стремление незнакомца удалиться от города, но она никак не может привести каких-либо доводов в пользу этого впечатления, потому что, когда она выглянула из окна первый раз, она там ничего

не увидела, а затем выглянула через некоторое время, перед тем как встать за формой с мороженым, и он уже стоял на дороге. Просто стоял и смотрел на освещенное окно и, может быть, на нее. Она подумала, что он собирается перейти дорогу, или он начал пересекать ее (наверное, стоял там же, где и был раньше — это просто нервы у нее разыгрались, решил Алан), когда на верхушке холма появились огоньки фар. Когда человек в костюме заметил приближающийся свет, он поднял большой палец, как это делают все путешествующие бесплатно на попутных машинах.

— Это был автомобиль Хомера, и сам старикан сидел за рулем, — сказала Норрису Риджуику миссис Арсено. — Сперва я подумала, что он просто поедет дальше, не обращая внимания на этого малого, как и любой нормальный человек, встречающий незнакомца посреди ночи. Но этот дуралей затормозил, включил задние фары, подъехал назад к пассажиру и впустил его в кабину своего пикапа.

Миссис Арсено, которой было всего сорок шесть, но выглядела она лет на двадцать старше, покачала своей седой головой.

— Хомер должен был крепко набраться, чтобы допускать к себе в машину всякого бродягу, — сказала она. — Набраться или свихнуться, а я ведь знаю его почти тридцать пять лет. Он не такой простак. — Она помолчала в раздумье.

— Да... Не такой простак.

Норрис попытался получить еще какую-либо информацию от миссис Арсено по поводу костюма этого человека, но здесь ему не повезло. Он подумал, что действительно очень жаль, что уличные фонари оканчиваются на площадках кладбища Хоумленд, но у таких маленьких городков, как Кастл Рок, хватает денег лишь на это.

То, что это был костюм, она была полностью уверена. Не спортивный плащ и не мужская куртка, и он не был черным, но оставалась еще вся гамма цветов, из которых она не могла ничего точно указать. Миссис Арсено не думала, что костюм был чисто-белым, но и не продвигалась далее утверждения, что он не мог быть черным, она готова поклясться в этом.

— Я не прошу вас клясться, миссис Арсено, — сказал Норрис.

— Когда кто-то разговаривает с полисменом по делам официальным, — перебила она, втягивая руки внутрь рукавов свитера, — это почти то же самое.

Поэтому вкратце суть ее показаний была такова: она видела, как Хомер Гамаш забрал с собой попутчика примерно в четверть первого этой ночью. Ничего такого, о чем следовало бы звонить в ФБР. Было только очень странно, что Хомер подобрал пассажира в трех милях от своего дома... но так и не доехал туда.

Миссис Арсено также абсолютно права и насчет костюма. Глядеть на этого малого, столь далекого во мраке ночи, было уже достаточно странно — в четверть первого все обитатели фермы уже полностью

отключаются от дневных забот — а если добавить к тому костюму еще и галстук (какого-то темного цвета, но ради Бога, не спрашивайте *какого* именно, потому что я не могу и не хочу говорить об этом), это действительно заставит нервничать наблюдателя.

— Что я должен теперь делать? — спросил Норрис по рации, передав свой доклад шерифу.

— Стой там, где сейчас находишься, — сказал Алан. — Можешь обсудить с миссис Арсено фильмы серии «Альфред Хичкок представляет», пока я не приеду туда. Мне и самому они всегда нравились.

Но не успел он проехать и полмили, как место их встречи пришлось срочно перенести с фермы Арсено на участок на мило западнее ее. Мальчик по имени Фрэнк Гавино, возвращаясь домой с утренней рыбалки у Стриммер Брук, увидел пару ног, торчащих из высокой травы на южной стороне дороги № 35. Он побежал домой и сказал об этом матери. Она позвонила в офис шерифа. Шейла Бриггем передала сообщение Алану Пэнборну и Норрису Риджуику. Шейла соблюдала протокол и не упомянула никаких имен в открытом эфире (вместо чего всегда использовались всевозможные названия из мира животных), но Алан по ее опечаленному голосу сразу понял, что даже она догадалась, чьи это ноги.

Единственным приятным событием этого утра было то, что Норрис закончил опустошение своего желудка до прибытия Алана и остановился на северной стороне дороги, подальше от тела и любых возможно имевшихся следов вокруг него.

— Что теперь? — спросил Норрис, прерывая раздумье шерифа.

Алан тяжело вздохнул, и от этого вздоха взлетели насекомые, привлеченные тем, что осталось от Хомера. Это было проигрышным делом. — Теперь я должен идти к Эллен Гамаш и сообщить ей, что она стала вдовой с этого утра. Ты останешься здесь у тела. Постарайся не подпускать к нему мух.

— Но почему, шериф? Их здесь полным-полно. А он...

— Мертв, да, я это вижу. Я *не знаю* почему. Потому что мне кажется, что это будет правильно. Мы не сможем его оживить, но, по крайней мере, защитим от загаживания мухами то место, где раньше был его нос.

— О'кей, — сказал Норрис мрачно. — О'кей, шериф.

— Норрис, как ты думаешь, сможешь ли ты звать меня «Алан», если потренируешься? Если ты постарайся?

— Конечно, шериф, я смогу это сделать.

Алан хрюкнул и бросил последний взгляд на участок, который, когда он вернется сюда, по всей вероятности, уже будет огорожен ярко-желтыми лентами с надписью «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. НЕ ХОДИТЬ». Медицинский эксперт будет здесь. Генри Пейтон из Оксфордского управления полиции штата тоже будет здесь. Фотограф и техники из находящегося в столице штата департамента уголовных

дел министерства юстиции вряд ли успеют появиться — если только парочка из них не находится в этом районе по другому делу — но они также вскоре появятся. К часу пополудни здесь появится передвижная лаборатория полиции штата, набитая судебными экспертами и парнями, чьей работой было перемешивание гипса и снятие муляжных отливок со всех отпечатков, если только Норрис был достаточно умен или счастлив, чтобы не забить их шинами своего автомобиля (Алан склонялся здесь в пользу счастья).

И к чему же все это приведет? Да примерно к следующему. Полупьяный старикан остановился, чтобы помочь страннику (*«Полезай сюда, мальй, — Алан почти слышал эти слова, — я еще проеду всего пару миль до дома, но это все же сократит тебе время на дороге.»*), а попутчик отблагодарил водителя, забив его до смерти и забрав автомобиль.

Он догадывался, как потом человек в костюме попросил Хомера немного притормозить — чаще всего они говорят, что им нужно отлить, и, как только пикап остановился, он схватил старика, вышвырнул из машины и...

Да, но дальше все складывается очень плохо. Просто чертовски плохо.

Алан все еще смотрел на то место, где Норрис Риджуик стерег кровавое месиво, которое еще недавно было живым человеком, и терпеливо отгонял мух от того, что называлось лицом Хомера, и почувствовал, что его начинает мутить.

Он был просто стариком, сукин ты сын — стариком, стоящим у края могилы и всего с одной рукой, стариком, чья единственная радость была игра в вечернем клубе в боулинг. Так почему ты просто не вытолкнул его из пикапа и не оставил его после этого? Ночь была теплая, да даже если бы было и холоднее, он бы, наверняка, остался жив-здоров. Я готов прозакладывать свои часы, что мы найдем изрядную долю антифриза в теле Гамаша. А дорожный номер машины в любом случае уже пошел по проводам во все концы штата. Так для чего же все это? Парень, я надеюсь, что у меня будет возможность спросить тебя об этом!

Но разве дело в причине? Ясно, что не Хомер Гамаш был здесь причиной. Нет ничего, ради чего нужно было связываться с Хомером. Потому что, оглушив его, попутчик вышвырнул Гамаша из машины и оттащил его в канаву, видимо, держа беспомощное тело за подмышки. Алану не нужны были мальчишки из департамента уголовных дел, чтобы прочитать следы, оставленные каблуками ботинок Гамаша. По ходу дела преступник убедился в полной беззащитности жертвы. И уже в канаве, оторвав протез от тела, забил им старика насмерть с невероятной жестокостью.

— Посмотрим, посмотрим, — провозгласил патрульный штата Коннектикут Уоррен Хэмилтон, хотя он и был один в машине. Это было вечером 2 июня, через 35 часов после обнаружения трупа Хомера Гамаша в городке штата Мэн, названия которого Хэмилтон никогда не слышал ранее.

Он был в районе Вестпорт I-95 у закусочной «Макдональдс». У него вошло в привычку снова около стоянок для бензозаправки и закусок во время патрулирования внутри штата. Если вы подъезжаете к последнему ряду паркуемых машин ночью, потушив свои фары, вы иногда можете получить хороший улов. Лучше, чем хороший. Но иногда. Когда он чувствовал, что эта возможность вдруг появляется, он очень часто беседовал сам с собой. Эти рассуждения начинались с «посмотрим, посмотрим», затем переходили в нечто типа «давай-ка попросим этого пылесоса выйти наружу» или «спроси-ка свою маму, верит ли она в это». Патрульный Хэмилтон задавал вопрос насчет мамы в тех случаях, когда чувствовал что-то неладное.

— Что мы имеем здесь? — проворковал он на этот раз и запустил машину на медленный задний ход. — Проезжаем «Камаро». Теперь «Тойоту», которая напоминает стареющую облезлую лошадь своей обшарпанной поверхностью. А теперь... та-та-та! Старый пикап «Шевроле», который выглядит оранжевым под светом фар, это означает, что он белого или светло-серого цвета.

Он включил свою подвижную фару и направил ее на лицензионную пластину. Эти пластины, по мнению Хэмилтона, стали в последнее время выглядеть куда лучше. Один за другим, каждый штат вводил на них мелкие рисованные изображения. Это упрощало определение хозяина номера ночью, когда быстро и сильно изменяющиеся условия освещения трансформировали естественные цвета окраски в самые невообразимые оттенки. И худшим освещением для пластин с идентификационным номером были эти чертовы оранжевые лампы высокого напряжения. Он не знал, способны ли они ослепить преследуемого преступника, как это предусматривалось при их проектировании, но был абсолютно уверен, что они заставляют полицейских делать тяжелую лишнюю работу, которой он сам теперь вынужден заниматься, для проверки идентификационных пластин на украденных или просто угнанных из озорства машинах без номеров.

Маленькие картинки медленно сменяли друг друга, пока не появилась вот эта. Статуя свободы была Статуей свободы и при ярком солнечном свете, и при идиотском медно-оранжевом луче этих недонсков. Не важно, какой цвет, дама Свободы всегда означает штат Нью-Йорк.

А вот этот трахнутый отец семейства, которого он высветил на пикапе, означает штат Мэн. Теперь уже вам не надо таращить глаза для поиска следов принадлежности автомобиля этой ЗЕМЛЕ ОТПУСКНИКОВ и стараться понять, какого же цвета окраска. Вам просто надо взглянуть на трахнутого отца семейства. На самом деле на картинке был изображен рак, и Хамильтон знал это, но трахнутый отец семейства, как его не называй по-другому, все равно остается тем, кто он есть. Сам он никогда и не стал бы класть себе в рот эту гадость. Но сейчас он был просто рад встретится с кем-нибудь. Особенно, когда у него столь острое желание подержать эту лицензионную пластину в своих руках.

— Спроси-ка маму, верит ли она в это, — прошептал он, сворачивая на стоянку. Он взял свой талмуд с перечнем находящихся в розыске автомобильных номеров, включил освещение внутри машины и начал листать здоровенную книгу, водя пальцем по строчкам сверху вниз.

А вот и он. 96529Q. Штат Мэн, родина всех трахнутых отцов семейства.

Предварительный объезд пикапа вроде бы говорил о том, что в кабине никого нет. В кабине была установлена подставка для винтовки, но она пустовала. Возможно, хотя и маловероятно, что кто-то *ночует* в кузове пикапа. И тоже вполне вероятной была возможность, что этот кто-то, ночующий в кузове, держит при себе ту самую винтовку с подставки. А всего вероятнее было то, что водитель давно ушел из машины. Все равно...

Старые полицейские, смелые полицейские, но не старые смелые полицейские, — сказал сам себе Хамильтон приглушенным голосом. Он отключил мощную фару и медленно объезжал ряд автомашин. Дважды он тормозил и снова включал фару, хотя на этот раз даже и не глядел на освещаемые автомобили. Всегда есть возможность, что мистер 96529Q, выходя из ресторана, уже увидел Хамильтона, когда тот освещал украденный им автомобиль, а теперь, когда он видит, что Хамильтон продолжает объезд и время от времени проверяет другие машины, вор может успокоиться и не обращать особого внимания на патрульного.

— Если сам о себе не позаботишься, может быть, всем другим уже буде и не о ком волноваться, — воскликнул патрульный Хамильтон. Это была еще одна его присказка, но не столь частая, как насчет мамы.

Он нырнул в темный угол, откуда можно было наблюдать за пикапом. Вызвал базу, которая находилась всего в четырех милях вверх по дороге, и сообщил о находке разыскиваемого по делу об убийстве пикапа из штата Мэн. Он запросил отряд поддержки и сказал, что ждет его прибытия как можно скорее.

Хамильтон никого не замечал поблизости от пикапа и потому решил, что с его стороны не будет слишком смелым, если он

приблизится к машине со всеми предосторожностями. Он будет выглядеть смешным, если его товарищи, прибыв на место, узреют Хэмилтона все еще сидящим в далекой засаде в темноте кустов.

Он вылез из машины, подтянул ремень с кобурой, но не расстегнул ее. Он вообще за все свои дежурства всего дважды расстегивал кобуру и ни разу не палил из пушки. Не хотелось ему этого делать и сейчас. Он подходил к пикапу под таким углом, чтобы можно было видеть и сам автомобиль, особенно его кузов, и возможное появление мистера из этого чудного семейства ракообразных. Он подождал, пока мужчина и женщина, вышедшие из ресторана, подошли к своему «Форду-Седану», и начал снова двигаться лишь после их отъезда.

Держа правую руку около кобуры, Хэмилтон опустил левую на свой ремень. Эти ремни *также* стали в последние годы намного лучше и красивее, по его мнению. Он был еще мальчишкой, а затем и взрослым, страстным поклонником Бэтмана, известного также как Крестоносец с накидкой, и этот Бэтман, как он подозревал, послужил главной причиной того, что Хэмилтон стал полицейским. Из всех аксессуаров Бэтмана Хэмилтона привлекало более всего не оружие и не реактивный двигатель, а ремень славного крестоносца. Это чудное произведение одежного искусства напоминало хороший магазин подарков. Оно всегда имело в себе все на все случаи жизни, будь то канат, или пара очков для ночного видения, или несколько ампул парализующего газа. Конечно, его служебный ремень был не столь хорош, но на левой его стороне *имелось* три кармашка, в которых хранились три очень полезных вещицы. Одной из них был баллончик на батарейке, выпускаемый под фирменным названием «Лежать, собака!» Стоило вам нажать на красную кнопку, «Лежать, собака!» начинал испускать ультразвуковой свист, который превращал даже бешеных быков в клубок слипшихся спагетти. Другая штучка была баллоном Мэка (версии парализующего газа Бэтмана в исполнении полиции штата Коннектикут). Третьим сокровищем был четырехэлементный фонарик.

Хэмилтон извлек фонарик и включил его одной левой рукой. Правая по-прежнему лежала на кобуре. Старые полицейские, смелые полицейские, но не *старые* смелые полицейские.

Он пустил луч света вдоль кузова пикапа. В нем находился лишь свернутый брезент и ничего более. Кузов был столь же пуст, как и кабина.

Хэмилтон сохранял все же некоторую дистанцию до этого дурацкого пикапа со смешными картинками. Если бы его спросили «почему», он вряд ли сумел бы дать ответ, поскольку делал все не задумываясь. Теперь он наклонился и осветил фонариком *днище* пикапа, последнее из тех мест, где кто-то, могущий причинить ему вред, возможно, спрятался. Маловероятно, но все же надо до конца быть во всем уверенным. Он вовсе не хотел, чтобы шеф начинал

рабочее собрание следующим утром словами: «Дорогие друзья, сегодня мы прощаемся с патрульным Уорреном Хэмилтоном. Невероятно, но он покинул наш мир». Это было бы чертовски обидно.

Он направил луч быстро слева направо под пикап и ничего не обнаружил, кроме заржавевшего муфеля, который собирался отвалиться уже в ближайшее время — это было ясно с первого взгляда на зияющие в нем трещины.

— Я думаю, мы здесь одни, дорогой, — сказал патрульный Хэмилтон. Он осмотрел еще раз всю площадку вокруг пикапа, особенно внимательно следя за выходящими из ресторана. Он не заметил никого, кто наблюдал бы за ним самим, и решил напоследок подняться на ступеньку к дверце кабины, чтобы осветить все ее закоулки фонариком.

— Святое дерьмо, — в изумлении пробормотал Хэмилтон. — Спроси маму, верит ли она в эту дрянь.

Он был даже рад оранжевому цвету пущенного им луча света, поскольку знал, что это болото внутри кабины на самом деле почти черное, поскольку кровь похожа на чернила.

— И он управлял машиной во всем этом? Иисус Христос, всю дорогу из Мэна он *exhal* вот так? Спроси маму...

Он обшарил лучом фонарика днище в кабине. Сидение и пол были свиным хлевом. Он увидел опорожненные банки пива, пустые и полупустые пакеты с чипсами и копченой свиной, короб с гамбургерами. Это месиво, похожее на жевательную резинку, залепило весь щиток машины. Пепельница была забита окурками сигарет без фильтра.

Больше всего здесь было крови. Она виднелась везде: на руле, сиденье, обшивке двери. Ею была почти полностью залеплена эмблема «Шевроле» и зеркальце. Хэмилтон подумал, неужели мистеру 96529Q показалось, что здесь так мало крови, и ее нужно было размазывать еще на зеркале? На ящике с большими гамбургерами «Макдональдс» также виднелся сгусток крови. Хэмилтону показалось, что он видит в нем и несколько волосков.

— Что он сказал бы знакомой девушке? — пробормотал Хэмилтон. — Что он слегка порезался во время бритья?

Позади него раздался шуршащий звук. Хэмилтон вздрогнул, чувствуя, что он, несмотря на все обычные предосторожности, был слишком смел, чтобы стать старым, потому что здесь уже не было ничего обычного, нет, *сэр*. Тот парень, который вырос сзади него, добавит крови в кабине старого пикапа, и это будет *его* кровь, потому что парень, доехавший в портативной скотобойне из Мэна почти до Нью-Йорка, несомненно был психом, а эти люди могут убить патрульного столь же легко, как купить кварту молока в пакете.

Хэмилтон в третий раз в жизни выхватил револьвер из кобуры, взвел курок и почти выстрелил (а, может быть, и два, а то и три раза)

в темную пустоту. Он был взвинчен до предела. Но никого поблизости не было.

Он медленно опустил револьвер, кровь стучала в его висках.

Небольшое дуновение ветра всколыхнуло ночной воздух. Шуршащий звук опять повторился. На тротуаре он заметил ящик от рыбного филе — из этой самой закусочной Макдональдс, несомненно.

— Как умны вы, Холмс — не обращайтесь на это внимания, Ватсон, это столь элементарно — именно этот ящик полз с шуршанием при порывах ветра, а затем снова надолго останавливался.

Хэмилтон глубоко и прерывисто вздохнул и бережно опустил револьвер в кобуру. — Здесь почти свихнешься, Холмс, — сказал он совсем неуверенным голосом. — Еле удержишься от CR-14 (CR-14 означало «беглый огонь» по уставу).

Он подумал, не стоит ли ему опять застегнуть кобуру, поскольку сейчас уже было абсолютно ясно, что стрелять не в кого, кроме пустого ящика от рыбного филе, но все же решил не застегивать ее до появления группы поддержки. Намного лучше чувствовать рукоять револьвера в своей руке. Удобнее и спокойнее. Потому что его напугала не кровь и не тот факт, что разыскиваемый полицейскими Мэна по делу об убийстве мужчины проехал 400 миль в этом месиве. Вокруг пикапа стояло какое-то зловоние. Этот запах иногда встречается на сельских дорогах, если автомобиль переедет зазевавшегося скунса. Он не знал, обратят ли прибывшие сюда следователи на это внимание, или это чувствует только он сам, не это его волновало. Это не было запахом крови, или загнивших продуктов, или похоронного бюро. Это, подумал он, просто запах *беды*. Чего-то очень и очень плохого. Достаточно плохого, чтобы он раздумал застегивать кобуру, хотя был почти уверен, что носитель этого запаха отсюда давно удалился, наверное, много часов тому назад — не было слышно никаких потрескиваний или вздохов мотора, что было бы неизбежно, оставаясь он еще теплым. Не в этом дело. Он твердо знал: некоторое время пикап был логовом какого-то ужасного существа, и он ни за что на свете не встретится с этим существом, не будучи готовым к бою. И пусть мама скажет, что он не прав.

Он стоял с пушкой в руке, его волосы на затылке встали дыбом и прошла, казалось, целая вечность, пока наконец он не увидел своих парней из группы поддержки.

Глава 6 СМЕРТЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Доди Эберхарт была разъярена, а когда она бывала такой, в столице Штатов появлялась столь стервозная баба, с которой бы вы ни за что не захотели иметь дело. Она карабкалась по лестнице своего многоквартирного дома на Эл-стрит с флегматичностью (и почти с той же грацией) носорога, пересекающего открытую зеленую лужайку. Ее голубое платье скрипело и почти разрывалось на груди, которую из-за ее необъятности было бы слишком скромно назвать крупногабаритной. Руки, больше смахивающие на окорока, размахивали вперед и назад, как мятники.

Много лет тому назад эта женщина была одной из самых дорогостоящих девушек по вызову. В те дни ее рост — шесть футов и три дюйма — как и ее пышавший здоровьем облик делал ее более привлекательной для мужчин, чем куда более красивых ее товарок. Она сама открыла, что ночь с ней являлась своего рода спортивным трофеем для многих вашингтонских джентльменов, и если бы кто-нибудь внимательно изучил фотографии участников всяческих вечеров и приемов в столице США во времена второго президентского срока Линдона Джонсона и первого срока пребывания на этом посту президента Ричарда Никсона, он наверняка бы обнаружил на многих из этих снимков Доди Эберхарт. Как правило, рядом с ней красовался один из тех мужчин, чьи имена часто появлялись в политических статьях или экономических обзорах самых авторитетных изданий. Один ее рост делал трудной, если не невозможной, всякую попытку не обратить на нее внимания.

Доди была потаскухой с сердцем скряги и с душой таракана. Два самых постоянных ее клиента, один — сенатор-демократ, другой — конгрессмен-республиканец, с немалым чувством отцовства обеспечили ее достаточными деньгами, чтобы она могла с чистой совестью уйти в отставку от занятий своей древнейшей профессией. Они связались с этой благотворительностью не совсем, если быть точным, по своей воли. Доди была уверена, что риск подцепить что-нибудь не обязательно уменьшится (высокопоставленные правительственные чиновники и законодатели столь же подвержены СПИДу и может быть чуть меньше — венерическим заболеваниям, как и рядовые клиенты). Возраст у нее еще был самый что ни на есть цветущий. И она не очень-то верила этим джентльменам, что они оставят ей что-нибудь по завещаниям, как они оба не раз ей обещали. Извините, сказала она им, я уже не верю в Санта-Клауса или еще во что-то в этом роде. Маленькой Доди нужны наличные сейчас, а не потом.

Маленькая Доди приобрела три многоквартирных дома. Годы шли. Те 177 фунтов, которые заставляли здоровых мужиков ползать перед ней на коленях, когда она красовалась перед ними в костюме Евы,

теперь превратились в 280. Вложения в недвижимость которые давали хорошую прибыль в середине 70-х годов, стали быстро таять в 80-х. Она слишком поздно сообразила, что плохо разбирается в биржевых делах, и ей надо было бы пораньше вспомнить о тех двух превосходных брокерах, с которыми она провела немало времени совсем незадолго до выхода из игры.

Один ее дом был продан в 1984, второй — в 1986 году, под надзором бесстрастного представителя налогового управления. Она держалась за третий дом на Эл-стрит столь же упрямо, как проигрывающий все в рулетку игрок за последнюю свою фишку. Она надеялась, что где-то совсем рядом стоит удача, еще немного — и что-то Случится. Но ничего такого не Случилось до сего времени, и она не думала уже, что может Случиться на следующий год или в два последующих года... Если бы это произошло, она упаковала бы чемоданы и отправилась в Аруба. А пока она должна просто держаться изо всех сил.

Что она всегда делала и что собиралась делать и дальше.

И спаси Бог того, кто попадетс ей на дороге.

Например, такой как Фредерик Клоусон, этот «мистер Большой кадр».

Она долезла до площадки второго этажа. Из квартиры Шульмана неслись завывания «Ганз-н-Роузес». «Заглуши свой... ПЛЕЕР!» — завизжала она на самых верхних нотах... а когда Доди Эберхарт подымала крик до максимального децибельного уровня, начинали трескаться стекла, глохли малые дети и собаки падали замертво.

Музыка сразу перешла с воплей на шепот. Доди могла представить себе чету Шульманов, замерших друг против друга, как перепуганная пара котят во время грозового шквала, и надеющихся от всей души, что это не их собираетс инспектировать самая страшная ведьма Эл-Стрит. Они боялись ее. Это было не столь уж неразумно. Шульман был юрисконсультom весьма солидной фирмы, но ему не хватало еще двух заработанных язв, чтобы стать достаточно независимым и иметь право утихомирить Доди. Если бы они повстречались на более позднем этапе его жизни снова, ей бы выпало на долю выносить за ним помои, он знал это — и это его утешало.

Доди повернула за угол и начала взбираться на третий этаж, где обитал Фредерик «Мистер Большой кадр» Клоусон в своем изысканном великолепии. Она шла все той же равномерной походкой носорога, пересекающего вельд, с задранной вверх головой, и лестница подрагивала от мощи и значительности всего здесь происходящего.

Она искала глазами нечто впереди себя.

Клоусон не находился даже на том жалком лестничном уровне юрисконсульта. Он вообще сейчас не имел какого-нибудь уровня. Как и все студенты, изучающие юриспруденцию, которых Доди встречала когда-либо (в основном, как арендаторов комнат или квартир, поскольку она никогда не имела желаниа сходитьс с ними даже, как

она говорила, в той ее «другой жизни»), он отличался горячими желаниями и жалкими доходами. Доди почти никогда не смешивала эти два компонента. Если у тебя нет денег, то и нечего переть по этой жизни подобно тупому быку, увидевшему где-то вдали смазливую телку. Если ты не покончишь с таким поведением, то вполне возможно, тебя повесят за задницу за то, что ты не платишь в срок.

Конечно, фигурально выражаясь.

До сих пор Фредерику Клоусону как-то удавалось увертываться от ее нападков и упреков. Он уже задолжал за четыре месяца, и она терпела это потому, что он сумел ее убедить, что в его случае даже старое священное писание свидетельствует об истине его утверждений (или может засвидетельствовать): он *действительно* должен получить деньги, переведенные на его счет.

Ему бы не удалось наобещать ей что-либо, если бы он перепутал Сиднея Шелдона с Робертом Ладлэмом или Викторию Холт с Розмари Роджерс, поскольку она бы тогда не дала этому человеку ломаного гроша. Но она увлекалась криминальными романами, и чем они были ближе к документальным, тем больше она их ценила. Она предполагала, что в мире немало людей, которые побегут за книгой, только если в воскресном выпуске «Пост» ее авторы будут перечислены в списках бестселлеров по разряду романтических саг или шпионских романов. Что же касается ее, то она прочитала почти всего Элмора Леонарда задолго до тех лет, когда он стал возглавлять книжные хиты, а также отлично знала книги таких парней, как Джим Томпсон, Дэвид Гудис, Хорас Маэкой, Чарльз Уиллефорд, да и других. Если говорить коротко, то Доди Эберхарт особо любила романы, где мужчины грабили банки, стреляли друг в друга и демонстрировали любовь к женщинам, главным образом, вышибая из них дерьмо.

Джордж Старк, по ее мнению, был — или должен был быть — самым лучшим из всех писателей. Ей чрезвычайно нравились все его вещи от «Пути Мэшина» и «Оксфордских голубых» до «Дороги на Вавилон», которая была последним из его шедевров.

«Большой кадр» был окружен записями и романами Старка во время ее первого визита к нему по поводу задолженной арендной платы (тогда просрочка составляла всего три дня, но если им дать хотя бы дюйм, они возьмут и целую милю), и после проявленного ею законного беспокойства о своих доходах и его обещаниях выдать ей чек завтра пополудни, она поинтересовалась, являются ли все эти издания романов Старка необходимыми для его карьеры в юриспруденции.

«Нет, — отвечал Клоусон с лучезарной и хищной улыбкой, — но они могут как раз *финансировать* одну такую карьеру».

Именно улыбка более всего прочего сразила тогда ее. Это заставило Доди несколько поменять линию своего поведения в его случае, тогда как со всеми прочими должниками она оставалась столь же грубой и жесткой, какой все привыкли ее видеть. Эту улыбку она много раз

видала раньше в своем зеркале. Она тогда верила, что такая улыбка не может быть притворной, и верила в это и поныне. Клоусон действительно *имел* виды на Тадеуша Бомонта; его ошибка заключалась лишь в слишком большой вере в то, что Бомонт будет всегда шагать бок о бок с мистером «Большой кадр» типа Фредерика Клоусона. А это было и ее ошибкой.

Она прочла одну вещь Бомонта «Мгла бездны», пользуясь объяснениями Клоусона о том, что он открыл в этом романе, и решила, что это исключительно глупая книга. Несмотря на все письма и фотокопии, которые мистер «Большой кадр» показал ей, она считала очень трудной или почти невозможной для себя мысль о том, что двумя этими писателями был один и тот же человек. За исключением... когда она одолела три четверти писанины Бомонта и собиралась уже забросить эту дерьмовую книжонку в угол, чтобы забыть о ней навсегда, ей вдруг попала на глаза сцена, где фермер пристреливает лошадь. Лошадь сломала две ноги и, конечно, ее следовало пристрелить. Но вся штука была в том, что фермер Джон *наслаждался* этим. Он ведь спустил курок, лишь насладившись мучениями несчастной лошади.

Это выглядело так, словно Бомонт вышел на кухню за чашечкой кофе, дойдя до этого места... а Джордж Старк вошел и написал эту сцену, ожив, как сказочный Щелкунчик. Конечно, это единственный золотник в этой куче навоза.

Ну, да ладно, теперь все это не играет никакой роли. Это лишь *дбказывает*, что никто не может всегда устоять перед мужским напором. «Большой кадр» сумел подурить ей голову, но эта канитель, по крайней мере, была весьма *короткой*. И с ней давно покончено.

Доди Эберхарт достигла площадки третьего этажа, ее ладонь сжалась в некое подобие кулака, которым она собиралась воспользоваться вместо дверного молотка — времена вежливых постукиваний давно закончились. И тут она заметила, что ее дверной молоток сейчас не понадобится. Дверь была незаперта.

— Иисус оплаканный, — пробормотала Доди, округлив губы. Здесь не было близости гнезда наркоманов, но если им хотелось очистить какую-нибудь из квартир, наркоманы охотнее всего пошли бы в незапертую. Парень оказался даже глупее, чем она предполагала.

Она налегла на дверь, и та легко отворилась.

— Клоусон! — проорала она тоном, обещающим гром и молнии.

Ответа не было. Взглянув в короткий коридор, она увидела опущенные занавески в гостиной и включенный верхний свет. Тихо играло радио.

— Клоусон, я хочу поговорить с тобой! Она прошла короткий коридор... и остановилась. Одна из подушек софы валялась на полу.

Это было все. Нет никаких следов, что квартиру обчистил голодный наркоман, но ее инстинкт был еще слишком силен, и весь ее гнев испарился за одну секунду. Она чуяла что-то. Это что-то было

очень слабым запахом, и оно было здесь. Чутьочку напоминает испорченную, но еще не прогнившую еду. Это был не тот в точности запах, но самый похожий из тех, что шли на ум. Приходилось ли ей ощущать его раньше? Она подумала, что да.

А кроме того, здесь пахло еще чем-то, хотя она не была уверена, что это улавливает именно ее нос, а не что-то другое в ней. Здесь она легко согласилась бы с патрульным Хэмилтоном из Коннектикута в его предположении, что это запах беды.

Она стояла, все еще глядя на скомканную подушку и слыша радио. То, что не смогли вызвать три лестничных пролета, запросто вызвала эта самая невинная подушка — ее сердце громко колотилось в груди, а дыхание сделалось трудным и прерывистым. Что-то здесь было не в порядке. И даже еще хуже. Вопросом оставалось, стоит ли ей вмешиваться в это или нет.

Здравый смысл советовал ей уйти, уйти, пока еще есть путь назад, и этот здравый смысл всегда был очень силен в ней. Любопытство толкало ее оставаться здесь и поглядеть... и оно было еще сильнее.

Она повертела головой у входа в гостиную и сперва посмотрела направо, где стоял этот дурацкий камин и находились два окна, открывавшие обзор на Эл-стрит. Там не было больше ничего. Затем она посмотрела налево, и ее голова внезапно застыла. Казалось, ее закрепили в этом положении. Глаза Доди вытаращились.

Это оцепенение длилось секунды три, не более, но показалось ей намного дольше. И она увидела все, вплоть до мельчайших деталей; ее мозг сделал собственную фотографию того, что увидели глаза, с той же ясностью и четкостью, которую затем вскоре пытался обеспечить следственный фотограф.

Она увидела две бутылки пива «Эмстел» на кофейном столике, одну пустую, другую наполовину полную с кружочком пены, еще оставшимся на ее горлышке. Она увидела поднос с надписью «ЗЕМЛЯ ЧИКАГО» на изогнутой поверхности. Она увидела два окурка сигарет без фильтра, вдавленных посередине кристально белого подноса, хотя, как она знала, «Большой кадр» и не курил — по крайней мере сигареты. Она увидела небольшую пластиковую коробку с кнопками, лежащую между бутылками и подносом. Большинство кнопок, которыми Клоусон приклеплял на доске в кухне всякие вырезки, были рассыпаны по стеклянной поверхности кофейного столика. Она также заметила, что некоторые кнопки застряли в журнале «Пипл», том самом номере, где рассказывалась история о Таде Бомонте и Джордже Старке. Она могла увидеть мистера и миссис Бомонт,жимающих на фотографии руки другу другу через могилу Старка, хотя с ее места они казались стоящими где-то ниже могилы. Эту историю, как говорил Фредерик Клоусон, не должны никогда напечатать. Поэтому он и надеялся стать сравнительно богатым человеком. Но он ошибался. Вообще, как выяснилось, он ошибался во всем.

Она могла видеть Фредерика Клоусона, сидящего в одном из двух кресел гостиной: Он был привязан. Он был раздет, и вся его одежда была заброшена комком под кофейный столик. Она увидела кровавую дыру в его паху. Во рту мистера «Большой кадр» торчал его же член. Убийца также вырезал язык Клоусона, прибив его на стену теми же самыми кнопками. Вся эта ужасная картина молниеносно отпечаталась в мозгу Доди. Кровь растекалась по обоям причудливыми волнами.

Убийца использовал еще одну кнопку с ярко зеленой шляпкой, чтобы приколоть вторую страницу статьи из журнала «Пипл» к груди бывшего «Большого кадра». Она не могла рассмотреть лицо Лиз Бомонт — оно было залито кровью Клоусона, не смогла увидеть женскую руку, высовывающую парочку гномов для демонстрации их улыбающемуся Таду. Она вспомнила, что это фото особенно раздражало Клоусона. — «Какая чушь! — воскликнул тогда он. — Она ненавидит домашнее хозяйство — я помню, как она заявляла об этом в интервью сразу после публикации первого романа Бомонта».

На стене поверх прибитого языка были написаны кровью при помощи пальца следующие слова:

ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА

— *Иисус Христос, — подумалось вдруг ей. — Ведь это же совсем как роман Джорджа Старка... то, что обычно проделывает Алексис Мэшин.*

Сзади нее послышался мягкий звук, как от легкого удара.

Доди Эберхарт вскрикнула и круто обернулась. Мэшин шел к ней со своими ужасными ножницами, обатренными кровью Фредерика Клоусона. Его лицо представляло собой лишь сетку шрамов, которыми разускрасила его Нони Гриффитс в самом конце романа «Путь Мэшина» и...

Но на самом деле здесь никого не было. Просто захлопнулась дверь, и все, а это нередко случается с дверьми.

«Что же это? — снова спросили самые потаенные закоулки ее мозга, все более громким и испуганным голосом. — Надо было остаться там, на лестнице, в стороне, не открывать эту проклятую дверь — и у тебя не было бы никаких проблем. Тебе же вполне хватило бы небольшой щели у двери, чтобы позвать его, даже без крика.»

Теперь ее глаза снова обратились на пивные бутылки, стоявшие на кофейном столике. Одна пустая. Другая полупустая, с еще не осевшим колечком пены внутри горлышка.

Убийца был за дверью, когда она вошла. Если бы она повернула к нему голову, она бы тотчас увидела его... и, конечно, уже была бы на том свете, как и Клоусон.

И пока она стояла там, потрясенная столь красочным зрелищем, убийца просто вышел из квартиры, закрыв дверь.

Ноги не выдержали этого напряжения, она рухнула на колени с грацией слонихи, и в такой позе очень напоминала девушку, прини-

мающую причастие в церкви. Ее мозг иступленно прокручивал одну и ту же мысль, подобно белке, бегущей в своем колесе: *Ох, я не должна кричать, он ведь вернется, ох, я не должна кричать, он ведь вернется, я не должна кричать...*

А потом она услышала его тяжелые шаги по паркету коридора. Позднее она убедилась, что эти придурочные Шульманы снова запустили свое стерео, и она попросту приняла тяжелый звук бас-гитары за шаги убийцы, но в тот момент она готова была поклясться, что это был Алексис Мэшин и он вернулся... человек столь целеустремленный и убийственный, что даже смерть не смогла бы остановить его.

Впервые в жизни Доди Эберхарт упала в обморок.

Она очнулась минуты через три, не ранее. Ноги по-прежнему не держали ее, и потому она поползла по коридору к выходу, а волосы закрывали ее лицо. Она подумала, стоит ли открывать дверь на лестничную площадку, чтобы выглянуть туда, но не решилась сделать это. Вместо этого, она закрыла замок не все обороты, вытащила щеколду и вставила дверную цепочку в металлический паз. Прodelав все это, она уселась против двери, замерев и затаившись. Она ясно сознавала, что забаррикадировалась здесь вместе с окровавленным трупом, но это было еще не так уж и плохо. Это было даже совсем не плохо, если учесть все другие альтернативы.

Мало-помалу ее силы восстанавливались, и она уже смогла твердо стоять на ногах. Она проскользнула по коридору в самый его конец и добралась до кухни, где стоял телефон. Она старалась не смотреть на гостиную, где находилось то, что осталось от мистера Большой кадр, хотя это и было ненужным занятием: она надолго запомнила до мельчайших подробностей всю эту жуткую картину. Она вызвала полицию и, когда она прибыла, никого не впустила до тех пор, пока не было просунуто под дверь служебное удостоверение одного из полисменов.

— Как зовут вашу жену? — спросила она копа, чье имя на ламинированном картоне было обозначено как Чарльз Ф. Туми-младший. Ее голос звучал визгливо и трепетно, совсем не так, как обычно. Близкие друзья (если бы они имелись у нее) ни за что не узнали бы этот голос.

— Стефани, мэ, — терпеливо ответил из-за двери допрашиваемый полисмен.

— Я могу позвонить и проверить это в вашем участке, вы это знаете! — почти истерически провизжала она.

— Я знаю это, миссис Эберхарт, — согласился голос, — но не будет ли вам чуточку спокойнее, если вы просто впустите нас, как вы полагаете?

А поскольку она еще столь же легко узнавала голос копа, как легко почуяла Запах Беды, она не колеблясь открыла дверь и позволила войти Туми с коллегой. Когда они присоединились к ней, Доди сделала то, чего с ней никогда ранее не случилось: она истерично разрыдалась.

Глава 7 ДЕЛО ПОЛИЦИИ

1

Тад сидел наверху в кабинете и писал, когда появилась полиция.

Лиз читала книгу в гостиной, а Уильям и Уэнди возились в детском манеже, каждый на выбранной им стороне. Она подошла к двери и выглянула в одно из узких декоративных окон рядом с дверью, перед тем как открыть ее. Эта привычка появилась у нее после того, что было шутливо названо «дебютом» Тада в журнале «Пипл». Слишком много визитеров — любопытствующих зевак, как из соседних мест, так и из самого этого городка и даже несколько человек совсем издалека (это были ярые поклонники Старка) требовали этой меры предосторожности, чтобы не превратить их дом в проходной двор. Тад называл это «синдромом глазения на живых крокодилов» и сказал, что синдром должен исчезнуть через неделю-другую. Лиз надеялась, что он будет прав. Она все время опасалась, как бы кто из визитеров не оказался сумасшедшим охотником на крокодилов, того самого сорта, что и убийца Джона Леннона, а потому сперва рассматривала всех посетителей через боковое окошко. Она не была уверена, что распознает *настоящего* сумасшедшего, если увидит его, но она, по крайней мере, обеспечит Таду покой в те два часа по утрам, когда он работал. После этого утреннего бдения он сам ходил открывать дверь, обычно глядя на нее, как виноватый мальчуган, и она не знала, как реагировать на этот взгляд.

Три человека на крыльце этим субботним утром не были поклонниками таланта ни Бомонта, ни Старка, она это сразу определила, да и никак не смахивали на сумасшедших... скорее это были патрульные полицейские из полиции штата. Она открыла дверь, чувствуя то невольное замешательство, которое испытывают даже ни в чем не повинные люди, когда у них без какого-либо приглашения появляется полиция. Она подумала, что если бы ее дети были постарше и могли бы играть этим утром где-то снаружи, она бы очень удивилась, узнав, что они ничего там не натворили.

— Да?

— Вы миссис Элизабет Бомонт? — спросил один из визитеров.

— Да, я. Чем могу служить?

— Ваш муж дома, миссис Бомонт? — задал вопрос второй полисмен. Оба эти человека были одеты в одинаковые серые дождевики и носили фуражки полиции штата.

— Нет, вы слышите машинку привидения Эрнеста Хемингуэя, — собиралась она ответить, но конечно же, не сделала этого. Сперва мелькнула мысль, не сделал ли кто-то из них чего-то незаконного, затем кто-то неизвестный дал ей саркастический совет на ухо сказать

полицейским, неважно какими словами: *Уходите прочь. Вас здесь не ждут. Мы ничего плохого не сделали. Идите и поищите настоящих преступников.*

— Могу ли я спросить, зачем он вам нужен?

Третьим полицейским был Алан Пэнборн. — Это дело полиции, миссис Бомонт, — заявил он. — Так можно нам поговорить с ним?

Тад Бомонт не вел постоянный дневник, но он иногда делал записи о событиях в его жизни, которые оказались самыми интересными, забавными или опасными. Он вносил эти отчеты в переплетенную амбарную книгу, и жена никогда особо не интересовалась ими. На самом деле они приводили ее в содрогание, но она никогда не говорила Таду об этом. Большинство записей были странно бесчувственны, словно какая-то часть его самого отошла в сторону и безучастно сообщала о жизни Тада, увиденной своими собственными, всегда безразличными ко всему глазами. После визита полиции утром 4 июня, он записал длинный отчет об этом событии с сильным и очень необычным волнением, явно проступавшим в тексте.

«Я понимаю «Процесс» Кафки и «1984» Оруэлла теперь немного лучше (писал Тад). Если расценивать их как политические романы и не более того, вы сделаете серьезную ошибку. Я полагал, что нет ничего страшнее депрессии, пережитой мной по окончании «Танцоров», и открытия, что мне нечего ожидать после них, — исключая выкидыш у Лиз, поскольку это — самое тяжелое событие в нашей семейной жизни, — но то, что произошло сегодня, *кажется* мне еще хуже. Я пытаюсь доказать себе, что это из-за того, что впечатления слишком свежи, но подозреваю, что здесь есть нечто, намного более опасное. Я считаю, что мрачный период моей жизни и потеря первых близнецов в конце концов были исцелены временем, оставившим только шрамы в моей душе, и эта новая рана будет также исцелена... но я не верю, что время полностью сотрет все это. Конечно, останется след, может быть короче, но и глубже, как от внезапного удара острым ножом.

Я уверен, что полиция действует согласно принимаемой присяге (если только они как и раньше приносят ее, хотя я догадываюсь, что там вряд ли что могло сильно измениться). По-прежнему меня преследует ощущение, что я в любой момент могу попасть в лапы бездушной бюрократической машины, не людей, а именно *машины*, которая методично делает свое дело, разжевав меня до мелких кусочков... поскольку именно это разжевывание людей является главным занятием машины. И все мои вопли и мольбы не помешают и не отсрочат эту машинную операцию.

Я могу сказать, что Лиз была взволнована, когда поднялась ко мне в кабинет и сообщила, что полиция хочет видеть меня по какому-то делу, но не пожелала говорить с ней по этому поводу. Она сказала,

что один из пришедших — Алан Пэнборн, местный шериф. Я мог ранее встречать его раз или два, но я узнал его лишь потому, что время от времени его физиономия появляется в программе «Вызов» здешнего кабельного телевидения.

Я был заинтересован всем случившимся и даже благодарен за перерыв в машинописи, поскольку я совсем не хотел ею заниматься всю эту неделю и делал это только по настоянию жены. Если я что и думал по поводу полиции, то только то, что визит, видимо, как-то связан либо с Фредериком Клоусоном, или со статьей в журнале «Пипл».

Я не уверен, что смогу правильно передать тон и атмосферу нашей встречи. Я не помню даже некоторых вещей, о которых шла речь, поскольку именно тон был здесь намного важнее. Они стояли у подножия лестницы в холле, трое крупных мужчин (неудивительно, что народ зовет их быками), и вода струйками стекала с них на паркет.

— Вы Тадеуш Бомонт? — один из них (это был шериф Пэнборн) задал мне вопрос, и с этого момента начались те самые эмоциональные изменения, которые я хочу описать (или хотя бы как-то обозначить). С несчастного машинописца очень быстро слетело все его оживление, сочетавшееся с любопытством и даже некоторым удовольствием от внимания к себе. Сразу же возникло некое беспокойство. Называется мое полное имя, но без слова «мистер». Подобно судье, обращающемуся к подсудимому, которому он вынес приговор.

— Да, правильно, — сказал я, — а вы шериф Пэнборн. Я это знаю, потому что у нас есть домик у озера Кастрл. — Затем я протянул ему руку, старым автоматическим жестом хорошо воспитанного американца.

Он только взглянул на нее, и на его лице появилось такое выражение, словно он только что открыл дверцу холодильника и обнаружил, что купленная им к ужину рыба вдруг протухла. — У меня нет желания пожимать вашу руку, — ответил он, — поэтому лучше уберите ее и избавьте нас обоих от ненужных затруднений. — Это было чертовски странно слышать, слишком грубы были эти слова, но не столько они обескуражили меня, сколько тон, которым они были произнесены. Этот тон вполне соответствовал бы тому, что он считал меня свихнувшимся психопатом.

И почувствовав это, я ужаснулся. Даже сейчас я с трудом могу поверить, как быстро, как *чертовски* быстро, мои чувства перешли от обычного любопытства и некоторого тщеславия к голому страху и ничему более. Я мгновенно осознал, что они не собираются разговаривать со мной о чем-то, они здесь лишь потому, что уверены в том, что я действительно что-то *сделал*, и в самую первую секунду охватившего меня ужаса — «я не собираюсь пожимать вашу руку» — я был сам уверен, что я что-то *сделал*.

— Это то, что я должен объяснить. — В ту секунду наступившей мертвой тишины после отказа Пэнборна пожать мне руку я осознал,

что в действительности я сделал уже *все...* и будет слишком бессмысленно не признавать своей вины.

3

Тад медленно опустил руку. Уголком глаза он мог заметить Лиз, сжавшую побелевшие ладони на груди, и вдруг ему захотелось разъяриться на полицейского, которого дружески пригласили в дом, а он в ответ отказался пожимать руку хозяину. Этому копу платили жалованье, хотя и в очень малой степени, из налогов, вносимых Бомонтами за владение домиком в Кастл Роке. Этот коп напугал Лиз. Этот коп напугал *его*.

— Очень хорошо, — ровным голосом произнес Тад. — Если вы не желаете здороваться за руку, то, может, будете любезны объяснить мне, почему вы оказались в моем доме.

В отличие от полисменов штата Алан Пэнборн носил не дождевик, а водонепроницаемую накидку, которая доходила ему только до пояса. Он полез в задний карман, вынул карточку и начал читать по ней. В какой-то миг Таду показалось, что он слышит фрагмент уже прочитанного им когда-то романа сюрреалистического толка.

— Как вы сказали, меня зовут Алан Пэнборн, мистер Бомонт. Я шериф графства Кастл. Я здесь, поскольку должен допросить вас в связи с уголовным преступлением. Я буду задавать вопросы в полицейской казарме штата в Орно. Вы имеете право не отвечать...

— О милостивый Боже, что здесь происходит? — спросила Лиз и остановилась на полуслове, услышав голос Тада: «Минутку, обожди, черт побери, минутку». Он собирался *прореветь* это во весь голос, но даже его мозг не смог заставить язык и легкие набрать достаточно воздуха и ярости, и все, что он смог, было очень мягким возражением *жене*, которое Пэнборн даже и не заметил.

— И вы имеете право на консультанта — защитника. Если вы сами не в состоянии нанять адвоката, он будет предоставлен в ваше распоряжение.

Он убрал карточку обратно в задний карман.

— Тад? — Лиз замерла перед ним подобно маленькому ребенку, испуганному громом. Ее глаза с ужасом смотрели на Пэнборна. До этого она иногда поглядывала и на патрульных полицейских, которые выглядели достаточно крупными, чтобы с успехом играть на месте защитников в профессиональной футбольной команде, но больше всего она следила за Пэнборном.

— Я не собираюсь ехать куда-либо с вами, — сказал Тад. Его голос дрожал, прыгая то вверх, то вниз, меняя тональность, как у подростков переходного возраста. Он все еще пытался разозлиться. — Я не думаю, что вы сможете принудить меня сделать это.

Один из патрульных прочистил глотку.

— Другим вариантом, — сказал он, — будет наше возвращение для оформления ордера на ваш арест, мистер Бомонт. Опираясь на ту информацию, которая у нас есть, это будет весьма легко сделать.

Патрульный взглянул на шерифа Пэнборна.

— Я думаю, можно сказать о том, что шериф с самого начала просил нас взять такой ордер. Он очень нас убеждал, и я думаю, что мы бы и не стали спорить об этом, если бы вы не были... чем-то вроде общественной фигуры.

Пэнборн взглянул недовольно, возможно, потому что ему не понравилось это определение, возможно, потому что полисмен доложил о нем Таду, а скорее всего, по обоим этим причинам.

Полисмен заметил этот взгляд, слегка потоптался на месте, как будто обувь начала ему тереть ногу, но тем не менее продолжал. — В ситуации типа этой я не вижу оснований скрывать что-либо от вас. — Он вопросительно взглянул на своего коллегу, и тот согласно кивнул. Пэнборн по-прежнему выглядел не очень довольным. И даже сердитым. — *Он выглядит так, — подумал Тад, — словно жаждет разобрать меня пальцами и намотать мне кишки вокруг головы.*

— Это звучит очень профессионально, — сказал Тад. Он ощутил, что к нему вернулась, по меньшей мере, часть самообладания, и его голос зазвучал на более низких нотах. Он хотел бы разозлиться, поскольку злость изгоняет страх, но выглядел сильно смущенным и недоуменным. Он чувствовал, как у него сосет под ложечкой. — Не учитывается, что я по-прежнему не имею никакого представления, в чем же *суть* этой идиотской ситуации.

— Если бы мы верили в это утверждение, нас бы здесь не было, мистер Бомонт, — сообщил Пэнборн. Выражение нескрываемого отвращения на его лице неожиданно сменилось испугом. Тад, наконец, разъярился.

— Меня не волнует, что вы думаете! — проорал Тад. — Я говорил уже вам, что знаю вас, шериф Пэнборн. Моя жена и я приобрели летний дом в Кастл Роке в 1973 году — задолго до того, как вы слышали даже о существовании такого места. Я не знаю, чем вы занимаетесь здесь, в 160 милях с лишним от вашего участка, и почему вы тараканитесь на меня с выражением гадливости, словно я птичий помет на новенькой машине, но я могу сказать вам, что не собираюсь отправляться с вами куда-либо, пока не выясню, в чем же дело. Если для ареста нужен ордер, вы достанете его. Но мне хотелось бы, чтобы вы оказались по горло в кипящем дерьме, а я был бы тем внизу, кто разводит огонь. Потому что я ничего не сделал. Это просто возмутительно. Просто... чертовски... *возмутительно!*

Теперь его голос звучал во всю мощь, и оба патрульных выглядели слегка ошарашенными. Пэнборн — нет. Он продолжал смотреть на Тада с тем же гадливым выражением.

В соседней комнате кто-то из близнецов начал плакать.

— О Боже! — простонала Лиз, — что же *это*? Объясни нам!

— Пойди пригляди за детьми, крошка, — сказал Тад, не отводя взгляда от шерифа.

— Но...

— Прошу, — сказал он, и оба ребенка уже начали плакать. — Все будет в порядке.

Она посмотрела на него прощальным взглядом, ее глаза спрашивали «*Ты обещаешь это?*» и, наконец, ушла в детскую.

— Мы хотим допросить вас в связи с убийством Хомера Гамаша, — заявил второй полисмен.

Тад бросил тяжелый взгляд на Пэнборна и повернулся к патрульному. — *Кого?*

— Хомера Гамаша, — повторил Пэнборн.

— Не собираетесь ли вы заявить, что это имя ничего не значит для вас, мистер Бомонт?

— Конечно же, нет, — ответил изумленный Тад. — Хомер отвозил наш мусор на свалку, когда мы уезжали отсюда в город. Делал мелкий ремонт на участке вокруг дома. Он потерял руку в Коре. Он получил Серебряную звезду...

— Бронзовую, — сурово сказал шериф.

— Хомер мертв? Кто убил его?

Патрульные взглянули друг на друга в большом изумлении. После печали удивление, наверное, то человеческое чувство, которое труднее всего скрывать.

Первый полисмен ответил удивительно вежливым голосом: — У нас есть все основания полагать, что это были *вы*, мистер Бомонт. Поэтому мы и здесь.

4

Тад взглянул на него в полном изумлении, а через мгновение рассмеялся. — Иисус Христос. Это сумасшествие.

— Вы хотите взять плащ, мистер Бомонт? — спросил другой полисмен. — Там здорово моросит.

— Я не собираюсь идти с вами куда-либо, — ответил Тад с отсутствующим видом, полностью игнорируя появившееся у Пэнборна выражение крайнего нетерпения на лице. Тад напряженно думал.

— Я боюсь, что вы все же были здесь так или иначе замешаны, — сказал шериф.

— Но должен быть другой, — сказал Тад и наконец вышел из себя. — Когда это случилось?

— Мистер Бомонт, — сказал Пэнборн, говоря необычайно медленным и очень заботливым голосом, как будто он говорил с четырехлетним малышом, страстно желая внушить ему что-то. — Мы здесь совсем не для того, чтобы давать *вам* информацию.

Лиз появилась в дверях с обоими детьми. Лицо ее страшно побледнело, ее лоб горел как раскаленная лампа. — Это безумие, — сказала она, глядя то на шерифа, то на патрульных, то снова на шерифа. — Безумие. Разве вы *не понимаете* этого?

— Слушайте, — заявил Тад, подойдя к Лиз и обняв ее одной рукой. — Я не убивал Хомера, шериф Пэнборн, но я понимаю теперь, почему вы так разъярены. Поднимитесь со мной в кабинет. Давайте сядем и посмотрим, не сможем ли мы все это выяснить здесь...

— Мне бы хотелось, чтобы вы взяли свой плащ, — сказал на это шериф. Он посмотрел на Лиз. — Извините меня за эту накидку, но мне пришлось промотаться сегодня все утро под этим проливным дождем. Мы наследили здесь.

Тад взглянул на старшего из полисменов.

— Вы не смогли бы немного вразумить этого человека? Объясните ему, что он избежит многих неприятностей и беспокойств, просто рассказав мне, когда был убит Хомер. — И затем добавил после некоторого раздумья: — И где. Если это было здесь, в Роке, я не представляю, что мог бы тут делать Хомер... и, да, я не выезжал из Ладлоу, кроме как в университет, за последние два с половиной месяца. — Он посмотрел на Лиз, и она кивнула.

Полисмен обдумал эти слова и затем заявил: — Позвольте нам недолго посоветоваться.

Все трое спустились вниз, причем полисмены почти вели шерифа. Они вышли за дверь на улицу. Как только дверь закрылась за ними, Лиз разразилась градом вопросов. Тад слишком хорошо знал ее, чтобы предполагать возможность проявления ее ужаса в нарастающем озлоблении, даже ярости — хотя бы на полисменов, если уж не на известие о смерти Хомера Гамаша. На самом деле, она готова была разрыдаться.

— Все идет нормально, — сказал он и поцеловал ее в щеку. После раздумья он решил поцеловать Уильяма и Уэнди, которые выглядели все более обеспокоенными.

— Я думаю, что патрульные уже поняли, что я говорю правду. Пэнборн... ну он же знал Хомера. Ты тоже. Он просто дьявольски разъярился. *К тому же, судя по его виду и тону, у него должны быть какие-то неопровержимые доказательства моего участия в этом убийстве,* — подумал Тад, но не высказал эту мысль.

Он подошел к двери прихожей и выглянул в боковое узкое окошко, как это делала Лиз. Если бы не сложившаяся ситуация, то, что он увидел, показалось бы ему очень забавным. Все трое стояли на одной ступеньке, почти защищенные от дождя навесом, но все же не целиком, и проводили там своего рода конференцию. Тад мог уловить звуки их голосов, но не смысл сказанного. Он подумал, что они напоминают членов бейсбольной команды, обсуждающих тактику игры во время решающего розыгрыша. Оба полисмена что-то внушали Пэнборну, который качал головой и горячо возражал.

Тад вернулся в прихожую.

— Что они там делают? — спросила Лиз.

— Я не знаю, — сказал Тад, — но думаю, что патрульные из полиции штата пытаются убедить шерифа рассказать мне, почему он так уверен, что именно я убил Хомера Гамаша. Или хотя бы *что-нибудь* из той информации, что он имеет по этому делу.

— Бедный Хомер, — прошептала она. — Это напоминает кошмарный сон.

Тад забрал у нее Уильяма и еще раз попросил ее не волноваться.

5

Полисмены вернулись через две минуты. Лицо Пэнборна было очень мрачно. Тад предположил, что полисмены объяснили шерифу то, что Пэнборн уже и сам знал, но никак не хотел принять во внимание: писатель не проявил в своем поведении никаких признаков совершенного преступления.

— Хорошо, — сказал шериф. «Он пытается избежать скандала, — подумал Тад, — и хорошо делает. Он играет роль не совсем последовательно, но тем не менее очень хорошо, с большим чувством, особенно если учесть, что она исполняется перед лицом подозреваемого номер один в совершенном убийстве однорукого старика». — Эти господа просили меня задать вам здесь хотя бы один вопрос, мистер Бомонт, и я сделаю это. Можете ли вы дать нам отчет, чем и где вы занимались в период с одиннадцати вечера 31 мая до четырех утра 1 июня?

Бомонты переглянулись. Тад почувствовал, что сердце его похолодело. Оно не выскочило из его груди, нет, но он почувствовал себя так, словно все канаты, поддерживающие сердце, вдруг оказались обрубленными. И сейчас его сердце готово обрушиться вниз.

— Ты помнишь? — обратился он к жене. Он подумал, что тоже хорошо помнит, но это было бы слишком большой удачей, чтобы быть правдой.

— Я уверена, что помню, — откликнулась Лиз. — Тридцать первое, говорите вы? — Она смотрела на Пэнборна со все крепнущей надеждой.

Шериф обернулся, глядя подозрительно. — Да, мэм. Но я боюсь, что вашего необдуманного слова будет достаточно...

Она не обращала уже на него внимания, ведя обратный отсчет дней на пальцах. Вдруг она вскрикнула, как школьница. — Вторник! Вторник *был* тридцать первое! — восклицала она, обращаясь к мужу. — Это *был* вторник. Слава Богу!

Пэнборн смотрел на них с еще большим изумлением и подозрением. Патрульные переглянулись, а затем посмотрели на Лиз. — Вы позволите и нам быть в курсе дела, миссис Бомонт? — спросил один из полисменов.

— У нас была вечеринка в тот вечер во вторник тридцать первого, — ответила она и подарила Пэнборну торжествующий нелюбезный взгляд. — Было *полным-полно* народу! Ведь так, Тад?

— Я уверен, что так.

— В случае типа этого хорошего алиби само по себе вызывает подозрение, — сказал шериф, но выглядел он неловко.

— Ох, вы глупый и самонадеянный человек! — взорвалась Лиз. На ее щеках теперь заиграл румянец. Страх прошел, злость нарастала. Она посмотрела на патрульных. — Если мой муж не имеет алиби по делу об этом убийстве, к которому, как вы заявляете, он причастен, вы забираете его в полицейский участок! Если же алиби есть, *этот* человек заявляет, что это, скорее всего, означает, что Тад все равно как-то сделал это! Что же, вы побаиваетесь немного честно поработать? Почему вы *здесь*?

— Теперь успокойся, Лиз, — спокойно проговорил Тад. — У них были веские основания находиться здесь. Если бы шериф Пэнборн отправился охотиться на диких гусей или гоняться за зайцами, я уверен, что он пошел бы один.

Пэнборн взглянул весьма мрачно на Тада и испустил короткий вздох.

— Расскажите нам об этой вечеринке, мистер Бомонт.

— Она была организована в честь Тома Кэрролла, — ответил Тад. — Том провел на факультете английского языка девятнадцать лет, и последние пять был у нас деканом. Он ушел в отставку 27 мая, когда заканчивается официально учебный год. Он всегда был любимцем на факультете и все мы, старые его товарищи, звали его Гонзо Том, потому что он сильно увлекался рассказами Хантера Томпсона. Поэтому мы и решили организовать эту вечеринку для него и его жены.

— В котором часу окончилась эта встреча?

Тад усмехнулся. — Ну, было немного меньше четырех утра, но скажу точно, что вечер затянулся допоздна. Когда вы собираете преподавателей с английского факультета с почти неограниченной выпивкой, вы можете не заметить, как пролетит весь уик-энд. Гости начали приезжать что-то около восьми... кто был последним, детка?

— Роули Делессеп и эта беспардонная женщина с факультета истории. Из тех, которые с ходу представляют: «Зовите меня просто Билли, как все мои знакомые», — ответила Лиз.

— Верно, — сказал Тад. Теперь он улыбался. — Великая Колдунья Востока.

Глаза Пэнборна ясно говорили «вы-лжете-и-мы-оба-это-знаем». — А в какое время ушли все эти друзья?

Тад пожал плечами. — Друзья? Роули, да. Та женщина — очевидно, совсем нет.

— В два часа, — сказала Лиз.

Тад кивнул. — Мы увидели их уходящими, когда было, по меньшей мере, два часа. После этого мы уехали из этого клуба поклонников Вильгельмины Беркс, и я думаю, что было много позже двух. Никого в это время, ночью со вторника на среду, на дороге мы не встретили к сожалению — но это так. Исключая, быть может, нескольких оленей на лужайках. — Он закрыл рот весьма резко. В своей надежде оправдаться он почти перешел на болтовню.

На мгновение воцарилась тишина. Оба полисмена теперь рассматривали пол. На лице Пэнборна появилось выражение, которое Тад не мог прочесть — он даже не верил, что встречал его раньше когда-либо. Не то чтобы чистая досада, хотя и досада была здесь одной из составных частей.

Что за бардак здесь происходит?

— Так, это очень удобно, мистер Бомонт, — наконец произнес шериф, — но и очень далеко от твердой почвы доказательств. Мы выслушали ваши слова и слова вашей жены относительно того времени, когда увидели последнюю пару, уходящую с вечеринки. Если все они были так сильно на взводе, как вы утверждаете, то они вряд ли смогут поддержать ваши утверждения. А если этот Делессеп действительно ваш друг, он может сказать... Ну кто его знает?

И все же Алан Пэнборн терял свои позиции. Тад видел это и надеялся — нет, *знал*, что патрульные тоже видят это. И все же шериф не собирался еще отступить. Тот страх, который Тад испытал в самом начале встречи, и та злость, которая пришла на смену страху, теперь сменились у него любезностью и любопытством. Он подумал, что никогда не встречал, даже на войне во Вьетнаме, столь равномерно представленные в одном и том же человеке недоумение и уверенность. Факт проведения вечеринки — а это явный факт, который слишком легко и просто проверить любому, — потряс доводы шерифа, но не убедил его. И патрульные, как он заметил, не были полностью убеждены. Единственным различием было то, что полисмены не столь горячо переживали все это дело. Они не знали Хомера Гамаша лично и поэтому никак не могли проявить особую ревность и заинтересованность. Алан Пэнборн знал и проявлял.

Я знал его тоже, — подумал Тад. — *Поэтому, может быть, я тоже в этом участвую. Помимо своей воли.*

— Послушайте, — терпеливо сказал он, не сводя глаз с шерифа и стараясь не отвечать на враждебность враждебностью, — давайте спустимся на землю, как любят говорить мои студенты. Вы спрашиваете, не можем ли мы эффективно доказать все эти наши «где-то что-то»...

— *Ваши «где-то что-то»,* мистер Бомонт, — поправил его Пэнборн.

— О'кей, мои. Пять чертовски трудных часов. Часов, когда большинство людей уже в постели. По чистой и счастливой случайности, мы — я, то есть, раз вы предпочитаете такую формулировку, могу отчитаться за три часа из этих пяти. Может быть, Роули и его одиозная

леди уехали в два, а может быть, в час тридцать или в два пятнадцать. Как бы то ни было, было уже *поздно*. Они подтвердят *это*, и вряд ли эта женщина, Билли Бернс, будет сочинять мне алиби, даже если бы Роули стал это делать из дружбы ко мне.

Лиз посмотрела на Тада со страшной беглой улыбкой, забирая у него Уильяма, который начал почему-то корчиться на руках у отца. Сперва он не понял этой улыбки, и только потом до него дошел ее смысл. Эта фраза, конечно — *сочинять мне алиби*. Эту фразу Алексис Мэшин, архизлодей из романов Джорджа Старка, произносил нередко. Это *было* странно, между тем, Тад не мог вспомнить, чтобы ранее он когда-либо использовал старкизмы в своей речи. С другой стороны, его никогда ранее не обвиняли в убийстве, а убийство было излюбленной ситуацией для Джорджа Старка.

— Даже предположив, что мы ушли в час, и все гости к этому времени уже разошлись, — продолжил Тад, — и предположив *далее*, что я вскочил в машину за минуту — нет, *секунду* — когда они все скрылись за холмом, и понесся как сумасшедший недоносок в Касгл Рок, я бы попал туда никак не ранее четырех тридцати или пяти часов утра. На запад не ведет ни одна магистраль, вы же знаете.

Один из полисменов начал: — А эта женщина Арсено утверждает, что было около четверти первого, когда она увидела...

— Нам не надо сейчас это обсуждать, — быстро перебил его шериф.

Лиз издала не очень вежливый, предостерегающий звук, и Уэнди воззрилась на мать с комическим недоумением. На другой руке Лиз Уильям прекратил свои извивающиеся упражнения и замер в восхищении от собственных пальцев на руке. Она сказала Таду: — Там было полно еще народу в час. *Полно*.

Затем она накинулась на шерифа Алана Пэнборна — *действительно* и всерьез взялась за него.

— Что здесь *не так*, шериф? Почему вы с бычьей настойчивой тупостью пытаетесь повесить все это на моего мужа? Разве вы настолько глупы? Или ленивы? Или вы настолько *плохой* человек? Вы никогда не были раньше похожи на таких людей, но нынешнее ваше поведение заставляет меня сильно удивляться. Очень и очень сильно. Может быть, вы играли в лотерею. Не так ли? И вы вытащили номер с его именем из... *шляпы*?

Алан возразил не очень уверенно и в явном смущении от ее напора — Миссис Бомонт...

— Боюсь, что у меня здесь есть преимущество, шериф, — сказал Тад. — Вы *думаете*, что я убил Хомера Гамаша.

— Мистер Бомонт, вас не обвиняют в этом...

— Нет. Но вы так думаете, ведь так?

Щеки Пэнборна покраснели, и лицо его налилось кровью, однако он не обнаруживал ни тени замешательства или неуверенности, заметил про себя Тад.

— Да, сэр, — сказал шериф. — Я так действительно думаю. Несмотря на все то, что сказали вы и ваша жена.

Этот ответ озадачил Тада. Что же, во имя Бога, могло произойти с этим человеком (который, как сказала уже Лиз, никак не был безнадежно тупым), чтобы быть столь уверенным в своем предположении? Так чертовски уверенным?

Тад ощутил холодок, бегущий по его спине... и затем случилась странная вещь. Призрачный звук заполнил его мозг — не голову, а именно мозг — на какую-то секунду. Это был тот самый звук, который почти свел его с ума около тридцати лет тому назад, и с тех пор он не слышал его. Это было пищание сотен, может быть, тысяч мелких птиц.

Он положил руку на голову, коснулся маленького шрама на лбу, и дрожь снова охватила его, на этот раз сильнее, заставляя его нервы вибрировать как проволоку. *Сочини мне алиби, Джордж*, — подумал он. — *Меня здесь затягивают все туже, поэтому сочини мне алиби.*

— Тад? — спросила Лиз. — Ты в порядке?

— Хмм? — он огляделся кругом и посмотрел на нее.

— Ты бледен.

— Все нормально, — ответил он, и сказал правду. Звук ушел. Если вообще он был здесь.

Он повернулся к Пэнборну.

— Как я уже заметил, шериф, у меня есть некоторое преимущество в этом деле. Вы думаете, это я убил Хомера. Я, однако, *знаю*, что это был не я. Кроме как в книгах, я никогда никого не убивал.

— Мистер Бомонт...

— Я понимаю ваше рвение. Он был симпатичным стариком с заботливой женой, хорошим чувством юмора и с одной только рукой. Я также потрясен этим. Я сделаю все, чтобы помочь вам, но вам пора бросить эти полицейские тайны и сказать мне, почему вы находитесь именно здесь, что же, в конце концов, привело вас ко мне, а не куда-нибудь еще. Я просто недоумеваю.

Алан смотрел на Тада очень долго и, наконец, сказал:

— Все во мне говорит, что я слышу правду.

— Слава Богу, — сказала Лиз. — Наконец-то, этот человек нам поверил.

— Если все это так, — продолжал Алан, глядя только на Тада, — я лично отыщу в A.S.R. и I. этого человека, который выкрутил это удостоверение личности из металлической пластины и содрал с него всю оболочку.

— А что такое «A.S.» и как там дальше? — спросила Лиз.

«Записи и идентификация преступлений с оружием», — пояснил один из полисменов. — В Вашингтоне.

— Я никогда не слышивал, чтобы кто-то выкручивал удостоверение личности, — продолжал Алан тем же медленным голосом.

— Они тоже говорят, что впервые с этим сталкиваются, но... если ваша вечеринка подтверждается, то я действительно оказываюсь в чертовски неловком положении.

— Не смогли бы вы сказать нам, что же все-таки случилось? — спросил Тад.

Алан вздохнул. — Мы и так далеко зашли, почему бы и нет? По правде говоря, не столь уж важно, когда точно ушли последние гости с этой вечеринки. Если вы там находились в полночь и есть свидетели, подтверждающие этот факт...

— Их будет, по крайней мере, двадцать пять, — сказала Лиз.

— ...Тогда вы вне подозрений. Соединив показания дамы с фермы, которые она уже дала нашему патрульному, и медицинское заключение экспертов, мы почти можем быть уверены, что Хомера убили между часом и тремя в ночь на первое июня. Его забили насмерть его же протезом.

— Святой Боже, — прошептала Лиз. — И вы думали, что Тад...

— Пикап Хомера был найден через двое суток на парковочной стоянке около закусочной на участке I-95 в Коннектикуте, совсем близко от границы штата Нью-Йорк.

Алан сделал паузу. — Там было полным-полно отпечатков пальцев, мистер Бомонт. Большинство относились к Хомеру, но были и отпечатки преступника. Некоторые просто отличные для идентификации личности. А один прямо-таки как слепок с пальца, поскольку этот негодяй вытащил жвачку изо рта и придавил ее к приборной доске автомобиля. Она там и присохла. Но самый лучший отпечаток был на зеркальце заднего обзора. Он смотрелся прямо как цветной оттиск в картотеке уголовного розыска. Только вместо краски здесь была кровь.

— Тогда почему же все-таки *Тад*? — Требование объясниться звучало в голосе Лиз все более настойчиво. — Была ли эта вечеринка или нет, как вы могли подумать, что *Тад*...

Шериф посмотрел на нее и сказал:

— Когда служащие A.S.R. и I. ввели эти отпечатки в их компьютеры, машины выдали информацию о вашем муже. Если быть точным, они выдали *отпечатки пальцев* вашего мужа.

Какой-то момент Тад и Лиз могли только молча смотреть друг на друга, оцепенев от неожиданности. Затем Лиз сказала:

— Это была ошибка. Несомненно, люди, работающие с этими вещами, могут совершать ошибки, время от времени.

— Да, но они редко ошибаются столь сильно. Конечно же, есть свои трудности и неточности в сфере идентификации людей по отпечаткам пальцев, согласен. Любитель детективов, выросший на чтении и просмотре фильмов типа «Барнаби Джонс» думает, что дактилоскопия — это точная наука, но это не так. Однако компьютеризация позволяет восстанавливать и сопоставлять огромные мас-

сивы информации при сопоставлении отпечатков, и в этом случае мы имели чрезвычайно четкие оттиски пальцев. Когда я говорю, что это были следы пальцев вашего мужа, я отвечаю за свои слова. Я видел оттиски с компьютера и эти отпечатки. Эта пара не просто очень схожа.

Он повернулся к Таду и пристально посмотрел на него своими голубыми холодными глазами.

— Эта пара абсолютно идентична.

Лиз застыла с открытым ртом, а сидящий на руках матери Уильям начал плакать, и вскоре к нему присоединилась Уэнди.

Глава 8 ПЭНБОРН НАНОСИТ ВИЗИТ

1

Когда дверной колокольчик зазвонил в четверть восьмого в тот же вечер, дверь снова пошла открывать Лиз. Она уже успела уложить Уильяма в постель, а Тад все еще занимался этой тяжелой работой с Уэнди. Все книги утверждают, что родительское искусство не имеет какой-то зависимости от пола родителя, но Лиз сильно сомневалась в истинности этих утверждений. Тад очень старался, делая все тщательно и ревностно, но был слишком *медлителен*. Когда он ухаживал за ней и даже в церкви во время их свадебной церемонии, Тад не производил такого впечатления, но когда пришло время ежедневного укладывания близнецов в постель...

Уильям был вымыт, переодет во все чистое, упакован в зеленый спальный мешок и восседал в кровати. Тад тем временем пытался завернуть Уэнди в пеленки (и Лиз заметила, что ему не удалось смыть все мыло с волос Уэнди, но после недолгих сомнений она решила, что день уже кончается, и она это сможет лучше сделать завтра, ничего не говоря мужу).

Лиз прошла через гостиную к наружной двери и выглянула в боковое окошко. Она увидела шерифа Пэнборна. На этот раз он был один, но это мало ее успокоило.

Она повернула его голову назад и позвала мужа: — Он вернулся! — В ее голосе ясно слышались ноты тревоги.

Последовала долгая пауза, и наконец Тад появился у двери проема из дальнего конца дома. Он был босиком, в джинсах и в белой тенниске.

— Кто? — спросил он странно тихим голосом.

— Пэнборн, — сказала она. — Тад, ты в порядке? — На руках у него сидела Уэнди, закутанная в пеленку, но ее руки были свободны, и девчужка водила ими по лицу Тада... За то короткое время, когда Лиз оглядывала мужа, она вдруг ощутила, что далеко не все у него в порядке.

— Я о'кей. Впустим его. Я сейчас одену ее. — И прежде чем Лиз ответила, он быстро вышел с ребенком на руках.

Между тем шериф Алан Пэнборн по-прежнему терпеливо стоял на ступеньках снаружи дома. Он заметил, как выглядывала Лиз из окошка и не стал больше звонить. У него был вид человека, любящего носить шляпу для того, чтобы можно было ее подержать в руках и даже иногда помять немного.

Медленно и совсем без приветственной улыбки она сняла дверную цепочку и впустила шерифа в дом.

Уэнди была возбуждена и полна веселья, что делало ее трудноуправляемой. Таду удалось, наконец, засунуть ее ноги в спальный мешок, после чего он перешел к рукам. Она старательно отбивалась и ухитрилась схватить его за нос, весьма больно и очень крепко. Он взвыл от боли вместо обычного смеха, что вызвало огромное изумление Уэнди, вытаращившейся на отца со столика для пеленания. Он взялся, наконец, за молнию, шедшую с низа левой ноги до самой горловины спального костюма, затем вдруг остановился и вытянул свои руки. Они дрожали. Это было мелкое подрагивание, но оно было.

На что ты уставился? Или ты опять ощущаешь вину?

Нет, не вину. Он почти желал бы ее чувствовать. Дело было в другом, он получил еще один удар сегодня, в день, когда этих ударов было слишком много для него.

Первый нанесла полиция со своим странным предположением и еще более странной уверенностью. Затем этот странный пронзительный свистящий звук. Он не знал, что это такое, но был уверен, что уже был знаком с этими звуками ранее.

После ужина это снова повторилось.

Он поднялся в тот вечер в кабинет проверить свои записи для новой книги «Золотая собака». И вдруг, когда он склонился над листом рукописи, чтобы внести небольшие исправления, звук заполнил его голову. Тысячи птиц, пищащие и чирикающие одновременно, и у него возникло четкое представление о тех, кто именно этим занимается.

Воробьи.

Тысячи и тысячи воробьев, облепившие крыши и телефонные провода, как это делают полевые воробьи ранней весной, в марте, пока еще лежит последний снег на земле в грязных маленьких желобках и канавках.

— *Ох, снова пришла эта проклятая головная боль, —* подумал он в отчаянии, и тот голос, которым была произнесена эта мысль, голос испуганного до смерти мальчика, был тем отпечатком, который давно хранился в памяти Тада. Ужас сдавил его горло и, казалось, медленно сжимал его виски ледяными руками.

— *Это опухоль? Она снова появилась? Вдруг она на этот раз злокачественная?*

Призрачные звуки — голоса птиц — вдруг стали затихать, почти угасли. К ним примешивались тонкие звуки взмахов крыльев. Теперь он смог увидеть их взлетающими, всех сразу. Тысячи мелких птиц, закрывающих белое весеннее небо.

— «Хотят лететь назад на север», — услышал он свои же собственные слова, произнесенные медленным, гортанным голосом, голосом, совсем ему не принадлежащим.

И вдруг, совсем неожиданно, видение и звуки этих птиц ушли из его головы. Был снова 1988, а не 1960 год, и он находился в кабинете. Он был взрослым мужчиной, с женой, двумя детьми и пишущей машинкой «Ремингтон».

Он глубоко вздохнул. Не было этой страшной головной боли. Ни тогда, ни сейчас. Он чувствовал себя превосходно. Исключая...

Исключая лишь то, что взглянув на лист рукописи снова, он заметил, что успел написать там кое-что. Оно было выведено поперек машинописного текста крупными прописными буквами.

«ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА», — написал он.

Это было написано не его ручкой «Скрипто», а одним из карандашей «Бэрл блэк бьюти», хотя он не помнил, как и когда он мог заменить им свою обычную ручку. Он ведь никогда сам не пользовался карандашами. «Бэрл» принадлежали ушедшему времени... темному времени. Он поставил карандаш обратно в кувшин, связал затем все эти карандаши вместе и убрал эту связку в выдвижной ящик стола. Руки Тада при этом не были абсолютно твердыми.

Затем Лиз позвала его помочь уложить детей в постель, и он спустился к ней. Он хотел рассказать о том, что произошло, но обнаружил, что этот ужас — ужас, навсегда отпечатавшийся в его душе с детских лет, ужас от воспоминаний об опухоли, которая на этот раз может быть злокачественной — сковывает его губы. Возможно, он чуть позднее сказал бы ей и об этом... но как раз зазвонил дверной колокольчик. Лиз пошла выяснять, в чем дело, и она сказала как раз ту опасную фразу и тем опасным тоном, которых он больше всего сейчас не хотел бы слышать.

Он вернулся! Лиз прокричала это в абсолютном недоумении и отчаянии, и ужас пронзил его насквозь, заставив похолодеть, как при резком порыве зимнего ветра. Ужас и одно только слово: *Старк*. В какой-то миг, пока он не осознал всего происходящего, он был уверен, что именно он был тот человек, которого она так испугалась. Воробьи снова летали, а Старк возвращался. Но он был мертв, мертв и публично похоронен, правда, он никогда и не существовал в действительности, дело даже не в том, реальный или нет, но он вернулся, все такой же.

— *Успокойся*, — приказал Тад самому себе. — *Ты же не неврастеник, и не надо сходить с ума из-за этой дурацкой выдумки. Услышанный тобой звук — писк птиц — простое психологическое явление, называемое «остаточной памятью». Оно вызвано стрессом и всеми этими неприятностями. Поэтому просто возьми себя в руки.*

Но какая-то часть ужаса никак не уходила из его души. Писк птиц не только вызвал воспоминания о кошмарном прошлом, но и свидетельствовал о каких-то *предвидениях*.

Предвидение: ощущение воспоминания о чем-то, что еще не произошло, но несомненно произойдет. Не предсказание, конечно, а именно перемещенная память.

Перемещенное во времени дерьмо, вот что это означает.

Он вытянул руки и внимательно посмотрел на них. Дрожание понемногу затихало, а затем совсем прекратилось. Когда он удостоверился в этом, он упаковал Уэнди в ее спальный костюм, тщательно застегнул молнию и положил девочку в постель рядом с ее братом. После этого Тад вышел в прихожую, где еще стояли Лиз с Аланом Пэнборном.

Если бы шериф на этот раз не был один, можно было бы подумать, что утренняя сцена повторяется снова.

Сейчас здесь как раз для меня законное время и место, чтобы немного поразвлекаться, — подумал Тад, но не было ничего смешного во всем происходящем. То странное ощущение было по-прежнему еще очень сильно в его душе... и звук воробьев. — Чем могу служить, шериф? — спросил он без улыбки.

Ах! Еще что-то, чего раньше не было. Пэнборн держал шестибаночную пивную упаковку в одной руке. — Мне, кажется, мы могли бы распить это, пока пиво холодное, — сказал он, — а заодно и обсудить кое-что.

3

Лиз и Алан Пэнборн пили пиво, Тад предпочитал пепси из холодильника. Пока они разговаривали, они также могли наблюдать и за близнецами в этой же комнате.

— У меня нет поводов находиться здесь по службе, — заявил шериф. — Я теперь ищу человека, подозреваемого в совершении уже не одного, а двух убийств.

— Двух, — воскликнула Лиз.

— Я разберусь в этом. Я разберусь во всем. Я надеюсь расколоть этот орешек. Кстати, я абсолютно уверен, что ваш муж имеет и второе алиби на этот случай. Полисмены штата также в этом не сомневаются. Они просто бегают по одному и тому же кругу.

— Кто убит? — спросил Тад.

— Молодой человек по имени Фредерик Клоусон, в Вашингтоне, округ Колумбия. — Он заметил, что Лиз вздрогнула в кресле и пролила немного пива на тыльную сторону ладони. — Я вижу, вам знакомо это имя, миссис Бомонт, — произнес шериф без особой иронии.

— Что происходит? — спросила она безжизненным шепотом.

— У меня нет на этот счет ни малейшего представления. Я почти схожу с ума, пытаюсь что-то понять в этом. Я здесь не для того, чтобы арестовать или как-то досадить вам, мистер Бомонт, хотя будь я проклят, если могу понять, кто еще, кроме вас, мог совершить эти преступления. Я здесь потому, что хочу от вас получить помощь.

— Почему вы не называете меня Тадом?

Алан почувствовал себя не очень уютно в кресле. — Я думаю, в нынешней ситуации мне будет более удобно называть вас «мистер Бомонт».

Тад кивнул: — Как вам больше нравится. Итак, Клоусон мертв. — Тад задумчиво помолчал некоторое время, затем обратился к шерифу. — И опять повсюду были отпечатки моих пальцев, ведь верно?

— Да, даже на самых неожиданных предметах и при непонятных обстоятельствах. Журнал «Пипл» писал о вас недавно, не так ли, мистер Бомонт?

— Две недели тому назад, — согласился Тад.

— Статья была найдена в квартире Клоусона. Одна страница, судя по всему, послужила своего рода символом этого преступного дела, которое более всего смахивает на ритуальное убийство.

— Христос, — проговорила Лиз. Голос ее был усталым и пропитан ужасом.

— Вы не хотите сказать мне, кем он был для вас? — спросил Алан.

Тад кивнул. — Нет никаких оснований что-то здесь утаивать. Вам приходилось читать эту статью, шериф?

— Жена принесла журнал из супермаркета, — ответил Алан, — но, сказать по правде, я только посмотрел картинки. Я как раз собираюсь, когда вернусь домой, прочитать этот текст, как можно скорее.

— Вы не очень много потеряли, но Фредерик Клоусон был причиной, почему вообще эта статья появилась на свет. Видите ли...

Алан поднял руку. — Мы еще вернемся к нему, но давайте сперва поговорим о Хомере Гамаше. Мы еще раз все проверили с отпечатками в его пикапе. Они, как и те, что в квартире Клоусона, поразительно идентичны с вашими. Значит, если это проделали не вы, то мы имеем дело с двумя людьми, имеющими одни и те же отпечатки, и это должно быть внесено в книгу рекордов Гиннеса.

Он взглянул на Уильяма и Уэнди. Они, казалось, больше всего любили тарашиться друг на друга, ожидая, кто же первым мигнет глазом. — Они близнецы? — спросил шериф.

— Нет, — ответила Лиз. — Они действительно очень похожи друг на друга, но это брат и сестра. А разнополые двойняшки никогда не бывают близнецами.

Алан кивнул. — Даже двойняшки-близнецы не имеют одинаковых отпечатков пальцев, — сказал шериф. Он подождал немного, а затем самым обычным тоном задал еще один вопрос, который, как был абсолютно уверен Тад, был давно продуман: — Вам не случалось иметь брата-близнеца, мистер Бомонт?

Тад медленно покачал головой. — Нет, — сказал он. — У меня вообще нет родственников, все они умерли. Уильям и Уэнди мои единственные кровные родные. — Он улыбнулся, взглянув на детей, затем снова обратился к Пэнборну. — У Лиз был выкидыш в 1974

году. Те... те первые двое — они тоже были двойняшками, и мне трудно сказать, были бы они близнецами или нет, поскольку несчастье произошло на третьем месяце беременности. Да и кому, в сущности, до этого сейчас дело?

Алан пожал плечами, выглядя немного смущенным.

— Лиз делала покупки в «Филене». В Бостоне. Кто-то толкнул ее. Она пролетела вниз почти по всему эскалатору, поранила сильно руку, и если бы не человек из службы безопасности, который вовремя оказался на месте, все могло бы кончиться еще хуже, чем потерей двойняшек.

— Это напечатано в статье в «Пипл»? — задал вопрос Пэнборн.

Лиз улыбнулась печально и покачала головой. — Мы обусловили для себя право редактировать наши жизнеописания, когда заключали договор на публикацию этой статьи, шериф. Мы не говорили об этом Майку Дональдсону, человеку, интервьюировавшему нас, но мы, конечно, проверили и исправили все то, что хотели о нас напечатать.

— Был ли тот толчок умышленным?

— Вряд ли стоит сейчас об этом говорить, — ответила Лиз. Ее глаза остановились на детях... затем погрузнели. — Если это было случайно, то это был чертовски сильный толчок в спину. Я пролетела половину эскалатора даже ничего не касаясь и лишь затем очень сильно ударилась. Все же я всегда стараюсь убедить себя, что это было не нарочно. Так намного легче жить. Мысль, что кто-то сталкивает женщину вниз по эскалатору просто для того, чтобы посмотреть, чем все это закончится... эта мысль почти наверняка сделает ваши ночи бессонными.

Алан кивнул.

— Доктора, наблюдавшие Лиз, говорили, что, возможно, у нее никогда больше не будет детей, — произнес Тад. — Когда она забеременела, они говорили, что Лиз вряд ли сумеет выносить Уильяма и Уэнди до положенного срока. Но она все сумела. И, после перерыва, длившегося десять лет, я наконец стал работать над новой книгой под своим собственным именем. Это будет мой третий роман. Итак, вы сами понимаете, пока все складывается для нас хорошо.

— Другим именем, под которым вы печатались, было Джордж Старк?

Тад кивнул. — Но с ним покончено. Я решил прекратить это, когда Лиз была на восьмом месяце, и все шло как надо. Я решил, что раз я буду отцом, то я должен снова стать самим собой.

4

Затем в разговоре наступил довольно продолжительный перерыв. Наконец Тад сказал:

— Признайтесь, шериф Пэнборн.

Алан удивленно вскинул глаза. — Извините?

Улыбка тронула уголки рта Тада. — Я не хочу сказать, что вы продумали сценарий всех ваших действий от начала и до конца, но вы, конечно же, наметили свои узловые и главные цели и задачи. Если бы у меня был абсолютно схожий со мной брат-близнец, может быть, это он посещал ту вечеринку. Таким образом, я смог бы оказаться в Кастл Роке, убить Хомера Гамаша и отпечатать свои пальцы повсюду в его машине. Но ведь ему самому где-то надо было находиться, правильно? Мой двойник спит с моей женой и живет в моем доме, пока я еду в пикапе Хомера до стоянки в Коннектикуте, краду там другой автомобиль и отправляюсь в Нью-Йорк, спускаю эту машину в какой-нибудь овраг, а затем на поезде или самолете добираюсь до Вашингтона. Попав туда, я кончаю с Клоусоном и спешу назад в Ладлоу, меняюсь местами со своим двойником, и мы оба опять возвращаемся к нашей обычной, повседневной жизни. Или даже все мы трое, если вы предполагаете, что Лиз также была нашей соучастницей.

Лиз изумленно помолчала секунду, а затем начала хохотать. Она смеялась не так уж и долго, но от всей души. В этом смехе не было ничего деланного — это был просто смех женщины, изумленной до крайности услышанной забавной шуткой.

Алан смотрел на Тада с очевидным и большим удивлением.

— Тад, это просто ужасно, — сказала Лиз, наконец успокоившись.

— Может быть и так, — ответил он. — Если да, то прошу меня извинить.

— Это... здорово завязано, — заметил шериф.

Тад усмехнулся ему. — Вы не поклонник творчества позднего Джорджа Старка, как я вижу.

— Честно говоря, нет. Но мой помощник, Норрис Риджуик, очень любит его читать. Он должен будет разъяснить мне всякие там сюжеты этого романиста.

— Ну, Старк кормится вместе с другими пишущими в жанре мистического детективного романа. Ничего похожего на сценарии Агаты Кристи я здесь вам не предложил, но это вовсе не значит, что мой вариант в принципе невозможно осуществить, ведь так? Продолжим, шериф, не приходила ли и вам в голову та же идея? Если нет, я действительно *обязан* принести извинения своей жене.

Алан помолчал, неуверенно улыбнулся, и было видно, что он напряженно думает. Наконец он ответил: — Может быть, я *обдумывал* эти варианты. Не очень серьезно и не совсем так, как представляете это вы, но у вас нет повода извиняться перед нашей доброй хозяйкой. С сегодняшнего утра я оказался склонным рассматривать даже еще более невероятные возможности.

— В данной ситуации.

— В данной ситуации, да, именно так.

Улыбаясь самому себе, Тад заметил: — Я родился в Бергенфилде, штат Нью-Джерси, шериф. У Вас нет оснований верить мне на слово, а потому вам будет легче всего проверить сведения о моих близнецах, у же имея эту информацию.

Алан покачал головой и выпил еще пива. — Это была слишком дикая идея, и я чувствовал, что этот путь поиска вовсе не столь уж абсолютно новый. Я в этом удостоверился, когда вы оглушили нас своей вечеринкой. Между прочим, мы уже сверили имена. Все подтвердилось.

— Конечно, так и должно было быть, — заявила удовлетворенным тоном Лиз.

— И поскольку у вас нет брата-двойника, это очень здорово сужает поле нашей фантазии.

— Предположим на секунду, — сказал Тад, — просто для большей ясности, что это действительно произошло именно таким путем, как я обрисовал. Это будет вершиной фантастических небылиц... из-за одного пункта.

— Что это за пункт? — спросил шериф.

— Отпечатки пальцев. Почему же я иду на все эти сложности с обеспечением алиби *здесь* с этим парнем, выглядящим точь-в-точь как я сам... а затем всюду оставляю эти чертовы отпечатки на местах преступления?

Лиз сказала: — Мне все же кажется, что вы будете проверять наши метрики, ведь так, шериф?

Пэнборн ответил весьма флегматично: — Основой полицейской процедуры служит проверка всех и всего. Но я уже знаю, что я найду, когда займусь этим. — Он поколебался, а затем продолжил: — Меня убедила не столько вечеринка. Вы вели себя как человек, говорящий правду, мистер Бомонт. У меня есть в этой области некоторый опыт, чтобы ощущать разницу. Когда я еще служил в дорожной полиции, мне очень редко попадались талантливые лжецы. Они иногда встречаются еще в тех мистических романах, о которых вы говорили, но в жизни они чрезвычайно редки.

— И все же почему всюду эти отпечатки? — спросил Тад. — Вот что интересует меня. Может быть, это просто любитель-непрофессионал трудился над моими отпечатками? Я сомневаюсь в его квалификации. Не приходило ли вам в голову, что именно само *качество* отпечатков нужно проверить тщательнее всего? Он не говорил ни о каких серых участках. Я чуть-чуть тоже в этом разбираюсь, поскольку мне пришлось в это вникать для романов Старка, но не уверен, что там все столь просто и понятно, как то, что я привираю о дактилоскопии, сидя за машинкой. Было ли у них достаточно участков для сопоставления при идентификации этих отпечатков?

— У нас их шесть, — ответил Пэнборн. — Шесть превосходных снимков для сопоставления и идентификации.

— Но разве не правда, что в подавляющем большинстве случаев отпечатывается не вся поверхность пальца, а только ее половинка, или даже четверть, или вообще ничтожная полоска, всего с несколькими линиями и кольцами в них?

— Да. В реальной жизни преступника очень трудно засадить в тюрьму на основе только идентификации отпечатков его пальцев.

— Но вы здесь упомянули зеркало заднего обзора, которое было снабжено просто образцово четким оттиском пальца, словно те выполненные типографским способом оттиски после ретуши и всяких доводок, которые рассылаются по полицейским участкам для поимки преступника. И еще один оттиск, вдавленный пальцем в жевательную резинку. Кто-то действительно всячески хочет достать меня. Как будто он нарочно оставляет вам следы для того, чтобы вы отыскивали именно меня.

— Именно это постоянно и приходит нам в голову. На самом деле, мы столкнулись с еще более странными вещами. И самый сложный аспект всего этого преступления связан с убийством Клоусона. Там все проделано как в классических боевиках ужасов: вырезан язык, половой член во рту жертвы, море крови, море боли и все же никто в здании ничего не слышал. Но если это работал профессионал, почему он всюду оставлял отпечатки пальцев Бомонта. Может ли что-нибудь, столь похожее на скелет, *не быть* скелетом? Не иначе, как кто-то орудует с заново выжженной пятерней. А между тем, старая максима по-прежнему учит Алана Пэнборна: если это ходит, как утка, крикает, как утка, и плавает, как утка, то это, скорее всего, и есть утка.

— Можно ли имитировать отпечатки пальцев? — спросил Тад.

— Вы читаете в головах столь же хорошо, как пишете книги, мистер Бомонт.

— Читаю мысли, пишу книги, но я не делаю вдов.

Рот Алана был полон пива, и смех был слишком неожиданным испытанием, шериф чуть было не забрызгал пивом паркет. Он, тем не менее, удержался от этого, хотя часть пива попала не в то горло, и Пэнборн начал кашлять. Лиз встала и несколько раз похлопала шерифа по спине. Это было, возможно, чуть-чуть странно, но не для нее: жизнь с двумя младенцами приучила ее смотреть на многие вещи проще, чем раньше.

По этой ли причине, но Алан стал смеяться еще громче.

Тад присоединился к нему. И продолжавшая постукивать по спине шерифа Лиз также искренне рассмеялась.

— Я о'кей, — заявил наконец Алан, все еще откашливаясь и смеясь. — В самом деле.

Лиз наградила его еще одним шлепком напоследок. В это время пиво поднялось до самого горлышка почти полной и открытой уже давно банки шерифа, после чего с шипением, как у гейзера, вылилось через край и расплескалось по брюкам Пэнборна.

— Вот так шерифское о'кей, — сказал Тад. — У нас есть пеленки. Они все снова расхохотались, и за время между началом кашля Пэнборна и окончанием его смеха, все трое стали, по крайней мере, временно, настоящими друзьями.

5

— Насколько я знаю или сумел выяснить, отпечатки пальцев невозможно имитировать, — сказал Алан, возобновляя разговор, прерванный эпизодом с пивом. Теперь они уже вступили во второй раунд, и расплывшееся пятно на брюках начало подсыхать. Близнецы давно уснули в своем манеже, а Лиз ушла в ванную. — Конечно, мы все еще проверяем и перепроверяем, поскольку до сегодняшнего утра у нас не было оснований даже предполагать, что кто-то будет делать такие трюки с отпечатками пальцев. Я знаю, что вообще это уже пытались проделывать; много лет тому назад один похититель-вымогатель присвоил себе отпечатки пальцев своего бывшего сокамерника, тайком убив его и сняв кожу с подушек его пальцев, которую он — я думаю, что вы об этом слышали — вставил в очень тонкий пластик. Эти тонкие пластиковые пленки он надел на подушки своих собственных пальцев и стал смело оставлять дактилоскопические автографы с тем, чтобы убедить полицию, что тот парень все еще жив и орудует на свободе.

— И это срабатывало?

— Полицейские получили несколько любопытных дактилоскопических отпечатков, — сказал Алан. — Настоящего преступника. Натуральные жировые выделения на его пальцах слегка пропитывали камуфляжную пленку, а поскольку пластик был очень тонким и чувствительным к самым небольшим шероховатостям, он и передал отпечатки собственных пальцев преступника.

— Может быть, другой материал...

— Конечно, возможно. Это происходило в середине 50-х годов, и я понимаю, сколько сотен новых полимеров были изобретены с тех пор. Мы знаем на сегодня, что никто из экспертов и следователей ничего не слышал о таких попытках, и я думаю, что здесь пок нужно поставить точку.

Лиз вернулась в комнату и села, поджав под себя ноги, как кошка, укрывшись юбкой. Таду понравился этот поступок, который показался ему каким-то вневременным и очень грациозным.

— Между тем, есть и другие предположения, Тад.

Тад и Лиз обменялись быстрым взглядом при первом упоминании шерифом имени, а не фамилии Бомонта, но Алан не обратил на это особого внимания. Он извлек глухую записную книжку из своего верхнего кармана и рассматривал одну из ее страниц.

— Вы курите? — спросил он.

— Нет.

— Он бросил еще семь лет тому назад, — сказала Лиз. — Это было очень трудно, но он завязал с курением.

— Некоторые критики считают, что мир станет лучше, если я поскорее загнусь, но я предпочитаю, чтобы раньше меня на тот свет отправились они сами — сказал Тад. — Но почему вы спрашиваете?

— Вы все же курили.

— Да.

— «Пэлл-Мэлл»?

Тад собирался выпить стаканчик содовой. Он задержал его всего в шести дюймах ото рта: — Как вы это узнали?

— Ваша кровь типа А, резус отрицательный?

— Я начинаю понимать, почему вы шли напрямик сюда, чтобы арестовать меня утром, — произнес Тад. — Если бы не столь надежное алиби, я бы уже сидел в тюрьме, верно?

— Точно угадано.

— Вы могли выяснить сведения о крови из записей в архивах Национальной системы вневоинской подготовки офицеров резерва, — сказала Лиз. — Думаю, что и отпечатки пальцев Тада там тоже снял в первый раз за всю его жизнь.

— Но они не могли знать, что я курил сигареты «Пэлл-Мэлл» в течение пятнадцати лет, — заявил Тад. — Насколько мне известно, армия не хранит подобного рода информацию.

— Ее дал нам материал, обнаруженный сегодня утром, — объяснил им Алан. — Пепельница в кабине пикапа Гамаша была полным полна окурков сигарет «Пэлл-Мэлл». Старик курил только трубку, да и то очень редко. Также пара окурков «Пэлл-Мэлл» была обнаружена и в квартире Фредерика Клоусона, в пепельнице на столике. А он дома совсем не курил, может быть, лишь изредка за компанию. Так говорит его домовладелица. Мы определили там кровь преступника по анализу слюны на окурках. Отчет серологиста также дает много информации. Лучшей, чем отпечатки пальцев.

Тад более не улыбался. — Я ничего не понимаю в этом. Я совсем ничего не могу понять.

— Есть одна вещь, которая никак не соответствует вам, — сказал шериф. — Светлые волосы. Мы обнаружили примерно дюжину волосков в машине Хомера, а также нашли аналогичные волосы на спинке кресла, на котором сидел убийца в комнате Клоусона. Ваши волосы черные. Я почему-то не верю, что вы носите парик.

— Нет, Тад не носит, но, может быть, это делает убийца, — слабо возразила Лиз.

— Может быть, — согласился шериф. — Если так, то он сделан из человеческих волос. И спрашивается, зачем же нужен парик, если вы стремитесь оставить свои отпечатки и окурки где только возможно?

Либо малый необычайно туп, либо он желает выдать себя за вас. Светлые волосы в любом случае никак не подходят.

— Может быть, он просто не хочет быть узанным — сказала Лиз. — Помните, материал о Таде оказался напечатанным в журнале «Пипл» две недели тому назад. А журнал распространяют от побережья до побережья, по всей Америке.

— Да, это вполне возможно. Хотя если это парень выглядит, как ваш муж, миссис Бомонт...

— Лиз.

— О'кей, Лиз. Если он смахивает на вашего мужа, он будет похож на Тада Бомонта со светлыми волосами, ведь так?

Лиз внимательно осмотрела Тада и затем начала смеяться.

— Что же здесь столь забавного? — спросила Тад.

— Я пытаюсь представить тебя блондином, — ответила она, все еще смеясь. — Я думаю, ты бы выглядел, как очень развращенный Дэвид Боун.

— Разве это смешно? — спросил Тад Алана. — Я не думаю, что это смешно.

— Ну... — ответил, улыбаясь, Алан.

— Ладно. Парень мог носить солнцезащитные очки, накладные усы, а не только светлый парик, о котором мы делаем предположение.

— Нет, если убийца — тот самый праень, которого видела миссис Арсено забирающим в пикап Хомера в четверть первого ночью на первое июня, — заявил шериф.

Тад подался вперед. — Он действительно выглядел как я? — спросил он.

— Она не смогла рассказать нам что-нибудь определенное кроме того, что он носит костюм. Но что важно, я велел своему помощнику Норрису Риджунку показать ей сегодня ваше фото. Она заявил, что не думает, что тот парень был похож на вас, хотя и не уверена полностью. Она сказала, что тот человек был крупнее ростом. Он сухо продолжал: — Эта та леди, которая верит в необходимость, прежде всего, предосторожности во всем.

— Она смогла определить разницу в росте по картинке? — в сомнении спросила Лиз.

— Она видала летом Тада за городом, — ответил Алан. — И она говорит, что не может быть уверена полностью в этом своем показании.

Лиз согласно кивнула. — Конечно, она знает Тада. Она встречала нас обоих, и не раз. Мы часто покупали продукты в их овощной лавке. Я просто сглупила. Извините.

— Не за что извиняться, — сказал шериф. Он закончил пить пиво и проверил, как смотрятся его брюки. Сухие. Отлично. Правда, небольшое пятно осталось, но его сможет обязательно заметить только жена Алана, а остальные — вряд ли. — Как бы то ни было, мне пора

перейти к последнему вопросу... или аспекту... или как только вам, черт возьми, это угодно будет называть. Я сомневаюсь, имеет ли это вообще какое-либо отношение к данному делу, но тем не менее всегда лучше все проверять досконально. Какой у вас размер обуви, мистер Бомонт?

Тад посмотрел на Лиз, а та пожалала плечами. — У меня довольно мелкие лапы для парня ростом 6 футов 1 дюйм, так я полагаю. Размер обуви — десять, но иногда лучше подходит десять с половиной...

— Нам сообщили об отпечатках подошв с явно большим размером обуви, — заявил Алан. — Я, вообще-то, не думаю, что это следы преступника, а если бы и так, то их можно легко подделать, надев чужую обувь. Подложите газету в обувь на два-три размера больше вашей — и все в порядке.

— Как выглядели эти отпечатки ног? — заинтересовался Тад.

— Какая разница, — ответил Алан, покачав головой. — Мы даже не стали их фотографировать. Я думаю, мы получили все улики со столика убитого, Тад. Ваши отпечатки пальцев, тип крови, марку сигарет...

— Но он не... — начала было Лиз.

Алан протянул успокаивающую руку. — Бывшую марку сигарет. Я подозревал, что мог сильно сглупить, посвятив вас во все эти подробности, что-то внутри меня протестует против этой болтливости, но, тем не менее, мы уже зашли слишком далеко, а потому нет смысла не замечать леса, пока мы рассматриваем несколько деревьев. Вы завязаны также и в другом. Кастл Рок — ваше официальное местожительство, как и Ладлоу, поскольку вы платите налоги в обоих этих местах. Хомер Гамаш был ведь не просто вашим знакомым, он был... ведь он хорошо справлялся с работой здесь?

— Да, — ответила Лиз. — Он, правда, уже перестал работать сторожем на полную смену в тот год, когда мы купили этот дом — Дейв Филипс и Чарли Фортин стали его преемниками — но он любил поработать по уборке мусора и вообще по хозяйству.

— Если мы предположим, что тот голосовавший на дороге парень, которого видела миссис Арсено, убил Хомера — а это предположение, видимо, реально — возникает вопрос. Убили ли Хомера просто потому, что он подвернулся первым под руку и был достаточно глуп — или пьян — чтобы пускать к себе в кабину ночью незнакомца, или его убили потому, что это был Хомер Гамаш, знакомый Тада Бомонта?

— Но как он мог знать, что Хомер должен был ехать там в такое время? — спросила Лиз.

— Потому что это был вечер игры в боулинг, а игра в шары есть — была — заядлая привычка Хомера. Он был, как старая лошадь, Лиз: он всегда возвращался в конюшню тем же путем, что и многие годы ранее.

— Ваше первое допущение, — заметил Тад, — было связано с тем, что Хомер остановился вовсе не потому, что был пьян, а из-за того, что узнал просящего его подвезти. Незнакомец, который хотел убить Хомера, вряд ли вообще попытался бы останавливать его машину или сделал бы это в качестве самого последнего средства. Ведь ему ничего не стоило застрелить Хомера издали, было бы желание.

— Да.

— Тад, — сказала Лиз голосом, который прерывался от волнения. — Полиция считает, что он остановился, узнав тебя... ведь так?

— Да, — ответил Тад. Он пересек комнату и взял ее за руку. — Они полагают, что только некто, похожий на меня, некто, знавший и его, мог действовать именно таким образом. Я даже согласен со всеми этими предположениями насчет костюма. Как еще мог быть одет планирующий или совершающий убийство в час ночи преуспевающий писатель? В хороший твидовый костюм, ...с замшевыми нашивками на рукавах пиджака. Во всех британских детективных романах это является абсолютно необходимым атрибутом.

Он взглянул на шерифа.

— Все это чертовски странно, ведь так? Все это дело.

Алан кивнул. — Странно необычайно. Мисис Арсено полагает, что он начал переходить дорогу или, по меньшей мере, собирался это сделать, когда Хомер появился на своем пикапе. Но случай с Клоусном в Вашингтоне подтверждает предположение, что Хомера, очевидно, убили вовсе не случайно, из-за того, что он был пьян, а именно потому, что его выбрали жертвой заранее. Поэтому давайте поговорим о Фредерике Клоусоне, Тад. Расскажите мне о нем.

Тад и Лиз переглянулись.

— Я думаю, что моя жена, — сказал Тад, — сделает это быстрее и точнее, чем я. Она, кстати, будет произносить и меньше ругательств по сравнению со мной.

— Ты действительно так считаешь? — задала Лиз вопрос мужу.

Тад кивнул. Лиз начала рассказывать, сперва медленно, потом все быстрее. Тад прерывал ее в начале, один или два раза, а затем уселся и внимательно слушал. За следующие полчаса он не проронил почти ни слова. Алан Пэнборн вытащил свою записную книжку и что-то черкал в ней. После первых нескольких вопросов шериф также прекратил попытки вмешиваться в рассказ Лиз.

Глава 9 ВТОРЖЕНИЕ ПРЕСМЫКАЮЩЕГОСЯ

1

— Я называла его «пресмыкающимся», — начала Лиз. — Мне жаль, что он мертв... Но то, чем он был, трудно назвать другим словом. Я не знаю, становятся или рождаются люди подобными пресмыкающимся, но они как-то достигают этого состояния, поэтому не будем долго рассуждать по данному вопросу. Фредерик Клоусон оказался в Вашингтоне. Он прибыл в этот самый большой в мире змеюшник изучать юриспруденцию.

— Тад, дети шевелятся — ты не дашь им ночное питание? А мне еще пива, пожалуйста.

Он передал ей банку пива и отправился на кухню разогреть бутылки с детской смесью. Он оставил дверь на кухню открытой, чтобы было лучше слышно... и ударился об нее коленом. Это было то, что происходило с Тадом столь часто, что он едва ли обращал внимание на такие происшествия.

— «Воробьи летают снова», — подумал он и потер шрам на лбу одной рукой, в то время как другой он наполнил кастрюлю теплой водой и поставил ее на электропечь. — Если бы я понимал, что означает эта дребедень.

— Мы в конце концов выудили большую часть этой информации из самого Клоусона, — продолжала Лиз, — но у него перспектива была немного перекошена, что вполне естественно (Тад не зря любит повторять, что все мы — герои своих жизней), и как считал сам Клоусон, он был куда ближе к Босуэллу*, чем к пресмыкающемуся... Но мы смогли получить о нем более объективное представление, добавив информацию от людей из «Дарвин пресс», где печатались романы Тада под именем Старка, а также те сведения, которыми располагал Рик Коули.

— Кто такой Рик Коули? — спросил шериф.

— Литературный агент, который занимался издательскими делами с романами Тада под обоими его именами.

— А что хотел Клоусон — ваш пресмыкающийся?

— Денег, — сухо ответила Лиз.

На кухне Тад взял две бутылки со смесью (только наполовину заполненные и хранящиеся в холодильнике на непредвиденные ночные трапезы) и поставил их на водяную баню. То, что сказала Лиз,

* Джеймс Босуэлл (1740-1795) — писатель и биограф знаменитого английского писателя и лингвиста Сэмюэля Джонсона (1709-1784). Мемуары Босуэлла считаются непревзойденными по мастерству в англоязычной литературе (Прим. перев.).

было правильно... но также было и неправдой. Клоусон хотел намного больше, чем просто денег.

Лиз, видимо, прочитала его мысли.

— Он хотел не только денег. Я даже не уверена, что они были главной его целью. Он также хотел быть человеком, который прославился, впервые установив подлинную личность Джорджа Старка.

— Это что-то наподобие тех героев в комиксах, которые стремятся в конце концов разоблачить неуловимого человека-паука?

— Совершенно верно.

Тад опустил палец в кастрюлю, чтобы определить температуру воды, затем прислонился к плите, скрестив руки и слушая. Он заметил, что хочет закурить сигарету — впервые за очень долгие годы.

Тад вздрогнул.

2

— Клоусон оказывался в слишком многих нужных местах и в слишком подходящие моменты, — продолжала Лиз. — Он был не только студентом-юристом, он еще работал в книжном магазине на неполной ставке. Он был не просто книготорговцем, а ярким фанатиком романов Джорджа Старка. И, возможно, это был единственный поклонник Старка во всей нашей стране, который также прочитал два романа Тада Бомонта.

Тад усмехнулся в кухне — не без некоторой горечи — и снова попробовал воду в кастрюле.

— Я думаю, он собирался создать нечто вроде пьесы на основе своих подозрений, — произнесла Лиз. — Он переходил постепенно от мысли позабыться к мысли возвыситься над всеми прочими двуногими. Однажды, когда он решил, что Старк — это Бомонт, и наоборот, Клоусон позвонил в «Дарвин пресс».

— Издательство романов Старка?

— Именно так. Он вышел на Элли Голден, редактора романов Старка. Он задал ей вопрос прямо в лоб — пожалуйста, скажите мне, является ли Джорджем Старком на самом деле писатель Тад Бомонт. Элли ответила, что это нелепая идея. Клоусон тогда спросил насчет фотографии автора, напечатанной на задней стороне обложки романов Старка. Он заявил, что хочет получить адрес человека на картинке. Элли ответила, что не имеет права раздавать адреса авторов ее издательской фирмы.

Клоусон сказал, что ему не нужен адрес Старка, он хочет получить адрес человека на фотографии. Тот человек позировал вместо Старка. Элли заявила, что это нелепое заблуждение, что человек на фотографии — автор романов, и это — Джордж Старк.

— До всего описанного издатель никогда и нигде не раскрывал тот факт, что имя Старка — всего лишь выдумка? — спросил Алан. Он

был очень заинтересован. — Они поддерживали мнение, что это реальный живой человек?

— О, да. Тад настаивал на этом.

«Да, — подумал Тад, вытаскивая бутылки из бани в кастрюле и пробуя их температуру своим запястьем. — Тад настаивал. Если оглянуться в прошлое, Тад даже и не знает, почему он так настаивал, не только не знает, но и не имеет ни малейшего представления об этом, но Тад действительно настаивал».

Он взял бутылки в гостиную, счастливо избежав по пути столкновения с кухонным столиком. Он вручил по бутылке каждому из малышей. Они приняли их, будучи весьма сонными, но начали сосать без уговоров. Тад снова присел. Он слушал Лиз и сказал самому себе, что мысль о сигарете была весьма неожиданной, пришедшей из глубин его мозга.

— Как бы то ни было, — продолжала Лиз, — Клоусону хотелось задавать все больше вопросов — у него их был целый вагон, я думаю — но Элли не хотелось принимать участия в этой игре. Она посоветовала Клоусону позвонить Рiku Коули и переговорить с ним по всем интересующим вопросам. Клоусон позвонил и попал на Мириам. Это бывшая жена Рика. И также его партнер в делах агентства. Такое сочетание несколько странно, но они уживались совсем неплохо.

Клоусон начал ее спрашивать о том же — является ли Джордж Старк придуманным писателем Тадом Бомонтом. По словам Мириам, она ответила ему утвердительно на этот вопрос. А также, что ее зовут Долли Мэдисон, и что она только что развелась с Джеймсом. Тад должен развестись с Лиз, и тогда они с Тадом поженятся весной. После этого Мириам повесила трубку. Затем отправилась в кабинет Рика и сообщила о странном желании какого-то малого из Вашингтона раскрыть все литературные секреты Тада Бомонта. После этого все звонки Клоусона в агентство Коули заканчивались там лишь снятием телефонной трубки и отбоем.

Лиз отпила изрядный глоток пива.

— Но он не сдавался. Я думаю, что настоящее пресмыкающееся так бы не вело себя. Он понял, что «спасибо-пожалуйста» здесь не будет срабатывать.

— А он не позвонил Таду? — спросил Алан.

— Нет, ни разу.

— Ваш номер, наверное, не был включен в телефонные справочники из-за известности Тада Бомонта.

Тад сделал один из своих небольших вкладов в эту беседу: — Мы, действительно, не были включены в указатель телефонных номеров для широкой публики, Алан. Но здешний телефонный номер в Ладлоу указан в справочнике телефонов преподавателей факультета. Этого нельзя было избежать. Я преподаватель и должен давать советы.

— Но парень так и не подошел прямо к лошадиной морде, — удивился шериф.

— Он вошел с нами в контакт позднее... письмом, — сообщила Лиз. — Но это будет забеганием вперед. Мне можно продолжить?

— Да, пожалуйста, — сказал Пэнборн. — Это в своем роде очень захватывающая история.

— Итак, — продолжила Лиз, — у нашего пресмыкающегося ушло около трех недель и, вероятно, чуть менее пяти сотен долларов для того, чтобы окончательно убедиться в правоте своих предположений о том, что Тад и Джордж Старк — одно и то же лицо.

— Он начал с просмотра справочника «Литерэри маркет плейс», который все издатели называют просто «ЛМП». Это сокращенный перечень имен, адресов и служебных телефонов всех людей, которые участвуют в книжном бизнесе — писателей, редакторов, издателей, литературных агентов. Используя «ЛМП», а также колонку «Люди» в журнале «Паблишерс уикли», ему достаточно легко удалось выявить примерно с полдюжины бывших сотрудников «Дарвин пресс», которые ушли из издательства между летом 1986 и летом 1987 года.

Один из них был в курсе дела и был готов поделиться информацией. Элли Голден почти абсолютно уверена, что виновником здесь оказалась секретарша главного бухгалтера издательства, проработавшая восемь месяцев в 1985-1986 годах. Элли называла ее сукой из Вассара с гнусавыми манерами.

Алан засмеялся.

— Тад также полагает, что это была именно она, — продолжила Лиз, — поскольку в подтверждение угрозы шантажа были представлены фотостаты поступлений роялти* для Джорджа Старка. Они пришли из конторы Роланда Барретса.

— Это главный бухгалтер издательства, — пояснил Тад. Он наблюдал за детьми, продолжая слушать Лиз. Они теперь лежали на спинах, ноги в спальных костюмах тесно прижались друг к другу, а горлышки бутылок направлены к потолку. Их глаза были бездумны и очень далеки от всего здесь происходящего. Скоро, он знал, они уснут вместе... «Они все делают вместе, — подумал Тад. — Дети спят, а воробы летают».

Он снова потер шрам.

— Имя Тада не фигурировало на фотостатах, — сказала Лиз. — Перечисления роялти иногда переходят в чековую форму, но сами они не являются чеками, а потому имя Тада не должно было фигурировать в них. Вы понимаете меня, надеюсь?

* Роялти — гонорар, перечисляемый издательством автору в виде фиксированного процента от стоимости проданных книг. Обычно эти перечисления сводятся воедино раз в квартал (Прим. перев.).

Алан согласно кивнул.

— Но адрес сказал ему все, что он так жаждал выяснить. Он гласил: мистер Джордж Старк, почтовое отделение, ящик 1642, Бревер, штат Мэн 04412. Это далеко от Миссисипи, где Старк должен был бы находиться. Если взглянуть на карту штата Мэн, то увидишь, что сразу почти за Бревером, чуть южнее, находится Ладлоу, а он знал, что там живет всеми уважаемый, но не столь уж известный писатель. Тадеуш Бомонт. Такое совпадение слишком очевидно.

— Ни Тад, ни я никогда лично с ним не сталкивались, но он видел Тада. Он знал, когда «Дарвин пресс» рассылает свои сводные чеки по роялти за квартал из тех фотостатов, которые он уже получил. Большинство таких чеков сперва идет к литературному агенту писателя. Агент сводит их всею суммой роялти свои комиссионные. Но в случае со Старком главный бухгалтер посылал эти чеки сразу в почтовое отделение Бревера.

— А как же насчет комиссионных агенту? — задал вопрос шериф.

— Они подсчитывались в «Дарвин пресс» и высылались Рику отдельным чеком, — ответила Лиз. — Это послужило еще одним ясным подтверждением Клоусону правильности его догадок насчет Джорджа Старка... и после этого Клоусону уже более не хотелось получать косвенных свидетельств. Он хотел теперь только прямых доказательств. И придумал, как это сделать.

— Когда настал срок оформления чека по роялти, Клоусон приполз сюда. Ночи он проводил в палаточном лагере «Холидей инн», а днем дежурил, подпирая стены почтового отделения в Бревере. То, как Клоусон вложил свое послание в письмо на имя Тада, очень смахивало на кинофильм. Он провел, однако, очень кропотливое расследование. Если бы «Старк» не оказался на почте на четвертый день дежурства там Клоусона, наш сыщик должен был бы свернуть свою палатку и уползти восвояси. Но я не думаю, что все это вообще могло так закончиться. Когда природный пресмыкающийся вонзает в вас свои зубы, он вряд ли уползет добровольно, если только не будет отброшен сильным пинком.

— Или если вы вышибете ему зубы, — подтвердил Тад. Он заметил, как шериф повернул к нему голову, подняв брови, и поморщился. Плохо подобранные слова. Кто-то ведь только что уже на самом деле проделал это с тем пресмыкающимся субъектом, о котором идет сейчас речь... и что-то еще намного худшее.

— В любом случае, мы можем только гадать, как бы Клоусон поступил дальше, — подытожила Лиз, и шериф снова повернулся к ней. — У него ушло не столь уж много времени на ожидание Тада. На третий день ожидания на скамейке в парке напротив почты пресмыкающийся узел «Субурбан» Тада Бомонта, въезжающий на одно из мест в парковочной зоне около почты.

Лиз отхлебнула еще пива и стряхнула пену с верхней губы. Убрал руку, она улыбнулась.

— Теперь перейдем к самой забавной части рассказа. Это просто п-п-прелестно, как говаривал один голубой в «Повторном визите к отцу невесты». У Клоусона была фотокамера. Портативная, такого размера, что вы легко спрячете ее, сжав в кулаке. Когда вам нужен снимок, вы просто слегка раздвигаете пальцы, чтобы открыть объектив, и готово! Все в порядке.

Она усмехнулась, покачав головой от нахлынувших воспоминаний.

— Он заявил в своем письме к Таду, что раздобыл ее по каталогу шпионского оборудования — телефонных жучков для подслушивания, химических реактивов для превращения конвертов с корреспонденцией в прозрачное состояние на десять-пятнадцать минут, саморазрушающихся портфелей и так далее. Секретный агент X-9 Клоусон, одним словом. Я думаю, он бы раздобыл себе и зуб, заполненный цианистым калием, если бы была разрешена легальная продажа этого деликатеса. Он был целиком в образе, созданном его гнусным воображением.

Как бы то ни было, он сделал полдюжины вполне четких и неопровержимых фотографий. Не очень искусная работа, но вы сами понимаете, кем был этот субъект и чем он занимался. У Клоусона были фотографии Тада, подходящего к почтовым ящикам внутри зала, Тада, вставляющего ключ в свой ящик 1642, и еще одна, запечатлевшая Тада, вынимающего конверт.

— Он послал вам копии этих фотографий? — спросил Пэнборн. Он помнил, что Лиз говорила о желании Клоусона раздобыть денег, а вся история не только пахивала шантажом, но прямо-таки была насквозь им пропитана.

— О, да. И кое-что поважнее. Вы могли прочитать часть обратного адреса — буквы «ДАРВ», что ясно говорило о названии — «Дарвин пресс».

— X-9 снова ударил изо всех сил, — согласился Алан.

— Да. Он ударил. Он заполучил фотографии и уполз назад в Вашингтон. Мы получили его письмо с вложенными фотографиями только несколькими днями позже. Письмо было просто восхитительным. Он ползал по самому краешку угрозы, но не переходил границы.

— Он был студент юриспруденции, — сказал Тад.

— Да, — согласилась Лиз. — Он точно знал, насколько далеко он может заходить. Тад может дать вам это послание, но я могу пересказать его. Он начал с того, как он восхищается обеими половинами «разделенного сознания» — это его слова — Тада Бомонта. Он отчитался нам в том, что именно он выяснил и каким конкретно образом. Затем перешел к делу. Он очень старательно пытался скрыть от нас крючок, но крючок тем не менее был приготовлен. Он заявил,

что сам является возвышенным писателем, но у него нет времени для этого занятия — почти все оно уходит на студенческие занятия юридическими дисциплинами. Но проблема не только в этом. Настоящая его беда в том, что он вынужден служить в книжном магазине, иначе ему нечем платить за обучение и по прочим счетам. Он заявил, что ему бы хотелось показать Таду некоторые свои творения и, если Тад посчитает его таланты достойными внимания, то, может быть, перешлет вместе с литературными советами и небольшую пачку банкнот для поддержки одинокого и нищего гения Клоусона.

— Пачку банкнот для поддержки, — повторил смущенный Алан. — Так это... теперь называют грамотные шантажисты?

Тад откинул голову и расхохотался.

— Так называл это Клоусон, во всяком случае. Я думаю, что смогу повторить последний пассаж из письма наизусть: «Я знаю, что это должно при первом чтении показаться вам очень самонадеянной просьбой, написал он, но я уверен, что если вы изучите мои сочинения, вы быстро поймете, что подобное решение может иметь выгоду для нас обоих».

Тад и я неистовствовали по этому поводу, затем смеялись, а потом, я думаю, мы еще долго негодовали.

— Да, — подтвердил Тад. — Я не помню смеха, но мы негодовали очень сильно.

— Наконец мы решили обсудить все это спокойно. Мы проговорили почти до середины ночи. Мы оба сразу раскусили смысл письма и фотографий Клоусона, и хотя Тад очень разозлился...

— Я до сих пор не очень разозлен, — перебил Тад, — а парень мертв.

— Хорошо, раз крик и визг по поводу Старка уже поднялись, Тад был почти воскрешен. Он и сам хотел выбросить Старка за борт, хотя бы на время, поскольку Тад уже работал над длинной и серьезной собственной книгой. Чем он и теперь занимается. Она называется «Золотая собака». Я читала первые две сотни страниц, и они великолепны. Намного лучше пары вещей, написанных им под именем Джорджа Старка. Поэтому Тад решил...

— Мы решили, — сказал Тад.

— О'кей, мы решили, что Клоусона следует лишь благословить за то, что он ускорил события, которые начались и происходили и без его участия. Единственным опасением Тада было то, что Риду Коули не понравится эта идея, потому что Джордж Старк зарабатывал для агентства намного больше денег, чем это до сих пор удавалось Таду. Но Коули даже обрадовался этому. На самом деле, мы сможем обеспечить отличную рекламу этим шагом, что поможет в ряде сфер: портфель изданий Старка, портфель изданий Тада...

— Всего пока две книги, — вставил Тад с улыбкой.

— ...и новая книга, когда она будет окончена.

— Извините меня, но что такое «портфель изданий?» — спросил Алан.

Усмехнувшись, Тад объяснил: — Это те старые книги, которые уже не выкладывают на самых бойких местах в торговой сети.

— Итак, вы вышли на публику.

— Да, — сказала Лиз. — Сперва в «Ассошиэйтид пресс» здесь в Мэне и в журнале «Паблшерс уикли». Затем эта история попала в программу национального радиовещания — Старк был автором бестселлеров, как-никак, и тот факт, что он никогда реально не существовал в этом мире, позволял заполнять особо интересной информацией последние стороны переплетов и обложек его изданий. И, наконец, с нами вошел в контакт журнал «Пипл».

— Мы получили еще одно скуляще-злое письмо от Фредерика Клоусона, которое объясняло нам, сколь низко и неблагородно наше поведение. Он, видимо, считал, что у нас нет права обходиться без его участия в наших делах, поскольку он проделал гигантскую работу, а все, что сделал Тад, было писание нескольких книжонок. После этого он замолчал.

— И слава Богу, что он замолчал, — сказал Тад.

— Нет, — возразил шериф. — Кто-то заставил его замолчать... и в этом есть большое отличие.

И снова воцарилось молчание. Оно длилось недолго... но было очень, очень ТЯЖЕЛЫМ.

Глава 10 ПОЗЖЕ ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ

1

Они отнесли спящих близнецов в кровати наверху и начали готовить постели себе. Тад разделся до шортв и майки с рукавами — своего рода пижамы для него — и отправился в ванную. Он чистил там зубы, когда ему вдруг стало очень нехорошо. Он кинул зубную щетку, выплюнул белую пену и бросился в туалет на ногах, которые он ощущал скорее деревянными ходулями, чем живыми ногами.

Он кашлянул — жалкий сухой звук — но ничего не появилось. Его желудок начал успокаиваться... по крайней мере, на какой-то испытательный срок.

Когда он вернулся, Лиз стояла в дверном проеме в голубой нейлоновой ночной рубашке, не доходившей на несколько дюймов до ее колен. Она пристально посмотрела на Тада.

— Ты что-то скрываешь, Тад. Это нехорошо. И никогда ранее такого у нас не было.

Он прерывисто вздохнул и вытянул вперед руки со сплетенными пальцами. Они все еще дрожали. — Давно ли ты узнала об этом?

— Что-то в тебе было неладно, еще когда вернулся шериф сегодня вечером. А когда он задал свой последний вопрос... насчет надписи на стене у Клоусона... ты горел, как будто у тебя светился неоновый знак на лбу.

— Пэнборн не заметил никакого неона.

— Шериф не может знать тебя столь же хорошо, как я... но если ты не заметил его сомнений в самом конце, то ты просто не смотрел на него. Даже он увидел *что-то* неладное. Именно так он взглянул на тебя.

Ее рот слегка дрогнул. Это подчеркнуло морщинки на ее лице, морщинки, которые он впервые увидел после несчастного случая в Бостоне и выкидыша, и которые затем появлялись и углублялись, когда она наблюдала его все более и более тяжелые и безуспешные попытки зачерпнуть воду из колодца, который, казалось, уже давно высох.

Именно в это время его пьянство начало выходить из-под контроля. Все это — несчастный случай с Лиз, выкидыш, критические отзывы и финансовый неуспех «Мглы бездны» вслед за диким успехом «Пути Мэшина», неожиданное запойное пьянство — в сочетании оказывало глубокое подавляющее влияние на его психику. Он чувствовал это той самосохраняющей и повернутой внутрь себя частью своего сознания, но это мало помогало. В конце концов он запил полную пригоршню снотворных таблеток полбутылкой «Джек Даниэлс». Это, конечно, была далеко не самая удачная попытка... но все же это была попытка самоубийства. Все это происходило в течение трех лет. Но

тогда время, казалось, тянулось намного дольше, чем обычно. Иногда оно казалось вечным.

И, конечно, очень мало или совсем ничего о нем не было рассказано на страницах журнала «Пипл».

Теперь он увидел именно тот взгляд Лиз, каким она смотрела на него в то проклятое время. Он ненавидел этот взгляд. Беспокойство — это плохо; недоверие — намного хуже. Он подумал, что ему легче было бы вынести выражение неприкрытой ненависти, чем этот странный, осторожный взгляд.

— Я ненавижу, когда ты лжешь мне, — просто сказала она.

— Я не лгал, Лиз! Упаси Господи!

— Иногда люди лгут, чтобы только остаться в спокойствии.

— Я собирался все тебе рассказать, — сказал он. — Я только пытаюсь найти, как это лучше сделать.

Но было ли это правдой? Так ли? Он не знал. Это было какое-то дерьмо, сумасшествие, но не это служило причиной, по которой он пытался молчаливо лгать. Он чувствовал потребность в молчании подобно человеку, обнаружившему кровь в своем стуле или опухоль в паху. Молчание в таких случаях иррационально... но страх тоже иррационален.

А было и еще кое-что другое: он был писателем, воображателем. Ему никогда не случалось встречать кого-нибудь еще, кроме себя самого, кто имел бы более чем неясную идею, почему он или она делают *что-нибудь*. Он иногда верил, что желание писать беллетристическую книгу было не более чем защитой от смятения, может быть, даже безумия. Это была отчаянная попытка человека, способного понять, что точность и порядок могут существовать только в сознании людей... но никогда в их сердцах.

Некий голос внутри него шептал в первое время: *«Кто ты такой, когда пишешь, Тад? Кто ты тогда?»*

И он не находил ответа на данный вопрос.

— Ну? — спросила Лиз. Ее голос был резким, балансирующим на краю обозленности.

Он очнулся от собственных невеселых дум. — Извини?

— Ты нашел свой способ объясниться? Что же *это* могло быть?

— погоди, — сказал он, — я не понимаю, почему ты так визжишь, Лиз!

— Потому что я перепугана! — сердито выкрикнула она... и он увидел слезы в ее глазах. — Потому что ты морочил голову шерифу, и я все еще удивляюсь, почему ты теперь морочишь голову *мне*! Если бы я не видела выражения твоего лица...

— Да? — Теперь и он разозлился. — И что же это *было* за выражение? На что оно оказалось так похоже?

— Ты выглядел виновным, — сказала она резко. — Ты выглядел так, будто ты, как это было уже раньше, заверяешь людей, что ты

бросил пить, но не сделал этого на самом деле. Когда... — она вдруг остановилась. Он не знал, что она вдруг рассмотрела на его лице — да и не был *уверен*, что ему хочется знать, но это что-то вдруг впитало всю ее озлобленность. Вместо нее на лице у Лиз появилось виноватое выражение. — Извини. Это несправедливо.

— Почему же? — сказал он глухо. — Это правда. На данное время.

Он вернулся в ванную и взялся за полоскательницу, чтобы смыть остатки зубной пасты. В полоскательнице был безалкогольный состав. Типа лекарства от кашля. И ванильного концентрата в кухонном буфете. Он не пил спиртного с того дня, как закончил последний роман Старка.

Ее рука легко коснулась плеча Тада. — Тад, мы оба рассердились. Это лишь вредит нам обоим и никак не сможет ничему помочь. Ты сказал, что там мог оказаться человек-психопат, который представляет себе, что он и *есть* Джордж Старк. Он умертвил двух людей, мы помним об этом. Один из них частично виновен в раскрытии псевдонима Старка. Тогда ты сам должен был бы оказаться в самом верху списка заклятых врагов этого фанатика. Но несмотря на это, ты что-то утаиваешь. Что означала эта фраза?

— Воробьи летают снова, — сказал Тад. Он взглянул на свое отражение в зеркале, освещенном белым светом флюоресцентной лампы в ванной. То же самое знакомое лицо. Небольшие тени под глазами, может быть, но лицо все то же самое. Он был счастлив. Конечно, это не лицо кинозвезды, но это его, любимое лицо.

— Да. Это что-то значило для тебя. Что же именно?

Он выключил свет в ванной и положил руки ей на плечи. Они подошли к постели и улеглись спать.

— Когда мне было одиннадцать, — объяснил он, — мне сделали операцию. Удалили небольшую опухоль в мозгу на участке верхней части лба. — Я так *думаю*. Ты уже знала об этом и раньше.

— Да? — она смотрела на него, озадаченная.

— Я уже говорил тебе, что у меня были ужасные приступы головной боли до того, как обнаружили опухоль, верно ведь?

— Верно.

Он начал машинально постукивать по ее бедру. У нее были удивительно длинные и красивые ноги, а ночная рубашка была весьма короткой.

— Помнишь насчет звуков?

— Звуков? — удивленно повторила Лиз.

— Я не думал... и, видишь ли, это никогда не казалось мне очень важным. Все это происходило так много лет тому назад. У людей с подобными заболеваниями часто случаются приступы головной боли, иногда какие-то миражи, а иногда — и то и другое вместе. Очень часто на приближение подобных симптомов указывают свои собственные признаки. Их называют сенсорными предвестниками. Чаще всего

это запахи: карандашные стружки, свежесрезанные луковицы, заплесневелые фрукты. Мой сенсорный предвестник был звуковым. Это были птицы.

Он посмотрел ей прямо в глаза, их носы почти касались друг друга. Тад почувствовал щекотание ее волос, касающихся его лба.

— Воробьи, если говорить более точно.

Он встал, не желая видеть выражение ужаса, появившееся на лице Лиз. Тад взял ее руку.

— Пойдем.

— Куда... Тад?

— В кабинет, — ответил он. — Я хочу тебе кое-что показать.

2

В кабинете Тада главное место занимал стол, где господствовала огромная дубовая доска. Она была не антикварной редкостью, но и не очень современной. Этот стол был просто чрезвычайно большим и очень удобным изделием из древесины. Стол стоял как динозавр под тремя подвешенными светильниками; их общее освещение рабочей поверхности можно было посчитать почти свирепым. Сейчас, однако, можно было рассмотреть лишь очень небольшую часть поверхности письменного стола. Тад включил свет. Рукописи, стопки корреспонденции, книги и присланные ему из редакции гранки были сложены где попало. На белой стене позади стола висел плакат с самым любимым для Тада сооружением во всем мире — «Флатирон билдинг» в Нью-Йорке. Его четкая клиновидная форма не переставала радовать и восхищать Тада.

Позади пишущей машинки лежала рукопись его нового романа — «Золотая собака». А поверх машинки была оставлена дневная выработка Тада. Шесть страниц. Это была обычная его норма... если писал он сам. Если писал Старк, то он обычно выдавал за день восемь, а то и десять страниц.

— Вот то, что меня огорошило еще до появления Пэнборна, — сказал Тад, взяв маленькую стопку листов с машинки и протягивая их Лиз. — Тогда появился этот звук, звук воробьев. Второй раз за сегодня, только на этот раз намного громче. Ты видишь, что написано поперек верхнего листа?

Она смотрела очень долго, и он мог видеть только ее волосы и макушку. Когда она обернулась к Таду, ее лицо было смертельно бледным. Ее губы сжались в узкую скорбную щель.

— Это все то же, — прошептала Лиз. — Это *все то же самое*. Ох, Тад, что же это? Что...

Она пошатнулась, и он наклонился вперед, опасаясь ее возможного обморока. Он подхватил ее за плечи, ноги его зацепились за X-образ-

ные ножки кресла в кабинете, что почти привело к падению обоих супругов на стол.

— Все нормально с тобой?

— Нет, — ответила она тонким голоском. — А как ты?

— Не совсем, — сказал он. — Извини. Все тот же неуклюжий Бомонт. Я вызываю здесь большие разрушения и беспорядки, словно рыцарь в сверкающих доспехах.

— Ты написал это даже до того, как Пэнборн появился у нас, — сказала она. Она, казалось, никак не могла поверить в этот факт. — Перед его появлением.

— Это так.

— Что же это *означает*? — она смотрела на него с напряженным ожиданием, зрачки ее глаз были большими и темными несмотря на яркое освещение.

— Я не знаю. Я думал, что у тебя есть какие-то догадки, — ответил Тад.

Она покачала головой и положила листы обратно на стол. Затем отдернула руку от бедра около края ночной сорочки, словно коснулась чего-то неприятного. Тад не был уверен, что она полностью сознает сейчас свои поступки, но ничего не сказал ей насчет этих сомнений.

— Теперь ты понимаешь, почему я не стал обо всем этом распространяться? — спросил он.

— Да... Я думаю, что понимаю.

— Что бы он мог сказать? Наш практичный шериф из самого маленького графства штата Мэн, который черпает свои сведения из компьютеров армейских служб и свидетельских показаний? Наш шериф, который скорее поверит в версию, что я мог бы скрывать своего брата-двойника, чем в то, что кто-то нашел способ дублировать дактилоскопические отпечатки? Что он сказал бы, услышав об *этом*?

— Я... я не знаю. — Она отчаянно боролась за возвращение самообладания, за то, чтобы выплыть из захлестнувшей ее шоковой волны. Тад это не раз наблюдал и раньше, и ее мужество всегда восхищало его. — Я не знаю, что он заявил бы насчет этого, Тад.

— И я тоже. Я думаю, что в худшем случае он предположил бы некоторое предвидение преступления. А более вероятно, он решил бы, что на самом деле я поднялся сюда в кабинет и написал эти слова уже после его ухода сегодня вечером.

— Но почему ты так думаешь? *Почему?*

— Я думаю, что первым предположением шерифа было бы мое помешательство, — сухо ответил Тад. — Я думаю, что у любого копа типа Пэнборна всегда существует склонность объяснять любые происшествия, не поддающиеся его разумению, просто ненормальными проявлениями члoвеческой психики. Но если ты считаешь, что я здесь ошибаюсь, скажи прямо об этом. Мы можем позвонить в офис шерифа в Кастл Роке и передать все, что требуется по этому поводу.

Она покачала головой. — Я не знаю. Я слышала — когда передавали какую-то беседу по телевидению, по-моему — насчет психических связей...

— Ты веришь в это?

— У меня не возникало необходимости обдумывать эту гипотезу, — ответила она. — Теперь я, видимо, верю. — Она поднялась к столу и снова взяла лист с надписью. — Ты написал это одним из карандашей Джорджа Старка, — сказала Лиз.

— Он оказался ближе всего к руке, я так полагаю, в этом вся и штука, — сказал он уверенным тоном. Он вдруг вспомнил о ручке «Скрипто», но быстро выкинул это из головы. — И это не карандаши Джорджа. И никогда таковыми не были. Они — мои. Я чертовски устал от мыслей о нем как об отдельном человеке. Теперь уже в этом нет никакой необходимости, если она когда-то и существовала.

— Но все же именно сегодня ты применил одну из его фраз — «сочините мне алиби». Ты никогда сам не говорил ничего подобного, только в книгах. Это тоже совпадение?

Он начал было объяснять ей, что, конечно, да, именно так, но вдруг остановился. *Возможно*, он и прав, но в свете того, что он написал на листе рукописи, как он мог быть во всем столь уверен?

— Я не знаю.

— Ты был в трансе, Тад? Ты, наверное, был в трансе, когда написал эти слова?

Медленно и неохотно он подтвердил: — Да. Думаю, что так.

— Это все, что тогда случилось? Или еще что-нибудь?

— Я не могу вспомнить, — сказал он и добавил еще более неохотно. — Я думаю, что я, может быть, что-то сказал, но я, действительно, не помню.

Она долго смотрела на мужа и наконец произнесла: — Идем спать.

— Ты думаешь, мы заснем, Лиз?

Она рассмеялась — безнадежно.

3

Но двадцатью минутами позже он уже почти погрузился в сон, когда голос Лиз вернул его в действительность.

— Тебе надо обратиться к доктору, — сказала она. — В понедельник.

— Но у меня же нет на этот раз головных болей, — запротестовал он. — Только птичьи звуки. И эта *идиотская* фраза, которую я написал. — Он подождал немного и продолжил с надеждой в голосе: — Ты не думаешь, что это могло быть просто совпадением?

— Я не знаю, что это, — ответила Лиз, — но мне уже приходилось говорить тебе, Тад, *совпадения* очень мало стоят в моей жизни.

По какой-то причине это их очень развеселило, и они лежали в постели, зажимая рты, чтобы не смеяться слишком громко и не разбудить детей, и успокаивая друг друга нежными словами. Между ними все было снова в полном порядке, во всяком случае Тад чувствовал, что сейчас для него существует только одна эта самая важная вещь на свете, в чем он должен быть уверен до конца. И все было в порядке. Буря прошла. Печальные старые воспоминания были снова похоронены, по крайней мере, на нынешнее время.

— Я запишу тебя на прием, — сказала она, когда смех ушел от них.

— Нет, — возразил он. — Лучше я сам.

— А ты не забудешь в творческом порыве об этой вещи?

— Нет. Я займусь этим в первую же очередь утром в понедельник. Честно.

— Ладно, тогда все в порядке. — Она вздохнула. — Это будет просто чудо, если я засну.

Но пятью минутами позже она уже ровно дышала, а еще позже, далеко не через пять минут, уснул и Тад.

4

И снова увидел сон.

Он был почти прежним (или казался таковым), словно продолжающим предыдущий, прямо от начала и до конца: Старк вел его через брошенный дом, оставаясь все время позади и уверяя, что он ошибается, когда Тад пытался дрожащим и непослушным голосом утверждать, что это его собственный дом. Ты абсолютно неправ, — сказал ему Старк из-за правого плеча (а, может быть, левого, но в этом ли дело?). Хозяин этого дома, — толковывал он Таду, — мертв. Хозяин этого дома находится в том единственном месте, где оканчиваются все железнодорожные линии, в том месте, которое все, находящиеся под землей (где бы то ни было), называют Эндсвилл. Все было тем же, что и в первом сне. До той сцены, когда они пришли к черному входу, где Лиз уже находилась не одна. К ней присоединился Фредерик Клоусон. Он был нагим, но в каком-то абсурдном кожаном пальто. И он был так же мертв, как и Лиз.

Из-за плеча Тада Старк произнес значительным голосом: — Отправление под землю, вот что происходит с визгливыми болтунами. Их превращают в дурацкую начинку. Сейчас о нем позаботились. Я хочу позаботиться обо всех них, одним за другим. Но будь спокоен, я не буду заботиться о тебе. Воробы летают.

А затем, снаружи дома, Тад услышал их: не тысячи, а миллионы, а может быть, миллиарды, и день превратился в ночь, когда гигантские тучи птиц закрыли солнце.

— *Я ничего не вижу,* — простонал он, а из-за плеча Тада Джордж Старк продолжал шептать: — Они снова летают, старина. Не забывай. *И не попадайся на моем пути.*

Тад проснулся, дрожа и похолодев всем телом, и долго не мог снова заснуть. Он лежал в темноте, думая, как абсурдно все это, и как абсурдна сама идея этого кошмарного сна, которая была такой же, что и в первом сне, но намного более ясной для понимания. Как все это абсурдно. Фактом было то, что он всегда представлял в своем воображении Старка и Алексиса Мэшина очень схожими (а почему бы и нет, поскольку фактически они оба родились в одно и то же время с появлением романа «Путь Мэшина»), оба высокие и широкоплечие, как будто люди не выросшие из детства, а слепленные из каких-то крепких блочных материалов, и оба блондины... этот факт не меняет всю абсурдность ситуации. Литературные герои не могут оживать и убивать людей. Он расскажет об этом Лиз за завтраком, и они посмеются над этим... ну, возможно, и не будут действительно смеяться, учитывая все обстоятельства, но уж, конечно, не удержатся от улыбок.

— Я должен позвонить в медицинский комплекс Уильяма Уилсона, — подумал он, наконец погружаясь в сон. Но когда настало утро, сон показался ему не столь уж стоящим обсуждения — во всяком случае, не с самого начала дня. Поэтому он и промолчал... но по мере ухода этого дня из его жизни, Тад замечал, что его мозг снова и снова возвращается к приснившемуся сну, испытывая его таинственное влияние, какое оказывает темный драгоценный камень.

Глава 11 ЭНДСВИЛЛ

1

Ранним утром в понедельник, еще до того, как Лиз напомнила бы об обещании Тада, он посетил доктора Хьюма. Удаление опухоли в 1960 году было внесено в медицинскую карту Тада. Он рассказал врачу о том, что недавно дважды ощутил в своем сознании возвращение звуков птиц, что предшествовало его ужасным приступам головной боли во время долгих месяцев до установления диагноза и удаления этого образования. Доктор Хьюм пожелал выяснить, не возвратились ли и головные боли. Тад сказал, что нет.

Он не рассказал о своем состоянии транса, о том, что он написал, будучи в таком состоянии, о том, что было выведено на стене квартиры в Вашингтоне, где убийца прикончил жертву. Это уже казалось слишком далеким от вчерашнего сна. Он находил самого себя весьма смешным во всей этой истории.

Однако доктор Хьюм отнесся ко всему серьезно. Он велел Таду в тот же день отправиться в Медицинский центр Восточного Мэна. Он хотел иметь рентгеновские снимки черепа Тада и компьютеризированную осевую томографию... так называемую «КОТ-развертку».

Тад поехал. Он сделал нужные снимки, а затем положил свою голову внутрь машины, выглядевшей очень похоже на промышленный сушильщик одежды. Она вздрагивала и трещала в течение добрых пятнадцати минут, а затем, наконец, его вызволили из плена... хотя бы на нынешнее время. Он позвонил Лиз, сообщил ей, что результаты будут готовы не раньше конца недели и сказал, что собирается ненадолго поехать в университет.

— Ты не подумываешь о звонке шерифу Пэнборну? — спросила она.

— Давай подождем результатов обследования, — ответил Тад. — Узнав их, мы сможем лучше решить, что нам делать дальше.

2

Он был в своей университетской рабочей комнате, очищая свой стол и полки от накопившейся за целый семестр всякой макулатуры и пыли, когда птицы снова начали пищать в его голове. Сперва прочирикало несколько запевал, к ним стали присоединяться другие, и очень скоро птичье пение превратилось в мощный оглушающий хор.

Белое небо — он увидел белое небо, испещренное кое-где силуэтами домов и телефонными столбами. И повсюду там сидели воробьи. Они облепили каждую крышу, усеяли каждый столб, ожидая только команды, исходящей из группового птичьего сознания. Тогда они

взорвут тишину неба писком и шелестом как бы тысяч листов бумаги, колышащихся в воздухе при сильных порывах ветра.

Тад, почти ничего не видя, двинулся к письменному столу, ища кресло, нашел и забрался в него, сжавшись в комок.

Воробьи.

Воробьи и белое небо поздней весной.

Звук заполнял его голову, дикая какофония, и, когда он вытянул к себе лист бумаги и начал на нем писать, он был не в состоянии сознать, чем именно он занимается. Его голова запрокинулась назад, глаза бессмысленно уставились в потолок. Ручка двигалась вперед и назад, вверх и вниз, делая все это по какой-то собственной программе.

В голове Тада родилось видение того, как все птицы взлетели при порыве ветра и образовали темное облако, которое закрыло белое небо в марте, в районе Риджуэй города Бергенфилд, штат Нью-Джерси.

3

Он пришел в себя менее чем через пять минут после начала пищания одиночных соловьев из племени пернатых в его мозгу. Он тяжело дышал, левое запястье усиленно пульсировало, но головной боли не было. Он посмотрел вниз и увидел бумагу на столе — это был оборот формы заказа одобренных при экспертизе учебников американской литературы — и тупо уставился на то, что он написал на ней.

СЕСТРЕНКА ДУРАКИ ЛЕТАЮТ ОПЯТЬ
 КОШКИ
 СЕСТРЕНКА МИР ТЕПЕРЬ СЕСТРЕНКА
 СЕСТРЕНКА ЭНДСВИЛЛ СЕСТРЕНКА
 ОКАНЧИВАЕТСЯ
 КОШКИ ЗВОНИТЬ СЕСТРЕНКА
 НИЖЕ
 ПОРЕЗЫ БРИТВА СЕСТРЕНКА СЕСТРЕНКА
 ВОРОБЬИ МИР СЕСТРЕНКА БРИТВА
 И НАВСЕГДА
 СЕСТРЕНКА ТЕПЕРЬ И НАВСЕГДА
 МИР КОШКИ НАЧИНКА СЕСТРЕНКА ВОРОБЕЙ

— Это ничего не означает, — прошептал Тад. Он тер свои виски кончиками пальцев. Он ожидал, что начнется головная боль, или что написанные каракулями слова на бумаге соединятся и приобретут какой-нибудь смысл.

Он желал, чтобы ни то, ни другое не произошло с ним... и ничего, действительно, не случилось. Слова были просто словами, повторенными многократно. Некоторые были явно вызваны его сном о Старке, другие были совсем невразумительным бредом.

И его голове стало намного лучше.

— *На этот раз я ничего не собираюсь рассказывать Лиз, —* подумал он. — *Будь я проклят, если я скажу. И не потому, что я боюсь или... Хотя я действительно боюсь. Это же очень просто — не все секреты обязательно плохие. Некоторые бывают хорошими. Некоторые бывают необходимы. А мой — это оба последних секрета.*

Он не знал, правда это или нет, но он открыл нечто, что сняло груз с его плеч и освободило от переживаний: ему было все равно. Он очень устал от бесконечных раздумий и по-прежнему полного незнания. Он также устал от постоянного испуга подобно человеку, вошедшему в пещеру ради шутки, и потом вдруг начавшего подозревать, что он потерял дорогу назад.

Прекрати думать об этом, наконец. Это и есть выход.

Он предполагал, что именно здесь была истина. Он не знал, сможет ли сделать это или нет... Но собирался выкинуть всю эту дрянь в старый мусоросборник университета. Очень медленно он встал, взял бланк заказа в обе руки и начал в ключья его рвать. Полоски написанных слов стали исчезать. Он взял ленты, получившиеся из обрывков бумаги и порвал их на мелкие кусочки, которые кинул в корзинку для мусора, где они усыпали дно, как конфетти. Он сидел, уставившись на них добрые две минуты, почти ожидая, что они взлетят вверх, чтобы прирасти друг к другу и снова лечь целым листом на его столе, подобно прокручиваемым назад кадрам из кинофильма.

Наконец он поднял корзинку и понес ее вниз в холл к вмонтированному в стене рядом с лифтом панельному агрегату из нержавеющей стали. Надпись внизу гласила «Мусоросжигатель».

Он открыл панель и вышвырнул мусор в почерневший желоб.

— Туда, — произнес он в странной летней тишине здания английского и математического факультетов. — Все туда.

Там, внизу, это называют дурацкой начинкой.

— А здесь наверху мы называем это конскими каштанами, — пробормотал Тад и отправился назад в свою комнату, держа пустую корзинку.

Все ушло. По желобу в забвение. И до тех пор, пока результаты его обследования не вернутся из госпиталя — или до следующего затемнения, или транса, или птичьей фуги, или еще черт знает какой штуки — он не собирался больше ничего рассказывать. Совсем ничего. Более чем вероятно, что слова, которые он написал на том листе бумаги, целиком и полностью оказались плодом его сознания, подобно сну о Старке и пустом доме, и потому не имеют никакого отношения к убийствам Гомера Гамаша или Фредерика Клоусона.

Там, в Эндсвилле, где оканчиваются все железнодорожные пути.

— Это вообще ничего не значит, — сказал Тад вялым и безучастным голосом... Но когда он уходил в тот день из университета, то почти спасался бегством.

Глава 12 СЕСТРЕНКА

Она знала, что здесь что-то не в порядке — когда она вставила ключ в большой замок Крейга в двери своей квартиры, ей не пришлось его проворачивать, а вместо привычных пощелкиваний он просто нажал на дверь и открыл ее. Не было повода подумать, как глупо с ее стороны уходить на работу и оставлять дверь незакрытой. Почему бы тебе, Мириам, тогда не оставлять на двери записку типа «ХЭЛЛОУ, ГРАБИТЕЛИ, Я ХРАНЮ НАЛИЧНЫЕ В БАНКЕ НА ВЕРХНЕЙ КУХОННОЙ ПОЛКЕ!» Не было повода подумать так, потому что если ты уже живешь в Нью-Йорке шесть месяцев или даже четыре, ты не забыла бы это сделать. Может быть, ты бы только хлопнула наружную дверь, когда собралась бы поехать на каникулы домой и оставляла здесь какую-нибудь жалкую конуру; либо ты могла бы забыть о замке, уходя на работу, если ты прибыла сюда из какого-нибудь городишка типа Фарго, штат Северная Дакота или Эймс, штат Айова. Но после того, как вы прожили некоторое время в этом червивом Большом Яблоке, вы будете закрывать дверь на ключ, даже если относите чашку чая с сахаром соседке напротив своей квартиры. Забывчивость здесь будет напоминать забывчивость человека, сделавшего выдох, но никак не вспоминающего о необходимости сделать следующий вдох. Город полон музеев и галерей, но он также полон наркоманов и психопатов, и вам не стоит испытывать судьбу. Если только вы не родились идиоткой, а Мириам не таковой появилась на свет. Может быть, немного простовата, но не тупица.

Поэтому она уже знала, что-то здесь неладно, и хотя Мириам была уверена, что воры, очистившие ее квартиру, вероятно, убрались отсюда три-четыре часа тому назад, забрав с собой все, что можно было бы спустить потом хотя бы за полцены (не говоря уж о тех восьмидесяти или девяноста долларах в банке, а может быть, и саму эту банку, почему она о ней вспомнила, как будто это самое главное?), но все же они еще *могли* оставаться там. Это было наподобие тех мыслей, какие стараются внушить мальчикам, получившим первые настоящие ружья, когда доказывают идею, что с ними надо очень осторожно обращаться, словно эти ружья всегда заряжены, даже когда вы вынимаете их из фабричной коробки в первый раз.

Она начала отступать от двери. Она это сделала почти мгновенно, даже еще до того, как дверь остановила свой поворот внутрь прихожей, но все равно было уже слишком поздно. Из темноты с быстротой пули выскочила рука. Она схватила руку Мириам. Ключи упали на паркет прихожей.

Мириам Коули открыла рот, чтобы закричать. Большой светловолосый мужчина стоял как раз за дверью, терпеливо поджидая ее четыре часа, не прикасаясь к кофе и не куря сигарет. Ему хотелось

курить и он, конечно, закурит, как только дело будет сделано, но до этого он был чрезвычайно осторожен, поскольку запах мог вспугнуть ее. Нью-Йоркцы очень похожи на мелких зверьков, кишаших в подлесе, чувства которых обострены ожиданием опасности, даже когда они, казалось бы, беззаботно веселятся.

Еще до того, как она что-то сообщила, он уже схватил ее запястье своей правой рукой. Сейчас же он схватил левой рукой дверь и швырнул изо всех сил женщину прямо на нее. Дверь выглядела как деревянная, но на самом деле она, конечно, была из металла, как и во всех мало-мальски приличных квартирах в червивом и старом Большом Яблоке. Два ее зуба вылетели изо рта, порезав его. Губы были разбиты и безжизненно раздвинуты, кровь сильно сочилась, и капли ее усеяли всю дверь. На щеке горел рубец, как от сильного удара хлыстом.

Она осела, почти потеряв сознание. Блондин уже не держал ее. Она рухнула на паркет холла. Это произошло очень стремительно. В соответствии с фольклором Нью-Йорка, можно было бы сказать, что никто из живущих в червивом Большом Яблоке не поинтересовался бы спущенным дерьмом до тех пор, пока оно не вылилось *на него* самого. Тот же легендарный фольклор утверждает, что любой псих мог бы ударить ножом двадцать или сорок раз какую-нибудь женщину около 20-местной парикмахерской при ясной луне на Седьмой Авеню, и никто из клиенток не проронил бы ни слова, исключая, может быть, фразу типа *«Не могли бы вы укоротить здесь чуть-чуть повыше ушей»* или *«Я думаю, этот одеколон подойдет, Джо»*. Светловолосый мужчина знал, что этот фольклор — сплошной вздор. Для мелких и вечно обеспокоенных зверьков любопытство является одним из условий выживания. Названием этой игры, конечно, было «защипай свою шкуру», здесь не надо и спорить, но нелюбопытное существо быстрее покидает этот мир. Поэтому скорость всегда главнее всего. Он схватил Мириам за волосы и втащил ее внутрь квартиры, но дверь оставил чуть приоткрытой. Через короткий промежуток времени он услышал скрежет засова в другой стороне холла, после чего раздался треск открываемой двери квартиры напротив. Он даже не посмотрел на лицо, которое высунулось из двери другой квартиры, маленькое безволосое кроличье лицо, а нос почти всегда подергивается.

— Ты не разбила его, Мириам? — спросил светловолосый громким голосом. Затем он перешел на высокий регистр, почти совсем фальцет, сложив ладони чашечкой в каких-то двух дюймах от своего рта, чтобы имитировать голос женщины. — Я так не думаю. Ты не сможешь мне поднять его? — Теперь руки убраны, а голос — обычный мужской. — Конечно. Секунду.

Он прикрыл дверь и посмотрел через глазок. Это был глазок типа рыбьего глаза, дававший сильно искаженную перспективу холла, и он увидел именно то, что и ожидал: белое лицо, смотрящее в сторону

квартиры Мириам, выглядевшее точь-в-точь, как мордочка кролика, высунувшегося из своей норки.

Затем лицо исчезло.

Дверь захлопнулась.

Это не шум от *падения* тела, это просто что-то *хлопнулось* на пол. Глупышка Мириам что-то опять уронила. Мужчина с ней — может быть, ее любовник, а может быть, и ее бывший муж — помогает ей что-то поднять. Нечего беспокоиться. Все в порядке, братцы-кролики, где бы вы ни были.

Мириам застонала, приходя в себя.

Светловолосый залез в карман, достал складную бритву и открыл ее. Лезвие сверкнуло в полумраке, поскольку он оставил свет лишь на столе, включив настольную лампу.

Ее глаза открылись. Она увидела, как он наклонился над ней. Ее рот был ярко-красным, словно она наелась спелых вишен.

Он показал ей бритву. Ее глаза, которые были почти ослеплены и затуманены, стали проясняться и раскрылись шире. Ее рот приоткрылся.

— Только пикни, и я прирежу тебя, сестренка, — проговорил он, и рот Мириам закрылся.

Он снова схватил ее за волосы и втащил в гостиную. Ее юбка шуршала по полу. За голову зацепился шарфик, который волочился за ней. Она застонала от боли.

— Не делай этого, — сказал он, — я тебя уже предупреждал.

Они были в гостиной. Это была маленькая, но прелестная комната. Уютная. Гравюры французских импрессионистов висели на стенах. Окантованный плакат, рекламировавший мюзикл «Кошки». ТЕПЕРЬ и НАВСЕГДА, говорил он. Засушенные цветы. Небольшая секционная софа, застеленная какой-то грубоватой, пшеничного цвета материей. Книжный шкаф. В нем он мог увидеть обе книги Бомонта на одной полке и все четыре книги Старка — на другой. Книги Бомонта стояли на полке повыше. Это было, конечно, неправильно, но он решил, что эта сучка просто плохо разбирается в литературе.

Он отпустил ее волосы. — Садись на кушетку, сестренка. На тот конец. — Он указал на тот край кушетки, с которым соседствовал угловой столик, где были водружены телефон и автоответчик с памятью для записей.

— Пожалуйста, — прошептала она, не пытаясь встать. Ее рот и щека начали сильно распухать, и слово получилось невнятно-шипящим: «*Пожашуй*». — Берите все. Все. Деньги в банке: «*Денни ваанке*».

— Сядь на кушетку. На тот конец. — На этот раз он одной рукой указал ей место, другой рукой помахав бритвой перед лицом Мириам.

Она залезла на кушетку и сжалась в подушках, насколько это было возможно, ее темные глаза были широко открыты. Она обтерла рот

рукой и, словно не веря, смотрела на кровь, появившуюся после этого у нее на тыльной стороне ладони, а затем взглянула снова на светловолосого.

— Что вам нужно? *«Што ваа нуж?»* — Это звучало, словно кто-то говорил со ртом, набитым пищей.

— Я хочу, чтобы ты позвонила по телефону, сестрица. Это все. — Он взял со стола телефон и, используя протянутую бритву, нажал кнопку на панели управления телефона. Затем он передал аппарат ей. Это было старомодное устройство с трубкой, напоминающей гантели. Намного тяжелее, чем аппарат «Принцесс». Он знал это и увидел по ее внезапно напрягшемуся телу, когда она заполучила телефон, что она тоже думает об этом. Легкая усмешка тронула губы мужчины. Она, правда, более нигде не проявилась, только на губах. Эта улыбка никак не была светлой.

— Ты думаешь, не разmozжить ли мне голову этой штуковиной, сестрица? — спросил он Мириам. — Я тебе скажу прямо, это не очень удачная мысль. А ты ведь знаешь, что делают с людьми, которые теряют удачные мысли, ведь правда? — Она ничего не ответила, и он продолжал: — Они исчезают с небосклона. Это точно. Я как-то увидел это на карикатуре. Поэтому крепче держи этот телефон на коленях и постарайся сконцентрироваться, чтобы к тебе вернулись удачные и счастливые мысли.

Она смотрела на него во все глаза. Кровь медленно стекала вниз по ее подбородку. Капля упала на кайму ее платья. — Ее никогда не смоешь, сестренка, — подумал светловолосый. — Говорят, что это легко сделать, если только быстро замочить пятно холодной водой, но это не так. У них ведь есть приборы. Спектроскопы. Газовые хроматографы. Ультрафиолетовое облучение. Леди Макбет была права.

— Если тебя опять посетят эти плохие мысли, я ведь увижу по твоим глазам, сестренка. Они у тебя такие большие и темные. Ты же не хочешь, чтобы один из них вдруг скатился по твоей щеке, ведь так?

Она покачала головой так быстро и сильно, что волосы буквально создали маленькую бурю вокруг лица. И в то же время она не спускала с него молящих о пощаде глаз, черных и прекрасных. Сэр, я готова сделать все, что вам будет угодно.

На этот раз улыбка коснулась не только его рта, но и глаз, и он подумал, что она пресмыкается, как самая настоящая дешевка.

— Я хочу, чтобы ты набрала номер Тада Бомонта.

Она только смотрела на него, ее глаза блестили с оттенком ужаса.

— Бомонт, — терпеливо повторил он. — Писатель. Сделай это, сестрица. Время течет только вперед и с быстротой крылатых ног Меркурия.

— Моя книжка, — сказала она. Ее рот сейчас слишком распух, чтобы можно было сразу понять, что она произносит. *«Оя ниж»* — вот как это звучало.

— «*Оя ниж*»? — спросил он. — Что ты бормочешь? Я ничего не понимаю. Объясни, сестренка.

Тщательно преодолевая боль и по буквам — моя книжка. *Книжка*. Моя адресная книжка. Я не помню номер.

Прямое лезвие прошелестело по воздуху в ее направлении. Оно произвело звук, похожий на человеческий шепот. Это было, возможно, только воображение, но, однако, этот шепот услышали они оба. Она еще дальше забилась в подушки, разбитые губы искривились в гримасе. Он повернул бритву так, чтобы лезвие поймало слабый и мягкий ответ настольной лампы. Он легко наклонил бритву, позволив свету пробежать по лезвию, как стекающей вниз воде, и посмотрел на нее взглядом, словно говорящим, что они были бы просто сумасшедшими или крестинами, если не восхитились столь прекрасной вещью.

— Не нагадь мне, сестрица. — Теперь в его голосе слышался мягкий южный акцент. — Это то самое, что тебе не надо бы делать, когда ты работаешь на парня вроде меня. А теперь набери его... номер.

Она могла даже не записать номер *Бомонта* в телефонную память, поскольку имела с ним совсем не много дел, но ей следовало бы это сделать для *Старка*. В книжном бизнесе Старк был козырной картой для нее, а ведь номер телефона обоих этих писателей один и тот же.

Слезы полились у нее из глаз. — Я не помню, — простонала она. «*Я нее ооммю*».

Светловолосый готов был прирезать ее не из-за того, что он рассердился, но потому, что когда вы позволяете леди типа этой пользоваться одной ложью, это всегда приводит к другой — но затем передумал. Вполне возможно, что она действительно могла на время позабыть даже телефонные номера столь важных клиентов как фирма *Бомонт/Старк*. Она ведь в шоке. Если он попросит набрать номер телефона ее же собственного агентства, она тоже может не вспомнить его.

Но поскольку речь идет о Таде Бомонте, а не о Рике Коули, он решил помочь.

— О'кей, — сказал светловолосый. — Ты расстроена. Я понимаю. Я не знаю, поверишь ли ты, но я даже сочувствую. Тебе везет, поскольку я, как ни странно, знаю этот номер сам. Помню его, словно это мой собственный, можно сказать. И знаешь что? Я даже не собираюсь заставлять тебя набирать его, частично потому, что не хочу сидеть здесь до холодов, ожидая пока ты наконец наберешь его правильно, но также потому, что я действительно тебе *сочувствую*. Я собираюсь сам наклониться и набрать номер. Ты знаешь, что это означает?

Мириам Коули покачала головой. Ее темные глаза, казалось, собирались занять вскоре все ее лицо.

— Это значит, что я собираюсь поверить тебе. Но только до этих пор; только в этом и не дальше, милая. Ты меня слушаешь? Ты все усекла?

Мириам усердно закивала, ее волосы снова рассыпались. Видит Бог, ему нравились женщины с длинными волосами.

— Хорошо. Это хорошо. Пока я набираю номер, сестричка, тебе очень хочется посмотреть на это лезвие. Это очень помогает хранить твои счастливые мысли в полном порядке.

Он наклонился и начал набирать номер на старинном вращающемся диске циферблата. Усиленные записывающим устройством звуки вызова абонента послышались после набора номера. Они раздавались как при вращении карнавального колеса фортуны. Мириам Коули сидела с аппаратом на коленях, посматривая то на бритву, то на бесстрастные и грубые черты лица ужасного незнакомца.

— Говори с ним, — приказал светловолосый. — Если ответит его жена, скажи ей, что звонит Мириам из Нью-Йорка, и что ты хочешь переговорить с ним. Я знаю, что рот у тебя распух, но сделай так, чтобы ответивший узнал тебя. Сделай это ради меня, сестрица. Если ты не хочешь, чтобы тебе располосовали лицо, как на портрете Пикассо, ты это отлично сделаешь для меня. — Последние два слова прозвучали невнятно, почти как у нее.

— Что... Что я должна сказать?

Светловолосый ухмыльнулся. Она обработана, все идет как надо. Все эти нежности. Все эти волосы. Он почувствовал некое оживление в зоне ниже ременной пряжки. Там что-то ожило.

Телефон звонил. Они оба хорошо это слышали через усилительное устройство.

— Ты будешь говорить нужные вещи, сестрица.

Послышался звук снимаемой на другом конце провода телефонной трубки. Светловолосый дождался «Хэллоу», сказанного голосом Бомонта, а затем со скоростью жалящей змеи наклонился вперед и полоснул лезвием бритвы левую щеку Мириам Коули, содрав с нее полосу кожи. Кровь хлынула из раны. Мириам пронзительно завизжала.

— *Хэллоу!* — рявкнул Бомонт. — Хэллоу, кто там? Черт побери, кто вы?

«Да, это я, все в порядке, ты, сукин сын, — подумал светловолосый. — Это я, и ты знаешь, что это я, ведь так?»

— Скажи ему, кто ты и что происходит, — прорычал он Мириам. — Сделай это! Не заставляй меня повторять дважды!

— *Кто это?* — кричал Бомонт. — *Что происходит? Что там?*

Мириам снова вскрикнула. Кровь забрызгала подушки кушетки. Это уже не были отдельные капли; ее платье было насквозь пропитано кровью.

— *Делай, что я говорю, или я перережу тебе глотку этой штукой!*

— *Тад, здесь мужчина!* — простонала она в телефон. Боль и ужас позволили ей говорить четко и ясно. — *Здесь преступник! Тад, ЗДЕСЬ ГОЛОВОРЕЗ...*

— **НАЗОВИ СЕБЯ!** — рывкнул светловолосый и блеснул лезвием в каком-то дюйме перед ее глазами. Она отшатнулась с воплем.

— *Кто это? Кто...*

— **МИРИАМ!** — прокричала она. — **О, ТАД, НЕ ДАЙ ЕМУ СНОВА ПОЛОСНУТЬ МЕНЯ НЕ ДАЙ ЭТОМУ ГОЛОВОРЕЗУ СНОВА ПОЛОСНУТЬ МЕНЯ НЕ ДАЙ...**

Джордж Старк перерезал телефонный шнур. Усилительное устройство издало один негодующий хлопок и замерло в молчании.

Все было хорошо. Могло быть и еще лучше; он хотел заделать ее, действительно хотел трахнуть ее. Уже давно он не хотел проделать это с женщиной, но эта вызвала у него желание, но он не собирался удовлетворять его. Будет слишком много крика. Кролики снова вылезают из своих нор, приносясь к воздуху, чтобы не проворонить большого хищника, кружащего где-то поблизости в джунглях, за пределами зоны в их лагере, освещенной жалкими небольшими фонарями.

Она по-прежнему кричала.

Было ясно, что она уже потеряла все счастливые мысли.

Поэтому Старк снова схватил ее за волосы, закинул голову назад, чтобы она полюбовалась потолком и перерезал ей глотку.

В комнате воцарилась тишина.

— Вот и все, сестренка, — сказал он нежно. Он сложил бритву, аккуратно убрал ее в футляр и переправил его обратно себе в карман. Затем он протянул свою окровавленную левую руку и закрыл ей глаза. Манжета его рубашки тут же пропиталась теплой кровью, которая все еще хлестала из ее глотки, но нужную вещь всегда необходимо сделать. Если это женщина, ты должен закрыть ей глаза. Неважно, насколько она была дрянью, даже если бы она была наркоманкой, продавшей собственных детей ради очередной дозы, ты должен закрыть ей глаза.

А она вообще была лишь пешкой. Рик Коули был совсем другое дело.

И человек, написавший в журнале тот материал.

И та сука, которая делала фотографии, особенно ту, у могильной плиты. Сука, да, настоящая сука, но он и ей обязательно закроет глаза.

А когда он о них всех позаботится, настанет время поговорить и с самим Тадом. Без посредников, *как мужчина с женщиной*. Пора бы Таду понять причину. После того, как он закончит со всеми, он ожидает, что Тад будет *готов* понять эту причину. Если же нет, есть много способов заставить Тада сделать это.

Он ведь, кроме всего прочего, женатый человек — с очень красивой женой, настоящей королевой.

И он имеет детей.

Он окунул палец в кровь Мириам и быстро начал писать на стене. Ему пришлось дважды обмакивать палец, и наконец короткое посла-

ние красовалось там, где нужно, над запрокинутой головой мертвой женщины. Она бы сама смогла прочитать его, не будь ее глаза закрыты.

И, конечно, если бы она была жива.

Он наклонился и поцеловал Мириам в щеку.

— Доброй ночи, сестричка, — сказал он и вышел из квартиры.

Мужчина из квартиры напротив снова выглянул из своей двери.

Когда он заметил высокого, перепачканного кровью светловолосого человека, появившегося из квартиры Мириам, он захлопнул дверь и наглухо закрыл ее на все засовы.

«Мудро, — подумал Джордж Старк, спускаясь из холла к лифту. — Чертовски мудро».

Между тем ему надо поторапливаться. У него еще есть дела.

Есть еще кое-кто, о ком надо позаботиться этим вечером.

Глава 13 ПОЛНАЯ ПАНИКА

1

Несколько секунд — он не представлял, сколько это длилось — Тад был объят паникой, столь сильной и полной, что был буквально неспособен как-то функционировать. Он искренне удивился, что оказался способен хотя бы дышать в это время. Позднее он подумал, что лишь однажды в жизни ему уже пришлось испытывать нечто очень похожее, когда ему было десять лет, и он с парой друзей решил пойти поплавать в середине мая. Это было по меньшей мере на три недели раньше того срока, когда любой из мальчишек начинал плавать, но все равно казалось прекрасной идеей. Дни стояли ясные и очень жаркие для мая в Нью-Джерси, температура достигала восьмидесяти с лишним градусов*. Все трое спустились к озеру Дэвиса, как они издевательски именовали небольшой пруд в миле от дома Бомонтов в Бергенфилде. Он первым разделся и надел плавки, и поэтому первым полез в воду. Он просто нырнул туда с берега, и Тад до сих пор удивлялся, что не отдал тогда концы — *несколько* он был близок к смерти, ему никогда впоследствии не хотелось точно определять. *Воздух* в тот день действительно был раскален, как в середине лета, но *вода* была точь-в-точь такой же, как ранней зимой, незадолго до появления льда на поверхности пруда. Его нервная система мгновенно дала короткое замыкание. Дыхание прекратилось, сердце остановилось, и когда он вынырнул на поверхность, он напоминал автомобиль с севшим аккумулятором, автомобиль, который срочно нужно завести, но неизвестно, что же нужно для этого сделать. Он помнил, каким ярким было солнце, отражавшееся десятками тысячами золотых пятнышек на сине-черной поверхности воды, он помнил Гарри Блэка и Рэнди Уистера, стоявших на берегу. Гарри, снимающего свои знаменитые спортивные брюки, и Рэнди, уже нагишом, с плавками в руке и вопрошающего «*Как вода, Тад?*». Все, что был способен сознавать Тад, когда всплыл, было: «*Я умираю, прямо здесь под солнцем, перед двумя лучшими друзьями, и это происходит после школьных занятий, и нам не задавали домашнего задания, и мистер «Давайте построим свой собственный дом мечты» должен сегодня идти в раннем ночном шоу по телевизору, и ма сказала, что мне будет разрешено поужинать, сидя прямо перед телевизором, но я никогда не увижу эту передачу, потому что собираюсь умереть*». То, что было всегда так легко — дышать — теперь почти не удавалось. Словно какой-то гигантский комок застрял в горле, что-то, что нельзя было

* 80° по Фаренгейту равны 27° по Цельсию.

никак вытолкнуть или всосать внутрь. Сердце в груди напоминало маленький холодный камень. Затем что-то лопнуло, Тад сделал жадный вдох, его тело покрылось миллиардом гусиных пупырышков, и он ответил Рэнди тем бездумным ликующим голосом, который является привилегией только маленьких ребят: *«Вода отличная! Не очень холодная!»* Только через несколько лет до него дошло, что он мог запросто убить кого-нибудь из тех двоих или даже обоих, точно так же, как только что он чуть было не отправил себя самого на тот свет.

То, что происходило сейчас, очень походило на тогдашнее состояние — Тад был полностью отключен от мира. В армии подобное состояние называли «групповое трахание». Да. Хороший термин. Вообще, когда дело касается терминологии, армия всегда и по-настоящему на высоте. Он здесь сидел в самом центре огромного и великого группового трахания. Он сидел на кресле, не в кресле, а именно на нем, подавшись вперед с телефоном в руке, уставившись мертвыми глазами на телевизор. Он был уверен, что Лиз вошла в дверной проем, она спрашивает, кто это, и что случилось. И все это напоминало тот день на озере Дэвиса, в точности, как тогда, грязный носок из хлопка в его глотке, тот самый, который не идет ни туда ни сюда, все линии связи между мозгом и сердцем внезапно заблокированы, «мы просим извинения за эту непредвиденную помеху, рабочий режим будет восстановлен как можно скорее, а может быть, он вообще *никогда* не будет восстановлен, но в любом случае радуйтесь своему пребыванию в прекрасном нижнем городе Эндсвилл, месте, где оканчиваются все железнодорожные пути».

Затем это сразу лопнуло, точно так же, как и тогда, и он сделал глубокий вдох. Сердце тут же откликнулось двумя быстрыми галлопирующими ударами в его груди, а затем восстановило регулярный ритм... хотя темп был еще убыстрен, слишком убыстрен.

Этот крик. Боже милостивый, этот крик.

Лиз сейчас бежала через комнату, и он осознал, что она выхватила телефонный аппарат из его руки, только когда услышал ее возгласы «Хэллоу?» и «Кто это?», повторяющиеся раз за разом. Затем она услышала гудки прерванной связи и поставила телефон на место.

— Мириам, — наконец удалось вымолвить Таду, когда Лиз повернулась к нему. — Это была Мириам, и она кричала.

За исключением своих книг, я нигде и никого не убивал.

Воробы летают снова.

Мы называем это дурацкой начинкой.

Мы называем это Эндсвилл.

Хочу смыться назад на север, босс. Вы сочините мне алиби, потому что я хочу смыться на север. Отрежьте-ка мне кусок мяса.

— Мириам? Кричала? Мириам Коули? Тад, что происходит?

— Это он, — ответил Тад. — Я знаю, это он. Я думаю, что знал об этом почти с самого начала, а затем сегодня... днем... я ощутил еще одно...

— Еще *что*? — Пальцы Лиз уперлись в ее шею, тяжело надавливая. — Еще одно затемнение сознания? Еще один транс?

— И то, и другое, — сказал Тад. — Воробьи летают снова. Я написал много сумасшедшего бреда на листе бумаги, когда я был выключен. Я выбросил это, но ее имя было на листе, Лиз. Имя Мириам было частью того, что я написал в то время, когда я был отключен... и...

Он остановился. Его глаза открывались все шире и шире.

— Тад? Тад, что с тобой? — Она схватила его за руку, потрясла ее. — *Что это такое?*

— В ее гостиной был плакат, — сказал он. Он слышал свой голос, словно это был голос совершенно постороннего человека, голос, пришедший издалека. Внеземной, быть может. — Плакат бродвейского мюзикла. «Кошки». Я видел его, когда в последний раз был у нее в квартире. «Кошки». ТЕПЕРЬ И НАВСЕГДА. Я это тоже написал. Я написал это потому, что он был там, и поэтому я тоже *был* там, часть меня, часть меня самого смотрела его глазами...

Он взглянул на нее. Он смотрел на Лиз широко открытыми глазами.

— Это не опухоль, Лиз. По крайней мере, не та, что внутри моего тела.

— *Я не понимаю, о чем ты говоришь!* — почти прокричала Лиз.

— Я должен позвонить Рику, — пробормотал Тад. — Часть его мозга, казалось, оторвалась от общего массива и двинулась куда-то, блестя и разговаривая сама с собой при помощи изображений и грубых ярких символов. Это было подобно состоянию, когда он писал, но он в первый раз столкнулся с этим явлением в реальной жизни, по крайней мере, он ранее ничего похожего на это не мог вспомнить. — В реальной жизни — а не писал ли он реальную жизнь? — задал вдруг он себе вопрос. Он так не думает. Более вероятно другое.

— Тад, *пожалуйста!*

— Я должен предупредить Рика. Он может быть в опасности.

— Тад, ты ничего не объясняешь!

Нет, конечно, нет. И если он начнет объяснять, он вряд ли внесет какую-то ясность, скорее наоборот... и пока он будет терять время, унимая слезы жены, ничем почти и не вызванные, Джордж Старк может пересечь те девять жилых блоков в Манхэттене, отделяющих квартиры Рика и его бывшей жены друг от друга. Сидя на заднем сиденье в такси или за рулем черного «Торнадо» из сна Тада — а почему бы и нет, если уж вы пошли по дороге безумия, то почему бы не пройти по этой дороге до самого конца? Сидя там, куря сигареты и готовый прикончить Рика, так же просто, как было с Мириам...

Убил ли он ее?

Может быть, он только припугнул Мириам, оставив ее рыдать в шоке. Или он только поранил ее — только лишь; при этой, второй мысли это кажется вероятным. Что она сказала? *«Не дай ему снова полоснуть меня, не дай этому головорезу снова полоснуть меня»*. И на бумаге было сказано «порезы». И не написал ли он также «оканчивается»?

Да. Да, это было. Но это же относится ко сну. Что делать с Эндсвиллом, местом, где оканчиваются все железнодорожные пути? Что это значит? Может, она еще жива?

Он молился, чтобы это было так.

Он должен помочь ей, по крайней мере, попытаться это сделать, и он должен предупредить Рика. Но если он просто позвонит Рiku и выведет его из беззаботного состояния, сказав, что надо быть настороже, Рик захочет выяснить, почему.

Что с тобой, Тад? Что случилось?

А если он только упомянет имя Мириам, Рик вскочит и пулей понесется к ней на квартиру, потому что он по-прежнему заботится о ней. Он чертовски много заботится. И он окажется первым, кто обнаружит Мириам... может быть, разрезанную на куски (часть мозга Тада попыталась уйти от этого предположения, этого образа, но большая часть мозга заставила его представить тело красивой Мириам, разделанное наподобие туши у мясника на продажу.

И, может быть, это как раз то, на что и рассчитывает Старк. Тупой Тад, посылающий Рика в пасть убийцы. Тупой Тад, делающий за Старка всю работу.

Но не делал ли я его работу все это время? Не является ли он тем, что было выдуманно под его литературным именем, во имя всех святых?

Он мог в любой момент почувствовать, что его сознание опять затуманивается, плавно отключаясь и завязываясь в узел, в групповое трахание, а он не мог допустить этого, именно сейчас он не мог допустить этого *всего*.

— Тад... *пожалуйста!* Скажи, что *происходит?*

Он глубоко вздохнул и схватил ее похолодевшие руки своими ничуть не менее холодными руками.

— Это был тот же человек, который убил Хомера Гамаша и Клоусона. Он был с Мириам. Он... угрожал ей. Я надеюсь, это все, что он сделал. Я не знаю. Она кричала. Линия отключилась.

— О, Тад. Иисус Христос!

— У нас нет времени для истерик, — сказал он и подумал: «*Бог знает, как часть меня хочет этого*». — Иди наверх. Возьми твою адресную книгу. Я не помню ни телефона, ни адреса Мириам. Я думаю, ты их найдешь.

— Что ты подразумеваешь, говоря что «знал об этом почти с самого начала»?

— Сейчас нет на это времени, Лиз. Принеси адресную книгу. Принеси побыстрее. О'кей?

Лиз все еще колебалась.

— Она может быть ранена. Иди!

Она повернулась и выбежала из комнаты. Он услышал ее быстрые легкие шаги по лестнице вверх и попытался заставить свои размышления двигаться дальше.

Не звони Рику. Если это ловушка, звонок Рику будет очень плохой услугой.

О'кей, мы это учтем. Это не много, но это лишь начало. Что дальше?

Полицейское управление Нью-Йорка? Нет, они засыпят тебя кучей вопросов, на это уйдет много времени, да и как объяснить, что парень из Мэна сообщает о преступлении в Нью-Йорке. Полиция — тоже неудачная идея.

Пэнборн.

Его сознание остановилось на этой мысли. Он сперва позвонит Пэнборну. Он будет осторожен в разговоре, по крайней мере, сейчас. То, что он скажет позднее, а, может быть, и не захочет сказать — о затемнениях сознания, о писке воробьев, о *Старке* — пусть пока его не волнует. Сейчас Мириам была важнее всего. Если она ранена, но еще жива, не нужно ничего говорить лишнего, что могло бы только замедлить действия Пэнборна. *Он* был тем единственным человеком, кто должен позвонить в Нью-Йорк, полицейским коллегам. Они будут действовать быстрее и задавать куда меньше вопросов, если услышат сигнал тревоги от своего, хотя бы и очень удаленного от них собрата из штата Мэн.

Прежде всего Мириам. Дай Бог, чтобы она ответила на его звонок.

Лиз влетела обратно с адресной книгой. Ее лицо было столь же бледно, как в то время, когда она произвела на свет Уильяма и Уэнди. — Вот она, — сказала Лиз. Она дышала быстро, почти задыхаясь.

«Все идет нормально», — подумал он и хотел сказать это Лиз, но затем придержал язык. Он не хотел произносить того, что так легко могло оказаться ложью... и звуки воплей Мириам заставляли предполагать, что дела шли хорошо в прошлом и, видимо, миновали эту благоприятную стадию. И что касается Мириам, возможно, они уже никогда не вернуться к тем благоприятным временам.

Здесь находится преступник, здесь головорез.

Тад подумал о Джордже Старке и содрогнулся. Он был очень опасным преступником, это верно. Тад знал истинность этого мнения куда лучше, чем кто-либо еще в мире. Это он, Тад, создал Джорджа Старка, поднял его из земли... не так ли?

— Все о'кей, — сказал он Лиз, и это, в основном, было правдой. — *«Пока что»*, — его сознание настаивало на этом дополнении требова-

тельным шепотом. — Возьми себя в руки и держись, малышка. Долгая болтовня и падение в обморок никак не помогут сейчас Мириам».

Она села, неестественно прямо, и ее зубы непроизвольно закусили нижнюю губу. Она не сводила глаз с Тада. Тот начал набирать номер Мириам. Пальцы Тада слегка дрожали и соскальзывали дважды с одной из кнопок. *Ты великолепен, когда говоришь окружающим, чтобы они держали себя в руках.* Он сделал длинный и глубокий вдох, потом подождал немного. И нажал кнопку разъединения на аппарате. После этого он снова, но уже тщательно, набрал на кнопочном циферблате все нужные цифры, стараясь действовать как можно четче и медленнее. Тад услышал прерывистые гудки, говорящие, что ему не удастся соединиться с абонентом.

Пусть у нее все будет в порядке, Господи, и если даже у нее не все в полном порядке, если ты можешь, позволь ей хотя бы ответить на мой телефонный звонок.

Но телефон не мог зазвонить. Вместо этого шел лишь назойливый сигнал «да-да-да», говоривший о том, что номер занят. Может быть, он действительно был занят, она могла звонить Рику или в больницу. А может быть, телефон был просто выключен из сети.

Еще одна возможность пришла ему в голову, когда он снова начал набирать номер. Может быть, Старк выдернул телефонный шнур из стены. Или, может быть,

(не позволь этому головорезу полоснуть меня еще раз)

он перерезал этот шнур.

Как он перерезал глотку Мириам.

— «Бритва», — подумал Тад, и ужас прокатился волной по его спине. Это было еще одно слово, которое он в забытьи написал сегодня днем. *Бритва.*

2

Следующие полчаса или что-то около этого были возвращением Тада в тот сюрреалистический мир, в котором он уже побывал и хорошо его ощутил, когда шериф Пэнборн и два патрульных полисмена поднялись по лестнице, чтобы арестовать Тада за убийство, о котором он даже и не подозревал. Он не ощущал личной угрозы себе, *непосредственной* угрозы, по крайней мере, — но то же самое чувство возникает, когда вы идете по заброшенной темной комнате, затянутой свисающей вниз паутиной, которая касается вашего лица тонкими волокнами, сперва только щекоча, а затем почти сводя вас с ума. Нити, которые не прилипают к вам, а исчезают в воздухе еще до того, как вам удастся схватить их.

Он снова и снова вызывал номер Мириам. Наконец он нажал кнопку разъединения, поколебался какой-то момент, выбирая, звонить ли сразу шерифу или сперва оператору нью-йоркской телефон-

ной станции, чтобы проверить телефон Мириам. Ведь должны же у них быть какие-то устройства, чтобы определить, занят ли номер Мириам Коули, потому что идет разговор, отключен ли телефон, или он бездействует после того, как телефонный шнур оказался перерезанным? Он был уверен, что они это смогут сделать, но самым главным было то, что разговор Мириам с ним был прерван внезапно, и до нее потом нельзя уже было дозвониться. Да и они сами могли бы выяснить в чем дело — Лиз могла это сделать — если бы у них в доме было два номера вместо одного. Почему они не завели две телефонные линии. Это было просто *глупо* не иметь две линии.

Хотя эти мысли занимали в его сознании, может быть, не более двух секунд, ему показалось, что он излишне долго думает не о том, что действительно важно, и Тад выбрал себя за разыгрывание роли Гамлета в то время, когда Мириам Коули может истекать кровью в своей квартире. Персонажи в его книгах — по крайней мере, в книгах *Старка* — никогда не делали такого рода паузы, никогда не мучили себя пустыми раздумьями, почему у них нет второй телефонной линии, столь полезной для тех случаев, когда в другом штате некая женщина, возможно, отправляется на тот свет. Эти персонажи из романов никогда не останавливаются в своих действиях, и их кишки потому на месте, что они никогда и ни перед чем не останавливаются.

Мир стал бы намного более эффективной машиной, если бы все персонажи популярных романов вдруг ожили, подумал Тад. Эти герои всегда управляют своими чувствами и мыслями, плавно переходя из одной главы книги в другую.

Он вызвал справочную штата Мэн и, когда оператор сказал «Назовите город, пожалуйста?», Тад на миг заколебался, что ответить, поскольку Кастл Рок был скорее *местечком*, чем городом, небольшим поселком, известным лишь в своем графстве, но затем он подумал: «*Это паника, Тад. Просто паника. Ты должен взять себя в руки. Ты не должен позволить Мириам умереть только потому, что ты запаниковал*». И он даже имел время, как ему показалось, чтобы удивиться, почему он не должен допустить этого, и ответить на вопрос: он сам ведь и был единственным действительным персонажем, над которым Тад мог осуществлять какой-то контроль, а паника просто никак не гармонировала с образом этого персонажа. По крайней мере, так он видел этот образ.

Там мы называем это бычьим дерьмом, Тад. Мы зовем это дурацкой...

— Сэр? — оператор был настойчив. — Ваш город, пожалуйста?

О'кей. Пусть проверяет.

Он глубоко вздохнул, успокоился и ответил: — Кастл-сити. — *Боже милостивый.* Закрыв глаза. А затем со все еще закрытыми глазами медленно поправился: — Я прошу прощения, оператор, Кастл Рок. Мне нужен номер офиса шерифа.

Последовала пауза, а затем автомат начал диктовать номер. Тад сообразил, что не взял ручки или карандаша. Автомат повторил номер еще раз. Тад мысленно повторил вслед за автоматом комбинацию цифр, и этот номер прошел сквозь его мозг в какую-то темную пустоту, даже не оставив в нем и следа.

— Если вам нужна дальнейшая помощь, — продолжал автомат, — пожалуйста, оставайтесь на связи, и оператор...

— Лиз? — попросил он испуганно. — Ручку. Что-нибудь, чем можно записать...

К адресной книжке была прикреплена ручка «Бик», и Лиз быстро протянула ее Таду. Оператор — уже человек, а не автомат — снова появилась на связи. Тад сказал ей, что ему не удалось записать продиктованный только что номер. Оператор вернула запись назад, и автомат все тем же бездушным металлическим голосом повторил этот номер. Тад записал его прямо на обложке адресной книги, почти не задумываясь, но затем решил проверить самого себя при запрограммированном повторном ответе автомата. Этот повтор показал, что Тад перепутал местами две цифры. Ох, он уже на пике своей паники, это же ясно как божий день.

Он нажал кнопку отбоя на телефоне. Легкая дрожь била все его тело.

— Успокойся, Тад.

— Ты не слышала ее, — мрачно ответил он и набрал номер шерифа.

Телефон прозвонил четыре раза, прежде чем разбуженный недовольный голос ответил: — Офис шерифа в графстве Кастл. Помощник шерифа Риджуик у телефона. Чем могу служить?

— Это Тад Бомонт. Я звоню из Ладлоу.

— Да? — Нет и признаков, что тебя узнали. Ни малейших. Что означает дальнейшие объяснения. Большие паутины. Имя «Риджуик» звучит, как громкий колокол. Ну конечно же — это тот полисмен, который допрашивал миссис Арсено и нашел изуродованное тело Гамаша. Иисус Христос, как же он мог найти старика, в убийстве которого подозревали Тада, и не знать, кто такой Тад Бомонт?

— Шериф Пэнборн приходил ко мне... обсудить дело об убийстве Хомера Гамаша, Риджуик. У меня есть срочная и важная информация, и я должен немедленно связаться с ним.

— Но шерифа здесь нет, — ответил Риджуик, и в его голосе звучали монументальные ноты, ничуть не изменившиеся под влиянием настоячивости Тада.

— Ладно, но где же он?

— Мм... дома.

— Дайте его номер, пожалуйста.

А в ответ весьма недоверчиво. — О, я не уверен, что должен это делать, мистер Боуман. Шериф — Алан, то есть — почти не

отдыхал в последнее время, да и жена его заболела. У нее головные боли.

— Я *должен* говорить с ним!

— Однако, — важно заявил Риджуик, — мне довольно забавна ваша *уверенность*, что вы обязательно должны это сделать. Может быть, вы это даже и сделаете. *Действительно* сделаете, вот что я подразумеваю. Скажите мне, что вы хотите передать, мистер Боуман. Почему бы вам просто не рассказать все это мне и перезвонить мне...

— Он приезжал ко мне, чтобы *арестовать* по делу об убийстве Хомера Гамаша, вы слышите меня, помощник шерифа, и кое-что еще случилось, и если вы не дадите мне его телефон *прямо СЕЙЧАС*...

— О, святая *ворона!* — завопил Риджуик. Тад услышал тяжелый удар и смог представить себе, как ноги Риджуика слетели со стола — или, что более вероятно, со стола Пэнборна — и приземлились на полу, когда Риджуик выпрямился во весь рост, — Бомонт, а не Боуман!

— Да, и...

— Ох, кретин! Еврейский пастор! Шериф — Алан — сказал, что если вы позвоните, я должен немедленно доложить ему об этом!

— Хорошо. Сейчас...

— Еврейский пастор. Я чертова дубина!

Тад, который мог бы и не согласиться с этой самокритикой, просто сказал: — Дайте мне его номер, пожалуйста. — Неизвестно как, но тот остаток самообладания, о котором он и не подозревал, помешал Таду перейти на крик.

— Конечно. Одну секунду. Ух... — Началась невыносимая пауза. Конечно, всего несколько секунд, но Таду показалось, что за это время можно было построить уже египетские пирамиды. Построить, а затем и сломать. И все это время жизнь Мириам могла потихоньку уходить из ее гостиной в пяти сотнях миль отсюда. Может быть, я виновен в ее смерти, решив звонить сперва Пэнборну и заполучив в собеседники этого прирожденного идиота, вместо того, чтобы в первую очередь позвонить в полицейское управление Нью-Йорка. А, может быть, вместо звонка в полицию Нью-Йорка мне надо просто набрать код полиции — это, возможно, то, что мне и следует сделать — набрать номер телефона вызова дежурной службы полиции и швырнуть свою информацию им на колени.

Хотя подобный вариант вряд ли был осуществимым, даже в нынешней ситуации. Это просто транс, и все эти слова он написал во время транс. Он не мог предвидеть покушение на Мириам... но он видел, каким-то очень странным образом, *подготовку* Старка к этому делу. Истощенные крики тысяч птиц, казалось, превращали это сумасшествие в его личную ответственность.

Но если Мириам умерла, просто потому, что он слишком паниковал, чтобы набрать 911, как же он сможет посмотреть в лицо Рику?

Да черт с этим, как он сможет посмотреть *на самого себя* в зеркало?

Риджуик, этот идиот из дома для умственно отсталых янки, вернулся. Он дал Таду номер телефона шерифа, называя каждую цифру достаточно медленно, чтобы даже самый медлительный, заторможенный субъект мог уразуметь этот номер... но Тад заставил его снова все повторить, несмотря на всю свою горячую и всепоглощающую жажду спешить. Тад все еще был потрясен открытием той бездны бесполезности работы, которую пришлось проделать, чтобы заполнить этот проклятый номер, а потому решил перестраховаться.

— О'кей, — сказал Тад. — Спасибо.

— Мистер Бомонт? Я буду вам очень признателен, если вы немного смягчите свой рассказ о том, как я...

Тад оборвал его без малейших угрызений совести и набрал номер шерифа. Пэнборн, конечно же, не подойдет к телефону; это было бы слишком просто и слишком хорошо в этот Вечер Паутины. А тот, кто подойдет, обязательно сообщит Таду (причем нужно будет трезвонить, по меньшей мере, несколько минут), что шериф уехал за караваном хлеба и галлоном молока. В Лаконию, штат Нью-Гэмпшир, хотя и Феникс может здесь вполне подойти.

Он подавил мрачный смешок, и Лиз удивленно взглянула на него. — Тад? Что с тобой?

Он начал было отвечать, потом просто махнул ей рукой, показывая, что кто-то на том конце поднял трубку. Это был не Пэнборн, здесь Тад, конечно же, угадал точно. Это был мальчуган, судя по голосу, лет десяти.

— Хэллоу, дом Пэнборна, — пропищал он. — Говорит Тодд Пэнборн.

— Хэллоу, — сказал Тад. Он был уверен, что держит телефонную трубку излишне крепко, и попытался чуть ослабить хватку впившихся в нее пальцев. Они хрустнули, но остались намертво прицепленными к трубке. — Мое имя Тад... «Пэнборн», — чуть было не произнес он, о Господи, это было бы прекрасно, ты уже почти совсем тронулся, все в порядке. Тад, ты не угадал своего призвания, тебе бы следовало быть авиадиспетчером. — Бомонт, — закончил он после корректировки заданного курса. — Шериф дома?

Нет, он уехал в Лоди, штат Калифорния, за пивом и сигаретами.

Вместо этого Тад услышал отдалившийся от телефонной трубки мальчишеский голос, провозгласивший: *Паан! Телефон!* Это сопровождалось тяжелым шлепанием трубки на стол, которое отозвалось эхом в ухе Тада.

Через какие-то секунды — благословенный Господь и вся его небесная рать — голос Алана Пэнборна отозвался: — Хэлло?

При звуке этого голоса вся буря в мозгу Тада почти улеглась.

— Это Тад Бомонт, шериф. В Нью-Йорке находится леди, которой, видимо, очень нужна самая срочная помощь, прямо сейчас. Это связано с тем делом, которое мы обсуждали в субботу вечером.

— Заткнись, — резко и весомо сказал Алан, обращаясь к расшумевшемуся поблизости сыну. Тад почувствовал, как картинка на экране его сознания становится все более четкой и ясной.

— Женщина по имени Мириам Коули, бывшая жена моего литературного агента. Тад ясно ощутил, что всего минуту назад он, несомненно, называл бы Мириам «агентом моей бывшей жены».

— Она звонила мне сюда. Она кричала, просто обезумев. Я сперва даже не понял, кто это звонит. Он приказал ей назвать себя в разговоре со мной и сообщить, что там происходит. Она прокричала, что в ее квартире находится мужчина, угрожающий убить ее. За... — Тад глотнул воздуха, — зарезать ее. Я узнал потом ее голос, но тот человек крикнул ей, что, если она немедленно не назовет мне своего имени, он просто отрежет ее куриную голову. Таковы были его слова: «Делай, что я говорю, или я перережу тебе глотку этой штукой». Тогда она сказала мне, что звонит Мириам, и умоляла меня... — Он снова глотнул. В его горле раздался какой-то клекот, столь же ясный, как буква E, отстукиваемая ключом по азбуке Морзе. — Она умоляла меня не позволить этому головорезу сделать это. Полоснуть ее снова.

Лиз рядом с ним бледнела все больше и больше. *Не дай ей упасть в обморок, желал или молился про себя Тад. Пожалуйста, не дай ей упасть сейчас в обморок.*

— Она вопила. Затем линия отключилась. Я думаю, что он перерезал провод или просто выдернул его со стены. — Кроме этого оставалось еще бычье дерьмо. Он *не думал*. Он знал. Телефонный шнур был перерезан, совершенно точно. Складной бритвой. — Я пытался дозвониться ей снова, но...

— Какой ее адрес?

Голос Пэнборна по-прежнему был твердым, приятным и спокойным. Но в нем мелькнули ярким огоньком спешка и командные нотки. Это было словно дуновение свежего ветра от старого друга.

«Решение позвонить ему было правильным», — подумал Тад. — Слава Богу, есть люди, которые знают, что они делают, или хотя бы верят в то, что они это твердо знают. Слава Богу, есть люди, ведущие себя точь-в-точь как герои популярных романов. Если бы мне сейчас пришлось столкнуться с персонажами Сола Беллоу, я бы наверняка сошел с ума.

Тад посмотрел на запись адреса Мириам в книге Лиз. — Милая, это три или восемь?

— Восемь, — ответила она чужим голосом.

— Хорошо. Сядь снова в кресло. Положи голову на колени.

— Мистер Бомонт? Тад?

— Извините. Моя жена очень расстроена. Она выглядит так, словно сейчас потеряет сознание.

— Я не удивлен. Вы оба очень расстроены. Это очень печальная ситуация. Но вы действуете правильно. Держитесь оба и вместе, Тад.

— Да. — Он в отчаянии представил себе, что, если Лиз упадет в обморок, он оставит ее лежать на полу до тех пор, пока Пэнборн не получит всей необходимой информации, чтобы действовать. — *Пожалуйста, не падай в обморок*, — снова подумал он и посмотрел еще раз в адресную книгу Лиз. — Ее адрес: 109 Вест, 84-ая улица.

— Телефонный номер?

— Я уже говорил вам, ее телефон не...

— Мне все равно нужно знать ее номер, Тад.

— Да. Конечно, вы правы. — Хотя он и не понимал, почему. — Извините. — Он продиктовал номер Мириам.

— Когда она звонила вам?

— *Несколько часов* тому назад, — подумал он и взглянул на часы, висевшие над каминной полкой. Сперва он решил, что они остановились. Должны были остановиться.

— Тад?

— Я здесь, — сказал он спокойным голосом, который, казалось, принадлежал вовсе не ему, Таду Бомонту. — Это было примерно шесть минут тому назад. Именно тогда моя связь с нею была прервана. Точнее, перерезана.

— О'кей, потеряно не так уж много времени. Если бы вы звонили в полицейское управление Нью-Йорка, вы бы потеряли втрое больше времени. Я позвоню вам опять, как только смогу, Тад.

— Рик, — сказал Тад. — Скажите полицейским, когда будете с ними связываться, что ее бывший муж еще ничего не знает. Если тот парень... вы знаете, сделал что-то с Мириам, Рик будет следующим в его списке.

— Вы абсолютно уверены, что это тот же парень, что и в случаях с Хомером и с Клоусоном, так?

— Я не сомневаюсь. — А затем с его губ слетели слова, которые Тад даже и не собирался произносить еще секундой ранее. — Я думаю, что знаю, кто он.

После короткой паузы и замешательства Пэнборн сказал: — О'кей. Будьте у телефона. Я хочу переговорить насчет этого, как только будет время. — Он отключился.

Тад взглянул на Лиз и увидел, что она свесилась набок в кресле. Ее глаза были большими и почти стеклянными. Он вскочил и подбежал к ней, потряс ее и слегка похлопал по щекам.

— Который из них? — спросила она его тусклым голосом, словно из серого мира уже неземного сознания. — Это Старк или Алексис Мэшин? Кто из них, Тад?

После очень долгого раздумья он ответил: — Я не думаю, что здесь есть какая-то разница. Я приготовлю чай, Лиз.

3

Он был уверен, что им придется говорить об этом. Как им избежать такого разговора? Но они не говорили. Долгое время они только сидели, глядя друг на друга поверх своих кружек и ожидая звонка от Алана. И по мере того, как шли эти бесконечные минуты, Таду даже начало казаться, что они абсолютно правы, не разговаривая друг с другом — до тех пор, пока шериф не позвонит им снова и не скажет, жива еще или мертва Мириам.

— Предположим, — подумал он, наблюдая как она держит обеими ладонями кружку с чаем и глотая свой собственный чай, — предположим, что мы сидим здесь однажды вечером с книгами в руках (так бы мы выглядели для постороннего наблюдателя, будто мы действительно читаем, но на самом деле мы стремимся сохранять молчание, так, словно у нас есть особенно приятное старое вино, которое родители очень маленьких детей могут иметь в небольшом количестве, а потому пьют в молчании, и далее предположим, что, пока мы занимаемся этим, крышу и потолок пробивает метеорит, который приземляется, шипя и дымя, на пол в нашей гостиной. Пойдет ли кто-нибудь из нас на кухню, чтобы набрать в мусорное ведро воды и залить ею метеорит, пока он еще не прожжет ковер, а потом продолжит чтение? Нет — мы будем говорить об этом. Мы *обязательно* будем говорить. У нас есть привычка говорить об этом.

Возможно, они начнут разговор после звонка шерифа. Может быть, разговор начнется *во время* этой телефонной беседы с Аланом Пэнборном. Лиз будет внимательно слушать, как Алан задает вопросы, а Тад отвечает на них. Да — вполне возможно, это будет начало их разговора. Потому что Таду кажется, что Алан здесь послужит катализатором. Иногда даже Таду мерещится, что именно Алан заставил крутиться весь этот идиотский балаган, хотя, на самом деле, шериф лишь реагирует на то, что проделывает Старк.

А тем временем они продолжали сидеть и ждать.

Тад почувствовал желание снова набрать номер Мириам, но не осмелился — Алан как раз в этот момент вполне мог звонить ему и обнаружить телефон занятым. Тад снова пожалел, хотя это было поздно делать, что у них дома нет второй телефонной линии. — Да, — подумал он, — желание в одной руке, а плевок — в другой.

Разум и рациональное отношение ко всему окружающему говорили Таду, что невозможно появление Старка, словно ожившего чудовища в человеческом образе для убийства людей. Это ведь абсолютно «без возможности», как говаривала неотесанная деревенщина у Оливера Гольдсмита.

Однако он существовал. Тад знал, что он есть, и Лиз тоже знала. Тад спрашивал себя, поверит ли в это Алан, когда услышит слова Тада. Можно подумать, что нет, можно ожидать, что этот парень просто отправит тебя к тем приятным молодым людям в чистых белых халатах. Потому что не существовало Джорджа Старка, как и Алексиса Мэшина, этого вымысла, пораженного вымыслом. Никто из них не мог ожить и существовать независимо от своего создателя. Ничуть не в большей степени, чем Джордж Эллиот, или Марк Твен, или Льюис Кэрролл, или Такер Ко, или Эдгар Бокс. Все эти люди — лишь литературные псевдонимы писателей, настоящие имена которых намного менее известны в книжном мире.

И все же Таду казалось почти невозможным поверить в то, что шерифа Пэнборна не убедят его слова, даже если сперва он и не захочет этого слышать. Тад и сам не хотел, но обнаружил, что бесполезно придумывать что-то еще. Это было бы попыткой извиниться за безжалостную правду.

— Почему он не звонит, — напряженно произнесла Лиз.

— Всего только пять минут прошло, крошка.

— Ближе к десяти.

Он с трудом подавил желание накричать на нее — это ведь не телевизионная игра-шоу, Алану не дадут добавочных очков и ценных призов за звонок до девяти часов с правильным ответом.

— Это *не был* Старк, — продолжала все настаивать и настаивать какая-то часть его мозга. Голос был рассудительным и странно беспомощным, казалось, повторяющим эту сентенцию не из-за действительной убежденности в своей правоте, а только по привычке, как попугай, прирученный выкрикивать «Хороший мальчик!» или «Поли хочет кречер!» И все же это правда, разве не так? Предполагал ли Тад, что Старк придет НАЗАД ИЗ МОГИЛЫ подобно монстру в фильме ужасов. Ведь это лишь искусный трюк, поскольку никакого человека — или нечеловека — никогда не хоронили, его могильная плита с надписью — всего лишь *папье-маше*, укрепленное на поверхности пустой и даже не вырытой могилы, столь же выдуманной, как и все остальное...

В таком случае, это заставляет меня перейти к последнему пункту... или аспекту... или, черт побери, как вам самому нравится это называть... Каков размер вашей обуви, мистер Бомонт?

Тад медленно оседал при этих раздумьях в своем кресле, почти готовый задремать, несмотря ни на что. Теперь он выпрямился столь неожиданно, что чуть не выплеснул чай. Отпечатки ног. Пэнборн что-то говорил о них...

Что это за отпечатки ног?

Неважно. Мы даже не делали их фото. Мы раздобыли почти все, что искали, на столике...

— Тад? Что это? — спросила Лиз.

Чьи отпечатки ног? Где? В Кастрл Роке, иначе шериф даже не знал бы о них. Может быть, они оказались на кладбище Хоумленд, где та неврастеничная дама-фотограф щелкнула картинку, которую он и Лиз находили столь забавной?

— Не самый приятный парень, — пробормотал он.

— *Тад?*

Тут зазвонил телефон, и они *оба* пролили свой чай.

4

Рука Тада протянулась к трубке... затем на мгновение замерла, слегка подрагивая над самым телефоном.

А что, если это он?

Я не буду тобой заниматься, Тад. Ты не хочешь трахаться со мной, потому что, когда ты это делаешь, ты трахаешься с наилучшим.

Он заставил свою руку опуститься, взять трубку и поднести ее к уху. — Хэллоу?

— Тад? — это был голос шерифа Алана Пэнборна. Вдруг Тада стало очень легко и свободно, словно его тело ранее окутывала острая проволока, которую только что сняли.

— Да, — ответил он. Слово вышло каким-то безучастным, словно вздох. Он сделал вдох. — Мириам в порядке?

— Я не знаю, — сказал шериф. — Я передал в полицейское управление ее адрес. Мы вскоре должны все узнать, хотя должен предупредить, что ожидание в течение пятнадцати минут или полчаса вряд ли покажется вам и вашей жене столь уж коротким в этот вечер.

— *Нет.* Оно не покажется таким.

— *У нее* все в порядке? — спрашивала Лиз, и Тад, прикрыв микрофон трубки, сообщил ей, что Пэнборн еще не в курсе. Лиз кивнула и откинулась назад, все еще слишком бледная, но казавшаяся более спокойной и имеющей больше возможностей для самоконтроля, чем совсем недавно. По крайней мере, люди занимаются сейчас этими делами, и теперь уже не только они с Тадом отвечают за все.

— Они также получили адрес мистера Коули от телефонной компании...

— Как! Они не...

— Тад, они не хотят *что-либо* предпринимать, пока не выяснят состояние его бывшей жены. Я сообщил им, что у нас сложилась ситуация, когда психически ненормальный человек может охотиться за кем-то из людей, названных в статье журнала «Пипл» в связи с литературным псевдонимом «Старк», а также объяснил те дела и связи, которые Коули имели с вами. Я надеюсь, что сделал все точно и правильно. Я не очень много знаю о писателях и еще меньше об их

литературных агентах. Но они точно уяснили, что бывшему мужу миссис Коули совсем не нужно мчаться туда до их прибытия.

— Спасибо. Спасибо за все, Алан.

— Тад, Нью-Йоркская полиция сейчас, конечно, слишком занята, чтобы потребовать дальнейших объяснений, но затем они захотят все же их получить. Я тоже. Кто, по вашему мнению, этот парень?

— Я не хотел бы обсуждать это по телефону. Я должен приехать к вам, Алан, но не хочу прямо сейчас покинуть свою жену и детей. Я думаю, вы сможете меня понять. Поэтому вы должны приехать сюда.

— Я не могу сделать это, — терпеливо ответил Алан. — У меня здесь свои обязанности и...

— Ваша жена все еще больна, Алан?

— Сегодня вечером она кажется вполне в норме. Но один из моих помощников вызван в суд, и я должен заменять его. Обычное дело в маленьких городках. Я как раз уже собирался уезжать. Я хочу сказать, что сейчас не самое лучшее время для вас проявлять какую-то застенчивость, Тад. Скажите мне.

Тад думал об этом. Он почувствовал странную уверенность, что Пэнборн примет его предположения, когда услышит их. Но, только, не по телефону.

— Вы сможете приехать ко мне завтра?

— Мы, конечно же, увидимся завтра, — сказал Пэнборн. Его голос был одновременно и ровным, и все более настойчивым. — Но мне нужно знать то, что вы знаете, *сегодня* вечером. То, что ребята из Нью-Йорка попросят разъяснений — дело вторичное по сравнению с тем, о чем я беспокоюсь. У меня есть свой сад, чтобы его охранять. В городе полно людей, жаждущих увидеть схваченным убийцу Хомера Гамаша, и как можно скорее. Я, кстати, один из них. Поэтому не заставляйте меня снова просить о том же. Еще не так поздно, чтобы я не смог позвонить прокурору федерального судебного округа в графстве Пенобскоп и попросить его арестовать вас как свидетеля по делу об убийстве в графстве Кастл. Он уже знает от полиции штата, что вы — подозреваемый, независимо от наличия алиби.

— Вы хотите это сделать? — спросил Тад, ошеломленный и потрясенный.

— Я сделаю это, если вы меня к этому принудите, но я не думаю, что вы себя так поведете.

Голова Тада, казалось, заработала четче и яснее; его мысли действительно *ушли* куда-то далеко. В конце концов, не столь уж важно ни для шерифа, ни для его коллег из Нью-Йорка, является ли человек, которого они разыскивают, психопатом, считающим себя Старком, или самим Старком... ведь это так? Тад сам так не думал до тех пор, пока они не стали угрожать схватить его.

— Я почти убежден, это психопат, как сказала моя жена, — наконец сказал Тад шерифу. Он взглянул на Лиз, стараясь передать

ей мысленное сообщение. И, видимо, преуспел в этом, потому что она слабо кивнула. — Это кое-что объясняет во всей этой нелепице. Вы помните, что упоминали об отпечатках ног?

— Да.

— Они были в Хоумленд?

Глаза Лиз расширились от удивления.

— Как вы узнали это? — впервые голос шерифа зазвучал недоуменно. — Я ведь не говорил вам.

— Вы прочли уже ту статью? В журнале «Пипл»?

— Да.

— Они там, где женщина-фотограф устанавливала эту поддельную могильную плиту. То есть там, где был похоронен Джордж Старк.

На другом конце долгое молчание. Затем:

— Ох, дерьмо.

— Вы поняли?

— Думаю, что да, — ответил Алан Пэнборн. — Если этот парень мнит себя Старком, и если он чокнутый, сама идея начать свой поход из могилы Старка имеет некоторый смысл, конечно же. А эта фотография в Нью-Йорке?

Тад вздрогнул. — Да.

— Тогда она также может быть в опасности?

— Да, я... конечно, я не думал об этом, но предполагаю, что да.

— Имя? Адрес?

— У меня нет ее адреса. — Она давала ему свою визитную карточку, он это помнил — видимо, надеясь на сотрудничество с ним в выпуске ее книги — но Тад выбросил эту карточку. *Дерьмо*. Все, что он мог сообщить Алану, было ее имя. — Филлис Майерс.

— А парень, написавший этот материал?

— Майк Дональдсон.

— Он также в Нью-Йорке?

Тад вдруг почувствовал себя виноватым, что точно не знает этого. Он немного замялся: — Ну, я догадываюсь, я только предполагаю, что оба они...

— Это достаточно разумное предположение. Если офисы журнала расположены в Нью-Йорке, они должны жить поблизости, верно?

— Вероятно, но если один из них или оба работают по договорам, а не в штате...

— Давайте вернемся к этому трюку с фотографией. Кладбище не было специально обозначено, ни на подписи к фотографии, ни в самом тексте название Хоумленд не появлялось. Я в этом абсолютно убежден. Мне удалось его узнать только по почве, и для этого мне пришлось сконцентрироваться на деталях фотографии.

— Нет, — сказал Тад. — Думаю, что нет.

— Наш первый член городского управления, Дэн Китон, обязательно бы настоял, чтобы Хоумленд никак не был потом определен —

это бы вызвало ненужные сложности и трудности. Он очень осторожный малый. И очень неприятный, если уж честно. Я могу представить себе, как он дает разрешение фотографировать, но я думаю, что он бы настоял на полной безымянности такого кладбища для того, чтобы избежать возможности актов вандализма... прибытия людей для глаzenia на эту могильную плиту и всего прочего.

Тад только кивал. Все было очень разумно.

— Поэтому ваш псих либо знает вас либо прибыл оттуда.

Тад всегда считал, о чем он сейчас со стыдом вспомнил, что шерифом маленького городка в графстве штата Мэн, где деревьев больше, чем людей, обязательно должно быть полное ничтожество. Но этот человек никак не подходил под такую категорию, он несомненно развешивал колокольчики вокруг романиста с мировой славой Тадеуша Бомонта.

— Мы должны допустить это предположение, по крайней мере на данном этапе, поскольку, мне кажется, тот парень обладал скрытой информацией.

— Так все-таки следы, о которых вы тогда говорили, были в Хоумленде?

— Да, конечно, — сказал Пэнборн почти рассеянно. — Что вы там скрываете, Тад?

— О чем вы? — спросил он осторожно.

— Давайте не будем танцевать вокруг да около о'кей? Я сейчас сообщу в Нью-Йорк эти два других имени, а вы поретесь в своей памяти и посмотрите, нет ли там еще и других имен. Издатели... редакторы... я не знаю. А между прочим, вы сказали мне, что разыскиваемый нами парень думает, что он и есть Джордж Старк. Мы рассуждали об этом на чисто теоретическом уровне в субботу вечером, а сегодня вечером вы уже рассказываете мне об этом как о твердом факте. В подтверждение ваших новейших идей вы подбросили мне отпечатки ног. Либо вы имеете неиссякаемый запас дедукции, которым мы все не располагаем, либо вы знаете нечто, чего не знаю я. Естественно, мне больше нравится последнее предположение. Так что поделитесь со мной.

Но что мог сказать Тад? Трансы и затемнения, которым предшествовал крик в унисон тысяч воробьев. Слова, которые он мог написать на рукописи после того, как их сообщил ему шериф, эти слова были написаны на стене гостиной в квартире Фредерика Клоусона? Еще больше слов, написанных на бумаге, порванной и отправленной в мусоросжигатель в здании английского и математического факультетов? Сны, в которых ужасный и невидимый человек ведет его через дом Тада в Кастл Роке, и все, к чему не прикоснется Тад, включая и жену, саморазрушается? Я могу утверждать лишь, что я верю в свое сердце вместо разума, подумал Тад, но это ведь еще не доказательство? Отпечатки пальцев и слюна заставляют предполагать что-то очень странное — конечно! — но что именно здесь странного?

Тад так не думал.

— Алан, — сказал он медленно, — вы будете смеяться. Нет, я беру эти слова обратно, я знаю вас лучше, чем тогда. Вы не будете смеяться, но я сильно сомневаюсь, что вы поверите мне. Я думал об этом и так и сяк, но все равно выходит одно и то же: я действительно не думаю, что вы мне поверите.

Голос Алана ответил сразу же, нетерпеливо, повелительно и протестующе.

— Попробуйте все же мне сказать.

Тад колебался, взглянул на Лиз, затем покачал головой. — Завтра. Когда мы сможем смотреть друг другу в глаза. Тогда я смогу. Сегодня я вам просто даю слово, что это не имеет особого значения, поскольку я все рассказал вам из области практической ценности для расследования, что я мог рассказать.

— Тад, то, что я говорил о возможности задержать вас как свидетеля...

— Если вам это надо, делайте это. С моей стороны не будет особых переживаний. Но я не скажу больше, чем уже сказал до тех пор, пока вас не увижу, независимо от вашего решения.

Со стороны Пэнборна долгое молчание. Затем вздох. — О'кей.

— Я хочу дать схематичное описание облика человека, разыскиваемого полицией. Я не могу быть полностью уверенным в его правильности, но думаю, что оно будет весьма близким и точным. Достаточно точным, чтобы передать его полиции в Нью-Йорке. У вас есть карандаш?

— Да. Передавайте мне.

Тад закрыл глаза, дарованные ему Господом и помещенные на лице, и открыл тот глаз, который Господь поместил в его мозгу, глаз, ухитрившийся разглядывать вещи, которые Таду совсем и не хотелось бы видеть. Когда люди, прочитавшие его книги, впервые встречались с Тадом, они были явно разочарованы. Они всегда стремились скрыть это от него, но не могли. Он не сердился на них, потому что понимал, что они могли почувствовать... во всяком случае, частично он мог увидеть себя их глазами. Если им нравились его книги (а некоторые были от них даже без ума), они заочно считали его сверхчеловеком, по меньшей мере, кузеном самого Господа. Вместо же Господа они сталкивались с мужчиной ростом шесть футов один дюйм, носившим очки, явно начинавшим лысеть и имеющим дурную привычку натывать на окружающие предметы. Они видели человека с весьма облезлой шевелюрой и носом, имеющим два отверстия, совершенно таким же, как и у них самих.

То, что они не могли видеть, было третьим глазом внутри его головы. Этот глаз, сиявший в его темной половине, той его части, которая всегда была затенена... именно он делал Тада подобным Господу, и Тад был даже рад, что они не могут увидеть его. Если бы

они увидели его сокровище, он был уверен, что многие попытались бы украсть этот чудо-глаз. Да, даже если бы для этого и понадобилось выдалбливать сокровище тупым ножом из головы Тада.

Глядя в темноту, он обдумывал свои представления о Джордже Старке — настоящем Джордже Старке, который выглядел совсем не так, как манекенщик, позировавший для фото автора на супер-обложках романов. Тад искал в своем сознании того человека-тень, который бесшумно рос в течение многих лет, наконец обнаружил его и начал описывать Алану Пэнборну.

— Он очень высок, — начал Тад. — Выше меня ростом, во всяком случае. Шесть футов три дюйма, а может, и все четыре дюйма, когда он в сапогах. У него светлые волосы, остриженные коротко и аккуратно. Голубые глаза. Превосходно видит вдаль. Около пяти лет назад ему приходилось надевать очки для работы вблизи. Для чтения и письма, в основном.

Его отличает не столько рост, сколько *ширина*. Он совсем не толстый, но чрезвычайно *широкоплеч*. Размер воротничка рубашки восемнадцать с половиной, а может быть, и все девятнадцать! Он *моего* возраста, Алан, но он не идет по моим следам, столь же быстро, как я, толстея. Он *силен*. Выглядит совсем как Шварцнеггер, тот нынешний Шварцнеггер, который чуть сдал и осел за последнее время. Он работает с весами. Он сможет напрячь свой бицепс до такой степени, что лопаются рукав его рубашки, но он не так перекачан, чтобы его мускулатура выпирала отовсюду.

Он родился в Нью-Гэмпшире, но после развода родителей, поехал с матерью в Оксфорд, Миссисипи, где она в свое время росла. Он прожил там большую часть своей жизни. Когда он был помоложе, то имел столь глухое произношение, что его голос звучал, словно исходящий из собачьей конуры. Многие веселились и насмехались над ним по этому поводу в колледже — не в его присутствии, правда, поскольку это было бы слишком опасной шуткой над парнем этого типа — и он затратил много усилий, чтобы избавиться от своего недостатка. Теперь, как я полагаю, вы сможете услышать этот треск и шум в его голосе только когда он разъярится, но я думаю, что люди, заставившие его разъяриться, вряд ли смогут позднее выступать живыми свидетелями. У него слишком короткий предохранитель. Он неистов. Он опасен. Он, в сущности, отлично тренированный психопат.

— Что... — начал говорить Пэнборн, но Тад перебил его.

— Он имеет очень загорелую кожу, и поскольку блондины обычно совсем не загорают, этот признак может сильно помочь при идентификации. Большие ноги, большие руки, толстая шея, широченные плечи. Его лицо выглядит так, словно кто-то из очень талантливых скульпторов вырубил его из твердого камня, но в очень большой спешке. И наконец последнее: он может управлять черным «Торнадо».

Я не знаю года выпуска. Одна из старых моделей, у которых всегда под капотом полным-полно жженого порошка. Черного цвета. На нем могут быть номера штата Миссисипи, но, скорее всего, он их часто меняет. — Тад помолчал и добавил: — Ах да, на заднем бампере есть наклейка. Она гласит: «МОДНЫЙ СУКИН СЫН».

Тад открыл глаза.

Лиз внимательно и молча смотрела на него. Ее лицо побледнело еще больше.

На другом конце линии была долгая пауза.

— Алан? Вы...

— Одну секунду. Я записываю. — Потом наступила еще одна, но более короткая пауза. — О'кей, — наконец произнес шериф. — Я все записал. Вы рассказали мне почти все об этом, но не сказали все же, кто такой этот парень, или какова связь между ним и вами, или как вы вообще узнали о нем?

— Я не знаю, но попробую. Завтра. Знание его имени, во всяком случае, никому не поможет сегодня вечером, потому что он пользуется другим.

— Джордж Старк.

— Возможно, что он будет достаточно сумасшедшим и назовет себя Алексисом Мэшином, но я сомневаюсь в этом. Видимо, тот человек, о котором мы сейчас говорили, называет себя Старком. — Тад попытался подмигнуть Лиз. Он никак не рассчитывал, что подобная попытка сможет улучшить его настроение, как и вообще что-либо другое, но, во всяком случае, решил попробовать. Таду, однако, удалось лишь прищурить оба глаза наподобие дремлющей совы.

— У меня нет возможности убедить вас, Тад, продолжить нашу беседу сегодня?

— Нет. Сегодня никак нет. Я сожалею, но ничего не смогу больше сказать.

— Хорошо. Я заеду к вам как можно скорее. — И шериф повесил трубку, без «спасибо — до свидания».

Подумав на эту тему, Тад решил, что шериф не очень-то ценит «спасибо».

Он поставил телефон на место и подошел к Лиз, которая сидела и молча смотрела на Тада, словно превратившись в статую. Он взял ее за руки — они были холодными — и сказал: — Все пока идет нормально, Лиз. Я надеюсь.

— Ты собираешься рассказать ему о тех трансх, когда вы будете беседовать завтра? О криках птиц? Как ты слышал их еще в детстве, и что тогда это означало? То, что ты написал в книгах?

— Я собираюсь рассказать ему обо всем, — ответил Тад. — Что он посчитает нужным отобрать для передачи своим начальникам... — он пожал плечами. — Пусть сам решает.

— Так много, — сказала она тихим, слабым голосом. Ее глаза по-прежнему пристально смотрели на Тада, казалось, они были не в силах оторваться от него. — Ты знаешь так *много* о нем, Тад... *каким* образом?

Он мог только встать перед ней на колени, держа ее холодные руки. Как он мог узнать столько много? Это спрашивали многие и все это время. Они пользовались разными словами для того, чтобы сформулировать свой вопрос, но он был фактически один и тот же — как вам удалось все это раскопать? Как вам удалось сложить все это в слова? Как вы это сумели запомнить? Как вы поняли это? — все эти фразы сводились к единственному вопросу: как вам удалось это *узнать*?

Он и сам не знал этого.

Он только пытался.

— Так много, — повторила она, и ее голос звучал, как у спящего человека, разговаривающего с самим собой в середине глубокого, но невеселого сна. Затем они оба замолчали. Тад ожидал, что близнецы, почувствовав печаль родителей, проснутся и начнут плакать, но в комнате слышалось лишь мерное тиканье часов. Он принял более удобную позу на полу у ее кресла, продолжая держать Лиз за руки, надеясь согреть их. Они были холодными и пятнадцатью минутами позже, когда снова зазвонил телефон.

5

Алан Пэнборн был грустен и лаконичен. Рик Коули находится в безопасности в своей квартире под охраной полиции. Вскоре он отправится к своей бывшей жене, которая теперь уже навсегда сохранит это звание; повторное соединение, о котором бывшие супруги временами говорили друг с другом, но через весьма длительные промежутки, теперь уже никогда не состоится. Мириам мертва. Рик должен провести формальную идентификацию трупа в бюро манхэттенского морга на Первой авеню. Таду же следует ожидать звонка от Рика Коули этим вечером или самому связаться с ним. Связь Тада с убийством Мириам Коули была утаена от Рика, учитывая его состояние. Филлис Майерс найдена, и она также под защитой полиции. Майкл Дональдсон оказался более крепким орешком, но полиция надеется определить его местожительство и прикрыть его от покушения к середине ночи.

— Как она была убита? — спросил Тад, уже хорошо зная ответ. Но иногда следует все же задавать вопросы. Бог знает почему.

— Ей перерезали горло, — ответил Алан таким голосом, что Таду почудилась намеренная грубость. Затем шериф попытался надавить еще раз. — Вы по-прежнему уверены, что больше ничего не хотите рассказать мне?

— Утром. Когда мы сможем увидеться.

— О'кей.

— Я не думаю, что как-то обидел вас вопросом.

— Нет. Никакой обиды.

— Нью-Йоркская городская полиция получила оперативку на человека, называющего Джорджем Старком, в соответствии с вашим описанием.

— Хорошо. — И Тад действительно так считал, хотя умом он понимал, что все это в сущности бесполезно. Они почти наверняка не смогут найти его, если только сам Старк не захочет этого, а если даже кому-то удастся обнаружить Старка, Тад подумал, что этому человеку можно будет только посочувствовать.

— Я зайду к вам в девять часов, — сказал Пэнборн. — Будьте в это время дома.

— Можете положиться на меня.

6

Лиз приняла транквилизатор и наконец заснула. Тад то клевал носом, то просыпался и очнулся от этого полусна в четверть четвертого. Он пошел в ванную. Пока он мочился в унитаз, ему показалось, что он опять слышит воробьев. Он замер, прислушиваясь. Звук не усиливался и не затихал, и через несколько секунд Тад сообразил, что это всего лишь сверчки.

Он выглянул в окно и увидел патрульную машину полиции штата, припаркованную через дорогу, темную и молчаливую. Он, возможно, решил бы, что она пустая, если бы не заметил тлеющий огонек сигареты внутри машины. Видимо, он, Лиз и дети также находятся под политической защитой.

Или полицейским надзором, — подумал Тад и вернулся в постель.

Как бы то ни было, это дало какое-то умиротворение его смятенному сознанию. Он заснул и проспал до восьми без каких-либо кошмаров. Но, конечно, *настоящий* кошмар был все еще в силе. Неясно только, где.

Глава 14 ДУРАЦКАЯ НАЧИНКА

1

Парень с глупыми усиками маленькой кошки-щекотуньи оказался куда шустрее, чем ожидал Старк.

Старк поджидал Майкла Дональдсона в его доме на девятом этаже в коридоре-прихожей, как раз за углом от двери в квартиру Дональдсона. Все было бы куда проще и легче, если бы удалось забраться внутрь квартиры, как это уже было проделано с той сукой, но с одного взгляда на эту дверь, стало ясно, что ее замки и засовы совсем не те, что у Мириам, и их так просто не возьмешь припасенной «фомкой». Но все равно все шло как надо. Было поздно, и все кролики должны были уже крепко спать в своих норах и мечтать о клевере. Сам Дональдсон должен был быть уже крепко нагружен и одурманен — когда вы возвращаетесь домой в четверть первого, то наверняка не из публичной библиотеки.

Дональдсон действительно оказался под градусом, но он вовсе не был медлительным.

Старк вынырнул из-за угла с раскрытой бритвой. Пока Дональдсон разбирался со своими ключами и дверными замками, он надеялся ослепить жертву очень быстро и легко. А затем, когда тот только начнет орать, он перережет Дональдсону его поганую глотку.

Старк не хотел двигаться тихо. Он как раз желал, чтобы Дональдсон услышал его и повернул к нему лицо. Все тогда будет совсем просто.

Дональдсон так и сделал. Старк полоснул бритвой короткую и глубокую дугу на лице Дональдсона. Но тот успел слегка наклониться, и Старку не удалось скорректировать удар. Вместо глаз, бритва вскрыла лоб Дональдсона. Полоса кожи свесилась на его брови, подобно полоске обоев.

— ПОМОГИТЕ! — завопил Дональдсон бляющим как у барана голосом, и здесь наступила невезуха.

Старк двинулся вперед, держа бритву в вытянутой руке, лезвие было повернуто кверху, как у матадора, салютующего быку перед первой *корридой*. О'кей, не все коту масленица, не всегда же все должно идти по намеченному плану. Ему не удалось ослепить этого дешевого пижона, но кровь хлестала из его лба, и все, что еще видел этот маленький Дональдсон, было окрашено для него красной пеленой.

Он нацелился на глотку Дональдсона, но недоносок успел откинуть ее назад почти так же быстро, как был нанесен этот удар. Просто *удивительное* проворство, подумал Старк, невольно восхитившись прытью этого человека с кошачьими усиками.

Лезвие полоснуло только воздух в четверти дюйма от глотки Дональдсона и тот снова позвал на помощь. Кролики, которые никогда не спят крепко в этом червивом и старом Большом Яблоке, могут скоро проснуться. Старк поменял направление и выдвинул лезвие максимально вперед, приподнявшись в то же время на носки и выбросив свое мощное тело вперед. Это было грациозное балетное перемещение, и оно должно было привести к концу всей этой канители. Но Дональдсону как-то удалось защитить рукой свое горло; вместо того, чтобы убить его, Старку пришлось ограничиться нанесением целого ряда длинных и глубоких ран, которые полицейские врачи-патологоанатомы называют потом защитными порезами.

Дональдсон держал ладонь кверху и бритва полоснула все его четыре пальца. На среднем пальце было надето массивное кольцо, которое издало только металлический звон — *бринк!* — при соприкосновении с бритвой, безжалостно и почти без каких-либо видимых усилий сжавшей остальные пальцы, как серп — колосья.

На этот раз Дональдсон открыл рот для настоящего *воя*, и Старк знал, что уже будет трудно рассчитывать, что никто не услышит и не заметит этот сигнал бедствия. Вскоре, если уже не сейчас, последуют телефонные вызовы полиции. Но нельзя было и оставлять Дональдсона живым. Если уж ты взялся за мокрое дело, ты не должен останавливаться на полпути.

Старк собрался. Они сейчас уже передвинулись по коридору до двери в соседнюю квартиру. Он несколько раз заботливо взмахнул бритвой, чтобы очистить лезвие. Капли крови забрызгали стену кровяного цвета.

Еще дальше в холле открылась дверь, и мужчина в голубой пижаме и с растрепанными со сна волосами выглянул наружу.

— Что здесь происходит? — проорал он таким голосом, что было ясно, ему наплевать хотя бы и на папу римского, окажись он здесь в этот час, когда вечеринка *окончена*.

— Убийство, — просто сказал Старк и на секунду перевел глаза с окровавленного и кричащего человека, мечущегося перед ним, на человека в дверном проеме. Позже этот мужчина будет говорить полиции, что глаза преступника были голубые. Ярко-голубые. И явно безумные. — Вы что-то еще хотите?

Дверь захлопнулась столь быстро, что можно было решить, будто она и не открывалась вовсе.

Как бы он не паниковал, и несмотря на все полученные раны, Дональдсон все же увидел ту наилучшую возможность, которую ему предоставил Старк во время своего краткого развлечения беседой. И он использовал ее. Маленький недоносок действительно был очень быстр и ловок. Восхищение Старка возросло еще больше. Удивительная прыть и чувство самосохранения почти оправдывали ту чушь для трахнутых, которой занимался этот ублюдок.

Если бы Дональдсон подался резко вперед и схватился бы со Старком, это создало бы куда более серьезные проблемы, чем весь этот детский сад, которым они занимались до сих пор. Но вместо этого Дональдсон повернулся, чтобы бежать.

Вполне объяснимая, но большая ошибка.

Старк рванулся следом, огромные ботинки шипели по паркету, и этот шум отдавался в затылок и в шею Дональдсона, подтверждая, что сейчас *это* действительно его конец.

Но когда бритва уже должна была наконец сделать свое дело и вернуться домой, Дональдсон ухитрился одновременно с ударом Старка наклониться головой вперед и как-то *убрать* ее внутрь, подобно черепахе, прячущей голову в панцирь. Старк начал думать, не телепат ли Дональдсон. На этот раз вместо смертельного удара бритва просто сняла кусок скальпа с затылка Дональдсона и порезала его шею сзади. Это вызвало еще больше крови, но не было смертельным.

Все было какой-то смесью ошибок, ужаса и нелепостей.

Дональдсон несся по коридору, мечась из стороны в сторону, иногда даже отлетая от стен, как мячик от пинг-понга после коронного удара прославленного игрока, набравшего более ста тысяч очков этим самым ударом. Он не переставал вопить. Кровавый след тянулся за Дональдсоном на всей дистанции. Он стучал в двери, отмечая их кровавыми отпечатками. И он все еще не умер.

Но никакие двери пока не открывались, хотя Старк знал, что не менее чем в полудюжине квартир сейчас полудюжина пальцев набирает (или уже набрали) 911 на циферблатах и дисках своих телефонов.

Дональдсон, шатаясь, из последних сил, рванулся к лифтам.

Ничуть не рассердившись и не испугавшись, а только ужасно раздраженный Старк преследовал его. Вдруг Старк прогремел: — Ох, почему бы тебе не остановиться и не ВЕСТИ СЕБЯ КАК СЛЕДУЕТ!

Крики Дональдсона о помощи превратились в истошный визг. Он пытался оглядеться вокруг. Его ноги заплелись одна за другую, и он рухнул в десяти футах от маленькой лифтовой площадки. Даже самые проворные из парней, подумал Старк, в конце концов убегают от своих счастливых мыслей, если ты их достаточно порежешь.

Дональдсон поднялся на колени. Он, видимо, хотел доползти до лифта, раз ноги отказывались его держать. Он пытался оглядеться, поворачивая свое окровавленное лицо в поисках преследователя. Старк нанес ногой нокаутирующий удар по носу Дональдсона по всем правилам футбольного искусства. Любой поклонник футбола наверняка бы оценил силу и точность этого удара.

Голова Дональдсона запрокинулась назад и ударилась о стену сзади с такой силой, что череп должен был как минимум треснуть на этом участке.

— В конце концов, я вытащил твои батарейки, так ведь? — пробормотал Старк и услышал шум открываемой позади двери. Он обернулся и увидел женщину с очень черными волосами и столь же черными глазами, оглядывающими весь коридор. — УБИРАЙСЯ ОБРАТНО, СУКА! — проорал Старк. Дверь захлопнулась, словно она была на пружине.

Он наклонился, схватил Дональдсона за его редкие и кое-где уже поседевшие волосы, отвернул его голову назад и полоснул глотку. Он подумал, что Дональдсон, очевидно, отдал концы даже до того момента, как ударился головой о стену, и уж почти наверняка после этого, но всегда лучше быть полностью уверенным. А кроме того, раз ты начал мокрое дело, ты должен закончить его лезвием.

Он быстро и уверенно отскочил от Дональдсона, но тот не фонтанировал в отличие от женщины. Старк направился к лифтам, складывая бритву и опуская ее в карман.

Приближающийся к площадке лифт тихо прошуршал. Это может быть домовладелица, а может быть, просто квартирант, поскольку возвращаться домой в час ночи совсем не так уж и поздно для большого города, даже если это происходит в понедельник, а не в уик-энд. Неважно, кто это. Старк быстро подошел к углу лифтовой площадки, где находилась большая кадка с пальмой и абсолютно бесполезная, сколь и непрезентабельная картина. Он укрылся за пальмовой кадкой. Все его чувства резко обострились. Это мог быть кто-то, возвращающийся из дискотеки или после здорово затянувшегося делового обеда, но Старк в это не очень-то верил. Он чувствовал, что это может быть полиция. Он даже знал это.

Возможно, патрульная машина оказалась ненароком поблизости от этого здания, когда один из жильцов звонил в полицию, сообщая о происходящем в холле убийстве? Вполне вероятно, но Старк сомневался в этом. Куда вероятнее, что у Бомонта поехала крыша, сестренку обнаружили, и прибыла полиция для охраны Дональдсона. Лучше поздно, чем никогда.

Он медленно скользнул вниз по стене, касаясь ее спиной, и запачканный кровью спортивный плащ Старка издал легкий шелестящий звук. Он не мог сползти очень низко, как подлодка, у которой на поверхности торчит только перископ, да и укрытие за кадкой было весьма условным. Если они оглядятся вокруг, то наверняка заметят его. Однако Старк был почти уверен, что все их внимание будет привлечено экспонатом А, лежащим посередине площадки. Хотя бы на несколько секунд, а их ему будет вполне достаточно.

Листья пальмы были широкими и отбрасывали причудливые тени на лицо Старка, который выглядывал, как голубоглазый тигр из зарослей.

Двери лифта раскрылись. Последовал дружный возглас типа «помилуй меня, Господи» или другой, и на площадку выскочили два полисмена в форме.

Вслед за ними появился чернокожий парень в джинсах в обтяжку и в больших старых теннисных туфлях. На негре была также тенниска с короткими рукавами. Спереди красовалась надпись «СОБСТВЕННОСТЬ НЬЮ-ЙОРКСКИХ ЯНКИ». Он *также* носил затемненные очки, и если он не был детективом, Старк был бы просто Джорджем из... джунглей. Когда они шли на раскрытие, они *всегда* сперва заходили слишком далеко... а затем начинали действовать слишком застенчиво. Это выглядело так, если бы они что-то *знали*, они обязательно помогли бы, но им никак не удавалось узнать вовремя. Это была — или должна была быть — охрана Дональдсона. Они, конечно, не будут держать детектива в передвижном сыскном автомобиле. Это было *слишком* маловероятно. Этот парень прибыл с охранниками, чтобы сперва допросить Дональдсона, а затем понячить его.

«Извините, друзья, — подумал Старк. — Я думаю, что эти дни ребячьей болтовни уже кончились».

Он вскочил на ноги и обошел кадку. Ни один лист пальмы не дрогнул. Ноги бесшумно двигались по паркету. Он проскользнул менее чем в трех футах от детектива, наклонившегося над убитым и вытаскивающего револьвер из кармана на голенище. Старк мог бы дать по его задку хорошего пинка, если бы только пожелал.

Он втиснулся в еще открытый лифт в самый последний момент перед тем, как двери полностью закрылись. Один из полисменов уловил уголок глаза какое-то движение, может — двери, может — самого Старка, и поднял голову от тела Дональдсона.

— Эй...

Старк поднял руку и показал полисмену кукиш. Всего-навсего. Затем двери окончательно закрылись.

Площадка на первом этаже была пуста, лишь швейцар, казалось, почивал за столом, полностью отключившись от земных забот после полученного нокаута. Старк вышел, повернул за угол, залез в украденную машину и укатил.

2

Филлис Майерс жила в одном из новых многоквартирных домов на Вест-сайд в Манхэттене. Ее полицейская охрана (в сопровождении детектива, носившего кроссовки «Найк», хоккейный свитер «Нью-Йорк Айлендерс» с закатанными рукавами и те же неизменные темные очки) прибыла в половине одиннадцатого шестого июня и нашла ее целиком погруженной в творческую работу. Сперва она была малоразговорчивой и даже угрюмой, но значительно оттаяла, услышав, что кто-то, кого считают Джорджем Старком, может стремиться убить ее. Она ответила на все вопросы детектива об интервью Тада Бомонта, которое она называла «съемкой Тада Бомонта», заправляя

свои три камеры новой пленкой и колдуя над двумя дюжинами объективов. Когда детектив поинтересовался, чем она занимается, она ему подмигнула и заявила: «Я верю в девиз бой-скаутов. Кто знает — может действительно что-то произойдет».

После допроса, уже за дверью квартиры, один из полисменов спросил детектива: — Она верит в это?

— Конечно, — ответил тот. — Ее трудности в том, что она вообще ничто не считает реальным, кроме своих фотографий. Для нее весь мир — это фото, ожидающее происшествий. Это просто глупая сучка, которая действительно верит, что она всегда стоит там, где надо, со своим объективом.

Ныне, к половине четвертого утра седьмого июня, когда детектив давно уже удалился, прошло уже более двух часов после сообщения охранникам Филлис Майерс об убийстве Дональдсона. Это сообщение пришло по радице, закрепленной на их поясах. Им советовали быть особенно осторожными и чрезвычайно бдительными, поскольку психопат, с которым сейчас они могли столкнуться, оказался в высшей степени кровожадным и изворотливым.

— «Осторожный» — это мое второе имя, — сказал коп номер один.

— Какое совпадение, — вторил ему коп номер два. — А мое второе имя — «чрезвычайный».

Они работали вместе более года и хорошо ладили. Сейчас они подшучивали друг над другом, почему бы и нет? Они были вооруженными членами червивого и старого, но самого прекрасного Большого Яблока, стоявшими в холле на двадцать шестом этаже многоквартирного дома. Кондиционеры работали отлично, и пока еще никто не прыгал с потолка с направленным на них автоматом «Узи», который никогда не дает осечек. Это была реальная жизнь, а не восемьдесят седьмой роман в серии о полицейских подвигах или фильм о Рэмбо. А то, что реальная жизнь включает в себя бессонную ночь здесь, могло быть даже чуть лучше, чем патрулирование в полицейской машине для прекращения пьяных драк в барах или семейных ссор между не менее пьяными мужьями и женами в их квартирах. Реальная жизнь должна всегда предполагать их осторожность и чрезвычайность действий в кондиционируемых холлах жаркими ночами в городе. Так они твердо считали.

Они бы продвинулись еще дальше в своих размышлениях на эту тему, но двери лифта отворились, и из него вышел раненый слепой человек, неуверенно зашагавший внутрь коридора.

Он был высок и очень широкоплеч. Ему вряд ли было больше сорока. Он был одет в спортивный плащ и брюки, которые не совсем подходили к плащу, но и не очень портили общее впечатление. Первый полисмен — «Осторожный» — имел время подумать, что человек, который подбирает одежду слепому, должен иметь неплохой вкус. На слепом были также большие черные очки, которые съезжали

ему на нос из-за сломанной дужки. Это были не затемненные очки, а самые темные солнцезащитные, типа тех, что носил Человек-невидимка из романа Уэллса.

Слепой держал обе руки вытянутыми вперед. Левая была пустой, а в правой он держал грязную белую палку с резиновым набалдашником. Обе руки были покрыты засохшей кровью. Брызги крови были видны на плаще и на рубашке слепого. Если бы оба охранника Филлис Майерс действительно были чрезвычайно осторожными, одна вещь непременно показалась бы им странной. Слепой человек вел себя так, словно с ним только что случилось какое-то несчастье, что-то *обязательно* случилось не очень *приятное*, но кровь уже побурела и засохла. Это заставляло предполагать давность происшествия, факт, который должен был бы насторожить полисменов, как не соответствующий всему сценарию. Он должен был послужить для них красным сигналом тревоги.

Хотя этого, вероятно, и нельзя было требовать. Все произошло слишком быстро, а когда такие вещи происходят достаточно быстро, они не дают возможности их обдумать и оценить даже при особой бдительности и чрезвычайной осторожности. Вы просто плывете по течению.

Какое-то мгновение они еще стояли около дверей Филлис Майерс, счастливые, как школьники, у которых отменили сегодня занятия из-за поломки в бойлерной, а в следующий миг окровавленный слепой мужчина уже оказался перед самым их носом, размахивая своей грязной белой палкой в поисках нужного пути. Не было времени для размышлений, можно было только действовать.

— По-лиииия, — выкрикивал слепой еще даже до того, как двери лифта открылись полностью, чтобы выпустить его. — Швейцар сказал, что полисмены где-то здесь, на двадцать шестом! По-лиииия! Вы здесь?

Теперь он нашаривал путь в холле, палка постукивала из стороны в сторону, и — «хук»! — он коснулся стены слева и повернулся в другую сторону, затем снова — «хук»! — стена оказалась и справа, и если еще кто-то не проснулся на этаже от этого грохота, то ему предстояла эта радостная перспектива уже в очень недалеком будущем.

Чрезвычайный и Осторожный подались вперед, даже не переглянувшись.

— По-лиииия! По...

— Сэр! — поспешил Чрезвычайный.

— Держитесь! Вы собираетесь упасть на...

Слепой дернул головой в направлении голоса Чрезвычайного, но не остановился. Он отклонился назад, размахивая свободной рукой и палкой, напоминая при этом самого Леонарда Бернштейна, пытающегося дирижировать Нью-Йоркским филармоническим оркестром после того, как выкурил порцию или две крэка.

— По-лиииция! Они убили мою собаку-поводыря! Они убили Дейси! ПО-ЛИИИИЦИЯ!

— Сэр...

Осторожный подошел к несчастному слепому. Шатающийся из стороны в сторону безутешный человек опустил свободную руку в карман плаща, но вынул оттуда вовсе не два билета на гала-концерт, организуемый Обществом слепых, а револьвер сорок пятого калибра. Он направил его на Осторожного и дважды нажал курок. Выстрелы были приглушены и неясны в этом тесном и почти закрытом со всех сторон холле. Зато было много голубого дыма. Осторожный получил пули почти в упор. Он осел на пол с продырявленной грудью, а его китель был обожжен и продолжал тлеть.

Чрезвычайный замер перед нацеленным на него дулом в руках слепого. — Ради Бога, пожалуйста, не делайте этого, — сказал Чрезвычайный очень тонким голосом. Он звучал словно голос маленького ребенка. Но слепой выпалил еще дважды. Стало еще больше голубого дыма. Выстрелы были чрезвычайно точными для незрячего человека. Чрезвычайный упал навзничь на паркет холла, дернулся в конвульсии и затих.

3

В Ладлоу, в пятистах милях от Нью-Йорка, Тад Бомонт беспокойно повернулся во сне. — Голубой дым, — пробормотал он. — Голубой дым.

За окном спальни девять воробьев сидели на телефонном проводе. К ним присоединилось еще добрых полдюжины. Птицы сидели, тихие и незаметные, над наблюдателями в патрульной полицейской машине.

— Мне они больше не понадобятся, — сказал во сне Тад. Он неуклюже потянулся одной рукой к своему лицу, а другую руку вскинул вверх.

— Тад, — сказала Лиз, садясь в кровати. — Тад, ты слышишь?

Тад ответил что-то невнятное, продолжая спать.

Лиз посмотрела на свои руки. Они покрылись гусиной кожей.

— Тад? Опять эти птицы? Ты опять слышишь их?

Тад ничего не сказал. За окном воробьи дружно взлетели и скрылись во мгле, хотя время для их полета было совсем неподходящим.

Ни Лиз, ни оба полицейских в машине не заметили их.

4

Старк отшвырнул черные очки и палку в сторону. Холл был наполнен едким дымом. Кольт Старка был заряжен разрывными

пулями. Две из них прошили полисменов навывлет и сильно разнесли стену коридора. Он подошел к двери квартиры Филлис Майерс. Он был готов вызвать ее наружу, но она оказалась как раз за дверью, и Старк смог коротко сказать ей то, что должно было успокоить леди в наибольшей степени.

— Что тут происходит? — прокричала она испуганно. — Что случилось?

— Мы взяли его, мисс Майерс, — ласково ответил Старк. — Если вам хочется сделать фотографию, делайте это чертовски быстро и запомните, что я никогда ничего вам не разрешал специально.

Она держала дверь на цепочке, когда приоткрыла ее, но все было о'кей. Когда она приложила свой большой карий глаз к объективу, Старк послал в него пулю.

Закрывание ее глаз — вернее, того одного, что еще существовал — здесь было не обязательным ритуалом, поэтому Старк повернулся и кинулся к лифтам. Он не медлил, но и не бежал. Одна из квартирных дверей приоткрылась — казалось, все только и занимались таким развлечением этим вечером — и Старк погрозил револьвером кроличьей морде с выпученными глазами, когда увидел ее. Дверь квартиры тут же захлопнулась. Он нажал кнопку вызова лифта. Дверь открылась тут же, чего можно было ожидать в ночное время, когда одновременно работают три лифта. Старк швырнул револьвер через плечо на пол. Спустившись на первый этаж, Старк прошел мимо уже вчерого отключенного им за этот вечер швейцара (которого он нокаутировал тростью, украденной у слепого на Шестидесятой улице) и вышел из подъезда.

5

Солнце всходило в гостиной Рика Коули, когда зазвонил телефон. Рику было пятьдесят, и он был красноглазым, осунувшимся и полупьяным. Он снял трубку сильно дрожащей рукой. Он еле сознавал, где он находится, и его усталый, отключившийся мозг пытался внушить ему, что вообще все это происходит во сне. Не был ли он всего три часа назад в бюро морга на Первой авеню, опознавая там израненное тело своей бывшей жены, всего в каком-то квартале от шикарного маленького французского ресторана, где обслуживали не просто клиентов, а только друзей? Была ли за его наружной дверью полиция, потому что человек, убивший Мириам, мог также попытаться проделать это с ним? Неужели все это правда? Конечно же, нет. Несомненно, сон... и, может быть, звонок вовсе не телефонный, это всего лишь автоматический будильник у постели. Как правило, он ненавидел эту треклятую штуковину... неоднократно швырял ее подальше от себя. Но в это утро он бы расцеловал ее, даже *по-французски*.

Рик, однако, еще так и не проснулся до конца. Наконец, он пробормотал в трубку: — Хэллоу?

— Это человек, перерезавший глотку вашей жене, — произнес бесстрастный голос, и Рик вдруг сразу очнулся. Все его робкие мечты о сновидениях вместо реальных событий молниеносно исчезли. Это был тот голос, который вам лучше слышать только во сне... но никогда — в обычной своей жизни.

— Кто вы? — услышал Рик свой слабый испуганный голосок.

— Спроси Тада Бомонта, кто я, — сказал мужчина. — Он все знает про это. Передай ему, что я сказал: «Ты разгуливаешь вокруг мертвых». И скажи ему, что я еще не приготовил дурацкой начинки.

Рику послышался клик опускаемой незнакомцем трубки, секундная тишина и сигналы, что линия освободилась.

Рик тоже опустил трубку, посмотрел на телефон и вдруг разрыдался.

6

В девять часов утра Рик позвонил в контору и сообщил Фриде, что она и Джон могут идти домой — у них сегодня и до конца недели выходные дни. Фрида захотела узнать, почему, и сам Рик удивился тому, что не смог сказать ей какую-нибудь ложь или полуправду. Что-нибудь типа того, что Рик был замешен в раскрытии запутанного и серьезного преступления — скажем, воровства или растления детей. Но не в силах и рассказывать все подробно, пока не пройдет первый шок.

— Мириам мертва, — ответил он Фриде. — Ее убили в ее же квартире этой ночью.

Фрида коротко вздохнула и в ужасе воскликнула: — Иисус Христос, Рик? Не шути так! Когда ты так шутишь, эти вещи действительно происходят!

— Это правда, Фрида, — сказал он и снова чуть было не расплакался. И эти слезы — и те, которые он пролил в морге, и те, которые были в машине на обратном пути оттуда, и те, которые вызвал этот безумец своим звонком, и те, которые он пытался сейчас удержать — все они были только первыми. Мысли о слезах в будущем заставили его особенно остро почувствовать все свое несчастье. Мириам была шлюхой, но она была также, по-своему, *сладкой* шлюхой, и он любил ее. Рик закрыл глаза. Когда он открыл их, то увидел человека, глядящего на него через окно, хотя оно находилось на четырнадцатом этаже. Рик вскочил, но увидел рабочую форму на этом человеке. Мойщик стекол. Рабочий помахал рукой в своей люльке. Рик поднял руку в ответном приветствии. Казалось, его рука вдруг стала весить добрых восемь сотен фунтов, и он уронил ее на бедро почти мгновенно.

Фрида вновь посоветовала ему не шутить, и это вызвало у него еще большую печаль. Слезы, понимал он, это только начало. Он сказал: — Минутку, Фрида, — и поставил телефон на пол. Он подошел к окну, чтобы задернуть занавески. Ему вполне достаточно разговаривать с Фридой на другом конце провода, не хватало еще, чтобы чертов мойщик наблюдал за ним в эту минуту, столь тягостную и неприятную. Когда он подошел к окну, человек в люльке полез в карман комбинезона, чтобы извлечь оттуда что-то. Рик вдруг почувствовал смятение. *Передай ему, что я сказал: Ты разгуливаешь вокруг мертвых.*

(Иисус Христос...)

Мойщик развернул маленький плакат. На желтом фоне красовались черные буквы. Послание было окаймлено широко улыбающимися лицами. «НАСЛАЖДАЙСЯ ПРЕКРАСНЫМ ДНЕМ!» — гласило оно.

Рик грустно кивнул. Наслаждайся прекрасным днем. Конечно. Он задернул занавески и вернулся к телефону.

7

Когда, наконец, Рику удалось убедить Фриду, что он совсем не шутит, она сперва разразилась криками и стонами, а затем совершенно искренними рыданиями — все в конторе, да и все клиенты, даже этот *тупица* Оллинджер, который писал чертовски скверные научно-фантастические романы и который, очевидно, предназначил себя делу разбивания бра во всем Западном полушарии, любили Мир. И, конечно же, сам Рик вторил ее стенаниям и плачу, пока, наконец, не разъединился с Фридой. «Хорошо, по крайней мере, что я закрыл занавески, — подумал Рик.

Через пятнадцать минут, когда Рик готовил себе кофе, он вновь вспомнил звонок того сумасшедшего. Ведь снаружи квартиры у ее дверей находятся два полицейских охранника. Какого же черта он не сказал им об этом. Почему он стал таким слабоумным?

«Да, — подумал он, — моя жена умерла и, когда я увидел ее в море, она выглядела, словно у нее вырос еще один рот двумя дюймами ниже подбородка. Что-то надо делать со всем этим».

Спроси Тада Бомонта, кто я. Он все знает про это.

Он, конечно, имел в виду телефонный звонок Таду. Однако сознание Рика все еще находилось в свободном падении, вещи приобретали новые пропорции, которые он не мог, по крайней мере сейчас, никак уловить. Да, он, *конечно*, позвонит Таду. Ему следует это сделать сразу же после того, как он сообщит о звонке того психопата своим охранникам.

Он *действительно* все это рассказал им, чем чрезвычайно заинтересовал полицейских. Один из охранников по своей переговорной рации тут же связался с полицейским управлением и передал всю

полученную информацию. Закончив разговор, он сообщил Рiku, что шеф детективов приглашает его в полицию для дачи показаний по поводу этого необычного звонка. Пока Рик будет это делать, в его квартире будет сидеть их парень и подключит к телефону Рика записывающее устройство и оборудование для пеленгования его собеседников. Если, конечно, будут еще другие звонки.

— Это вполне вероятно, — сказал второй коп Рiku. — Эти психопаты просто влюблены в собственные голоса.

— Я должен сперва позвонить Таду, — заметил Рик. — Он может быть в беде тоже. Именно так все прозвучало.

— Мистер Бомонт находится под охраной полиции в Мэне, мистер Коули. Лучше пойдете, ладно?

— Однако, мне кажется...

— Вы вполне сможете позвонить ему и из полиции. А сейчас, вы возьмете плащ?

Поэтому Рик, смущенный и вовсе не уверенный, что все это происходит с ним наяву, позволил им увести себя.

8

Когда они вернулись к квартире Рика через пару часов, один из охранников Рика, увидев дверь, внезапно нахмурился и сказал: — Здесь никого нет.

— И что же? — устало спросил Рик. Он *чувствовал* полное изнурение и разбитость. Ему задавали великое множество вопросов, и он отвечал, как только мог, — сложная задача, поскольку лишь немногие из этих вопросов казались ему имеющими какой-то смысл.

— Если бы ребята из связи закончили до нашего прихода, они должны были бы подождать нас.

— Может быть, они внутри? — спросил Рик.

— Один из них возможно, но второй должен быть здесь снаружи. Это стандартная процедура.

Рик вынул ключи, поискал нужный и вставил его в замочную скважину. Его не волновали все эти проблемы полицейских процедур. Слава Богу, ему осталось выполнить только одно дело, оставшееся с утра. — Я должен перво-наперво позвонить Таду, — сказал он самому себе. Он вздохнул и чуть улыбнулся. — Еще даже не полдень, а я чувствую себя так, словно этот день никак не кончится...

— *Не делайте этого!* — вдруг воскликнул один из полисменов и кинулся вперед.

— Делайте чего..., — начал было Рик, поворачивая ключ, и дверь с грохотом взорвалась облаком огня и дыма. Полисмен, чьи навыки и инстинкты сработали слишком поздно, был опознан своими близкими, а Рик Коули почти испарился. Другой полисмен, который стоял немного позади и успел нагнуться во время возгласа товарища,

подвергся последующему лечению от ожогов и сотрясения мозга, а также долгому внутреннему расследованию всего этого дела. По счастливой случайности — почти волшебной — вся шрапнель от двери и стены пролетела вокруг него густым облаком, не коснувшись его тела. Он уже никогда снова не смог работать в полиции, взрыв мгновенно сделал его глухим на всю оставшуюся жизнь.

В квартире Рика, в гостиной, лежали два трупа техников из отдела связи, которые должны были поработать с телефоном. Ко лбу одного из них кнопкой была прикреплена записка:

«ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА».

Ко лбу другого было прикреплено другое послание:

«БОЛЬШЕ ДУРАЦКОЙ НАЧИНКИ. ПЕРЕДАТЬ ТАДУ».

II

СТАРК ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ

— Любой дурак с быстрыми руками может схватить тигра за яйца, — сказал Мэшин Джеку Халстеду. — Ты не знал этого?

Джек начал смеяться. Взгляд, которым наградил его Мэшин, заставил его, однако, призадуматься.

— Сотри эту идиотскую ухмылку со своей рожи и слушай меня, — сказал Мэшин. — Я сейчас даю тебе здесь урок. Ты внимательно слушаешь?

— Да, мистер Мэшин.

— Тогда слушай и никогда не забывай об этом. Любой дурак с быстрыми руками может схватить тигра за яйца, но только герой сможет сжать их. Я скажу тебе кое-что еще по этому поводу, Джек: только герои и трусы ходят по земле. Никто больше. И я не трус.

Джордж Старк
«Путь Мэшина»

Глава 15 НЕВЕРИЕ СТАРКА

1

Тад и Лиз сидели в столь глубоком шоке, что их подавленность, казалось, была сродни ледяному испугу, от которого уже почти невозможно избавиться. Алан Пэнборн рассказывал о том, как прошли ночные и ранние утренние часы в Нью-Йорке. Майкл Дональдсон зарезан и забит до смерти в холле около своей квартиры; Филлис Майерс и два полисмена-охранника застрелены в ее доме на Вест-сайте. Ночной швейцар в доме Майерс получил удар по голове чем-то очень тяжелым, и теперь ему пытаются лечить трещину в черепе. Доктора не могут дать никаких гарантий, что он не окажется в любой миг на небесах. Швейцар того здания, где жил Дональдсон, уже мертв. Все эти убийства осуществлены самым простым бандитским способом, когда преступник просто приближается к жертвам и приканчивает их.

Пока Алан говорил, он не раз называл убийцу Старком.

«Он называет его правильным именем, не задумываясь об этом», — подумал Тад.

Затем он покачал головой, недовольный своей же собственной поспешностью. Ты можешь звать его как-то по-другому, но «Старк» все же намного лучше, чем «преступник» или «Мистер Х». Видимо, будет ошибкой думать по этому поводу, что шериф использует это имя по каким-то особым причинам, кроме как для удобства и ясности в этой беседе.

— А как Рик? — спросил Тад после окончания длинного сообщения Алана Пэнборна, когда тот переводил дух.

— Мистер Коули жив и здоров, он находится под полицейской охраной. — Было только четверть десятого утра, и взрыв, убивший Рика и одного из полисменов, должен был произойти еще почти через два часа.

— Филлис Майерс тоже была под охраной, — заметила Лиз. В большом детском манеже Уэнди уже спит, а Уильям пока еще только клюет носом. Его голова то опускается на грудь, то снова поднимается, глаза уже закрыты. Алану смешно наблюдать за этой сценой, которая напоминает поведение караульного, старающегося не заснуть на дежурстве. Но каждый подъем головы был все слабее и слабее. Наблюдая за близнецами и убрав записную книжку в карман, шериф отметил интересный факт: всякий раз, когда Уильям дергает головой, пытаясь бодрствовать, Уэнди ворочается во сне.

«Заметили ли это родители? — подумал Пэнборн, а затем решил. — Конечно, да».

— Ваша правда, Лиз. Он удивил их. Полицию ведь можно удивить точно так же, как и любого человека, вы знаете это; просто предпо-

лагаются, что они должны лучше реагировать на всякие неожиданно-сти. На том этаже, где жила Филлис Майерс, несколько жильцов открывали двери квартир и выглядывали из них после выстрелов, и мы получили достаточно четкое и ясное представление о происшедшем из их показаний и осмотра места преступления. Старк притворился слепым. Он не переоделся после убийств Мириам Коули и Майкла Дональдсона, которые были... вы простите меня, но они были грязными. Он вышел из лифта, надев черные очки, купленные, наверное, в Таймс-сквере или у уличного торговца, и держа белую трость, забрызганную кровью. Бог знает, где он раздобыл эту трость для слепых, но полиция считает, что именно ею он оглушил швейцара.

— Несомненно, он украл или отнял ее у настоящего слепого, — сказал Тад спокойным голосом. — Это не рыцарь короля Артура, Алан.

— Явно нет. Он, видимо, прокричал, что был ограблен или, может быть, подвергся бандитскому нападению в своей квартире. В любом случае, он подобрался к ним столь быстро, что они не успели отреагировать. Это ведь была пара полицейских из патрульной автомашины, которые снимали с себя свои ремни и торчали у двери Майерс без особой осторожности.

— Но ведь они, несомненно, уже знали, что Дональдсон был убит, — запротестовала Лиз. — Неужели даже это не смогло обеспокоить их и дать понять, что этот человек очень опасен...

— Они также уже были в курсе того, что охрана прибыла слишком поздно, *после* убийства Дональдсона, — сказал Тад. — Они были слишком уверены в себе.

— Возможно, они были слишком самоуверены, — согласился Алан. — У меня нет способов выяснить это точно. Но парни у Коули уже знают, что этот человек чрезвычайно целеустремлен, абсолютно разумен и в то же время одержим мыслью об убийстве. Их глаза открыты, а уши чутки. Нет, Тад, ваш агент в безопасности. Здесь вы можете быть спокойны.

— Вы сказали, там были свидетели, — напомнил Тад.

— О, да. Множество свидетелей И у квартиры Мириам Коули, и у Дональдсона, и у Майерс. Он нигде не наложил в штаны от страха. — Алан посмотрел на Лиз. — Извините.

Она усмехнулась. — Я уже слыхала это раз или два ранее, Алан.

Шериф кивнул с легкой улыбкой и снова повернулся к Таду.

— Мое описание совпадает со свидетельскими?

— Все в точности сходится, — сказал шериф. — Он большой, светловолосый, сильно загорелый. Поэтому назовите мне его, Тад. Дайте мне его имя. У меня теперь куда больше беспокойств, чем по одному делу Хомера Гамаша. Чертов комиссар полиции Нью-Йорка давит на меня, а Шейла Бригхем, это мой дежурный диспетчер, полагает, что я превращаюсь в звезду телеэкрана из-за столь явно

возросшего ко мне внимания и интереса со всех сторон, но все же меня по-прежнему больше всего волнует Хомер. Поэтому дайте имя.

— Я уже это сделал, — сказал Тад.

Последовало долгое молчание; возможно, не менее десяти минут. Затем, очень тихо, Алан спросил: — Что?

— Его имя — Джордж Старк, — сам Тад удивился спокойствию своего голоса, а еще более тому, что он *чувствовал* себя спокойным... если только спокойствие и глубокий шок не заставляют ощущать одно и то же. Но сразу убедить в истинности этого высказывания: «*Вы уже знаете его имя, это — Джордж Старк*», было не слишком легким и благодарным делом.

— Я не уверен, что понимаю вас, — сказал Алан после долгой паузы.

— Конечно, понимаете, Алан, — вмешалась Лиз. Тад взглянул на нее, изумленный столь безучастным голосом. — Мой муж сказал, что его литературный псевдоним ухитрился каким-то способом ожить. Могильная плита на фотографии... что там говорилось на ней, где по идее должна была бы красоваться цитата из писания или какие-то краткие стихи, но Тад сказал репортеру: «НЕ САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ ПАРЕНЬ». Вы помните?

— Да, но, Лиз... — шериф посмотрел на них обоих с выражением беспомощного удивления, как будто он впервые осознал, что разговаривает с людьми, потерявшими рассудок.

— Приберегите свои насмешки, — сказала она все тем же колющим тоном. — У вас еще будет для них достаточно времени. У вас и всех прочих. А пока же послушайте меня. Тад совсем не преувеличивал и не шутил, говоря, что Джордж Старк — не самый приятный парень. Тад, может быть, и *думал*, что он дурачится, но это не было просто шуткой. Я это знаю, даже если Тад этого сам еще не понял. Джордж Старк не просто не самый приятный парень, на самом деле — он *ужасный* парень. Он заставлял меня все более волноваться и страдать из-за каждой из четырех написанных им книг, и когда Тад наконец решил убить Старка, я поднялась в нашу спальню и расплакалась от чувства облегчения. — Она посмотрела на Тада, который не сводил с нее взгляда. Она ответила ему глазами перед тем, как продолжить. — Это правда. Я плакала. Я действительно плакала. Мистер Клоусон из Вашингтона был омерзительным мелким пресмыкающимся, но он принес нам большую пользу, может быть, самую большую за все годы нашей семейной жизни, и потому мне жаль, что он мертв, намного больше, чем жаль других.

— Лиз, я не думаю, что вы действительно хотите сказать...

— *Не* говорите мне, что я хочу или не хочу *сказать*, — ответила она.

Алан вздохнул. Ее голос оставался ровным и достаточно негромким, чтобы не разбудить Уэнди или вызвать более энергичные

подъема головы Уильяма перед тем, как он уляжется на своей половине манежа и заснет вслед за сестрой. Алан почувствовал, что если бы не дети, он обязательно услышал бы более громкий голос. Может быть, даже голос, повернутый на всю катушку.

— Таду есть что сказать вам. Вам следует очень внимательно выслушать его, Алан, и попробовать хотя бы проверить или поверить его словам. Потому что иначе этот человек — кто бы он ни был — будет продолжать убивать, пока не дойдет до последней строчки в своем списке мясника. У меня есть некоторые сугубо личные причины не желать продолжения этого кошмара. Видите ли, я думаю, что и Тад, и я, и наши дети тоже могут находиться в таком списке.

— Хорошо. — Голос Алана звучал спокойно, хотя его мысли скакали в сумасшедшем темпе. Он делал большие усилия, чтобы подавить в себе раздражение от несбывшихся ожиданий, даже злость, а может и удивление, и попытаться рассмотреть эту сумасшедшую идею возможно более четко и объективно, насколько это было возможно. Не было, конечно, вопроса, истинна или ошибочна вся эта гипотеза — она, несомненно, была за пределами разумной мысли — но удивляло, почему они столь сильно беспокоились насчет целесообразности этого рассказа. Было ли это вызвано стремлением скрыть какие-то вымышленные сложности при осуществлении убийств? А может, что-то еще? Возможно ли, что они *верили* во все это? Казалось настолько диким, что пара хорошо образованных и рационально мыслящих людей — во всяком случае, до нынешнего разговора — могла бы поверить в это, но от них по-прежнему не исходил тот самый аромат, по которому шериф безошибочно мог уловить лгущих ему людей. Этого не было ни в первый его визит сюда, ни во все последующие. «*Сознательно лгущих*», — поправил себя шериф. — Продолжайте, Тад.

— Ладно, — сказал Тад. Он нервно прокашлялся и встал. Его рука потянулась к карману на груди, и Тад с изумлением понял, что машинальный жест был связан с давно изжитой им привычкой: достать сигареты, которые он не курил уже многие годы. Он засунул руки в карманы брюк и взглянул на Алана Пэнборна с тем выражением, каковое должно было бы у него появиться на лице, узрей Тад в своем кабинете неожиданного визитера.

— Здесь происходит что-то очень странное. Нет, более чем странное. Это ужасно и необъяснимо, но это *действительно* происходит. И оно началось, как я полагаю, когда мне было всего одиннадцать лет.

2

Тад рассказал обо всем: о головных болях в детстве, о пронзительных криках и о сводящих с ума видениях стай воробьев, служивших

предвестниками приступов, и о возвращении в его сознание этих воробьев совсем недавно. Он показал Алану страницу рукописи с надписью поперек ее черным карандашом: «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА». Он рассказал о том ужасном приступе, который перенес в своей рабочей комнате в университете, и что он смог записать тогда (насколько это сейчас помнилось) на обороте заказного бланка. Он объяснил, что он потом сделал с этим бланком, и попытался описать свой страх и ужас, вызвавшие его стремление как можно скорее уничтожить написанное.

Лицо Алана оставалось бесстрастным.

— Помимо всего, — закончил Тад, — я знаю, что это Старк. Здесь. — Он сжал кулак и постучал по груди.

Алан Пэнборн ничего не говорил несколько секунд. Он начал крутить свое обручальное кольцо на среднем пальце левой руки, и эта процедура, казалось, целиком увлекла его.

— Вы потеряли в весе после женитьбы, — спокойно сказала Лиз. — Если вы не подгоните кольцо по размеру, то однажды потеряете его, Алан.

— Да, думаю, что это так. — Он поднял голову и взглянул на Лиз. Пока он говорил, случилось так, что Тад на несколько минут вышел из комнаты в поисках чего-то, и только они двое остались там. — Ваш муж позвал вас в кабинет и показал вам то первое послание из мира духов, сразу же как я уехал... верно?

Единственное привидение*, который я наверняка знаю и много раз видела — это склад ликера в миле ниже по дороге, — спокойно сказала Лиз, — но он действительно показал мне эту запись после того, как вы уехали, это верно.

— Сразу после моего ухода?

— Нет, мы укладывали детей спать, а потом, когда уже сами собирались ложиться, я спросила Тада о том, что он скрывает от меня.

— Между тем моментом, когда я уехал, и временем, когда он рассказал вам о затемнениях сознания и звуках птичьих голосов, были ли какие-нибудь периоды, когда он находился вне поля вашего зрения? То есть, было ли у него время, чтобы он мог подняться в кабинет и написать эту фразу, вот что я подразумеваю.

— Я не могу быть здесь уверенной в чем-либо, — ответила Лиз. — Мне думается, что мы были все время вместе, но я не могу этого утверждать с полной уверенностью. Да и вряд ли это будет решающим, если даже я скажу, что он никогда не выпадал из поля моего зрения, так ведь?

— Что вы подразумеваете, Лиз?

— Я подразумеваю, вы тогда решите, что я также лгу, верно?

* Игра слов — spirit означает как «дух, привидение», так и «спиртные напитки».

Алан глубоко вздохнул. Это был единственный ответ, если таковой и вообще требовался.

— Тад не лжет здесь ни в чем.

Алан кивнул. — Я ценю вашу прямоту, и поскольку вы не можете с уверенностью утверждать, что Тад не покидал вас хотя бы на пару минут, я не могу обвинить вас во лжи. Я рад этому. Вы все же допускаете такую возможность, и, я думаю, вы также допустите, что альтернатива подобной возможности выглядит просто дикой.

Тад прислонился к камину, его глаза переходили справа налево и обратно, словно у зрителя на теннисном матче. Шериф не сказал чего-то нового, из того, чего сам Тад не предвидел уже заранее, напротив, Алан Пэнборн действовал очень деликатно, пытаясь обнаружить несообразности в его рассказе. И все же Тад ощущал горькое разочарование... почти сердечную боль. Надежда, что Алан все же поверит — может быть, чисто инстинктивно, но *поверит* — оправдалась в той же степени, как возможные чудодейственные препараты от всех болезней в аптечных пузырьках и бутылочках.

— Да, я допускаю такую возможность, — спокойно сказала Лиз.

— А что касается происшедшего с Тадом в его факультетской служебной комнате... ведь нет никаких свидетелей ни его приступа, ни того, что он записал тогда. Ведь он даже не рассказал вам о нем, пока не позвонила миссис Коули, верно?

— Нет. Он не рассказал.

— А потому... — Шериф пожал плечами.

— У меня есть к вам вопрос, Алан.

— Да, я слушаю.

— Зачем лгать Таду? Что он может выиграть этим?

— Я не знаю. — Алан взглянул на нее с полной искренностью. — Он может и сам не знать этого. — Он бегло взглянул на Тада, затем снова посмотрел на Лиз. — Он может даже и не *знать*, что он сейчас лжет. Это очень просто: я не могу принять все услышанное на веру, любому офицеру полиции нужны, прежде всего, сильные доказательства. А здесь их нет.

— Тад рассказывал правду обо всем этом. Я понимаю, все сказанное вами имеет веские основания, но все же мне очень хочется, чтобы вы верили также в истинность всего услышанного здесь. Я отчаянно желаю этого. Видите ли, я ведь *жила* с Джорджем Старком. И я знаю, как Тад почти превратился в него, пока время шло. Я расскажу вам нечто, не попавшее в журнал «Пипль». Тад начал говорить о том, что хочет избавиться от написания следующих двух книг Старка еще перед предпоследним романом...

— Трех, — спокойно поправил Тад со своего места у камина. Его жажда закурить превратилась прямо-таки в какое-то наваждение. — Я начал говорить об этом уже после первого романа Старка.

— О'кей, трех. В журнальной статье говорится так, словно эта идея пришла совсем недавно, но это неправильно. Об этом я и хочу сейчас вам рассказать. Если бы не появился Фредерик Клоусон и не заставил моего мужа действовать решительно, я думаю, что Тад и поныне только все еще собирался избавиться от своего литературного двойника. Это напоминает обещания алкоголика или наркомана, которые он дает семье и друзьям, что с завтрашнего дня прекращает пить или принимать наркотики.... или с послезавтрашнего... или еще через день.

— Нет, — запротестовал Тад. — Не совсем так. Церковь — та, но не та церковная скамья.

Он подождал немного, нахмурившись и занимаясь не просто обдумыванием. Он *концентрировался*. Алан окончательно расстался с подозрениями, что они пытаются его обмануть или как-то использовать в нечестных целях. Они не пытались взять его измором в попытке убедить его, или даже самих себя, но только старались разъяснить, как все это произошло... точно так же, как люди пытаются описать пожар уже много позже того, как он погас.

— Слушайте, — наконец произнес Тад. — Давайте забудем на некоторое время все эти затемнения сознания, воробьев и предвидение событий — были они или нет. Если это понадобится, вы можете поговорить с моим доктором, Джорджем Хьюмом обо всех симптомах. Может быть, результаты вчерашнего обследования моей головы покажут что-то странное и необычное, но даже если и нет, вполне возможно, что врач, оперировавший меня в далеком детстве, все еще жив и способен вспомнить об этом случае в его практике. Вполне возможно, он знает нечто, могущее пролить хотя бы немного света на всю нашу историю. Я не помню его имени, но я уверен, что оно записано в моей медицинской карте. Но сейчас все это медицинское дерьмо побоку.

Эти слова почти окончательно сбили с толку Алана... если бы Тад хотел лгать, то никогда бы не стал *так* действовать. Некоторые сумасшедшие делают подобные вещи, но они достаточно сумасшедшие, чтобы тут же забыть о том, что сами сперва выдумали, поскольку сами действительно начинают верить в физическое существование своих фантазий и потом могут говорить только об этих вещах. А как же Тад? Голова шерифа начала трещать.

— Ладно, — сказал Алан Пэнборн, — если вы считаете, по вашему выражению, «медицинское дерьмо» второстепенным, то что же тогда является здесь основной линией?

— Джордж Старк — вот что главное, — ответил Тад и подумал: *«Линия, которая ведет в Эндсвилл, где заканчиваются все железнодорожные пути»*. — Представьте себе, что кто-то незнакомый забрался внутрь вашего дома. Кто-то, кого вы всегда немного боялись, примерно так же, как Джим Хокинс боялся старого морского волка в трактире «Адмирал Бенбоу» — вы читали *«Остров сокровищ»*, Алан?

Алан кивнул.

— Тогда вам будет яснее то ощущение, которое я здесь сейчас пытаюсь вам передать. Вы следите за этим парнем, и он вам совсем не нравится, но вы позволяете ему оставаться у вас под крышей. Вы не держите гостиницу, как в «*Острове сокровищ*», но, может быть, вы считаете его дальним родственником вашей жены или кем-то в этом роде. Вы следите за моей мыслью?

Шериф снова кивнул.

— И наконец в один прекрасный день этот нежеланный гость делает что-то, выводящее вас из себя, ну, например, хлопает солонкой о стену, поскольку она засорилась и из нее у него ничего не высыпалось, и вы говорите своей жене: «Сколько еще времени этот идиот, твой второй кузен, собирается здесь околачиваться?» А она смотрит на вас и говорит: «Мой второй кузен? Я думала, что это *твой* второй кузен!»

Алан рассмеялся, хотя ему вообще-то не было сейчас очень весело.

— Но вышвырнете ли вы этого малого за порог? — продолжал Тад. — Нет. Только потому, что он уже слишком долго находился у вас под крышей, и, как это ни покажется кому-то странным, тому, кто сам не побывал в такой ситуации, это будет выглядеть, словно ваш тип заполучил некие... права поселенца на незанятой земле, что ли. Но и это не самое главное.

Лиз кивнула. Ее глаза возбужденно блестели, а ее взгляд был взглядом благодарной женщины, услышавшей именно те слова, которые уже были готовы сами сорваться с ее губ в течение всего этого дня.

— Важнее то, как *чертовски* трудно следить за ним, — сказала она. — Следить за тем, что он может выкинуть, если вы действительно скажете ему, чтобы он убирался, и вышвырнете его на дорогу.

— Вот именно, — сказал Тад. — Вы хотите быть смелым и отважным, и прямо приказать ему убираться из вашего дома, и не столько потому, что вы просто боитесь его опасных штук у вас под крышей. Здесь дело касается вашего самоуважения. Но... вы все не решаетесь. Вы находите *причины* для того, чтобы откладывать это. Типа — сейчас идет дождь, и у него будет меньше поводов обидеться, если вы покажете ему на дверь в солнечный день. Или, возможно, что это лучше всего проделать после того, как вы все хорошенько выпитесь. Вы придумываете тысячи не менее весомых причин и оснований для непрерывного откладывания. Вам даже кажется, что если эти причины звучат достаточно убедительно для вас самого, вам удастся сохранить хотя бы *часть* вашего самоуважения, а это всегда лучше, чем ничего. Это особенно хорошо, поскольку все свое самоуважение сохранить можно, оказавшись в итоге либо раненым, либо вообще убитым.

— И, может быть, это относится не только к вам лично. — Лиз вмешалась в разговор снова и заговорила тем серьезным и приятным

голосом, каким обычно адресуется к своим коллегам по садоводческому клубу женщина-специалист в связи с ответами на вопросы, когда лучше засеивать кукурузу или как определить степень зрелости томатов. — Он был мрачный, опасный мужчина, когда он... жил с нами..... и он таковым и остался сейчас. Все говорит о том, что если с ним и произошли какие-то изменения, то только в худшую сторону. Он, конечно, безумен, но, по его собственной логике, все, что он делает, абсолютно разумно: он выслеживает людей, замысливших убить его, и убирает их со своей дороги, одного за другим.

— Вы закончили?

Она удивленно взглянула на Алана, словно его голос заставил ее очнуться от самого глубокого личного переживания. — Что?

— Я спросил, закончили ли вы. Вы хотели высказаться, а я хочу убедиться, что вы сказали все.

Ее спокойствие исчезло. Она глубоко и прерывисто вздохнула и в отчаянии схватила себя за голову. — Вы не верите мне? Ни единому моему слову!

— Лиз, — сказал Алан Пэнборн, — это же просто... чепуха. Я сожалею, что произношу это слово, но с учетом всех обстоятельств, оно одно из самых мягких, какие здесь возможны. Здесь достаточно скоро появятся другие копы. Я думаю, из ФБР — этот преступник уже сейчас стал известен в нашей стране, и ФБР наверняка должно будет вмешаться. Если вы расскажите им всю эту историю с затемнениями и бессознательными записями, вы услышите от них множество куда менее приятных слов. Если вы скажете мне, что всех этих людей убил призрак, я тоже никогда не поверю в это. — Тад хотел вмешаться, но Алан предостерегающе поднял руку, чтобы ему позволили договорить. — Но я бы смог даже быстрее поверить в историю с привидениями, чем в то, что я услышал. Мы ведь даже не обсуждаем здесь проделки привидения, а говорим о человеке, которого нет на свете.

— Как вы объясняете мое описание его облика? — вдруг спросил Тад. — То, что я рассказал, было моим личным представлением об облике Джорджа Старка, как он должен был бы *выглядеть*. Часть этого описания хранится в файлах «Дарвин пресс» для распечатывания листа с биографическими сведениями об авторе романов Джорджа Старка. Другая часть — то, что я представил себе, обдумывая все это дело. Я никогда наяву не встречался и не видел своими глазами этого парня, вы же знаете, я только создал мысленный образ за многолетний период, примерно так же, как вы можете представить себе облик диск-жокея, музыку которого вы привыкли слушать каждое утро по дороге на работу. Но если бы вам пришлось с ним повстречаться, чаще всего оказалось бы, что вы были почти во всем неправы. А здесь получилось, что я угадал почти все точно. Как это можно объяснить?

— Я не могу, — ответил шериф. — Если, конечно, вы не скрываете от меня, откуда сами получили это описание.

— Вы же знаете, что мне неоткуда было его получить.

— Не будем так уж безоговорочны, — возразил шериф. Он поднялся, подошел к камину и бесцельно пнул ногой сложенную там на полу небольшую поленницу из березовых дров. — Не всякая ложь происходит из обдуманного решения. Если человек внушил себе, что говорит чистую правду, он может пройти даже испытание на детекторе лжи с этими цветными индикаторами. Теду Банди это удалось.

— Давайте не будем на этом останавливаться, — раздраженно сказал Тад. — Не нужно нагнетать всю эту чертову ахинею. Это напоминает дело с отпечатками моих пальцев, как будто его снова оживили и запустили на всю катушку. Единственное различие лишь в том, что сейчас у меня нет пачки доказательств моей невиновности. Кстати, как *насчет* отпечатков пальцев? Когда вы учтете их существование, не станут ли они подтверждением правдивости наших предположений?

Алан обернулся. Он вдруг рассердился на Тада... на них обоих. Он ощутил себя безжалостно загнанным в угол, а они, черт возьми, не имеют никаких прав заставлять его испытывать такие ощущения. Это выглядело, как если бы он был единственным представителем Общества верящих в плоскую Землю, вдруг оказавшимся среди сторонников версии, что Земля все же круглая.

— Я не могу объяснить ничего здесь... пока, — сказал шериф. — Но, может быть, вы все же скажете мне абсолютно точно, откуда этот парень — *реальный* — произошел, Тад? Может быть, вы зачали его как-то ночью? Или он вылутился из яйца этих чертовых воробьев? Вы были похожи на него в те часы, когда писали романы под его вымышленным именем? Конкретно, откуда он взялся?

— Я не знаю, откуда он появился, — грустно ответил Тад. — Неужели вы думаете, что я бы скрыл это от вас, если бы знал? Насколько я знаю или могу помнить, я был еще *самим собой*, когда писал «Путь Мэшина», «Голубые из Оксфорда», «Паштет из акульего мяса» и «Дорога на Вавилон». Я совсем не представляю, когда отстал... самостоятельным и отдельно существующим человеком. Он казался мне реальным, когда я писал за него, но только в те моменты, когда я писал эти романы. Можно сказать, я *принимал* это дело всерьез, но я не верил в него... когда сам не занимался его романами...

Тад остановился и усмехнулся.

— всю свою жизнь я говорю о писании, — сказал он. — Сотни лекций, тысячи аудиторий, и я не думаю, что я когда-либо говорил просто о той власти над писателем-беллетристом, которую имеют обе существующие для него реалии: одна — это подлинный окружающий его мир, а другая — это мир его рукописи. Я даже не думаю, что мне

раньше приходила в голову подобная мысль. А теперь я сознаю... ну... я даже, кажется, совсем не знаю, *что* думать по этому поводу.

— Не в этом дело, — сказала Лиз. — Ему не пришлось стать отдельно существующим человеком до тех пор, пока Тад не попытался убить его.

Алан подался вперед. — Ладно, Лиз, вы знаете Тада лучше, чем кто-либо еще. Он действительно превращался из доктора Бомонта в мистера Старка, когда писал эти криминальные романы? Он угрожал вам? Он пытался напугать гостей на вечеринках своей складной бритвой?

— Ваш сарказм никак не поможет этому обсуждению, — ответила Лиз, глядя на него с укором.

Алан поднял обе руки в знак согласия и немного отчаяния — хотя шериф не был уверен, что именно привело его в это отчаяние: они оба, он ли сам или все они трое вместе взятые. — Я не хочу быть саркастичным, я просто пытаюсь использовать это небольшое словесное шоковое лекарство, чтобы показать вам самим, как безумно звучит все, что вы оба утверждаете здесь. *Вы доказываете мне, что какой-то чертов литературный псевдоним вдруг ожил!* Если вы расскажите ФБР хотя бы половину этой дребедени, они начнут проверять законы штата Мэн по произвольным погребениям!

— Ответом на ваш вопрос будет «нет», — сказала Лиз. — Он не бил меня и не страдал никого складной бритвой на вечеринках с коктейлями. Но когда он писал от имени Джорджа Старка — особенно когда он писал об Алексисе Мэшине — Тад не оставался тем же человеком, как обычно. Когда он, можно образно сказать, открывал дверь к себе в кабинет и приглашал туда зайти Старка, он становился отдаленным и отчужденным. Не холодным или даже невозмутимым, а именно отдаленным. Он меньше стремился выходить из дома, видаться с людьми. Он иногда пропускал собрания на факультете, даже встречи со своими студентами... хотя это происходило весьма редко. Он позже ложился спать и иногда беспокойно ворочался и метался не менее часа до того, как, наконец, засыпал. При этом он часто и много стонал и разговаривал во сне, как это бывает при ночных кошмарах. Я его нередко спрашивала именно о кошмарах, а он отвечал, что просто чувствует головную боль, и вообще ощущается, что плохо отдохнул за ночь, но если у него и были плохие сны, он не может вспомнить их содержания.

В облике Тада не происходило каких-либо внешних изменений... но он не был уже прежним. Мой муж бросил пить спиртное несколько лет назад, Алан. Он не обращался в Общество анонимных алкоголиков или что-то в этом роде, а просто прекратил. За одним исключением. Когда Тад закончил один из романов Старка, он напился. Это выглядело так, словно он попытался вычистить из себя всю грязь. Он приговаривал: «Сукин сын убрался. По крайней мере, на время, но он убрался. Джордж вернулся на свою ферму в Миссисипи. Ура».

— Лиз все правильно изложила, — согласился Тад. — Ура — это именно то, что больше всего я тогда ощущал в себе. Разрешите мне подытожить все, что мы имеем, если отбросить затемнение сознания и автоматическое записывание информации из складывающейся общей картины происходящего. Человек, которого вы ищете, убивает людей, знакомых мне, тех людей, которые, исключая Хомера Гамаша, были связаны с делом Старка и отвечали за его «смертную казнь», в заговоре со мной, конечно. Он сумел раздобыть кровь моего типа, которая в сущности, конечно, не самая редкая в мире, но, тем не менее, ею обладают лишь шестеро из каждой сотни людей. Он полностью соответствует описанию, которое я сообщил вам на основе выжимки из моего собственного представления об облике Джорджа Старка, если бы он существовал на самом деле. Он курит те сигареты, которые когда-то курил я сам. Наконец, что самое поразительное, его дактилоскопические отпечатки идентичны моим. Может быть, шестеро человек из каждой сотни и имеют кровь типа А с негативным резус-фактором, но пока, насколько нам известно, во всем мире никто не имеет моих отпечатков пальцев. Несмотря на все эти факты, вы отказываетесь даже рассматривать мое предположение, что Старк каким-то образом ожил. Теперь, шериф Алан Пэнборн, скажите мне: «Кто же из нас действует в густом тумане, если так можно выразиться?»

Алан почувствовал, что та твердая почва, на которой до сего времени он прочно стоял и был абсолютно в ней уверен, вдруг несколько повернулась вбок. Это же *было* невозможно, ведь это же ясно? Но... так как он еще ничего сегодня не успел сделать, ему хотя бы надо срочно переговорить с врачом Тада и тщательно ознакомиться с медицинской картой. Ему пришло в голову, что было бы просто чудесно обнаружить, что у Тада никогда *не было* опухоли на мозге и что Тад либо просто лжет о ней... либо она ему померещилась. Если он сможет убедиться, что Тад — психопат, все станет намного проще и легче. Может быть...

А, может быть, он получит *дерьмо*. Это *не был* Джордж Старк, поскольку никаких Джорджей Старков *никогда* и не было. Им может оказаться ловкач-рецидивист, находящийся в розыске у ФБР, но это вовсе не значит, что только такой парень может подойти для *данной* роли. Они могут только спугнуть этого подонка в Нью-Йорке, охраняя Коули, и вполне вероятно, что этот безумец решил провести летом свой отпуск здесь, в штате Мэн. Если он действительно сюда вернется, Алану очень хочется самому пристрелить этого подонка. Он не думает, что блуждание в этой *сумеречной зоне* со всем ее дерьмом как-то поможет ему найти свой шанс. А, кроме того, шерифу больше уже не следует тратить время на пустую болтовню.

— Я думаю, время все покажет, — сказал Алан Пэнборн весьма неопределенно. — А сейчас, я бы посоветовал вам обоим следовать

той линии, которую вы сами предложили мне вчера вечером: это парень, который *думает*, что он и есть Джордж Старк, и он достаточно безумен, чтобы начать действовать логично — логично для психопата, по крайней мере — то есть с места официального погребения Старка на кладбище.

— Если вы не захотите хотя бы как-то учесть мое предположение, Алан, вы попадете по локти в самое дерьмо, — сказал Тад. — Этот парень... Вам будет невозможно понять и предугадать его действия, вы не сможете умолить его о пощаде. Если вам придется взывать к его милосердию — в случае, если он даст вам на это время — это все равно не приведет ни к чему хорошему. Если только вы попадетесь ему на пути, не будучи под бдительной охраной, он сделает паштет не из акулы, а из *вас*, Алан.

— Я займусь проверкой вашего доктора, — ответил шериф, — а также найду врача, делавшего вам операцию в детстве. Я не знаю, что это даст и прольет ли какой-нибудь свет на все это дело, но я все сделаю. Иначе, я опасаясь, что мне просто придется воспользоваться моими шансами, как бы ничтожны они не были.

Тад улыбнулся, но без какой-либо радости. — По-моему, у нас у всех здесь одна общая большая проблема. Моя жена, дети и я также попытаемся воспользоваться своим шансами вместе с вами, шериф.

3

Пятнадцатью минутами позже бело-голубой грузовичок въехал через ворота во дворик дома Тада и остановился позади машины шерифа. Он выглядел как техничка телефонной службы, и, собственно, таковой и оказался, хотя по его бортам красовались горделивые слова «Полиция штата Мэн».

Два техника подошли к двери, представились и извинились за столь позднее свое прибытие (что никак не затронуло внимания Тада и Лиз, которые вообще не подозревали о том, что их должны были с утра посетить эти парни). Телефонные техники попросили Тада расписаться на соответствующем бланке, который один из них тут же извлек из папки. Тад это быстро проделал и только тут заметил, что этой подписью дает согласие на подключение к своему телефону записывающего и пеленгующего оборудования. Это, впрочем, не давало полиции всеобъемлющего права использовать полученные расшифровки телефонных бесед для судебного слушания.

Тад поставил подпись на требуемом месте. Оба других полицейских, шериф Пэнборн и один из техников (Тад хладнокровно отметил, что на поясе у него с левой стороны висит телефонный тестер, а с правой — револьвер) внимательно наблюдали за этой процедурой.

— И этот определитель номера абонента действительно работает? — спросил Тад несколькими минутами позже, когда уже Алан

укатил в полицейское управление штата Мэн в Ороно. Ему казалось важным хотя бы что-то спросить или сказать, поскольку техники хранили полное молчание.

— Да, — ответил один из них. Он выдернул телефонный провод из розетки в гостиной и быстро что-то менял внутри пластикового корпуса аппарата. — Мы можем проследить звонок до места его возникновения в любой точке земного шара. Это совсем не те старые приборы, которые показывают в фильмах, когда вам необходимо поддерживать разговор с вашим собеседником, чтобы запеленговать его. Пока кто-нибудь снова не снимет трубку на этом конце он показал на телефон, который сейчас напоминал маленького андроида, растерзанного бластером в многосерийных фантастических фильмах, мы можем выявить местонахождение вашего собеседника, которое чаще всего оказывается платным телефоном-автоматом в торговом центре.

— Это точно, — сказал второй техник. Он колдовал над гнездом телефонного коммутатора, которое он отсоединил от штепсельной вилки. — У вас есть наверху аппараты?

— Два, — ответил Тад. Он начал чувствовать, что кто-то грубо вышвырнул его из дома того кролика, который жил в стране чудес. — Один в моем кабинете, а второй — в спальне.

— Они подключены к другой линии?

— Нет, у нас только одна. Где вы установите магнитофон?

— Видимо, в подвале, — ответил первый техник, не глядя на Тада. Он закреплял провода из телефона в прозрачном блоке, набитом пружинными коннекторами, и в голосе техника ясно звучало «не-будете-ли-вы-столь-любезны-не-мешать-нам-делать-свое-дело».

Тад обнял Лиз за талию и ушел с нею прочь, сомневаясь, есть ли *кто-нибудь* в мире, кто способен уразуметь, что никакие магнитофоны и блоки не способны остановить Джорджа Старка. Старк был повсюду, неважно, отдыхал ли он или уже был в пути.

И если никто не хочет поверить ему, то что же он, Тад, может поделаться? Как, черт побери, он собирается защищать свою семью? Есть ли какой-нибудь способ? Он глубоко задумался, но когда все эти размышления ни к чему не привели, Тад просто прислушался к самому себе. Иногда — далеко не всегда, но иногда — именно таким путем к нему приходил искомый ответ.

Но не сейчас, однако. И он даже удивился, найдя себя вдруг столь глубоко отчаявшимся и опечаленным. Он подумал, не уговорить ли Лиз подняться наверх, но затем вспомнил, что полицейские техники тоже там вскоре должны появиться, желая сделать как можно более хитрыми его старомодные однолинейные телефоны.

— Негде даже прилечь, — подумал Тад. — Так что же мы *должны* делать?

Ответ был достаточно прост. Они должны были ждать, и это было все.

И им не пришлось долго ожидать следующего кошмарного убийства: Старк все же добрался до Рика Коули и заминировал входную дверь его квартиры, сперва умертвив двух техников, которые должны были проделать в квартире Рика те же операции, что и эти люди в гостиной Тада. Как только Рик повернул ключ в замочной скважине, дверь взорвалась.

Эти грустные новости сообщил Алан. Он отъехал всего на три мили по дороге в Ороно, когда по радиорации ему сообщили о взрыве. Шериф немедленно повернул назад.

— А вы нам говорили, что Рик в безопасности, — сказала Лиз. Ее голос и глаза были усталыми. Даже ее волосы, казалось, потеряли свой блеск. — Вы нам почти гарантировали ее.

— Я ошибался. Извините.

Алан был глубоко потрясен тем, как сейчас выглядела и разговаривала Лиз Бомонт, но старался изо всех сил не показать этого. Он взглянул на Тада, который смотрел на шерифа в каком-то озарении. Невеселая улыбка мелькнула в уголках рта Тада.

«Он знает, что я сейчас думаю», — возможно это и не было правдой, но это выглядело абсолютно истинным для Алана. — Ладно... может быть, не ВСЕ, но многое. Может быть, лишь только небольшую часть моих мыслей. Вполне возможно, что я делаю грязную работу по разгребанию дерьма, но все же вряд ли так уж ошибаюсь. Я думаю, что он что-то знает. Он видит слишком много».

— Вы сделали допущение, оказавшееся неправильным, в этом все дело, — сказал Тад. — Это случается и с лучшими из нас. Может быть, вам следует вернуться и подумать о Джордже Старке чуточку побольше. Что вы думаете, Алан?

— Что вы можете оказаться правым, — ответил шериф и сказал самому себе, что эта мысль уже давно известна им обоим. И после этого никогда не виденное лицо Джорджа Старка, знакомое шерифу только по описанию Бомонта, начало постепенно вырастать у плеча Алана. Он еще не мог его разглядеть, но он чувствовал его присутствие.

— Я хочу поговорить с этим доктором Хердом...

— Хьюмом, — поправил Тад. — Джордж Хьюм.

— Спасибо. Я хочу поговорить с ним, поэтому я прощаюсь. Если ФБР действительно здесь покажется, не будете ли вы столь добры запустить меня сюда снова?

— Я не знаю насчет Тада, но я буду очень рада, — сказала Лиз. Тад кивнул.

Алан сказал: — Я очень сожалею по поводу всех этих несчастий, но больше всего о моем обещании, что хотя бы где-то все будет о'кей, а это оказалось неправдой.

— В ситуации типа этой очень легко недооценить что-либо, — ответил Тад. — Я сказал вам правду — по крайней мере, все, что я

знаю — по очень простой причине. Если это Старк, я думаю, слишком много людей будут недооценивать его до тех пор, пока уже ничего нельзя будет исправить.

Алан посмотрел на Тада, затем на Лиз. После длительного молчания, которое нарушалось только голосами полицейских охранников за наружной передней дверью дома Тада (была еще и другая дверь позади дома), Алан сказал: — Черт меня побери, ребята, вы действительно верите во все это?

Тад кивнул: — Я — да, без сомнения.

— А я — нет, — произнесла Лиз, и оба мужчины в изумлении уставились на нее: — Я не верю. *Я знаю.*

Алан вздохнул и засунул руки в карманы. — Есть одна вещь, которую бы мне хотелось узнать, — сказал шериф. — Если это то, что вы говорите... Я не верю в это, *не могу* верить в это, я предполагаю, что вы ответите... но если это *есть*, чего же хочет этот треклятый парень? Просто реванша?

— Вовсе нет, — ответил Тад. — Он хочет того же, чего бы хотели и вы, и я, окажись мы в его положении. Он не хочет быть больше мертвым. Это все, что ему надо. Не быть больше мертвым. Я единственный человек в мире, который способен заставить это произойти. А если и я не смогу или не захочу... тогда... он сможет по крайней мере убедиться, что он не одинок.

Глава 16 ВЫЗЫВАЕТ ДЖОРДЖ СТАРК

1

Алан уехал для беседы с доктором Хьюмом, а агенты ФБР только начинали свои допросы (если только этим словом можно было назвать то, что представлялось столь странно бессмысленным и бессвязным), когда позвонил Джордж Старк. Звонок последовал всего через пять минут после того как полицейские техники (называвшие сами себя «телефонщиками»), наконец выразили полное удовлетворение всеми своими хитроумными насадками, подсоединенными к телефонам Бомонта.

Техники, конечно, были слегка разочарованы, но не столь уж удивлены, увидев старинные вращаемые диски на телефонных аппаратах Тада.

— Мужик, в это трудно поверить, — сказал один из телефонщиков по имени Вэс (хотя тон его голоса как раз как бы и предполагал его уверенность, что встретить столь допотопную штуковину можно было именно в здешнем захолустье).

Другой техник, Дэйв, кинулся к их грузовичку, чтобы найти те нужные адаптеры и все прочие приспособления, без которых никак бы не удалось заставить телефоны Бомонтов идти в ногу с техническим прогрессом конца нашего столетия. Вэс вытаращил глаза и посмотрел на Тада, словно хотел проинформировать хозяина этого телефона, что тот живет еще в эре ранней телефонизации Штатов.

Зато телефонщик лишь бегло взглянул на агентов ФБР, которые проделали долгий и героический путь из своего филиала в Бостоне до Бэнгора, а потом через непроходимые дебри, заполненные дикими и жестокими медведями и волками, до Ладлоу. Для полицейских техников агенты ФБР могли быть ясно видны только в принципиально ином спектре, типа инфракрасного или рентгеновского.

— Все телефоны в нашем городке этого типа, — сказал Тад смиренным голосом. У него все более явно проявлялись печальные симптомы острого расстройства желудка. В обычных обстоятельствах это делало бы Тада чрезвычайно угрюмым и сомневающимся в смысле жизни. Сегодня, однако, он чувствовал лишь возрастающую усталость и глубокую грусть.

Его мысли были обращены к отцу Рика, жившему в Таксоне, и к родителям Мириам, которые жили в Сан-Луи Обисно. О чем сейчас мог думать старый мистер Коули? А о чем сейчас размышляли Поннингтоны? Как они перенесут столь печальные известия, эти люди, которых он сам никогда не видел, но очень часто слышал их имена в разговорах с Риком и Мириам? Что чувствует отец, потеряв-

ший сына, не маленького, но *взрослого* ребенка? Как можно справиться с этим простым, но необъяснимым фактом убийства?

Тад ощутил, что он думает об оставшихся в живых, а не об убитых, по простой причине: он чувствовал свою *ответственность за все происходящее*. Почему бы и нет? Если не он виновен в появлении Джорджа Старка, то кто еще другой? Александр Хейг*? Тот факт, что устаревшая дисковая система его телефонов сделала неожиданно сложным подсоединение подслушивающих устройств, также почему-то вызвал у Тада чувство вины.

— Я думаю, это все, мистер Бомонт, — сказал один из сотрудников ФБР. Он просматривал свои записи, столь же явно не замечая Вэса и Дэйва, как эти двое никак не могли обнаружить его поблизости от себя. Теперь агент, чье имя было Мэлоун, захлопнул свою записную книжку. Она была в кожаном переплете, с тисненными серебром его инициалами в левом нижнем углу. Он был одет в консервативный серый костюм, а волосы были строго зачесаны налево на пробор. — Ты хочешь спросить что-нибудь еще, Билл?

Билл, он же агент Преббл, закрыл свою записную книжку, тоже в кожаном переплете, но уже без инициалов, и покачал головой. — Нет. Я думаю, здесь все закончено. — Агент Преббл был одет в консервативный коричневый костюм. Волосы были также зачесаны налево и на пробор. — Возможно, мы зададим еще некоторые вопросы в ходе расследования, но сейчас мы получили всю нужную на данное время информацию. Мы хотим поблагодарить вас обоих за сотрудничество. — Он озарил Бомонтов огромной улыбкой, открывшей зубы, которые были либо недавно вставлены, либо отличались природным совершенством, и Тад невольно подумал: «Если бы нас здесь не было пятеро, думаю, что он бы наделил каждого из нас столь чарующим сертификатом **СЕГОДНЯ БЫЛ УДИВИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ!**»

— Не за что, — ответила Лиз медленным, надломленным голосом. Она слегка потеряла свой левый висок подушками пальцев, словно именно она была приучена терпеть приступы жесточайших головных болей.

«*Может быть, — подумал Тад, — так оно и есть.*»

Он посмотрел на каминные часы и обнаружил, что еще только половина третьего. Был ли это самый долгий день в его жизни? Ему не хотелось долго думать над этим, но он подозревал, что его предположения верны.

Лиз встала. — Я думаю, что мне лучше немного полежать, подняв ноги вверх, если не возражаешь. Мне что-то не по себе.

* Американский главнокомандующий войсками НАТО в Европе в 80-х годах.

— Это хорошая... — «мысль», хотел, конечно, закончить Тад, но прежде чем ему удалось произнести это слово, зазвонил телефон.

Все посмотрели на аппарат, и Тад вдруг почувствовал биение пульса на своей шее. В груди, казалось, шевелилось что-то едкое, горячее и поднимающееся кверху, чтобы извергнуться из его глотки.

— Весьма удачно, — сказал Вэс в полном удовлетворении. — Нам даже не надо будет посылать кого-то, чтобы сделали сюда контрольный звонок.

Тад вдруг почувствовал нехватку свежего воздуха, словно кто-то обернул его какой-то воздухо непроницаемой оболочкой. И она сопровождала его, пока он подходил к телефону, который ныне мирно соседствовал с новейшим сверкающим чудом подслушивающей техники. Огоньки на этом чуде пульсировали синхронно со звонками старомодного телефонного аппарата.

Где же птицы? Я должен был бы услышать птиц. Но их не было, единственным звуком был требовательный призывный звонок телефона Мерлина.

Вэс наклонился около камина, упаковывая свои инструменты в черный портфель с покрытыми хромом застежками. Дэйв остановился в дверном проеме между гостиной и столовой. Он попросил разрешения у Лиз взять банан со стола и теперь задумчиво его дегустировал, делая паузы для критического анализа всей проделанной им сложной технической работы и взирая на телефон взглядом художника у подножия своего только что законченного творения.

— Достань-ка тестер контура, — сказал он Вэсу. — Если нам понадобится затем немного прочистить линию, мы как раз сейчас это и проверим. Не надо будет снова возвращаться к машине.

— Хорошая мысль, — отозвался Вэс и вытащил что-то с лязгом из своего портфеля-гиганта.

Оба техника выглядели кроткими ожидающими и никем более. Агенты Мэлоун и Преббл стояли с бессмысленным видом, убирая свои знаменитые записные книжки и еще раз подтверждая давнее мнение Тада о том, что все люди из ФБР куда ближе к страховым агентам, чем к суперменам. Мэлоун и Преббл, казалось, даже не обратили внимания на то, что телефон зазвонил в их присутствии.

Но Лиз знала. Она прекратила тереть свой висок и смотрела на Тада тем взглядом животного, которого охотники загнали в угол. Преббл благодарил ее за кофе с крекерами и казалось был столь же неуверен, что она ему ответит, как и в том, что звонит телефон.

«Что с вами происходит, люди? — Тад внезапно ощутил тоску. — Какого дьявола вы думаете прежде всего об этих дурацких технических игрушках?»

Конечно, это несправедливо. Ведь они же установили все это следящее и записывающее оборудование ради людей, может быть, ради этого самого человека, который сейчас звонит, всего через пять

минут после окончания их кропотливой работы. Это, конечно, случайно, но все же... именно так, или что-то в этом роде ответили бы они, задай им кто-то этот обидный вопрос. Сейчас творятся совсем не те дела, что в доброе старое патриархальное время. Сейчас конец двадцатого века со всей его техникой, могли бы они сказать. Это звонит другой писатель, чтобы раздобыть новую и свежую сюжетную идею, Тад, или кто-то из соседей желает узнать, не одолжит ли ваша жена ему чашку сахара. Но парень, который себя считает вашим вторым «я»? Ни в коем случае. Слишком рано, слишком удачно.

И все же это был Старк. Тад мог *почувать* его. И глядя на жену, Тад знал, что Лиз тоже уже смогла сделать это.

А сейчас Вэс смотрел на него, без всякого сомнения удивляясь, почему Тад не отвечает в трубку своего столь усовершенствованного телефона.

«Не волнуйся, — подумал Тад. — Не волнуйся, он обождет. Он же знает, что ты дома, ты тоже это понимаешь».

— Ну, мы видно здесь уже изрядно вам надоели, миссис Бо... — начал Преббл, но Лиз ответила спокойным, но ужасно больным голосом: — Я думаю, вам будет лучше подождать, пожалуйста.

Тад снял трубку и проорал: — Что тебе надо, сукин сын? Какого ... ты ХОЧЕШЬ?

Вэс подпрыгнул. Дейв вздрогнул, словно банан вдруг ущипнул его. Головы агентов повернулись вокруг оси на шее. Тад почувствовал огромное желание увидеть сейчас здесь Алана Пэнборна, занятого беседой с доктором Хьюмом в Орно. Тад почти не верил в то, что Старк может быть *человеком*, но все же какая-то часть надежды его еще не покинула.

— Это он, это он! — сказала Лиз Пребблу.

— Ох, Иисус Христос, — ответил Преббл. Он и его столь же неустрашимый напарник обменялись быстрыми растерянными взглядами: *«Что же мы должны делать?»*

Тад слышал и видел все происходящее вокруг него, но уже отделился от этого. Отделился даже от Лиз. Сейчас остались только Старк и он. Снова вместе и впервые, как говаривали в старину, рекламируя водевили.

— Успокойся, Тад, — сказал Джордж Старк. Голос звучал весело. — Нет никакой надобности снимать все твои штаны и подштанники. — Это был именно тот голос, который Тад ожидал услышать. В точности тот. Каждый нюанс, в полной степени соответствовавший южному выговору, с которым Старк пытался бороться, но который все равно пробивал себе дорогу во всех его словах.

Оба телефонщика на мгновение сдвинули головы, и Дэйв затем кинулся в грузовик за добавочным телефоном. Он по-прежнему не мог расстаться со своим бананом. Вэс поспешил в подвал, чтобы провернуть магнитофон, усиливающий голос собеседника.

Бесстрашные агенты из племени Не смыкающих глаз стояли в центре гостиной и тупо глазели друг на друга. Они напоминали детей, потерявшихся в лесу.

— Что ты хочешь? — Тад повторил более тихим и спокойным голосом.

— Ну, хотя бы сказать тебе, что все закончено, — ответил Старк. — Я добрался сегодня до последней — той девки, которая работала в «Дарвин пресс» на главного бухгалтера.

Ни одно слово не сказано правильно, сплошной южный говор.

— Она была той сучкой, которая позволила этому дурачку Клоусону задирать нос, — продолжал Старк. — Копы найдут ее, она жила в предместье около Второй авеню. Часть ее — на полу, а часть — на кухонном столе. — Он рассмеялся. — У меня была очень занятая неделя, Тад. Я скакал, как одноногий бегун в соревнованиях по поцелуям задниц. Я потому и позвонил, чтобы дать отдых твоему сознанию.

— Оно не очень-то чувствует этот отдых, — возразил Тад.

— Ну, подожди немного, старина, дай ему время. Я думаю, что подамся на юг, поудить рыбу. Эта городская жизнь утомляет меня. — Он снова засмеялся, и этот смех был столь чудовищно весел, что заставил Тада содрогнуться.

Он лгал.

Тад знал это; столь же наверняка он знал, что Старк ожидал окончания установки всего этого пеленгующего и записывающего оборудования, чтобы первым сделать телефонный звонок. *Мог* он сам знать что-то подобное этому? Ответом было «да». Старк мог звонить из Нью-Йорка, но они оба были связаны друг с другом невидимой неразрывной нитью, которая соединяет близнецов. Они *были* близнецами-двойняшками, половинками единого целого, и Тад с ужасом обнаружил себя вылетевшим из своего тела и летящим вдоль телефонной линии не до самого Нью-Йорка, нет, а где-то до середины пути. Встреча с монстром должна произойти в западном Массачусетсе, может быть, они при встрече снова сольются, как это происходило каждый раз, когда он надевал чехол на пишущую машинку и начинал писать вытащенными из кувшина этими треклятыми черными карандашами «Бэрол блэк бьюги».

— Ты лжешь! — закричал Тад.

Агенты ФБР подпрыгнули, как потревоженные гусаки.

— Хэй, Тад, это не очень-то вежливо! — сказал Старк. Он казался обиженным. — Ты думаешь, я собираюсь повредить тебе? Нет, черт меня побери! Я только *отомстил* за тебя, мальчик! Я знал, что только я могу и должен это сделать. Я знаю, что у тебя цыплячья печенка, но я не держу зла на тебя. *Зачем* же мне было беспокоить тебя, если я сам уладил все дела, как тебе бы никогда не удалось это проделать?

Пальцы Тада нашли небольшой белый шрам на лбу и потирали его с такой силой, что кожа сильно покраснела. Он пытался — и безнадежно — оставаться самим собой. Удержать свою собственную реальную сущность.

Он лжет, и я знаю почему, и он знает, что я это знаю, и он понимает, что это не имеет никакого значения, поскольку никто не поверит мне. Он понимает, как странно все это выглядит для них всех, и хотя они слушают меня, он знает, что они на самом деле думают обо всем этом... И он также знает, как они думают, и это спасает его. Они верят, что перед ними психопат, считающий себя Джорджем Старком, потому что так они привыкли и должны думать. Думать как-то по-иному — значит, идти против всего того, чему их учили, чем они сами являются. И все дактилоскопические отпечатки ничего здесь не изменят. Он знает, что если он притворится, что он — не Джордж Старк, если он внушит, что наконец исчезает, они успокоятся. Они не снимут полицейскую охрану... но он сможет легко ее опередить.

— Ты знаешь, чьей идеей было похоронить тебя. Это был я.

— Нет, нет! — легко ответил Старк, и это прозвучало почти (но не совсем) как «нат, нат». — Тебя ввели в заблуждение, вот и все. Когда этот мудака Клоусон объявился, он попытался тебя заарканить — вот как было дело. А потом, когда ты звонил этой ученой обезьяне, своему литературному агенту, он просто дал тебе очень плохой совет. Тад, это было так, словно кто-то нагадил на твоём обеденном столе, а ты звонишь кому-то из своих советчиков и спрашиваешь, что же тебе делать со всем этим дерьмом, а тот тебе отвечает: «Это вовсе не проблема, просто поставь на это место свиную подливку. Дерьмо со свиной подливкой выглядит просто прекрасно холодными вечерами». Ты бы никогда этого не сделал, если бы действовал один. Я это знаю, старина.

— Но это же чертовская ложь, и ты это знаешь!

И вдруг Тад осознал, как все здорово продумано и как хорошо раскусил Старк людей, с которыми сейчас контактировал. Он собирается сказать это очень скоро. Он собирается вот-вот сообщить, что он — никакой не Джордж Старк. И они поверят ему, когда он это сделает. Они будут потом слушать магнитофонную запись этого разговора, и они поверят всему услышанному, и Алан, и все другие. Потому что это не только то, во что они хотят верить, это то, во что они уже верят.

— Я не знаю ничего такого, — сказал Старк спокойно, почти дружелюбно. — Я не собираюсь тебя более беспокоить, Тад, но позволь мне перед уходом дать тебе один небольшой совет. Может быть, он тебе и пригодится. Ты не думай, что я Джордж Старк. Это ошибка, которую я сделал. Я должен был идти и угробить целую пачку людей, чтобы немного успокоить мою смятенную голову.

Тад слушал это, как громом пораженный. Ему нужно было что-то ответить, но он никак не мог преодолеть чувство какого-то отторжения от собственного тела и изумления перед столь чистыми и абсолютными в своем проявлении *нахальством и наглостью* этого человека.

Он подумал о бесполезной беседе со шерифом Пэнборном и снова задумался, кем же был он сам, когда придумал Старка, который превратился в какую-то совершенно самостоятельную литературную историю для самого Тада. Где же могла проходить линия веры? Не создал ли он этого монстра, потеряв когда-то эту линию, или подействовали совсем другие факторы, незримые для него, которые он не мог даже увидеть, а только услышать в криках этих птиц-призраков?

— Я не знаю, — говорил с легким смешком Старк, — может быть, я действительно — тот самый безумец, о котором они говорили, считая что только сумасшедший мог орудовать такими методами и средствами.

О, хорошо, это хорошо придумано, пусть они поищут в приютах для душевнобольных на юге Штатов высокого, широкоплечего мужчину со светлыми волосами. Это, конечно, не сможет оталечь от его новых операций всех, но для начала это совсем неплохо.

Тад сильнее сжал трубку, его голова постепенно заполнялась теперь не испугом, а яростью.

— Но я не очень-то сожалею о том, что сделал, потому что я действительно люблю те книги, Тад. Когда я был... там... в том сумасшедшем доме... я думаю, они были единственными спасательными кругами, благодаря которым я не помрачился в рассудке. И знаешь что? Я себя чувствую намного лучше. Я абсолютно уверен теперь в осознании того, кто я есть в этой жизни, а это уже кое-что. Я понимаю, ты можешь сказать, что мне помогла терапия, но я не думаю, что она оказала столь уж сильное на меня влияние, а ты как думаешь?

— Сплошная ложь, черт тебя раздери! — проорал Тад.

— Мы сможем обсудить это, — сказал Старк. — Мы сможем обсуждать это на всей дороге в ад и обратно, но это займет немало времени. Я догадываюсь, что они просили тебя подольше поддержать меня на линии, правда?

— Нет. Им не требуется долго держать тебя на линии. И ты тоже знаешь об этом.

— Передай мои наилучшие пожелания твоей любящей жене, — продолжал Старк тоном, в котором проскальзывал изящный реверанс. — Заботься о своих крошках. И не принимай все так близко к сердцу, Тад. Я не собираюсь как-то навредить им или тебе. Это...

— Что насчет птиц? — неожиданно спросил Тад. — Ты слышишь птиц, Джордж?

Наступило внезапное молчание. Тад, казалось, ощутил всю глубину удивления Старка после своего вопроса... как если впервые за

всю их беседу что-то пошло вопреки заранее и тщательно запланированному тексту выступления Джорджа. Тад даже не знал сам, почему вдруг задал этот вопрос, это спросили его напряженные нервные окончания, получившие какую-то информацию извне, о которой не имела представления основная часть мозга Бомонта. Он на секунду ощутил чувство дикого триумфа — того триумфа, который испытывал бы боксер-любитель, пробивший одним ударом защиту Майка Тайсона и пославший его в глубокий нокаут.

— Джордж, ты слышишь птиц?

Единственным звуком в комнате Тада было тиканье часов на камине. Лиз и агенты ФБР глядели на Тада, затаив дыхание.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, старина, — медленно произнес Старк. — Может, ты...

— Нет, — сказал Тад и злобно рассмеялся. Его пальцы продолжали растирать небольшой белый шрам, который превратился в подобие покрасневшего вопросительного знака на лбу. — Нет, ты не знаешь, о чем я говорю, ведь так? Тогда послушай *меня* минуточку, Джордж. Я слышу птиц. Я еще не знаю, что это значит... но я узнаю. А когда я узнаю...

Но что он мог сказать дальше. Когда он узнает, что должно произойти? Тад сам не знал.

Голос на другом конце линии сказал медленно с большой тщательностью, осмотрительностью и особым ударением: — Что бы ты не говорил насчет этого, Тад, оно уже не имеет значения. *Потому что это уже окончилось.*

Послышался щелчок. Старк исчез. Тад почти *ощутил* себя летящим по телефонной линии от воображаемого места их встречи в западном Массачусетсе, летящим не со скоростью света или звука, а со скоростью мысли, и тяжелым ядром влетающим обратно в свое тело.

Иисус Христос.

Он опустил телефон, который криво шлепнулся на подставку. Он повернулся на негнущихся ногах, казалось, разучившихся передвигаться.

Дэйв ворвался в комнату с одной стороны, а Вэс — с другой.

— *Все сработало отлично!* — прокричал Вэс. Агенты ФБР подскочили вверх еще разок. Мэлоун издал своим носом нечто типа «Ээк!», что очень напоминало реакцию мужчины на симпатичных женщин в кинокомедиях на бытовую тему при первой встрече этих героев на экране. Тад попытался представить себе, как бы повели себя два этих героя из ФБР при неожиданном randevу с террористами или грабителями большого банка, но не смог. Наверное, я просто очень устал, подумал Тад.

Оба телефонщика исполняли небольшой парный танец, похлопывая друг друга по спинам, а затем снова ринулись к своему грузовичку с оборудованием.

— Это был он, — сказал Тад жене. — Он говорил, что он — не Старк, но это был он. Он.

Она подошла к Таду и крепко обняла его, и ему это было нужно — он даже не знал, до какой степени, пока она не сделала этого.

— Я знаю, — прошептала она в его ухо, и он зарылся лицом в ее волосы и закрыл глаза.

2

Крик Тада разбудил близнецов; они оба отчаянно заплакали наверху. Лиз пошла к ним, Тад хотел было идти следом, но затем вернулся к телефонному аппарату, чтобы поставить его как следует. Тут же раздался звонок. Это был Алан Пэнборн. Он находился в полицейском управлении и пил там кофе в ожидании встречи с доктором Хьюмом. Как раз в этот момент Дэйв связался с шерифом по радию и сообщил новейшие известия о звонке и результатах пеленгации. Алан говорил очень возбужденно.

— У нас нет еще абсолютно точных данных, но мы знаем, что этот звонок был из Нью-Йорка, код участка 212, — сказал он. — Через пять минут мы установим это абсолютно точно.

— Это был он, — повторил Тад. — Это был Старк. Он сам сказал, что это не Старк, но это не так. Кому-то нужно проверить девушку, о которой было упомянуто Старком в нашем разговоре. Ее имя, вероятно, Дарла Гейтс.

— Шлюха из Вассара с гнусавым голосом?

— Точно, — ответил Тад. Хотя он сильно сомневался будет ли теперь Дарлу Гейтс огорчать ее нос и вообще что-либо в этой жизни. Он чувствовал полное истощение.

— Я передам это имя в полицейское управление Нью-Йорка. Как вы себя чувствуете, Тад?

— Я в порядке.

— А Лиз?

— Не будем рассусоливать, как будто сейчас мы в спальне, о'кей? Вы слышали, что я сказал? Это был он. Неважно, что он говорил, это был он.

— Ладно... но почему бы нам не дожидаться результатов телефонной пеленгации?

Что-то в голосе шерифа было ранее незнакомо Таду. Не то полное недоверие, которое Пэнборн проявил, когда впервые осознал, что Бомонты говорят ему о Джордже Старке как о реальном человеке, но явное замешательство слышалось сейчас в этом голосе. В нем также явно проскальзывала надежда, что Таду могло бы уже давно прийти в голову пожалеть себя самого, не говоря уж об окружающих. Замешательство в голосе Алана Пэнборна было того рода, которое испытывает и невольно проявляет в разговоре любой нормальный

человек, столкнувшийся с кем-то обезумевшим, или слишком тупым, или просто со слишком самоуверенным человеком, чтобы самому ощутить свои недостатки и неприятные манеры поведения. Тад почувствовал, что ему не стоит ни на чем настаивать.

— О'кей, подождем и посмотрим, — согласился Тад. — А пока мы будем этим заниматься, я надеюсь, что вы будете продвигаться вперед. И, может быть, переговорите с моим врачом.

Пэнборн отвечал что-то насчет еще одного телефонного звонка до визита к доктору, но Тада это почему-то уже перестало заботить. Снова дал знать о себе желудок, который был готов превратиться в действующий вулкан. «Лисица Джордж, — подумал Тад. — Они думают, что видят его насквозь. Джордж *хочет*, чтобы они так думали. А сам *будет наблюдать* за тем, как они рассматривают и так и сяк этого самого Джорджа Старка. А когда они уберутся подальше, достаточно далеко, хитрый старый Джордж прибудет к Таду в своем черном «Торнадо». И что я смогу сделать, чтобы остановить его?»

Он не знал.

Он повесил трубку, оборвав голос шерифа, и пошел наверх помогать Лиз менять белье и одежду близнецам.

И Тад продолжал думать, какие чувства и ощущения будет испытывать кто-то, переместившийся по телефонной линии в сельский район западного Массачусетса, заманенный в ловушку в темноте Старый Лис Джорджем Старком. Это будет похоже на Эндсвилл.

3

Через десять минут телефон зазвонил снова. На втором звонке Вэс снял трубку и позвал Тада. Тот спустился к телефону.

— А где агенты ФБР? — спросил Тад Вэса.

Какой-то момент Тад в самом деле ожидал созвучного своим мыслям ответа Вэса, что-нибудь в таком роде: «*Агенты ФБР? Я не видел никаких агентов!*»

— Они? Они ушли. — Вэс выразительно пожал плечами, как будто удивляясь Таду, что тот мог ожидать от агентов чего-нибудь другого. — У них же полным-полно компьютеров, и если кто-то из них не балуется с компьютерами, то кто-то другой может заинтересоваться, куда же уходит компьютерное время, а это может привести к урезыванию ассигнований на их контору или чему-нибудь другому.

— Но они что-нибудь *делают* вообще?

— Нет, — просто ответил Вэс. — Не могут сделать ничего в случаях наподобие данного. Или, если и делают, то мне никогда не приходилось этого наблюдать. Они запихнут всю свою информацию в какой-нибудь компьютер. И все кончится на этом, как я уже говорил.

— Понимаю.

Вэс взглянул на свои часы. — Мы с Дэйвом тоже должны выкапываться. Оборудование будет действовать само по себе. Вам даже не придет счет.

— Хорошо, — сказал Тад, направляясь к телефону. — И спасибо.

— Какие же тут проблемы, мистер Бомонт?

Тад обернулся.

— Если бы я стал читать ваши книги, что бы вы мне посоветовали лучше взять: из написанных под вашим собственным именем или под псевдонимом того парня?

— Книгу того парня, — ответил Тад, снимая трубку. — Больше действия.

Вэс кивнул, козырнул и вышел.

— Хэллоу? — сказал Тад. Он чувствовал себя так, словно этот телефон закрепили у него на голове, чтобы экономить время и причинять всем поменьше хлопот и беспокойств. И, разумеется, с подключенным магнитофоном и пеленгатором абонентов. Это оборудование отлично разместится у него на спине.

— Хэллоу, Тад. Это Алан. Я все еще в полицейском управлении. Послушайте, новости по пеленгации малоутешительны. Ваш дружок позвонил из телефонной будки у станции Пенн.

Тад вспомнил, что говорил ему другой телефонщик, Дэйв, по поводу установки электронного оборудования, чтобы в итоге выяснить, что негодяй-преступник имел глупость позвонить из какого-то торгового центра, а не из собственной квартиры. — Вы удивлены?

— Нет. Разочарован, но не удивлен. Мы надеемся выйти на след и верим в то, что рано или поздно мы все равно натолкнемся на него. Мне бы хотелось заехать к вам сегодня вечером. Можно?

— О'кей, — сказал Тад, — почему же нет? Если нам станет скучно, мы сыграем партию в бридж.

— Мы надеемся получить этим вечером голосовые отпечатки.

— Но ведь у вас уже есть магнитофонная запись его голоса. А это что такое?

— Не запись. *Отпечатки.*

— Я не...

— Голосовые отпечатки — это компьютерное графическое изображение, которое в точности отражает голосовые качества того или иного индивидуума, — сказал Пэнборн. — Это никак не связано с речью, то есть нас здесь не интересуют акценты, ударения, произношение и тому подобное. То, что синтезирует компьютер — это абсолютная высота тона и сам этот тон — то, что эксперты называют головным голосом — плюс тембр и резонанс, который именуют грудным голосом. Эти своего рода голосовые отпечатки аналогичны дактилоскопическим в том смысле, что в мире не существует двух абсолютно идентичных. Мне сказали, что даже у близнецов namного

больше различий в их голосовых отпечатках, чем в их же дактилоскопических.

Он сделал паузу.

— Мы послали чрезвычайно высококачественную копию магнитофонной записи в ФОЛЕ в Вашингтон. Мы хотим сопоставить ваши и его голосовые отпечатки. Парни в здешнем управлении очень хотели бы объяснить мне, что я чуть-чуть тронулся. Я это увидел на их лицах, но после этой истории с дактилоскопическими отпечатками и вашим алиби никто из них не решился прямо встать и высказать мне все, что он думает по поводу моей просьбы.

Тад открыл было рот, чтобы говорить, но не смог, затем облизал губы, попытался опять и снова у него не получилось ничего.

— Тад? Вы опять хотите отключиться от меня?

— Нет, — ответил он, и вдруг ему показалось, что в самой середине его голоса слышится треньканье сверчка. — Спасибо, Алан.

— Нет, не надо так говорить. Я знаю, за что вы меня благодарите, и я не хочу вводить вас в заблуждение. Все, что я делаю — это выполнение стандартной процедуры расследования. Эта процедура в нашем случае, конечно, выглядит немного странной, но это вызвано несколькими странными обстоятельствами данного дела. Это не значит, что вам следует делать недопустимые предположения. Улавливаете мою мысль?

— Да. А что такое ФОЛЕ?

— ФО..? Ах, да. Федеральное ведомство обеспечения законности. Может быть, это единственное доброе дело, совершенное Никсоном за все время его пребывания в Белом доме. Это ведомство фактически состоит из связанных друг с другом банков данных, которые выполняют функции центрального клиринг-хауса для своих филиалов на местах, а также, конечно, и соответствующего программного обеспечения всех своих операций и процедур. У нас есть доступ к дактилоскопическим отпечаткам почти каждого осужденного по уголовному преступлению в стране с 1969 года или около этого. ФОЛЕ также имеет для сопоставления отчеты по баллистике, сведения о типе крови преступников, голосовые отпечатки и портреты подозреваемых в преступлениях, сделанные фотографом.

— Итак, мы сможем сравнить мой голос и его?

— Да. Мы будем иметь результаты к семи часам. К восьми, если электронная почта будет сильно перегружена.

Тад покачал головой. — Мы с ним звучим совсем по-разному.

— Я прослушал ленту, и я это тоже уже знаю, — сказал Пэнборн. — Но позвольте мне повторить. Голосовые отпечатки не имеют ничего общего с *речью*. Головной голос и грудной голос, Тад. Здесь большая разница.

— Но...

— Ответьте мне на один вопрос. Элмер Фадд и Даффи Дак звучат одинаково для вас?

Тад смутился. — Ну... нет.

— И для меня тоже нет, — согласился шериф, — но парень, который озвучивает их обоих, все же один и тот же, и зовут его Мэл Бланк... Не говоря уж о доброй дюжине других персонажей и ролей в мультфильмах. Мне пора уходить. Увидимся вечером?

— Да.

— Между половиной восьмого и девятью, идет?

— Мы будем ждать вас, Алан.

— О'кей. Пока суть да дело, я должен буду завтра съездить в Кастрл Рок, и если там случилось что-нибудь непредвиденное, я там задержусь.

— Палец, получивший предписание, должен двигаться, верно? — сказал Тад и подумал: *«Вот чему он должен больше всего придавать значения».*

— Да, мне достали немало другой рыбы для поджаривания. Ни одна, конечно, не сравнится с вашей, но люди из Кастрл Рока платят мне жалованье. Вы понимаете, о чем я? — Это показалось Таду слишком серьезным вопросом, с учетом записи их беседы.

— Да. Я все понимаю. — *«Мы оба. Я... и Старый Лис Джордж».*

— Я сейчас уезжаю, но патрульная полицейская машина будет дежурить круглосуточно у вашего дома, пока вся эта чертовщина не закончится. Эти парни настороже, Тад. И если копы в Нью-Йорке были немного беззаботными, эти медведи — ни коем случае. Никто теперь не хочет недооценивать этот призрак. Никто не собирается забывать о вас или покинуть вас и вашу семью хотя бы на минуту. Одни люди будут охранять вас, а другие тем временем будут вести для вас поиски. Вы понимаете, надеюсь?

— Да, я понимаю. — И Таду подумалось: *«Сегодня, завтра. Следующая неделя. Может быть, следующий месяц. Но следующий год? Вряд ли. Я это знаю. И он тоже это знает. Сейчас они пока не полностью верят словам Джорджа о том, что он пришел в себя и утихомирился. А позднее они будут... пока недели идут за неделями и ничего не происходит, они будут просто вынуждены поверить в истинность его слов. Это будет выгодно не только политически, но и экономически. Потому что Джордж и я знаем, как вращается этот мир вокруг солнца по своей раз и навсегда заведенной траектории, точно так же, как мы оба знаем, что как только все займется поджариванием других выловленных рыб, Джордж покажется здесь и поджарит меня. НАС».*

Еще через пятнадцать минут Алан все никак не мог уехать из полицейского управления в Ороно. Он по-прежнему был на телефоне. Линия была забита помехами. Молодая телефонистка говорила с ним слегка извиняющимся тоном: «Вы не подождете еще немного, шеф Пэнборн? Сегодня один из худших дней в работе нашего компьютера».

Алан подумал, стоит ли объяснять ей, что он не «шеф», а шериф, но решил не беспокоиться по этому поводу. Эту ошибку делал почти каждый. — Да, конечно, — ответил он.

Занято.

Он сидел в узеньком маленьком кабинете на самых задворках управления; если бы его передвинули еще чуть назад, то Пэнборн оказался бы уже в густых кустах. Комната была завалена пыльными архивными папками. Единственный стол был беженцем из школы, с покатою поверженностью, с поврежденной крышкой и чернильницей. Алан установил ее на коленях и бесцельно перекатывал вперед и назад. Одновременно он крутил и листок бумаги по столу. На бумажке рукою Алана было выведено: «Хью Притчард» и «Госпиталь графства Бергенфилд. Бергенфилд, штат Нью-Джерси».

Он думал о своей беседе с Тадом, полчаса тому назад. Все, что он сказал Таду, сводилось к успокоению Бомонта надежностью его полицейской охраны, к рассказу, как brave патрульные ребята будут геройски защищать Тада и его жену от безумного маньяка, возмнившего себя Джорджем Старком, если, конечно, это безумец появится. Алан очень сомневался, что Тад поверил всему этому. Это сомнение связывалось и с тем фактом, что человек, пишущий романы для заработка, должен иметь наметанный глаз и уши, чтобы сразу опознать сказки.

Да, они будут пытаться защитить Тада и Лиз, обеспечить надежное их прикрытие. Но Алан хранил в памяти происшедшее в Бэнгоре в 1985 году.

Женщина просила дать полицейскую охрану и получила ее после того, как ее муж, с которым она давно не ладила, жестоко избил ее и угрожал вернуться и убить ее, если она попытается выполнить свое намерение развестись с ним. Две недели этот человек ничего не предпринимал. Полицейское управление Бэнгора уже готовилось снять наблюдение, когда вдруг появился этот самый муж, катя тележку из прачечной и одетый в униформу служащего этой прачечной. Он подошел к двери, неся связку выстиранного белья. Полиция, возможно, и узнала бы этого человека, даже одетого в униформу, если бы он появился чуть раньше, когда еще были свежи в памяти все указания и инструкции по наблюдению, но и это было бы весьма спорным утверждением; тем более, они не опознали его, когда он *действительно* появился. Он постучал в дверь, и когда женщина

открыла ее, муж вынул револьвер из кармана брюк и застрелил ее в упор. Еще до того, как приставленные к несчастной жертве копы сообщили, что происходит, и только выбрались из своей машины, мужчина уже появился на крыльце с поднятыми руками. Он швырнул еще дымящийся револьвер в кусты роз. — Не стреляйте в меня, — спокойно сказал убийца. — Я уже все закончил. — Тележка и униформа, как выяснилось, были одолжены у одного старого забулдыги, который даже не подозревал о ссорах между преступником и его женой.

Мораль была проста: если кому-то очень хочется до вас добраться, и у этого кого-то будет немного удачи, то он несомненно увидится с вами. Вспомним Освальда, вспомним Чапмена, вспомним, что проделал сам Старк со всеми этими людьми в Нью-Йорке.

Звонок.

— Вы еще здесь, шеф? — радостно спросил женский голос из госпиталя графства Бергенфилд.

— Да, — ответил Алан. — Все еще здесь.

— У меня есть требующаяся вам информация, — сказала она. — Доктор Хью Притчард ушел на пенсию в 1938 году. У меня имеется его адрес и телефон в городе Форт Ларамы, штат Вайоминг.

— Могу ли я записать их?

Она сообщила все, что требовалось. Алан поблагодарил, снял трубку и набрал номер. На том конце его звонок оборвался на половине, а затем автоответчик начал мерно произносить свое важное сообщение в ухо Алана Пэнборна.

— Хэллоу, это Хью Притчард, — вещал замогильный голос. «Ну вот, — подумал шериф, — *парень хотя бы не загнулся — это уже удача*». — Хельга и я сейчас ушли из дома. Я, вероятно, играю в гольф, а где Хельга, знает лишь Господь. — Затем последовал довольный смешок старикана. — Если вы хотите что-то сообщить, можете это сделать после сигнала зуммера. Он последует через тридцать секунд.

Би-нн!

— Доктор Притчард, это шериф Алан Пэнборн, — сказал Алан. — Я служу в Мэне. Мне нужно поговорить с вами о человеке по имени Тад Бомонт. Вы удаляли опухоль из его мозга в 1960 году, когда ему было одиннадцать лет. Пожалуйста, позвоните мне в полицейское управление в Ороно, номер 207-255-2121. Благодарю вас.

Он закончил свою сладкую речь. Разговоры с автоматами всегда заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке.

Почему ты так беспокоишься из-за всего этого?

Ответ, который он уже давал Таду, был предельно прост: процедура. Алан сам не мог быть удовлетворен столь уместным словом, потому что знал, что это *не была* процедура. Она могла бы считаться таковой — мысленно, хотя бы — если бы этот Притчард оперировал

человека, называющего себя *Старком* (но ведь и он больше себя таковым не считает и не называется этим именем), но ведь это не так. Притчард оперировал *Бомонта*, и, в любом случае, прошло уже двадцать восемь лет.

Так почему?

Потому что все было неправильно, вот почему. И отпечатки пальцев, и тип крови по анализу кончика сигареты, и то сочетание разума и жажды убийства, которое продемонстрировал преступник, и настойчивость Тада и Лиз в том, что литературный двойник Тада вдруг ожил и стал реальным человеком. Это было наиболее неправдоподобно. Это предположение двух лунатиков. И сейчас у него было нечто, что тоже было неправдоподобным. Полиция штата приняла без возражений и сомнений заявление этого типа по телефону, что он теперь осознал и понял, кем он является на самом деле. Для Алана все это гроша ломаного не стоило. От этого попахивало мошенничеством и хитростью.

Алан подумал, что, может быть, этот человек все же появится.

«Но ни один из этих ответов не служит ответом на мой вопрос, — шептало сознание Алана. — Почему ты так беспокоишься из-за всего этого. Почему ты звонишь в Форт Ларами, штат Вайоминг и ищешь этого старикана, который скорее всего не помнит Тада Бомонта из-за того, что давно уже страдает провалами памяти?»

— Потому что у меня нет ничего лучшего, — прямо и честно ответил самому себе шериф. — Потому что я могу звонить отсюда без этого чертова городского выборного старосты, который следит, чтобы я не превысил расходы на междугородные телефонные разговоры. И потому, что они верят в это — Тад и Лиз. Это безумие, все правильно, но они кажутся достаточно разумными во всех прочих делах... и, черт возьми, все же они ВЕРЯТ в это. Это не значит, что и я верю.

И он не верил.

Так ли?

День проходил медленно. Доктор Притчард так и не позвонил. Но голосовые отпечатки все же пришли, вскоре после восьми, и они были удивительными.

5

Они выглядели совсем не так, как ожидал Тад.

Он думал увидеть нечто типа распечатки электрокардиограммы с пиками и провалами, которые Алан будет пытаться расшифровать и объяснить. Он и Лиз будут поддакивать с умным видом, как это делают те люди, которые, столкнувшись со слишком сложными и путанными объяснениями какой-либо вещи, незнакомой им, знают, что лучше

всего в этом случае не задавать каких-либо вопросов, поскольку если их действительно задать, то получишь еще менее понятный ответ.

Вместо ожидаемого, шериф показал им два листа чистой белой бумаги. Единственная линия шла посередине каждого из них. У этих линий были какие-то участки типа пиков, всегда по два или по три вместе, но большей частью эти линии напоминали мирные синусоидальные волны. И вам достаточно было одного взгляда на них, чтобы убедиться если не в полной идентичности, то в очень близком сходстве обеих прочерченных самописцем линий.

— Это то же самое? — спросила Лиз.

— Не совсем, — ответил Алан. — Смотрите. — Он наложил один лист на другой как иллюзионист, проделывающий на глазах у восхищенной публики особо ловкий и коронный фокус. Шериф поднял оба листа к свету. Тад и Лиз внимательно разглядывали изображение на бумаге.

— Они, действительно, те же самые, — проговорила Лиз мягким и трепетным голосом.

— Ну... не совсем, — ответил шериф и показал на три небольших участка, где между линиями имелись очень малозаметные различия, и сквозь верхний лист бумаги здесь просвечивала тоненькая зубчатая нитка, нанесенная в этом месте только на нижнем листе. Один из этих зубцов приходился поверху, а два других понизу соответствующих участков на верхнем листе. Основные линии казались полностью идентичными. — Различия отмечены на отпечатке Тада, и они проявляются только на стрессовых участках. — Алан поочередно показал каждый из них на бумаге. — Здесь: «Что тебе надо, сукин сын». Здесь: «Это же чертовская ложь, и ты это знаешь». И, наконец, здесь: «Сплошная ложь, черт тебя раздери». Сейчас все эксперты сфокусировали свое внимание на этих мельчайших различиях, поскольку они хотят зацепиться за них в доказательствах, что невозможно получить два идентичных голосовых отпечатка от разных людей. Но все дело в том, что в записи Старка *не было* никаких стрессовых участков. Ублюдок оставался холодным, спокойным и выдержанным все это время.

— Да, — сказал Тад. — Он говорил так, словно запивал свою речь лимонадом.

Алан положил листы с отпечатками на край стола. — Никто в руководстве полиции штата *действительно* не верит, что это два различных голосовых отпечатка, даже с этими мелкими различиями, — сказал шериф. — Мы получили отпечатки из Вашингтона очень быстро. Причина моего столь позднего появления здесь связана с просьбой эксперта из Аугусты. Как только он увидел их, он попросил копию магнитофонной записи. Мы послали ее из Бангора авиарейсом «Истерн Эйрлайнс», и они прогнали запись через одну штуковину, называемую аудиоусилителем. Они это сделали, чтобы определить,

действительно ли кто-то живой говорил с той стороны, или там прокручивалась магнитофонная запись.

— Вот как, — сказал Тад. Он сидел у камина ипил содовую.

После ознакомления с голосовыми отпечатками Лиз повернулась к детскому манежу. Она села на пол, скрестив ноги и пытаясь не допустить столкновения голов Уильяма и Уэнди, когда они изучали пальцы ног друг у друга. — Зачем им это понадобилось?

Алан ткнул пальцами в сторону Тада, который грустно усмехнулся. — Ваш муж знает, зачем.

Тада спросил шерифа: — С этими небольшими различиями, они ведь могли, по крайней мере, *высмеять* самих себя, предположив, что разговаривали два различных голоса — это вы имеете в виду?

— Угу. Хотя я никогда не слыхивал о двух голосовых отпечатках, похожих настолько, как эти. — Шериф пожал плечами. — Конечно, мой опыт работы с ними не столь широк, как у парней из ФОЛЕ, которые только этим и живут, или даже как у парней из Аугусты, которые являются общими практиками: работают с голосовыми и дактилоскопическими отпечатками, следами ног, отпечатками колес. Но я *действительно* изучал литературу и я был там, когда пришли результаты, Тада. Они посмеялись над собой, но не очень сильно.

— Итак, они обнаружили три небольших различия, но это их не удовлетворило. Проблема была в том, что мой голос отражал стрессовое напряжение в отличие от голоса Старка. Поэтому они и обратились к усилителю, надеясь, что все встанет на свои места. Надеюсь, фактически, что со стороны Старка звучала магнитофонная запись, сделанная мною самим. — Тада покосился на шерифа. — Я выиграл призового цыпленка?

— Не только его, но и хрустальный сервиз на шесть персон и бесплатный билет в Киттери.

— Но это глупейшее предположение из всех когда-либо мною услышанных, — спокойно сказала Лиз.

Тада рассмеялся, но невесело. — Вся эта затея глупа. Они подумали, что я могу изменять свой голос, подобно Мэлу Бланку... или еще кому-то. Идея была в том, что я подготовил запись голоса Джорджа Старка, отметив паузы, в которые должен был отвечать в присутствии свидетелей в своем же доме. Конечно, мне надо было обзавестись какой-то штуковиной для подсоединения магнитофона в кабинке телефона-автомата. Такие вещицы ведь *есть*, Алан?

— Так точно. Можно достать в любом магазине электронной техники или просто заказать по любому из тех восьмисот номеров, которые дают в телерекламе.

— Верно. Единственной вещью, которую мне оставалось сделать, было нанять доверенного человека, который должен был отправиться на станцию Пенн, подсоединить проигрыватель к микрофону телефона и заняться чем-то, напоминающим ремонт или проверку этого

телефона, чтобы не вызывать подозрений. Этот парень должен был позвонить мне домой в нужное время. Затем... — Тад остановился. — Как был оплачен вызов? Я забыл об этом. Это же не общественный, а платный телефон.

— Использовали ваш телефонный кредитный номер, — пояснил Алан. — Очевидно, вы дали его своему напарнику.

— О да, очевидно. Мне нужно было делать всего две вещи, когда начался этот спектакль одного актера. Первое — самому вовремя отвечать. Второе — постараться добиться максимальных различий между отпечатками голосов по обеим сторонам телефонной связи. Я справился очень хорошо, как вы думаете, Алан?

— Да. Просто фантастика.

— Мой напарник повесил трубку, когда запись подсказала ему это. Он снял магнитофон и обхватил его руками...

— Черт возьми, убрал в карман, — сказал Алан. — Товар, который они ныне предлагают, столь хорош, что и ЦРУ частенько покупает у фирмы «Рэйдио Шек».

— О'кей, он убрал магнитофон в карман и после всего проделанного мирно удалился. Меня же не только слышали, но и видели в пяти сотнях миль от этого человека, который звучал совсем не так, как я — он звучал так, как будто говорит мой ближайший друг с крайнего Юга. Но в результате он имел в точности те же голосовые отпечатки, что и я сам. Это все те же дактилоскопические отпечатки, все снова, только еще лучше. — Он посмотрел на Алана, ожидая подтверждения высказанного.

— А во-вторых, — сказал шериф, — соверши-ка ты полностью оплаченную командировку в Портсмут.

— Спасибо.

— Не стоит.

— Это не просто безумие, — сказала Лиз, — это просто невероятно. Я думаю, всем этим людям нужно иметь головы...

Пока ее внимание отвлеклось, близнецы, наконец, преуспели в чокании головами и начали горько оплакивать это происшествие. Лиз взяла на руки Уильяма, а Тад принялся за спасение Уэнди.

Когда кризис миновал, Алан сказал: — Это невероятно, все верно. Вы это знаете, я это знаю, и они тоже. Но Шерлок Холмс у Конан Дойля высказал одну мысль, которая сохраняет актуальность и в определении нынешних преступлений. Когда вы исключаете все действительно невозможные объяснения, остается то, что служит ответом на вопрос... не важно, каким неправдоподобным оно кажется.

— Я думаю, что в оригинале это было несколько элегантнее выражено, — заметил Тад.

Алан улыбнулся: — Я прижму вас как-нибудь.

— Вам обоим это может и кажется забавным, но не мне, — заявила Лиз. — Таду нужно было сойти с ума, чтобы заняться чем-то в этом

роде. Конечно, полиция, может быть, так и считает, что мы оба сумасшедшие.

— Они не думают о чем-либо вроде этого, — грустно ответил Алан Пэнборн, — по крайней мере, сейчас, да и вряд ли посчитают вас безумными вообще когда-либо, если только вы не будете излагать им все свои дикие предположения, а оставите их при себе.

— А как насчет *вас* самого, Алан? — поинтересовался Тад. — Мы же вылили *все* свои дикие рассказы на вас. Что вы думаете?

— Не думаю, что вы сошли с ума. Все было бы намного проще, если бы я поверил в это. Я не знаю, *что* происходит.

— Что вы разузнали у доктора Хьюма? — захотела выяснить Лиз.

— Имя врача, оперировавшего Тада, когда он был еще ребенком, — ответил Алан. — Его зовут Хью Притчард — вам что-нибудь напоминает это имя, Тад?

Тад нахмурился и долго думал. Наконец он сказал: — Думаю, что да... но я могу сам себя здесь провести. Это были слишком давно.

Лиз наклонилась вперед с загоревшимися глазами. Уильям взирал на Алана из безопасного укрытия на коленях у матери.

— Что сказал вам Притчард? — спросила она.

— Ничего. Я попал только на его автоответчик, который позволил мне сделать предположение, что этот человек еще жив — и это все. Я оставил послание ему.

Лиз откинулась назад, явно разочарованная.

— А что насчет моих обследований? — поинтересовался Тад. — Хьюм уже получил их результаты? Или он не захотел говорить вам о них?

— Он сообщил, что как только их получит, вы будете первыми, кто узнает о результатах, — ответил Алан Пэнборн. Он усмехнулся. — Доктор Хьюм, по-моему, будет противодействовать идее рассказать шерифу графства вообще *что-то*.

— Таков Джордж Хьюм, — согласился Тад и улыбнулся. — «Твердый» — его второе имя.

Алан заерзал в своем кресле.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, Алан, — спросила Лиз. — Пиво или пепси?

— Нет, спасибо. Давайте вернемся к тому, во что верит полиция штата, а во что — нет. Они *не* верят, что кто-либо из вас связан с возможной мистификацией, но они оставили за собой право верить, что это *могло* произойти. Они знают, что вы при всем своем желании, Тад, не смогли бы лично проделать те вещи, что случились вчера ночью и сегодня утром. Ваш напарник мог бы — тот самый, гипотетический, кто работал с магнитофоном в телефонной будке — но не вы. Вы были здесь.

— А что с Дарлой Гейтс? — спокойно спросил Тад. — Девушкой, работавшей в бухгалтерском отделе?

— Мертва. Расчленена, как он и говорил, но сперва убита выстрелом в голову. Она не страдала.

— Это ложь.

Алан удивленно взглянул на Тада.

— Он не отпустил бы ее столь легко и дешево отделавшейся. Это невозможно после того, что он сотворил с Клоусоном. Кроме того, именно она оказалась основным провокатором, разве вы не помните? Клоусон выложил перед ней немного денег — их никак не могло быть очень много, учитывая состояние его финансов — и она клюнула, разрешив коту вылезти из сумки. Поэтому не рассказывайте мне сказки, что он ее сперва застрелил, а потом разрезал на части, и она не страдала.

— Хорошо, — сказал Алан. — Это было не так. Вы хотите знать, как это действительно произошло?

— Нет, — тут же сказала Лиз.

Наступил момент тяжкого молчания. Даже близнецы, казалось, ощутили нависшую атмосферу в комнате; они смотрели друг на друга с выражением, очень похожим на глубокую печаль. Наконец Тад произнес: — Можно мне снова спросить: во что *вы* верите? Во что вы верите сейчас?

— У меня нет теории. Я знаю, что вы не делали магнитофонной записи высказываний Старка, поскольку аудиоусилитель не обнаружил никакого шума от ленты, а ведь это устройство четко воспроизвело даже объявления диктора на станции Пенн, что поезд «Пилигрим» на Бостон подан посадки на путь номер три. И этот поезд действительно туда подавался сегодня днем. Посадка началась в два тридцать шесть пополудни, и это как раз соответствует времени вашей маленькой беседы со Старком. Но мне даже и не требуется всего этого. Если бы разговор со стороны Старка был записан, либо вы, Тад, либо Лиз тут же поинтересовались бы, что показал усилитель, как только я сообщил об его использовании. Но никто из вас этого не сделал.

— Все это так, но вы по-прежнему не верите в это, ведь так? — сказал Тад. — Я имею в виду, как вы мечетесь и крутитесь — достаточно хотя бы того, что вы действительно *стараетесь* выйти на этого доктора Притчарда — но вы на самом деле не сможете всегда придерживаться какой-то средней линии во всем происходящем, ведь это просто невозможно? — Голос Бомонта звучал расстроено и грустно, чему он сам несколько удивился.

— Сам парень допустил, что он не Старк.

— О да. Он был здесь чрезвычайно искренен.

— Вы ведете себя так, словно это вас ничуть не удивило.

— Не удивило. А *вас*?

— Честно говоря, да, удивило. После всех этих преступлений и бед, после доказательства факта идентичности ваших дактилоскопических и голосовых отпечатков...

— Алан, на секунду обождите, — прервал его Тад.

Алан сделал паузу, вопросительно глядя на Тада.

— Я сказал вам сегодня утром, что подозреваю Джорджа Старка в совершении этих убийств. Ни мой сообщник, ни психопат, который изобрел способ передавать чужие дактилоскопические отпечатки, не соответствуют тому описанию, которое дал я, и которое подтвердилось при опросе свидетелей — и вы все еще не верите мне. А сейчас?

— Нет, Тад. Мне бы хотелось определенно ответить на этот вопрос, но лучшее, что я могу сказать: «Я верю, что вы верите».

Он поднял взгляд на Лиз. — *Вы оба.*

— Я буду стремиться узнать правду, — сказал Тад, — хотя вряд ли что-нибудь другое в меньшей степени позволит мне остаться в живых, как и моей семье. И сейчас моему сердцу радостно было хотя бы услышать, что у вас нет теории, Алан. Это немного, но все же шаг вперед. Я пытаюсь показать вам, что вы можете говорить сколько угодно об отбрасывании невозможного и принятия того, что после этого остается, как бы невероятным оно ни оказалось, но здесь это не работает. Вы не принимаете *Старка*, а *он* и есть то, что остается, когда вы отбросите все постороннее. Позвольте мне прибегнуть к такой аналогии, Алан: если у вас слишком много доказательств наличия опухоли в вашем мозгу, вы пойдете в госпиталь и ляжете на операцию, даже если шансы на то, что вы останетесь живы, не столь уж и высоки.

Алан открыл рот, покачал головой и остановился. В гостиной вновь слышались лишь тикание часов и возня малышей. Тад внезапно ощутил, что здесь он прожил всю свою взрослую жизнь.

— С одной стороны, у вас уже имеются достаточно веские доказательства для проведения серьезного расследования, — резюмировал ситуацию Тад. — С другой стороны, вы получили ничем не подтвержденное утверждение по телефону, что он «пришел в себя» и «теперь знает, кто он есть». И все же вы склоняетесь принять на веру именно это утверждение вместо доказательств.

— Нет, Тад. Это не так. Я не принимаю никаких сообщений и утверждений прямо с ходу — ни ваших, ни вашей жены, и уж еще меньше тех утверждений, что сделал человек, который звонил вам. Мой выбор остается еще открытым.

Тад показал пальцем через плечо на окно. За развевающимися легкими занавесками они могли видеть патрульную полицейскую машину с полисменами-охранниками.

— А как насчет *них*? И *их* выбор остается открытым? Я молю Господа, чтобы вы оставались здесь, Алан, я бы взял вас сюда одного вместо целой *армии* полисменов, потому что вы будете держать хотя бы один глаз приоткрытым. У них же они будут закрытыми.

— Тад...

— Не обращайтесь внимания, — сказал Тад. — Это правда. Вы сами это знаете... И *он тоже это знает*. Он будет ждать. А когда все

решат, что все кончилось, и Бомонты в безопасности, когда полиция свернет свои навесы и уберется, Джордж Старк пожалует сюда.

Тад замолчал. Лицо его омрачилось тяжелым раздумьем. Алан заметил, как усиливались прямо на глазах сожаление и усталость на лице Тада.

— Я хочу вам сейчас кое-что сказать — обоим вам. Я точно знаю, чего он хочет. Он хочет, чтобы я написал еще один роман из серии романов Старка, — вероятнее всего об Алексисе Мэшине. Я не знаю, смогу ли я сделать это, но если я решу, что это кому-то из нас поможет, я попытаюсь. Я заканчиваю работать над «Золотой собакой» и начинаю этот новый роман сегодня вечером.

— Тад, нет! — воскликнула Лиз.

— Не перебивай меня, Лиз, — сказал он. — Это убьет меня. Не спрашивай, как, но я знаю это, и все же я сделаю это. Но если бы моя смерть всему положила конец, я еще могу попробовать. Но я так не думаю. Потому что я не думаю, что в сущности он — вообще живой человек.

Алан молчал.

— Итак! — сказал Тад с выражением человека, принявшего, наконец, важное решение. — Вот как обстоят наши дела. Я не могу, я не буду, я не должен. Это означает, что он придет. И когда он придет, только Бог знает, что произойдет.

— Тад, — сказал шериф неуверенно, — вам нужно чуть-чуть времени, это все. И когда оно пройдет, большая часть всего этого... просто улетучится. Как молочная пена. Как кошмарный сон по утрам.

— Это не та перспектива, в которой мы нуждаемся, — сказала Лиз. Они посмотрели в ее сторону и увидели, что она тихо плачет. Не многочисленные, но тем не менее, явные слезы блестели на лице Лиз. — Что нам надо, так это найти кого-то, кто бы смог *выключить* его.

6

Алан возвратился в Кастрл Рок поздно ночью, приехав домой в два часа. Он пробрался в дом возможно более тихо, заметив, что Энни снова позабыла включить охранную сигнализацию. Ему не хотелось бы делать ей замечание по этому поводу — мигрени жены участились в последнее время — но он решил, что это все равно придется сделать, рано или поздно.

Он поднялся по лестнице, держа ботинки в руках и двигаясь столь плавно, словно не шел, а плыл. Тело шерифа обладало особой грацией, прямо противоположной неуклюжести Тада Бомонта, но Алан редко ее демонстрировал. Казалось, что тело шерифа обладало какими-то секретными перемищения, которые приводили в смущение его собственный разум. Но теперь, в этой тишине, не было никакой необхо-

димости скрывать свои необычные таланты, и он двигался подобно тени, причем почти зловещей.

На половине лестницы он вдруг остановился... и пошел вниз снова. Рядом с гостиной на первом этаже у него был оборудован крохотный рабочий кабинет, в котором имелся столик и несколько книжных полок — то, что и было ему нужно. Он старался не брать домой работу. Алан не всегда в этом преуспевал, но всегда очень старался.

Он закрыл дверь, включил свет и взглянул на телефон.

«Ты же не собираешься это делать на самом деле? — спросил шериф самого себя. — Ведь уже середина ночи, а этот парень не просто доктор на пенсии, а пенсионер-НЕЙРОХИРУРГ. Ты его разбудишь, и он способен сделать тебе еще одну прорезь в заднице».

Затем Алан подумал о глазах Лиз Бомонт — ее темных испуганных глазах — и решил, что ему *все же* надо это сделать. Может быть, это даже будет и к лучшему, ночной звонок покажет, что дело действительно серьезное, и это заставит доктора Притчарда подумать. А шериф может перезвонить доктору еще раз в более удобное время.

«Кто знает, — подумал Алан без особой надежды (но с некоторой долей юмора), — может быть, он НЕ ЗАМЕЧАЕТ звонков посреди ночи».

Алан вынул листок бумаги из кармана своей форменной рубашки и набрал номер Хью Притчарда в Форт Ларами. Он сделал это стоя, приготовившись к взрыву негодования и сердитому голосу собеседника.

Но шерифу нечего было беспокоиться; автоответчик повторил в точности все уже ранее сделанные дневные операции и сообщил Пэнборну то же самое послание своего хозяина.

Алан повесил трубку и сел в задумчивости за столик. Настольная лампа отбрасывала круглый сноп света на поверхность стола, и Алан начал при помощи рук имитировать тени различных животных, любимых им с детства — кролика, собаки, ястреба, даже кенгуру. Его руки отличались той же поразительной гибкостью и грацией, что и все тело, когда он был один и расслаблен. Подчиняясь движениям легких и быстрых пальцев, животные, казалось, маршировали в параде сквозь ярко освещенный участок, одно за другим. Это небольшое представление всегда вызывало восторг и веселье у его детей, да и отвлекало мозг Алана от тяжелых раздумий и беспокойств.

Но сейчас это не подействовало.

Доктор Хью Притчард мертв. Старк добрался и до него.

Это, конечно, невозможно. Алан полагал, что он бы запросто проглотил любое привидение, если бы оно вздумало приставить револьвер к его голове, но Старк все же не тот бесподобный Супермен, который пересекает целые континенты одним прыжком. Он может лишь подумать о причинах, почему кто-то решает оставлять у себя на ночь работающим телефонный автоответчик.

И не последней здесь могла бы послужить идея обезопасить себя от поздних звонков таких чудаков, как шериф Алан Дж. Пэнборн из Кастр Рока, штат Мэн.

Да, но он мертв. Он и его жена также. Как ее имя? Хельга.

«Я, вероятно, играю в гольф, а где Хельга, знает лишь Господь». Но я знаю, где теперь Хельга, я знаю, где теперь вы оба. Вы оба лежите с перерезанными глотками в крови, вот что я думаю, а на стене гостиной в вашей чудной стороне, где Огромное Небо, красуется надпись «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА».

Алан Пэнборн содрогнулся. Это было чистое безумие, но он ужаснулся, тем не менее. Это чувство прошло по нему, как по проволоке.

Он связался со справочной штата Вайоминг и узнал номер телефона конторы шерифа в Форт Ларами. Алан набрал этот номер и попал на диспетчера, который находился в полусне. Алан называл свое имя и рассказал диспетчеру о том, с кем он пытается и не может установить связь. Он назвал адрес доктора Притчарда и его жены и попросил выяснить, не значатся ли их имена в электронной картотеке среди уехавших отдохнуть из города. Если бы это действительно случилось — а время было самое подходящее — то Притчарды, несомненно, сообщили бы об этом в полицию, чтобы те присмотрели за их домом, пока он пустует.

— Ладно, — ответил диспетчер, — почему вы не сообщаете мне свой телефонный номер? Я перезвоню вам попозже с выясненной информацией.

Алан вздохнул. Это было более чем общепринятой рабочей процедурой. Конечно, не слишком приятной, но необходимой, чтобы не вляпаться в чье-нибудь дерьмо. Парень не хотел выдавать свою информацию, не удостоверившись, что Алан — именно тот человек, каковым он назвался.

— Нет, — сказал шериф. — Я сейчас звоню из дома и сейчас середина ночи...

— Да и здесь пока солнце еще не светит, шериф Пэнборн, — лаконично ответил диспетчер.

Алан еще раз вздохнул. — Не сомневаюсь, что вы правы, — сказал он — но также не сомневаюсь, что ваша жена и дети не спят наверху, над вашей головой. Сделайте вот что, приятель, вызовите управление полиции штата Мэн в Оксфорде — я дам вам их номер — и проверьте мое имя. Они его выдадут по номеру идентификационной карточки в системе «ЛОУЗ». Я перезвоню минут через десять или около того, и мы сможем обменяться словами пароля.

— Ладно, принято, — сказал диспетчер, но без всякого энтузиазма. Алан догадывался, что он либо разбудил парня, либо оторвал его от позднего телешоу, а может быть, от последнего номера «Пентхауза».

— О чем вообще идет речь? — поинтересовался диспетчер после того как повторил сообщенный шерифом телефонный номер.

— Расследование убийства, — ответил Алан, — и еще по горячим следам. Я бы не стал звонить вам по пустякам, дружище. — Он опустил трубку.

Пэнборн сидел за столиком, снова играл с тенями, изображающими разную живность, и ждал окончания им же назначенного десятиминутного срока. Это длилось очень долго, как ему казалось. И прошла всего лишь половина этого срока, когда дверь в кабинет открылась и вошла Энни. На ней была ночная рубашка, и сейчас смотрелась она для него как-то призрачно; Алан чувствовал, что содрогание снова хочет поработать как следует над его телом. Нахлынувшее чувство было похоже на то, словно он заглянул в будущее и узнал, что оно будет неприятным. Даже грязным.

«Как я себя буду ощущать, если он теперь решит заняться мной? — вдруг ужаснулся шериф. — Мною, и Энни, и Тоби, и Тоддом? Что я буду чувствовать, если буду знать, кто он... и никто не будет верить мне?»

— Алан? Что ты тут делаешь в такое позднее время?

Он улыбнулся, поднялся и поцеловал ее. — Поджидаю наркотики, чтобы немного расслабиться, — остроумно ответил шериф.

— Нет, в самом деле — это все по делу Бомонта?

— Да. Я пытался выйти на того доктора, который, возможно, знает кое-что обо всем этом кошмаре. Я попадаю только на телефонный автоответчик и потому решил проверить у их шерифа, не уехали ли Притчарды на лето. Тот парень, с кем я поговорил, сейчас, наверное, проверяет мою *благонадежность*. — Он взглянул на жену с осторожной заботливостью. — Как ты, милая? Голова болит?

— Нет, — ответила Энни, — но я услышала, как ты вошел. — Она улыбнулась. — Ты самый тихий мужчина в мире, когда этого захочешь, Алан, но тебе трудно научить свой автомобиль следовать твоему примеру.

Он обнял Энни.

— Не хочешь ли чаю? — спросила она.

— О нет. Стакан молока, если несложно.

Она вышла и вернулась через минуту с молоком. — Что из себя представляет этот Бомонт? — спросила Энни. — Я как-то видела его в городе, да и жена его заходила в магазин, когда там была и я, но я никогда с ним не разговаривала. — Магазин назывался «Вы шьете и шьете» и принадлежал женщине по имени Полли Чалмерс. Хозяйка вела дело, а Энни Пэнборн работала у нее на полставки, по четыре часа в день.

Алан подумал над вопросом. — Мне он нравится, — наконец прозвучал ответ. — Сперва — нет, мне показалось, что он холодная рыба. Но я увидел его в тяжелые времена. Он только... какой-то

отчужденный. Возможно оттого, что его литературная профессия накладывает свой отпечаток.

— Мне очень понравились обе его книги, — сказала Энни.

Он поднял брови. — Я и не знал, что ты их читала.

— Ты никогда не спрашивал, Алан. Потом, когда случилась вся эта сенсация с его псевдонимом, я попробовала одну из тех, *других* книг. — Ее нос поморщился от отвращения.

— Нехороши?

— *Ужасны*. Пугающие. Я не смогла дочитать до конца. Я бы никогда не поверила, что один и тот же человек написал обе такие разные книги.

«Чуешь, куда все клонится?» — подумал Алан. *Но он не должен все же верить в это.*

— Тебе бы следовало вернуться в постель, — сказал шериф, — а то ты встанешь завтра с новым приступом мигрени.

Она покачала головой. — Я думаю, что этот головной монстр наконец оставил меня в покое, по крайней мере, на некоторое время. — Энни бросила на него взгляд из-под опущенных ресниц. — Я все же не буду спать, пока ты не придешь... если, конечно, не совсем уж поздно.

Он обхватил ее грудь через ночную рубашку и крепко поцеловал в раскрытые губы. — Я поднимусь сразу же, как только закончу с этим.

Она ушла, и Алан убедился, что прошло уже более десяти минут. Он снова связался с Вайомингом и с тем же сонным диспетчером.

— Я уж подумал, что вы забыли обо мне, приятель.

— Вовсе нет, — ответил Алан.

— Вы дадите свой номер в «ЛОУЗ», шериф?

— 109-44-205-МЭ.

— Я не сомневаюсь, что вы — оригинал, а не какая-то дешевая копия, все в порядке. Жалею, что пришлось заставить вас пройти всю эту тягомотину в столь поздний час, шериф Пэнборн, но вы должны меня понять.

— Все правильно. Что вы скажете мне насчет доктора Притчарда?

— О да, они с женой числятся в нашей картотеке уехавших на время, все так, — сказал диспетчер. — Они отправились в Йеллоустонский парк, в палаточный лагерь, до конца месяца.

«*Вот так, — подумал Пэнборн. — Ты понял? А ты здесь прыгаешь вокруг дурацких теней посреди ночи. Никаких перерезанных глоток. Никаких надписей на стенах. Просто два старых туриста вспомнили молодость.*»

Но он почему-то не чувствовал большого облегчения. Доктор Притчард оказался трудным орешком, к которому было почти невозможно подобраться в ближайшие две недели, а то и больше.

— Если мне необходимо передать что-то срочное этому парню, как вы считаете, смогу ли я это проделать? — спросил Алан.

— Думаю, что да, — ответил диспетчер. — Вы можете связаться с телефонной службой в Йеллоустоне. Они узнают, где находится доктор Притчард, или где они оба должны быть в данное время. Конечно, на это уйдет какое-то время, но, вероятнее всего, они все же свяжут его с вами. Мне приходилось с ним встречаться, раз или два. Он, по-моему, достаточно приятный старикан.

— Это очень кстати было узнать, — сказал Алан. — Спасибо за все сделанное для меня.

— Не стоит — ведь для этого я и сижу здесь. — Алан услышал шуршание переворачиваемых страниц и смог четко представить себе, как почти через добрую половину американского континента этот его безличный собеседник снова уткнулся в свой любимый «Пентхауз».

— Спокойной ночи, — сказал Пэнборн.

— Спокойной ночи, шериф.

Алан повесил трубку и присел в своем кабинете, глядя через его наибольшее окно в окружающую темноту.

Он появится здесь. Где-то. Он еще придет.

Алан снова задумался, как он будет ощущать себя, если его собственная жизнь — и жизни Энни и детей — окажется под нависшей угрозой. Он все время старался предугадать, что же получится, если он сам будет знать об угрозе, но никто не поверит тому, что он знает.

«Ты опять забираешь работу с собой домой, дорогой», — как бы услышало сознание Алана слова Энни.

И это было правдой. Пятнадцать минут назад он был абсолютно уверен — если не головой, то своими нервными окончаниями он это ясно ощущал — что Хью и Хельга Притчарды лежат мертвыми в луже крови. Это оказалось неправдой, они должны были мирно почивать под ночными звездами в Йеллоустонском национальном парке. Вот тебе и интуиция; она лишь морочит тебе голову.

Именно это и должен будет ощутить Тад, когда мы выясним, что действительно происходит. Когда мы сможем найти объяснение, каким бы странным оно не оказалось, окажется, что вся эта чертовщина соответствует естественным законам жизни.

Действительно ли шериф верил в это?

«Да, — решил он, — действительно. По крайней мере, головой». Нервные окончания были не столь послушными.

Алан выпил молоко, выключил настольную лампу и поднялся в спальню. Энни еще не спала и была соблазнительно обнаженной. Она заключила его в объятия, и Алан радостно позволил себе забыть обо всем другом.

Старк позвонил снова через два дня. Тад Бомонт в это время находился в Дейв-маркете.

Это был магазин всякой всячины в полутора милях вниз по дороге от дома Бомонта. Туда всегда можно было пойти, когда пробежка в супермаркет в Бревере казалась слишком малообоснованной, или просто было жаль утруждать столь долгим путешествием свою натруженную задницу.

Тад в эту пятницу, вечером, шествовал в магазин за шестибаночной упаковкой «Пепси», несколькими пакетами чипсов и за баночками различной приправы. Один из охранников сопровождал на машине Бомонта. Было десятое июня, половина седьмого вечера, излишне яркий свет на небе постепенно угасал. Лето, это прекрасная зеленая приманка, снова до краев наполнило Мэн.

Полицейский сидел в машине, когда Тад вошел внутрь торгового здания. Он взял содовую и начал рассматривать банки с приправой (у каждого из нас должны быть свои вкусовые пристрастия, хотя бы к простому луку), когда зазвонил телефон.

Он вскинул голову, думая: «Ох! Ну ладно».

Розали, продавщица за прилавком, сразу же сняла трубку, сказала «Хэллоу», прислушалась, затем взяла телефон и протянула Таду, словно тот уже должен был все понять без слов. Тад был снова захвачен тем чувством *отрешенности*, которое слишком часто и всегда неожиданно в последнее время преследовало его.

Тад чувствовал себя абсолютно спокойным. Его сердце только один раз гулко ударило в груди, но только лишь один раз, а затем оно снова равномерно заработало в обычном ритме. Он не вспотел.

И вокруг не было слышно птиц.

Он не ощущал ни того страха, ни той ярости, которые столь сильно проявились при прошлом разговоре. Он не потрудился спросить Розали, звонит ли его жена, Лиз, чтобы он заодно прикупил дюжину яиц или, быть может, пакет апельсинового сока, пока он еще в магазине и не ушел. Тад знал, кто это звонит.

Он стоял рядышком с компьютером «Мегабак», весь зеленый экран которого занимало объявление, что на прошлой неделе никто не получил главный приз по лотерее, а потому он возрастает для этой недели уже до четырех миллионов долларов. Тад взял трубку и четко произнес: — Хэллоу, Джордж.

— Хэллоу, Тад. — Мягкий южный акцент по-прежнему, но уже без тех визгливых и карикатурных нот, которые раньше так и выпирали из этого голоса, давая повод для всевозможных обидных и безобидных насмешек над его хозяином. Таду пришлось в голову, сколько усилий надо было в юности затратить Старку, чтобы изба-

виться от этих фальшивящих нот, выдающих его с головой как неотесанную деревенщину.

«Но сейчас мы уже не юнцы, — подумал Тад, — а пара белых американских романистов, беседующих друг с другом».

— Что ты хочешь?

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос. И нет нужды нам обоим разыгрывать какие-то игры, верно? Немного поздновато для них.

— Может быть, мне просто хочется услышать тебя, говорящим вслух именно это. — К Таду снова вернулось то же ощущение, то дикое ощущение, словно его душа высосана из тела и скользит по телефонной линии к какому-то месту, точно посередине между обоими собеседниками.

Розали перешла к дальнему краю прилавка, где она извлекала пачки сигарет из картонной упаковки, а затем создавала какое-то сложное архитектурное сооружение из этих строительных элементов. Она столь старательно пыталась не слушать речи Тада по своему телефону, что это выглядело просто забавно. Во всем Ладлоу — по крайней мере, в этой части города — не было ни души, которая бы не знала, что Тад Бомонт находится под охраной полиции или еще как-то по-другому называемой этой чертовской услуги. Таду не надо было прислушиваться к молве, чтобы убедиться в том, что город полон всякими слухами о нем, один сногшибательнее другого. Те, кто не верил в близкий арест Тада за распространение наркотиков, склонились к мнению, что здесь причина в совращении малолетних или избиениях жены. Бедняжка Розали старалась быть максимально вежливой, и Тад почувствовал почти абсурдную благодарность. Он также чувствовал себя смотрящим на нее с противоположного конца гигантского телескопа. Он был сейчас ниже телефонной линии, ниже кроличьих норок, там, где не место белым кроликам, а где живет только старый лис Джордж Старк — человек, который не должен здесь находиться, но как-то появившийся на свет.

Старина Джордж, а ниже в Эндсвилле все воробьи летают снова.

Он боролся с этим ощущением, боролся отчаянно.

— Продолжай, Джордж, — сказал Тад, сам удивленный некоторыми злыми нотками в своем голосе. Он был в смятении, захвачен мощным влиянием расстояния и нереальности всего происходящего... но, слава Богу, голос звучал так бодро и уверенно! — Скажи это вслух, почему ты не делаешь этого?

— Если ты настаиваешь.

— О, да.

— Время начать новую книгу. Новый роман Старка.

— Я так не считаю.

— Не говори этого! — Звуки этого голоса были похожи на свист пуль. — Я нарисовал для тебя целую картину, Тад. Я это сделал для тебя. Не заставляй меня нарисовать еще одну на тебе.

— Ты мертв, Джордж. Ты просто недостаточно разумен, чтобы лечь в землю.

Голова Розали слегка повернулась; Тад заметил один ее вытаращенный глаз, до того как она повернулась назад к своим сигаретным сооружениям.

— *Попридержи-ка свой язык!* — В голосе послышалась настоящая ярость. Но было ли в нем и что-то еще? Может быть, страх? Боль? И то, и другое? Или он только сам себя дурачит, думая обо всем этом?

— Что-нибудь не так, Джордж? — вдруг насмешливо спросил Тад. — Ты теряешь некоторые свои счастливые мысли?

Там, на том конце провода, наступила пауза. Он был сильно удивлен, выбит из колеи, по крайней мере, на какое-то время. Тад был абсолютно уверен в этом. Но почему? Что вынудило Старка замолчать?

— Слушай меня, друг-дерьмо, — наконец произнес Старк. — Я даю тебе неделю, чтобы начать роман. Не думай, что ты сможешь нагадать мне, потому что это *невозможно*. — Последнее слово было произнесено вразяжку с дифтонгами «оу» вместо «о». Да, Джордж был опечален. Это могло стоить Таду больших неприятностей в будущем, но сейчас он чувствовал только радость победы. Он прошел через это. Ему казалось, что не только он один ощущал беспомощность и ночные кошмары во время этих задушевных бесед; сейчас он зацепил Старка, и это было просто прекрасно.

Тад сказал: — Это в основном правда. Между нами нет бычьего дерьма. Что-то другое — может быть, но не оно.

— У тебя была идея, — сказал Старк. — Она у тебя созрела, еще до того, как чертов недоносок вздумал пошантажировать тебя. Та, насчет свадьбы и бронированного автомобиля.

— Я выкинул мои наброски. Те, что делал с тобой.

— Нет, те наброски, что ты выкинул, были *моими*, но дело не в этом. Тебе не нужны наброски и черновики. И без них получится хорошая книга.

— Ты не понимаешь. Джордж Старк *умер*.

— Ты — тот, кто не понимает, — перебил Старк. Его голос был мягок, глубок и проникновенен. — У тебя неделя. И если ты не напишешь хотя бы тридцати страниц рукописи, я приду за тобой, старина. Только я начну не с тебя, это было бы слишком легко и просто. *Чересчур* даже легко. Я сперва займусь твоими детьми, и они будут умирать медленно. Я позабочусь об этом. Я знаю как. Они не будут понимать, что происходит, только то, что они умирают в агонии. Но ты будешь знать, и я буду, и твоя жена тоже. Затем я возьмусь и за нее, только перед этим я сперва возьму ее. Ты понимаешь, что я имею в виду, старина. А уже после них я займусь и тобой, Тад, и ты умрешь так, как еще не умирал ни один человек на Земле.

Старк остановился. Тад мог слышать, как он яростно чешет свое ухо, словно собака жарким днем.

— Ты не знаешь насчет птиц, — мягко сказал Тад. — Это правда, ведь так?

— Тад, не говори чепухи. Если ты не начнешь очень скоро писать, много людей пострадает. Время начинает идти.

— О, я весь внимание, — сказал Тад. — Что меня удивляет, так это то, как ты ухитрился написать на стенах в квартирах Клоусона и Мириам то, *чего сам не знаешь?*

— Тебе лучше прекратить молоть всякую чушь и начать соображать, мой милый друг, — сказал Старк, но Тад смог уловить нотки некоторого замешательства и даже испуга внутри этого голоса. — На их стенах не было ничего написано.

— О нет. Там было написано. И ты знаешь что именно, Джордж? Я думаю, здесь причина в том, что это написал не ты, а я. Я думаю, что часть меня была *там*. Каким-то образом часть меня оказалась там, чтобы следить за тобой. Я думаю, что я единственный из нас двоих, кто знает про воробьев, Джордж. Я думаю, что, возможно, это написал я. Ты должен подумать об этом... подумать *крепко*... перед тем как ты начнешь давить на меня.

— Послушай меня, — сказал Старк вежливым голосом. Слушай меня действительно внимательно. Сперва твои дети... потом жена... потом ты. Начинай новую книгу, Тад. Это лучший мой тебе совет. Лучший совет из тех, которые у тебя были в этой треклятой жизни. Начинай книгу. Я не мертв.

Долгая пауза. Затем мягко, очень ласково:

— И я не хочу *быть* мертвым. Поэтому отправляйся домой, поточи карандаши и, если тебе нужно немного вдохновения, подумай как будут выглядеть твои крошки с лицами, полными стекла. Нет никаких дурацких птиц. Забудь о них и начинай писать.

Затем последовал отбой.

— ... тебя, — прошептал Тад в мертвый телефон и повесил трубку.

Глава 17 ПАДЕНИЕ УЭНДИ

1

Ситуация должна разрядиться так или иначе, неважно как — Тад был уверен в этом. Джордж Старк не ушел просто так. Но через два дня после второго звонка Старка Тад пришел к выводу, который подтвердился кувырком Уэнди с лестницы, что ситуация может измениться и к лучшему.

Наконец-то он увидел наиболее приемлемый курс своих действий. Тад провел эти два дня в каком-то безветренном успокоении. Он обнаружил, что ему трудно следить даже за самыми примитивными телепередачами, невозможно читать, и сама мысль о письме казалась столь же дикой, как путешествовать быстрее луча света. В основном он слонялся из комнаты в комнату, присаживался на короткое время, а затем снова начинал свое бесцельное движение. Он натыкался повсюду на ноги Лиз, а еще чаще — дергал ее за нервы. Она не очень строго комментировала его действия, хотя, как догадывался Тад, ей приходилось не раз прикусывать язык, чтобы не выдать ему устный эквивалент самых грубых выражений, которые старательно вырезают редакторы из текста его романов.

Дважды он решил рассказать ей о втором звонке Джорджа Старка, о том самом разговоре, в котором старый лис Джордж точно описал, что у него на уме, полностью удостоверившись и застраховавшись от того, что их беседа может быть записана на пленку, и что они разговаривают без свидетелей. Оба раза Тад останавливался уже в начале, уверенный, что пересказ не поможет ничему, а только опечалит Лиз в еще большей мере.

И дважды Тад обнаруживал себя в кабинете, действительно держащим один из проклятых карандашей «Бэрол», которые он обещал никогда снова не использовать в работе, и глядящим на новую стопку завернутых в целлофан блокнотов, которые всегда применялись Старком для записи текстов своих романов.

У тебя была идея... Та, насчет свадьбы и бронированного автомобиля.

И это было правдой. У Тада было даже придумано заглавие романа, очень удачно: «Стальной Мэшин». Кое-что другое тоже было правдой: часть самого Тада хотела писать роман. Какой-то зуд, словно у вас на спине есть место, до которого вы никак не можете добраться, чтобы почесать его.

Джордж почешет его для вас.

О, да. Джордж будет просто счастлив сделать это. Но ведь тогда с Тадом произойдет нечто, потому что все теперь уже изменилось. И что же именно может произойти? Он не знал, видимо, и не мог этого

знать, но устрашающая картина вдруг ясно предстала перед его сознанием. Она была навеяна чудесной детской сказкой «Маленький Черный Самбо». Когда Черный Самбо залез на дерево, чтобы тигры не могли добраться до него, они так разозлились, что схватили друг друга за хвосты и начали кружиться вокруг дерева все быстрее и быстрее, пока не превратились в масло. Самбо тогда слез в дерева, собрал это масло в глиняный кувшин и отнес домой маме.

Джордж — алхимик, пришло в голову Таду, когда он сидел в кабинете и постукивал незаточенным карандашом «Бэрол» по краю стола. Солому в золото. Тигров в масло. Книги в бестселлеры. А Тада... во что?

Он не знал. Ему было *страшно* узнать это. Но *он* будет превращен, Тад будет превращен, он был уверен. Возможно в кого-то, кто живет поблизости и *выглядит* совсем, как Тад, но за обликом того же Тада Бомонта будет скрываться другое сознание. Страшное, сверкающее сознание.

Он подумал, что новый Тад Бомонт будет куда менее неуклюжим... и куда более опасным.

Лиз и дети?

Оставит ли их Старк в покое?

Нет.

Он подумал также о побеге. Усаживает Лиз с близнецами в свой «Субурбан» — и тут же укатывает. Но что хорошего это может принести? Что здесь может быть хорошего, когда Старый Лис Джордж может видеть все вокруг глазами старины Тада? Не поможет даже то, что они удерут на край земли, они и там узреют Джорджа Старка, гонящегося за ними на упряжке ездовых лаек со своей складной бритвой в руке.

Он также подумал было, но еще быстрее и решительнее отверг идею обратиться к Алану Пэнборну. Алан рассказал им, где находится доктор Притчард с женой — и его решение не пытаться связаться с нейрохирургом до его возвращения из палаточного лагеря ясно показало Таду все, что он хотел бы узнать относительно того, во что верит Алан... и, что главное, во что не верит. Если он расскажет о звонке в магазин, шериф просто решит, что это инсценировка. Даже если Розали подтвердит факт, что Таду звонил *кто-то*, когда он был в ее магазине, Алан все равно будет склонен не поверить. И он, и все прочие полицейские, участвующие в этой игре, сделали слишком большие ставки на неверие.

Итак, дни шли медленно и абсолютно бесцельно. После полудня на второй день Тад сделал единственную запись в своем дневнике: «*Я чувствую, мой разум имеет ту же свободу перемещений, что у запряженной лошади*». Это было единственной записью за всю неделю, и он начал сомневаться, сделает ли когда-либо следующую. Его новый роман «Золотая собака» мертво ушел под воду на дно. Это, он

предполагал, было само собой разумеющейся вещью. Слишком тяжело создавать романы, когда ты опасаясь преступного негодяя, очень опасного, который собирается появиться со дня на день, чтобы вырезать всю твою семью, а затем расправиться и с тобой.

Единственным периодом его жизни, когда он был столь же потерян для самого себя, можно было считать дни его тяжелых запоев после выкидыша у Лиз и до появления Старка. Тогда, как и теперь, у Тада было ощущение стоящей перед ним проблемы, к которой невозможно подойти, словно это мираж водяного оазиса в жаркий летний день. Чем больше он пытался догнать и схватить эту проблему обеими руками, чтобы поломать ее на какие-то кусочки, тем быстрее она ускользала перед самым его носом, пока наконец он не рухнул, бездыханный и отчаявшийся, а мираж все так же насмешливо маячил на горизонте.

Он плохо спал в эти ночи, и сновившийся в кошмарных сновидениях Джордж Старк снова показывал Таду его заброшенный дом, в котором вещи сами взрывались, как только он к ним притрагивался, и где в последней, самой дальней комнате его поджидали трупы жены и Клоусона. В тот момент, когда Тад заходил туда, вверх взлетали все птицы со всех деревьев, телефонных проводов и столбов линий электропередач, тысячами и миллионами, и их было так много, что они закрывали собой солнце.

До падения Уэнди на лестнице Тад чувствовал очень ясно, что он сам набит дурацкой начинкой, которая поджидает какого-либо злонамеренного убийцу, а тот, наконец, появится, схватит его за ворот, вспорет брюхо и начнет есть.

2

Близнецы еще некоторое время в основном ползали на четвереньках, но в последний месяц они все чаще делали попытки встать вертикально, держась за какую-нибудь опору (чаще неподвижную, но иногда и не очень стабильную) — хороша здесь была ножка кресла или кофейного столика, но даже пустая картонная коробка могла пригодиться, если только она выдерживала вес ребенка и не переворачивалась набок или не оседала книзу. Дети способны приводить все в удивительный беспорядок в любом возрасте, но в восемь месяцев у них, безусловно, наступает Золотая Эра в этой деятельности.

Лиз оставила их поиграть на полу, ярко озаренном солнцем, в четверть пятого дня. Через десять минут уверенного ползания и шатающегося вертикального или почти вертикального стояния на двух нижних конечностях (под заботливым наблюдением обоих родителей и друг друга) Уильям добрался до края кофейного столика. Он огляделся вокруг и сделал несколько требовательных жестов правой рукой. Эти жесты напомнили Таду кадры старой кинохроники,

демонстрирующей вождя, обращающегося с балкона к своему народу. Затем Уильяму удалось схватить чайную чашку Лиз и вылить все ее содержимое на себя до того, как он опрокинулся на пятую точку. Чай, к счастью, был холодным, но Уильям столь крепко держал чашку, что ударил ею себя по рту и слегка поранил нижнюю губу. Он начал завывать от страха и боли. Уэнди незамедлительно присоединилась к брату. Лиз схватила мальчика и осмотрела ранение. Затем она выразительно взглянула на Тада, взяла Уильяма на руки и понесла наверх, где его ждало утешение и переодевание. — Береги принцессу, — сказала она Таду на прощание.

— Я постараюсь, — ответил Тад, но он уже открыл, а вскоре его ждали и еще более крупные открытия, что в Золотую Эру создания беспорядка такие обещания маловыполнимы. Если Уильяму удалось схватить чашку чуть ли не перед самым носом у матери, то Уэнди уже начала падать с третьей ступеньки лестницы, когда Тад заметил это, и потому уже поздно было предотвращать этот кувырок вниз.

Тад увлекся просматриванием журналов — не чтением, а лишь бездумным перевертыванием страниц с мимолетным глазением на цветные картинки. Когда он заканчивал это занятие с одним журналом, он нес его к корзине с мусором, отправляемым затем в камин, и доставал новый журнал. Уэнди ползала по полу, давно забыв о своих безутешных слезах, еще до того даже, как они высохли на ее щеках. Она при этом издавала пыхтение «рум-рум-рум», удивительно напоминавшее Таду звуки легковых и грузовых автомобилей, показываемых по телевизору. Он поднялся, положил очередной журнал поверх целой их кипы в корзине и отправился выбирать следующую жертву, почему-то остановившись в конце концов на «Харпере» месячной давности. Его действия очень напоминали поведение читателей журналов, ожидающих в коридоре вызова к дантисту.

Тад обернулся и увидел Уэнди уже на лестнице. Она заползла туда на четвереньках, а теперь стояла, пошатываясь, держась лишь за тонкий столбик ограждения между перилами и полом. Пока он смотрел на нее, Уэнди заметила Тада и сделала особенно величавый приветственный жест рукой, сопровождаемый улыбкой. Это мановение руки привело ее тело в наклонное положение и ускорило неизбежно приближающееся падение.

— Иисус Христос, — с замиранием сердца прошептал Тад и вскочил на ноги. Он видел, как Уэнди отпустила столбик ограждения и собирается шагнуть вперед. — *Уэнди, не делай этого!*

Он почти пролетел через всю комнату, стремясь успеть к месту событий. Но Тад никогда не был ловким, и одна из его ног зацепилась за ножку кресла. Оно опрокинулось, а Тад растянулся на полу. Уэнди полетела вниз с коротким испуганным восклицанием. Ее тело слегка перевернулось в воздухе. Он пытался поймать ее, стоя на коленях, пока она еще не приземлилась. Но ничего не вышло. Ее правая нога

ударилась о нижнюю ступеньку, а голова — о ковер на полу в гостиной, издав глухой звук.

Она завопила, и Тад успел подумать, как ужасно звучит детский крик боли, а затем он схватил ее на руки.

Сверху послышался тревожный возглас Лиз: «Тад?» и он услышал ее торопливые шаги по холлу.

Уэнди пыталась плакать. Первый приступ боли почти закупорил ей легкие, и сейчас наступил тот парализующий момент, когда она пыталась освободить свою грудь, чтобы набрать побольше воздуха и издать новый вопль. Он сможет повредить барабанные перепонки, когда, наконец, раздастся.

Если раздастся.

Тад держал ее, с ужасом глядя в ее перекошенное и залитое кровью лицо. Цвет его был красновато-коричневым, за исключением ярко-красной отметины, похожей на очень большую запятовую, на ее лбу.

Господи, что если она задохнется? Что если она умрет, не сумеет восстановить дыхание из-за заблокированных ужасом и болью маленьких легких?

— Плачь, черт побери! — закричал Тад на Уэнди. Господи, ее залито кровью лицо! Ее помертвевшие глаза! — *Плачь!*

— Тад! — Лиз очень встревоженно обращалась теперь к нему. В те несколько секунд между первым воплем Уэнди и ее все еще безуспешной попыткой повторить его и восстановить свое дыхание, Джордж Старк был полностью изгнан из сознания Тада, впервые за эти последние восемь дней. Уэнди наконец дернулась в глубоком вдохе и начала кричать. Тад, дрожа от облегчения, начал нежно похлопывать ее по спине, издавая успокаивающие звуки.

Лиз бегом спустилась вниз, таща упирающегося Уильяма. — Что случилось? Тад, с ней все в порядке?

— Да. Она свалилась с третьей ступеньки. Но сейчас все нормально. Она начала плакать. А то сперва это было... словно ее только что заклинило. — Тад неуверенно засмеялся и показал Уэнди Уильяму, который был сейчас обуреваем сочувствием к сестре.

— Ты что же, не следил за ней, — с укором произнесла подходящая к ним Лиз. Она теперь автоматически покачивалась вместе с взятой на руки Уэнди, стараясь утешить ее горе.

— Да... нет. Я только подошел взять журнал. А уже в следующий миг она оказалась на лестнице. Это почти так же, как Уильям с чашкой на столе. Они так похожи во всем, чертовски... Как ты думаешь, у нее ничего не случилось с головой? Она ударилась не о паркет, а о ковер, но ударилась сильно.

Лиз встревоженно осмотрела Уэнди, особенно эту красную отметину, затем ласково поцеловала девочку. Рыдания Уэнди уже значительно утихли.

— Я думаю, все о'кей. У нее день-другой будет здоровая шишка, и только. Спасибо Господу за ковер. Я не хочу набрасываться на тебя, Тад. Я знаю сама, как быстро все это происходит. Я только... У меня такое чувство, словно у меня наступают месячные, только они длятся теперь все время без перерыва.

Рыдания Уэнди перешли теперь в хныканье. И Уильям начал соответственно затихать в своем плаче солидарности. Он протянул неуверенную ручонку и коснулся белой тенниски своей сестры. Она обернулась. Он заворковал и что-то забормотал.

Таду это бормотание всегда напоминало какой-то иностранный язык, смысл сообщений на котором в общем был понятен, хотя взятые по отдельности слова абсолютно неизвестны. Уэнди улыбнулась брату, хотя ее глаза и все лицо были залиты слезами. Она тоже начала что-то бормотать. В этот момент близнецы отгородились ото всех и оказались только в своем собственном мире.

Уэнди дотронулась до плеча брата. Они смотрели друг на друга и беседовали.

— *С тобой все хорошо, милая моя?*

— *Да, я ушиблась, дорогой Уильям, но не слишком сильно.*

— *Ты не хочешь остаться дома вместо поездки на вечеринку у Стэдли, сердечко мое?*

— *Я не должна этого делать, хотя ты очень заботлив, что спрашиваешь.*

— *Ты в этом уверена, милая Уэнди?*

— *Да, дорогой Уильям, не Бог весть какие ушибы, хотя я очень боюсь, что обкакала свое белье.*

— *О радость моя, как это СКУЧНО!*

Тад усмехнулся, затем осмотрел ногу Уэнди. — Она начнёт покрываться синяками, — сказал он. — Вернее, уже покрылась.

Лиз в ответ тоже улыбнулась. — Это пройдет. Они не первые и не последние.

Тад наклонился и поцеловал Уэнди в кончик носа, думая о том, как быстро наступают и проходят все эти бури — еще три минуты назад он боялся всерьез, что его милая дочка может умереть от кислородной недостаточности — и как все это быстро забывается. — Нет, — согласился он. — Слава Богу, не последние.

3

Уже к семи часам вечера синяк на ноге Уэнди приобрел очень темный оттенок. Форма синяка была весьма странной и напоминала гриб.

— Тад? — спросила Лиз с другого конца стола. — Взгляни на это.

Тад распеленал Уэнди, слегка влажную, но не мокрую, отбросив все ее одеяния, на которых красовалась надпись «Ее». Он принес

Уэнди к столику для пеленания, где лежал его сын, чтобы посмотреть, что хотела ему показать жена.

— Что ты думаешь? — тихо спросила Лиз. — Это какой-то таинственный рок, или еще что-то?

Тад долго рассматривал Уильяма. — Да, — наконец произнес он. — Это абсолютно непонятно.

Она продолжала удерживать сына на столе, несмотря на все попытки Уильяма вылезть из-под заботливых рук на его груди.

— Да, — повторил Тад. Он был удивлен тому спокойствию, с которым он говорил это слово. Та огромная белая пелена, которая в последнее время словно окутывала его, теперь ушла прочь с его глаз и оказалась где-то позади него. Вдруг он понял, что кое-что начинает проясняться в его сознании и насчет этих птиц, и что будет его следующим шагом. Сейчас, глядя на своего сына, украшенного на той же ноге тем же громадным синяком, в точности повторяющим форму и размер исходного синяка на ноге Уэнди, Тад вдруг понял, что именно это рассматривание многое прояснило ему. Когда Уильям опрокинулся с чашкой и кротко сел на свою пятую точку, он, конечно, мог ушибиться. Но это никак не касалось его ноги, насколько мог судить Тад. И все же на ней в верхней части бедра, красовался тот самый необычный синяк почти грибообразной формы.

— Ты *уверен*, что мы в порядке? — спросила Лиз с большой настойчивостью.

— Они поделили свои синяки, — сказал Тад, глядя на ногу Уильяма.

— Тад?

— Я чувствую себя прекрасно, — ответил Тад и коснулся губами ее щеки. — Давай-ка оденем этих Психо-и-Соматика, что ты скажешь?

Лиз рассмеялась. — Тад, ты сумасшедший, — воскликнула она.

Он улыбнулся. Это была несколько натянутая, отчужденная улыбка. — Да, — ответил Тад. — Сумасшедший, как лисица.

Он положил Уэнди на ее столик для пеленания и принялся за работу по ее одеванию.

Глава 18 АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

1

Тад подождал, пока Лиз не отправится в постель, после чего поднялся в кабинет. Он остановился у спальни на минуту, прислушиваясь к ее ровному и спокойному дыханию, убеждаясь, что она заснула. Он не был уверен, что его план, который он решил проверить сейчас, обязательно сработает, но если он сработает, то это может быть опасным. Чрезвычайно опасным.

Кабинетом Таду служила огромная комната, поделенная на две зоны: «читальню», где стояли стеллажи книг с кушеткой и креслом-качалкой, с мягким освещением, и на другом отдаленном конце комнаты его рабочую зону. В этой части кабинета доминировал старомодный стол гигантских размеров без каких-либо красот и выкрутасов дизайнера. Это был сугубо рабочий стол без претензий на что-либо другое. Тад приобрел его, когда ему исполнилось двадцать шесть лет, и Лиз не раз говаривала друзьям, что Тад ни за что не расстанется со своим деревянным спутником, поскольку именно этот стол является секретным фонтаном слов для романов Тада. Они оба улыбались, когда Лиз произносила это признание, словно на самом деле они считали все это веселой шуткой.

Над деревянным динозавром были подвешены три стеклянных лампы, и когда Тад включал только их, они давали странные отблески света на поверхности стола, словно там собирались разыгрывать какую-то странную партию на бильярде. Неясно было, какие правила существуют для этой игры, но в этот вечер, после падения Уэнди, Таду было предельно ясно, что ставки в этой игре будут очень высоки.

Тад был уверен в этом на все сто процентов. Ему нужно было собрать все свое мужество и решимость.

Он посмотрел на свою машинку «Ремингтон» с торчащим слева рычагом возврата, напоминаящим палец путешественника, голосующего на дороге. Он сел перед ней и бесцельно забарабанил пальцами по краю стола, потом открыл ящик слева от машинки.

Этот ящик был и широк, и глубок. Тад вынул свой дневник, после чего выдвинул до упора этот же ящик. Тот кувшин, в который Тад сложил карандаши «Бэрл блэк бьюти», все время перекатывался вглубь ящика, вышвыривая по дороге карандаши. Тад вытащил кувшин, собрал карандаши и сложил в традиционном для них месте хранения.

Он закрыл ящик и взглянул на кувшин. Этот кувшин был сослан в ящик после того первого приступа, когда Тад в забытьи написал карандашом «Воробы летают снова» поперек листа рукописи «Золо-

той собаки». Он не думал, что ему когда-либо снова придется использовать этот карандаш... да, он сильно погорячился пару дней тому назад, и вот они снова выстроились перед ним, как это было уже в течение последних двенадцати лет или что-то около того, когда Старк жил у него, жил в нем. Подолгу Старк не появлялся и совсем не напоминал о себе. Затем в голове возникла какая-то идея — и старый лис Джордж выскакивал из головы Тада на свет божий, как Джек-из-коробочки. — Вот и я, Тад! Идем, дружище! Беремся за дело!

И потом каждый день в течение трех месяцев Старк будет появляться точно в десять, включая не только обычные, но и выходные дни. Он будет вырастать словно из-под земли, хватать один из карандашей и неистово писать свою безумную ерунду — но эта чепуха будет приносить куда больше прибыли, чем собственные книги Тада. Затем, когда книга Старка будет окончена, Джордж снова исчезнет, подобно безумному старику, который превращал солому в золото в одной из немецких сказок.

Тад вытащил один из карандашей и посмотрел на следы зубов, слегка отпечатавшиеся после прикуса его деревянного ствола, потом опустил карандаш снова в кувшин. Возник слабый звенящий звук: «*клик!*»

— Моя темная половина, — пробормотал Тад.

Но был ли ею Джордж Старк? Был ли он вообще *какой-либо* частью Тада? За исключением того приступа или транса или еще чего-то непонятного, случившегося с Тадом в его кабинете, он никогда более не пользовался этими карандашами, даже для каких-то пометок. Это соблюдалось с момента, когда было написано слово «Конец» внизу последней страницы последнего романа Старка «Дорога на Вавилон».

Не было и никакой *надобности* в их использовании; это ведь были карандаши Джорджа Старка, а Старк был мертв... или так предполагал Тад. Сам Тад даже подозревал, что когда-нибудь он просто выкинет их.

Но сейчас выяснилось, что карандашам все же еще придется послужить.

Он подошел к кувшину и протянул к нему руку, но затем быстро отдернул, словно рука коснулась горячей печи.

Еще нет.

Тад достал ручку «Скрипто» из кармана сорочки, открыл дневник, подумал и начал писать.

Если Уильям плачет, то и Уэнди плачет. Но я открыл, что связи между ними намного глубже и сильнее. Вчера Уэнди упала с лестницы и заработала большой синяк — синяк, напоминающий гриб. Когда дети проснулись, Уильям уже тоже имел синяк. Того же размера и формы.

Тад склонялся в своем дневнике к стилю самоинтервью; материалы такого типа явно доминировали в его записях. Он уже давно осознал, что выбранный им путь — путь поиска ответов на мучающие его вопросы — предполагает совсем другую форму... или отражает совсем необычный аспект: раскол его сознания и духа, что-то и очень фундаментальное и очень таинственное.

Вопрос: Если бы ты сделал слайды синяков на ногах близнецов и наложил полученные изображения друг на друга, чтобы проверить их идентичность, то получил бы в итоге доказательства этому?

Ответ: Да, думаю, что так. Я думаю, это было бы аналогично отпечаткам пальцев или голосовым отпечаткам.

Тад посидел в задумчивости, постукивая кончиком ручки по дневнику. Затем снова наклонился и стал писать несколько быстрее.

Вопрос: Знает ли Уильям, что у него синяк?

Ответ: Нет. Думаю, что нет.

Вопрос: Знаю ли я, что означают эти воробьи?

Ответ: Нет.

Вопрос: Но я действительно знаю, что они — ЭТО ВОРОБЬИ. Я это знаю очень хорошо, ведь так? То, во что Алан Пэнборн или кто-то другой может еще только поверить, я знаю: ЭТО ВОРОБЬИ и я знаю, что они летают снова?

Ответ: Да.

Сейчас ручка дошла уже до конца страницы. Тад уже давно не писал столь быстро или самозабвенно.

Вопрос: Знает ли Старк об этих воробьях?

Ответ: Нет. Он сказал, что не знает, и я ему верю.

Вопрос: Уверен ли я, что верю ему?

Тад снова сделал короткую паузу, а затем написал:

Старк знает, что есть НЕЧТО. Но Уильям тоже должен знать, что есть это нечто — раз у него на ноге синяк, то он должен болеть. Но Уэнди наградила его этим синяком, когда падала с лестницы. Уильям знает лишь, что у него есть побаливающее место на ноге.

Вопрос: Знает ли Старк, что у него есть такое больное место? Уязвимое место?

Ответ: Да. Думаю, что знает.

Вопрос: Это те самые мои птицы?

Ответ: Да.

Вопрос: Означает ли это, что когда он писал «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА» на стенах в квартирах Клоусона и Мириам, он сам не создавал, для чего он это делает, и он даже не помнит, когда это сделал?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто писал о воробьях? Кто писал эти слова кровью?

Ответ: Тот, кто знает. Тот, кому принадлежат эти воробьи.

Вопрос: А кто этот тот, кто знает? Кто владеет воробьями?

Ответ: Я знаю. Я хозяин.

Вопрос: Был я там? Был ли я там, когда он убивал их?

Тад снова остановился, совсем ненадолго. Да, — написал он и затем продолжал: — Нет. И то и другое. У меня не было приступов, когда Старк прикончил Хомера Гамаша или Клоусона, во всяком случае не тех, о которых я вспоминаю, что тогда смог... что-то УВИДЕТЬ, может быть, надвигающиеся.

Вопрос: Он понимает тебя?

Ответ: Не знаю. Но...

Тад написал: Он должен знать меня. Он должен меня понимать. Если он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО писал романы, он должен знать меня очень долгое время. И его собственное знание и понимание жизни также непрерывно возрастает. Разве все это пеленгующее и записывающее телефонное оборудование не повеселило старого хитроумного Джорджа. Разве могло оно сработать против него? Нет — конечно же нет. Потому что Джордж заранее все это предвидел. Ты не можешь потратить десять лет на написание криминальных романов, не узнав о такой дешевой начинке, как эта. Это, в общем, лишь одна причина, почему его не удалось зацепить. Но разве нет еще и другой, намного лучшей? Ведь когда он хочет поговорить со мной, поговорить без свидетелей, он точно знает, где я буду и как меня достать, разве не так?

Да. Старк звонил домой Таду, когда ему хотелось быть всеми услышанным, и он же звонил в магазин, когда ему не нужны были свидетели. Почему в первом случае ему нужно было быть записанным и услышанным? Потому что он передавал свое сообщение не Таду, а полиции: о том, что он не Джордж Старк и знает теперь об этом... и что после всех его убийств он не собирается теперь угрожать Таду и его семье. А также была еще одна причина. Ему хотелось, чтобы Тад увидел голосовые отпечатки, которые снимались в это время. Он знал, что полиция никогда не поверит в подлинность этих доказательств идентичности Тада и Старка... Но сам Тад должен будет это сделать.

Вопрос: Как он узнал, где я буду находиться?

И это, возможно, был хороший вопрос. Он соответствовал тем вопросам, которые относились к одинаковым дактилоскопическим и голосовым отпечаткам, и по поводу двух одинаковых синяков у двух близнецов... если только один из них упал и ушиб ногу.

Тад, конечно, знал, что подобные случаи уже хорошо описаны и приняты научной средой, по крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о близнецах; связи между близнецами-двойниками были и еще глубже и тоньше. На эту тему была уже опубликована большая статья в одном из журналов что-то около года назад. Тад, сам имевший близнецов, очень внимательно тогда с ней ознакомился.

Там описывался случай с двумя близнецами-двойняшками, оказавшимися разделенными друг с другом целым континентом — но когда один из них сломал левую ногу, другой почувствовал не менее жгучую боль в своей левой ноге, даже ничего не зная о беде со своим вторым «я». Существовали также две девочки-двойники, которые пользовались своим собственным языком, понятным только им одним. Эти девочки никогда не учили английский несмотря на очень высокие коэффициенты интеллектуального развития, также абсолютно идентичные для них обеих. Им не нужен был английский, потому что им вполне хватало друг друга и своего никому более не понятного языка. А кроме того, в статье говорилось о двух близнецах, которых разлучили при рождении, и они смогли встретиться снова уже будучи весьма взрослыми людьми. Обнаружилось, что оба они женились в один день одного и того же года на женщинах с одинаковым первым именем и поразительно похожих друг на друга. Более того, оба супружеские пары назвали своего первого сына Робертом. Эти Роберты появились на свет в один и тот же месяц одного и того же года.

Половина и половина.

Крест-накрест.

— Айк и Майк, — пробормотал Тад. Он пробежал глазами написанное в дневнике и обвел кружком последний из записанных вопросов к самому себе.

Вопрос: Как он узнал, где я буду находиться?

Ниже Тад написал:

Ответ: Потому что воробьи летают снова. И потому что мы близнецы.

Он перевернул страницу дневника и отложил в сторону ручку. Сердце гулко стучало, кожа похолодела от страха. Он взял дрожащей правой рукой один из карандашей «Бэрл» из кувшина. Тот, казалось, слегка ожег пальцы Тада неприятной теплотой корпуса.

Настало время работать.

Тад Бомонт открыл чистую страницу дневника, выждал некоторое время и затем написал крупными печатными буквами наверху «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА».

2

Что же именно он собирался делать этим карандашом?

Но Тад знал и это. Он собирался задать последний вопрос и получить ответ на него, тот последний, столь очевидный, что его не надо было даже и записывать. Это было: Может ли он сам вызвать у себя вполне сознательно состояние транса? Может ли он *заставить* летать воробьев?

Мысль, воплощенная в форму физического контакта, о которой он читал и слышал, но никогда не видел продемонстрированной: автоматическая запись. Люди, пытавшиеся контактировать с душами умерших (или живущих) при помощи такого метода, пользовались ручкой или карандашом, со слабо прижатым к пустому листу бумаги кончиком, и просто ожидали, когда требуемый им дух начнет двигать их рукой. Тад читал, что эта автоматическая запись часто расценивалась как своего рода забавная шутка или игра на вечере, даже с учетом тех свидетельств, что это может быть весьма опасно, поскольку контактер широко открыт для различных форм одержимости.

Тада никак не мог верить или не верить прочитанному, просто это занятие казалось ему абсолютно чуждым для его собственной жизни, столь же далеким и ненужным как поклонение языческим идолам или трепанация черепа, чтобы избавить пациента от головной боли. Сейчас же вся эта затея показалась ему имеющей собственную, смертельную логику. Но ему были нужны эти воробы.

Он думал о них. Он пытался вызвать в своем сознании образ всех птиц на Земле, всех тех *тысяч* птиц, сидящих на крышах домов и телефонных проводах под мягким весенним небом, готовых взлететь после получения требуемого телепатического сигнала.

И этот образ пришел... но он был плоским и нереальным, своего рода картина без внутренней жизни. Когда он начинал писать, часто происходило нечто, похожее на это — сухие и бесплодные письменные упражнения. Нет, тогда это было даже еще хуже для него, он чувствовал всегда некое омерзение, как при поцелуе трупа.

Но Тад давно усвоил, если только он начнет что-то писать, просто выстраивать слова на бумаге, что-то всегда проклюнется в этой писанине, что-то восхитительное и одновременно ужасное. Слова как отдельные единицы начнут исчезать. Характеры, которые были зажаты и безжизненны начнут выпрямляться и двигаться, словно их привезли в тесной машине на конкурс бальных танцев, и они должны размяться перед сложными танцевальными па и пируэттами. Что-то начинало происходить в *мозгу* Тада; он мог почти физически ощущать, как происходит разряжение каких-то электропроводов, что приводило к заполнению его сознания мягкими убаюкивающими волнами и грезами наяву.

Сейчас Тад сидел, наклонившись над своим дневником с карандашом в руке и пытался заставить себя сделать нечто, чтобы все это произошло. Но чем больше проходило времени, а по-прежнему ничто не изменялось, тем глупее и глупее он себя чувствовал.

СТИШОК из старой книжонки «Рокки и Буллвинкль» вдруг влетел ему в голову и прочно засел там: «Эни-мэни-чили-бэни, духи почти готовы разговаривать!» Что бы он сказал сейчас Лиз, если бы она заглянула в кабинет и увидела Тада с карандашом и чистым листом бумаги за несколько минут до полуночи? Что он пытается нарисовать

кролика в альбоме для того, чтобы победить в конкурсе, устроенном Школой знаменитых художников в Нью-Хэвене? Но у него, черт возьми, даже *нет* альбома.

Он двинулся, чтобы убрать карандаш, но остановился. Тад вдруг решил немного повернуться в своем кресле, чтобы можно было выглянуть из окна слева от стола.

Там находилась птица, сидевшая на оконном карнизе и смотревшая на Тада ярко-черными глазами.

Это был полевой воробей.

Пока он смотрел на Тада, к нему присоединился и другой воробей. И еще один.

— О, мой Бог, — сказал Тад дрожащим, жидким голосом. Еще никогда в жизни он не был столь испуган... и вдруг это чувство *происходящего* заполнило его снова. Оно было сродни тому ощущению, которое Тад испытал, разговаривая со Старком по телефону, но сейчас оно было сильнее, и намного.

Еще один воробей приземлился на карнизе, потеснив трех коллег, а за ними Тад смог увидеть целую колонию птиц, сидящих на крыше сарая, используемого Бомонтами для садового инвентаря и машины Лиз. Древняя кровля сарая была вся усеяна воробьями, под весом которых она прогибалась и раскачивалась.

— О, мой Бог, — повторил Тад и услышал свой голос из какого-то ужасного далека в миллионе миль отсюда, голос, полный ужаса и удивления. — О, мой Бог, они настоящие — *воробьи настоящие*.

Во всех своих предположениях он никак не ощущал этого... но сейчас было не время обдумывать происшедшее, обдумывать, *для чего* все это. Вдруг кабинет куда-то исчез, и вместо него Тад очутился в районе Риджуэй в Бергенфилде, где он вырос. Все выглядело столь же тихим и пустым, как тот дом в кошмарном сне о Старке; он обнаружил себя вглядывающимся в этот мертвый мир.

Но все же тот мир не был полностью мертвым, поскольку крыша каждого здания была усеяна щебечущими воробьями. Каждая телеантенна прогибалась под их весом. Каждое дерево было буквально облеплено воробьями. Они оседлали все телефонные линии. Воробьи восседали на крышах припаркованных автомобилей, на большом почтовом ящике на углу Дьюк-стрит и Мальборо-пейн и на платформе для велосипедов перед универсальным магазином на Дьюк-стрит, куда он мальчишкой часто ходил покупать молоко и хлеб.

Весь мир был заполнен воробьями, ожидавшими команды взлететь.

Тад Бомонт откинулся назад в своем кабинете кресле, тонкая струйка слюны появилась в уголке его рта, ноги беспомощно подергивались, и теперь все карнизы около его кабинета были забиты воробьями, глядевшими на него подобно странным пернатым зрите-

лям. Долгий стонущий звук вышел изо рта Тада. Его глаза закатились кверху, открыв напряженные белки.

Карандаш коснулся листа и начал писать.

СЕСТРЕНКА

Нацарапал он на верху листа. Затем последовали две отчеркивающие линии, и появилась L-образная отметка, обозначающая в рукописях Старка начало каждого нового абзаца. Он написал:

Женищина начала отскакивать от двери. Она сделала это почти сразу, даже до того как дверь остановила свое поворотное движение внутрь, но было уже слишком поздно. Моя рука метнулась через образовавшийся двухдюймовый зазор между дверью и стеной и схватила намертво ее руку.

Воробьи улетели.

Они все взлетели одновременно — и те, что были в голове Тада, из далекого детства в Бергенфилде, и те, снаружи его дома в Ладлоу... настоящие и живые. Они улетели сразу в два неба: белое весеннее небо 1960 года и темное летнее небо 1988 года.

Они летели и покачивались на своих крыльях.

Тад сел, выпрямляясь... но его рука продолжала водить карандаш. Карандаш продолжал выводить слова и строки.

«Я сделал это, — подумал Тад устало и облегченно, облизывая рот и утираясь левой рукой. — Я сделал это, и благодарение Богу, что мне это удалось без свидетелей. Что же это?»

Он посмотрел вниз на написанные его рукой слова, его сердце колотилось столь сильно, что он чувствовал пульсацию, очень быструю и прерывистую, в своей глотке. Предложения, размещенные на листе бумаги с голубыми линиями, были написаны почерком Тада — но и ранее все романы Старка всегда писались этим же почерком. *«Если у нас идентичные дактилоскопические и голосовые отпечатки, одни и те же любимые сигареты, было бы странно иметь разные почерки», — подумал Тад.*

Его почерк, как и во все прежние времена, но где же слова, пришедшие со стороны? Не из его собственной головы, тут было ясно, что в ней ничего не могло быть кроме ужаса и смятения. Но и его рука почти ничего не ощущала. Казалось, что все чувства и ощущения в этой правой руке обрываются примерно тремя дюймами выше ладони. Он не ощущал ни малейшего давления на пальцы, хотя мог видеть, что нажим на карандаш «Бэрол» был достаточно силен, поскольку подушечки и кончики пальцев — большого, указательного и среднего побелели. У Тада такая нечувствительность могла ассоциироваться только с обезболивающим уколом новокаина.

Он дошел до самого низа первого листа. Его рука перевернула эту страницу, открыла новую и возобновила запись текста.

Мириам Коули открыла рот, чтобы закричать. Я стоял как раз за дверью, терпеливо ожидая ее более четырех часов, не прикасаясь к кофе и не куря сигарет. (Я очень хотел закурить и обязательно закурю, как только все закончу, но не раньше, поскольку запах может спугнуть ее). Мне нужно было сперва закрыть ей глаза после того, как я перережу ей глотку.

Тад сообразил с нарастающим ужасом, что он читает отчет об убийстве Мириам Коули, написанный самим убийцей... и на этот раз у него перед глазами не разбросанные и в беспорядке перемешанные связки слов, но четкий и грубый рассказ человека, который, в своем ужасном роде, был чрезвычайно эффективным писателем — достаточно эффективным, чтобы миллионы людей приобретали и читали его романы.

«Дебют Джорджа Старка в документальном жанре», — подумал Тад с тошнотворным чувством.

Он ведь все сделал в точности так, как намечал сделать заранее: провел контакт, как-то проник в сознание Старка, точно так же, как Старку удавалось проникнуть в сознание Тада. Но кто знает, какие страшные неизвестные силы должен был он привлечь для достижения этого? Воробьи — и осознание их *реальности* — были ужасны, но написанное было хуже. Он не предполагал, что карандаш и тетрадь для записей будут теплыми, если их касаться рукой? Ничего удивительного. Сознание этого человека было подобно печи для обжига.

А сейчас — Иисус Христос! Вот оно! Вышедшее из-под его собственной ладони! Милостивый Боже!

— Ты думаешь, что можешь повредить меня этой штукой, сестренка? — спросил я ее. — Позволь мне сказать тебе кое-что — это не самая удачная мысль. А ты знаешь, что происходит с теми, кто теряет счастливые мысли, ведь так? Слезы теперь бежали по ее щекам.

Что не так, Джордж? Ты потерял некоторые из своих счастливых мыслей?

Нет ничего *удивительного*, что это остановило бессердечного сукина сына на какой-то момент, когда Тад произнес эти слова. Ведь сам Старк их произносил перед убийством Мириам.

Я проник в его сознание во время убийства — я БЫЛ там. Вот почему я сказал ему эту фразу во время разговора по телефону в магазине.

Перед ним предстал Старк, заставляющий Мириам звонить Таду, набирающий сам за нее номер, поскольку она от ужаса забыла его,

хотя бывали многие недели, когда она ежедневно звонила по полдюжине раз. Тад нашел эту забывчивость и понимание Старком ее причин равно ужасающими и убедительными. А сейчас Старк взялся за бритву, чтобы...

Но Тад не хотел читать это, и он не будет этого делать. Он вскинул руку вверх и вытянул ладонь, словно на ней был свинцовый груз. Нарушилась та бесчувственность, которая существовала при контакте между пальцами, карандашом и бумагой. Тад ощутил боль в пальцах, особенно в указательном, на котором сильно опухла и покраснела подушечка и внутренняя сторона.

Он продолжал смотреть на исписанную страницу, полный ужаса и изумления. Меньше всего в мире ему хотелось снова браться за карандаш, чтобы замкнуть эту дикую связь между Старком и собой, но ведь он не взялся за все это только чтобы читать написанный самим Старком отчет о совершенном им убийстве Мир Коули, ведь так?

Предположим, что птицы вернутся?

Но нет. Птицы сыграли свою роль. Цепь, которую он создал, еще цела и действует. Тад не знал, откуда он это действительно знает.

«Где ты, Джордж? — подумал он. — Как так получается, что я тебя не чувствую? Это потому ли, что ты не уверен в моем присутствии здесь, как и я — в твоём? Или что-то еще? Где, черт побери, ты есть?»

Он попытался выдвинуть эту мысль на передний план своего сознания, стараясь сделать ее видимой, словно яркий неоновый знак. Затем он снова схватил карандаш и начал подносить его к тетради.

Как только кончик карандаша коснулся бумаги, рука Тада сама прижала лист и распрямила его, чтобы удобнее было писать. Карандаш написал:

— Не в этом дело, — сказал Мэшин Джеку Рэнгли. — Все места одинаковы. — Он остановился. — За исключением, может быть, дома. И я это буду знать, когда попаду туда.

«Все места одинаковы». — Он сразу узнал эту строчку, а затем весь кусок текста. Он был из первой главы первого романа Старка — «Путь Мэшина».

Карандаш остановил свой собственный аккорд на какое-то время. Тад поднял его и посмотрел на строки, словно нацарапанные и колющие. *«За исключением, может быть, дома. И я это буду знать, когда попаду туда».*

В «Пути Мэшина» этим домом служила Флэтбуш-авеню, где Алексис Мэшин провел свое детство, чистя бильярдную, которую держал его страдающий алкоголизмом отец. А где дом в этой истории?

«Где дом?» — подумал Тад и медленно опустил карандаш к бумаге.

Карандаш сделал целый ряд волнистых м-образных линий. Затем снова задвигался в руке Тада.

Дом — там, где находится старт

написал карандаш пониже изображенных им птиц.

Каламбур. Что он может означать? Был ли еще теперь контакт в силе или Тад начал сам себя дурачить? Он наверняка не дурачил себя с птицами и во время написания первой порции текста, он знал это точно, но ощущение тепла и принуждения явно уменьшилось. Его рука еще чувствовала онемелость, потому что он с огромной силой сжимал карандаш и этому также свидетельствовала большая вмятина на указательном пальце Тада. Но не читал ли он сам в этой статье, что люди нередко дурачат сами себя сеансами автоматической записи, поскольку их руками повелевает не дух, а собственные подсознательные мысли и желания?

«Дом там, где находится старт». — Это все еще Джордж Старк, и если это что-то еще и значило, то только, что — здесь, в этом доме, ведь так? Потому что Джордж Старк родился здесь.

Вдруг отрывок из той чертовой статьи в журнале «Пипл» всплыл в сознании Тада.

«Я заправил лист бумаги в мою пишущую машинку... и затем вытянул его назад. Я печатал на машинке все мои книги, но Джордж Старк, очевидно, не принадлежал к поклонникам машинописи. Может быть, потому, что они не проходили курсов машинописи в тех каменных отелях, где он коротал свое время».

Хитро. Очень хитро. Но это ведь всего двоюродное родство по отношению к реальным фактам. Вообще-то это далеко не первый случай, когда Тад рассказывал истории, весьма далекие от истины, и он полагал, что далеко и не последний случай — поскольку жизнь его еще не была окончена. Это было просто смешение реальных и выдуманных эпизодов и фактов, и Тад не знал ни одного писателя-беллетриста, пишущего романы или рассказы и повести, кто бы не делал этого. Вы это делаете даже не для того, чтобы казаться лучше, чем на самом деле, поскольку чаще, наоборот, случается, что вы выглядите куда глупее и смешнее, чем это свойственно вам в повседневной жизни. Главным мотивом здесь служит именно то, как заявил один газетчик: «Когда вы имеете выбор между правдой и легендой, печатайте легенду».

То, что является грязным и аморальным для документального репортажа, может послужить базой для чудесной беллетристики. Перехлест каких-то искажений и преувеличений всегда сопровождает любое жизнеописание подобно привычному кашлю после многих лет курения.

Факты, связанные с рождением Старка, на самом деле были совершенно отличны от изложенных в версии «Пипл». Не было никакого мистического решения писать романы Старка от руки, хотя со временем это действительно превратилось в ритуал. А когда это превращается в ритуал, авторы делаются столь же суеверными, как спортсмены. Игроки в бейсбол могут носить годами одни и те же носки или кроссовки, если в них они уже побеждали ранее; то же самое делают и добившиеся успеха писатели, только повторяют они свой удачный опыт не одеждой или обувью, а самими рабочими процедурами.

Привычка Старка писать карандашом возникла лишь потому, что Тад забыл захватить ленты для пишущей машинки в свой маленький кабинет в летнем доме в Кастл Роке. А поскольку его идея романа была слишком горяча и не терпела долгих ожиданий, он просто схватил подвернувшиеся под руку тетрадь и карандаш, которые случайно оказались в ящиках письменного стола, и...

В те дни мы выехали в наше местечко у озера несколько позднее, чем обычно летом, потому что мне пришлось вести этот трехнедельный блок-курс, как он назывался? Методы творчества. Идиотский предмет. Это было в позднем июне в тот год, и я помню, как не смог найти ни одной нормальной ленты для машинки в летнем доме. Черт побери, я помню, что Лиз жаловалась, что там не осталось даже кофе...

«Дом там, где находится старт».

Беседуя с Майком Дональдсоном, парнем из журнала «Пипл», и рассказывая ему полувымышленную историю рождения Джорджа Старка, Тад передвинул само это место из летнего дома в свой основной дом в Ладлоу, даже не подумав особо на эту тему. Это было сделано потому, полагал Тад, что в Ладлоу он написал намного больше из всего ранее им напечатанного и, если вы решили что-то придумать, то Ладлоу больше подходил к этой придуманной вами сцене, чем еще что-либо другое. Это привычно для писателя романов заранее придумать сцену. Но Джордж Старк дебютировал совсем не там, хотя позднее он действительно вместе с Тадом создал большую часть романов в Ладлоу, и именно здесь они жили своей странной двойной жизнью.

«Дом там, где находится старт».

В этом случае, таким домом служит Кастл Рок. Кастл Рок, который также является местом, где расположено кладбище Хоумленд, а именно оттуда, говорило сознание Тада, если не сознание и Алана Пэнборна, должен был впервые появиться на свет Джордж Старк в своем убийственном физическом воплощении примерно две недели тому назад.

Затем, по закону естественного развития всего существующего в мире, другой вопрос возник в голове Тада. Этот вопрос был столь

естествен, и все это произошло настолько спонтанно, что Тад даже услышал самого себя, бормочущего, словно вопрос задал робкий поклонник маститого писателя на званом вечере в честь своего кумира: «Почему вы хотите снова вернуться к написанию романа?»

Тад опустил карандаш к бумаге.

Еще раз его рука автоматически перевернула и разгладила страницу в тетради... но на этот раз запись началась далеко не сразу после соприкосновения карандаша с бумагой. Тад подумал уже, что, возможно, контакт нарушился, но затем карандаш в руке дернулся, словно он был живой... но тяжело ранен. Он дергался несколько раз, оставляя какие-то кривые линии, но затем написал

*Джордж Старк Джордж Джордж Старк там нет птиц
Джордж Старк*

перед тем как остановиться, словно дышащий с присвистом уже списанный механизм.

Да. Ты умеешь писать свое имя. И ты можешь отрицать существование воробьев. Очень хорошо. Но почему ты хочешь вернуться к написанию романа. Почему это столь важно? Насколько важно, что надо убивать людей?

Если я не буду писать, я умру

вывел карандаш.

— Что это означает? — пробормотал Тад, и он почувствовал, как дикая надежда овладевает его головой. Неужели все так просто? Он предполагал, что это *возможно*, особенно для писателя, у которого нет другого дела. Боже, в мире достаточно *настоящих* писателей, которые не могут существовать, если не занимаются творчеством или чувствуют, что не могут уже творить... и, в случаях с людьми типа Эрнеста Хемингуэя, они действительно приходят к столь печальному концу, это верно?

Карандаш дрогнул, затем провел долгую ломаную линию ниже последней фразы. Она сильно смахивала на голосовой отпечаток.

— *Продолжай*, — прошептал Тад. — Что ты хочешь еще сказать?

Распадаюсь НА ЧАСТИ

написал карандаш. Буквы были корявые и сопротивлялись при выведении их на бумаге. Карандаш дергался и скользил между пальцев, которые были бело-воскового цвета.

«*Если я нажму еще сильнее, — подумал Тад, — это все просто развалится*».

*Теряешь
теряешь необходимую связь
Там нет птиц. ТАМ НЕТ ЧЕРТОВЫХ ПТИЦ
Ох ты сукин сын вылезай из моей головы!*

Вдруг рука Тада отдернулась. В то же время карандаш подпрыгнул и выскочил из пальцев словно под влиянием гипнотизера, и Тад схватил его ладонью, как кинжал.

Он опустил его вниз — Старк опустил его вниз — и вдруг карандаш снова скрылся уже в левой руке, в мягкой ладони между большим и указательными пальцами. Кончик графитного стержня, частично стертый за время записи мыслей Старка, выскочил и прошел сквозь ладонь Тада почти наружу. Карандаш устремился за графитом и треснул. Лужица крови вдруг заполнила образовавшееся углубление в карандаше на месте графита, пропитала весь корпус — и вдруг та сила, которая все это сделала, ушла. Резкая боль пронзила руку Тада, из которой, наконец, выпал окровавленный карандаш.

Тад закинул голову назад и стиснул зубы, чтобы удержаться от отчаянного воя, который раздирает ему горло, стараясь вырваться наружу.

3

У кабинета была оборудована маленькая ванная комната и, когда Тад смог передвигаться, он прошел туда, чтобы осмотреть свою рану под ярким верхним светом флюоресцентной лампы. Рана выглядела словно пулевая — абсолютно круглая дыра, окаймленная обгорелыми кромками. Потемнелость напоминала скорее порох, чем графит. Тад перевернул ладонь и увидел ярко-красную точку, размером с головку спички на тыльной стороне. Кончик карандаша.

«Как же близко он дошел до конца своего пути», — подумал Тад.

Он лил холодную воду на ранку, пока его рука не околела, а потом взял из аптечки бутылочку с перекисью водорода. Он не мог держать ее в кулаке и прижимал к себе средней частью руки, пока другая рука вытаскивала из бутылочки пробку. Затем он залил дезинфектант в рану, наблюдая, как жидкость начинает забеливаться и пениться, со стиснутыми от боли зубами.

Тад поставил перекись водорода на место, а затем перебрал еще несколько пузырьков с медицинскими составами, изучая их наклейки. У него случались сильные приступы болей в спине после его падения на горных лыжах два года назад, и добрый старина Хьюм выписал ему перкодан. Тад принимал эти пилюли очень редко, поскольку они явно действовали на него как снотворное, и ему было почти невозможно что-либо писать после их приема.

Наконец Таду удалось обнаружить пластмассовую упаковку с пилюлями позади крема для бритья, которому было почти тысяча лет. Тад открыл крышечку при помощи зубов и достал пилюлю на край раковины. Он подумал, не взять ли еще одну, но решил, что не стоит. Они были слишком сильнодействующими.

И, может быть, они уже испортились. Ты можешь закончить эту дикую ночь в конвульсиях и отправиться в госпиталь, как насчет этого?

Но Тад решил попробовать. Ведь другого выбора не было — боль была невыносимой. А насчет госпиталя... он посмотрел на рану и подумал: *«Вероятно, мне следует ее показать, но будь я проклят, если сделаю это. И так слишком много людей смотрят на меня, как на безумца, в последние дни, сокращая мне этим жизнь».*

Он высунул еще четыре пилюли и положил их в карман брюк, а саму упаковку убрал в аптечку. Затем заклеил рану пластырем. Глядя на пластырь, Тад подумал: *«Он заманил меня в ловушку. В ловушку своего сознания, и я попал прямо в нее».*

Но что действительно произошло? Тад по-прежнему ничего не знал точно, но был уверен лишь в одном: он больше не хочет повторять это представление.

4

Когда Тад ощутил, что снова владеет собой — или хотя бы приблизился к своему обычному состоянию — он положил дневник обратно в ящик стола, выключил свет в рабочем кабинете и отправился наверх, в спальню. Он прислушался, уже на втором этаже, все ли спокойно.

Близнецы тихо спали. Лиз тоже.

Перкодан, видимо, не столь уж устарел и начал свою работу. Боль в руке понемногу отступала. Если руку ненароком задеть, то он наверняка вскрикнет от боли, но если он будет внимателен, то все не столь уж плохо.

Ох, но как она будет болеть утром... и что ты собираешься рассказать Лиз?

Он не знал точно, что именно он скажет. Вероятно, правду или хотя бы часть ее. Лиз уже давно научилась распознавать, когда он говорить неправду.

Боль уменьшилась, но послешоковый эффект — всех этих пережитых ранее шоков — все еще оставался, и Таду подумалось, что у него уйдет немало времени, пока ему удастся уснуть. Он спустился на первый этаж и взглянул на патрульную машину с полицейскими-охранниками. Он смог заметить огоньки двух сигарет внутри темной машины.

«Они там сидят, как пара холодных огурцов ночью, — подумал Тад. — Птицы их никак не потревожили, так что, возможно, они действительно здесь и НЕ находились, исключая лишь мою голову. Ведь этим парням платят деньги, чтобы они беспокоились из-за меня».

Это была не очень-то правдоподобная идея, но ведь его кабинет находится на другой стороне дома. Его окна не видны с площадки для стоянки автомобиля. Не виден и сарай. Поэтому копы могли и не разглядеть птиц. По крайней мере, когда те начали собираться.

Но как же объяснить, что их не заметили, когда они все взлетели? Уж не хочешь ли ты сказать, что их нельзя было услышать? Ты сам увидел, их не менее сотни, Тад, — а возможно и две-три сотни.

Тад вышел наружу. НЕ успел он только приоткрыть дверь, как оба охранника выскочили из машины, по одному с каждой из ее сторон. Это были два крупных парня, двигавшиеся с молчаливой скоростью оцелотов.

— Он снова позвонил, мистер Бомонт? — спросил тот, кто вышел из-за руля. Его звали Стивенс.

— Нет — ничего в этом роде, — сказал Тад. — Я писал в моем кабинете, когда мне послышался шум множества птиц, взлетающих в небо. Это меня немного ошеломило. Вы ничего не слышали?

Тад еще не знал имени копа-напарника, вылезшего со стороны пассажирского сиденья из патрульной машины. Это был молодой светловолосый парень с тем круглым лицом, которые всегда излучают добродушие и доброжелательность. — И слышали, и видели их, — ответил он. Полисмен указал на ночное небо, где уже прошедшая свою первую четверть луна висела над домом. — Они летели как раз на фоне луны. Воробьи. Целая стая. Они вообще-то не летают по ночам.

— Откуда, вы думаете, они здесь появились? — спросил Тад.

— Ну, и не знаю, что сказать, — ответил круглолицый охранник. — Просто не знаю. Я ведь не веду наблюдений за пернатыми.

Он засмеялся. Но другой охранник не присоединился к его смеху. — Вы нервничаете сегодня вечером, мистер Бомонт? — спросил он.

Тад посмотрел на него задумчиво. — Да, — ответил он. — Я нервничаю каждую ночь с недавнего времени.

— Можем ли мы что-нибудь сделать для вас теперь, сэр?

— Нет, — сказал Тад. — Думаю, нет. Я просто полюбопытствовал о том, что услышал сам, в кабинете. Спокойной ночи, ребята.

— Доброй ночи, — откликнулся круглолицый. Стивенс только кивнул. Его глаза блеснули с выражением легкого подозрения из-под краев козырька фуражки.

«Этот малый считает, что я виновен, — подумал Тад, возвращаясь с этой ночной прогулки. — В чем? Он не знает. И даже,

вероятно, не очень этого и хочет. Но у него лицо человека, подозревающего всех в виновности в чем-либо или когда-либо. Кто знает? Может, он даже и прав».

Он закрыл дверь и вернулся в гостиную, откуда снова выглянул наружу. Круглолицый охранник залез обратно в машину, но Стивенс все еще стоял у дверцы водителя, и в какой-то миг Таду показалось, что Стивенс смотрит ему прямо в глаза. Этого, конечно, не могло быть, тем более, что кисейные занавески опущены. Стивенс мог увидеть только неясный темный контур в окне... если он вообще что-либо и заметил.

И все же это впечатление осталось.

Тад опустил драпировки поверх занавесок и подошел к бару. Он открыл его и вынул бутылку «Гленlivetа», который всегда был его любимым виски. Он долго смотрел на бутылку и затем снова убрал ее. Ему очень хотелось выпить, но это было бы самым худшим временем для возобновления пьянства.

Тад прошел на кухню и налил себе стакан молока, стараясь не задеть левую руку. Рана горела и саднила.

«Он был ошеломлен, — подумал Тад. — Это длилось недолго — он тут же оцетинился и выдал этот рубец — но он был ошеломлен. Я полагаю, он спал. Может быть, ему снилась Мириам, но не думаю. То, во что я попал внутри его сознания, слишком напоминает сон. Я думаю, что это его память. Видимо, это подсознательный архив записей Джорджа Старка, где все записывается и хранится на своей полочке. Я представляю, что когда ему удастся проникнуть в мое подсознание — а может быть это уже случилось — он найдет примерно то же самое».

Он проглотил молоко и взглянул на дверь в кладовую.

Интересно, смог бы я проникнуть в его ПРОБУЖДЕННЫЕ ОТ СНА мысли... его сознательные мысли.

Тад подумал, что ответом здесь будет «да»... Но также подумал, что вряд ли решится на повторение всего пройденного ужаса. А ведь в следующий раз им может оказаться нож для вскрытия конвертов, который, на этот раз, вскрыет шею Тада.

Он не сделает этого. Я ему нужен.

Да, но он безумен. А безумцы не всегда действуют даже в своих же интересах.

Могут ли я заставить его сделать что-то? Так же, как он заставляет это делать меня?

Тад не знал, что здесь ответить. По крайней мере, сейчас. А один неудачный опыт может убить его.

Он кончил пить молоко, сполоснул стакан и убрал его в сушилку для посуды. Затем, он направился в кладовую. Там с правой стороны находились полки для продуктов, а с левой — для бумаги и прочих

канцелярских принадлежностей. С тыльной стороны кладовой имелась дверь черного выхода, откуда можно было попасть на широкую лужайку, которую Бомонты называли задним двором. Тад открыл обе половинки двери и увидел столик для пикника. Тад вышел на асфальтовую дорожку, шедшую вокруг этой части дома, которая затем соединилась с более широкой, главной аллеей, перед зданием.

Дорожка блестела, как черное стекло под лунным светом. Он смог увидеть на ней белые нашлепки через неправильные интервалы.

«Птичий помет, не слишком приятно будет в него вляпаться», — подумал Тад.

Тад медленно прошел по дорожке пока не оказался прямо под окнами своего кабинета. Мощный грузовик «Оринко» показался из-за горизонта и свернул на дорогу 15 как раз около дома Тада. Свет от фар ярко осветил не только дорожку, но и лужайку. При этой яркой вспышке Тад заметил тушки двух мертвых птиц, лежащих на дорожке лапками кверху. Затем грузовик исчез. При лунном свете тела мертвых птиц снова казались лишь какими-то тенями — не более того.

«Они были настоящие, — снова подумал Тад. — Воробьи были живые. — Тот слепой, безграничный ужас стал возвращаться в его сознание, заполняя его чем-то грязным. Он машинально попытался сжать руки в кулаки, на что его левая рука отозвалась резкой болью в ране. То небольшое облегчение от перкодана уже прошло.

Они были здесь. Они были настоящие. Но как это возможно?

Он не знал.

Позвал ли я их или сам создал из воздуха?

Он и этого не знал. Но был теперь уверен в том, что эти сегодняшние воробьи были лишь частицей всех *возможных* в этом мире воробьев. Может быть, просто мельчайшей их частицей.

«Никогда снова, — подумал он. — Пожалуйста — никогда».

Но сам же Тад подозревал, что его желания здесь не играют особой роли. Это был настоящий ужас, он коснулся одной из сторон какого-то страшного паранормального таланта в себе самом, но не умел управлять им. Да и сама мысль об управлении такими вещами казалась шуткой.

И он полагал, что еще до того, как все здесь для него закончится, они снова возвратятся.

Тад содрогнулся и пошел обратно в дом. Он проскользнул внутрь, словно грабитель, закрыл дверь и разобрал дрожащими руками постель. Перед тем как лечь, Тад принял еще перкодан, залив пилюлю водой из кухонного крана.

Лиз спала, когда Тад лег рядом с ней. Через некоторое время он забылся на какие-то три часа беспокойным и каким-то судорожным сном с кошмарными видениями, кружащимися вокруг него, но до которых он никак не мог добраться.

Глава 19 СТАРК ДЕЛАЕТ ПОКУПКУ

1

Пробуждение не походило на обычное. Он вообще всегда был словно во сне, переходя от одного видения в другому. *Этот сон был ночным кошмаром.*

Он медленно просыпался, зная, что он фактически и не спал. Каким-то образом Тад Бомонт сумел внушить ему эти мысли, сумел подавить его волю, ненадолго. Сказал ли он какие-то вещи, *открыл что-нибудь* пока Тад Бомонт контролировал его сознание? У него было такое ощущение, что он мог это сделать... но он также знал, что Тад не сможет узнать, как интерпретировать все это и как отличить то важное от того второстепенного, что он сумел выяснить.

Он также проснулся от боли.

Он снимал двухкомнатную «площадь» в Ист Виллидже, как раз у авеню «В». Когда он открыл глаза, то обнаружил, что сидит у покатою кухонного стола с открытой записной книжкой перед собой. Струйка яркой крови стекала по клеенке на столе и здесь не было ничего удивительного, потому что ручка «Бик» торчала, воткнувшись в тыльную сторону его правой руки.

Теперь сон начал вспоминаться.

Тот сон был о том, как ему удалось вышвырнуть Бомонта из своего сознания, о единственном способе, которым он сумел пробить ту трусливую дерьмовую завесу, которую как-то воздвигли между ними. Трусливую? Да. Но также и *лукавую*, и ему не следует забывать об этом. В самом деле, не следует.

Старк неясно ощущал свои ночные видения о том, что Тад был с ним, в его постели — они беседовали друг с другом, шептались и сперва это показалось удивительно приятным и удобным — как беседовать со своим братом после того, как свет уже выключен.

Но ведь они занимались не только *разговором*?

Они не просто разговаривали, а *обменивались секретами*, или, вернее, Тад задавал вопросы, а Старк должен был отвечать. Отвечать было *приятно и удобно*. Но было также и тревожно. Сперва тревогу вызвали птицы — почему Тад спросил о *них*? Никаких птиц *не было*. Один раз, может быть... давно, очень давно... но не более. Это было просто игра ума, пробная попытка расколоть Старка. Затем, понемногу, его чувство тревоги начало все более и более пробуждаться под воздействием очень сильно развитого инстинкта самосохранения — это чувство росло и ощущалось все острее, пока Старк пытался проснуться. Он чувствовал себя так, словно его погружают в воду и тащат ко дну...

Поэтому, все еще полусонный Старк пошел на кухню, открыл записную книжку и вынул шариковую ручку. Тад никогда не писал такими, почему же он ею пользуется? Ведь он же сам пишет другими, когда находится в пяти сотнях миль отсюда. Ручка, конечно, не годится, но придется ею воспользоваться. Для нынешнего случая.

«Распадаюсь НА ЧАСТИ» — наблюдал Старк за собой, как он выводит эту строку, и он вдруг ощутил себя совсем близко от магического зеркала, отделяющего сон от пробуждения, он стал бороться за то, чтобы вложить в эту писанину свои собственные мысли, свою волю, но это было трудно, о Бог мой, добрый Христос, это было чертовски *тяжело*.

Он купил ручку «Бик» и полдюжины записных книжек в магазине канцелярских товаров сразу же по приезде в Нью-Йорк, еще даже до того как снял эту «площадь». В магазине были и карандаши «Бэрол», и Старку хотелось купить *их*, но он не стал этого делать. Потому что, чей бы разум не заставлял двигаться эти карандаши, они должны находиться в руке Тада Бомонта, и он не знал, не разрушит ли таким образом связь между ними. Поэтому он и взял вместо карандашей ручку.

Если бы он мог писать, писать *по собственной воле*, все было бы в порядке и ему не понадобилось бы создавать этот несчастный образ в Мэне. Но ручка не подчинялась ему. Как бы он ни пытался, она выводила на бумаге только его собственное имя. Он писал его снова и снова: «Джордж Старк, Джордж Старк, Джордж Старк», — пока не перешел в конце листа на какие-то каракули, более всего напоминающие неуклюжие и неумелые попытки дошкольника что-то написать.

Вчера он зашел в районный филиал Нью-Йоркской публичной библиотеки и заказал один час компьютерного времени на IBM в комнате для записей. Этот час длился, казалось, почти тысячу лет. Он сидел в кабинке, огороженной с трех сторон, пальцы бегали по клавиатуре и печатали его имя, причем тогда — только прописными буквами: «ДЖОРДЖ СТАРК, ДЖОРДЖ СТАРК, ДЖОРДЖ СТАРК».

«Прекрати!» — крикнул он самому себе. — *Печатай что-то другое, что-нибудь еще, но перестань!»*

И он попытался. Он перешел на другие клавиши, а затем прочитал свою новую фразу: «Быстрая рыжая лиса прыгает через ленивую собаку».

Но когда он взглянул на распечатку из машины, он прочел там вместо только своего имени из двух слов следующее: «Летчик Джордж Старк летит, сверкая поверх звездной абсолютности».

Он почувствовал желание разнести компьютер и печатающее устройство на мелкие части, расплющивая и раскалывая лица и спины всех окружающих его здесь олухов: раз уж он не может ничего создать, то пусть хотя бы уничтожит все вокруг!

Но вместо этого, Старк взял себя в руки и вышел из библиотеки, смомал лист сильными пальцами и швырнул его в мусорную корзину на тротуаре. Он вспомнил сейчас, держа ручку в руке, ту полную слепую ярость, которую ощутил, выяснив, что без Тада Бомонта он не может написать ничего, кроме собственного имени.

И страх.

Панику.

Но ведь он все еще *имел* Бомонта? Бомонт... но, может быть, Бомонт как раз и существует для того, чтобы преподнести ему один огромный сюрприз, и не самый лучший.

«Теряешь», — написал Старк, и, Бог мой, он не должен ничего *более* сказать Таду — то, что он уже написал, было достаточно плохо. Старк сделал еще одну попытку установить контроль над своей предательской рукой. *Проснуться.*

«Необходимую СВЯЗЬ», — написала его рука, и вдруг Старк увидел самого себя, протыкающего Бомонта ручкой. Старк подумал: «И я ведь могу это сделать, а ты — вряд ли, Тад. Потому что, когда дело действительно дойдет до этого, ты всего лишь большой глоток молока, ведь так? А когда меня пытаются прижать к стенке... я могу это устроить — тебе, недоноску. Сейчас настало время проучить тебя, я полагаю».

Затем, словно сон внутри сна, часть самосознания и самообладания Старка вернулась к нему. В этот триумфальный момент разрыва оков, навязанных ему Бомонтом, он успел направить ручку... и наконец ощутил способность *писать* ею то, что ему хочется.

Какой-то миг — очень краткий — у него было ощущение сразу *двух* рук, держащих два пишущих инструмента. Чувство было слишком ясным и реальным, чтобы быть чем-нибудь *иным*.

«Там нет птиц», — написал Старк — это было первое осознанное предложение, которое когда-либо он лично написал в своем нынешнем физическом облике. Ему было ужасно трудно писать, для этого понадобились почти сверхъестественные усилия. Но раз слова были написаны, он почувствовал усиление своей власти. Хватка той, чужой и неизвестной руки, заметно ослабла, и Старк зажал ее сверху своей собственной беспощадной и не знающей сомнений рукою.

«*Немножко подержаешься*», — подумал он. — *Посмотрим, как тебе это понравится*».

И намного быстрее и с еще большим удовлетворением, чем при самом мощном оргазме, Старк написал: ТАМ НЕТ ЧЕРТОВЫХ ПТИЦ. Ох ты, сукин сын, вылезай из моей ГОЛОВЫ!»

Затем, не задумываясь даже об этом — иначе можно было вызвать фатальное сомнение — он резко взмахнул ручкой, проведя короткую дугу в воздухе. Металлический наконечник воткнулся ему в правую руку... и за сотни миль отсюда к северу он мог ощутить как наконечник карандаша «Бэрол» воткнулся Таду Бомонту в *левую* руку.

Это было тогда, когда он проснулся — когда они *оба* проснулись — на самом деле.

2

Боль была резкой и сильной — но также и освобождающей. Старк вскрикнул, поворачивая свою голову к пораненной руке, но этот крик был также криком радости и освобождения, а не только криком боли.

Он чувствовал, как и Тад заглушает свой возглас боли в кабинете в Мэне. Однако все же полной ликвидации установленных Тадом с ним связей не произошло. Старк это чувствовал, почти *видел*. Какой-то червь поселился в его сознании, и эта штука ворочалась и не давала ему покоя. Он вдруг стал чувствовать боль Тада и слышать его крик. И он ничего не мог сделать, чтоб хотя бы заглушить *этот* крик.

Затем Старк подумал, не стоит ли воспользоваться еще одним карандашом из кувшина Тада. На этот раз его можно направить либо в глаз Таду, либо в ухо, чтобы он прошел через голову и достал мозг Тада. Это было бы чертовски приятно.

Но Старк одумался. Ему не нужен мертвый Бомонт.

По крайней мере, не сейчас еще.

Пока что Бомонт не научил его, как ему жить самому, своим умом.

Старк медленно разжал свой кулак, и пока он это делал, он почувствовал, что и тот кулак, которым он сжал саму жизнь Тада — кулак сознания, который работал не менее быстро и безжалостно, чем его физический двойник — тоже раскрылся. Он ощутил, как стонет и распрямляется сознание Бомонта.

Только на время, — прошептал Старк и занялся повседневными делами. Он выдернул левой рукой ручку из своей правой и швырнул ее в мусорное ведро.

3

У Старка стояла бутылка «Гленливета» на посудомойке из нержавеющей стали. Он взял ее и отправился в ванную. Кровь капала из раны на его правой руке, оставляя красные точки на рваном и поломанном линолеуме. Рана была абсолютно круглой и находилась повыше третьих фаланг пальцев. Пятно от черной пасты растеклось по краям и напоминало следы пороха на огнестрельной ране. Он проверил руку. Пальцы работали... но боль стала слишком резкой.

Старк включил 60-ваттовую лампу без колпака, висевшую в ванне. Он прижал бутылку виски к себе правым предплечьем, с тем чтобы открыть ее левой рукой. Интересно, делал ли то же самое Бомонт у себя в Мэне. Старк сомневался в этом. Он вообще сомневался, что у Тада хватит мужества самому продезинфицировать рану. Сейчас он, наверное, уже держит путь в госпиталь.

Старк плеснул виски на рану, и острая боль прошла вверх по всей руке до плеча. Он увидел, как пузырится виски в ране и прижал свое лицо вбок, уткнувшись в предплечье, чтобы заглушить невольный стон.

Он сомневался, отойдет ли эта жестокая боль когда-нибудь от него, но, наконец, она стала понемногу утихать.

Старк попытался поставить бутылку на полку под зеркалом. Его руки, однако, слишком дрожали для этой операции, что лишало его почти всех шансов на успех. Поэтому Старк поставил бутылку на пол в ванной. На какую-то минуту он ощутил большое желание выпить.

Он поднял раненую руку к свету и осмотрел ее более внимательно. Треклятая ручка почти проткнула ладонь. Может быть, у Бомонта дело обстоит несколько лучше.

Он всегда мог надеяться.

Он опустил руку под струю холодной воды, стараясь чтобы она попадала точно в рану. Губы Старка побелели от боли, рука онемела от холода — но так было все же лучше. Он заставил себя продержать руку под струей целых три минуты. Затем он снова повернул ладонь раной кверху и стал осматривать ее при ярком освещении.

Рана теперь стала затягиваться. Его тело, казалось, имело необычайные силы для заживления, и это выглядело забавным, поскольку в это же время оно распалось на части. Теряем связь, писал он. А это кое-что означает.

Старк открыл аптечку. Там было много всяких вещей: опасные бритвы, несколько губок, баночки с гримом и тюбики с косметикой, зубная паста, банка аспирина. Но не было пластырей. Пластыри, как и копы, подумал Старк, — никогда не попадают, когда в них действительно есть нужда. Но, впрочем, все нормально. Он вряд ли занес какую-то инфекцию в рану, он вообще имеет иммунитет ко всякой заразе. Он даже счел это забавным.

Он открыл банку аспирина при помощи зубов, сняв крышки, высыпал несколько таблеток на стол, взял их здоровой рукой и отправил в рот. Затем взял открытую бутылку виски и запил аспирин. Лекарство попало в желудок и вызвало там приятное ощущение тепла.

Старк прошел в спальню и открыл верхний ящик в бюро, лучшие дни которого остались в прошлом. Бюро и деревянная софа были единственными предметами семейства мебели в этой комнате.

В верхнем ящике хранились немногие вещи из гардероба Старка: три пары трусов-плавков, две пары носок в фирменной упаковке, пара джинсов «Левис» и сорочка. Старк сжал кулак раненой руки. Из раны выступило немного капель виски и лишь одна капелька крови. Очень хорошо. Просто чрезвычайно.

А смог бы Бомонт сделать что-либо *болезненное* для себя? — подумалось Старку. Он в это не очень-то мог поверить. Но и проверять специально не стоило. Он обещал дать Таду неделю на размышления

и начало работы над новым их романом. Сейчас у Старка почти нет сомнений, что Тад не станет этим заниматься, но все же нужно подождать до конца срока, как он сам ему это и обещал.

Ведь Старк человек слова, кроме всего прочего.

Бомонту, возможно, необходимо какое-то небольшое, но вдохновение. Для этого хорошо бы как следует припугнуть его детьми. Но это можно пока отложить. Сейчас он подождет... и пока не отправится на север. Проблем нет. У Старка есть свой собственный автомобиль — черный «Торнадо». Он в гараже, но это не значит, что он всегда должен *стоять* там. Он может уехать из Нью-Йорка завтра утром. Но сперва он должен сделать здесь покупку... и прямо сейчас он займется косметикой в ванной.

4

Он вытащил небольшие кувшинчики с тоновым составом, пудру, губки. Сделал еще один глоток виски перед началом действий по преобразению своего лица, уже слишком известного полиции. Руки были твердыми, хотя правая и болела. Но Старка это не очень огорчало: если у него немного болит, то у Бомонта просто должна быть мучительная боль.

Он осмотрел свое лицо в зеркале, приклеил кусок искусственной кожи под левый глаз, а затем присобачил другую нащепку в углу рта. «Теряем связь», — пробормотал он, и это было, действительно, полной правдой.

Когда Старк впервые увидел свое лицо — вылезая из могилы на кладбище Хоумленд, он заглянул в небольшую лужицу, ярко освещенную луной, — он был очень удовлетворен. Все было как в тех снах и видениях, которые он посылал в сознание Бомонта. Он увидел весьма красивого мужчину, но с чертами широкими и несколько грубоватыми, чтобы привлекать к себе излишнее внимание. Иначе женщины могли бы оборачиваться, чтобы рассмотреть его получше со второго взгляда. *Абсолютно* незапоминающиеся лица (если таковые существуют) могут все же привлекать внимание именно тем, что в них нет ни одной черточки, на которой мог бы остановиться взгляд постороннего наблюдателя — и это тоже нехорошо. На лице Старка сразу же обращали на себя внимание дивные глаза голубого цвета... и загар, который мог бы показаться необычным для блондина — и это было все! И только! Если свидетели напрягали память, то называли еще его широкие плечи — но мало ли на земле широкоплечих мужчин?

А сейчас все изменилось. Сейчас лицо действительно стало странным... и если он не начнет снова писать, оно станет не только странным. Оно превратится в гротескное.

«Теряем связь, — подумал Старк опять. — Но ты собираешься это остановить, Тад. Когда ты начнешь роман о бронированном автомобиле, во мне произойдет что-то противоположное нынешнему состоянию. Я не знаю, почему, но я действительно твердо в этом уверен».

Всего две недели тому назад он впервые увидел себя в той лужице, а за это время его лицо сильно и постоянно дегенерировало. Эти изменения сначала были очень мелкими, настолько мелкими, что сперва Старк пытался убедить себя, что это всего лишь его воображение — но затем они стали все ускоряться, и ему уже трудно было не признать правду. Если бы пришлось сопоставить две фотографии Старка с перерывом в эти две недели, то можно было бы подумать, что он подвергся какому-то мощному радиационному облучению или химическому воздействию. Джордж Старк, казалось, попал под какой-то страшный эксперимент по проведению распада всех его мягких тканей.

Гусиные лапки вокруг его глаз, обычные отметки для средних лет мужчины, теперь превратились в глубокие борозды. Его веки сморщились и приобрели текстуру крокодильей кожи. Его щеки впали, а также стали все более растрескиваться. Белки глаз покраснели, что придавало ему вид забулдыги со страдальческим взглядом, спрашивающим, не пора ли уже выпить. Глубокие борозды и складки прошли от углов его рта до подбородка, придавая рту необычайно мрачные очертания. Его светлые волосы, тонкие изначально, теперь совсем утончились и стремительно выпадали, обнажая кожу на затылке. На коже рук выступили желтые пятна.

Он все это должен был терпеть без особых попыток бороться с внешними изменениями. Он только выглядел старым, а вообще-то старость — не самое страшное. Его сила казалась неиссякаемой. К тому же существовала непоколебимая уверенность, что как только он и Бомонт начнут снова писать — снова как Джордж Старк — процесс старения пойдет вспять.

Но сейчас его зубы выпадали из десен. И появились язвы.

Первую из них он обнаружил три дня тому назад внутри правого локтевого сгиба — красную отметину, окаймленную белой омертвевшей кожей. Он вспомнил пеллагру, эпидемии которой случались на дальнем юге еще в 1960-х годах. Позавчера он нашел еще одну, на этот раз на шее, ниже левого уха. А вчера еще две, одну — на груди, другую — пониже пупка.

А сегодня впервые язва появилась и на лице — на правом виске.

Они не болели. Было лишь непреодолимое желание их чесать — и все. Может быть, только пока, когда чувствительность еще не пропала. Но язвы увеличивались в размерах. Правый локоть опух и достиг своей красноватой границей уже середины плеча. Он один раз попытался расчесать одну из таких язв — и ужаснулся. Кожа и мясо

стали легко отваливаться. Полилась смесь крови и желтого гноя, запах которого было почти невозможно вынести. Хотя никакой инфекции не было и не могло быть. Более всего это напоминало испарения гнили.

Глядя на него сейчас, любой — даже опытный врач — вероятнее всего предположил бы меланому, вызванную большой дозой радиации.

Но все же язвы не столь уж сильно беспокоили его. Он предполагал, что они будут расти и в количестве, и в площади, соединяться друг с другом и в конце концов съедят его заживо... если он это им позволит. Но он не собирался позволять им сделать это. Однако он не мог заменить себе лицо, обезображивающееся ежедневно во все возрастающей степени. Поэтому нужен грим.

Он очень тщательно наложил жидкую основу, при помощи одной из губок от щек до висков, особенно тщательно закрывая язву на виске и ту, новую, которая начала пробиваться на левой щеке. Старк никогда не думал, что ему придется размазывать себя, словно актеру из телевизионной мыльной оперы или гостю знаменитого шоумена Донахью. Но все, что могло прикрыть язвы, должно было использоваться без раздумий. К тому же немного выручал и оставшийся на лице загар. Если он будет находиться в полумраке или под искусственным освещением, их пока еще очень трудно, если это вообще возможно, заметить. Так он надеялся. Ему также нельзя было находиться под естественным освещением по другим причинам. Он подозревал, что прямые солнечные лучи ускоряют те разрушительные химические реакции в его организме, которые все более и более дают о себе знать. Это было почти так, словно он превращается в вампира. Но это не так уж и опасно; в некотором смысле, он всегда им и являлся. *А кроме того — я ночной человек, всегда был таким; уж такая у меня натура.*

Это заставило его улыбнуться, а улыбка показала зубы, торчащие, как клыки.

Он закрыл баночки с тоном и начал пудриться. *«Я могу издавать запах, — подумал Старк, — и весьма скоро люди будут чувствовать мое приближение — тяжелый неприятный запах гниющего мяса, побывавшего целый день под солнцем. Это нехорошо, друзья и милые сердца. Это совсем нехорошо».*

— Ты будешь писать, Тад, — сказал Старк, глядя на себя в зеркало. — Но при удаче, тебе этим долго не придется заниматься.

Он улыбнулся еще шире и показал передний зуб, темный и мертвый.

— Я быстро научусь.

В половину одиннадцатого на следующий день высокий широкоплечий мужчина в наглухо застегнутой рубашке, синих джинсах и огромных солнцезащитных очках купил у продавца канцтоваров на Хоустон-стрит три коробки черных карандашей «Бэрол блэк бьютти». На человеке было много грима и косметики, заметил продавец, — вероятно, остались после веселого мальчишника в одном из баров поблизости. А издаваемый этим покупателем запах напоминал о парфюмерной лавке, словно покупатель *выкупался* в одеколоне «Инглиш лэзер». Но даже одеколон не мог скрыть то печальное обстоятельство, что широкоплечий пижон пахнул мерзко. Продавец подумал вскользь — *очень* вскользь — о том, чтобы сосричь на эту тему, но затем подумал еще раз. Пижон пахнул скверно, но выглядел мощным. Да и вся их торговая операция была удивительно простой. Это ведь карандаши, а не «Роллс-Ройс».

Лучше всего не связываться.

Старк сделал короткую остановку на обратном пути из магазина канцтоваров. Ему удалось очень быстро забрать из своей «площадки» на Ист-Виллидж те немногие нужные ему принадлежности и упаковать их в рюкзак, купленный еще в первый день его появления в Нью-Йорке. Вообще-то если бы не бутылка шотландского виски, он бы еще подумал, стоит ли вообще заходить сюда.

Поднимаясь по наружной лестнице дома, он не заметил тельца трех мертвых воробьев, мимо которых проходил в это время.

Он уходил из дома пешком... но шел не очень долго. Он давно обнаружил, что целеустремленный человек всегда найдет транспорт, если тот действительно ему требуется.

Глава 20 ЧЕРЕЗ КРАЙНЮЮ ЧЕРТУ

1

День, которым кончалась неделя милосердия для Тада Бомонта, больше напоминал позднейюльский, чем середину июня. Тад ехал свои восемнадцать миль до университета штата Мэн под небом цвета дымчатого хрома, воздушный кондиционер «Субурбана» работал на всю мощность. За машиной Тада упорно держался темно-коричневый «Плимут». Он не подходил больше, чем на два корпуса, но и не отставал дольше, чем на пять. Он редко позволял какой-либо машине втиснуться между «Субурбаном» и собой; однажды на перекрестке около школьной зоны в Виادي некий водитель попытался это нагло сделать, но «Плимут» легко его тут же обошел. Если бы не эта удивительная простота и легкость в обращении с рулем, то охранник Тада просто бы нажал синюю кнопку на приборной шкале в автомобиле. И несколько мигающих огоньков на крыше «Плимута» успокоили бы любого не понимающего правила поведения олуха.

Тад управлял в основном только правой рукой, используя левую лишь в случаях абсолютной необходимости. Рука сейчас была намного лучше, но по-прежнему дьявольски болела при любом его неосторожном или слишком резком движении. Он не раз ловил себя на подсчитывании тех последних минут последнего часа до срока, когда ему можно будет принять очередную пилюлю перкодана.

Лиз не хотела, чтобы он ехал в университет сегодня, да и охранники тоже разделяли ее мнение. Для них мотив был прост: им не хотелось дробить свою охранную команду. Что касается Лиз, то ее мотивы были куда сложнее. Она ссыалась на его рану руки, которая могла снова открыться при работе с рулем, как она на словах очень опасалась. Но то, что было в ее глазах, говорило совсем о другом. Там был Джордж Старк, в ее глазах.

— Какого черта ты забыл там, что тебе нужно там делать сегодня? — этот вопрос постоянно срывался с ее губ — и Тад самому себе должен был на него также ответить. Семестр окончился, а он не преподавал на летних курсах переподготовки. Наконец, он решил остановиться на дополнительном курсе для студентов-отличников.

Шестьдесят студентов подали заявки на поступление на этот курс по писательскому творчеству. Это было вдвое больше, чем в прошлогодний осенний семестр, но даже эти студенты не подозревали, что занудливый Тад Бомонт и развязный Джордж Старк — одно и то же лицо, примелькавшееся всем преподавателям и студентам факультета английского языка.

Поэтому Тад решил сказать Лиз, что желает просмотреть все заявки и сократить число слушателей с шестидесяти до пятнадцати-

максимум, который он может взять в обучение (и то, видимо , на четырнадцать человек больше, чем то количество студентов, которое он реально мог чему-то обучать).

Она, конечно, поинтересовалась, почему это дело нельзя отложить хотя бы до июля и напомнила ему (тоже, конечно), что в прошлом году он занимался тем же делом в середине августа. Тут он сослался на удвоение числа заявок, а также очень тонко заметил, что не хочет, чтобы его летняя лень превратилась в дурную привычку.

Наконец она прекратила протестовать — не потому, что его аргументы были убедительными для Лиз, как и сам Тад ясно осознавал, а потому, что ей ясно стало видно, что он решил уехать, не важно, кто и что ему бы не говорил противоположное. Да она и сама понимала, что рано или поздно, но им придется выходить из своего добровольного заточения — скрываться в доме, пока кто-то убьет или схватит Джорджа Старка, было не очень приятным выбором. Но ее глаза были по-прежнему полны беспомощного и вопрошающего страха.

Тад поцеловал ее и близнецов, а затем быстро укатил. Она выглядела так, словно вот-вот заплачет, и если бы он находился еще дома, ему пришлось бы *остаться* там.

Конечно, на самом деле причиной служили не студенческие заявки.

Причиной была крайняя черта.

Он сам проснулся сегодня утром полный тоскливого страха и ужаса. Джордж Старк звонил вечером 10 июня и дал Таду ровно неделю для начала романа о бронированном автомобиле. А Тад так ничего и не смог сделать... хотя с каждым днем ему было все яснее, как могла бы выглядеть эта книга. Ему даже она снилась дважды за эту неделю. Это было приятным отвлечением от уже наскучившего кошмара — пустого дома и взрывающихся в руках Тада вещей. Но этим утром первой его мыслью было: *«Крайняя черта. Я перешел крайнюю черту»*.

Это значило, что ему нужно говорить с Джорджем еще раз, как бы ему это не хотелось. Нужно было выяснить, насколько сердит Старк. Ну... он предполагал, что уже представляет себе ответ на этот вопрос. Вполне вероятно, что Старк *очень* зол, разъярен донельзя, и если Таду удастся нащупать слабину в обороне этого вышедшего из-под всякого контроля старого лиса Джорджа Старка, тот может как-то ошибиться и проговориться.

Теряем связь.

Тад имел какое-то неясное ощущение, что Джордж уже о чем-то проговорился, когда позволил руке Тада записать его признания в дневнике. Если бы Тад только был уверен, что правильно истолковывает эти и другие слова. У Тада была идея... но он не был *уверен*. А ошибка здесь была слишком дорогостоящей, и ставкой была не только его жизнь.

Поэтому Тад и ехал в университет, в свое родное здание факультетов английского языка и математики. Ему не нужны эти студенческие заявки и их дела — хотя, конечно, он и их посмотрит — а ему нужен телефон, который не прослушивают, и нужно сделать кое-что там. Он перешел крайнюю черту.

Опустив левую руку, Тад подумал (уже далеко не в первый раз за эту длинную-предлинную неделю), что телефон — не единственное средство, чтобы соединиться со Старком. Он уже пробовал и другое... но там цена была слишком дорогой. Это была не просто ужасная боль от протыкающего руку острозаточенного карандаша или наблюдение, как его вышедшее из-под контроля тело подчиняется командам Старка, который казался скорее привидением, чем реально существующим лицом. Тад заплатил *настоящую* цену своим сознанием. Реальная цена была связана с прилетом воробьев; ужас осознания, что здесь работают силы куда мощнее и неуправляемое, чем сам Джордж Старк.

Воробьи, в чем он все более и более убеждался, означали смерть. Но для кого?

Тад опасался, что сможет вызвать воробьев, когда попытается снова войти в контакт со Старком.

И он уже представлял себе их появление; он видел, как они прибывают в то мистическое место посреди двух точек, из которых Тад и Старк двинутся навстречу друг другу, то место, где они должны схватиться насмерть за контроль над одной-единственной душой, которую они пока поделили.

И Тад боялся, что уже знает, кто победит в этой схватке в том таинственном месте.

2

Алан Пэнборн сидел в своем офисе в Кастрл Роке, который занимал одно из крыльев Муниципального здания. Он провел долгую напряженную рабочую неделю также... но здесь не было ничего нового. Раз лето пришло сюда, все пошло как обычно. Нарушения законности, начиная со Дня памяти и до дня труда, давно стал дурной традицией в Мэне, этой Земле отпускиников.

Уже была автомобильная катастрофа со столкнувшимися друг с другом четырьмя машинами на дороге 117 пять дней тому назад, и пьяная драка, унесшая жизни двух людей. Двумя днями позже Нортон Бриггс ударил жену раскаленной сковородой, оставив ее лежать неподвижной на кухонном полу. Нортон по-разному колошматил свою жену за двадцать бурных лет их семейной жизни, но сейчас он, видимо, был уверен, что прикончил ее. Он написал короткую объяснительную записку, богатую по выражениям, но бедную с точки зрения грамматики, а затем покончил счеты и со своей жизнью при

помощи револьвера 38-го калибра. Когда его жена, тоже далеко не подарок, наконец, очнулась и увидела еще теплый труп своего незабвенного учителя и наставника, она включила газовую печь и засунула туда голову. Парамедики из скорой помощи госпиталя в Оксфорде спасают ее жизнь. Но едва ли добьются этого.

Два ребенка из Нью-Йорка отправились в самостоятельное путешествие из летнего коттеджа их родителей в Кастл-Роке и заблудились в лесу, совсем как сказочные Гензель и Греталь. Их удалось найти через восемь часов, насмерть перепуганных, но все остальное с ними о'кей. Джон Лапойнт, второй помощник Алана, далеко не столь удачно отделался: он лежит дома, отравившись соком плюща, с которым слишком долго контактировал во время розыска. Еще была кулачная драка между двумя летними отдыхающими из-за последнего экземпляра воскресного выпуска «Нью-Йорк таймс» в закускойной Нэн, а другая драка состоялась на парковочной станции в Мэллоу Тайгер. Еще было три случая грабежа магазинов и обнаружения небольшого притона наркоманов в бильярдной.

Абсолютно обычная рабочая неделя в небольшом городке летом. Алан еле успевал, присев за стол, выпить целую чашку кофе, ни разу не встав из-за стола. И все же ему приходилось снова и снова обращаться мыслями к Таду и Лиз Бомонт... к ним и к тому человеку, кто охотился за ними. Тому, кто также убил Хомера Гамаша. Алан не раз звонил в Нью-Йорк своим коллегам-копам — и некий лейтенант Риардон, наверное, уже озверел от бесед с шерифом — но они так и не смогли открыть там что-то новое.

Сегодня днем в офисе шерифа была неожиданно тихая и мирная атмосфера. Шейла Бригхем не мела ничего серьезного для передачи ему, а Норрис Риджвик, как обычно, почивал в кресле шерифа, задрав свои ножищи на стол того же шерифа. Алану пришлось разбудить его — если Дэнфорт Китон, первый выборный городской староста, зайдет сюда и увидит сию идиллию, он может получить разрыв сердца — хотя, возможно, Китон и не имеет такового органа. Для Норриса неделя тоже была не очень легкой. Ему пришлось заниматься очисткой от всего этого кровавого месива дороги 117, и он сделал эту чертовски мерзкую работу.

Алан сейчас сидел за своим столом и запускал тени животных на стену, пользуясь яркими лучами солнца, а его мысли еще раз обратились к Таду Бомонту. Получив благословение Тада, доктор Хьюм из Ороно позвонил шерифу и сообщил, что нейрологические тесты Бомонта оказались отрицательными, никаких признаков опухоли не обнаружено. Подумав на эту тему, Алан вернулся еще раз к доктору Хью Притчарду, оперировавшему Тада, когда тот был еще никому не известным мальчишкой одиннадцати лет.

Кролик проскакал по стене. За ним прошла кошка. Собака сменила кошку.

Оставь это. Это безумие.

Конечно, это безумие. И, конечно, ему надо это оставить. Это просто из-за выдавшегося окна в его бурной деятельности летом в Кастр Роке. Когда же вы сильно заняты, вы не можете думать, и иногда это даже *хорошо* — не думать.

За собакой появился слон, покачивая хоботом, для чего Алан использовал свой мизинец на левой руке.

— А, черт с ним, — сказал Пэнборн и пододвинул к себе телефон. В то же время другая рука полезла в задний карман, чтобы извлечь оттуда что-то. Шериф нажал кнопку автоматической связи с управлением полиции штата Мэн в Оксфорде и спросил диспетчера, на месте ли Генри Пейтон из отдела уголовного розыска. Оказалось, что да. Алан подумал, что, видно, и в управлении сегодня тихий денек, раз Генри оказался у телефона.

— Алан? Что тебе надо от меня?

— Я хотел попросить тебя, — сказал шериф, — чтобы ты сделал мне одолжение и позвонил Главному лесничему Йеллоустонского национального парка для меня. Я могу дать тебе номер. — Он взглянул на бумагу с легким удивлением. Он записал телефон на обороте визитной карточки неделю тому назад. А сейчас его рука сама собой достала ее из толстого бумажника, куда он даже не успел заглянуть.

— Йеллоустон! — голос Генри развеселился. — Это не там, где загорают йоги — Медведи из мультфильмов?

— Нет, — улыбнулся шериф. То называется «Джеллистон». И никакие медведи здесь не подозреваются, в любом случае. По крайней мере, насколько мне известно это сегодня. Мне нужно поговорить с человеком, находящимся там в летнем туристическом палаточном лагере, Генри... Я даже не знаю, действительно так уж это *надо* или нет, но тогда я наверняка успокою свою голову. Это выглядит как не доведенное до конца дело.

— Это связано с Хомером Гамашем?

Алан переложил трубку к другому уху и пробежал глазами вытасенную визитную карточку с телефонным номером Главного лесничего.

— Да, — ответил он, — но если ты попросишь меня все объяснить, я буду выглядеть, как последний дурак.

— Просто предчувствие?

— Да. — И шериф был удивлен, обнаружив, что у него *действительно* есть предчувствие — он даже сам до этого не был здесь уверен. — Человек, с которым мне надо связаться, — это ушедший на пенсию доктор по имени Хью Притчард. Он там с женой. Лесничий, вероятно, знает, где они, и, как я догадываюсь, в палаточном городке должен быть телефон. Им обоим за семьдесят. Если ты позвонишь туда, лесничий, может быть, передаст им мою просьбу насчет разговора с доктором.

— Другими словами, ты полагаешь, что Главный лесничий национального парка воспримет офицера полицейской службы штата куда серьезнее, чем дерьмового шерифа графства.

— У тебя очень дипломатический талант называть вещи своими именами, Генри.

Генри Пейтон радостно расхохотался. — Я сделаю, почему бы и нет? Но я тебе скажу вот что, Алан — я сделаю только эту небольшую услугу, поскольку ты не будешь заставляя меня окунаться все глубже и глубже в это...

— Нет-нет, это все, — благодарно перебил шериф. — Это все, что я прошу.

— Подожди минутку, я не кончил. Как ты понимаешь, я не имею права пользоваться нашей срочной ВАТС линией для подобных звонков. Капитан следит за такими штуками, дружище. И очень строго. И если заметит меня за этим делом, то поинтересуется, почему я трачу деньги налогоплательщиков для твоих прихотей. Ты понял, что я имею в виду?

Алан вздохнул, сдаваясь. — Можешь использовать номер моей кредитной карточки, — ответил Пэнборн, — и можешь передать лесничему, я оплачу ответный срочный звонок из своего кармана.

На другом конце провода последовала пауза, и куда более посерьезневший Генри, наконец, спросил. — Это действительно важно для тебя, Алан?

— Да. Не знаю почему, но да.

Последовала еще одна короткая пауза. Алан прямо-таки чувствовал, как Генри Пейтон подавляет в себе желание задать вопросы. Наконец, лучшая часть души Генри взяла верх в этой борьбе. — О'кей, — сказал он. — Я позвоню и сообщу Главному лесничему, что ты хочешь срочно переговорить с этим Хью Притчардом в связи с расследованием дела об убийстве в графстве Кастл, штат Мэн. Как зовут его жену?

— Хельга.

— Откуда они приехали?

— Форт Ларами, Вайоминг.

— О'кей, шериф; сейчас самое неприятное. Какой номер твоей кредитной карточки?

Вздохнув еще раз, Алан назвал номер.

Минутой позже парад зверей на стенке под солнечными лучами возобновился с новой силой и энергией.

«Этот старикан, может, и никогда не позвонит мне, — подумал Алан, — и даже если он это и сделает, то вряд ли он сможет объяснить мне всю эту чертовщину, чтобы я что-то попробовал использовать — да и как он смог бы это сделать?»

И все же Генри прав насчет одной вещи: у него есть какое-то предчувствие. О чем-то. И оно никак не исчезло.

Пока Алан Пэнборн беседовал с Генри Пейтоном, Тад Бомонт парковал машину на одной из факультетских стоянок за учебным корпусом. Он вылез из машины, стараясь ничего не задеть левой рукой. Какой-то момент он просто постоял на воздухе, наслаждаясь летним днем и совершенно необычным умиротворением университетского двора.

Коричневый «Плимут» стоял бок о бок с его «Субурбаном», и два рослых охранника, быстро выбравшиеся из полицейской машины, тут же отмели всякие мечты о мире и покое, которые могли посетить Тада, стоящего около тихого и величавого здания.

— Я только поднимусь в свою рабочую комнату на несколько минут, — сообщил Тад. — Вы можете подождать и здесь, если хотите. — Он заметил двух девушек, идущих прогулочным шагом, вероятно в Восточную пристройку, чтобы подать заявки на летние курсы. Одна была одета в ветровку и шорты, а на другой была почти несуществующая мини-юбка с разрезом, которую смог бы выдержать только мужчина с крепкими нервами и сердцем. «Наслаждайтесь пейзажем».

Оба охранника с такой силой повернули свои головы за шествующими девицами, словно у них вместо шеи были какие-то невидимые постороннему взгляду вертлюги. Наконец старший из двоих — Рэй Гаррисон или Рой Харриман, Тад не был уверен, что правильнее — повернулся обратно к Таду Бомонту и огорченно ответил: — конечно, приятнее было бы остаться здесь, но лучше все же подняться с вами.

— Но, в самом деле, это всего лишь второй этаж!..

— Мы будем ожидать в холле.

— Вы даже не знаете, парни, как все это начинает угнетать меня, — сообщил Тад.

— Приказ, — ответил гаррисон — или — Харриман.

Было абсолютно ясно, что угнетенное состояние Тада — как, впрочем, и счастливое — для него значат даже еще меньше, чем ноль.

— Да, — сказал Тад, сдаваясь. — Приказ — это все.

Он пошел первым к боковой двери. Оба охранника шли за Тадом на расстоянии двенадцать шагов, причем в своей штатской одежде они выглядели даже еще более явными копами, чем в обычной униформе — таково было глубокое убеждение охраняемого ими великого писателя.

После теплого и влажного наружного воздуха, потоки кондиционируемого воздуха обдали Тада прохладой. И сразу его рубашка ощутила, что по коже Тада побежали мурашки. Корпус, столь полный шума и движения во время академического учебного года, с сентября по май, сейчас производил впечатление заброшенности, в этот субботний день в начале лета. В понедельник жизнь здесь проявится,

может быть, не более чем на треть по отношению к повседневной суете в разгар учебы, но, тем не менее, корпус оживет. В понедельник откроются трехнедельные летние курсы, но сегодня Таду было как-то особенно неловко за свою охрану в безлюдном месте. Тад подумал, что, возможно, на втором этаже и вообще никого не встретит, что избавит его от необходимости давать объяснения своим старым университетским друзьям и коллегам относительно тех новых двух, не остававших от него, где бы Тад ни был.

Второй этаж все же не был абсолютно пустынным, но Таду удалось легко пройти вы — давшееся испытание встречей. Роули Делессепс проплывал по маршруту между общей профессорской и своей рабочей комнатой в обычной и излюбленной манере... что означало, что вид у Роули был точь-в-точь как у человека только что пропустившего сильный удар в голову, который отбил у него и память, и контроль за движениями ног. Он шел, словно в полусне, натываясь то на одну стену, то на другую, выделявая какие-то замысловатые петли, разглядывая все вывески, плакаты, объявления, стенгазеты, прикрепленные на стенах и дверях кабинетов и комнат его ученых коллег. *Возможно*, Роули и направлялся к себе — так, по крайней мере, это *выглядело* — но вряд ли кто-нибудь даже очень хорошо знавший Роули Делессепа, смог бы за это поручиться. Черенок гигантской трубки был плотно зажат во рту Роули между его вставными челюстями. Эти челюсти были не столь желтыми как трубка, но весьма напоминали ее своим оттенком. Трубка была пустой и пребывала в таком состоянии еще с конца 1985 года, когда врач категорически запретил Роули курить из-за угрозы инфаркта. *«Я никогда особо и не любил курить, — объяснял Роули своим вежливым голосом всем интересовавшимся его пустой трубкой. — Но, джентльмены, без этой трубки во рту... я не смогу понять, куда мне надо идти или что надо делать, даже если мне и повезет счастливо добраться сюда»*. Множество раз он производил впечатление человека, не знающего где он находится и почему... то же самое, что и в данный момент. Некоторые люди, знавшие Роули целые годы, вдруг неожиданно открывали для себя, что он вовсе не такой рассеянный дуралей, каким им он всегда казался. Но некоторые так этого и не смогли открыть.

— Хэллоу, Роули, — сказал Тад, выбирая нужные ключи.

Роули вытаращился на него, затем осмотрел двух мужчин сзади Тада, отмел их и перенес взгляд на Тада еще раз.

— Хэллоу, Тадеуш, — ответил он. — Я и не знал, что ты ведешь какие-либо летние курсы в этом году.

— Я — нет.

— А тогда что же привело тебя сюда, в первый *по настоящему* летний денек?

— Проверить некоторые заявки на мой курс, — сказал Тад. — Я не проторчу здесь дольше, чем мне нужно, поверь мне, старина.

— Что ты сотворил с рукой? Она у тебя черно-синяя до запястья.

— Видишь ли, — сказал Тад в некотором смущении. Выдуманное им объяснение заставляло Тада выглядеть либо пьяницей, либо идиотом, или и тем, и другим одновременно... но все же ее принимали куда проще и легче, чем ту правду, которую он мог бы сообщить. Тад даже сам был глубоко удивлен и позабавлен, открыв, что полиция восприняла его рассказы столь легко, как и Роули сейчас — не было ни единого вопроса о том, как или почему Таду удалось прищемить ладонь дверью собственного ватерклозета.

Он инстинктивно выбрал именно ту нужную историю — даже находясь почти в предсмертной агонии. От него *ожидали* странных поступков — это должно было соответствовать его облику. В некотором роде, Тад продолжил ту же игру, которую он начал с интервьюером из журнала «Пипл» (спаси Господи его душу), рассказав тому о литературном рождении Джорджа Старка в Ладлоу вместо подлинного места — Кастрл Рока, и о тех причинах, по которым Старк пользовался карандашами, а не пишущей машинкой.

Ему даже не пришлось лгать для Лиз... но он сумел настоять, чтобы она хранила в тайне, как все произошло на самом деле, и Лиз согласилась сделать это. Ее единственным условием было обещание Тада никогда более не пытаться снова вступать в контакт со Старком. Он дал это обещание достаточно охотно, хотя и знал, что не сможет его выполнить. Тад даже подозревал, что на уровне подсознания и Лиз была уверена в этом, как и он.

Роули теперь разглядывал Тада с неподдельным интересом. — Дверью клозета, — повторил он. — Чудесно. Ты, наверное, играл в прятки? Или это был экзотический сексуальный обряд?

Тад улыбнулся. — Я прекратил все свои сексуальные обряды около 1981 года, — сказал он. — По совету доктора. На самом деле, я просто не всегда внимательно слежу за тем, чем занимаюсь. Это, в некотором роде, какое-то замешательство.

— Я понимаю это. — заявил Роули... и подмигнул. Это было очень быстрое движение, резкое хлопанье одним веком... но очень четко обозначенное. Уж не думал ли он надуть Роули? Свиньи могут и летать.

Вдруг новая мысль пришла в голову Тада. — Роули, ты по-прежнему ведешь семинар по народной мифологии?

— Каждую осень, — отвечал Роули. — Ты разве не читал учебную программу нашего факультета, Тадеуш? Легенды и сказания, свидетельства, святые спасения, знаки отличия богатых и знаменитых. Это все столь же популярно теперь, как и всегда. Почему ты спрашиваешь?

Был универсальный ответ на этот вопрос, который открыл Тад, будучи писателем. На вопрос «*Почему ты спрашиваешь?*» лучше всего отвечать неопределенно и таинственно.

— Ну, у меня появилась одна идея для рассказа, — сказал Тад. — Я пока еще только разрабатываю сюжет, но все должно быть в порядке, я надеюсь.

— Что же ты хочешь узнать?

— Имеют ли воробьи какое-то значение в американских суевериях или мифологии, по твоим сведениям?

Поднятая бровь Роули начала имитировать рельеф некоей отдаленной планеты, наверняка, непригодной для человеческого существования. Он устался на кончик своей знаменитой трубки. — Ничего пока что не приходит в голову, Тадеуш, хотя... меня удивляет, неужели тебя это действительно может интересовать для твоего рассказа?

«*Свиньи могут летать*», — вновь подумал Тад и пояснил: — Ну... может быть, и нет, Роули. Может быть. Возможно, я и сам не смогу объяснить тебе причину своего интереса в этой спешке. — Глаза Тада покосились на двух его верных сторожевых псов, затем снова обратился к Роули. — Я сейчас в большом цейтноте.

Губы Роули дернулись в какой-то пародии на улыбку. — Я понимаю, мне кажется. Воробьи... столь обычные птицы. Слишком обычные, чтобы с ними связывать суеверия, по-моему. И все же... теперь, когда я думаю об этом, здесь *есть* что-то. Если только я не путаю это с козодоем жалобным. Позволь мне проверить. Ты здесь пробудешь сколько-нибудь?

— Не более получаса, я боюсь.

— Хорошо, возможно, я найду что-нибудь в книге Бэринджера «*Фольклор Америки*». На самом деле это всего лишь поваренная книга суеверий, но она здесь может подойти. И я всегда могу тебе позвонить.

— Да. Ты всегда это можешь проделать.

— Ты и Лиз соорудили тогда отличную вечеринку для Тома Кэрролла, — сообщил Роули. — Вы, конечно, *всегда* организуете самые лучшие вечера. Твоя жена слишком очаровательна, чтобы быть просто женой, Тадеуш. Ей бы следовало быть твоей любовницей.

— Спасибо. Я понимаю.

— Гонзо Том, — продолжал Роули с нежностью в голосе. — Как трудно поверить, что наш старина Гонзо Том Кэрролл причалил в печальную гавань пенсионеров. Я слышал более двадцати лет, как он разносил всех в пух и в прах в соседнем со мной кабинете. Я полагаю, что его преемник будет куда потише. Или хотя бы более осторожен в выражениях.

Тад рассмеялся.

— Вильгельмина тоже очень веселилась — продолжал Роули. Его глаза прямо-таки закатились от нахлынувших чувств. Роули прекрасно знал, как относились к его Билли Тад и Лиз.

— Да, было прекрасно, — заявил Тад. Он находил само сочетание слов «Билли Беркс» и «веселье» взаимоисключающим... но поскольку

она и Роули образовали ту несокрушимую основу алиби, на которой покоилось его относительное благополучие, Тад предположил, что должен быть просто счастлив, что Билли тогда посетила вечеринку.

— Воробы и их место в потустороннем мире. Да, в самом деле. — Роули кивнул двум полисменам позади Тада. — Добрый день, джентльмены. — Он обогнул их и продолжил шествие в свою комнату с несколько более ярко выраженной целеустремленностью. Не намного большей, но все же.

Тад посмотрел вслед Роули, в некотором смущении.

— Что это было? — спросил Гаррисон — или — Харриман.

— Делессепс, — пробормотал Тад. — главный грамматик и любитель-фольклорист.

— Выглядит словно малый, которому нужна карта, чтобы отыскать свой дом, — сказал другой охранник.

Тад подошел к своей двери и открыл ее. — Он более проворный, чем кажется, — сказал Бомонт, входя в комнату.

Тад не был уверен, что Гаррисон — или — Харриман последует за ним, с одной рукой наготове в кармане его спортивного плаща, до тех пор, пока не включил верхние лампы. Тад ощутил на мгновение запоздалый страх, но его комната была пуста, конечно — пуста и столь чиста, как это может быть только после окончания всей учебной кутерьмы.

По неизвестной ему самому причине Тад ощутил внезапную и почти захватившую его с собой волну — волну тоски по дому, пустоты и потерь — смесь чувств, напоминающих глубокую и неожиданную печаль. Это напоминало сон. Это было так, словно он пришел сюда сказать «прощай».

«Перестань быть столь чертовски глупым, — приказал Тад самому себе, а другая часть его сознания тихо заметила: — Ты перешел крайнюю черту, Тад. Ты уже за ней, и я думаю, что ты сделал очень большую ошибку, не попытавшись хотя бы попробовать то, что хотел этот человек от тебя. Кратковременное облегчение всегда лучше, чем никакое».

— Если вам хочется кофе, то вы можете взять чашки в профессорской, Тад. — Кофейник полон, если я не ошибаюсь в Роули.

— Где это? — спросил партнер Гаррисона — или — Харримана.

— По другой стороне коридора, через две двери, — ответил Тад, открывая папку с заявками. Он повернулся к ним и подарил им весьма фальшивую улыбку. — Я думаю, вы услышите, если я закричу.

— Только действительно *сделайте* это, если что не так, — сказал Гаррисон — или — Харриман.

— Обязательно.

— Я бы мог послать туда Манчестера за этим кофе, — продолжал Гаррисон — или — Харриман, — но у меня такое ощущение, что вам хочется немного побыть одному.

— Ну да. Вы это точно подметили.

— Это прекрасно, мистер бомонт, — сказал старший охранник. Он посмотрел на Тада серьезно, и Тад вдруг вспомнил, что фамилия этого парня — Харрисон. Точно такая, как у экс-битла. Глупо было забыть ее. — Вы просто хотите вспомнить людей в Нью-Йорке, которые погибли от излишней дозы уединения.

Так ли? Я думал, что Филлис Майерс и Рик Коули умерли в компании полисменов. Тад подумал, не сказать ли это вслух, но не стал этого делать. Эти ребята, в конце концов, только пытались как следует делать свою работу.

— Все в порядке, патрульный Харрисон, — ответил Тад. — Здание так тихо сегодня, что шаги любого мужчины будут вызывать сильное эхо.

— О'кей. Мы будем находиться там за холлом в этом, как вы его называете?

— Факультетский зал.

— Точно.

Они ушли, а Тад, наконец, открыл папку с четко выведенной строчкой «ЗАЯВКИ ОТЛИЧН». Своим внутренним зрением он продолжал видеть Роули Делессепа, быстро подмигивающего ему. А также слышать голос, напоминавший, что он перешел крайнюю черту и попал на темную сторону. Ту сторону, где водились монстры.

4

Телефон стоял перед ним и не звонил.

«Ну же, — думал Тад, укладывая личные дела студентов на столе за своим, поставленным ему университетом, компьютером «IBM». — Ну же, я здесь, стою у телефона без всяких там подслушивающих штучек, давай, Джордж, позвони мне, выдай мне все, что хочешь».

Но телефон по-прежнему не звонил.

Тад вдруг сообразил, что его картотечный ящик с именами желающих поступить к нему на дополнительный курс, абсолютно пуст. Он вынул еще в конце учебного года все эти справочные именные материалы по разным курсам, причем не только по своему предмету, но даже по трансформационной грамматике, которой владел только Бог погасшей трубки — Роули Делессеп.

Тад пошел к двери и открыл ее. Он выглянул и увидел Харрисона и Манчестера, стоящих в дверях зала и пьющих кофе. В их здоровенных боксерских кулаках чашечки с кофе выглядели весьма миниатюрными. Тад поднял руку. Харрисон махнул в ответ своей и спросил, долго ли еще хочет побыть Бомонт в одиночестве.

— Пять минут, — ответил Тад, и оба охранника согласно кивнули.

Он вернулся к столу, отделил заявки на свой курс от всех прочих и начал их перебирать, стараясь делать это как можно медленнее,

чтобы оставить телефону побольше времени, если тот все же захочет позвонить. Но телефон по-прежнему молча стоял перед ним. Тад услышал один звонок далеко внизу в коридоре, звук был приглушен закрытой дверью, но все равно это казалось чем-то очень нереальным в летней тишине и пустоте здания. *«Может быть, Джордж набрал не тот номер»*, — подумал Тад и издал смешок. Но было ясно, что Джордж не собирается звонить. Дело было в том, что он, Тад, ошибся: у Джорджа в рукаве было припрятано немало трюков. Почему же он так удивлен? Ведь всякие трюки для Джорджа Старка являются *главной его специальностью*. И все же Тад был так *уверен*, так чертовски *уверен*...

— Тадеуш?

Он подпрыгнул, почти высыпав содержимое последних папок с заявками и делами студентов на пол. Только убедившись, что он схватил их намертво, Тад обернулся. Роули Делессепс стоял у самой двери. Его большая трубка торчала, как горизонтально повернутый перископ.

— Извини, — сказал Тад. — Ты меня заставил даже прыгать, Роули. Мои мысли были за десять тысяч миль отсюда.

— Кто-то звонил тебе по моему телефону, — сказал Роули добродушным голосом. — Наверное, перепутал номер или не туда попал. Хорошо, что я там оказался.

Тад ощутил, как его сердце начало биться медленно и тяжело, словно в его груди вращался барабан, который кто-то изо всех сил старался остановить.

— Да, — ответил Тад. — Это было очень удачно.

Роули взглянул на Тада оценивающим взглядом. Голубые глаза под его нависшими лохматыми бровями смотрели столь живо и пристально, что странно контрастировали со всей его очаровательной и неуклюжей манерой поведения рассеянного — профессора. — Все ли в полном порядке, Тадеуш?

Нет, Роули. В эти дни здесь появился сумасшедший убийца, который частично является мною. Этот парень, могущий залезать в мое тело и заставляющий меня втыкать карандаш в свою собственную руку, принуждает меня считать каждый день, который я прожил, еще не сойдя с ума, большой моей победой и удачей. Реальность не поддается никакому пониманию, старый друг мой.

— Все ли в порядке? А почему не может быть все в порядке?

— Мне кажется, я безошибочно чувствую тонкий запах иронии, Тад.

— Ты ошибаешься.

— Да? А почему ты выглядишь как олень, ослепленный парой фар?

— Роули...

— И человек, с которым я сейчас говорю, напоминает мне того продавца, у которого вы покупаете что-то по телефону только для того, чтобы убедиться, что он никогда не посетит ваш дом лично.

— Это ничего, Роули.

— Очень хорошо. — Роули не выглядел убежденным в этом.

Тад вышел из комнаты и пошел к Роули, сопровождаемый им.

— Куда вы идете? — спросил Харрисон.

— К Роули кто-то позвонил и попросил меня к телефону, — объяснил Тад. — Номера здесь идут подряд один за другим, и парень мог просто их перепутать

— И получилось так, что он наткнулся на единственного другого преподавателя факультета, который сегодня находится здесь? — скептически уточнил Харрисон.

Тад пожал плечами и продолжил свой маршрут.

Комната Роули Делессепа была в полном беспорядке, приятна и все еще хранила аромат его трубки — двухгодичное воздержание не смогло пока перевесить тридцатилетний срок окуривания этого помещения. В комнате доминировала мишень для игры в дартс с фотографией Рональда Рейгана, повешенной поверх нее. Книга Франклина Бэрринджера «Фольклор Америки», напоминающая по формату том энциклопедии, лежала открытой на столе Роули. Телефон был снят с подставки и стоял на стопке инвентарных книг. Глядя на аппарат, Тад ощутил, как его начинает снова обволакивать какая-то пелена. Словно его завернули в одеяло, которое давно надо было выстирать. Тад повернул назад голову, почти уверенный, что сейчас увидят всех их троих: Роули, Харрисона и Манчестера, выстроившихся в ряд в дверном проеме, как воробьи на телефонной линии. Но все было пусто, и откуда-то из холла раздавался мягких голос Роули. Он чем-то задержал сторожевых псов Тада. И Тад очень сомневался, что вышло это ненамеренно.

Он взял трубку и произнес: — Хэллоу, Джордж.

— У тебя прошла твоя неделя, — сказал голос на другом конце провода. Это был голос Старка, но Тад очень бы удивился, если бы их нынешние голосовые отпечатки снова так удивительно точно совпали. Голос Старка не был тем же, что раньше. Он звучал глуше и более хрипло, словно у человека, который слишком долго и громко подбадривал свою команду на каком-то спортивном соревновании. — У тебя кончилась твоя неделя, и ты не сделал даже попытки.

— Ты прав, — сказал Тад. Он почувствовал сильный холод. Тад пытался удержаться от дрожи. Этот пронизывающий холод, казалось, исходил из самого телефона, вливаясь в ухо, словно льдинки. Но Тад также почувствовал сильную злость. — Я не собираюсь этим заниматься, Джордж. Неделя, месяц, десять лет — мне все равно. Почему бы это не понять? Ты мертв и останешься таковым.

— Ты ошибаешься, старина. Если ты собираешься стать мертвым, ты как раз прямо к этому и движешься.

— Ты знаешь, как звучит твой голос, Джордж? — спросил Тад. — Он звучит, словно ты разваливаешься на части. Вот почему

ты хочешь, чтобы я начал писать снова, так ведь? «Теряем связь», — вот что та написал. Ты же биодеградируешь, верно? Это не продлится долго, и ты развалишься на кусочки, как фэтон с одной осью.

— Ничто из этого тебя не касается, Тад, — возразил хриплым голос. Он перешел с низкого гудения в шелестящему звуку, напоминающему высыпание гравия из опрокинутого кузова грузовика. Это создавало впечатление, что голосовые возможности Старка ограничены всего одной-двумя первыми фразами, после которых он возвращается к обычному глухому полушепоту. — Все, что происходит со мной, тебя не касается. Это ведь только отвлекает тебя, дружок. Ты просто захотел прогуляться в сумерках или ты хочешь оказаться очень несчастливо родившимся на свет божий сукиным сыном. И ты будешь не один, кто об этом пожалует.

— Я не...

Щелчок! Старк исчез. Тад задумчиво посмотрел на телефон, всего какой-то миг, а затем водрузил его на подставку. Когда он оглянулся, Харрисон и Манчестер уже стояли перед ним.

5

— Кто это был? — спросил Манчестер.

— Студент, — ответил Тад. В этот момент он сам не знал, почему лжет. Единственное, в чем он был твердо уверен, так это была ужасная боль в кишках. — Просто студент. Как я и предполагал.

— Как он узнал, что вы здесь? — спросил Харрисон. — И как он попал на телефон этого джентльмена?

— Я сдаюсь, — грустно сказал Тад. — Я глубоко законспирированный русский агент. А это был мой связной. Я буду вести себя тихо.

Харрисон не рассердился — или, по крайней мере, он не показал этого. Но взгляд слегка утомленного этими выходками человека был куда эффективнее, чем злоба на Тада. — Мистер Бомонт, мы пытаемся помочь вам и вашей жене. Я знаю, что хвост из двух полисменов, следующий за вами повсюду, куда бы вы не направились, может вызвать боль в вашей заднице через какое-то время, но мы действительно пытаемся оказать вам помощь.

Тад почувствовал себя пристыженным... но не настолько, чтобы рассказать правду. Его не покидало неприятное ощущение, что дела идут неправильно, что, может быть, они уже *сделаны* неправильно. А также и еще кое-что. Ощущение легкого порхания вдоль его кожи. Ощущение какого-то червя *внутри* его, под кожей Тада. Давящая тяжесть на виски. Это не были воробы; по крайней мере Тад считал так. И тем не менее, какой-то его мозговой барометр сейчас быстро

падал. Это было не впервые, когда у Тада появлялось аналогичное чувство, хотя и не столь сильное, восемь дней тому назад, когда Тад отправлялся в магазин Дэйва. И он его ощутил в своей рабочей комнате, когда перебирал заявки. Угнетающее и нервное.

Это Старк. Он как-то оказывается с тобой, в тебе. Он наблюдает. Если ты говоришь что-то неверное, он это узнает. И тогда кто-то страдает.

— Я прошу простить меня, — сказал Тад. Он был уверен, что Роули Делессепс сейчас находится позади двух охранников, следя за Тадом спокойными, изучающими глазами. Ему следует начать лгать сейчас, и эта ложь должна быть столь естественна и правдоподобна, чтобы любым способом увести их сознание подальше от Джорджа Старка. Тад не был полностью уверен, что ему удастся далеко увести и Роули, но уже было немного поздно беспокоиться по этому поводу. — Я на пределе — вот и все.

— Понятно, — сказал Харрисон. — Я только хочу, чтобы вы уяснили, что мы не враги, мистер Бомонт.

Тад начал объяснять: — Парень, звонивший сюда, знал, что я здесь, потому что выходил из книжного магазина, когда я проезжал мимо. Он хотел узнать, я ли веду летний курс стилистики. Справочник телефонов факультета разделен по отделениям, а фамилии даются в алфавитной последовательности. Печать очень мелкая, любой, кто пользовался справочником, подтвердит это.

— Она очень бесполезная книга в этом смысле, — согласился Роули. Об полисмена обернулись на его голос. Роули одарил их величавым, и несколько смахивающим на совиный, кивком своей ученой головы.

— А Роули следует за мной в этом списке фамилий, — продолжал Тад. — У нас в этом году нет ни одного преподавателя, чья фамилия начиналась бы с буквы «С». — Тад не секунду взглянул на Роули, но тот был занят глубокомысленным изучением несуществующей начинки своей трубки. — В итоге, — закончил Тад, — я часто получаю звонки к нему, а он — ко мне. Я растолковал этому щенку, что ему не повезло, я не веду занятий до осени.

Ну, вот и все. У Тада было ощущение, что он слишком подробно все объяснил, но главным вопросом был тот, когда именно появились Харрисон с Манчестером в дверях комнаты Роули и что они успели услышать из разговора Тада. Никто не стал бы объяснять студенту, желающему посещать летние курсы стилистики, что тот биодеградирует и потому вскоре просто рассыплется на куски.

— Я бы тоже хотел получить отпуск до осени, — вздохнул Манчестер. — Вы закончили дела, мистер Бомонт?

Тад сделал внутренний вздох облегчения и ответил: — Я только поставлю на место те дела, которые мне больше не понадобятся
(и записку, ты должен написать записку секретарю)

— И, конечно, мне надо написать записку миссис Фэнтон, — услышал Тад свой голос. Он не знал как и почему он сказал это, но только знал, что он должен был это сказать. — Она секретарь нашего факультета английского.

— У нас еще есть время для другой чашечки кофе? — спросил Манчестер.

— Конечно. Может быть, даже и на пару пирожных, если эти орды варваров что-нибудь оставили, — ответил Тад. То чувство, что вещи как-то разъединились, что дела идут неправильно и все хуже и хуже, снова вернулось к Таду и стало даже еще более сильным и явным. Оставить записку миссис Фэнтон? Иисус Христос, вот это был бы смех. Роули, наверное, чуть не подавился бы своей трубкой.

Когда Тад выходил из комнаты Роули, ее хозяин спросил: — Можно поговорить с тобой минутку, Тадеуш?

— Разумеется, — ответил Тад. Он хотел попросить охранников оставить их с Роули вдвоем, он быстро покончит с этой беседой, но вовремя осознал — хотя и неохотно — что эта просьба — именно та вещь, когда вы очень хотите с ее помощью навлечь на себя подозрение. А Харрисон, по крайней мере, держал свою антенну включенной. Может быть, и не всегда, но почти всегда.

Молчание, однако, сработало намного лучше всяких просьб. Когда он повернулся к Роули, Харрисон и Манчестер медленно удалились в холл. Харрисон что-то коротко сказал партнеру и затем остановился в дверях профессорской, пока Манчестер охотился за пирожными. Харрисон не выпускал Тада с Роули из поля зрения, но Тад решил, что их невозможно услышать на таком расстоянии.

— Это была чудная сказка про факультетский справочник, — заметил Роули, вставляя обглоданный черенок трубки на привычное место себе в рот. — Я думаю, у тебя масса совпадений, с той маленькой девочкой из сказки «Открытое окно». Тадеуш, твоей специальностью, должны быть романы.

— Роули, это не то, что ты думаешь обо всем происходящем.

— Я не имею никакого представления, *что* это такое, — сказал Роули с необычным жаром, — и хотя я допускаю наличие в себе некоторой доли любопытства, я совсем не уверен, что действительно хочу это знать.

Тад чуть улыбнулся.

— И я действительно ясно ощутил, что ты позабыл нашего Гонзо Тома Карролла в связи со своим чарующим объяснением. Он, конечно, ушел в отставку, но в последний раз, когда я заглядывал в справочник, он по-прежнему стоял между нами в факультетском списке преподавателей.

— Роули, лучше я пойду.

— В самом деле, — согласился Роули. — Ты же должен написать записку миссис Фэнтон.

Тад почувствовал, как щеки его слегка покраснели. Алтея Фэнтон, секретарь факультета с 1961 года, умерла от рака гортани еще в апреле этого года.

— Единственной причиной, по которой я тебя задержал, — продолжал Роули, — было то, что я, возможно, нашел то, чем ты интересовался. Насчет воробьев.

Тад почувствовал, как сердце его подпрыгнуло. — Что ты подразумеваешь?

Роули ввел Тада обратно внутрь комнаты и поднял книгу Бэрринджера «Фольклор Америки». — Воробьи, полярные гагары и особенно козодой жалобные являются психопомпами, — сказал он, не без триумфальных ноток в голосе. — Я же знал, что тут должно было говориться что-то про козодоев.

— Психопомпы? — с сомнением переспросил Тад.

— Из греческого, — объяснил Роули, — что означает тех, кто служит проводником. В этом случае, тех, кто проводит человеческие души назад и вперед между страной живущих и страной мертвых. В соответствии с Бэрринджером гагары и козодой провожают живых; они, как тут говорится, собираются около того места, где должна произойти смерть. Они — не птицы, служащие дурной приметой. Их задача — вести души только что умерших к их надлежащему месту в загробном мире.

Он посмотрел на Тада внимательно. — Сборища воробьев куда более зловещи, по крайней мере, так утверждает Бэрринджер. Воробьи являются проводниками покойников.

— Что означает...

— Что означает то, что их задача — привести погибшие души назад в землю живых. Они, другими словами, предвестники живущих мертвецов.

Роули вынул трубку изо рта и взглянул на Тада с печалью.

— Я не знаю, что у тебя за ситуация Тадеуш, но я предполагаю беспокойство. Чрезвычайное беспокойство и напряжение. Ты выглядишь, как человек, у которого масса неприятностей. Если я могу чем-то помочь, скажи мне, пожалуйста.

— Я очень благодарен тебе, Роули. Ты сделаешь мне самое большое одолжение и услугу, если просто сохранишь обо всем этом молчание.

— Вот в этом, по крайней мере, ты очень сходишься с моими студентами. — Но веселые глаза, смотревшие на Тада, снова стали озабоченными: — Ты будешь осторожен?

— Да, несомненно.

— И если эти люди, сопровождающие тебя повсюду, Тадеуш, хотят помочь тебе, может быть, будет разумно довериться им.

Было бы просто чудесно, если бы он мог последовать этому совету, но здесь решающее значение имела даже не степень доверия Тада к

охранникам. Если он действительно начал бы им *рассказывать* всю правду, они наверняка испытали бы к Таду немного доверия. Но даже если бы Тад *действительно* настолько доверял Харрисону и Манчестеру, чтобы делиться с ними всеми своими переживаниями, он бы все равно не осмелился пойти на это, пока у него не прекратится это страшное ощущение шевелящегося червя под кожей. Потому что Джордж Старк наблюдал за ним. И Тад пересек крайнюю черту.

— Спасибо, Роули.

Роули кивнул, снова повторил просьбу быть повнимательнее к самому себе и затем уселся за стол.

Тад отправился в свою рабочую комнату.

6

И, конечно, я должен написать записку миссис Фэнтон.

Тад закончил подбирать последние заявки и взглянул на свою «IBM Селектрик». Еще совсем недавно он почти не задумываясь пользовался всеми пишущими приспособлениями, большими и маленькими. Но в последнее время, уже не раз за последнюю неделю, он все чаще опасался, не окажется ли внутри безобидного карандаша или ручки еще одна разновидность Тада Бомонта, подобно злему духу, томящемуся внутри запечатанной старой бутылки.

Я должен написать записку миссис Фэнтон.

Но в эти дни достижения контакта с нею намного более подводящ стол спиритистов, чем электрическая пишущая машинка. Ушедшая в загробный мир великая миссис Фэнтон как никто умела заваривать столь крепкий кофе, что он мог почти самостоятельно ходить и беседовать с пьющими его. Но почему Тад сказал это, в конце концов? Ведь миссис Фэнтон никак до этого даже не мелькала в его сознании.

Тад закрыл ящик стола и посмотрел на свою левую руку. Под подвязкой, участок ладони между большим и указательным пальцами внезапно начал зудеть и чесаться. Тад потер руку о ногу, но это, казалось вызвало еще больший и нестерпимый зуд. А кроме того, это место начало сильно пульсировать. Ощущение внутреннего обжигающего нагрева все возрастало.

Он выглянул из окна своей комнаты.

На другой стороне бульвара Беннета телефонные провода были усеяны воробьями. Другие воробьи разместились на крыше больницы, и, пока он наблюдал, новый их обряд приземлился на теннисных кортах.

Казалось, что все они глядят на Тада.

Психопомпы. Провожатые живых мертвецов.

Сейчас еще одна стая воробьев, подобно вихрю осенних листьев, осыпалась на крышу студенческого общежития.

— Нет, — прошептал Тад дрожащим голосом. Его спина покрылась гусиной кожей. Его рука чесалась и почти пылала.

Пишущая машинка.

Он мог избавиться от этих воробьев и от этого жжения вместе с зудом, мучивших его руку, только за счет машинки.

Инстинкт подсказал Таду, что его место за машинкой. Чувство необходимости этого поступка было невозможно заглушить или отвергнуть. А выполнить этот внутренний приказ казалось столь же естественным, как сунуть руку под холодную воду после того, как ты обжег ее.

Я должен написать записку миссис Фэнтон.

Ты просто собираешься прогуляться по темной стороне или ты хочешь стать печальным сукиным сыном. И ты будешь таким далеко не только сам.

Зудящее ощущение чего-то движущегося под кожей стало еще сильнее. Это чувство прямо-таки излучалось через рану в руке. Его глаза, казалось, пульсировали абсолютно синхронно с волнами этого излучения. А глазом внутри себя Тад видел все более отчетливо воробьев. Это был район Риджуэй в Бергенфилде, Риджуэй под бело-голубым весенним небом 1960 года, весь мир, казалось, вымер, кроме этих столь ужасных и столь обычных птиц, этих психопомпов, и, пока Тад наблюдал за ними, все воробьи взмыли вверх. Небо почернело от огромной движущейся массы. Воробьи летали снова.

Снаружи комнаты Тада все воробьи также взлетели с проводов и с крыш больницы и общежития. Несколько студентов остановились, чтобы полюбоваться полетом воробьев через все небо и плавным исчезновением на западе.

Тад этого не видел. Он видел только как окрестности, знакомые ему с детства, вдруг превратились в ужасную мертвую страну снов. Он сидел перед машинкой, все глубже уходя в сумеречный мир своего транса. Но одна мысль никуда не уходила. Лис Джордж мог заставить Тада сесть за машинку и касаться клавиш «IBM», да, но Тад не будет писать книгу, неважно какую... и если Тад выдержит все это, старый лис Джордж либо распадется на части, либо просто испарится из этого мира, как пламя догоревшей свечи. Тад знал это. Он это чувствовал.

Его рука, казалось, стремилась расти внутрь и наружу, и он чувствовал, что если бы ему удалось рассмотреть ее как следует, то она, скорее всего, выглядела бы как лапа одного из персонажей мультфильма — как по ней прошлись кузнечным молотом. Это была не боль; чувство напоминало, скорее, то ощущение «Я-скоро-сойду-с-ума-ото-всего-этого», когда у вас невыносимо чешется спина, а до нужного места никак не дотянуться рукой. Чесалась не поверхность тела, а глубоко упрятанный нерв, который может заставить вас стиснуть зубы.

Но даже это казалось отдаленным и не самым важным.

Он сидел у машинки.

В тот момент когда Тад коснулся машинки, зуд куда-то исчез... как и видение воробьев из его сознания.

Но транс сохранялся и центром его было какое-то очень сильное побуждение; нечто, что необходимо было записать, и Тад ощущал всем телом, что он должен взяться, сделать и передать требуемое. В своем роде это чувство было похуже, чем просто воробьиное наваждение или зуд в руке. Этот зуд сейчас, казалось, исходил откуда-то из самого сознания Тада.

Он заложил лись бумаги в машинку, потом просто посидел немного перед ней, чувствуя отчуждение и потерянность. Затем положил пальцы на исходную позицию, хотя Тад давно уже отказался от машинописи для своих романов.

Поколебавшись немного, Тад убрал с клавиши все пальцы, кроме указательных, точно так же, как поступал и Джордж, печатая свой опус — отыскивая и долбя нужную клавишу. Джорджу это было простительно — машинка никогда не была его любимым инструментом. У Тада причина была другая — боль в руке.

Когда Тад кончил печатать, кончик его указательного пальца на левой руке все же слегка побаливал, но на этом физические страдания приходилось медленно, но и само послание было невелико. Скорее, оно было весьма лаконичным.

Получившаяся фраза из шести слов, напечатанных прописными буквами, выглядела так:

ДОГАДЫВАЕШЬСЯ, ОТКУДА Я ЗВОНИЛ ТЕБЕ, ТАД?

Весь мир вдруг сжался в острый фокус. Тад еще никогда не чувствовал такой растерянности и такого ужаса в своей жизни. Боже милостивый, конечно — это было столь понятно, столь ясно.

Сукин сын звонил из моего дома! Он добрался до Лиз и близнецов!

Тад начал подниматься, не имея представления, куда он собирается направиться. Он даже не отдавал себе отчета, что он делает в данный момент до тех пор, пока его руку не пронзила боль. Это было подобно тлеющему факелу, который ярко разгорается после резкого взмаха на открытом воздухе. Губы Тада слегка раскрылись, и он издал мучительный стон. Он упал обратно в кресло перед «IBM», еще не поняв, что происходит. Руки Тада снова опустились на клавиши и начали отстукивать новый текст, из пяти слов — на этот раз:

РАССКАЖЕШЬ КОМУ-НИБУДЬ — И ОНИ УМРУТ

Тад бессмысленно смотрел на слова. Когда он печатал последнюю букву, все вдруг словно отрезали — это было так, словно он был

лампой, а кто-то взял и вывинтил пробки. Никакой боли в руке. Никакого зуда. Нет и ползущего червя, нет и чувства слезки за собой.

Птицы улетели. То тяжелое, подавляющее волю Тада чувство куда-то ушло. И Старк тоже ушел.

А может он и не приходил вовсе? Нет. Старк оказался в доме, когда Тад ушел. Они оставили двух охранников, но дело не в них. Он бы дураком, непроходимым идиотом, решив, что два копа могут что-то сделать. Даже отряд зеленых беретов специального назначения тут ничем бы не смог помочь. Джордж Старк не был человеком, он был чем-то типа фашистского танка «Тигр», который вдруг приобрел человеческий облик.

— Как идут дела? — поинтересовался появившийся Харрисон.

Тад подскочил, словно кто-то сзади воткнул ему кнопку в шею... и это заставило его вспомнить о Фредерике Клоусоне, Клоусоне, который влез не в свое дело... и приговорил себя к смерти, рассказав все, что знал.

РАССКАЖЕШЬ КОМУ-НИБУДЬ — И ОНИ УМРУТ

бросилось ему в глаза с листа бумаги в машинке.

Тад поднялся, вынул лист из-под валика и скомкал его. Он это сделал не глядя вокруг, чтобы не встревожить Харрисона своей тревогой — это было бы слишком тяжелой ошибкой. Он пытался выглядеть беззаботным. Но он не ощущал ничего, кроме умопомешательства. Тад ждал, что Харрисон поинтересуется, что он напечатал и почему так поспешил вынуть это из машинки. Но раз Харрисон не спросил об этом, Тад сам объяснил.

— Я думаю, что закончил. Черт с ней, этой запиской. Я возвращу эти заявки еще до того, как миссис Энтон узнает, что их забрали, в любом случае. — Это было во многом — по крайней мере, здесь — чистой правдой... если только Алтея не следила за делами факультета с небес.жэ Тад поднялся, надеясь, что ноги не предадут его, но затем снова опустился в кресло. Ему удалось увидеть, что Харрисон стоит в дверях, вовсе и не глядя на него. Секунду назад Тад был уверен, что этот человек дышит ему в шею, но Харрисон ел пирожное и взирал поверх головы Тада в окно на нескольких студентов, слонявшихся по площади.

— Мальчик, это место просто мертвое, — сказал коп.

Моя семья, может быть, тоже, еще до того, как я вернусь.

— Почему мы не идем? — спросил Тад Харрисона.

— Звучит для меня приятно.

Тад рванулся к двери. Харрисон взглянул на него, сильно удивленный. — Елки-палки, — сказал он. — Может быть, ставим эту тьму чудаку-профессору.

Тад вытаращился на Харрисона, затем взглянул вниз и заметил, что все еще держит скомканную бумажку в одной руке. Он швырнул ее в корзинку для мусора, но дрожащие руки подвели его. Бумага ударилась о край корзинки и свалилась на пол. Еще до того, как Тад наклонился, чтобы подобрать ее, Харрисон сделал это сам. Он теперь беспечно перекатывал комочек бумаги из руки в руку. — Вы уходите, не забирая заявок, из-за которых вы приехали сюда? — спросил полисмен. Он указал на отобранные Тадом папки, которые были перевязаны красной прорезиненной лентой. Затем Харрисон продолжил свою игру в перекатывание бумажного шарика с двумя последними сообщениями Старка из одной руки в другую, с левой на правую, с правой на левую, взад и вперед. Тад мог увидеть кусочек текста снаружи шарика: «АЖИ КОМУ-НИБУДЬ И ОНИ УМ».

— Ох. Эти. Спасибо.

Тад поднял папки, затем почти бросил их. Сейчас Харрисон может развернуть бумажку в своих руках. Он это сделает, и хотя Старк, может, и не следил за ними в данный момент — Тад в этом был почти уверен, почему-то — Старк это быстро проверит и узнает. А когда он узнает, то сделает что-то невообразимое с Лиз и с детьми.

— Не обращайтесь на это внимания, Харрисон подкинул шарик в сторону корзинки. Тот подпрыгнул у краешка корзинки, срикошетил и свалился внутрь. — Два очка, — заявил удовлетворенный охранник и пошел вперед, чтобы Тад мог закрыть дверь на ключ.

8

Он спускался по лестнице в сопровождении эскорта копов. Роули Делессепс выплыл из своей кельи и пожелал хорошего летнего отдыха, словно и не видел Тада ранее. Тад пожелал того же голосом, который, как ни странно, звучал достаточно обычным. Тад ощущал себя, как бы переведенным в режим автопилота. Это ощущение оставалось до того момента, когда он добрался до машины. Укладывая папки с заявками в «Субурбан», он вдруг заметил платный телефон-автомат по другую сторону автостоянки.

— Я хочу позвонить жене, — сказал Тад Харрисону. — Узнать, не нужно ли чего ей в магазине.

— Вам бы это надо было сделать наверху, — сообщил Манчестер. — Сэкономили бы четверть доллара.

— Я забыл, — согласился Тад. — Может быть, это *передалось* мне от того чудака-профессора.

Оба охранника обменялись веселым взглядом и забрались в «Плимут», где они могли насладиться кондиционером и наблюдать за Тадом через ветровое стекло.

Тад чувствовал себя так, как будто его набили толченым стеклом. Он вытащил четвертак из кармана и опустил его в монетоприемник.

Рука дрожала, и он ошибся, набирая вторую цифру. Он дал отбой, дождался возврата монеты и снова набрал номер, думая все время об одном и том же: «Иисус Христос, это же все в точности, как при убийстве Мириам. Все точь-в-точь, как в ту ночь».

Какая-то внутренняя сила сделала почти все помимо его воли и сознания.

Ему со второй попытки удалось попасть к себе в дом, и теперь он стоял, столь плотно прижав трубку к уху, что оно заболело. Он пытался как мог скрыть свое напряжение. Тад не мог позволить Харрисону и Манчестеру понять, что что-то неладно — любой ценой он этого не должен допустить. Но ему никак не удавалось расслабить свои сжавшиеся от напряжения и страха мышцы.

Старк снял трубку с первого же звонка. — Тад?

— Что ты сделал с ними? — голос был подобен выплевыванию уже сухих шариков жвачки. Но в конце вопроса Тад смог услышать голоса своих близнецов. Их плач был странно успокаивающим. Это не были те вопли ужаса, которыми огласила Уэнди свое падение с лестницы, — это были плачущие, может быть, капризные крики, но никак не крики от боли.

— Хотя, Лиз — где Лиз?

— Ничего страшного, — ответил Старк, — ты же сам можешь слышать. Я не коснулся даже волоска на их прелестных головках. Пока.

— Лиз, — сказал Тад. Он вдруг преодолел чувство ужаса. Это напоминало выплывание из набежавшей гигантской прибойной волны.

— Что насчет нее? — тон был поддразнивающий, утрированно-неопределенный.

— Дай ее мне! — рявкнул Тад. — Если ты надеешься, что я напишу хотя бы еще одно слово под твоим именем, *ты дашь* ее мне! — А часть его сознания, видимо, не поддаваясь даже этому чувству дикого ужаса и изумления, предупреждала: «*Следи за своим лицом, Тад. Ты только на три четверти отвернулся от копов. Человек не вопит в трубку, когда хочет выяснить у жены, достаточно ли дома яиц*».

— Тад! Тад, старина! — голос Старка звучал обиженно, но Тад знал с ужасающей и сводящей с ума определенностью, что этот сукин сын сейчас ухмыляется. — У тебя почему-то предвзятое и очень плохое обо мне мнение, дружище. Будь *помягче*, сынок! Охлади свои двигатели, вот и она.

— Тад? Тад, это та? — она говорила взволнованно и испуганно, но без паники. Просто беспокойно.

— Да. У тебя все о'кей, милая? Как дети?

— Да, все о'кей. Мы... — Последнее слово затерлось каким-то шумом. Тад мог слышать, как это ублюдок что-то говорил ей, но

не разобрал, что именно. Лиз сказала «да, о'кей» и вернулась к телефону. Теперь она говорила, почти плача. — Тад, уже знаешь, что ему надо.

— Да, я знаю.

— Но он хочет, чтобы я передал тебе, что ты не сможешь делать это здесь. Полиция скоро вернется с тобой. Он... Тад, он говорит, что убил тех двух, охранявших дом.

Тад закрыл глаза.

— Я не знаю, как он это сделал, но он говорит, что сделал... и я... я верю ему. — Сейчас она плакала. Пыталась сдержаться, зная, что этим сильно опечалит Тада и понимая, что в таком состоянии он может сделать что-то опасное. Он сжал трубку и попытался принять беззаботный вид.

Старк что-то снова бормотал, как из подземелья. И Тад уловил одно из слов. *Сотрудничество*. Невероятно. Просто чертовски невероятно.

— Он собирается забрать нас, — сказала она. — Он говорит, что ты узнаешь, куда мы поедем. Помнишь, тетю Марту? Он говорит, что тебе надо отделиться от людей, охраняющих тебя. Он говорит, что знает, ты сможешь сделать это, потому что он сможет. Он хочет, чтоб ты присоединился к нам поздним вечером. Он говорит... — Она издала испуганный крик. Еще один застрял у нее в горле, поскольку ей удалось справиться с собой. — Он говорит, что ты будешь сотрудничать с ним и вы вдвоем напишете свою лучшую книгу. Он...

Шорох и шепот.

Ох, как хотел бы Тад вцепиться в шею Джорджа Старка и проткнуть своими пальцами глотку этого ублюдка!

— Он говорит, что Алексис Мэшин вернулся из мира мертвых и стал еще больше, чем когда-либо. — Затем с отчаянием: — Пожалуйста, сделай то, что он требует, Тад! У него револьвер! И у него есть паяльная лампа! Небольшая! Он говорит, что если ты попытаешься выкинуть какой-нибудь номер...

— Лиз...

— Пожалуйста, Тад, делай, как он говорит!

Ее слова исчезли из трубки, поскольку Старк забрал телефон себе.

— Скажи мне, Тад, — обратился Старк уже без насмешливых ноток в голосе. Это был мертвенно-серьезный тон. — Скажи мне вот что, Дружище, и будь честным и правдивым, иначе они заплатят за это. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Уверен? Потому что она сказала правду про паяльную лампу.

— Да. Да, черт тебя побери!

— Что она подразумевала, говоря, чтобы ты вспомнил тетю Марту? Какого... ее откуда приплесли? Что это за шифр, Тад? Она хотела что-то передать тебе, скрыв от меня?

Тад вдруг увидел, как жизнь его жены и детей подвешивается на одну — единственную такую ниточку. Это не было метафорой, это было то, что он мог видеть. Нитка была цвета голубого льда, паутинообразная и едва различимая в середине той вечности, где она была подвешена. Все сейчас зависело от двух вещей: что скажет Тад и во что поверит Джордж Старк.

— Записывающее устройство отключено?

— Конечно, да! — сказал Старк. — Что ты желаешь мне объяснить Тад?

— А Лиз знала об этом, когда ты ее привел к телефону?

Последовала пауза, затем Старк сказал: — Все, что ей требовалось, было посмотреть вокруг. Провода лежат на треклятом полу.

— Но сделала ли она это? Она посмотрела?

— Перестань толочь воду в ступе, Тад.

— Она пыталась объяснить мне, куда вы направляетесь, не называя это словами, — сказал Тад. Он перешел на терпеливый тон лектора — терпеливый, но немного снисходительный. Он не мог сказать, удалось ли ему попасть в цель, но Тад предполагал, что Старк сам даст ему это понять, так или иначе. — Она имела в виду летний дом. В Кастл Рок. Марта Тэллфорд — тетка Лиз. Мы ее не любим. Когда бы она ни позвонила, собираясь к нам в гости, мы начинаем мечтать о нашем срочном отъезде в Кастл Рок, где можно спрятаться от нее до самой ее смерти. Теперь я сказал это, и если им удалось подключить беспроводное записывающее оборудование к телефону, Джордж, это целиком на твоей совести.

Он подождал, гадая, воспримет ли все это Старк... или тонкая нить, которая была единственным мостиком между жизнью и смертью его любимых, будет разорвана.

— Они не смогли, — сказал Старк, наконец, и его голос снова звучал безмятежно. Тад почувствовал необходимость прислониться к стенке телефонной будки и закрыть глаза в полузабытьи. *«Если я тебя еще увижу, Лиз, — подумал он, — я дам тебе по шее за такой безумный поступок»*. Хотя, он предположил тут же, что на самом деле он тогда осыпал бы ее поцелуями и почти задушил в объятиях.

— Не трогай их, — сказал Тад. — Пожалуйста, не трогай их. Я сделаю все, что ты пожелаешь.

— О, я это знаю. Я знаю, что ты сделаешь, Тад. И мы будем работать вместе. Хотя бы начнем. Тебе пора двигаться. Стряхни своих охранных псов и поспеши в Кастл Рок. Добирайся сюда как можно скорее, но не привлекай к себе внимания слишком лихой ездой. Это будет ошибкой. Ты можешь придумать обмен автомобилями, но я в эти детали не буду вдаваться — ты и сам парень с воображением. Доберись сюда до темноты, если ты хочешь увидеть их живыми. Не вздумай нагадить мне. Ты усек? Не нагадь и не пытайся выкинуть какой-нибудь фокус.

— Я не буду.

— Вот это правильно. Ты не будешь. То, чем ты занимался раньше, было игрой. Но теперь, если ты ее продолжишь, ты найдешь здесь только трупы и магнитозапись проклятой твоей жены по твоему адресу перед тем, как она умрет.

Затем раздался сигнал отбоя. Связь была разорвана.

9

Когда Тад возвращался к «Субурбану», Манчестер опустил боковое стекло «Плимута» и спросил, все ли в порядке дома. Тад мог видеть по глазам охранников, что это не праздное любопытство. Манчестер что-то заметил на лице Тада после всего случившегося только что. Нг это было не столь уж важно, Тад подумал, что он справится. Он действительно был человеком с воображением, и сейчас его мозг работал со скоростью мчащегося вперед японского экспресса на монорельсе. Вновь встал вопрос: лгать или сказать правду? И, как прежде, на самом деле никакого выбора в ответе не было.

— Все прекрасно. — Тон его голоса был естественный и небрежный. — Дети капризничают, а это делает и Лиз капризной. Это все. — Он заставил свой голос чуть-чуть повыситься. — А вы, ребята, что-то стали более беспокойными с тех пор, как мы уехали из дому. Может, что-то случилось, о чем мне следует знать?

Он ощутил чувство, несмотря на все отчаяние ситуации с ним, легкой виновности перед охранниками. Что-то действительно случилось, правильно, — но знал это только он один и скрывал это.

— Нет, — сказал Харрисон, наклоняясь из-за руля, чтобы его было слышно. — Мы не можем связаться с Чаттертоном и Эддингсом, вот и все. Может, вошли внутрь дома.

— Лиз сказала, что приготовила чай со льдом, — сказал Тад, используя головокружильную ложку.

— Это что-то, тогда, — казал Харрисон. Он улыбнулся Таду, который сейчас испытал еще один и намного более сильный приступ раскаяния и стыда за свою бессовестную ложь. — Может быть, и нам что-нибудь оставят, когда мы доберемся туда, а?

— Все возможно. — Тад открыл дверцу «Субурбана» и вставил в прорезь ключ зажигания. При этом рука его испытывала не большее ощущений, чем деревянный протез. Вопросы вращались по какому-то все ускоряющемуся кругу в его голове, исполняя нечто типа сложного, но не особенно радостного гавота. Находились ли Старк и семья Тада уже в Кастл Роке? Тад надеялся на это — он хотел, чтобы они уехали тихо и спокойно, без проблем с полицейскими постами на автодорогах. Если они ехали в машине Лиз и кто-то заметил это, или они еще не далеко отъехали от Ладлоу, или еще находились там, то в любом случае им грозит большая беда. Смертельная опасность. Убийственная ирония ситуации заключалась в том, что Тад должен был надеяться

на преступную ловкость и искусство Старка вовремя обратиться с места совершения очередного убийства.

И, кстати, о том, как обратиться — неясно, что же делать с Харрисоном и Манчестером? Это был еще один сложный вопрос. Не уйти же от них на «Субурбане» — это слишком смешно. Внешне их «Плимут» напоминал неповоротливую собаку с широкими колесами вместо ног, но рев их мотора говорил, что под капотом скрывается мощный и неутомимый бегун. Он предположил, что, наверное, *смог бы* как-то заманить их в канаву — он даже придумал для этого подходящий способ — но как Тад мог рассчитывать, что останется незамеченным после этого на всем 160-мильном пути до Кастл Рока?

У него не было ни малейшего представления, что делать... он только знал, что он должен как-то сделать это.

Помнишь тетю Марту?

Он сказал Старку нелепицу о том, что все это значит, а Старк согласился с этим. Значит, ублюдок имеет далеко не полный доступ к сознанию Тада. марта Тэллфорд действительно была теткой Лиз, все верно, и они часто шутили, особенно в постели, о том, как удрать от нее, но они говорили о таких экзотических местечках как Аруба или Таити... потому что тетя Марта все знала насчет их летнего домика. Она его посещала даже чаще, чем дом в Ладлоу. А любимым местом в Кастл Роке для тетушки была местная свалка. Она имела членский билет в Национальной стрелковой ассоциации, и больше всего увлекалась стрельбой по крысам на свалках.

«Если ты хочешь, чтобы она нас покинула, — вспомнил Тад свои слова к Лиз, — ты сама должна это сказать ей». — Разговор происходил в постели к концу очередного и бесконечного дружеского визита тети Марты летом не то 79-го, не то 80-го года. В конце концов, это не столь уж и важно. — «Она *твоя* тетка. А кроме того, я боюсь, что она может использовать свой винчестер и *меня*».

Лиз тогда ответила: «Я не думаю, что ее вообще волнует кровь. У нее такое выражение глаз... — Лиз тогда теснее прижалась к Таду, он вспомнил, затем хихикнула и толкнула в ребро. — Надо попробовать. Бог не любит трусов. Скажи ей, что мы консервативны, даже если речь идет о крысах на свалке. Подойди к ней прямо, Тад, и скажи: Выметайся, тетя Марта! Ты уже застрелила последнюю крысу на свалке! Упаковывай чемоданы и выметайся!»

Конечно, никто из них никогда не предлагал тете Марте выметаться; она продолжала свои ежедневные вылазки на свалку, где стреляла крыс дюжинами (и, как подозревал Тад, на ее совести были и чайки, когда крысы прятались в укрытии). Наконец наступил благословенный день, когда Тад отвез ее в аэропорт Портленда и посадил в самолет на Олбани. Уже в калитке для прохода пассажиров на посадку она попрощалась с ним крепким мужским рукопожатием — как будто она заключала деловую сделку, а не говорила «до

свидания» любимому племяннику — и сообщила, что, видимо, осчастливит их своим приездом на следующий год. «Чертовски хорошая стрельба, — сказала она тогда. — Не менее шести или семи дюжин этих маленьких разносчиков заразы».

Она никогда более не приезжала, хотя один раз это чуть было не произошло (тот намеченный визит был отменен спасительным приглашением в последнюю минуту поехать поохотиться на койотов в Аризону, где, как сообщила им по телефону тетя Марта, было просто засилье этих четвероногих).

За годы после ее незабываемого визита «помнишь тетю Марту» стало своего рода кодом типа «Помни Мэн». Этот код означал, что нужно вытащить из сарая 22-калибровый револьвер и застрелить особо наскучившего гостя, точно так же, как это делала тетушка с крысами на свалке. Теперь, когда Тад подумал об этом, он вспомнил, что Лиз недавно произнесла эту фразу во время фотосъемок для журнала «Пипл». Она ведь тогда обернулась к нему и проговорила: «Не правда ли, эта Майерс напоминает тетю Марту, Тад?»

Она затем прикрыла рот рукой и начала хихикать.

Очень забавно.

Если бы сейчас это не было сказано серьезно.

И сейчас не было стрельбы по крысам на свалке.

Если только он правильно понял, Лиз пыталась сказать ТАду, что ему надо прийти вслед за ними и убить Старка. И если она так хотела, Лиз, которая начинала плакать, услышав, что какое-то бездомное животное усыпили в ветеринарном приюте в Дерри, значит, у нее не было другого выхода. Она должна была выбирать между смертью для Старка... или смертью для себя и обоих детей.

Харрисон и Манчестер удивленно смотрели на него, и Тад сообразил, наконец, что он сидит за рулем неподвижного «Субурбана», полностью погрузившись в невеселые думы, уже добрую минуту. Он поднял руку, изобразил нечто похожее на салют, дал задний ход и повернул в направлении Мэн-авеню, которая шла на выход из университетского городка. Он попытался начать думать, как ему избавиться от тех двух до того, как они получат по полицейской радиосвязи сообщение об убитых коллегах-охранниках. Он пытался думать, но в ушах его стояли слова Старка, что если он выкинет какой-нибудь фокус, то он найдет в легшем доме в Кастл Роке только трупы и магнитозапись проклятой Лиз по его адресу перед тем, как она умрет.

И также в его голове находился образ Марты Тэллфорд, направляющей книзу ствол винчестера, калибром куда побольше их 22-калибровой пушки из сарая, и прицеливающейся в спасающихся бегством крыс. Он вдруг ясно понял, что *хочет* застрелить Старка, но не из револьвера.

Лису Джорджу нужно что-то побольше.

Гаубица, видимо, подойдет в самый раз.

Крысы, подпрыгивающие среди космических отблесков разбитых бутылок и смятых банок, их тела, сперва извивающиеся, затем безжизненные, с вылетевшими кишками и кусками шерсти.

Да, полкловаться на то же зрелище применительно в Джорджу Старку было бы просто прекрасно.

Он держал руль слишком крепко, заставляя болеть пораненную левую руку. Казалось, что она сама стонала где-то глубоко, в костях и сочленениях.

Тад расслабился — по крайней мере, попытался — и ощутил в кармане на груди упаковку перкодана, которую взял в дорогу. Он отыскал ее и проглотил, не запивая, прямо за рулем.

Он начал думать о перекрестке около школьной зоны в Виази. Единственный с развилкой на четыре дороги.

И Тад начал также думать о том, что рассказал ему Роули Делессепс. Психопомпы, так Роули назвал их.

Эмиссары оживающих мертвых.

Глава 21

СТАРК ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ

1

Он не беспокоится насчет планирования, что он хочет сделать и как он хочет это сделать. Хотя никогда фактически ранее не бывал в Ладлоу.

Старк там слишком часто бывал в своих снах.

Он направил угнанную «Хонду» с дороги в зону отдыха, примерно в полтора милях ниже дороги от дома Бомонта. Тад уехал в университет, и это было удачно. Иногда было невозможно сказать, что делает или о чем думает Тад, хотя Старк почти всегда мог уловить запах его эмоций, если только напрягался.

Если он находил затруднительным контакт с Тадом, он просто начинал пользоваться одним из тех карандашей «Бэрол», что приобрел перед отъездом из Нью-Йорка на Хьюстон-стрит.

Тад помогал.

Сегодня все будет просто. Будет просто потому, что Тад мог говорить всякое своим охранным псам, но на самом деле он поехал в университет с одной целью только: потому что он пересек крайнюю черту и считал, что Старк попытается связаться с ним.

Старк намеревался это сделать. Да, в самом деле.

Он только не собирался сделать это так, как ожидает от него Тад.

И несомненно совсем не из того *места*, из которого ожидает Тад услышать сигнал Джорджа.

Был почти полдень. В зоне отдыха было несколько любителей пикников, но все они сидели за установленными на траве столиками или собирались вокруг небольших каменных площадок около реки. Никто не посмотрел на Старка, когда он вышел из «Хонды» и удалился. Это было хорошо, потому что, если бы кто-нибудь увидел его, он наверняка надолго запомнил бы Джорджа.

Да, запомнил бы.

Но вряд ли бы описал.

Пока он переходил асфальтовую дорогу и выбирался на пешеходную тропинку к дому Бомонта, Старк более всего напоминал человека-невидимку из романа Герберта Уэльса. Широкое бинтовое полотно покрывало его лоб и затылок до самых бровей. Другая полоса закрывала подбородок и скулы. Бейсбольная кепка команды «Нью-Йорк Янки» была водружена на голову. Он надел солнцезащитные очки, простеганную фуфайку и черные перчатки.

Бинты были пропитаны желтым сыпучим материалом, который постоянно высыпался через марлевые отверстия подобно каучуковым каплям. Большая часть при этом высыпалась из-под солнечных очков. Время от времени Старк стряхивал эту пыль перчатками, размер

которых соответствовал детскому. Под бинтами большая часть его кожи давно полопалась. То, что осталось, не было уже человеческой плотью в точном смысле этого слова; это был темный губчатый прах, высыпавшийся почти постоянно. Этот материал походил по виду на гной и имел тяжелый неприятный запах, напоминавший китайскую тушь.

Старк шел, наклонив голову слегка вперед. Владельцы немногих автомашин, встретившие его на дороге, видели мужчину в бейсбольной кепке с опущенной от лучей солнца головой и руками, засунутыми в карманы. Все, что запомнилось в облике Старка — это были его бинты и солнцезащитные очки. Можно было еще назвать и спину, которую он старался показывать вместо прочих частей своего тела всем встречным и попутным автомашинам.

Если бы эта прогулка совершалась поблизости от Бэнгора или Бревера, Старку было бы намного труднее. Там... оживленные пригороды и дачное строительство. Что касается района Ладлоу, где проживали Бомонты, то он скорее напоминал сельский — не глушь, но и никак не часть крупного города. Дома стояли на значительном расстоянии друг от друга, в некоторых случаях их разделяли целые поля. Они отделялись друг от друга не изгородями, этими стражами частной собственности, а узкими полосами насаженных деревьев или, иногда, изогнутыми каменными стенками. Здесь и там на горизонте мелькали неясные очертания высотных зданий настоящих пригородов как предвестники грозящей экспансии.

Старк оглянулся на дорогу, проходя мимо дома Кларка. Дом Тада был следующим. Он срезал угол, пройдя через передний двор Кларка, поросший скорее сеном, чем травой. Старк посмотрел на дом. Ставни были прикрыты от солнца, а гаражные ворота наглухо закрыты. Дом Кларка производил впечатление не просто пустого среди летнего дня; вокруг него была атмосфера более долговременной пустоты. Правда, нигде не было видно стопки оставленных почтальоном газет, но Старк, тем не менее, надеялся, что Кларки уехали в летний отпуск, и это было просто великолепно для него.

Старк вошел в аллею деревьев между двумя земельными владениями, перелез через небольшую каменную кладку, а затем пригнулся на одно колено. Впервые он мог прямо посмотреть на дом своего упрямого близнеца. На дорожке стояла патрульная полицейская машина, а оба копа, вышедшие из нее, стояли поблизости в тени дерева, курия и разговаривая. Хорошо.

Он получил, что хотел; остальное было кекс и мороженое. И все же он чуть помедлил. Он не думал о себе как человеку воображения — во всяком случае, он черпал свои творческие замыслы не из страниц книг — как и о человеке эмоций, поэтому он сам был слегка удивлен чувствами гнева и обиды, которые вдруг охватили его.

По какому праву этот сукин сын отвергал его? По какому треклятому праву? Потому что он первым стал реально существовать?

Потому что Старк не знал, как, почему и когда он сам стал реальным? Это все бычье дерьмо. Насколько понимал Джордж Старк, старшинство в этом деле значило ровным счетом ноль. Он не должен был лечь и умереть без какого либо движения или чувства протеста, что очевидно, Тад Бомонт считал наиболее достойным поступком для Старка. У него было чувство ответственности перед самим собой, которое основывалось на простом выживании. Но это было не все.

Разве у него не было лояльных поклонников, о которых он тоже должен подумать?

Посмотрим на этот дом. Просто *посмотрим* на него. Обычный жилой дом новоанглийского колониального стиля, правда, одно крыло слегка претендует на родословную от большой усадьбы. Большая лужайка, разбрызгиватели трудятся вовсю, чтобы сохранить ее зелень. Деревянные колышки, установленные с одной стороны дорожки из черного блестящего асфальта, видимо, как догадывался Старк, для придания большей «живописности» всему окружающему. Между домом и гаражом была сделана дорожка из утрамбованной угольной пыли. И внутри дома было сделано все, чтобы поддержать тот изящный колониальный стиль, которым видимо, бредили эти идиоты, украшая здание снаружи и внутри всякими штучками. В столовой стоял длинный стол из дуба, красивые бюро в других комнатах наверху, изящные кресла, которые не только радовали глаз, но и не отпугивали желающего посидеть в них, не оскорбив этим хозяев дома. Стены, не оклеенные обоями, а окрашенные и расписанные узорами по трафарету. Старк уже видел все эти вещи, видел во снах. Бомонт даже не знал, что он вызывает, когда пишет от имени Джорджа Старка.

Вдруг он ощутил желание спалить весь этот очаровательный дом дотла земли. Поднести к нему спичку — или огонек из зажигалки, положенной в карман его фуфайки — и спалить его до самого фундамента. Но не раньше, чем он побывает внутри. Не раньше, чем он разнесет там всю эту мебель, нагадит на ковер в гостиной и разрисует своим дерьмом все эти разукрашенные стены. Не ранее, чем он расколот топором все эти ах-какие-чудесные бюро на лучины для разжигания костра.

Какое право имел Бомонт на обзаведение детьми? На прекрасную женщину? Какое право, если говорить точно, имел Тад Бомонт жить в свете и в счастье, когда его темный брат — который сделал его богатым и знаменитым, когда Тад жил в нищете и испытывал отчаяние — умирал в темноте, словно больная дворняга в подворотне?

Никакого, конечно. Не было такого права. Просто Бомонт *верил* в это право и до сих пор, несмотря ни на что, продолжает это делать. Но эта вера, а не Джордж Старк из Миссисипи, была чистой выдумкой.

— Настало время дать тебе первый большой урок, дружище, — пробормотал Старк в своей засаде. Он нашел наклейки, удерживающие бинты на голове и снял их, убрав в карман для последующего применения. Затем начал развязывать бинты, причем слой за слоем делался все влажнее, чем ближе он был к его странной плоти. — Это то, что вы никогда не забудете. Я гарантирую это.

2

Это было своего рода вариацией на тему белой трости для слепого, с которой он вышел на копов в Нью-Йорке; у Старка всегда была твердая убежденность, что если какая-то штука отлично срабатывает, у вас нет никаких оснований отказываться от нее при повторях, а, наоборот, надо пользоваться этим оружием, пока оно эффективно действует. Эти охранники не могли ему создать каких-либо сложностей, они здесь, по меньшей мере, дежурят уже неделю и потому у них с каждым днем усиливается уверенность, что тот полоумный парень говорил тогда правду по телефону, утверждая, что он уже очухался и собирается ехать домой. Единственную опасность представляла Лиз — если она выглянет ненароком из окна, пока он будет колоть свиней, это может здорово осложнить все дело. Но сейчас всего несколько минут до полудня; она и ее близнецы либо дремлют, либо готовятся это делать. Как бы то ни было, он был уверен, что все пройдет гладко.

Он не мог не верить в это.

Любовь всегда найдет себе дорогу.

3

Чаттертон приподнял подошву, чтобы погасить окурок — он затем собирался его положить в пепельницу у щитка управления патрульной машины — полиция штата Мэн всегда соблюдала чистоту и порядок, где бы она не находилась. Вдруг он узрел человека с ободранным лицом, медленно пошатываясь приближающегося к дому. Одна рука медленно протягивалась к нему и Джеку Эддингсу с мольбой о помощи, другая была прижата к спине и выглядела сломанной.

У Чаттертона случился почти сердечный приступ.

— Джек! — закричал он и Эддингс обернулся. Его рот приоткрылся от изумления.

— *Помогите мне...* — прокричал человек с ободранным лицом. Чаттертон и Эддингс кинулись к нему.

Если бы они остались в живых, они, наверное, рассказали своим сослуживцам, что были уверены в автомобильной катастрофе, или произошедшем взрыве с возгоранием газа или керосина, или в несчастном случае при работе с сельскохозяйственной техникой, что

происходило сплошь и рядом, когда ножи, лопасти или спицы этих механизмов калечили их хозяев.

Они, вероятно, говорили бы именно о таких предположениях, но в тот момент они вообще ни о чем и не думали. Их сознание было всецело захвачено ужасом от увиденного. Левая сторона лица мужчины, казалось, просто кипела, словно кто-то содрал там кожу плеснул на рану концентрированный раствор карболовой кислоты. Какая-то невообразимая жидкость струилась по тому, что трудно было назвать даже скулами. На лице красовались ужасные дыры и трещины.

Они ни о чем не могли думать, они просто реагировали.

В этом и состояла главная прелесть всего трюка с белой тростью.

— помогите мне...

Старк заплел себе ноги и повалился вперед. Выкрикнув что-то невнятное своему товарищу, Чаттертон попытался схватить на руки раненого, пока тот не рухнет на землю. Старк обхватил своей правой рукой шею охранника и выдернул из-за спины свою левую. В ней был небольшой сюрприз. Сюрприз заключался в ослепительно сверкающей складной бритве. Лезвие мрачно блеснуло в воздухе. Старк выдвинул его вперед и точно прорезал правое глазное яблоко Чаттертона с клюкающим звуком. Охранник завопил и прижал руки к лицу. Старк схватил Чаттертона за волосы, откинул голову назад и перерезал глотку от уха до уха. Кровь хлеснула из мускулистой шеи алым фонтаном. Все кончилось за четыре секунды.

— Что? — спросил Эддингс тихим и удивительно глупым голосом. Он стоял всего в двух футах от Старка и Чаттертона — Что?

Одна из его дрожащих рук лежала на кобуре револьвера, но мимолетного взгляда было вполне достаточно для Старка, чтобы убедиться, что полицейская свинья имеет сейчас такое же представление о своей пушке, как о населении Мозамбика. Его глаза были выпячены. Он не мог даже сообразить, на что он смотрит или кто истекает кровью.

«Нет это не так, — подумал Старк, — он думает, что я. Он стоит здесь и видел, как я перерезал глотку его партнеру, но по-прежнему верит, что это я, поскольку половина моего лица несена, и вообще я должен истекать кровью, потому что он с этим парнем — полицейские. Они же герои из кинофильмов».

— Ну-ка, — сказал Старк, — поддержишь это для меня? — И швырнул тело умирающего Чаттертона в его кофелег.

Эддингс отшатнулся с визгливым воплем. Он пытался уклониться, но уже опоздал. Двухсотфунтовый мешок, ранее называвшийся Томом Чаттертоном, сбил Эддингса с ног и тот ударился головой об автомобиль. Кровь полилась из разбитого лба, заливая глаза. Он застонал и упал рядом с еще агонизирующим Чаттертоном.

Эддингс почувствовал приближение и наклон к себе ужасного монстра и попытался защититься. Но удар пришелся лишь по крылу автомобиля.

Старк нанес ему пушечный удар между ног, затем нагнулся и полоснул бритвой по гениталиям. Охранник завопил от ужасной боли, чувствуя как что-то горячее высыпается ему внутри брюк. Тут же последовал не менее жесткий удар по зубам, которые с треском высыпались на землю.

Старк затем собирался нанести и заключительный смертельный удар в этой бойне, перерезав Эддингсу глотку. Но тот как-то ухитрился еще поднять руку, и бритва сперва снесла ему половину ладони. Эддингс упал на колени, открыв шею сзади.

Теперь Старк, наконец, спокойно смог довершить начатое. Лезвие бритвы глубоко и точно вонзилось в шею, голова Эддингса все более наклонялась, как при каком-то диком яростном жертвоприношении.

— Наслаждайся прекрасным днем, ублюдок, — сказал Старк и схватив охранника за волосы полоснул, на всякий случай, бритвой и спереди по глотке.

4

Старк открыл заднюю дверь патрульной машины и втащил туда сперва труп Эддингса, а затем и Чаттертона, словно это были кули с зерном. Оба они были увесистыми, особенно Чаттертон, в котором было никак не меньше двухсот тридцати пяти фунтов вместе со всей амуницией и револьвером 45-го калибра, но Старк обращался с ними, как с мешками, набитыми соломой.

Старк захлопнул дверь, затем с большим вниманием оглядел дом.

Дом был тих. Единственными звуками были песни сверчков в высокой траве и мерное попискивание — «уик! уик! уик!» — разбрызгивателей на травяной лужайке. К ним добавился мерный гул приближающегося грузовика-бензовоза «Оринко». Он шел на север, скорость шестьдесят миль в час. Старк вздрогнул и слегка пригнулся за патрульной машиной, когда в первый раз заметил зажигающиеся огоньки тормозного сигнала грузовика. Но затем лишь усмехнулся, увидев, как бензовоз скрывается за следующим холмом, снова ускоряя свой бег. Просто водитель, увидав патрульную машину, на всякий случай сбавил газ и проверил, что у него на спидометре. Самая обычная вещь на свете. Старку нечего беспокоиться, этот грузовик скрылся навсегда.

На подъездной дорожке было много крови, но на ярко-черном асфальте ее можно принять и за воду... если только не подойти поближе. Так что и здесь все было о'кей. А даже если и не все, то надо об этом самому позаботиться.

Старк сложил свою страшную бритву, взял ее в липкую руку и подошел к двери. Он не заметил ни несколько мертвых воробьев около ступеньки, ни тех живых птиц, которые сидели на крыше дома и на яблоне у гаража, молча наблюдая за ним.

Через минуту или две Лиз Бомонт спустилась вниз, еще не совсем проснувшаяся, услышав звонок в дверь.

5

Она не закричала. Крик должен был последовать, но ободранное лицо, глядевшее на нее, когда она открывала дверь, загнало этот вопль вглубь нее, заморозило и запретило его, похоронило этот крик заживо. В отличие от Тада, Лиз не помнила никаких кошмарных снов о Старке, но все же они, видимо, хранились где-то в глубинах ее подсознания, потому что это обезображенное ухмыляющееся лицо показалось ей вдруг давно знакомым из-за своей ужасности.

— Эй, леди, не хотите ли купить уточку?, — спросил Старк из-за перегородки. Он улыбнулся, показав почти все свои зубы. Большинство из них сейчас уже были мертвыми. Солнцезащитные очки превращали его глаза в большие черные впадины. По его щекам и подбородку что-то стекало и капало на фуфайку.

Спohватившись, она попыталась захлопнуть дверь. Старк протянул руку в перчатке из-за перегородки и отшвырнул дверь от себя. Лиз устремилась прочь, пытаясь закричать. Но она не могла этого сделать. Ее горло было словно заперто на ключ.

Старк вошел и закрыл дверь.

Лиз видела, как он медленно приближается к ней. Он выглядел, как полуистлевшее чучело, каким-то образом и кем-то вдруг возвращенное к жизни. Худшим из всего была ухмылка, потому что левая половина его верхней губы уже не просто истлела, а просто отсутствовала. Она могла видеть серо-черные зубы и дыры в деснах, где до недавнего времени торчали другие зубы.

Его руки в перчатках радостно протянулись к ней.

— Хэллоу, Бет, — проговорил Старк с той же ужасной ухмылкой. — Пожалуйста, извини меня за вторжение, но я был поблизости и подумал, не стоит ли сюда заглянуть. Я Джордж Старк, и я рад с тобой познакомиться. Более рад, думаю, чем ты даже себе представляешь.

Один из его пальцев коснулся ее подбородка... погладил его. Плоть под кожаной перчаткой казалась губчатой, непрочной. В этот момент Лиз подумала о близнецах, спавших наверху, и ее паралич окончился. Она повернулась и кинулась в кухню. Где-то краем своего смятенного сознания она сама себя вдруг увидела как бы со стороны. Лиз в этом действии выхватывала из намагниченных ножен один из разделочных ножей и втыкала его в эту страшную карикатуру на лицо.

Она услышала его возглас после своего, быстрый, как ветер.

Его рука ухватила сзади блузку Лиз, дернула ее книзу и стащила с плеч.

Дверь на кухню относилась к тем, которые сами по себе открываются и закрываются. Для того, чтобы удерживать дверь открытой, в нее был вставлен деревянный клин. Она споткнулась об него, зная, что если удержится на ногах, у нее еще будет какой-то шанс. Но она заехала по нему подскользнувшейся ногой, почувствовав мгновенную и резкую боль в носке стопы. Клин вылетел на кухонный пол, который был так натерт, что в нем отражалась вся комната, только в перевернутом виде. Она почувствовала, что Старк пытается снова ухватить ее. Она чуть-чуть разбежалась, а затем ударила по двери изо всех сил, захлопывая ее. Она услышала звук удара двери по чему-то мягкому. Он закричал, разъяренный и удивленный, но невинный. Она кинулась к жокам...

... И Старк заграбастал ее за волосы и блузку сзади. Он повернул Лиз лицом к себе. Она услышала звук разрываемой материи и подумала вдруг: *«Если он меня изнасилует, о, Иисус Христос, если он меня изнасилует, я сойду с ума...»*

Она ударила по этой ужасной маске кулаками, сперва барабаня по стеклам на очках, а затем и сорвав одну их дужку с уха Старка. Кожа пониже его левого глаза вдруг отлетела, показав страшное глазное яблоко, похожее на просмоленный кровавый шар.

И он смеялся.

Он схватил ее за руки и заставил отпустить их. Она вырвала одну из них, подняла ее и вцепилась ему в лицо. Ее пальцы оставили глубокие борозды, из которых хлынули кровь и гной. Она не ощутила почти никакого сопротивления тканей, это напоминало протыкание куска прогнившего мяса. И, наконец, ей удалось издать какие-то звуки, ей хотелось завопить, чтобы вылить наружу свой ужас и страх до того, как они полностью захлестнут ее, но все, что ей удалось, было несколько хриплых и жалких лающих звуков.

Он схватил снова эту руку в воздухе, заставил ее опуститься, соединил обе руки Лиз крестом за ее головой и прижал их своей. Она, хотя и была как губка на ощупь, но действовала, как наручники. Другой своей рукой Старк обхватил Лиз за грудь. Ее тело содрогнулось от этого прикосновения. Она закрыла глаза и попыталась оттолкнуть его.

— Ох, успокойся, — сказал он. Он теперь вовсе и не улыбался, но левая сторона его рта, в любом случае застыла в вечной улыбке. — Успокойся, Бет. Для своей же пользы. Ты меня выводишь из себя, когда дерешься. Я думаю, что у нас должны быть платонические отношения.

— По крайней мере, сейчас.

Он сжал ее грудь сильнее, и она почувствовала несокрушимую силу под развалившейся оболочкой Старка, подобную арматуре из стальных прутьев, залитой мягким пластиком.

Как он может сохранять столько силы? Как он может оставаться таким сильным, когда у него вид умирающего?

Но ответ был ясен. он не был человеком. Она не думала, что он вообще когда-либо жил на этом свете.

— Или, может быть, ты *действительно* хочешь этого? Так ли это? Ты хочешь? Ты хочешь прямо сейчас? — Его язык, черно-красно-желтый с поверхностью, усеянной трещинами, вывалился из страшного ухмыляющегося рта и приблизился к ее лицу.

Она тут же прекратила барахтаться.

— Вот так лучше, — сказал Старк. — Я собираюсь слезть с тебя, Бетти, моя дорогая, моя сладкая. Когда я это сделаю, тебе снова захочется сделать рывок на сто ярдов за пять секунд. Это вполне естественно, мы ведь едва знакомы и я боюсь, что сегодня я выгляжу не самым лучшим образом. Но перед тем, как ты захочешь сделать какую-нибудь глупость, я хочу тебе сказать, что те два копа снаружи уже мертвы. И мне бы хотелось, чтобы ты подумала о своих двух бамбинос, спящих сейчас очень мирно наверху. Дети ведь должны отдыхать? Особенно очень *маленькие* дети, очень *беззащитные* дети, как твои. Ты понимаешь? Ты следишь за мной?

Она покорно кивнула. Она теперь смогла ощутить его запах. Это был ужасный, гнилостный аромат. *«Он же гниет, — подумала Лиз. — Гниет прямо у меня на глазах».*

Ей стало ясно, почему Старк столь отчаянно хотел заставить Тада снова сесть за роман.

— Ты — вампир, — сказала она хриплым голосом. — Проклятый вампир. А он посадил тебя на диету. Поэтому ты тут и объявился. Ты терроризируешь меня и угрожаешь моим детям. Ты — малодушный трус, Джордж Старк.

Он слез с нее и поправил перчатки, сперва на левой, а затем на правой руке. Это было весьма странным знаком готовности к работе.

— Я не думаю, что это очень справедливо, Бет. Что бы ты думала, окажись на моем месте. Что бы ты думала, окажись на острове без какой-либо еды или питья? Ты бы стала изображать благородное смирение и тяжело вздыхать? Или ты бы стала бороться? Ты действительно проклинаешь меня только за то, что я просто хочу выжить?

— *Да!* — и Лиз плюнула в него.

— Разговариваешь, как настоящая партизанка... но ты можешь поменять свое мнение. Видишь ли, цена этого партизанства может подняться куда выше, чем ты это представляешь себе сейчас, Бет. Когда сопротивление столь яростно и благородно, цена может подняться до невидимой высоты. Ты можешь вдруг обнаружить, что в тебе проснулся прямо-таки энтузиазм по поводу сотрудничества со мной, да еще с такой, о котором ты сама не подозревала.

— Помечтай,... ублюдок!

Правая сторона его рта вдруг осерилась, и, совместно с постоянно приподнятым фрагментом левой части губы, Старку удалось, наконец, изобразить цельную улыбку, сопровождаемую глухим смешком.

Его рука, почти как желе в этой тонкой перчатке, скользнула по ее предплечью с нежной заботой. один из пальцев ткнулся затем в ладонь Лиз, чтобы обратить ее внимание на важное заявление: — Это не мечта, Бет — я тебя уверяю. Тад и я собираемся сотрудничать при написании нового романа Старка... хотя бы на время. Возьмем другой вариант. Тад может дать мне какое-то ускорение. Я, как застрявший автомобиль, ты видишь. Только, вместо заливки воды в мотор, мне нужно несколько десятков страниц нового романа. Это все. Только поэтому я и оказался здесь. Как только меня поставят на колеса, я хватаю текст, жму на акселератор и — *рууум! Я уехал!*

— Ты безумец, — прошептала Лиз.

— Да. Но таким был и Толстой. Таким был и Ричард Никсон, а они избрали этого жуткого пса президентом Соединенных Штатов Америки. — Старк повернул голову и взглянул в окно. Лиз ничего не услышала, но та внезапность, с которой он стал прислушиваться к чему-то, полностью концентрируясь, позволила и ей уловить какой-то робкий, почти неслышный звук.

— Что ты... начала было Лиз.

— Захлопни свой ротик на секунду, пчелка, — сказал Старк. — Просто положи в него носок.

Очень слабо, но все же ясно, она вдруг уловила взлет птиц при попутном ветре. Звук был, невозможно далеким и невозможно прекрасным. Невозможно *свободным*.

Она стояла и смотрела на него, ее сердце билось учащенно, и она думала, не сможет ли она избавиться от Старка. Он не был в каком-то трансше или в чем-то в этом роде, но его внимание безусловно было отвлечено. Может быть, ей удастся убежать. Если она разбудит револьвер...

Его рука снова схватила ее за кисть.

— Я могу входить в сознание твоего мужа и читать его, ты знаешь это. Я могу *чувствовать*, что он думает. Я не могу этого сделать с тобой, но мне достаточно взгляда на твое лицо, чтобы иметь достаточно четкое представление обо всех твоих намерениях. Что бы ты там сейчас не придумывала, Бет, тебе надо бы вспомнить тех копов... и своих деток. Ты сделай это, и тогда тебе будет легче понимать перспективу.

— Почему ты так* называешь меня?

— Что? Бет? — он засмеялся. Это был глухой смех, словно у Старка в горле перекатывался гравий. — Это то, как ему *следовало бы* звать тебя, если бы он был столь мил, чтобы обдумать это, понимаешь.

— Ты су...

* «Лиз» и «Бет» — краткие формы имени «Элизабет».

— Сумасшедший, я знаю. Все это прекрасно, милая моя, но мы обсудим твоё мнение о моем безумии чуть позднее. Слишком много происходит прямо сейчас. Слушай: мне надо позвонить Таду, но не в его рабочую комнату в университете. Там телефон может прослушиваться. Он сам так не думает, но копы могли все сделать, не рассказав ему. Твой муж относится к числу слишком доверчивых парней. Я — нет.

— Как ты можешь...

Старк наклонился к ней и произнес очень медленно и тщательно, словно учитель, беседующий с медлительным первоклассником.

— Я хочу, чтобы ты прекратила свои придумывания, Бет, и отвечала только на мои вопросы. Потому что, если я не получу от тебя, что мне надобно, может быть, я заберу это у двоих близнецов. Я понимаю, что они еще не умеют говорить, но, возможно, мне удастся их кое-чему научить. Небольшое принуждение творит чудеса.

На Старке поверх рубашки была надета стеганая фуфайка — и это несмотря на летнюю жару. Фуфайку отличало множество карманов на молниях, столь любимых охотниками и путешествующими пешком. Старк расстегнул один из боковых карманов и извлек оттуда нечто цилиндрическое в полиэтиленовой упаковке. Он вытащил небольшую газовую паяльную лампу. — Если даже я не смогу научить их говорить, я смогу научить их петь. Я, надеюсь, что научу их петь, словно пару жаворонков. Тебе, может быть, эта музыка и не очень понравится, Бет. Она попыталась отвести свой взгляд от лампы, но это никак не получалось. Ее глаза безнадежно переходили вслед за лампой, пока Старк перекачивал свое орудие из одной руки в другую. Ее глаза, казалось, были прикованы к соплу.

— Я расскажу тебе все, что ты хотел бы узнать, — сказала она и подумала: «Раз так».

— Это очень мило, — ответил Старк и убрал паяльную лампу обратно в карман. Фуфайка чуть сдвинулась вбок, и она увидела рукоятку очень большого револьвера. — Очень признателен, Бет. — Теперь слушай. Сегодня на факультете английского есть еще кто-то. Я могу видеть его столь же ясно, как и тебя теперь. Небольшой такой мальчик, седоголовый, держит во рту трубку, почти с него ростом. Как его имя?

— Это описание, может быть, подходит к Роули Делессенсу, — сказала Лиз тоскливо. Она изумилась, как он смог узнать, что Роули был там сегодня... и решила, что на самом деле и не хочет этого знать.

— Может ли это быть кто-то еще?

Лиз подумала немного и затем покачала головой. — Это должен быть Роули.

— У тебя есть факультетский справочник?

— Он лежит в ящике телефонного столика. В гостиной.

— Хорошо. — Он проплыл мимо нее прежде чем она поняла, что он движется, — стремительная кошачья грация этого прогнившего куска мяса заставила ее почувствовать какую-то тошноту — и Старк вдруг задел один из длинных ножей в намагниченных ножнах. Лиз вскрикнула. Старк посмотрел на нее и снова издал горловой звук, как от перекатываемого гравия. — Не волнуйся — я не собираюсь тебя прирезать. Ты же моя маленькая добрая помощница, разве не так? Идем.

Рука, очень сильная, но неприятно рыхлая, снова обхватила ее запястье. Когда она попыталась освободиться, тиски только усилились. Она перестала отталкивать Старка и позволила ему повести себя.

— Хорошо, — сказал он.

Он привел ее в гостиную, где она села на софу и обхватила свои колени. Старк посмотрел на Лиз, что-то пробормотав и обратил внимание на телефон. Когда он определил, что нет провода тревожной сигнализации — а это было небрежностью, просто очень большой небрежностью — он вырубил те хитроумные проводочки, которые добавили к телефонному аппарату Тада полицейские техники штата: один подсоединенный к пеленгатору номера, а другой к звукозаписывающему устройству в подвале.

— Ты знаешь, как себя вести, и это очень важно, — сказал Старк, обращаясь к макушке склоненной головы Лиз. — Теперь слушай. Я хочу отыскать номер этого Роули Делессепса и перебраться парой ласковых словечек с Тадом. А пока я буду это делать, ты пойдешь наверх и соберешь все эти пеленки, одежду и прочие вещи, которые понадобятся твоим малышам в вашем летнем доме. Когда закончишь, возьми их и приведи сюда.

— Откуда ты знаешь, где они...

Он слегка усмехнулся, увидя ее изумленное выражение лица. — О, я знаю всю вашу здешнюю планировку. Я ее знаю даже лучше вас, может быть. Ты их разбудишь, Бет, и, когда приготовишься к выходу на улицу, приведешь их сюда. Я знаю все ходы и выходы в этом доме не хуже, чем саму планировку, и если ты попытаешься удрать отсюда от меня, милая, я это буду тотчас знать. Тебе даже не надо их там одевать, просто заberi, что им нужно, и приведи их сюда в этих их ползунках. Ты сможешь одеть их позднее, уже когда мы отправимся в наше веселое путешествие.

— Кастл Рок? Ты хочешь ехать в Кастл Рок?

— У-гу. Но тебе сейчас не стоит беспокоиться об этом. Тебе сейчас надо думать только о том, что если через десять минут вы здесь не появитесь, я сам подымусь наверх посмотреть, что там вас так задерживает. — Он посмотрел на нее с устрашающим выражением, темные стекла создавали еще более злоеший эффект для оттенения глазных впадин, ниже его почти полностью вылезший бровей. — И я приду вместе с моей маленькой паяльной лампой, готовый поработать ею. Ты понимаешь меня?

— Я... да.

— Кроме того, Бет, тебе надобно запомнить одну вещь. Если ты будешь работать со мной дружно, с тобой все будет в порядке. И с твоими детишками тоже. — Он опять ухмыльнулся. — Для такой хорошей матери как ты, я думаю, это самое важное на свете. Я только хочу тебя предупредить обо всем заранее, чтобы ты не попыталась быть умнее меня. Те два копа, которые сейчас упакованы позади их дутого автомобиля, отдали концы, потому что им крупно не повезло застрять в своих тракторах на тех рельсах, по которым я в тот миг как раз мчался в экспрессе. В Нью-Йорке осталась целая пачка таких же дохлых копов, у которых тоже была крупная невезуха... Ты сама хорошо это знаешь. Поэтому единственный сейчас способ помочь и себе, и детям — и Таду также, потому что, если он все сделает, как я хочу, все будет прекрасно — это оставаться смирной и полезной. Ты понимаешь?

— Да, — хрипло ответила Лиз.

— Тебе может прийти в голову какая-нибудь идея. Я знаю, как это бывает с людьми, чувствующими, что их прижали спинами к стенке. Но если к тебе действительно забредет какая-то идея, тебе надо срочно от нее избавиться. Ты должна помнить, что хотя сегодня я выгляжу не особенно в форме, уши мои велики. Если ты попробуешь открыть окно, я услышу это. Если ты попробуешь проскочить в тамбур, я тоже услышу и это. Бетти, я человек, который может слышать пение ангелов в раю и вопли дьяволов в самых глубинах ада. Ты должна сама спросить себя, стоит ли пытаться искать свой шанс. Ты умная женщина. Мне кажется, ты сделаешь правильный выбор. Двигай девочка. Займись делом.

Он посмотрел на часы, действительно засекая время. И Лиз устремилась наверх на ногах, уже ничего не ощущавших.

Лиз услышала еще на лестнице, как Старк говорит короткие фразы в трубку. Затем последовала длинная пауза, и он снова заговорил. Его голос изменился. Она не знала, с кем он говорил до этой паузы, — вероятно, с Роули Делессепсом — но когда он снова стал вести разговор, она была почти полностью уверена, что на другом конце провода находится Тад. Она не могла разобрать слов и не смела подойти к дополнительной отводной трубке, но знала теперь, что это Тад. Но сейчас не время для подслушивания. Он уже просил ее подумать, стоит ли вредить ему. Она решила, что не стоит.

Она швырнула пеленки в сумку, а одежду — в чемодан. В еще одну дорожную сумку через плечо были положены детские кремы, присыпки, носовые платки, прищепки и прочие мелочи.

Внизу разговор почти заканчивался. Она направилась к детям, чтобы разбудить их, когда он позвал ее.

— Бет! Время!

— Я иду, — она подняла Уэнди, которая спросонья заплакала.

— Я хочу тебя увидеть сейчас — я ожидаю звонка, а ты создаешь нужный шумовой эффект.

Но она уже едва ли слышала последние слова. Ее глаза остановились на пластиковом ящике для материала на пеленки, стоящем наверху шкафа в детской.

Сбоку от ящика лежала яркая пара швейных ножниц.

Она положила Уэнди обратно в ее кроватку, метнула взгляд на дверь и поспешила к шкафу. Схватила ножницы и два полотна для нарезания пеленок. Придержала полотно ртом, как это делают портнихи, и расстегнула молнию на юбке. Она запрятала ножницы внутрь своих трусиков и застегнула юбку. Образовался небольшой бугорок от ручек ножниц, обернутых тканью для пеленок. Она не думала, что обычный мужчина смог бы заметить этот бугорок, но Джордж Старк не был обычным мужчиной. Она выпустила блузку поверх юбки. Лучше так.

— *Бет!* — голос был явно на пределе. Что еще хуже, он раздавался уже посредине лестницы, хотя она никогда бы ранее не поверила, что по ней можно подняться, не вызвав у этой старушки всевозможных потрескиваний и постанываний.

И как раз тут зазвонил телефон.

— *Ты приведешь их вниз сюда сейчас же!* — проорал Старк, и Лиз бросилась поднимать Уильяма. У нее не было времени на нежности, и потому каждый из детей запустил свои голосовые мощности на всю катушку, когда она спустилась с ними, держа обоих на груди. Старк был у телефона, и Лиз ждала, что он еще более разъярится от этого шума. Напротив, он выглядел очень довольным... и тогда она поняла, что он может быть столь удовлетворенным, лишь разговаривая в этот момент с Тадом. Вряд ли у Старка что-то получилось бы лучшее, если даже он использовал бы заранее приготовленную магнитозапись.

«*Последнее средство убеждения*», — подумала Лиз и ощутила прилив бешеной ненависти к этому гниющему существу, которое не имело никаких прав на существование, но отказывалось исчезнуть из этого мира.

Старк держал карандаш в одной руке, слегка постукивая концом с резинкой по телефонному столику, и она вдруг сообразила с большим изумлением, что это был «Бэрл блэк бьюти». — «*Один из карандашей Тада*, — подумала Лиз. — *Разве он был в кабинете?*»

Нет, конечно, он не мог побывать в кабинете, и карандаш не принадлежал Таду. Эти карандаши были просто куплены Старком когда-то. Он записывал этим карандашом что-то прописными буквами на обложке телефонного справочника. Когда она приблизилась к Старку, смогла прочитать две фразы: «УГАДАЙ ОТКУДА Я ЗВОНЮ, ТАД?» — гласила первая. Вторая была короче: «РАССКАЖЕШЬ КОМУ-НИБУДЬ — И ОНИ УМРУТ».

И словно в подтверждение этому Старк сказал: «Нет проблем, как ты сам можешь слышать. Я не тронул ни волоска на их прелестных головках».

Он повернулся к Лиз и подмигнул ей. Это была самая отвратительная сцена — словно они здесь были заодно. Старк поправил свои темные очки левой рукой. Его глаза блеснули, как мраморные, на лице словно плавающей восковой фигуры.

— Пока, — добавил он.

Затем Старк слушал Тада и ухмыльнулся. Даже если бы его лицо не разваливалось буквально на глазах Лиз, эта улыбка выдавала всю мрачность и порочность Старка.

— Что насчет нее? — спросил Старк журчащим голосом, и в этот момент Лиз впервые почувствовала, что ее ярость достигла той же степени, что и страх, и она впервые вспомнила о тете Марте и крысах. Она желала бы, чтобы тетя оказалась здесь сейчас и позаботилась об этой особенной крысе. У нее были ножницы, но это не значило, что он позволит их раскрыть, когда у Лиз возникнет в них потребность.

Но Тад... *Тад* знал насчет тети Марты. И идея посетила ее.

7

Когда разговор закончился и Старк повесил трубку, она спросила, что он собирается делать.

— Быстро убирайся отсюда, — сказал он. — Это моя специализация. — он протянул руки. Дай мне одного из детей. Неважно, кого.

Она отшатнулась от него, инстинктивно прижимая обоих младенцев к груди. Они уже было успокоились, но при ее порывистом движении снова начали всхлипывать и хныкать.

Старк терпеливо взглянул на нее. — У меня нет времени убеждать тебя, Бет. Не заставляй прибегать к этому средству. — Он указал на паяльную лампу в кармане. — Мне бы не хотелось чем-то повредить твоим детям. Если подойти к делу с юмором, то я ведь тоже, в некотором роде, их папаша.

— *Не смей говорить так!* — закричала Лиз и попыталась еще более отодвинуться от него. Она тряслась, готовая в любой миг сорваться.

— Возьми себя в руки, женщина.

Слова были ровными, без чувств и мертвенно холодными. Они создали ощущение словно ее хлестнули по лицу мешком с холодной водой.

— Соberись с мыслями, радость моя. Мне надо выйти наружу и загнать эту полицейскую машину в твой гараж. Я не могу допустить, чтобы ты унеслась по дороге бегом, пока я буду заниматься этим. Если у меня с собой будет один из твоих малышей — мой, так сказать, побочный отпрыск — я не буду беспокоиться насчет всего сказанного.

Я уже тебе сказал, что не хочу причинить какой-либо вред тебе и детям... и даже если бы я это сделал, что я этим выиграл бы если повредил этому ребенку? Мне нужно твое содействие. Но ты не идешь на него. Сейчас ты либо передашь мне одного — либо я займусь обоими ими — не убью, а изучу их, на самом деле — и только ты будешь виновата в этом.

Он протянул руки. Его рушащееся лицо было сурово и словно замерло. Взглянув на него, она ясно поняла, что никакие доводы и мольбы не переубедят его. Он даже не станет слушать. Он просто выполнит свою угрозу.

Она подошла к нему, и когда он попытался взять Уэнди, ее рука напряглась снова, на какой-то миг препятствуя этому. Уэнди начала плакать еще сильнее. Лиз освободила свою хватку, позволив Старку взять девочку, после чего та снова продолжала свой плач. Лиз взглянула в его глаза. — Если ты что-то ей сделаешь, я убью тебя.

— Я знаю, что ты попытаешься, — сказал Старк печально. — Я очень уважаю материнство, Бет. Ты считаешь меня монстром и, может быть, ты права. Но настоящие монстры никогда не имеют чувств. Я думаю, что именно это и делает их такими страшными. Я не собираюсь повредить эту малышку, Бет. Она будет в безопасности... пока ты будешь содействовать мне.

Лиз теперь держала Уильяма на обеих руках, и никогда еще она не чувствовала такой пустоты в своих руках. Никогда еще в своей жизни она не ощущала с такой уверенностью, что сделала ошибку. Но что еще могла она сделать?

— А кроме того... взгляни-ка! выкликнул Старк. и в его голосе было что-то, чему она никак не могла и не должна была верить. Нежность, которую она уловила, *должна* была быть поддельной, только одной из его ужасных шуточек. Но он смотрел вниз на Уэнди с глубоким и непритворным вниманием...и Уэнди разглядывала его, увлеченно, не плача более. — Малышка не знает, как я выгляжу. Она не боится меня ни чуточки, Бет. Ни чуточки.

Лиз наблюдала в молчаливом ужасе, как Старк поднял свою правую руку, Он снял перчатку, и она смогла увидеть перевязанное бинтом место на ладони, в точности там же, где и Тад носил повязку, только на своей левой руке. Старк открыл кулак, сжал и снова разжал. Было видно затвердевшим скалам, что эти движения причиняют ему боль, но он их делал.

Тад делает то же самое и точно так же, о, Бог мой, он делает это ТОЧНО ТАК ЖЕ...

Уэнди все же не была полностью и окончательно успокоившейся. Она вглядывалась в лицо Старка, изучая его с пристальным вниманием, ее серые глаза впились в мутно-голубые глаза Старка. С отвалившейся вокруг них кожей, эти глаза сами, казалось, готовы были вывалиться из глазниц и скользнуть по щекам.

И Уэнди подхватила эту игру.

Рука открыта, рука закрыта, снова открыта. Волна Уэнди.

Лиз ощутила движение на своих руках, посмотрела вниз и увидела, что Уильям тоже внимательно рассматривает Старка. Он улыбался.

Рука Уильяма открылась, закрылась и снова открылась.

Волна Уильяма.

— Нет, — простионала она, почти неслышимая. — О, Господи, не позволяй, чтобы это произошло.

— Ты видишь? — сказал Старк, взглянув на нее. Он улыбался своей сардонической ухмылкой, и самым ужасным было ее осознание, что он пытается быть вежливым... и не может. — Ты видишь. Они любят меня, Бет. Они любят меня.

8

Старк забрал с собой Уэнди, водрузив обратно на нос свои черные очки. Лиз подбежала к окну и смотрела на них с большим волнением. Часть ее души была убеждена, что он собирается забраться в полицейскую машину, усадить рядом с собой девочку и укатить с двумя мертвыми охранниками впридачу.

Но какой-то момент он ничего не предпринимал — просто стоял на солнцепеке около дверцы водителя, наклонив вниз голову, с ребенком на руках. Он оставался в таком неподвижном состоянии некоторое время, как будто о чем-то серьезно беседуя с Уэнди, или, может быть, вознося молитву. Позже, когда Лиз получила уже больше информации, она решила, что Старк снова пытался войти в контакт с Тадом, для того чтобы узнать его мысли и определить, собирается ли Тад сделать то, о чем его просил Старк, или он задумал что-то свое.

Примерно через тридцать секунд Старк поднял голову, резко потряс ею, словно прочищая, затем забрался в машину и запустил двигатель. *«Ключи от зажигания были уже вставлены, — подумала Лиз с изумлением. — Ему даже не пришлось ничего разыскивать или подбирать для запуска, или как это еще называется. Этому человеку просто дьявольски везет во всем».*

Старк поставил патрульную машину в гараж и выключил мотор. Затем она услышала хлопанье открываемой дверцы автомобиля, и Старк вышел. Он подождал немного, а потом нажал на кнопку закрывания двери гаража, которая с грохотом встала на место в своих пазах.

Через короткое время Старк был уже в доме, неся Уэнди на руках.

— Ты видишь? — спросил он. — Она невредима. А теперь расскажи-ка мне о твоих соседях. О Кларках.

— Кларки? — повторила Лиз, чувствуя какую-то небывалую тупость в своем сознании. — Почему ты спрашиваешь о них? Они уехали в Европу на лето.

Он улыбнулся. Это была просто трудновыразимая словами гримаса, поскольку при более нормальном внешнем облике это была бы улыбка подлинного удовольствия... и даже победоносная, как подозревала Лиз. И разве не ощутила она какого-то хотя и мгновенного, но притяжения? Ненормальный трепет? Это было безумие, конечно, но она все же не смогла бы отрицать свой порыв. Лиз так и не думала этого делать, она даже поняла, что здесь могло быть причиной. Ведь она, как бы то ни было, была замужем за ближайшим родственником этого страшного человека.

— Чудесно! — сказал Старк. — Лучше и не надо! И у них есть машина?

Уэнди начала плакать. Лиз посмотрела на нее и увидела, что ее дочь смотрит на человека с ободранным лицом и выпученными мраморными глазами, протягивая к нему свои прелестные маленькие ручки. Она плакала не потому, что боялась его, а потому, что хотела снова оказаться у него на руках.

— Не здорово ли это? — сказал Старк. — Она хочет обратно к папаше.

— Заткнись ты, монстр! — прокричала Лиз.

Старый лис Джордж Старк откинул голову и радостно засмеялся.

9

Он дал ей лишние пять минут, чтобы забрать еще какие-то вещи для себя и близнецов. Она объяснила, что за такое время она не сможет собрать и половины необходимого, а Старк посоветовал ей сделать все возможное и не причитать.

— Ты должна быть счастлива, что я вообще даю тебе еще какое-то время, Бет, при таких обстоятельствах: в твоем гараже трупы двух копов, и твой муж знает, что здесь творится. Если ты хочешь потратить эти пять минут на дебаты со мной, это твое дело. Тебе уже осталось... — Старк взглянул на часы, затем усмехнулся. — Четыре с половиной минуты.

Поэтому она взяла все что смогла, сделала лишь один перерыв во время укладывания банок с детским питанием в мешок для магазинных закупок, когда она решила посмотреть, чем заняты дети. Они сидели рядышком на полу, играя в молчаливую и одним им понятную игру и разглядывая Старка. Она смертельно боялась, что уже знает, о чем они думают.

Не здорово ли это.

Нет. Она не должна думать об этом. Она не должна, но все, что она может — это как раз думать об этом. Уэнди, плачущая и

протягивающая свои маленькие ручонки. Протягивающая к чудовищному убийце.

Они хотят обратно к папаше.

Он стоял в дверном проеме кухни, умиленно лобуясь Уэнди и улыбаясь, и Лиз захотела прямо сейчас использовать свои ножницы. Ей ничего и никогда за всю ее жизнь так не хотелось. — Ты не можешь у меня ничего взять из этого? — сердито прокричала она Старку; указывая на битком набитые две дорожные сумки и сумку-холодильник.

— Конечно, Бет, — ответил Старк. Он взял одну сумку у нее правой рукой. Другая, левая, осталась свободной.

10

Они прошли боковую лужайку, прошли через зеленый поясok деревьев между обоими участками, а затем пересекли двор у дома Кларков, подходя к подъездной дорожке. Старк подгонял Лиз, и она почти задыхалась к тому времени, когда они остановились перед закрытой дверью гаража. Он предлагал взять у нее одного из близнецов, но она отказалась.

Он сел на холодильник, взял футляр с ключами из заднего кармана, выбрал какой-то очень узкий ключ, который точно вошел в прорезь замка. Он повернул ключ слева направо, затем назад и налево, насторожив уши. Послышалось щелканье затвора, и Старк улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Даже замок Микки Мауса может причинить боль в заднице. Большие пружины. Тяжело их отгибать. А этот уже сработался, как старая шлюха к концу жизни. Счастье для нас. — Старк повернул ручку двери гаража и толкнул ее. Дверь загрохотала, двигаясь по пазам кверху.

В гараже было жарко, как на сеновале, а внутри «Вольво» Кларка было даже еще жарче. Старк наклонился к щитку управления, подставив ей шею, поскольку Лиз сидела сзади в другом ряду сидений. Ее пальцы дрогнули. Ей понадобилась бы всего секунда, чтобы достать ножницы, но и это могло быть слишком долгим. Она уже видела, как молниеносно реагирует Старк на все неожиданное. И ее даже не очень удивляло то, что его рефлексы столь же быстры, как у диких зверей, поскольку именно таким он и был.

Он вытянул пучок проводов из-за щитка, а затем извлек окровавленную складную бритву из переднего кармана. Она вздрогнула и сделала два судорожных вдоха, быстро, чтобы подавить тошнотворное ощущение. Он раскрыл бритву, вновь наклонился и зачистил изоляцию на двух проводах. После этого Старк соединил зачищенные

медные жилы проводов друг с другом. Появилась вспышка голубых искр, и двигатель заработал. Еще через мгновение машина покатила.

— Ну, все *нормально!* — ликующе сообщил Джордж Старк. — пожалуй, двинемся, что *скажешь?*

Близнецы захихикали дружно и протянули к нему руки. Пока он выруливал задним ходом из гаража, Лиз, защищенная сидящей у нее на руках Уэнди, нащупала верхушки колец для пальцев на ножницах. Не сейчас, но скоро. У нее не было намерения ожидать Тада. Ей было слишком тяжело ожидать, что может придумать это темное создание насчет ее детей уже в скором будущем.

Или с ней.

Как только он немного отвлечет свое внимание, она решила тут же вытащить ножницы из своего тайника и воткнуть их ему в глотку.

III ПРИБЫТИЕ ПСИХОПОМПОВ

«— Поэты болтают насчет любви, — сказал Мэшин, водя свою бритву взад и вперед по ремню в постоянном и почти гипнотическом ритме, — и это о'кей. Пусть будет любовь. Политики говорят о долге, и это тоже о'кей. Пусть будет долг. Эрик Хоффер говорит о пост-модернизме, Хью Хефнер — о сексе, Хантер Томпсон — о наркотиках, а Джимми Сваггард говорит о Боге — отце Всемогущем, создателе рая и земли. Эти вещи все существуют — все о'кей. Ты знаешь, к чему я клоню, Джек?»

— Да, я кажется понимаю, — сказал Джек Рэнгли. На самом деле он ничего не понимал, не имел даже ни малейшего представления об этом, но когда Мэшин был в подобном настроении, только лунатик стал бы спорить с ним.

Мэшин повернул лезвие вверх и вдруг разрезал ремень надвое. Более длинная часть упала на пол холла в бассейне подобно вырванному языку. — Но то, о чем я говорю сейчас — это рок, — сказал он. — Потому что, в конце концов, рок все определяет».

Джордж Старк.
«Дорога на Вавилон».

Глава 22 ТАД В ДВИЖЕНИИ

1

«Вообрази, что это книга, которую ты пишешь, — подумал Тад, поворачивая руль налево, на Колледж-авеню, и оставляя университетский городок позади себя. — *И вообрази, что ты — герой этой книги*».

Это была просто магическая мысль Его сознание было заполнено беснующейся паникой — как своего рода умственный ураган, в котором фрагменты возможного плана действий крутились в воздухе, подобно щепкам с сорванных ветром кровель. Но эта мысль была бессмысленной беллетристической дребеденью, поскольку ему ведь надо было не только самому действовать, как персонажу из своих же книг, но и заставить подстраиваться к себе других действующих лиц в этом романе (типа Харрисона и Манчестера, к примеру). То, что можно было более или менее гладко выстроить на бумаге в тиши своего кабинета за любимыми столом под нависшими тремя столь привычными лампами, и с банкой холодной «Пепси» или чашкой горячего чая рядом с ним... все эти мысли тут же улетучились сейчас под порывами встречного ветра. И все это столь чужое и никому ненужное беллетристическое дерьмо улетало вместе с ветром, оставляя Тада только с кусочками какого-то плана действий... кусочками, из которых можно было весьма легко что-то соорудить. Тад вдруг открыл, что у него есть нечто, что может даже оказаться действенным.

«*Это работает лучше всего, — подумал Тад. — Если же нет, то ты окажешься под попечительской опекой, а Лиз с детьми — скорее всего, мертвыми*».

Но что насчет воробьев? Где должны быть здесь прилажены воробьи?

Он не знал. Роули объяснил ему, что они психопомпы, провожатые оживших мертвых — и это все годилось здесь, несомненно. Да. Но тогда неясен следующий пункт. Потому что старый лис Джордж снова ожил, но ведь он же был также и мертвым... мертвым и разваливающимся от гниения на части. Поэтому, воробьи, хотя и годились, но не всегда и не во всем. Если воробьи привели Джорджа назад из (страны мертвых)

где бы он там ни был, почему же Джордж сам ничего не знал о них? Как получилось, что он не помнил даже им самим написанной на стенах двух квартир фразы «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА»?

— Потому что я написал это, — пробормотал Тад, и его сознание вернулось к тому, что он написал в своем дневнике, когда сидел в кабинете, на грани транса.

Вопрос. Эти птицы мои?

Ответ. Да.

Вопрос. Кто писал о воробьях?

Ответ. Тот, кто знает... Я знаю. Я хозяин.

Вдруг все ответы оказались почти внутри его сознания — ужасные, невысказанные ответы.

Тад услышал долгий и слабый звук, исходящий из его же рта. Это был стон!

Вопрос. Кто вернул Джорджа Старка обратно к жизни?

Ответ. Хозяин. Тот, кто знает.

— Но я же не *намеревался!* — воскликнул Тад.

Но было ли это правдой? Так ли? Не находилась ли какая-то часть Тада в дружбе и любви с простой и бурной натурой Джорджа Старка? Не восхищалась ли эта часть Джорджем Старком, человеком, не мучавшим себя размышлениями о чем-то или пытающимся проникнуть в суть вещей, человеком, никогда не выглядевшим слабым или глупым, человеком, который никогда не испугается демонов из буфета с ликерами? Человеком, не отягощенным женой и детьми, без той любви, которая связывает его действия или тянет назад? Человеком, которому никогда не нужно копать в дерьмовых студенческих эссе или трепетать по поводу решений бюджетного комитета? Человеком, имевшим острый и четкий ответ на все самые трудные жизненные вопросы?

Человеком, который не боялся темноты, потому что он владел ею?

— Да, но он — *УБЛЮДОК!* — прокричал Тад внутри своего изящного американского четырехколесного изделия.

Правильно — и часть тебя находит это столь привлекательным, разве не так?

Возможно, он, Тад Бомонт, и не сам один создал Джорджа Старка... но разве было бы невозможным, что именно какая-то часть Тада позволила воссоздать Старка?

Вопрос. Если я хозяин воробьев, могу ли я их использовать?

Ответ не пришел. Он хотел прийти; Тад мог почувствовать это стремление. Но этот ответ вдруг отскочил вбок как раз у самой границы досягаемости, и Тад обнаружил, что опасается, не создала ли какая-либо частица его самого, любящая Старка, это отталкивание страшившегося пробиться к Таду ответа. Та часть, которая не хотела, чтобы Джордж умер.

Я знаю. Я хозяин. Я посредник.

Он притормозил у светофора, а затем двинулся про дороге № 2 к Бэнгору и Ладлоу — еще дальше.

Роули был частью этого плана — той частью, которую Тад хотя бы понимал. Что ему придется делать, если он туда привезет следующих за ним охранников только для того, чтобы выяснить, что Роули уже покинул свой кабинет?

Тад не знал.

А что он будет делать, если даже и застанет Роули, но тот откажется помочь ему?

Тад и этого не знал.

Я сожгу эти мосты, когда и если я подойду к ним.

И он должен был подъехать к ним уже достаточно скоро.

Сейчас он проезжал «Гоулд» справа. «Гоулд» был длинным, трубообразным зданием, сконструированным из отформованных алюминиевых секций. Он был выкрашен в особо безобразные цвета темной воды, и его окружала дюжина акров, отведенных для стоянки, а точнее, свалки выброшенных автомобилей. Их ветровые стекла ярко блестели под яростными солнечными лучами, создавая эффект присутствия какой-то белозвездной галактики. Была летняя суббота, около двадцати минут первого. Лиз и ее темный похититель должны уже держать путь в Кастл-Рок. И хотя тут должен был находиться служащий или даже два, продающие всякие запчасти и детали к автомобилям в этом уродливом здании, Тад вполне обоснованно мог надеяться, что на автостоянке он никого не встретит. Имея здесь для прикрытия около двадцати тысяч машин различной степени износа и разрушения, рассортированных лишь на большие массивы с дюжиной зигзагообразных проездов между ними, он сможет упрятать свой «Субурбан»... и он должен спрятать его. С высокими крыльями, бьющий в глаза, серый с ярко-красными бортами, «Субурбан» торчал отовсюду, как воспаленный большой палец.

«МЕДЛЕННО. ШКОЛЬНАЯ ЗОНА», — показался знак предупреждения. Тад почувствовал горячую проволоку в своих кишках. Вот оно.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, что «Плимут» по-прежнему держится в двух корпусах позади его машины. Это не было столь хорошо, как бы Тад этого желал, но это было по всей вероятности, все же достаточно хорошо. В конце концов ему надо рассчитывать на удачу и неожиданность. Они же не ожидали от него чего-нибудь в таком роде: зачем это ему? И на какой-то момент он даже задумался, а стоит ли ему все это предпринимать? Предположим, что он просто рванет вперед. И когда они его достанут, Харрисон выйдет из машины и спросит, что с ним случилось, Тад ответит: *«Все. Старк добрался до моей семьи. Воробы летают снова, вы понимаете»*.

Тад, он говорит, что убил тех, кто охранял наш дом, Я не знаю, как он сделал это, но он говорит, что сделал... и я... я верю ему.

Тад тоже этому верил. Вот что было чертовски плохо. И это было причиной, по которой он не мог просто остановиться и попросить помощи. Если он попытается что-нибудь выдумать, Старк узнает об этом. Тад не думал, что Старк умеет читать все его мысли, по крайней мере, не так, как это делают инопланетяне в юмористических и научно-фантастических книгах, но Старк мог «настраиваться» на

Тада... мог хорошо представлять себе, что Тад намеревается предпринять. Он смог бы приготовить небольшой сюрприз Джорджу — если бы ему удалось прояснить идею насчет этих чертовых птиц — но сейчас Тад собирался играть по уже задуманному сценарию.

Если, конечно, получится.

Показался перекресток у школы с развилкой на четыре стороны. Как всегда он был забит автомашинами; многие годы здесь не раз случались всякие инциденты, большей частью по вине юных пешеходов, которые не могли сообразить, с какой стороны им надо ожидать опасности — и они стояли, когда надо было идти, а шли, когда надо было стоять. Пачки писем, в основном от встревоженных родителей, с требованиями установить здесь, в конце концов, светофор, особенно возрастали после каждого инцидента, после чего выходило очередное заявление выборных членов городского самоуправления Виази, с успокоительными словами, что светофор находится «на рассмотрении». Однако это заявление сопровождалось лишь *тем...* что его отправляли в долгий ящик до следующего происшествия на этом злополучном месте.

Тад пристроился в ряд автомашин, ожидающих возможности пересечь развилку на юг и еще раз посмотрел в зеркальце. Он убедился, что между ним и «Плимутом» оказались все те же два корпуса, а затем стал любоваться автомобильным действием на перекрестке на тему «ваша-очередь-пропустить-мой-поворот». Тад увидел, как машина, наполненная юными леди с голубыми волосами, чуть было не врезалась в молодую пару в «Датсуне», и как девушка из «Датсуна» кричала что-то не слишком приятное юным леди, а затем вдруг рассчитал, что когда выйдет на пересечение, то сможет, наверное, проехать в направлении «север-юг» этот участок, перед самым носом идущего в направлении «восток-запад» длинного грузовика с прицепом. Это была неожиданная удача, если он ею воспользуется.

Машина перед ним проехала — и Тад приготовился. Горячая проволока еще раз дернулась в его животе. Он еще раз посмотрел, где охранники. Харрисон и Манчестер были сзади на той же дистанции.

Пара машин быстро пересекла его направление движения. Слева молоковоз подстраивался для поворота. Тад сделал глубокий вдох и послал «Субурбан» к перекрестку. Параллельно по другой линии следовал небольшой грузовичок.

Во время движения почти до самого начала перекрестка, Тад чуть было не поддался искушению — *нужде* — нажать на весь газ и рвануться на всю катушку по дороге. Вместо этого, он перешел на спокойный, при строжайшем соблюдении правил движения, скоростной режим пятнадцать миль в час в пределах школьной зоны, не сводя глаз с зеркала заднего обзора. «Плимут» по-прежнему держался сзади в двух корпусах машины. Тад проехал перекресток.

«Хэй, молоковоз! — подумал Тад, максимально концентрируясь, действительно собравшись в комок, словно он мог воздействовать на происходящее простой силой воли... как он это заставлял делать людей и различные предметы в своих романах. — Молоковоз, давай двигай сейчас!»

И тот действительно пошел в поперечном направлении, медленно и плавно, поблескивая серебристым величием огромной цистерны, подобно вдовствующей королеве на торжественном приеме.

В момент, когда он закрыл своей тушей коричневый «Плимут» в зеркале Тада, тот действительно полностью выжал газ.

2

Через полквартала был правый поворот. Тад свернул туда и помчался по короткой улочке, давая сорок миль и молясь, чтобы никто из малых детей не выбежал сейчас в этот миг подобрать резиновый мяч на дороге.

Он пережил чувство потрясения, когда ему вдруг показалось, что улица кончается тупиком, но затем Тад увидел, что в конце ее начинается другой правый поворот, который был почти закрыт изгородью, протянувшейся от углового дома.

Тад сделал затем еще целый ряд поворотов направо и в конце концов развернул «Субурбан» на перекресток все с той же дороги № 2, но в обратном направлении. Он выбрался на эту дорогу примерно в четверти мили к северу от развилки у школьной зоны. Если молоковоз закрыл его полностью, как он надеялся, охранники все еще едут по дороге № 2 на юг. Они, наверное, еще и ни о чем не догадываются... хотя Тад весьма сомневался, что Харрисон будет столь прост. Манчестер, возможно, но не Харрисон.

Он срезал влево, втиснувшись в столь малый зазор, что водитель «Форда» должен был резко затормозить. Этот водитель погрозил сзади кулаком, когда Тад выглянул из бокового окна, чтобы посмотреть, где же поворот на стоянку «Гоулд». Если бы автоинспектор заметил эти маневры Тада, ему бы вряд ли это сошло с рук. А это была бы огромная неудача — Тад не мог терять ни секунды. Ему нужно было убрать с дороги свой слишком большой и слишком яркий автомобиль как можно быстрее.

До свалки автомобилей надо было ехать полмили. Тад не спускал глаз с зеркала, ища «Плимут». Того по-прежнему не было видно, когда Тад свернул в «Гоулд».

Он медленно вкатился через главные ворота на своем «Субурбане» На грязно-белом асфальте красовалась надпись «СТОЯНКА ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА!» В рабочие дни его тут же бы заметили и попросили повернуть назад. Но сегодня была суббота, да к тому же сейчас час ленча.

Тад медленно поехал по линии разбитых машин, штабелированных по две, а то и по три друг на друге. Нижние прогнулись под весом и давно потеряли привычные формы, казалось, они медленно плавятся и уходят в землю. Земля была настолько черной от пропитавшего ее масла, что невозможно было ожидать какой-либо зелени здесь, но все же кое-где встречались островки чахлой травы и молчаливо согнувшихся подсолнухов, словно единственных выживших свидетелей ядерной гибели Земли. Один большой подсолнух ухитрился прорасти через разбитое ветровое стекло грузовика-хлебовоза, лежавшего вверх колесами, словно дохлая собака. Зеленый ствол растения огибал колесную ось, а головка подсолнуха достигала уровня старого «кадиллака», водруженного поверх грузовика. Казалось, что подсолнух смотрит на Тада черно-желтым глазом мертвого монстра, выглядывающего из-за этих машин.

Это было огромное и молчаливое кладбище детройтских созданий, и оно привело Тада в содрогание.

Он повернул направо, а затем налево. Вдруг он увидел повсюду воробьев, усеявших крыши и корпуса автомобилей, а также выброшенные двигатели. Тад увидел трио воробьев, плескавшихся во втулке колеса, заполненной водой. Они не улетели, когда он приблизился, но прекратили свое умывание и следили за ним блестящими черными глазами. Другие воробьи сидели на верхней кромке ветрового стекла, прислоненного к старому «Плимуту». Тад проезжал всего в трех милях от них. Они чуть нервозно задвигали крылышками, но, тем не менее, остались на своем месте, пока он ехал.

«Провожатые оживших мертвых», — подумал Тад. Его рука коснулась белого шрама на лбу и начала нервно потирать его.

Глядя на огромную дыру в ветровом стекле «Датсуна», мимо которого сейчас проезжал Тад, можно было подумать, что здесь не обошлось без метеорита. Однако Тад вдруг заметил широкое пятно высохшей крови на щитке управления.

«Эту дыру сделал не метеорит», — подумал Тад, и его желудок стал медленно выворачиваться наизнанку.

На переднем сидении «Датсуна» восседала целая колония воробьев.

— Что вы хотите от меня? — хрипло спросил Тад. — Что, во имя Господа, вам нужно?

И своим сознанием Тад, казалось, уловил чей-то тонкий голос, единственный и отвечающий за всех присутствующих: — *Нет, Тад — что ты хочешь от нас? Ты хозяин. Ты посредник. Ты знаешь.*

— Я не знаю ничего в этом бредовом дерьме, — пробормотал он. И в конце этого ряда был свободен небольшой участок перед последней моделью «Катлас сьюприм», у которой кто-то словно срезал весь передок. Тад поставил здесь свой «Субурбан» и вышел из него. Глядя то в одну, то в другую сторону узкого прохода, Тад ощутил себя, словно крысой, заблудившейся в лабиринте. Весь участок пропах

маслом и еще более сильным и резким ароматом трансмиссионной жидкости. Не было слышно никаких звуков, кроме отдаленного шелеста автомашин на дороге № 2.

Воробыи глазели на Тада отовсюду — молчаливое собрание маленьких коричнево-черных птах.

Затем, неожиданно и резко, они все сразу взлетели — сотни, а может и тысяча. В какой-то момент воздух наполнился шелестом их крыльев. Они пересекли небо и направились на запад — в сторону, где располагался Кастл-Рок. И внезапно Тад начал снова ощущать какое-то движение по своему телу... не столько снаружи, на коже, сколько где-то *внутри* ее.

Мы снова пытаемся немножко подглядывать, Джордж?

Тад вдруг стал напевать шлягер Боба Дилана: «Джон Уэсли Хардинг... был другом бедных...он путешествовал с револьвером в каждой руке...».

То же самое ощущение какого-то шевеления и зуда начало еще более возрастать. Центром его была рана на левой руке. Вполне возможно, что Таду все это казалось или он выдавал желаемое за действительность, но он считал это проявлением чьей-то злости... и расстройства.

«И вдоль всех телеграфных линий... звучало его имя...». — продолжал вполголоса напевать Тад. Впереди на грязной маслянистой земле валялся грязный искореженный корпус мотора, подобно некой модернистской металлической статуе, на которую так и никто не посмотрел с самого начала ее экспонирования. Тад подобрал его и пошел назад к «Субурбану», по-прежнему напевая куплеты из «Джона Уэсли Харринга» и вспоминая незабвенного енота, нареченного им тем же именем. Если он сможет закамуфлировать свой «Субурбан» немного его покорежив, если он сумеет выиграть себе хотя бы пару часов, это будет означать выбор между жизнью и смертью для Лиз и близнецов.

«И повсюду в округе... извини, большой парень, — это больше огорчает меня, чем тебя... он открывал много дверей...». Тад ударил корпусом мотора по дверце водителя «Субурбана», сделав там изрядную вмятину, словно ванночку для воды. Затем он снова поднял свое металлическое орудие, подошел к машине спереди и ударил изо всех сил по решетке. Пластик растрескался и посыпался. Тад раскрыл капот двигателя и приподнял его, придавая «Субурбану» очаровательную улыбку мертвого крокодила, которая казалась прямо-таки визитной карточкой для всего автомобильного царства «Гоулд».

«...Но он никогда не обижал честных людей...»

Тад снова поднял металлический таран, заметив, что на левой руке у него появилась просочившаяся через бинт кровь из незажившей раны. Он ничего сейчас тут не мог с ней поделать.

«...Со своей леди бок о бок... он стойко держался...».

Он ударил напоследок корпусом мотора по ветровому стеклу «Субурбана», что — как это ни странно — отозвалось болью в сердце Тада.

Он подумал, что ныне «Субурбан» мало чем, если вообще, отличается от всех прочих здешних экспонатов.

Тад отправился пешком по проходу между машинами. Он повернул направо на первом пересечении, двинувшись обратно к воротам и оставляя позади магазин запчастей. Около его двери Тад увидел платный телефон-автомат, еще когда въезжал сюда на «Субурбане». Сейчас он вдруг остановился на полпути и перестал петь. Он выглядел словно человек, пытающийся уловить очень тихий и слабый звук. На самом деле он прислушивался к своему телу, проверяя его.

Зуд и какие-то перемещения под кожей исчезли.

Воробьи ушли, а с ними и Джордж Старк, по крайней мере, на данное время.

Чуть улыбнувшись, Тад зашагал быстрее.

3

После двух звонков Тад начал потеть. Если Роули еще на месте, он бы уже снял трубку. Служебные комнаты на факультете не столь уж велики. Кому еще мог позвонить Тад? Кто, черт возьми, мог еще там находиться. Никто более не приходит в голову.

Однако посреди третьего звонка Роули снял трубку. — Хэллоу, Делессепс.

Тад закрыл глаза при звуке этого всегда прокуренного голоса и на мгновение прижался спиной к холодной металлической стене магазина запчастей.

— Хэллоу?

— Хэй, Роули. Это Тад.

— Хэллоу, Тад. — Роули не слишком удивился, услыша голос Бомонта. — Что-нибудь забыл?

— Нет, Роули. У меня беда.

— Да. — Только это, без вопросов. Роули сказал одно слово и просто ждал.

— Ты знаешь, кто были те двое, — Тад заколебался на мгновение, — те двое парней со мной?

— Да, — спокойной ответил Роули. — Полицейская охрана.

— Я удрал от них, — сказал Тад и бросил быстрый взгляд через плечо, услышав шум подъезжающего на парковочную стоянку для клиентов «Гоулда» автомобиля. Какой-то миг он был просто уверен, что это коричневый «Плимут», и даже увидел его... но это была какая-то иномарка, а то, что он принял за коричневый цвет, оказалось на самом деле темно-красным, да и водитель просто разворачивался, а не искал кого-то здесь. — По крайней мере, я *надеюсь*, что удрал

от них. — Тад сделал пауза. Сейчас он подошел к тому месту, с которого можно было либо прыгнуть вверх, либо — нет, это был единственный выбор, и у Тада не было времени откладывать свое решение. Когда вы подходите к этой точке, вообще то уже и нет каких-либо решений, потому что нет и выбора. — Мне нужна помощь, Роули. Мне нужна машина, о которой они не знают.

Роули молчал.

— Ты говорил, что если чем-нибудь можешь помочь мне, я должен лишь попросить тебя об этом.

— Я это помню, — резко сказал Роули. — Но я также помню свой совет, что поскольку эти люди охраняют тебя от опасности, тебе было бы разумно сотрудничать с ними и быть с ними откровенным. — Роули остановился. — Я думаю, что можно сделать вывод, что ты предпочел не следовать этому совету.

Тад уже был готов сказать: *«Я не могу этого сделать, Роули. Человек, захвативший мою жену и детей, только убьет их в этом случае»*. Он этого все же не сделал не потому, что опасался, что Роули посчитает его, Тада, просто сумасшедшим — профессора колледжей и университетов имеют куда более гибкие точки зрения на этот счет по сравнению с обычными смертными, предпочитая иногда вообще не иметь точки зрения на этот предмет, вместо чего они делят человечество на тупиц (но разумных), чуть эксцентричных (но разумных) и *очень* эксцентричных (но тоже совершенно разумных, старина). Тад не стал открывать рта, поскольку Роули Делессепс был столь погруженным в свои мысли человеком, Таду было нечего сказать ему, что могло бы послужить оправданием или убеждением для Роули... и, чтобы ни сказал Тад, это только могло испортить все дело. Но был ли Роули погружен только в себя или же нет, профессор грамматики имел доброе сердце... он был смелым, в своем роде... и Тад надеялся и верил, что Роули был чуть более обычного заинтересован происшедшими с Тадом событиями, его полицейским эскортом и его странным интересом к воробьям. В конце концов Тад решил — или только надеялся — что лучше всего в его случае — просто хранить молчание.

Однако ждать было нелегко.

— Хорошо, — сказал, наконец, Роули. — Я одолжу тебе мою машину.

Тад закрыл глаза и сжал колени, чтобы они не подгибались. Он провел рукой по шее и увидел, что она вся мокрая от пота.

— Но я надеюсь, что ты возместишь все возможные затраты на ее ремонт, если она вернется... пораненной, — сказал Роули. — Если ты бегаешь от полиции, я очень сомневаюсь, что моя страховая компания будет здесь что-то мне платить.

В бегах от полиции? Только потому, что он один раз укатил от охранников, которые не смогли бы как-то защитить его? Тад не был

уверен в справедливости такой оценки его действий. Это был очень интересный вопрос, который заслуживал рассмотрения попозже.. Когда большая часть его сознания не будет заполнена беспокойством и страхом.

— Ты же знаешь, что я все сделаю.

— У меня есть еще одно условие, — продолжал Роули.

Тад снова закрыл глаза. На этот раз от расстройства. — Что еще?

— Я хочу все узнать об этом, как только дело закончится, — сказал Роули. — Я хочу узнать, почему ты на самом деле так интересовался фольклорными преданиями о воробьях и почему ты так побледнел, когда я сказал тебе, что такое психопомпы и что они, как предполагают, должны осуществлять здесь, на земле.

— Я побледнел?

— Как лист бумаги.

— Я расскажу тебе целую историю, — обещал Тад. Он усмехнулся. — Ты, наверное, даже поверишь чему-нибудь из рассказанного.

— Где ты?

Тад объяснил. И попросил Роули приехать возможно быстрее.

4

Тад опустил телефонную трубку, прошел за ворота и сел на широкий бампер школьного автобуса, половина которого разнесена вдребезги. Это было хорошее место для ожидания, если оно было вашим главным занятием. Оно было скрыто от дороги, и в то же время Тад мог просматривать всю парковочную стоянку, лишь подавшись чуть-чуть вперед. Он огляделся, ища воробьев и не заметил ни одного — только большая толстая ворона безучастно каркала на одном из островков из хрома и никеля между разбитыми машинами. Мысль, что его второй телефонный разговор сегодня с Джорджем Старком состоялся всего полчаса назад, показалась сейчас Таду совершенно невероятной. Ему представлялось, что прошли многие часы. И несмотря на постоянное ощущение тревоги, которое буквально пропитало всего его, Тад чувствовал какую-то сонливость, словно уже наступили часы ночного сна.

То же самое уже знакомое чувство какого-то движения и зуда начало возвращаться к Таду через пятнадцать минут после беседы с Роули. Он запел те куплеты из «Джона Уэлси Харринга», которые еще помнились, и через минуту-другую это ощущение прошло.

«Может быть, это психосоматика», — подумал Тад, но знал, что это чушь. Ощущение было таковым, что Джордж пытается подобрать ключик к его сознанию, а Тад стал куда более чутко воспринимать все эти попытки. Он подумал, что это можно будет использовать и как-то по-другому. И Тад предположил, что рано или поздно он попытается *заставить* это работать по-другому... но это означало

попытку вызвать птиц, а это была далеко не самая заманчивая перспектива. К тому же еще существовало и воспоминание о том, чем может закончиться попытка воздействия на сознание Джорджа Старка — об этом напомнила проткнутая карандашом его левая рука.

Минуты тянулись все более замедленно. Через двадцать пять минут Тад начал опасаться, не передумал ли Роули, который мог решить не ехать к нему. Он слез с бампера и встал в воротах между автомобильной свалкой и парковочной стоянкой, уже не заботясь о том, что его можно увидеть с дороги. Он уже подумывал, не стоит ли попытаться поймать попутную машину.

Тад решил попробовать еще разок позвонить Роули и был уже на полпути к знакомому телефону-автомату, когда появился пыльный «Фольксваген». Тад сразу узнал машину Роули и побежал к ней, с некоторым удивлением обдумывая необычную заботливость Роули о своем имуществе. Таду показалось, что вся нынешняя цена этой машины вряд ли превышает цену парочки бутылок содовой.

Роули остановился у торца здания и вышел. Тад удивился, увидев, что на этот раз трубка набита табаком и испускает гигантские клубы дыма, что было бы *чрезвычайно* невыносимо в закрытой комнате.

— Ты же не собирался снова возвращаться к курению, Роули, — было первым, что сорвалось с языка Тада.

— Ты тоже не собирался сбежать, — грустно ответил Роули.

Они глянули друг на друга на мгновение — и оба разразились смехом.

— Как ты доберешься домой? — спросил Тад. Сейчас, когда ему было необходимо просто кинуться за руль маленького «Фольксвагена» и отправиться в долгий путь по извилистой и ветреной дороге в Кастрл Рок, Тад вдруг ощутил, что не сможет обойтись без проявления *заботы* о товарище.

— Вызову такси, я полагаю, — сказал Роули. Он осмотрел долины и пригорки из разбитых машин. — Я думаю, они сюда частенько наведываются, чтобы забрать таких же безлошадных парней, как я, вдруг лишившихся своих четырех колес.

— Разреши одолжить тебе пяток долларов...

Тад вытащил бумажник из заднего кармана, но Роули отвел руку в сторону.

— Я вполне оснащен всем нужным для преподавателя английского в летнее время, — заявил он. — Я думаю, что у меня здесь никак не меньше сорока долларов. Это даже удивительно, что Билли позволила мне путешествовать с ними без охраны. — Он пыхнул трубкой с большущим наслаждением, затем вытащил ее изо рта и радостно улыбнулся Таду. — Но я возьму счет у водителя такси и представлю его тебе, Тад, в подходящий момент, ты не волнуйся.

— Я уже начал опасаться, что ты, быть может, и не собираешься приехать.

— Я закончил в пять-десять минут все сборы, — сказал Роули. — Захватил пару вещей, которые, возможно, тебе пригодятся, Тадеуш. — Он наклонился в салон (который отозвался очень звучной трелью левой рессоры, либо уже сломанной, либо готовящейся к этому событию в любую минуту) и после некоторого времени пыхания, бормотания и выпускания новых облаков дыма вытащил оттуда бумажный мешок. Роули передал его Таду и тот, заглянув в мешок, обнаружил там пару солнцезащитных очков и бейсбольную шапочку «Бостон ред сокс», которая должна была прекрасно подойти ко всему облику Тада. Он взглянул на Роули, до глубины души растроганный.

— Спасибо, старина.

Роули протянул руку и наградил Тада лукавой улыбкой. — Может быть, это мне надо благодарить *тебя*, — сказал он. — Я уже давно ожидал случая, чтобы как следует встряхнуть эту старую вонючку — последние десять месяцев. Кое-что, конечно, происходило время от времени — развод моего младшего сына, вечер, когда я проиграл пятьдесят баксов в покер у Тома Кэрролла, — но ничего не походило на... достаточно апокалиптическое.

— Здесь — апокалиптическое, все точно, — сказал Тад и слегка поежился. Он взглянул на часы. Было ровно час дня. Старк сейчас, по меньшей мере, в часе езды от него, если не более того. — Мне надо ехать, Роули.

— Да — это очень срочно, ведь так?

— Боюсь, что да.

— У меня есть еще одна вещь — я упрятал ее в карман плаща и поэтому не должен был потерять ее. Она не вышла за пределы тех пяти-десяти минут. Я ее нашел в своем столе.

Роули начал методично обшаривать карманы своего выдавшего виды спортивного плаща, который он носил и зимой, и летом.

— Если у него выйдет все масло, сверни куда-нибудь и залей в него кувшин масла «сапфир». Это то, что он принимает охотно, — бормотал Роули, продолжая поиски. — Проклятая рассеянность. Ох! Вот она!. Я уж испугался, не позабыл ли ее там, в этой суете.

Он достал из кармана трубчатое изделие из дерева. Оно было длиной с указательный палец Тада и полое внутри. На одном конце была сделана насечка. Оно выглядело древним.

— Что это? — спросил Тад, забирая деревяшку у Роули. Но он уже сам понял, что именно, и обдумывал еще одну немыслимую идею, возникшую и прочно зацепившуюся в его сознании.

— Это птичий манок, — сказал Роули, изучающе оглядывая Тада сквозь клубы табачного дыма. — Если тебе это может понадобиться, мне бы хотелось, чтобы ты имел это под рукой.

— Спасибо, — ответил Тад, кладя свисток в грудной карман не очень твердой рукой. — Это может пригодиться ненароком.

Глаза Роули вдруг округлились под его нависшими бровями. Он вынул трубку изо рта.

— Не уверен, что тебе он понадобится, — сказал он медленным и необычным голосом.

— Что?

— Оглянись.

Тад обернулся, уже зная, что увидел Роули до того, как сам это увидел.

Теперь уже здесь были не сотни и не тысячи воробьев; все разбитые легковые автомашины и грузовики были сплошь усеяны воробьями. Все десять акров автомобильной свалки и торгового помещения для запчастей были словно укутаны воробьями. Они были повсюду... и Тад не слышал ни одного из них, когда они сумели подлететь сюда.

Оба мужчины смотрели во все глаза на птиц. Птицы в ответ взирали на них, может быть, двадцатью тысячами пар глаз... а, может быть, и сорока тысячами. Они не шумели. Они только сидели на крышах, окнах, выхлопных трубах, решетках, моторах, сцеплениях, рамах — повсюду.

— Иисус Христос, — хрипло сказал Роули. — Психопомпы... вот что это значит, Тад? Так что же это?

— Я, кажется, начинаю понимать, — ответил Тад.

— Бог мой, — сказал Роули. Он поднял руки над головой и громко хлопнул ими. Воробьи не шелохнулись. И они не интересовались Роули, они смотрели только на Тада Бомонта.

— Найдите Джорджа Старка, — сказал Тад спокойным голосом — почти шепотом. — Джорджа Старка. Найдите его. *Летите!*

Воробьи поднялись в жаркое летнее небо черным облаком, крылья их производили звук, похожий на шуршание лепестков друг об друга, а из клювов раздавалось попискивание. Оба мужчины, стоявшие около стенки здания, выбежали к середине двора, чтобы лучше увидеть дальнейшее. Наверху монолитная черная масса разделилась на несколько частей, одна из которых, поменьше, отправилась на запад.

Тад смотрел на них, и в какой-то миг эта сегодняшняя действительность слилась с теми видениями, которые предшествовали его трансам; на мгновение прошлое и настоящее были единым целым, странным и витиеватым образом сплетенным косичкой из фактов и миражей.

Воробьи улетели.

— Всемогущий Боже! — провозгласил человек в сером рабочем комбинезоне. — Вы видали этих птиц? Откуда только эти чертовы птички могли здесь появиться?

— У меня есть вопрос получше, — сказал Роули, глядя на Тада. Он уже овладел собой, но было ясно, что он сильно потрясен. — Куда они *отправились*? Ты ведь знаешь это, Тад?

— Да, конечно, — пробормотал Тад, открывая дверцу «Фольксвагена». — Мне тоже нужно отправляться, Роули — действительно, очень нужно. Я не могу тебе выразить всю благодарность.

— Будь осторожен, Тадеуш. Будь очень осторожен. Никто из людей не может управлять выходцами из загробного мира. Это длится всегда недолго — и за все приходится платить.

— Я буду осторожен, насколько удастся.

«Фольксваген» сперва поупирался, но затем, наконец, сдался и заворчал двигателем. Тад подождал чуть-чуть, надевая солнцезащитные очки и кепочку, затем помахал рукой Роули и выехал на дорогу № 2.

Делая это, он увидел Роули, переваливающегося к тому же телефону-автомату, которым сам недавно пользовался. Тад подумал: *«Теперь я СУМЕЮ не допускать к себе Старка. Потому что у меня есть секрет. Я не могу управлять, может быть, этими психопомпами, но какое-то время они принадлежат мне — или они владеют мной — и он не должен этого знать».*

Он нашел вторую передачу, и чудный «Фольксваген» Роули Делессепса вздрогнул от неожиданности, переходя на еще никогда не испытанную им скорость выше тридцати пяти миль в час.

Глава 23
ДВА ЗВОНКА ШЕРИФУ ПЭНБОРНУ

1

Первый из звонков, поразивший Алана Пэнборна в самое сердце, прозвенел сразу после трех часов, когда Тад заливал три кварты моторного масла «Сапфир» в жаждущий «Фольксваген» на бензозаправочной колонке в Аугусте. Алан в это время уже думал держать путь в закусочную, чтобы получить свою чашку кофе.

Шейла Бриггем неожиданно выглянула вслед проходившему на выход шерифу и окликнула его: — Алан? Тебя вызывают. Ты знаешь кого-нибудь по имени Хью Притчард?

Алан резко обернулся. — Да. Принимай вызов.

Он кинулся в офис и схватил трубку как раз в тот момент, когда Шейла принимала счет за подключение.

— Доктор Притчард? Доктор Притчард, это вы?

— Да, я здесь. — Связь была очень четкой, но Алан ощутил какое-то сомнение — этот человек говорил голосом, не похожим на тот, что бывает у семидесятилетнего. Сорок, возможно, но никак не семьдесят.

— Вы тот доктор Хью Притчард, который практиковал в Бергенфилде, штат Нью-Джерси?

— Бергенфилд, Тенафли, Хэгенсак, Энглвуд, Энглвуд Хайтс... черт возьми, я профессорствовал всю свою жизнь. Вы тот шериф Пэнборн, которому я вдруг так понадобился? Моя жена и я только что вернулись из похода через перевал Дьявола. Только что вернулись. Даже моя боль может болеть.

— Да, я приношу извинения. Я хочу поблагодарить вас за звонок, доктор. Ваш голос значительно моложе, чем я ожидал услышать.

— Так, все это прекрасно, — сказал Притчард, — но вам бы надо было увидеть и меня всего остального. Я похож на крокодила, разгуливающего на задних лапах. Чем могу служить?

Алан еще раз подумал и решил быть предельно осторожным и осмотрительным. Сейчас он зажал трубку между ухом и плечом, откинулся назад в кресле — и парад животных прошел по стене.

— Я расследую убийство здесь, в Кастрл Роке, штат Мэн, — сказал Пэнборн. — Жертвой стал здешний житель, Хомер Гамаш. Возможно, что существует свидетель этого преступления, но у меня чрезвычайно деликатная ситуация с этим мужчиной, доктор Притчард. Существуют на это целых две причины. Во-первых, он знаменит. Во-вторых, у него наблюдаются симптомы, о которых вы можете вспомнить, поскольку однажды уже были с ними знакомы. Я так говорю, потому что вы оперировали его двадцать восемь лет назад. Он имел доброкачественную опухоль на мозге. Я опасюсь, что если

эта опухоль снова появилась, то его показаниям нельзя будет особо дове...

— Тадеуш Бомонт, — сразу перебил шерифа Притчард. — И каковы бы ни были нынешние симптомы, я очень сильно сомневаюсь, что это рецидивы той старой опухоли.

— Как вы догадались, что речь идет о Бомонте?

— Потому что я спас ему жизнь в 1960 году, — сказал Притчард и добавил с несокрушимым высокомерием: — Если бы не я, ему бы не пришлось написать ни одной книги, потому что он не дожил бы и до двенадцати лет. Я следил за его карьерой с некоторым интересом еще с той поры, когда он чуть было не получил Национальную книжную премию за свой первый же роман. Я как-то взглянул на фото автора на суперобложке книги и узнал все того же парня. Лицо изменилось, а глаза остались прежними. Необычные глаза. Мечтательные, как бы я их назвал. И, конечно, я узнал, что он живет в Мэне, после этой недавней статьи в «Пипл». Она пришла к нам как раз перед нашим отъездом на отдых.

Он подождал чуть-чуть, а затем проговорил нечто сногсшибательное, но столь обычным тоном, что Алан не сразу даже и среагировал.

— Вы сказали, что он, возможно, был свидетелем убийства? Вы уверены, что вы действительно не подозреваете его самого в совершении этого преступления?

— Ну... я...

— Я только спрашиваю, — продолжал Притчард, — поскольку люди с мозговыми опухолями часто делают очень странные вещи. Причем своеобразие и необычность таких действий прямо пропорциональны интеллекту мужчины или женщины, их совершивших. Но у мальчика вообще не было мозговой опухоли, знаете ли, — по крайней мере в общепринятом смысле этого термина. Это был очень необычный случай. Чрезвычайно необычный. Я прочел всего о трех подобных случаях с 1960 года, причем о двух — уже после ухода в отставку. Ему сделали стандартные нейрологические исследования?

— Да.

— И?

— Они дали отрицательные результаты, относительно каких-то посторонних образований.

— Я не удивлен. — Притчард помолчал несколько секунд, затем добавил: — Вы не совсем откровенны со мной, молодой человек, верно?

Алан прекратил свои настенные развлечения с тенями и подался вперед в кресле.

— Да, боюсь, что так. Но я очень хотел бы узнать, что вы имели в виду, говоря, что у Тада Бомонта не было мозговой опухоли «в общепринятом смысле этого термина». Я знаю обо всех конфиденциальных условиях в отношениях между докторами и пациентами и не

знаю, поверите ли вы человеку, с которым разговариваете впервые в жизни — и к тому же по телефону. Но я надеюсь, что вы все же поверите мне, если я скажу, что я на стороне Тада и что я абсолютно уверен в его согласии на то, чтобы вы рассказали мне обо всем, что мне нужно узнать. У меня нет времени, чтобы организовывать его звонок вам и давать на это свое формальное согласие, доктор, — мне это надо знать *сейчас*.

И Алан сам удивился, обнаружив, что все это — правда, или по крайней мере, что он верит, что это правда. Его начало охватывать непоколебимое чувство, что сейчас происходят какие-то важные события. События, о которых он не знал еще... но скоро узнает.

— У меня нет никаких проблем, связанных с рассказом об этом случае, — спокойно ответил Притчард. — Я не раз подумывал, не стоит ли мне сообщить обо всем этом и самому Бомонту, а не ограничиться простым уведомлением, что операция в госпитале прошла нормально, сразу после окончания хирургического вмешательства. Я чувствовал, что это может очень заинтересовать его.

— Что же это было?

— Я как раз подступаю к этому, смею вас уверить. Я не сообщил его родителям, что обнаружилось при операции, потому что это не имело особого значения в любом практическом аспекте, а мне не хотелось связываться с ними ни по какому поводу. С его отцом — в особенности. Тот мужик, должно быть, родился в пещере и провел свою молодость, охотясь на мамонтов. Поэтому в то время я решил сказать им только то, что они хотели и могли услышать и понять, и отделаться от них поскорее. Затем, конечно, и время сыграло свою роль. Вы теряете связь с пациентами. Я подумал было написать Бомонту письмо, когда Хельга показала мне его первую книгу, и не раз еще возвращался к этому своему намерению. Но я также чувствовал, что он может и не поверить мне... или не проявит какого-либо интереса... или может подумать, что я немного спятил. Я не очень-то знаю знаменитых людей, но мне их жаль — я подозреваю, что их жизнь имеет оборонительный, неорганизованный, печальный характер. Мне показалось, что лучше не трогать спящую собаку. А теперь к делу. Как говорят мои внуки, кончай лодырничать.

— Что случилось с Тадом? Что привело его к вам?

— Фуги. Головные боли. Призрачные звуки. И наконец...

— Призрачные звуки?

— Да, но вы не должны мешать мне говорить так, как я привык, шериф. — Алан вновь ощутил несокрушимое высокомерие в голосе старого доктора.

— Все правильно.

— Наконец, был припадок. Все проблемы были вызваны небольшим вкраплением в надлобной доле. Мы делали операцию, предполагая опухоль. А опухоль оказалась близнецом Тада Бомонта.

— *Что?*

— Да, в самом деле, — ответил Притчард. Голос звучал так, словно шок у Алана Пэнборна весьма порадовал его собеседника. — Это не столь уж и редко. Близнецы часто поглощаются в утробе матери и очень редко такое поглощение бывает неполным; но необычным было *месторасположение* этого постороннего вкрапления, а также то, что оно начало развиваться. Такие ткани почти всегда остаются инертными. Я полагаю, что проблемы у Тада, возможно, были вызваны ранней половой зрелостью.

— Минутку, — попросил Алан. — Одну минутку. — Он читал фразу «его сознание покачнулось» раз или два в каких-то книгах, но здесь впервые он ощутил это на самом себе. — Вы говорите мне, что Тад был двойняшкой, но он... он как-то.. как-то *съел* своего брата?

— Или сестру, — поправил Притчард. — Но я предполагаю, что все же брата, поскольку, я думаю, поглощение происходит намного реже именно в случаях *близнецов-братьев*. Это мнение базируется на статистических данных, а не на твердых фактах, но все же я ему верю. А поскольку *близнецы-двойняшки* всегда относятся к одному полу, ответом на ваш вопрос будет слово «да». Я полагаю, что Тад Бомонт как-то съел своего брата в материнской утробе.

— Иисус Христос, — сказал шериф тихим голосом. Он не мог вспомнить, слышал ли он что-нибудь столь ужасающее или столь *необычное* за всю свою жизнь.

— Вы говорите так, словно потрясены, — заботливо произнес доктор Хью Притчард, — но на самом деле для этого нет никаких оснований, если только вы рассмотрите все это дело под правильным углом зрения. Мы ведь говорим не о Каине, убивающем своего брата Авеля камнем. Здесь ведь не случай убийства; это просто некий биологический императив, который мы еще не понимаем, но работаем над раскрытием его тайны. Возможно, плохой сигнал, вызванный какими-то нарушениями в эндокринной системе матери. Мы даже не говорим о внутриутробном плоде, если применять точные термины, в момент абсорбции в утробе миссис Бомонт существовало лишь два конгломерата тканей, видимо, еще без человеческих свойств и качеств. Живые амфибии, если позволите. И одна из них — более крупная и сильная — просто задавила более слабую, смяла ее... и поглотила.

— Это звучит чертовски биологически, — пробормотал шериф.

— Разве? Вообще, да, немного есть. В любом случае, поглощение оказалось неполным. Небольшой фрагмент другого близнеца остался целым. Этот посторонний предмет — я не знаю, как правильнее или точнее его обозначить, — вплеся в ткань, ставшую позднее мозгом Тада Бомонта. И по какой-то причине, он проснулся незадолго до того, как мальчику исполнилось одиннадцать. Он начал расти. Но в доме для него не было свободной комнаты. Поэтому было необходимо вырезать его подобно бородавке. Что мы и проделали, очень успешно.

— Подобно бородавке, — повторил, чувствуя отвращение, потрясенный Алан.

Множество мыслей мелькали в его мозгу. Это были темные мысли, столь же темные как летучие мыши на колокольне заброшенной церкви. Только одна была абсолютно цельной и ясной: *«Он — это два мужчины, он всегда был двумя мужчинами. Это то, чем должны быть всякий мужчина или женщина, которые верят во что-то. Один, который существует в обычном мире... и другой, который создает миры. Их двое. Всегда, по крайней мере, двое»*.

— Я буду помнить столь необычный случай независимо ни от чего, — сказал Притчард, — но произошло еще кое-что, как раз перед тем, как мальчик очнулся после операции — и это, может быть, было самым необычным во всей этой истории. Нечто, о чем я всегда с удивлением вспоминаю.

— Что же это было?

— Бомонт слышал птиц перед каждым приступом головной боли, — пояснил Притчард. — Само по себе это не столь необычно; это хорошо известные симптомы в случаях мозговой опухоли или эпилепсии. Они называются предвещающими сенсорными синдромами. Но вскоре после операции случился странный инцидент, связанный с *реальными* птицами. Госпиталь графства Бергенфилд фактически был атакован воробьями.

— Что вы подразумеваете?

— Это звучит абсурдно, правда? — Притчард был все более доволен собой. Я бы вообще не стал говорить о таком событии, если бы оно не было очень хорошо документировано. Большой отчет с фото был опубликован в «Курьере» Бергенфилда на первой полосе. Ровно в два часа дня 28 октября 1960 года необычайно большая стая воробьев влетела в западную часть госпиталя. В те дни в этом крыле работала служба интенсивной терапии, и, конечно, туда был помещен и Тад Бомонт после операции.

— Было разбито множество окон и служители госпиталя убрали более трехсот мертвых воробьев в течение этого инцидента. В статье «Курьера» цитировали какого-то орнитолога. Как я помню, он считал, что поскольку вся западная часть госпитального здания была из стекла, то птицы, по его теории, могли быть привлечены отражением от стекла яркого солнечного света.

— Это чушь, — сказал Алан. — Птицы летят на стекло, только когда они не видят его.

— Я полагаю, что и репортер, бравший это интервью, заметил то же самое, а орнитолог заявил, что птицы, видимо, использовали групповую телепатию, которая объединяет многие сознания — если птицы могут *иметь* таковое — в одно целое. Подобно муравьям-фуражерам. Он заявил, что если один воробей из стаи решит лететь на стекло, остальные могли просто последовать его примеру. Я не был в

госпитале, когда все это случилось — я закончил операцию над мальчиком, проверил стабильность его вайтс...

— «Вайтс?»

— Симптомы жизнестойкости, шериф. А затем отправился играть в гольф. Но я знаю, что эти птица наделали много дел тогда. Двое людей были порезаны выбитым стеклом. Я могу принять теорию орнитолога, но до сих пор у меня в голове сидит этот гвоздь... потому что я помню о сенсорном синдроме Бомонта, как вы видите. Не просто птицы, а весьма конкретные птицы: воробьи.

— Воробьи летают снова, — пробормотал Алан дрожащим и ужаснувшимся голосом.

— Не понял, шериф.

— Ничего. Продолжайте.

— Я спросил его об этих синдромах на следующий день. Иногда встречается локализованная сенсорная амнезия с такими синдромами, которые могут, правда частично, оставаться в сознании даже после того, как операция устранила их причину. Но не в этом случае. Он помнил все абсолютно точно. Он *видел* птиц так же хорошо, как и слышал их. Птиц повсюду, как говорил Тад, на домах, лужайках, улицах Риджуэя, который является районом Бергенфилда, где он проживает.

— Я настолько заинтересовался, что проверил его карту и сравнил сведения в ней с отчетами об инциденте с птицами. Стая воробьев атаковала госпиталь примерно в два ноль пять. Мальчик очнулся в два десять. Может быть чуть раньше. — Притчард помолчал и добавил: — На самом деле одна из сиделок отделения интенсивной терапии утверждает, что разбудил Тада именно шум разбиваемого стекла.

— Ну и ну, — сказал Алан тихо.

— Да. Ну и ну здесь очень подходит. Я не говорил об этом деле многие годы, шериф Пэнборн. Это чему-то помогает сейчас?

— Я не знаю, — честно заявил Ален. — А не могло так случиться, доктор Притчард, что вы не достали ее всю — я подразумеваю, не могло случиться так, что там что-то осталось и снова начало расти.

— Вы говорите, его обследовали. Делали сканирование на КЭТ?

— Да.

— И просвечивали рентгеном, конечно.

— Угу.

— Если результаты отрицательные, то только потому, что там нечего показывать. Что до меня, я думаю, мы действительно вычистили все.

— Благодарю вас, доктор Притчард. — Шериф почувствовал некоторое беспокойство, произнося слова; его губы онемели и плохо слушались.

— Вы расскажете мне о том, что произошло более подробно, когда дело закончится, шериф? Я был очень откровенен с вами и, думаю, имею право рассчитывать здесь на взаимность. Я очень любопытен.

— Я сделаю все, что смогу.

— Это все, что я прошу. Теперь я не хочу мешать вам работать, а я вернусь к моему отдыху.

— Надеюсь, что ваша жена и вы хорошо проведете время.

Притчард вздохнул. — В моем возрасте я должен работать усерднее и еще усерднее, чтобы иметь хотя бы удовлетворительно проведенное время, шериф. Мы любим туризм и палатки, но на следующий год, наверное, останемся дома.

— В таком случае, я еще более ценю вашу любезность, то, что вы тут же ответили на мой звонок.

— Не стоит благодарности. Я обожаю свою работу, шериф Пэнборн. Не мистику хирургии — я никогда не был этим озабочен — но *тайну*. Тайну сознания. Это очень увлекательно.

— Представляю, насколько, — согласился Алан, думая, что был бы просто счастлив, если бы в его нынешней жизни встречалось бы поменьше всех этих тайн мозга и сознания.

— Я свяжусь с вами, как только события... сами собой прояснятся.

— Спасибо, шериф. — Доктор помолчал и добавил: — Это дело очень беспокоит вас?

— Да. Очень.

— Мальчик, которого я помню, был очень симпатичным. Рассеянным, но симпатичным. А каким мужчиной он стал?

— Думаю, хорошим, — ответил Алан. — Чутьочку холодноват, может быть, и несколько отчужден, но хороший человек во всем прочем. — И снова повторил: — Я думаю.

— Спасибо. Занимайтесь своими делами. До свидания, шериф Пэнборн.

Последовал отбой на линии, и Алан медленно опустил трубку. Он вновь откинулся назад в кресле, сложил перекрещенные руки и изобразил большую черную птицу, медленно пролетающую через освещенную ярким солнцем стену его офиса. Строчка из «Волшебника страны Оз» вдруг пришла ему в голову и запрыгала в сознании: «Я действительно верю в привидения, я действительно верю в привидения, я действительно, я действительно верю в привидения!» Это был Пещерный Лев, ведь так?

Вопрос заключался, во что верит он?

Конечно, проще для него ответить, что он не верит. Он не верит, что Тад Бомонт кого-то убил. Также не верит, что Тадом написаны эти шифрованные строки на стенах квартир убитых.

Но как же все произошло?

Просто. Старый доктор Притчард прилетел на восток из Форт Ларами, прикончил Фредерика Клоусона, написал у него на стенке

«ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА», затем полетел в Нью-Йорк из Вашингтона, убил там Мириам Коули своим любимым скальпелем, сперва открыв входную дверь этим же орудием. Он поработал над ними, потому что обожал тайну хирургии.

Нет, конечно нет. Но Притчард был не единственным, кто знал о Таде — как он это называл, — об его предвещающих сенсорных синдромах. Этого, правда, не было в статье «Пипл», но...

Ты забываешь о дактилоскопических и голосовых отпечатках. Ты забываешь о спокойном и уверенном допущении Тадом и Лиз того, что Джордж Старк — реально существует, что он жаждет продолжать убивать для того, чтобы ОСТАТЬСЯ реальным. А сейчас ты пытаешься просто не замечать того факта, что ты начинаешь верить в то, что все может оказаться правдой. Ты пытался убедить их, как безумно верить не в какое-то таинственное привидение, а в призрак человека, никогда не существовавшего. Но писатели ПРИГЛАШАЮТ призраки, это вполне возможно; наряду с актерами и художниками, они, наверное, единственно приемлемые в сегодняшней нашей жизни медиумы. Они создают миры, которые никогда не существовали, населяют их людьми, никогда не жившими, а затем приглашают нас присоединиться к ним в их фантазиях. И мы так и делаем. Да. Мы ПЛАТИМ, чтобы делать это.

Алан снова соединил руки, вытянул свои гибкие пальцы и послал на стену лететь под солнцем куда меньшую птицу. Воробья.

Ты не можешь объяснить стаю воробьев, которые наводнили госпиталь графства Бергенфилд почти тридцать лет тому назад, как и то, что не знаешь, чем можно объяснить существование двух людей с одинаковыми дактилоскопическими и голосовыми отпечатками. Но ты знаешь, что Тад Бомонт находился в утробе матери еще с кем-то. С посторонним.

Хью Притчард упомянул раннюю половую зрелость.

Алан Пэнборн вдруг подумал, а не мог ли этот рост постороннего вскармливания совпасть с чем-то совсем иным?

Он задумался, не связано ли было это с тем, что Тад Бомонт начал писать.

2

Сигнал вызова на его столе снова отвлек шерифа. Это был опять Шейла: — Фаззи Мартин на линии, Алан. Он хочет говорить с тобой.

— Фаззи? Какого дьявола ему надо?

— Я не знаю. Он не захотел сказать мне.

— Иисус Христос, — проговорил Алан. — Этого мне только сегодня не хватало.

Фаззи имел большой земельный участок около городской дороги № 2, в четырех милях от озера. Когда-то Мартин владел процветаю-

щей фермой, но это было еще в те дни, когда Фаззи был известен под своим настоящим христианским именем Альберт. Он и тогда больше всего обращал внимание на кувшин с виски, чем на все прочее в окружающем его мире. Его дети подросли, жена оставила этот мир, из-за непосильной работы еще десять лет тому назад, и теперь Фаззи в одиночестве командовал двадцатью семью акрами земли, которые медленно, но неуклонно возвращались в свое дикое состояние. На западной стороне его участка, около поворота дороги к озеру, стояли его дом и амбар. Амбар когда-то служил приютом для сорока коров, а теперь был заброшенным зданием с прохудившейся крышей, краска его облезла, а большинство окон забиты досками. Алан и Тревор Хартленд, пожарный инспектор Кастрл Рока, давно ожидали, что либо дом Мартина, либо его амбар, либо и то и другое сразу когда-нибудь сгорят дотла.

— Ты хочешь, чтобы я сказала ему, что тебя здесь нет? — спросила Шейла. — Только что пришел Клат — я могу их соединить.

Алан обдумал это предложение, затем вздохнул и покачал головой. — Я поговорю с ним, Шейла. Спасибо.

Он снял трубку и зажал ее между ухом и плечом.

— Шеф Пэнборн?

— Это шериф, да.

— Это Фаззи Мартин, у дороги № 2. Здесь может быть проблема, шеф.

— Да? — Алан пододвинул к себе еще один телефон на столе. Это была прямая линия с другими службами муниципального здания. Подушечка его пальца приблизилась к квадратной кнопке с номером «четыре» и легла на нее. Теперь ему надо было только нажать на кнопку, чтобы связаться с Тревором Хартлендом. — Что это за проблема?

— Ну, шеф, я бы скорее вляпался в дерьмо, чем это точно знаю. Я бы назвал это Великой автомобильной кражей, если бы знал, что это за машина. Но я не знаю. Никогда раньше не видал в моей жизни. Но он вышел из моего амбара. — Фаззи говорил с тем глубоким и иногда вызывающим сатирические насмешки мэнским акцентом, который превращал любое простое слово типа «амбар» в нечто удивительно протяжное, звучащее, как раскат смеха: «ааммбаар».

Алан вернул телефон внутренней связи на его старое и обычное место. Бог оберегает дураков и пьяниц — факт давно и хорошо им изученный за многие годы полицейской службы — это подтверждалось тем, что дом и амбар Фаззи благополучно стояли на своих местах, несмотря на пагубную привычку их хозяина повсюду оставлять непогашенные окурки, когда он был пьян, что, собственно, был его наиболее естественным состоянием. *«Сейчас все, что мне надо сделать, — подумал Алан, — это сидеть здесь и ждать, когда он доберется до этой своей проблемы. Тогда мне, может, удастся*

выяснить — или попытаться — существует ли эта проблема в реальном мире или где-то внутри того мира, который, может, еще сохранился в сознании Фаззи».

Шериф сложил пальцы и запустил еще одного воробья лететь по стене, а затем вдруг остановил его.

— Что за машина выехала из твоего амбара, Альберт? — терпеливо спросил Алан. Почти все в Кастл Рок (включая и самого Мартина) называли его не по имени, а кличкой Фаззи, да и сам шериф мог бы попытаться когда-нибудь начать так величать Мартина, проживи он здесь еще лет десять. А, может быть, двадцать.

— Я только что сказал, что никогда раньше его не видал, — сказал Фаззи таким тоном, словно хотел выразиться: «Ты, проклятая дурачина», — и это прозвучало не менее ясно, чем если бы действительно было высказано вслух. — Вот почему я и звоню, шеф. Уверен, что никогда не видал, и она никак не моя.

Наконец в голове Алана начала складываться какая-то картина. Лишившемуся своих коров, детей и жены, Фаззи Мартину почти не требовались наличные — земля его была свободна от долгов или выплат, за исключением налогов, когда он получил наследство от отца. Те деньги, которые Фаззи все е получал, приходили к нему из весьма сомнительных источников. Алан полагал, а точнее — наверняка знал, что на самом деле, среди сена в амбаре Мартина почти всегда лежит тюк, а то и два с марихуаной, которые исчезают через пару месяцев, и это было только одним из небольших развлечений и занятий Фаззи. Шериф время от времени подумывал, не стоит ли ему всерьез заняться Фаззи по поводу незаконного хранения наркотиков с целью их сбыта, но Алан очень сомневался даже в том, чтобы Мартин курил это зелье, не говоря уж о том, чтобы имел мозги, для его продажи нужным людям в нужное время. Скорее всего, он только временами предоставлял место для хранения, за сто или двести долларов. И даже в таком маленьком местечке как Кастл Рок всегда находились более серьезные дела, чем выскивание пьяниц, держащих у себя сомнительное курево.

Другое занятие Фаззи, связанное с его амбаром, было вполне законным — он предоставлял площадь для крытой стоянки автомобилей летних отдыхающих. Когда Алан впервые оказался в Кастл Рок, амбар Фаззи был действительно хорошо оборудованным гаражом. Вы могли увидеть там не менее пятнадцати автомашин — большинство из них принадлежало владельцам дачных участков у озера, которые приезжали сюда лишь на лето — сменяемых зимой коровами под этой же крышей. Фаззи даже сделал перегородку в амбаре, отделив в нем участок для круглогодичного гаража, в котором все желающие отдыхающие могли оставлять свои машины на осенний и зимний сезоны, и их четырехколесные детища мирно соседствовали с четвероногими законными хозяевами пропахшего сеном амбара, на потолке которого

отражалась причудливая картина из задумчивых коровьих морд и сверкающих бамперов, тесно прижавшихся друг к другу.

С годами дело Фаззи с гаражом резко пошатнулось. Алан предполагал, что более всего здесь вредят справедливые слухи о неосторожном курении Мартина, угрожавшем спалить в любую минуту не только свое, но и чужое добро. Желаящих рискнуть своими машинами становилось все меньше, даже если речь шла о почти разваливающихся колымагах. В последний раз, когда шериф побывал на ферме у Фаззи, он смог увидеть в амбаре лишь две машины «Т-Берд» 1959 года выпуска Оззи Брэннигена — машину с классическими формами, если бы она не была столь побита и проржавлена — старый «Форд Вууди» Тада Бомонта.

Снова Тад.

Сегодня, видимо, все дороги ведут к Таду Бомонту.

Алан выпрямился в кресле, машинально пододвигая телефон к себе поближе.

— Это не был старый «Форд» Тада Бомонта? — спросил он Фаззи. — Ты уверен?

— Конечно, уверен. Это был не «Форд» и уж будьте уверены никакой не «Вууди». Это был черный «Торнадо».

Еще одна искорка вспыхнула в сознании Алана... но он не был еще полностью уверен, что знает, почему. Кто-то говорил ему об этом черном «Торнадо», и не так уж давно. Он подумает, кто и когда, но не сейчас... но обязательно вспомнит.

— Я как раз был на кухне, доставал холодный лимонад, — продолжал Фаззи, — и тут увидел этот «Торнадо» выезжающим прямо из моего амбара. Сперва я подумал, что у меня не стояла похожая на него машина. А *во-вторых*, я подумал о том, как же кто-то сумел забраться ко мне в амбар, если на его двери висит здоровенный старый висячий замок Крейга, и только у меня есть ключ от него.

— А как насчет хозяев машин, которые стоят у тебя? Разве у них нет ключей?

— Нет, сэр! — Фаззи казался обиженным только самим этим предположением.

— Ты не смог, конечно, разглядеть его лицензионный номер?

— Будь я проклят, если не смог! — завопил Фаззи. — Разве у меня нет бинокля, как раз здесь на кухонном подоконнике?

— Алан, который не раз бывал с инспекцией на ферме Мартина вместе с Тревором Хартлендом, никогда не попадал там на кухню (и, слава Богу, не собирався этого делать и в будущем), сказал извиняющимся тоном:

— О, да. Бинокли. Я забыл о них.

— Зато я не забыл! — победоносно заключил Фаззи. — Вы достали карандаш?

— Разумеется, Альберт.

— Шеф, почему бы вам не звать меня «Фаззи», как это все делают? Алан вздохнул. — О'кей, Фаззи. А раз мы так порешили, то почему бы тебе не звать меня просто «шериф»?

— Как хотите. Так вы хотите знать номер или нет?

— Разумеется.

— Прежде всего, это номер штата Миссисипи, — заявил Фаззи с явно триумфаторскими нотками в голосе. — Что бы вы подумали об этом?

Пэнборн точно не знал, что он думает, если не считать, что еще одна искра мелькнула в его сознании, куда ярче, чем предыдущие. «Торнадо». И Миссисипи. Что-то про Миссисипи. И о городе. Оксфорд? Это был Оксфорд? Еще один, как и тот Оксфорд, что совсем неподалеку отсюда.

— Я не знаю, — ответил Алан, а затем добавил то, что, по его мнению, Фаззи хотел бы от него услышать: — Все выглядит очень подозрительно.

— И вы чертовски правы! — прокричал Фаззи. Затем он прочитал глотку и перешел на деловой тон: — О'кей. Миссисипский номер 62284. Вы его записали, шеф?

— 62284.

— Да, 62284, вы можете ввести его в ваш сучий банк! Подозрительно! О, да! Это то, что я и подумал! Иисус, поедающий банку бобов!

Развитие этого образа на этом не закончилось, и Алан чуть отодвинул на время трубку от своего уха. Затем они вернулись к делу.

— Итак, — сказал Фаззи, — что вы намерены предпринять, шеф?

«Я собираюсь выжать все что возможно из этой беседы той нетронутой еще всем этим безумием частью своего разума, — подумал Алан. — Это будет первым делом, которым я займусь. Я собираюсь напрячься и вспомнить, кто упоминал»...

И затем перед ним словно блеснула холодная вспышка, которая покрыла руки гусиной кожей и стянула его шею так туго, словно кожу натянули на барабан.

Телефонный разговор с Тадом. Вскоре после звонка Бомонту того психопата из квартиры Мириам Коули. Ночью, когда началась вся эта вакханалия убийств.

Он вспомнил слова Тада: «Он прибыл из Нью-Гемпшира в Оксфорд, штат Миссисипи со своей матерью... он почти избавился от своего южного акцента».

Что еще говорил Тад, когда описывал облик и приметы Джорджа Старка?

«И наконец, последняя вещь: он может управлять черным Торнадо». Я не знаю, какого года выпуска. Одна из тех старых, у которых под капотом полным-полно паленого порошка. Черный. У

него может быть миссисипский номер, но он, несомненно, поменяет его».

— Я догадываюсь, что ему было немного некогда заняться этим, — пробормотал шериф. гусяная кожа еще не сошла с его тела, шагая по шерифу тысячами мельчайших ножек.

— О чем вы, шеф?

— Ничего, Альберт. Разговариваю с собой.

— Моя мамаша говаривала, что это к деньгам. Может, и мне пора начать так делать?

Алан вдруг вспомнил, что Тад добавил еще одно — одну последнюю деталь.

— Альберт.

— Зовите меня Фаззи, шеф. Я уже говорил об этом.

— Фаззи, там еще на бампере должна быть наклейка. Ты, может быть, заметил...

— Какого дьявола вы смогли узнать об этом? У вас на эту машину есть какие розыскные данные, шеф? — пылко поинтересовался Фаззи.

— Не надо пропускать мои вопросы, Фаззи. Это дело полиции. Ты видел то, о чем я спросил?

— Конечно видал, — ответил Фаззи. «МОДНЫЙ СУКИН СЫН» — вот что там было написано. Вы в это можете поверить?

Шериф медленно повесил трубку, веря в это, но говоря самому себе, что это еще ничего не доказывает, совсем ничего... за исключением того, что Тад Бомонт был столь же безумен, как, скажем, клоп. Было бы достаточно глупо полагать, что то, что увидел Фаззи, может что-то доказывать... ну, скажем, что-то *сверхъестественное*, раз нет другого слова получше... что сейчас происходит здесь.

Затем он снова подумал о голосовых и дактилоскопических отпечатках, подумал и о сотнях воробьев, разбивающихся о стекла окон госпиталя графства Бергенфилд, и шерифа внезапно пронзила резкая дрожь, которая длилась никак не меньше целой минуты.

3

Алан Пэнборн не был тем дремучим или суеверным деревенщиной, который видит след дьявольского глаза у вороны и не подпускает свою беременную жену к свежему молоку, поскольку боится, что тогда оно может скиснуть. Шерифа трудно было провести, он бы никогда не поддался на фокусы городских жуликов и шутников, желавших продавать приезжим из глубинки по дешевке знаменитые мосты в их городках; нет, шериф родился не вчера. Он верил в логику и разумные объяснения. Поэтому он дождался, когда вся эта нервная дрожь утихнет и пододвинул свою картотеку, чтобы найти телефонный номер Тада. Он отметил с некоторым удивлением, что номер на карточке совпадает с тем, который вертелся у него в голове. Очевидно,

что выдающийся парень-писатель из Кастл Рока отпечатался куда глубже и четче в его сознании — или его части — чем мог даже подозревать шериф.

А не мог ли сам Тад находиться в той машине? Если ты исключаешь ядро ореха, то что же еще может там быть? Он описал это. О чем всегда толковали старые детективные радиопьесы? «Назови ЭТО» и «Подтверди ЭТО».

Госпиталь графства Бергенфилд был, действительно, атакован воробьями.

И было еще очень много вопросов — слишком даже много.

Тад и его семья были под охраной полиции штата Мэн. Если бы они решили собраться и приехать сюда на уик-энд, ребята из охраны обязательно бы дали об этом знать Алану — частично, чтобы предупредить его, частично, в знак вежливости. Но полиция сделала бы все возможное, чтобы убедить Тада не отправляться в подобную поездку, поскольку им проще всего обеспечивать охрану в хорошо изученном Ладлоу. А если мысль о такой поездке родилась спонтанно, то их усилия заставить Тада передумать могли бы только возрасти.

Затем шло то, что Фаззи не видел ранее — а именно, автомобиль или автомобили Бомонтов, если они все же решились путешествовать... если они это смогли сделать; ведь они же, в конце концов, не заключенные.

Люди с мозговыми опухолями часто делают очень необычные вещи.

Если это был «Торнадо» Тада, и он был спрятан от Фаззи, и если Тад был один, это вело к заключению, которое было очень неприятным для Алана, поскольку шерифу очень нравился Тад. Это заключение гласило, что Тад в конце концов удрал и от семьи, и от охраны.

Полиция штата все равно должна была связаться со мной, даже в таком случае. У них же есть все координаты и телефоны, и они отлично знают, что здесь — одно из тех мест, куда бы он мог скорее всего приехать.

Алан набрал номер Тада. Трубку сняли с первого звонка. Незнакомый голос ответил на том конце провода. Да Алану и не нужно было специально выяснять имя собеседника. Он уже с первых слов уловил, что разговаривает со служителем закона.

— Хэллоу, дом Бомонтов.

Настороже. Готов обрушить град вопросов, если ответный голос окажется правильным и нужным... как, впрочем, если и не окажется таковым.

«Что произошло?» — подумал Пэнборн, а под пятками этой мысли проскользнуло следующее: Они мертвы. Кто-то со стороны успел убить всю семью, столь же быстро и беспощадно, как это уже было показано на других и ранее. Охрана, расследование, оборудование для пеленгации... все это оказалось ни к чему!

Но в ответе шерифа не слышалось и намека не все эти мысли, вихрем пронесшиеся в его голове.

— Это Алан Пэнборн, — сказал он сухо. — Шериф, графство Кастрл. А звоню Таду Бомонту. С кем я говорю?

Последовала пауза. Затем голос ответил: — Это Стив Харрисон, шериф. Из полиции штата Мэн. Я собирался позвонить вам. Мне бы это следовало сделать еще час тому назад. Но здесь такие дела... эти дела все время улетают в ионосферу. Можно поинтересоваться, почему вы решили сюда позвонить?

Не давая себе времени подумать — а это, конечно, изменило бы его ответ — Алан солгал. Он это сделал, не задавая даже самому себе вопрос, для чего он делает. Ответ пришел позже.

— Я позвонил, чтобы проверить, как дела у Тада. — ответил Алан. — Прошло уже достаточно времени, и я хотел выяснить, как они поживают. Я подозреваю, что они в беде.

— Беда столь велика, что вы даже не поверите, — мрачно ответил Харрисон. — Двое моих людей мертвы. Мы почти уверены, что это сделал Бомонт.

Мы почти уверены, что это сделал Бомонт.

Необычность содеянного, кадется, должна возрастать со степенью интеллекта мужчины или женщины, пораженных этой болезнью.

Алан почувствовал, как уже увиденное не только забирается в его сознание, но и марширует по всему телу, подобно вторгшейся армии. Тад, все снова возвращается к Таду. Конечно. У него есть интеллект, он необычен и он был, по собственному признанию, подвержен симптомам болезни, которые позволяли предполагать мозговую опухоль.

Мальчик вовсе не имел мозговой опухоли, вы знаете.

Если результаты тех обследований оказались отрицательными, так это потому, что там было нечего искать.

Забудь опухоль. Воробьи — это то, о чем тебе нужно сейчас подумать — потому что воробьи летают снова.

— Что произошло? — спросил Пэнборн патрульного Харрисона.

— Он зарезал Тома Чаттертона и Джека Эддингса, причем так дьявольски жестоко, что они почти развалены на куски, вот что произошло! — прокричал Харрисон, обдавая Алана всплеском своей ярости. — Он забрал семью с собой, и я хочу достать этого сукина сына!

— Что... как он сумел уехать?

— Я не имею времени для всех этих деталей, — сказал Харрисон. — Это чертовски поганая история, шериф. Он правил красно-серым «Шевроле Субурбаном», чертовым китом на колесах, но мы думаем, что он должен был его как-то спрятать и взять другую машину. У него где-то рядом с вами летний домик. Вы знаете это место и все окрестности?

— Да, — сказал шериф. Его сознание бушевало и куда-то спешило. Алан взглянул на часы на стене в кабинете и увидел, что сейчас три сорок. Время. Все упирается во время. И он вдруг вспомнил, что не спросил Фаззи Мартина, в котором часу тот увидел выезжающий из амбара черный «Торнадо». Тогда это не показалось важным. Сейчас — да. — Во сколько часов вы упустили его, патрульный Харрисон?

Алан подумал, что сейчас он снова вызовет взрыв ярости у Харрисона, но тот ответил без следа злобы и стремления оправдаться: — Около двенадцати тридцать. У него должно было уйти какое-то время на замену машины, если он это проделал, а затем он поехал в своей дом в Ладлоу...

— Где он находился, когда ушел от вас? Как далеко это было от его дома?

— Шериф, я бы с удовольствием ответил на все ваши вопросы, но сейчас на это просто нет времени. Вопрос ныне в том, что если он задумал прикатить в своей летний дом — это кажется невероятным, но парень-то — сумасшедший, а потому вы никогда и не поймете его, — то он еще там не смог бы появиться, но сможет оказаться там уже очень скоро. Он и вся его несчастная семейка. Было бы прекрасно, если бы вы с парочкой своих людей встретили его там. Если что-то действительно случится, свяжитесь по радио с Генри Пейтоном из полицейского управления в Оксфорде — и мы пришлем вам такую помощь, какую вы вряд ли видели ранее за всю свою жизнь. *Не пытайтесь сами его задерживать ни при каких обстоятельствах.* Мы предполагаем, что он захватил жену как заложницу, если только она уже не мертва, и тогда он сможет воспользоваться детьми.

— Да, ему бы, конечно, пришлось силой забрать с собой свою жену, если он убил охранников на дежурстве, — согласился Алан и продолжал обдумывать свои мысли: *«Но вы же там совершенно зациклились на своих убитых. Потому что ваше сознание взбудоражено и вы не можете настроить его на другой лад. Эй, друг, ты даже не хочешь и не можешь подумать о чем-то оталеченном или непосредственном, пока на твоих друзьях сохнет их кровь».*

У него были дюжины вопросов, а ответы на них, наверное, вызвали бы еще четыре дюжины новых вопросов — но Харрисон был прав в одном. Времени не было.

Шериф поколебался какой-то миг, очень желая спросить Харрисона о самой важной вещи, задать ключевой вопрос: уверен ли Харрисон, что у Тада было достаточно времени, чтобы добраться до дома, убить охранников и удрать с семьей до того, как прибыло первое подкрепление? Но задать такой вопрос означало посыпать соль на свежую рану Харрисона, потому что в самом вопросе скрывалось железное и неопровержимое суждение: *«Вы потеряли его. Каким-то образом вы его потеряли. У вас было задание — и вы его полностью провалили».*

— Я могу положиться на вас, шериф? — спросил Харрисон, и сейчас его голос звучал не злобно, а только очень устало и опустошенно — и сердце Алана дрогнуло.

— Да. Я немедленно организую слежение за этим местом.

— Спасибо, парень. И вы свяжетесь с управлением в Оксфорде, если что?

— Обязательно. Генри Пейтон — мой друг.

— Бомонт опасен, шериф. *Чрезвычайно* опасен. Если он действительно появится, вы должны показать ему свой улепетывающий зад.

— Я так и сделаю.

— И держите со мной связь. — Харрисон прекратил разговор, не сказав даже «до свидания».

4

Его сознание — та часть, которая всегда опиралась на протокол — проснулось и начало задавать вопросы... или попыталось это сделать Алан решил, что сейчас не время для протокола. Ни в одной из его форм и разновидностей. Он просто должен оставить все возможные цепочки открытыми и продолжить поиск. У Алана было ощущение, что события дошли до той точки, когда некоторые из этих цепочек сами собой закроются в соответствии с обстоятельствами и логикой развития.

Позвони хотя бы кому-нибудь из своих подчиненных.

Но шериф не думал, что он готов сделать это сейчас. Норрис Риджуик, тот, кому следовало бы позвонить в первую очередь, был свободен от дежурства и уехал за город. Джон Лапойнт все еще лежал дома после отравления хмелем. Сит Томас был на патрулировании Энди Клаттербук был здесь, но Клат был новичком, а здесь была слишком грязная работа.

Поэтому у него никого не оставалось сейчас, кроме самого себя.

«Ты сумасшедший!» — завопил протокол в его сознании.

— Я, может, разберусь в этом сам и здесь, — вслух произнес Алан. Он посмотрел в справочнике, какой телефонный номер Альберга Мартина, и позвонил ему, чтобы задать те вопросы, которые следовало было выяснить еще при первом разговоре.

5

— В котором часу ты увидел «Торнадо» выезжающим из твоего амбара, Фаззи? — спросил Алан и, еще во время ответа Мартина, уже подумал: «Он не знает. Черт побери, я не уверен, что он знает, как определять и называть время по часам».

Но Фаззи легко доказал шерифу обратное. — Как раз пробило, через сучью шерсть, три, шеф. — И, немного подумав, добавил: — Извините за откровенность.

— Ты не звонил до... — Алан глянул на свой ежедневник, куда он занес запись о звонке Фаззи совершенно машинально, не думая ни о чем, — до трех двадцать восемь.

— Нужно было все обдумать, — объяснил Фаззи. — Мужчине всегда следует посмотреть чуточку вперед перед тем, как сделать прыжок, шеф. По крайней мере, я всегда так делаю. Перед тем, как звонить я зашел в амбар глянуть не сотворил ли тот, кто взял машину, еще какой-либо бардак.

«Бардак, — подумал Алан, усмехнувшись. *Вероятно, кинулся проверить упаковку марихуаны, на месте ли она в своем тайнике в амбаре, Фаззи?*

— И он был?

— Был — что?

— Какой-либо бардак.

— Нет. Не думаю.

— А в каком положении был замок?

— Открыт, — грустно ответил Фаззи.

— Разбит?

— Нет. Просто раскрыт.

— Ключом, ты думаешь?

— Не могу представить, у кого может оказаться еще один подходящий к этому замку ключ. Я думаю, он подобрал что-то подходящее.

— Он был один в машине? — спросил Алан. — Ты можешь сказать мне это?

Фаззи помогал, обдумывая ответ. — Я не могу быть уверен, — наконец произнес он. — Я знаю, о чем вы сейчас думаете, шеф — если я смог разобрать номер на пластине и прочесть эту блядскую наклейку, я уж, конечно, смог бы заметить, сколько народу было внутри машины. Но солнце отражалось от стекла, и мне кажется, что это стекло было не простое. Я думаю, оно было тонированное. Не слишком сильно, но все же.

— О'кей, Фаззи. Спасибо. Мы это все проверим и выясним.

— Да, он уехал отсюда, — сказал Фаззи, а затем добавил, озаренный необычайной дедукцией: — Но он должен быть *где-то*.

— Это истинная правда, — согласился шериф. Он пообещал Фаззи рассказать о том «как это все утряслось» и повесил трубку. Он отодвинулся от стола и взглянул на часы.

«Три», сказал Фаззи. «Как раз, через сучью шерсть, три. Извините за откровенность».

Алан не думал, что существовала какая-нибудь возможность для Тада добраться из Ладлоу в Кастл Рок за три часа, то есть почти со скоростью ракеты, не говоря уж о побочном заезде назад домой, чтобы поразвлечься — невинный заезд, во время которого он случайно прихватил как заложников жену с детьми, а попутно уж прикончил и парочку охранников. Может быть, он все же ухитрился бы доехать

сюда прямо из Ладлоу, но приехать туда ранее откуда-то еще, затем уже остановиться в Ладлоу, потом поспеть сюда вовремя, чтобы открыть замок и укатить в «Торнадо», которое он неизвестно когда и как пристроил в амбаре Фаззи Мартина? Совершенно невероятно.

Но предположим, что кто-то *еще* убил охранников в доме Бомонта и захватил семью Тада. Кто-то, кому не надо было метаться, чтобы скрыться от эскорта полицейских, менять машины и делать побочные заезды. Кто-то, кто просто запихнул Лиз Бомонт с близнецами в машину и направился в Кастрл Рок? Алан подумал, что *они* вполне могли поспеть сюда к тому времени, когда Фаззи Мартину пришлось их увидеть сразу после трех. Они бы это могли сделать не особо запыхавшись.

Полиция — слушай патрульного Харрисона, по крайней мере, на данное время — подозревает Тада, но Харрисон и его *друзья* не знают о «Торнадо».

Миссисипский номер, сказал Фаззи.

Миссисипи был родным штатом Джорджа Старка, согласно выдуманной Тадом биографии этого человека. Если бы Тад был достаточно шизиком, чтобы видеть себя самого Старком, хотя бы на время, он бы, конечно, мог подкрепить свои иллюзии и фантазии черным «Торнадо»... но чтобы заполучить номера, ему бы пришлось не только съездить в Миссисипи, но и доказать тамошнее свое местожительство.

Это глупо. Он мог украсть миссисипский номер. Или купить ненужный. Фаззи ничего не сказал о том, какого года были ярлычные метки — из дома их, видимо, просто нельзя разобрать даже с помощью бинокля.

Но это ведь не был автомобиль Тада. Не мог быть. Лиз бы знала.

Может быть, нет. Если он достаточно безумен, может быть и нет.

Затем еще закрытая на замок дверь. Как Тад вошел в амбар, не сломав замка? Он же писатель и преподаватель, а не взломщик.

«Дублетный ключ», — прошептало сознание Алана, но шериф не думал этого. Раз Фаззи хранил какое-то запрещенное курево, хотя бы время от времени, Алан был абсолютно уверен, что Фаззи будет особо заботлив и тщателен в обращении с этим ключом, как бы небрежен он ни был с окурками.

И последний вопрос, убийца: как получилось, что Фаззи никогда не видел этой черной машины раньше, раз он почти все время крутился вокруг своего амбара? Как так могло случиться?

«*Попробуй здесь*, — прошептал голос из самых глубин сознания Алана Пэнборна, когда тот схватил свою шляпу и вышел из офиса. — *Это очень забавная идея, Алан. Ты будешь смеяться. Ты будешь смеяться, как дьявол. Предположи, что Тад Бомонт был прав на все сто процентов во всем, с самого начала. Представь, что есть монстр по имени Джордж Старк, шныряющий*

здесь повсюду... и элементы его жизни, элементы, созданные воображением Тада, оживают в действительности, когда это ему требуется? КОГДА они ему требуются, но не всегда там, ГДЕ это ему требуется. Потому что они всегда появляются в тех местах, где это было как-то связано с жизнью их настоящего создателя. Поэтому Старку пришлось извлекать свой автомобиль из того гаража, где Тад хранит свой, точно так же, как он начал свое земное существование, вылезши из могилы, в которой его символически похоронил Тад. Тебе не очень нравится все это? Это ли не вопль откровения?»

Ему это совсем не нравилось. Это не было воплем. И это даже не было забавно. Это наносило широкую и мрачную царапину не поперек всего, во что он до сих пор верил, но поперек того направления, по которому его приучили мыслить.

Он заметил, что пытается вспомнить нечто, сказанное Тадом: «Я не знаю, кто я, когда пишу. — Тад не был точен, но очень близок к истине. — И что даже еще более удивительно, мне никогда не приходилось задумываться об этом до сего времени».

— Ты был им, не так ли? — тихо спросил Алан. — Ты был им, а он — тобой, и вот каким образом рос убийца, папочка пригрозил на шее ласку.

Он содрогнулся, и выглянувшая как раз в это время из диспетчерской Шейла Бриггем, сидевшая за машинкой, удивленно сказала: — Сейчас слишком жарко для этого, Алан. Ты должно быть появился откуда-то снизу, с холода.

— Пришел снизу — и с чем-то, как я думаю, — сообщил Алан. — Сядь на телефон, Шейла. Передавай все незначительное Ситу Томасу. Что-нибудь важное — мне. Где Клат?

— Я здесь! — радостный голос Клата раздался из туалета.

— Я думаю вернуться через сорок пять минут или что-нибудь в этом роде, — крикнул Алан. — Ты займешь мое место за столом, пока я не вернусь!

— Куда ты собираешься, Алан? — Клат уже вышел из мужской комнаты, запрягивая внутрь рубашку цвета хаки.

— На озеро, — быстро и коротко ответил шериф и покинул офис очень стремительно, либо для того, чтобы Клат или Шейла уже не успели задать новых вопросов... либо для того, чтобы он сам не смог бы особо долго размышлять над тем, что он сейчас делает. Такой уход без четко обозначенного намерения в данной ситуации был очень скверной идеей. Она вызывала не то что беспокойство; она напрашивалась на убийство.

Но то, что он думал,

(воробьи летают)

просто не могло быть правдой. Не могло. Должно было найтись более разумное объяснение.

Шериф все еще пытался убедить себя в этом предположении, пока он гнал свою машину из города в самую худшую беду в его жизни.

6

Около дороги 5 находилась зона отдыха, примерно в полумиле от участка Фаззи Мартина. Алан свернул туда, движимый наполовину подозрением, а наполовину предчувствием. Подозрение объяснялось весьма просто: черный «Торнадо» или не черный «Торнадо» — они не могли появиться здесь из Ладлоу на ковре-самолете. Или должны были управлять. Что означало, что где-то поблизости должен находиться угнанный автомобиль. Человек, за которым он охотился, спрятал угнанный пикап Хомера Гамаша на парковочной стоянке около шоссе, когда тот ему больше уже не понадобился, а то, что преступник проделал однажды, он, как правило, повторяет.

Здесь он нашел три машины, стоявших рядышком: грузовик-пивовоз, новый «Форд Эскорт» и густо покрытый дорожной пылью «Вольво».

Когда Алан вышел из патрульной машины, мужчины в зеленом комбинезоне вылез из туалета и зашагал к кабине грузовика-пивовоза. Он был низкоросл, черноволос и узкоплеч. Совсем не Джордж Старк.

— Офицер, — дружески обратился он к Алану и отдал ему небольшой военный салют. Алан кивнул в ответ и направился к трем пожилым леди, сидевшим за столиком для пикника и распивавшим кофе из термосов под аккомпанемент оживленной беседы.

— Хэллоу, офицер, — сказала одна из них. — Мы чем-нибудь можем помочь вам? *«Или мы, быть может, делаем что-то не так?»* — спросили их встревоженные глаза.

— Я только интересуюсь, ваши ли эти «Форд» и «Вольво», — ответил Алан.

— «Форд» — мой, — сказала вторая дама. — Мы все в нем приехали. А насчет «Вольво» я ничего не знаю. Это разыскиваемая машина? Мой сын как-то разыскивал свою машину, но он *такой забывчивый!* Сорок три года, и я все еще должна говорить ему...

— Все в порядке, мэм, — сказал Алан, одарив их лучшей улыбкой на тему «полисмен — ваш лучший друг». — Никому из вас не пришлось увидеть, как приехал сюда этот «Вольво»?

Они покачали головой.

— Может, вы видели кого-нибудь здесь еще, кому бы могла принадлежать эта машина?

— Нет, — ответила третья дама. Она взглянула на него маленькими яркими глазками. — Вы идете по следу, офицер?

— Извините, мэм?

— Разыскиваете преступника, я подразумеваю.

— Ох, — сказал Алан. Он почувствовал замешательство. Что действительно он здесь искал? О чем он в сущности думал, *попав* сюда? — Нет, мэм. Я просто люблю «Вольво». (Мальчик, это звучит очень красиво. Это звучит просто... чертовски... *мастерски*.)

— Ах, — сказала первая дама. — ну, мы так никого здесь и не видели. Не хотите ли чашку кофе? Я думаю, она никогда не помешает.

— Нет, спасибо, — ответил шериф. — Желаю приятного дня, леди.

— Вам также, офицер, — хором ответили все трое, продемонстрировав удивительную трехчастную гармонию. Это заставило Алана еще больше ощутить всю нереальность происходящего.

Он подошел к «Вольво». Попробовал дверцу водителя. Она открылась. Салон автомобиля напоминал раскаленный горячим солнцем чердак. Здесь кто-то еще недавно сидел. Он посмотрел в хвост салона и увидел пакет, несколько больше обычно используемого для одежды, лежащий на полу. Алан нагнулся между сиденьями и поднял его.

«НОСОВЫЕ ПЛАТКИ» красовалось на пакете, и шериф ощутил себя так, будто кто-то зачихнул ему в желудок шар для боулинга.

«Это еще ничего не означает, — сразу проговорил голос Протокола и Разума. — По крайней мере, ничего обязательного. Я знаю, о чем ты думаешь: о детях. Но, Алан, эти вещи распродаются везде в дорожных киосках, где ты покупаешь жареных цыплят, ради всего святого».

И все же...

Алан убрал пакет в один из карманов и вышел из машины. он уже собирался захлопнуть дверь, но затем опять нагнулся. Он пытался заглянуть под щиток управления и никак не мог сделать этого на своих длинных ногах. Ему пришлось встать на колени.

Кто-то зачихнул еще один шар в его живот. Он издал неясный звук — тот звук, который служит у мужчин выражением попадания в трудно достигаемую мишень.

Провода зажигания были прикручены книзу, а их медные жилы оплавлены. Это произошло, как знал Алан, после их соединения друг с другом. «Вольво» был заведен «горячей проволокой», а не ключом от зажигания. Затем, уже здесь, водитель разъединил эти провода, чтобы вырубить двигатель и оставить машину на парковочной стоянке.

Значит, это правда — хотя бы частично. Большим вопросом остается, насколько велика эта часть. Он начал ощущать себя человеком, приближающимся все больше и больше к потенциально для него смертельно разгадыванию тайны.

Алан подошел к патрульной машине, влез в нее, включил двигатель и снял микрофон с вилки держателя.

«В чем же истина? — шептали Протокол и Разум. Боже, это был сводящий с ума голос. — Что кто-то забрался в дом Бомонта у озера. Да — это возможная правда. Что кто-то, называемый Джорджем

Старком, вытащил тот черный «Торнадо» из амбара Фаззи Мартина? Продолжай, Алан».

Две мысли пришли к нему почти одновременно. Первая была о том, что если он свяжется с Генри Пейтоном из полицейского управления в Оксфорде, как ему говорил Харрисон, он возможно никогда не узнает, чем завершилась эта игра. Лейк Лейн, где располагался летний дом Тада Бомонта, была смертельным концом. Полиция штата прикажет ему самому не приближаться к дому — особенно, когда узнают, что человек, держащий там Лиз с двумя детьми, подозревается не менее чем в двенадцати убийствах. Они захотят, чтобы шериф только заблокировал дорогу и больше *ничего*, пока они пришлют сюда армаду патрульных машин, может быть, броневик и, как мог предполагать Алан, несколько подрывников и боевых вертолетов.

Вторая мысль была о Старке.

Они не думали о Старке, они даже *не знали* о нем.

Но что если Старк реально существует?

В этом случае, Алан склонялся к мнению, что присылка отряда патрульных, ничего не знающих о том, с чем им придется столкнуться в доме на Лейк Лейн, будет напоминать марш в мясорубку.

Он положил микрофон обратно. Он должен заняться этим и заняться один. Возможно, это и ошибка, вероятно даже, но это то, что он собирался сделать. Он мог жить с мыслью о собственной глупости, Бог знает, что это уже случилось с ним и ранее. Но он не мог жить, сознавая вероятность того, что он вынудил смерть женщины с двумя младенцами, вызвав по радио полицейскую подмогу, не зная подлинной ситуации.

Алан вылетел из зоны отдыха и направил машину на Лейк Лейн.

Глава 24 ПРИБЫТИЕ ВОРОБЬЕВ

1

Тад не поехал через шлагбаум (Старк дал команду Лиз ехать именно там, что сэкономило им полчаса дороги), а потому должен был миновать либо Льюистон-Обурн, либо Оксфорд. Льюистон-Обурн, или Л.О., как его чаще именовали местные жители, был куда более крупным городом, чем Оксфорд... но полицейское управление и казармы находились именно в Оксфорде.

Тад выбрал Л.О.

Он стоял у светофора и все время поглядывал на зеркало заднего обзора, выискивая полицейские автомобили. В это время его снова захватила мысль, которая пришла ему в голову еще во время разговора с Роули у автомобильной свалки. На этот раз она не была столь щекочущей, а скорее напоминала удар открытой ладонью.

Я знаю. Я хозяин. Я посредник.

«Мы связаны здесь с магией, — подумал Тад, — а любой маг, стоящий своего звания, имеет свою волшебную палочку. Все это знают, к счастью, и я знаю, где можно найти этот нужный мне предмет. Где, фактически, его продают дюжинами».

Ближайший магазин канцпринадлежностей был на Коурт-стрит, и Тад свернул в том направлении. Он был уверен, что в его летнем доме в Касл Роке имелись карандаши «Бэрол блэк бьюти», и столь же уверен, что Старк привез с собой собственные карандаши, но Тад не хотел ими пользоваться. Ему нужны были те карандаши, до которых Старк никогда не дотрагивался, будь это в то время, когда он существовал как часть Тада, либо как отдельное тело.

Тад нашел парковочную стоянку в полуквартале о магазина, заглушил мотор у «Фольксвагена» (который очень медленно и неохотно успокоился со свистом и угрожающим шипеньем) и вышел из машины. Было приятно освежиться от запаха табачной трубки Роули на открытом воздухе.

Тад купил в магазине коробку искомых черных карандашей. Торговец любезно разрешил Таду заточить несколько карандашей закрепленной у него же на стене точилкой. Тад так и сделал, отточив шесть карандашей. Их он положил в нагрудный карман, выровняв по торцам. Заостренные головки торчали, как боеголовки небольших, но очень мощных снарядов.

«Быстро и непонятно, — подумал Тад. — Можно начинать гулянку».

Он вернулся к машине Роули, забрался в нее и просто присел там на минутку, напевая вполголоса «Джон Уэсли Хардинг». Вспомнились

почти все слова этой песни. Было просто удивительно, чего только не сделает человеческое сознание под принуждением.

«Это может быть очень, очень опасным», — подумал Тад. Он решил, что ему не стоит особо беспокоиться о себе самом. Ведь это он, в конце концов, запустил в этот мир Джорджа Старка, а потому именно он, Тад Бомонт, и несет ответственность за этого монстра. Это, конечно, не совсем справедливо; Тад не мог думать, что создавал Старка с каким-то дьявольскими намерениями. Он не мог ставить себя в один ряд со столь печально знаменитыми докторами как господина Джекил и Френкенштейн, даже несмотря на то, что могло произойти с его женой и детьми. Он ведь не принимался за работу над серией романов, чтобы заработать кучу денег, и уж, конечно, не для того, чтобы создать ужасное чудовище. Он только пытался найти свой путь через блокаду, воздвигнутую на его литературном поприще. Он ведь только пытался найти способ написать еще одну хорошую вещь, поскольку это делало его счастливым.

Вместо этого он вызвал что-то типа сверхъестественного заболевания. А ведь в мире и так существует множество болезней, которые пристают к людям, никак не заслужившим их — такие веселые случаи как церебральный паралич, дистрофия мышц, эпилепсия — но если уж вы заполучили их, то вам приходится жить и страдать с ними. Как называлась та старая постановка по радио? «Назови ЭТО и потребуй ЭТО»?

Но это может быть также очень опасным и для Лиз и детей, настаивало его сознание, весьма обоснованно.

Да. Нейрохирургия также может быть опасной... но если у вас растет опухоль, какие еще остаются здесь шансы?

Он будет смотреть. Внимательно. Карандаши — это отлично; он должен быть здесь просто польщен их выбором. Но если он почувствует, что ты собираешься с ними сделать или выяснит о птичьей манке... если он догадается про воробьев... дьявольщина, если даже он угадает, что здесь есть что-то, требующее отгадки,... тогда ты окажешься глубоко в дерьме.

«Но это должно сработать», — шептала другая часть сознания Тада. — *Черт бы тебя побрал, ты же знаешь, что это может сработать».*

Да, он это знал. И потому что где-то в глубине своего сознания он был уверен, что ничего другого все равно нет, Тад направил «Фольксваген» к Кастл Року.

Пятнадцатью минутами позже он выехал за пределы Обурна и ехал на запад в район озер.

Последние сорок миль пути Старк упорно твердил о «Стальном Мэшине», книге, в написании которой должны были сотрудничать

он с Тадом. Он помог Лиз с детьми — всегда держа одну руку свободной и около пристегнутого к поясу револьвера, чтобы у нее не возникало каких-либо сомнений — пока она открывала летний дом и впускала их. Она надеялась, что кто-нибудь их заметит из машин, стоящих на хотя бы некоторых дорожках в сторону Лейк Лейн, или что она сможет услышать голоса или звуки пилы, но слышались только усыпляющее гудение насекомых и мощный рокот мотора «Торнадо». Казалось, что этому сукину сыну действительно сопутствовала дьявольская удача.

Все время, пока они разгружались и вносили вещи в дом, Старк продолжал говорить. Он не сделал даже перерыва в этом, вытаскив бритву для того, чтобы перерезать подкладки к телефонным розеткам, обесточив все, кроме одной. А про книгу все звучало очень хорошо. Это была действительно ужасная идея. Книга звучала просто зловеще. Она звучала так, будто должна быть столь же объемной как «Путь Мэшина», а, может быть, даже еще толще.

— Мне надо идти в ванную, — сказала Лиз, закончив с багажом и прерывая его на полуслове.

— Это хорошо, — сказал Старк кротко, поворачиваясь, чтобы взглянуть на нее. Он снял свои солнцезащитные очки, как только они прибыли, и теперь ей пришлось отвернуться от него. Это ужасное, сводящее с ума, ободранное лицо было слишком большим испытанием для Лиз, чтобы она могла его выдержать. — Я как раз иду туда.

— Мне бы хотелось побыть одной, когда я привожу себя в порядок. Разве нельзя?

— Это меня не взволнует, так или иначе, — сказал Старк с безмятежной бодростью. Это настроение не покидало его с тех пор, как они проехали шлагбаум у Гейтс Фоллс — вокруг Старка существовала та безошибочно угадываемая атмосфера человека, который твердо теперь знает, что его дела идут на лад.

— Но это имеет значение для *меня*, — сказала Лиз тоном, словно она беседует с особенно тупым ребенком. Она чувствовала, что ее пальцы впиваются в ладони ногтями. В сознании Лиз мелькнула картина, как она впивается этими ногтями в его выпученные глаза и они вылетают из этих зияющих глазниц... и когда она рискнула взглянуть все же на него и увидела его насмешливое лицо, она уже поняла, что он знает, что она чувствует и о чем думает.

— Я просто постою в дверном проеме, — сказал он с полным смирением. — Я буду хорошим мальчиком. Я не буду подглядывать.

Дети начали все более интенсивно ползать по всей гостиной. Они были бодрые, шумные и полны творческих замыслов. Казалось, им радостно оказаться здесь, где они раньше были только однажды, в долгий зимний уик-энд.

— Их нельзя оставлять одних, — заметила Лиз. — Ванная отделена от спальни. Если они уползут куда-то, то могут попасть в беду.

— Не беспокойся, Бет, — сказал Старк и взял без особых усилий по одному близнецу на каждую руку. Она еще утром была абсолютно уверена, что если бы кто-то кроме нее самой и Тада попытался это проделать с детьми, те бы просто захлебнулись от крика и плача. Но когда Старк сделал это, Уэнди и Уильям радостно захихикали, как будто с ними произошла самая забавная штука под солнцем. — Я отнесу их в спальню и присмотрю за ними вместо тебя. — Он повернулся и добавил с мгновенной холодностью: — Я буду заботиться о них также. Я не желаю причинять им какого-либо вреда, Бет. Я люблю их. Если с ними что-нибудь случится, это будет не моя вина.

Она вошла в ванную, а он остался в дверном проеме, спиной к ней, как он и обещал, следя за близнецами. Когда она сняла рубашку и спустила трусики, Лиз надеялась, что Старк будет человеком слова. Она, конечно, не умрет, если он повернется и увидит ее над унита-зом... но если он увидит ножницы, спрятанные в ее белье, она может отправиться на тот свет.

И, как обычно, когда она была в спешке, ее мочевой пузырь не очень-то ей подчинялся. *«Давай же, давай, — думала она со страхом и нетерпением. — Что за дела, не хочешь же ты тут собирать еще больше зрителей?»*

Наконец-то.

— Но когда они попытались выйти из сарая, — говорил Старк, — Мэшин поджег тот бензин, который они пролили ночью. Ведь здорово? Это прямо как фильм, Бет — те задницы, которые снимают фильмы, любят пожары.

Она завернула ножницы в туалетную бумагу и очень тщательно и осторожно натянула трусики. Она не спускала глаз со спины Старка, молясь, чтобы тот не обернулся. Он не сделал этого. Он был сильно увлечен своим же собственным повествованием.

— Вестерман и Джек Рэнгли кинулись обратно внутрь, надеясь прорваться на машине через огонь. Но Эллингтон заметался и...

Он вдруг оборвал себя, его голова наклонилась в сторону. Затем он повернулся к ней, как раз тогда, когда она оправляла рубашку.

— Вон, — коротко сказал он, и все добродушие исчезло из его голоса. — Убирайся отсюда сию секунду.

— Что...

Он схватил ее за руку с грубой силой и потащил в спальню. Он прошел в ванную и открыл аптечку. — К нам кто-то присоединяется, и еще слишком рано для Тада.

— Я не...

— Мотор автомобиля, — коротко пояснил Старк. — Мощный мотор. Может быть, полицейский перехватчик. Слышишь его?

Старк захлопнул аптечку и открыл ящик справа от умывальника. Он нашел рулон клейкого пластыря и открыл большую ленту.

Лиз ничего не слышала, о чем и сказала.

— О'кей, — ответил Старк. — Я могу слушать за нас двоих. Руки назад.

— Что ты собираешься...

— Заткнись и протяни руки за спину!

Она подчинилась, и ее кисти были немедленно перевязаны крепко-накрепко. Старк выдвигал лентой восьмерку вперед и назад, вперед и назад.

— Мотор заглушили, — сказал Старк. — Может быть, в четверти мили вверх по дороге. Кто-то пытается хитрить.

Ей подумалось, что она могла услышать мотор в последний миг, но это было лишь предположение. Она сама же решила, что вряд ли что-нибудь услышала, если бы не прислушивалась ко всему с максимальным напряжением. Господи, до чего остер у него слух.

— Хочу перерезать ленту, — сказал Старк. — Извини за секундное беспокойство, Бет. Слишком мало времени для вежливости.

И прежде чем она даже поняла, что он делает, он уже запустил руку спереди под ее рубашку. А через какой-то момент он уже извлек ножницы. Он даже не оцарапал ей кожу их кончиками.

Он посмотрел ей в глаза перед тем как обойти ее сзади и перерезать ленту. Он снова выглядел веселым.

— Ты заметил их, — сказала она вяло. — Ты в конце концов заметил бугорок.

— Ножницы? — рассмеялся Старк. — Я увидел их, а не бугорок. Я увидел их в твоих *глазах*, дорогая Бетти. Я увидел их еще Ладлоу. Я знал, что они у тебя с той же минуты, когда ты спускалась по лестнице.

Он опустился перед ней на колени с лентой — резко и зловеще — как ухажер, предлагающий жениться. Затем еще раз взглянул на Лиз. — Не пытайся думать, как бы лягнуть меня, Бет. Я не знаю наверное, но думаю, что там прибыл коп. И у меня нет времени перепихиваться с тобой, как бы мне этого не хотелось. Поэтому постоишь здесь.

— Дети...

— Я закрою двери, — ответил Старк. — Они не столь высоки ростом, чтобы даже встав на ноги дотянуться до ручек замков. Они могут съесть несколько запялившихся котят под кроватью, но это я думаю, будет самое худшее, что им может угрожать. Я вернусь очень скоро.

Сейчас лента описывала восьмерки вокруг ее лодыжек. Он обрезал излишки и выпрямился.

— Ты будешь хорошо вести себя, Бет, — сказал Старк. — Не потеряй своих счастливых мыслей. Иначе я заставлю тебя заплатить за это... но сперва ты будешь наблюдать, как за это расплачиваются они.

Затем он закрыл двери в ванную и в спальню и ушел. Он удалился со скоростью хорошего мага, выполняющего любимый трюк.

Она подумала о револьвере, хранящемся в сарае для инструментов. Там же должны были быть и пули? Она была почти уверена в этом. Полкоробки на верхней полке.

Лиз начала вращать свои кулаки вперед и назад. Старк затянул ленту очень туго и она некоторое время была не уверена, удастся ли ей хотя бы ослабить пути, не говоря уж о том, чтобы освободиться от них.

Наконец она ощутила, что лента чуть ослабла и с удвоенной энергией стала вращать кулаки все быстрее и почти задыхаясь.

Уильям подполз к ней, коснулся руками ног матери и вопросительно посмотрел на нее.

— Все идет прекрасно, — сказала Лиз, улыбаясь ему.

Уил в ответ тоже улыбнулся и уполз прочь в поисках сестры. Лиз отбросила прядь волос, свесившуюся ей на глаза резким движением вскиннутой головы и снова принялась вращать кулаки назад и вперед, назад и вперед.

3

Сколько мог видеть Алан Пэнборн, Лейк Лейн была абсолютно пустынно... по крайней мере, до той границы, которой он решил достиг. Это была шестая подъездная дорожка от дорожной магистрали. Он полагал, что еще мог бы безопасно проехать чуть-чуть вперед — в доме Бомонта никак нельзя было услышать шум мотора патрульной машины на таком расстоянии да еще имея между собой два холма — но все же лучше осторожность. Он поехал вниз к А-образному коттеджу семьи Уильямсов, которые приезжали сюда на лето из Линна, штат Массачусетс, и остановился на маленькой площадке из насыпного гравия под старой сосной. Алан заглушил двигатель и вышел из машины.

Он огляделся и увидел воробьев.

Они сидели на крыше дома Уильямсов. Они также сидели на высоких деревьях, окружавших дом. Они усеяли скалы пониже у берега озера. Они также кишмя кишели в сухом доке Уильямсов, почти полностью закрыв деревянный корпус яхты. Везде были сотни и сотни этих воробьев.

И все они молчали, только глядя на него маленькими черными глазками.

— Иисус Христос, — прошептал шериф.

Были еще сверчки, трещащие свои трели в высокой траве, подошедшей почти к фундаменту дома Уильямсов, и спокойная гладь озера напротив дока, и самолет, летящий на запад, к Нью-Гемпширу. А в остальном все было тихо и пустынно. Не слышалось даже отдаленного шума моторной лодки на озере.

Только эти птицы.

Все эти птицы.

Алан почувствовал глубокое чувство тревоги, ползущее где-то по всему его скелету. Он видал собиравшихся в стайки воробьев весной и осенью, иногда их насчитывалось там до ста или даже двухсот птиц

вместе, но шерифу никогда за всю его жизнь не приходилось сталкиваться с чем-то похожим на это.

Они прилетели ради Тада... или Старка?

Он снова посмотрел на свой радиомикрофон, думая, не стоит ли ему все же сделать вызов. Все это было слишком дико и слишком необъяснимо.

Что если они все сразу улетят? Если он здесь, и он столь пронизательный, как говорит Тад, то он услышит это, конечно. Он это очень хорошо услышит тут же.

Алан начал движение. Воробьи не шелохнулись... Но новая их стая появилась и осела на деревьях. Они его окружали теперь повсюду, уставясь на него строгими глазами, словно жестокосердные присяжные глядящие на убийцу на скамье подсудимых. Их не было только позади дороги. Деревья, окаймляющие Лейк Лейн, были чисты от воробьев.

Алан решил идти назад этим путем.

Гнетущая мысль, сперва совсем неясная и трудноразличимая, пришла ему в голову — что это решение, быть может, самая крупная ошибка за всю его профессиональную полицейскую деятельность.

«Я только хочу разведать местность, — подумал Пэнборн. — Если птицы не летают — а они, кажется, и не собираются этого делать — со мной все должно быть о'кей. Я могу подняться по этой дорожке, пересечь Лейн и пройти лесом к дому Бомонта. Если «Торнадо» там, я увижу его. Если я увижу машину, я могу увидеть и его. И если я это смогу сделать, по крайней мере, будет ясно, с чем я столкнулся. Я узнаю, кто это — Тад или... кто-то еще».

Также мелькнула и другая мысль. Мысль, которую Алан старался не обдумывать, потому что это может спугнуть удачу. Если он действительно увидит хозяина черного «Торнадо», он, может быть, получит возможность точно прицелиться. У него может появиться возможность прикончить этого ублюдка прямо там, на месте. Если бы это действительно произошло, ему бы крепко досталось от полицейского управления штата за невыполнение ясных приказов... но Лиз и дети были бы спасены, а сейчас это было главным, что его беспокоило более всего.

Еще больше воробьев бесшумно приземлилось с неба. Они усеяли асфальт подъездной дорожки Уильямсов. Один из воробьев сидел менее чем в пяти футах от ботинок Алана. Он сделал замахивающееся движение, чтобы отогнать воробья и тут же пожалел об этом, почти ожидая, что вслед за этим воробьем взлетит в небо вся эта ужасающая масса птиц.

Воробей только чуть отскочил. Это было все.

Другой воробей сел на плечо Алана. Он с трудом мог поверить своим глазам, но воробей сидел именно там. Алан махнул на него рукой, и воробей пересел на нее. Его клюв раскрылся, будто воробей

собирался клюнуть шерифа в ладонь... а затем это прекратилось. С тяжело бьющимся сердцем Алан опустил руку. Птица слетела, взмахнув разок крылышками и приземлилась на дорожку, к своим коллегам. Она следила за Аланом яркими бесчувственными глазами.

Алан глотнул воздуха. В его горле послышался щелчок. — Что же вы такое?

Воробьи только смотрели на него. И теперь все деревья, сосны и клены, на этой стороне Кастрл Лейк были полны птицами. Он слышал кое-где потрескивание старых сучьев под их суммарным весом.

Их косточки полые, — подумал шериф. — *Они же почти ничего не весят. Сколько же их должно было налететь сюда, чтобы вызвать треск сука.*

Он не знал. И не хотел знать.

Алан расстегнул кобуру своего револьвера 38-го калибра и зашагал назад по крутому уклону дорожки к дому Уильямсов, прочь от воробьев. Когда он достиг Лейк Лейн, которая являлась только грязной проселочной дорогой, заросшей полосками травы между автомобильной колеей, лицо шерифа было залито потом, а рубашка плотно прилипла к его спине. Он огляделся. Он мог видеть воробьев на всем своем пути — сейчас же они сидели на крыше его патрульной машины, закрыв собой почти весь корпус, капот и крылья машины — но нигде рядом с ним не было ни одного воробья.

«Все это выглядит, — подумал Алан, — *словно они не хотят подпускать меня слишком близко... по крайней мере, не сейчас. Слово здесь их театральные подмостки».*

Шериф посмотрел вдоль обеих дорожек Лейн на то место, где он надеялся найти укрытие в зарослях сумаха. Нигде не видно ни души — только воробьи, и все они вернулись на тот склон, где стоял коттедж Уильямсов. Никаких звуков, кроме сверчков и пары москитов, кружащихся вокруг его лица.

Хорошо.

Алан перебежал через дорогу, словно солдат на вражеской территории, голова низко между приподнятых плеч, перепрыгнул большую яму и скрылся в лесу. Оказавшись под прикрытием, он собирался дойти до дома Бомонта как можно быстрее и бесшумнее.

4

Восточная часть озера Кастрл лежала у подножия длинного и полого холма. Лейк Лейн находилась посредине этого склона, и большинство домов были настолько удалены отсюда, что Алан мог видеть только верхушки их крыш со своей позиции, примерно на двадцать ярдов выше дороги, на холме. В некоторых случаях дома вообще были не видны. Но он мог видеть дорогу и отходящие от нее подъездные дорожки, и пока он не собьется со счета, все будет о'кей.

Когда он добрался до пятого отводного поворота после подъездной дорожки Уильямсов, шериф остановился. Он посмотрел назад, чтобы проверить, сопровождают ли его воробьи. Идея была странной, но никак не покидавшей его. Он не заметил даже их признаков здесь, и ему вдруг пришло в голову, не померещилась ли его возбужденному сознанию вся эта чертовщина с птицами.

«Забудь это, — подумал он. — Ты не вообразил это. Они были здесь... и они все еще здесь».

Он взглянул вниз на дорожку к дому Бомонтов, но ничего не увидел со своего места. Он начал спускаться, медленно бесшумно двигаясь. Он действовал настолько тихо, что был готов сам себя поздравить с таким достижением, но в этот момент Джордж Старк приставил револьвер к левому уху шерифа и сказал: — Если ты дернешься, старина, основная часть твоих мозгов окажется у тебя на правом плече.

5

Алан повернул голову очень медленно, чрезвычайно медленно.

То что он увидел почти заставило его пожалеть, что он не родился слепым.

— Я догадываюсь, что меня вряд ли сфотографируют для обложки «Голден Куилл»*? — спросил Старк. Он ухмылялся. Улыбка показывала столько его зубов (и пустых дыр в деснах), чем это смогла бы обеспечить самая широкая улыбка нормального человека. Лицо было покрыто язвами, и кожа свисала целыми лоскутами. Но не это вызывало особый ужас — тот, который превращал живот Алана в мешок, содрогающийся от конвульсий и судорог. Что-то непонятное и неправильное отражалось в структуре лица этого человека. Оно, казалось, не просто распадается, а подвергается какой-то особой *мутации*.

Он, конечно, знал, кто стоит перед ним с револьвером, как бы он ни выглядел. Волосы, безжизненные и облезлые, были когда-то светлыми. Плечи по-прежнему были почти столь же широки, как у игрока в американский футбол со щитками на плечах, локтях и коленях. Он обладал какой-то особой, легконогой грациозностью, несмотря на то, что сейчас не двигался и смотрел на Алана с добродушной усмешкой.

Это был человек, который не мог существовать, который никогда не *должен* был существовать.

Это был тот самый мистер Джордж Старк, модный сукин сын из Оксфорда, штат Миссисипи.

* Журнал «Золотое перо» — о наградах и премиях в области литературы.

Все было правильно.

— Добро пожаловать на карнавал, старина, — мягко приветствовал его Старк. — Ты движешься очень ловко для такого крупного парня. Я чуть было не пропустил тебя сперва, и мне пришлось поискать тебя. Давай-ка двинемся к дому. Я хочу представить тебя одной маленькой женщине. А если ты сделаешь одно неверное движение, ты будешь мертв, а потом и она, и все ее славные малыши. Мне нечего терять во всем этом большом мире. Ты мне веришь?

Старк еще раз усмехнулся своим ужасным разваливающимся лицом. Сверчки продолжали свое треньканье в траве. Над озером прозвучал пронзительный крик луны, парящего где-то высоко в небе. Алан от всей души пожелал бы превратиться в эту птицу, потому что, когда он заглянул в глаза Старка, он не увидел там ничего кроме смерти и, может быть, еще пустоты.

Он вдруг осознал с внезапной и полной ясностью, что никогда больше не увидит жены и сыновей.

— Я верю в это, — ответил Пэнборн.

— Тогда выбрось свою пушку — и пошли.

Алан выполнил требование Старка. Тот следовал за шерифом, и ни вышли на дорогу. Затем перешли ее и начали спускаться по подъездной дорожке к дому Бомонтов. Он был сложен из тяжелых деревянных щитов, почти так же как это строят в Малибу, на побережье. Насколько мог видеть Алан, вокруг дома не было воробьев. Совсем ни одного.

«Торнадо» стоял у самой двери, черный и сверкающий тарантул под лучами уже угасающего солнца. Машина напоминала по очертаниям пулю. Алан прочел надпись на бампере с очень небольшим удивлением. Все его эмоции как-то странно притупились, он был словно во сне, но от этого сна ему вскоре придется очнуться.

«Ты не должен хотеть думать об этом таким образом, — предупредил он самого себя. — Думая так, ты наверняка будешь убит».

Это просто забавно, потому что он уже мертвец, разве это неясно? Он был здесь, подходил на цыпочках к подъездной дорожке Бомонтов, думал проскользнуть туда, как индейский разведчик, все как следует осмотреть и выяснить... а Старк просто приставил свой револьвер к его уху — и вся игра закончилась.

Я не услышал его, я даже не ощутил интуитивно его присутствия. Люди говорят, что я очень ловок и бесшумен, но этот малый заставил меня выглядеть так, словно у меня две левых ноги.

— Тебе нравятся мои колеса? — поинтересовался Старк.

— Сейчас, я думаю, каждый полицейский офицер в Мэне должен полюбить их, — ответил Алан, — потому что они их ищут.

Старк радостно расхохотался, — Почему бы мне и не поверить этому? — Дуло револьвера слегка подтолкнуло шерифа в спину. —

Заходи внутрь, мой старый дружище. Мы здесь ждем Тада. Когда он придет, я думаю, мы будем готовы исполнить с Тедди рок-н-ролл.

Алан взглянул на свободную руку Старка и увидел чрезвычайно странную вещь. На ладони не оказалось никаких линий. Совсем никаких.

6

— Алан, — воскликнула Лиз. — У вас все в порядке?

— Ну, — ответил Пэнборн, — насколько это возможно для человека, оказавшегося в лошадиной заднице, я думаю, что да, в порядке.

— Ты и не должен об этом думать, — мирно заявил Старк. Он показал на ножницы, которые он изъясил у Лиз. Старк убрал их на ночной столик у изголовья большой двойной кровати, вне досягаемости для близнецов. — Разрежь-ка ее путы на ногах, офицер Алан. Но не трогай кулаки, по-моему, она уже сама их освободила. Или ты не «офицер», а «шеф Алан»?

— *Шериф Алан*, — ответил Пэнборн и подумал: «Он знает это. Он знает меня — шерифа Алана Пэнборна из графства Кастл — потому что Тад знает меня. Но даже когда ему это и не надо скрывать, он никогда не выдает всего, что знает. Он хитер и лукав, как ласка, который процветает, таская кур из облюбованного курятника».

И вторично жуткая ясность приближения к нему смерти заполнила всю душу шерифа. Он попытался думать о воробьях, потому что они были тем единственным элементом ночного кошмара, который, как полагал Алан, не был знаком и известен Старку. Затем он подумал об этом еще получше. Этот мужчина был слишком пронизителен. Если Алан позволит себе надежду, Старк заметит это по его глазам... заинтересуется, к чему бы это.

Алан взял ножницы и освободил ноги Лиз Бомонт от ленты, в то время как она, наконец, высвободила руку и начала разматывать себе перебинтованные кисти.

— Ты собираешься наказать меня? — спросила она Старка с большим испугом. Она держала руки кверху, словно красные полосы на них от тугой ленты могли как-то удержать его от принятия решения.

— Нет, — ответил Старк с легкой усмешкой. — Как я могу обвинять тебя в том, что происходит столь естественно, дорогая Бет?

Она бросила на Старка облегченный испуганный взгляд и обняла детей. Она спросила его, можно ли забрать их на кухню, чтобы чем-то накормить. Они хорошо выпались до тех пор пока Старка припарковывал украденный у Кларков «Вольво» в зоне отдыха, а сейчас были очень оживлены и веселы.

— Еще бы, — ответил ей Старк. Он казался добродушным и в хорошем настроении... но в руке у него был револьвер, а глаза его без

устали перебегали с Лиз на Алана и обратно. — Почему бы нам всем не выйти отсюда? Я хочу поговорить с шерифом.

Они все двинулись в кухню, где Лиз начала готовить кушанье для детей. Алан наблюдал за близнецами, пока она этим занималась. Они были милыми малышами — настолько же милыми, как пара маленьких кроликов, и глядя на них Алан вспоминал те времена, когда он и Элли были много моложе, а Тоби, теперь старшеклассник, был завернут в пеленки, ну а Тодду еще надо было ждать несколько лет, чтобы появиться на этот свет.

Они счастливо и без усталы ползали туда и сюда, а Алан останавливал их движение или направлял их в другую сторону, когда он (или она) рисковали наткнуться на стул или стол и разбить об их ножки голову.

Старк вел беседу с шерифом, выполнявшим сейчас роль няньки.

— Ты думаешь, что я собираюсь тебя прикончить, — сказал Старк. — Не надо этого отрицать, шериф, я же вижу это по твоим глазам, а в них то самое выражение, которое мне давно и хорошо известно. Я бы мог солгать и сказать, что это неправда, но думаю, что ты мне все равно не поверишь. Ты же сам имеешь некоторый опыт в таких делах, разве не так?

— Думаю, что так, — сказал Пэнборн. — Но есть здесь нечто, которое выглядит несколько... ну, необычным для нормального полицейского дела.

Старк закинул голову назад и залился смехом. Близнецы посмотрели, привлеченные шумом, и тоже решили присоединиться к его смеху. Алан посмотрел на Лиз и увидел ужас и ненависть в ее глазах. Но было и еще что-то на ее лице, в этом трудно было сомневаться. Да. Алан решил, что это ревность. Он бессмысленно задумался, было ли это тем, чего еще не знает Джордж Старк. Он задал себе вопрос, имеет ли Старк представление о том, насколько опасной может быть эта женщина для него.

— Ты точно *это* определил! — заявил Старк, все еще посмеиваясь. Затем он стал серьезным. Он наклонился к Алану, и тот смог почувствовать гнилостный запах разлагающегося тела. — Но это *не должно* идти таким путем, шериф. Странности не могут допустить, чтобы ты вышел из этого дела живым, я это и сам тебе могу гарантировать, но кое-какая возможность существует. У меня здесь есть дела. Немного писанины. Тад должен будет помочь мне — он будет здесь основным насосом, если можно так выразиться. Я думаю, мы, вероятно, поработаем всю ночь, он и я, но к восходу солнца завтрашним утром, мне надо будет привести в порядок мой домик.

— Он хочет, чтобы Тад обучил его, как писать за самого себя, — сказала Лиз. — Он говорит, что они собираются сотрудничать в написании новой книги.

— Это не совсем точно и правильно, — возразил Старк. Он посмотрел на Лиз, и тень неудовольствия мелькнула на прежде

безмятежно-добродушном его лице, или на той поверхности, которую можно было считать лицом. — И он тоже мне должен, ты же знаешь. Может быть, он и знал, как надо писать, еще до тех пор пока я появился, но я научил его, как писать то, что люди будут хотеть прочитать. А разве будет прок от писанины, если никто не захочет ее читать?

— Нет — ты не понимаешь этого, — заявила Лиз.

— Что я кочу от него, — объяснил Старк Алану — есть своего рода переливание крови. Я очевидно, имею некоторый вид... желез, который прекратили функционировать у меня. *Временно*. Я думаю, Тад знает, как их снова заставить работать. Он это должен сделать, поскольку он в некотором роде вегетативно размножил меня из себя самого, если вы понимаете, что я подразумеваю. Я полагаю, что догадываюсь, вы можете сказать, он построил меня почти целиком.

«О нет, друг мой, — подумал шериф. — Это не так. Ты можешь этого не знать, но это совсем не так. Вы делали это совместно, вы двое, поскольку вы таковыми и были все это время. И вы были ужасно настойчивы. Тад пытался покончить с тобой еще до своего рождения и не сумел довести дело до конца. Затем, одиннадцать лет спустя, доктор Притчард попробовал это сделать собственноручно — и это помогло, но лишь на время. Наконец, Тад пригласил тебя вернуться. Он это сделал, не зная, что творит... потому что не знал о ТЕБЕ, Притчард никогда ему ничего не говорил. И ты пришел. Ты — призрак его мертвого брата... но ты и больше и меньше, чем это.»

Алан изловил Уэнди, которая рвалась к камину, до того момента, когда она могла бы попробовать на прочность поленницу.

Старк взглянул на Уэнди и Уильяма, а затем перевел взгляд на Алана. — Тад и я происходим из долгой истории с близнецами, ты знаешь. И, конечно, я появился на свет после гибели тех близнецов, которые были для этих двух старшими братьями или сестрами. Называй это некоторой разновидностью трансцендентального уравнивающего акта, если это годится.

— Я назову это безумием, — сказал Пэнборн.

Старк рассмеялся. — Вообще-то, и я тоже. Но тем не менее, это свершилось. Слово стало плотью, можно сказать. Как это произошло — в конце концов не столь уж и важно — важнее то, что я здесь сейчас.

«Ты ошибаешься, — подумал Пэнборн. — Как это произошло, может быть, самое главное СЕЙЧАС. Для нас, не для тебя... потому что, может быть, только это и сможет спасти нас.»

— Когда события дошли до определенной точки, я создал себя сам, — продолжал Старк. — И это на самом деле не столь уж удивительно, что у меня есть проблемы с собственным литературным творчеством? Создание самого себя... это требует немало энергии. Вы же не думаете, что такого рода события случаются ежедневно?

— Слава Богу, — сказала Лиз.

Это был либо прямой выпад, либо очень к этому близко. Голова Старка дернулась к ней со скоростью жалящей змеи, и на этот раз его раздражение было уже нешуточным. — Я думаю, тебе лучше захлопнуть сорочий клюв, Бет, — сказал он, — пока ты не навлекла беды на тех, кто не умеет сам пока разговаривать. Или сама.

Лиз посмотрела вниз на горшок в печи. Алан подумал, что она, должно быть, побледнела.

— Передай их сюда, Алан, если можешь, — спокойно сказала она. — Все готово.

Она взяла Уэнди на колени, а шериф — Уильяма. Было просто забавно, как быстро возвращаются все навыки выкармливания малышкой, подумал Пэнборн, когда начал возню с сыном Тада. Зачерпни ложку, затем быстро, но нежно поднеси ее ко рту, отведи нижнюю губу, в когда вытаскиваешь ложку обратно, постарайся ничего не разбрызгать. Постарайся избежать попыток малыша схватить ложку ручками или другими частями тела, что должно свидетельствовать о его стремлении доказать свою взрослость и опытность в процессах питания. Алан быстро отпарировал все попытки Уильяма показать свою самостоятельность и мальчуган вскоре и всерьез у него принялся за кормежку.

— Дело в том, что я могу тебя использовать, — сказал Старк. Он прислонился к кухонной стенке и машинально переводил дуло револьвера вверх и вниз резкими движениями. Это производило шуршащий звук в воздухе. — Это полиция штата звонила тебе и приказала прийти сюда и проверить это место? Вот почему ты оказался здесь?

Алан обдумал все «за» и «против» насчет лжи и решил, что намного безопаснее здесь будет сказать правду, главным образом оттого, что этот человек — если он был человеком — имел очень эффективный встроенный детектор лжи.

— Не совсем, — ответил шериф и рассказал Старку о звонке Фаззи Мартина.

Старк кивнул еще до того, как Алан кончил говорить. — Я *подумал*, что видел какой-то отблеск в окошке того фермерского дома, — заявил он, посмеиваясь. Его хорошее настроение полностью восстановилось.

— Ну-ну! Сельские ребята иногда здорово надоедают, ведь правда, шериф Алан? У них чертовски мало работы, и было бы странно если бы они не приставали со всякими глупостями! Так что же *ты* сделал, когда повесил трубку?

Алан рассказал ему и снова он не солгал, потому что твердо верил, что Старк уже все знает — простой факт, что шериф находится здесь, дает ответы на очень многие вопросы. Алан подумал, что Старк на самом деле хочет прощупать его, настолько ли глуп шериф, чтобы пытаться говорить сейчас неправду.

Когда они закончили, Старк сказал: — О'кей, это хорошо. Это улучшает твои шансы остаться в живых и биться на следующий день за свою жизнь, шериф Алан. А теперь слушай меня, и я тебе скажу точно, что мы должны будем сделать сразу же, как эти дети уснут.

7

— Ты уверен, что знаешь, что именно говорить? — снова спросил Старк.

Они стояли у телефона в переднем холле, и этот телефон был единственный, который Старк оставил действующим во всем доме.

— Да.

— И ты не попытаешься оставить небольшое секретное послание своему диспетчеру?

— Нет.

— Это хорошо, — сказал Старк. Это хорошо, потому что сейчас *самое* время забыть о тех временах, когда ты подростком играл в пещеру пиратов или в еще что-нибудь в этом роде. Кто-то тогда сильно поплатится.

— Мне бы хотелось, чтобы ты прекратил свои угрозы насчет детей.

Ухмылка Старка расплзлась еще шире, и служила верным признаком все возрастающего наслаждения. Он забрал Уильяма, чтобы обеспечить хорошее поведение Лиз, и сейчас щекотал малыша одной рукой. — Я не смогу легко сделать это, — сказал Старк. — Человек идущий против своей природы, получает запор, шериф Алан.

Телефон стоял на столе у большого окна. Пока Алан набирал номер, он изучал лесистый склон за подъездной дорожкой, ища воробьев. Но ни одного не было в поле зрения. Еще не было, во всяком случае.

— Что ты выискиваешь, старина?

— Что? — Он взглянул и Старка. Глаза Старка были уставлены неподвижно на шерифа и с весьма неприятным огоньком в разрушающихся глазницах.

— Ты меня слышал. — Старк махнул рукой в сторону дорожки и «Торнадо». — Ты выглядывал из окна не как человек, просто смотрящий на природу. У тебя было лицо человека, ожидающего что-то увидеть. Я хочу знать, что именно.

Алан ощутил холодную угрозу, скользящую вниз к центру его спины.

— Тада, — услышал он свой спокойный голос. — Я пытался его обнаружить, поскольку жду его с не меньшим нетерпением, чем ты. Он должен быть здесь очень скоро.

— Будет лучше, если мы все будем правдивы, ты как думаешь? — спросил его Старк и приподнял Уильяма немного повыше. Он начал водить дулом револьвера по животу Уильяма, щекоча его. Уильям

захихикал и хлопнул по распадающейся щеке Старка очень нежно, словно говоря «Остановись, ты, задира»... но не сразу сейчас, поскольку от этого очень мне весело.

— Я понимаю, — сказал Алан и слотнул слону.

Старк скользнул дулом револьвера вверх к подбородку Уильяма и почесал его дулом в этом месте. Малыш обрадованно рассмеялся

«Если Лиз зайдет сюда из-за угла и увидит все происходящее, она может сойти с ума», — спокойно подумал Алан.

— Ты уверен, что все мне рассказал, шериф? Не скрыл ничего от меня, или еще что-то забыл?

— Нет, — сказал Алан. — *Только насчет воробьев в лесу вокруг коттеджа Уильямсов* — Я ничего не скрыл.

— О'кей, я верю в это. На данный момент, хотя бы. А теперь начинай делать свое дело.

Алан набрал свой номер офиса шерифа. Старк нагнулся поближе — столь близко, что его запах вызвал тошнотворное ощущение у Пэнборна — и прислушался.

Шейла Бригхэм сняла трубку с первого звонка.

— Хэй, Шейла — это Алан. Я здесь внизу, у озера. Я пытался связаться по радио, но сама знаешь, какая здесь связь внизу.

— Несуществующая, — ответила она со смехом.

Старк улыбнулся.

8

Когда Алан со Старком находились за углом и не могли видеть Лиз в кухне, она открыла ящик кухонной стенки и вытащила самый большой нож для разделки мяса. Она метнула взгляд в угол, зная, что Старк может в любой момент засунуть сюда голову, чтобы проверить, чем она занята. Но пока все было удачно. Лиз могла слышать, что они там разговаривают. Старк что-то говорил о том, почему и зачем. Алан выглядывал в окно.

«Я должна это сделать, — думала Лиз, — и сделать все это сама. Он следит за Аланом, как кошка, и даже если бы я смогла что-то передать Таду, это бы только ухудшило дело... потому что он может входить в сознание Тада».

Держа Уэнди на согнутой руке, она сняла тапочки и быстро босиком прошла в гостиную. Там находилась софа, поставленная так, что сидя на ней можно было любоваться озером. Она засунула нож под оборку... но не слишком далеко вниз. Если она сядет сюда, то нож будет под рукой.

И если они сядут здесь вместе, она и старый лис Джордж Старк, он будет также под рукой.

«Я должна буду как-то привлечь его к этой софе, — подумала она, спеша вернуться на кухню. — Да, я могу попробовать. Его

тянет ко мне. И это, конечно, ужасно.. но все же не слишком, чтобы не использовать».

Она вошла на кухню, ожидая встретить там Старка, скалящего на нее оставшиеся зубы в своей кошмарной ухмылке. Но кухня была пуста и Лиз услышала, как Алан говорит в колле по телефону. Она смогла легко представить Старка, стоящего над ним и прислушивающегося к разговору. Так что то было пока в полном порядке. Лиз подумала: «При удаче Джордж Старк будет уже мертв до приезда сюда Тада».

Она не желала их встречи. Она даже не знала всех причин, почему она столь сильно не желала свершения этого события, но Лиз понимала совершенно четко хотя бы одну из них: она боялась, что это сотрудничество действительно может начаться, а плоды его могли испугать ее еще куда больше.

В конце концов, только один человек может претендовать на оба организма Тада Бомонта и Джорджа Старка. Только один физический объект должен выжить в результате происшедшего раскола личности. Если Тад *сможет* обеспечить стартовое ускорение, которое столь требуется Старку, если тот начнет писать сам, не начнут ли исчезать все эти язвы и раны с его тела?

Лиз подумала, что да, начнут. Она также предположила, что Старк даже сможет перенять лицо и формы тела Тада.

И, наконец, как долго это продлится (предположим, что Старк оставил всех их в живых, а сам исчез куда-то) до тех пор, пока эти же страшные язвы не появятся на лице *Тада*?

Она не считала, что ждать придется слишком долго. И она сильно сомневалась, что Старк будет заинтересован в предохранении Тада от этого первоначального разрушения, не говоря уж и о конечном превращении в ничто, когда все его счастливые мысли уйдут навсегда.

Лиз снова надела тапочки и начала мыть посуду с остатками ужина детей. «Ты ублюдок, — подумала она, заполняя мойку горячей водой, — *ТЫ* — только литературный псевдоним, *ТЫ* — только недоразумение, а не мой муж». Она насыпала моющий порошок «Джой» в раковину и пошла посмотреть, как Уэнди. Та ползала по полу гостиной, вероятно ища братца. За раздвижными стеклянными дверями лучи заходящего солнца оставляли золотой след на голубой воде озера.

Ты не принадлежишь к этому миру. Ты — отвратительное оскорбление глазу и сознанию.

Лиз посмотрела на софу с длинными острым ножом, хорошо спрятанным и столь легко доступным ее руками.

Но я могу прекратить это. И если Бог поможет мне, я ПРЕКРАЩУ ЭТО.

Запах Старка действительно туманил голову и вызывал тошнотворное ощущение у Алана, но тот пытался никак не выдать это своим голосом. — Норрис Риджвик еще не вернулся, Шейла?

Позади него Старк снова начал щекотать Уильяма своим револьвером.

— Нет еще, Алан. Сожалею.

— Когда он придет, скажи, чтобы сажился за мой стол. А до тех пор пусть Клат там подежурит.

— Его смена...

— Да, его дежурство завершилось, я знаю. Но город должен оплачивать некоторые сверхурочные, и Китон уже прожужжал мне уши обещаниями, да и что я могу поделаться? Я торчу здесь с плохой радиосвязью и машиной, у которой того и гляди сломается мотор из-за перегрева, на него я побаиваюсь лишний раз и взглянуть. Я звоню от дома Бомонтов. Полицейское управление просило меня тут кое-что проверить, но здесь все тихо.

— Это плохо. Ты хочешь, чтобы я передала что-нибудь? В полицию штата?

Алан взглянул на Старка, который, казалось был полностью поглощен щекотанием и игрой с повизгивающим и веселым мальчуганом на своих руках. Старк, тем не менее, кивнул Алану.

— Да. Позвони в управление от моего имени. Я думаю, что я здесь немного посижу, в этом курятнике, а затем еще раз осмотрю все окрестности. Это, конечно, если удастся запустить мотор. Если нет, то, наверное, погляжу, что здесь оставлено в кладовке у Бомонтов. Ты не сделаешь для меня одну записку для памяти, Шейла?

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Старк вплотную подошел к нему. Дуло револьвера остановилось у пупка Уильяма. Алан ощутил холодные капли пота на своих ребрах.

— Конечно, Алан.

— Это, конечно, парень с большим творческим воображением. Но, думаю, он бы мог найти и получше места для хранения ключа от входной двери, чем под ковриком у входа.

Шейла Бриггем засмеялась. — Я записала.

За спиной шерифа дуло снова начало свои игры с Уильямом, который опять захихикал. Алан слегка расслабил напрягшиеся мышцы.

— Мне надо говорить с Генри Пейтоном, Алан?

— Угу. Или с Дэнни Имонсом, если Генри там нет.

— О'кей.

— Спасибо, Шейла. Побольше к ним внимания, к управлению, и все. Береги себя.

— Ты тоже, Алан.

Шериф опустил трубку и повернулся к Старку. — О'кей?

— Даже лучше, — сказал Старк. — Мне особенно понравилась та часть, насчет ключа под ковриком. Это добавило тот нюанс, который очень многое означает.

— Какая же ты скотина, — сказал Алан.

В данной ситуации это было далеко не самое лучшее выражение, и его собственная злоба на Старка даже удивила шерифа.

Старк тоже удивил его. Он рассмеялся. — Никто меня почему-то особенно не любит, да, шериф?

— Нет, — ответил Пэнборн.

— Ну и ладно — зато я люблю себя достаточно, вместо всех остальных. Я ведь настоящий человек из Новой Эры, в некотором смысле. И весьма важно сейчас, что мы, по-моему, хорошо здесь устроились. Я думаю, все пройдет просто прекрасно. — Он намотал на руку телефонный провод и выдернул его из гнезда.

— Я думаю, что да, — сказал шериф, но в душе он сильно сомневался в этом. Все было не столь уж убедительно — намного более неубедительно, чем Старк (который, может быть, считал всех копов к северу от Портленда кучей спящих красавиц) мог себе вообразить. Дэн Имонс в Оксфорде, может, и пропустит без внимания такую информацию до той поры, когда кто-нибудь из Ороно или Аугусты не зажжет перед ним путеводный фонарь. Но Генри Пейтон? Шериф был куда менее уверен, что Генри поверит в сообщение насчет того, что Алан Пэнборн просто мимоходом прогулялся к Бомонтам, чтобы глянуть разок-другой, нет ли там поблизости убийцы Хомера Гамаша, и потом отправился на кухню поразвлечься жареным цыплятами. Генри может почуять липу.

Глядя на Старка, резвящегося с малышом и своим 45-калибровым револьвером, Алан задумался, хотел бы он сам, чтобы Генри это почуял или нет — и так и не смог сам разрешить свои сомнения.

— Теперь что? — спросил он Старка.

Старк глубоко вздохнул и выглянул на озаренные лучами заходящего солнца деревья с нескрываемым удовольствием. — Давай-ка попросим Бет, чтобы она нам что-нибудь сварганила на ужин. Я голоден. Сельская жизнь — отличная штука, а, шериф Алан? Чертовски!

— Верно, — ответил Алан. Он направился к кухне, но Старк ухватил его одной рукой.

— Эта штука насчет перегрева мотора, — спросил Старк. — Не означает ли она чего-то совсем другого, зашифрованного?

— Нет, — ответил шериф. — Это был еще один случай того... как ты называл это? Добавочный нюанс, который означает столь многое. Несколько наших подразделений жаловались на неполадки в карбюраторах их патрульных машин в прошлом году.

— Хорошо бы, если это правда, — заявил Старк, глядя своими мертвыми глазами на Пэнборна. Из их внутренних уголков сочился гной и стекал по обеим сторонам носа, как слезы крокодила. — Было

бы очень жаль повредить какого-либо из этих очаровательных малышей, поэтому иди на кухню и будь там умником. Тад не сможет работать и вполовину своего обычного вдохновения, если узнает, что мне пришлось прикончить одного из близнецов, чтобы заставить вас всех быть здесь паиньками. — Он ухмыльнулся и прижал дуло в локтевой сгиб ручки Уильяма. Тот радостно захихикал и начал барахтаться. — Он такой же маленький и очаровательный, как теплый котенок, правда?

Алан проглотил нечто, застрявшее у него в горле, как сухой ком. — Ты заставляешь меня чертовски нервничать, парень.

— Ты иди и оставайся там нервничать, — сказал Старк, улыбаясь шерифу. — Я такой парень, который желает, чтобы все вокруг него нервничали. Давай-ка перекусим, шериф Алан. Мне кажется, этот малый томится в одиночестве без сестренки.

Лиз нагревала Старку миску супа на микроволновой печи. Она предложил ему разогреть целый замороженный обед в упаковке, но Старк с улыбкой только покачал головой. Затем он залез к себе в рот и вытащил вываливавшийся зуб. Он вышел из десны без всякого усилия.

Она отвернула голову в сторону, когда он швырнул зуб в корзину для мусора. Ее зубы сжались, а лицо подернулось маской омерзения.

— Не беспокойся, — нежно заявил он. — Они станут лучше — и очень скоро. Все станет куда лучше — и очень скоро. Папочка скоро прибудет.

Старк еще пил суп, когда через десять минут появился Тад за рулем «Фольксвагена» Роули Делессепса.

Глава 25 СТАЛЬНОЙ МЭШИН

1

Летний дом Бомонта находился в миле от дороги 5 вверх к Лейк Лейн, но Тад остановился менее чем в одной десятой мили, вытаращив глаза, сам себе не веря.

Повсюду были воробьи.

Каждая ветка каждого дерева, каждая скала, каждая лужайка были покрыты сплошной массой воробьев. Мир, увиденный им, был гротескным, галлюцинацией: это было так, словно часть Мэна вдруг решила опериться. Вся дорога перед ним была забита. Забита полностью. Там, где она должна была сверкать асфальтом, копошились тесно прижавшиеся друг к другу молчаливые воробьи.

Кое-где трещал сук под весом птиц. Другим звуком в этой почти полной тишине был шум мотора «Фольксвагена». Глушитель был почти сломан, когда Тад только начинал свой путь на запад; теперь, казалось, он совсем перестал действовать. Мотор рычал и фыркал, иногда из него летели искры, и этот грохот должен был бы сразу заставить всю эту чудовищную стаю птиц взлететь со своих мест, но воробьи не двигались.

Стая отодвинулась от Тада примерно на двенадцать футов, когда он остановил «Фольксваген» и перевел его заартачившуюся передачу на нейтралку. Было ясно, что между ним и воробьями установлена демаркационная линия, правда, неизвестно кем и для чего.

«Никто не видел стай воробьев типа этой многие годы, — подумал Тад. — Никогда, начиная с конца прошлого века, когда истребили почтовых голубей, да и то не наверняка. Это выглядит, будто взято из рассказов Дафны дю Морье».

Воробей слетел вниз на капот «Фольксвагена» и, казалось, вглядывался в Тада. Бомонт уловил пугающее бесстрастное любопытство в маленьких черных птичьих глазках.

«Насколько далеко они залетели? — подумал Тад — До самого дома? Если так, то Джордж уже увидел их... и придется заплатить эту дьявольскую цену, если только он ее уже не получил. А если они не зашли столь далеко, то как я должен добираться до дома? Они ведь не просто на дороге, они и ЕСТЬ эта дорога».

Но, конечно, он знал ответ. Если ему надо попасть домой, то надо ехать по ним.

«Нет, — почти простонало его сознание. — Нет, ты не можешь». Его воображение нарисовало ужасную картину: предсмертные, раздирающиеся душу писк и треск тысяч раздавливаемых колесами машины воробьиных тушек, фонтаны крови из-под колес, дождь вырванных воробьиных перьев, вращающихся перед глазами и взлетающих в воздух под ободами колес.

— Но я должен ехать, — пробормотал Тад. — Я поеду, потому что я должен это сделать. — Подергивающаяся ухмылка исказила его лицо, что на самом деле выражало гримасу страха, почти безумной концентрации воли и сознания. В этот момент Тад поразительно напоминал Джорджа Старка. Тад перевел рычаг переключения скоростей на первую передачу и начал напевать свою излюбленную «Джон Уэсли Хардинг». «Фольксваген» сперва чихнул, почти зашатался, затем издал три громких хлопка в моторе, а после всей этой прелюдии двинулся вперед.

Воробей улетел с капота, и Тад затаил дыхание, ожидая, что вслед за ним взлетят все эти птицы, так, как он уже не раз видел во время своих трансов: гигантское поднимающееся вверх черное облако, и шум, как при урагане.

Вместо этого покрытые воробьями участки дороги перед капотом «Фольксвагена» начали очищаться и двигаться. Воробьи — по крайней мере, многие — отскакивали назад, освобождая две полоски дороги — и эти полоски точно соответствовали ширине колес «Фольксвагена».

— Господи, — прошептал Тад.

Затем он оказался среди птиц. Вдруг он начал пересекать границу между всегда и хорошо ему известным миром и тем, другим, заселенным только этими часовыми, которые охраняли границу между землей живых и землей мертвых.

«*Вот где я сейчас*, — подумал он, пока медленно проезжал по тем двум колеям, которые были обеспечены ему для движения этими загадочными птицами. — *Я нахожусь на земле оживших мертвых, и помоги мне Бог*».

Дорога продолжала очищаться перед ним. У Тада постоянно были те самые двенадцать футов для движения вперед, и как только он преодолевал эту дистанцию, следующие двенадцать футов сменяли предыдущие. Шасси машины почти касалось неподвижно сидевших воробьев, но не давило их. Тад вообще не увидел ни одной мертвой птицы в зеркало заднего обзора. Однако с полной уверенностью все же трудно было утверждать что-либо, поскольку воробьи сзади машины тут же восстанавливали целостный живой ковер из тысяч птиц.

Тад мог чувствовать их *запах* — легкий, не очень ясный запах, который напоминал тот, что бывает у пыли в старом сундуке. Однажды он засунул свою голову в мешок с кроличьими катышками и глубоко вдохнул. Этот запах напоминал тот, давний. Он не был грязным, но подавляющим. И он был *чуждым*. Тад начал опасаться, не выкачала ли эта масса птиц здесь весь кислород из воздуха, отчего он не доберется до места и задохнется.

Теперь он начал слышать легкие постукивающие звуки — «так-так-так» — откуда-то с крыши «Фольксвагена» и представил себе картину сидящих там воробьев, которые каким-то образом связываются со своими товарищам, руководя и управляя их действиями. Они

дают команды, когда нужно освободить полосы для колес машины, когда можно снова сомкнуть ряды.

Он пересек первый холм на Лейк Драйв и посмотрел вниз на долину воробьев — воробьи были повсюду, они по-прежнему закрывали все строения и каждое дерево, превращая ландшафт в какой-то кошмарный птичий мир, который далеко выходил за рамки обычного человеческого воображения; это было вообще за пределами самого человеческого понимания.

Тад вдруг почувствовал, что на него наваливается сонливость и резко хлопнул себя по щеке. Это был тихий звук — «*снат!*» — намного тише звука ревущего мотора «Фольксвагена», но Тад заметил огромную рябь через всю эту неподвижную массу птиц... рябь, напоминающую дрожь.

Я не могу ехать здесь вниз. Я не могу.

Ты должен. Ты знаешь. Ты посредник. Ты хозяин.

А кроме того — куда еще он мог здесь ехать? О подумал о словах Роули «Будь очень осторожен, Тадеуш. Ни один человек не может управлять агентами загробного мира. Это не может быть долго». Предположим, он попытается вернуться назад на дорогу 5. Птицы открыли ему путь вперед... но Тад не думал, что они сделают это при его возврате назад. Он подумал, что последствия перемены в его сознании были бы немыслимыми.

Тад начал спускаться с холма... воробьи расступились, открывая путь перед его машиной.

Он никогда впоследствии не мог точно вспомнить остальную часть своего путешествия до дома; его сознание здесь покрылось спасительной завесой забвения, как только закончились эти события. Он помнил, что снова и снова обдумывал одну и ту же мысль: «*Они ведь только ВОРОБЬИ, Господи, Боже мой... Они не тигры, или крокодилы, или пираньи... они — только ВОРОБЬИ!*»

И это было правдой, но видеть такое их множество сразу, видеть их повсюду, забившихся на каждую ветку и усеявших каждую колоду... это что-то делало с твоим сознанием. Это вредило сознанию.

Когда он выехал на крутую кривую в Лейк Лейн через полмили от дороги, должно было слева открыться взгляду здание школы Мидоу... но оно не появилось. Здание школы словно исчезло. Оно было черным и почти невидимым из-за облепивших его воробьев.

Это вредит твоему сознанию.

Сколько их? Сколько миллионов? Или миллиардов?

Еще один сук треснул и обвалился в перелеске со звуком, напоминающим отдаленный гром. Тад проезжал мимо коттеджа Уильямсов, но А-образный дом теперь имел совсем другие очертания из-за продавленной весом птиц кровли. Тад и не подозревал, что патрульная машина Алана Пэнборна припаркована здесь рядом с домом; он видел только холмик из воробьиных перьев.

Затем Тад проехал владения Сэдлера, Массенбурга, Пейна. Другие дома он не знал или не мог вспомнить. А примерно в четырех сотнях ярдов от его дома птицы внезапно перестали попадаться ему на глаза. Здесь кончался мир воробьев, буквально через шесть дюймов не было ни одного нигде видно. Снова Таду померещилось, что кто-то провел четкую ограничивающую воробьев линию поперек дороги. Птицы прыгали и порхали позади машины, а впереди уже открывался вид на всегда грязную но свободную от каких-либо пернатых гостей Лейк Лейн.

Тад, попав в нормальный мир, вдруг остановил машину, открыл дверцу и рухнул на траву. Он застонал и стер обильный пот со лба. Он мог видеть впереди только деревья по обеим сторонам дороги и ярко-синие блики озера, просвечивающие сквозь них, слева от Тада.

Он посмотрел назад и увидел черный, молчаливый и ожидающий мир.

«Психопомпы, — подумал Тад. — Господи, помоги мне, если что-то пойдет неправильно, если он как-то получит контроль над этими птицами. Помоги нам всем, Господи».

Он захлопнул дверь и закрыл глаза.

Ты должен взять себя в руки, Тад. Ты не пройдешь через это, если ты будешь в таком состоянии, как сейчас. Ты должен взять себя в руки. Забудь о воробьях.

«Я не могу из забыть! — завопила часть его сознания. Она была запугана, потрясена и близка к безумию. — Я не могу. Я НЕ МОГУ!»

Но он сможет. Он должен.

Воробьи ждали. Он будет ждать тоже. Он будет ждать, пока не придет нужное время. Он заставит себя узнать это время, когда он придет туда. Если он не сможет это сделать для самого себя, он это сделает для Лиз и близнецов.

Представь себе, что это рассказ. Просто рассказ, который ты пишешь. Рассказ без каких-либо птиц,

— О'кей, — пробормотал Тад. — О'кей, я попробую. Он начал снова править. И начал снова напевать вполголоса «Джон Уэсли Хардинг».

2

Тад заглушил «Фольксваген» — тот замолчал лишь после последнего триумфального салюта из мотора — и вышел из автомобиля медленно. Он напрягся. Джордж Старк вышел из двери, держа на руках Уэнди и спустился на веранду, встречая Тада.

Старк тоже напрягся.

Лиз, стоявшая позади Алана, почувствовала что в ней рождается вопль, причем не в глотке, а где-то позади лба. Ей больше всего хотелось отвести глаза от этих двух людей, но она обнаружила, что это невозможно.

Наблюдение их было похоже на зрелище человека, выполняющего гимнастические упражнения перед зеркалом.

Они внешне никак не были похожи друг на друга — даже если и можно было бы игнорировать ускоряющееся разложение тела Старка. Тад был стройнее и темнее, Старк шире в плечах и светловолос несмотря на лысину (на которой уже почти ничего и не осталось). И все же они были словно зеркальные отражения, одним и тем же. Идентичность была абсолютной, поэтому ни одна черта различия не могла броситься в глаза наблюдателю. Это было какое-то *внутреннее* сходство, глубоко скрытое под внешностью, но столь реальное, что оно шокировало: те же движения напряженных ног, движение пальцев по бедру, морщинки вокруг глаз.

Они расслабились точно в одно время.

— Хэллоу, Тад. — Голос Старка был почти застенчив.

— Хэллоу, Джордж, — спокойно сказал Тад. — Семья?

— Все отлично. Ты будешь работать? Ты готов?

— Да.

Где-то за ним, по направлению к дороге 5, треснул еще один сук. Глаза Старка подпрыгнули.

— Что это?

— Сук дерева, — ответил Тад. — Здесь был ураган, четыре года назад, Джордж. Мертвые деревья все еще падают. Ты это знаешь.

Старк кивнул. — Как поживаешь, старина?

— У меня все в порядке.

— Ты выглядишь немного ослабевшим. — Глаза Старка впелись в лицо Тада; тот мог почувствовать, как они пытаются заглянуть в его мысли.

— Ты не выглядишь и сам очень привлекательно.

Старк засмеялся, но в его смехе не было веселья. — Я догадываюсь.

— Ты отпустишь их? — спросил Тад. — Если я сделаю, что ты хочешь, ты действительно отпустишь их?

— Да.

— Дай мне слово.

— Хорошо, — сказал Старк. — Можешь его получить. Слово южанина, это не какая-то штука, которую легко выдают. — Южное произношение, почти бурлескный, квакающий акцент полностью исчезли из речи Старка. Он говорил с простой и ужасающей точностью и ясностью.

Оба мужчины рассматривали друг друга в последних лучах заходящего солнца, столь яркого и золотого, что оно казалось сюрреалистическим.

— О'кей, — сказал Тад после долгой паузы и подумал: «Он не знает. Он в самом деле не знает. Воробы... Они по-прежнему скрыты от него. Это мой секрет». — О'кей, мы займемся этим.

Пока они оба стояли у двери, Лиз сообразила, что у нее сейчас появилась прекрасная возможность рассказать Алану о ноже под кушеткой... и вынуть его оттуда.

Или не надо?

Она повернулась к нему, и в этот момент Тад позвал ее: — Лиз?

Его голос был резок. В нем звучали командные ноты, которые у Тада были очень редкими и, казалось, что он знает, что она была готова сделать... и он не дал ей этой возможности. Конечно, это было просто совпадение, все остальное невозможно. Ведь так? Она не знала. Она больше вообще ничего не знала.

Она посмотрела на него и увидела, как Старк передает ребенка Таду. Тад тесно прижал Уэнди. Та обняла отца за шею так же дружески, как только что обнимала шею Старка.

«Сейчас!» — завопило сознание Лиз. — Скажи ему сейчас! скажи, что надо бежать! Сейчас, пока у нас оба близнеца!»

Но, конечно, у Старка есть револьвер, и Лиз не думала, что кто-то из них сможет опередить пулю. И она знала Тада очень хорошо; она никогда не говорила этого вслух, но ей вдруг пришло в голову, что он может очень хорошо путешествовать на собственных ногах.

А сейчас Тад был очень близко от нее, и она даже не сразу сообразила, что не обращает внимания на приказ в его глазах.

«Оставь это в покое, Лиз, — говорили они. — Это моя игра».

Затем он обнял ее свободной рукой, и вся семья в полном сборе сошла в тесном, но дружеском четырехстороннем объятии.

— Лиз, — сказал Тад, целуя ее холодные губы. — Лиз, я так сожалею, прости меня за это. Я не думал, что что-нибудь похожее на это может случиться. Я не знал. Я думал, это будет... безвредно. Шутка.

Она крепко обхватила его и поцеловала, ее губы теперь потеплели.

— О'кей, — сказала она. — Все будет о'кей, ведь так, Тад?

— Да, — сказал он. Он чуть отклонился, чтобы заглянуть ей в глаза. — Идет к тому, чтобы быть о'кей.

Он еще раз поцеловал ее, затем взглянул на Алана.

— Хэллоу, Алан, — сказал Тад и чуть усмехнулся. — У вас что-нибудь поменялось во взглядах?

— Да. Совсем немного. Я поговорил сегодня с одним вашим старым знакомым. — Он взглянул на Старка. — Твоим тоже.

Старк поднял то немного, что осталось от его бровей. — Я никак не думал, что у нас с Тадом могут быть какие-либо общие знакомые, шериф Алан.

— О, у тебя очень тесные связи с тем малым, — заметил Алан. — Фактически он однажды тебя убил.

— О чем вы говорите? — резко спросил Тад.

— Я говорю о докторе Притчарде. Он помнит вас обоих очень хорошо. Видите ли, это была совершенно необычная операция. То, что он извлек из вашей головы, Тад, было *им*. — Шериф кивнул в сторону Старка.

— Что вы говорите? — переспросила Лиз, и ее голос дрогнул на последнем слове.

И здесь Алан передал им то, что сообщил ему ранее Хью Притчард... но в последний момент он опустил часть рассказа насчет бомбардировки воробьями-камикадзе госпиталя. Он это сделал, потому что Тад ничего не сказал о воробьях... а Тад должен был проехать мимо участка Уильямсов, чтобы добраться сюда. Это предполагало две возможности: либо воробьи уже улетели, к моменту появления там Тада, либо Тад не хотел, чтобы Старк знал о них.

Алан внимательно посмотрел на Тада. *Что-то здесь происходит. Какая-то идея. Дай Бог, чтобы удачная.*

Когда Алан закончил, Лиз выглядела ошеломленной. Тад кивнул. Старк — от которого Алан ожидал самой сильной реакции из всех слушателей — не казался как-то сильно озабоченным, ни с какой стороны. Единственным выражением, которое смог уловить Алан на разгушающемся лице Старка, было чувство забавы.

— Это многое объясняет, — сказал Тад. — Спасибо, Алан.

— Но никак не объясняет эту чертовщину для меня! — выкрикнула Лиз столь пронзительно, что дети начали хныкать.

Тад взглянул на Джорджа Старка. — Ты призрак, — сказал он. — Ужасная разновидность призрака. Мы все здесь стоим и смотрим на призрак. Разве это не забавно? Это даже не физический феномен; это дьявольски *эпично!*

— Я не думаю, что это имеет значение, — легко согласился Старк. — Расскажи-ка им историю Уильяма Барроу, Тад. Я хорошо ее помню. Я был внутри, конечно... но я слушал.

Лиз и Алан вопросительно посмотрели на Тада.

— Конечно, — ответил Тад — Аик и Майк всегда думают одинаково.

Старк откинул назад голову и рассмеялся. Близнецы прекратили ныть и присоединились к его смеху. — Это здорово, старина! Это здооороово!

— Я был — или, быть может, теперь надо говорить «мы были» — вместе с Барроу в составе экзаменационной комиссии в 1981 году. В Новой школе в Нью-Йорке. Во время собеседования один юнец спросил Барроу, верит ли тот в жизнь после смерти. Барроу ответил, что да — он думает мы все так и живем.

— И этот человек очень *остроумен*, — заявил улыбающийся Старк. — Не может попасть из пистолета в дерьмо, но очень *остроумен*. Теперь — вы понимаете? Вы понимаете, как мало все это значит?

«Но все же значит, — подумал Алан, изучая Тада все более внимательно. — Это значит многое. Лицо Тада говорит это... и воробьи, о которых ты не знаешь, — тоже».

Знания Тада более опасны, чем даже он предполагает, подумал Алан. Но это все, на что они могли надеяться. Шериф решил, что поступил правильно, оставив при себе концовку рассказа Притчарда... но он все еще ощущал себя как человек, стоящий на краю утеса и пытающийся жонглировать слишком многими горящими факелами.

— Хватит болтовни, Тад, — сказал Старк.

Тот кивнул. — Да. Вполне достаточно. — Тад взглянул на Лиз и Алана. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из вас пытался сделать что-нибудь... ну... вне распорядка. Я собираюсь сделать то, о чем он просит.

— Тад! Нет! Ты не можешь делать этого!

— Тсс... — Он положил палец поперек ее губ. — Я могу, и я сделаю. Без трюков, без специальных эффектов. Слова на бумаге создали его, и слова на бумаге — единственная штука, которая может избавить нас от него. — Он поднял голову, глядя на Старка — Ты думаешь, он знает, что это сработает. Он не знает. Он только надеется.

— Это правильно, — согласился Старк. — Надежда является пружиной всех человеческих желаний. — Он рассмеялся. Это был безумный лунатический звук, и Алан понял, что Старк также жонглирует горящими факелами на краю утеса.

Внезапное движение ощутилось краешком глаза шерифа. Алан слегка повернул голову и увидел воробья, приземляющегося на лоджию, выступающую за край цельной стеклянной стены, ограждающей западную сторону гостиной. К первому воробью присоединились второй и третий. Алан глянул на Тада и заметил, что и у писателя глаза слегка скосились. Видел ли он это также? Алан решил, что да. Тогда он был прав. Тад знал... но не хотел, чтобы это знал Старк.

— Мы двое собираемся чуточку поработать над рукописью и потому прощаемся, — заявил Тад. Его глаза впились в разрушающееся лицо Старка. — Это и есть то, чем мы займемся, не так ли, Джордж?

— Ты прав, парень.

— А теперь ты скажи мне, — Тад обратился к Лиз. — Ты успокоилась? Прояснила свою голову? Есть еще какие-нибудь планы?

Она стояла, в отчаянии глядя в глаза мужа, не уверенная, что они еще когда-нибудь вчетвером с Тадом, Уэнди и Уильямом смогут держаться за руки и смотреть счастливым взором друг на друга, словно давно потерявшиеся родственники, встретившиеся после большой разлуки.

«Ты же не собираешься действительно помогать ему в этом, Тад, — спросили ее глаза. — Это ведь трюк? Трюк, чтобы усыпить его, убавить его подозрения?»

«Нет, — ответили серые глаза Тада. — Держись заданной линии. Это все, что я хочу».

А не было ли там и еще кое-чего? Чего-то столь глубокого и запрятанного, что, возможно, только она одна и могла заметить.

Я собираюсь как следует позаботиться о нем, крошка. Я знаю как. Я могу.

— О, Тад, я надеюсь, что ты прав.

— Под софой лежит нож, — сказала Лиз медленно, глядя в лицо мужа. — Я его достала из кухни, пока Алан и... и он...были в наружном холле, говорили по телефону.

— Лиз, Господи! — почти вскричал Алан, заставив подпрыгнуть детей. Он, на самом деле, не был столь опечален, как пытался это изобразить, с надеждой, что это выглядит вполне натурально. Он уже понял, что если им всем удастся счастливо выпутаться из всего этого кошмара и ужаса, то это сможет обеспечить только Тад. Он создал Старка, он же должен и убрать его.

Лиз посмотрела на Старка и увидела ту же омерзительную ухмылку на остатке его лица.

— Я знаю, что делаю, — сказал Тад. — Поверь мне, Алан. Лиз, достань нож и выкинь его за окно.

«У меня здесь есть своя роль, — подумал шериф. — Это небольшая роль, но вспомним, что говорил тот парень в нашем драматическом кружке в колледже, — нет мелких ролей, есть только мелкие актеры».

— Вы думаете, что он позволит нам просто так *уйти*? — недоверчиво спросил Алан. — Что он собирается перемахнуть через холм с длиннейшим за собой хвостом, словно маленькая овечка Мэри? Люди, вы сошли с ума.

— Конечно, я сумасшедший, — сказал Тад и рассмеялся. Это был в точности смех Старка — смех человека, танцующего на краю забвения. — *Он* есть, и он вышел из меня, ведь так? Словно какой-то дешевый демон из брови третьеразрядного Зевса. Но я знаю, как это должно быть. — Он повернулся и посмотрел на Алана печально, впервые после своего сегодняшнего приезда. — *Я знаю, как это должно быть*, — повторил Тад медленно и с большим ударением. — Идем вперед, Лиз.

Алан произвел невежливый и неодобрительный звук и отвернулся, словно хотел отделить себя ото всех прочих.

Чувствуя, словно все это происходит во сне, Лиз пересекла гостиную, нагнулась и извлекла нож из тайника в софе.

— Будь осторожна с этой вещью, — сказал Старк. Голос звучал очень устало и очень серьезно. — Твои дети сказали бы тебе то же самое, если бы умели говорить.

Она осмотрелась вокруг, убрала волосы с лица и увидела, что Старк показывает револьвером на Тада и Уильяма.

— Я *очень* осторожна! — сказала она дрожащим прерывистым голосом, близким к слезам. Она отворила дверь у стеклянной стене гостиной и вышла под навес, в лоджию. Там уже сидели полдюжины воробьев. Они разделились на две группы, по три, когда она приблизилась к ним, но не улетели, а только слегка отодвинулись.

Алан заметил ее секундное замешательство при встрече с воробьями, затем рукоятка ножа проскользнула между ее пальцами, и кончик лезвия точно перпендикулярно вошел в дерево, словно отвес. Алан глянул на Тада и заметил, как тот внимательно следит за ней. После этого Алан перевел взгляд на Старка.

Тот тоже внимательно следил за Лиз, но на его лице не было удивления или подозрения, и вдруг дикая мысль пронзила сознание Алана Пэнборна: «Он не видит их! Он не помнит, что он писал на стенах квартир, и он их не видит сейчас! Он не знает, что они существуют!»

Затем Алан осознал, что Старк, в свою очередь, смотрит на *него*, оценивая выражение лица шерифа.

— Почему ты смотришь на меня? — спросил Старк.

— Я хочу убедиться, что запомнил, что такое настоящее уродство, — сказал Алан. — Я, возможно, захочу рассказать моим внукам об этом как-нибудь.

— Если ты не закроешь свой поганный рот, тебе не придется беспокоиться насчет внуков, — объявил Старк. — Нисколько. Ты хочешь поиграть с огнем, шериф Алан. Это не очень мудро.

Лиз швырнула нож за лоджию. Когда она услышала, как он падает на землю в кустарнике, ниже от дома ярдов на двадцать пять, она *действительно* начала рыдать.

4

— Давайте все поднимемся на второй этаж, — предложил Старк. — Там кабинет Тада. Я полагаю, тебе понадобится пишущая машинка, старина?

— Нет, не для этого, — ответил Бомонт. — Ты хорошо же это знаешь.

Улыбка тронула съеденные губы Старка. — Я?

Тад показал на карандаши, высовывающиеся из его нагрудного кармана. — Этими я пользовался, когда хотел вернуть контакт с Алексисом Мэшином и Джеком Рэнгли.

Старк выглядел глупо удовлетворенным. — Да, это правильно. Я просто подумал, что на этот раз ты захочешь сделать это по-другому.

— Не по-другому, Джордж.

— Я привез свои собственные, — сказал Старк. — Три коробки. Шериф Алан, почему бы тебе не быть хорошим мальчиком и не выйти к моей машине, чтобы достать их. Они в ящике для перчаток. А мы все посмотрим за детками. — Он глянул на Тада, залился своим пронзительным смехом и покачал головой. — Ну и *собака* же ты, Тад!

— Это точно, Джордж, — сказал Бомонт. Он чуть улыбнулся. — Я собака. И ты тоже. И ты не сможешь научить старых собак новым трюкам.

— Ты рад вернуться к этому, старина? Неважно, что ты скажешь, часть тебя просто рвалась к этому всегда. Я вижу это по твоим глазам. Ты *хочешь* этого.

— Да, — просто ответил Тад, и Алан не сомневался, что Бомонт не лжет.

— Алексис Мэшин, — сказал Старк. Его желтые глаза слабо мерцали.

— Точно, — согласился Тад, и теперь и его глаза начали мерцать. — «Зарежь его, пока я стою здесь и смотрю».

— Ты помнишь! — воскликнул Старк и начал смеяться. — «Я хочу увидеть поток крови. Не заставляй меня повторять дважды».

Теперь уже они оба начали смеяться.

Лиз смотрела то на Тада, то на Старка, затем только на мужа, и кровь отхлынула с ее щек, потому что она не могла найти различие между ними.

И все они сразу ощутили, что край утеса стал еще ближе, чем раньше.

5

Алан вышел за карандашами Старка. Его голова была в машине всего какой-то момент, но ему показалось, что намного дольше, и он был очень рад вынуть ее наружу снова. В машине царил запах чего-то тяжелого и неприятного, что действовало слегка опьяняюще. Погружение в недра «Торнадо» Джорджа Старка напоминало просовывание головы в дверь чердака, где кто-то разбил бутылку хлороформа.

«Если это запах снов, — подумал шериф, — я никогда не пожелаю иметь еще хотя бы один подобный сон».

Он постоял мгновение сбоку черного автомобиля, держа в руках коробки «Бэрол» и взглянул на подъездную дорожку.

Воробьи прибывали.

Вся дорожка уже были усеяна ими. Пока Алан смотрел, еще одна группа воробьев стала приземляться. Все деревья уже были усеяны воробьями. Все прилетающие птицы молча смотрели на него, это была массовая живая головоломка.

«Они прилетели за тобой, Джордж», — подумал шериф и отправился назад в дом. На полпути он вдруг остановился, пораженный неожиданной мыслью.

Или они прилетели за нами?

Он оглянулся на птиц, но они не выдали никаких секретов, и Алан вошел в дом.

6

— Вверх, — сказал Старк. — Ты пойдешь первым, шериф Алан. Иди до конца спальни для гостей. Там у стены застекленная витрина с карандашами, стеклянными пресс-папье и всякими сувенирами. Когда ты толкнешь ее левую сторону, она повернется на шарнире внутрь. Кабинет Тада находится за ней.

Алан посмотрел на Тада, тот кивнул.

— Ты знаешь чертовски много об этом месте, — заметил Алан, — для человека который никогда не бывал здесь раньше.

— Но я *должен* был быть здесь, — мрачно сказал Старк. — И я бывал здесь часто, в моих снах.

7

Через пару минут все они уже собрались за этой уникальной дверью в кабинете Тада. Витрина была повернута внутрь, разделяя вход в кабинет Тада на две части за счет созданной ею перегородки, равной толщине витрины. В маленьком кабинете не было окон; «если мне дадут окно с видом на озеро, — объяснил Тад однажды в разговоре с Лиз, — все что я смогу написать, — будет пара слов, а затем я буду глазеть не менее той же пары часов на лодки на озере — и все из-за этого треклятого окна».

Настольная лампа с гибкой, как гусиная шея, подвеской и сильной кварц-галогенной лампочкой отбрасывала яркий свет на стол. За ним стояли строгое конторское кресло и складной стул, бок о бок. На столе лежали два разграфленных блокнота для записей, оба освещенные лампой. Поверх каждого из них лежали отточенные черные карандаши «Бэрл блэк бьюти». Электрическая пишущая машинка IBM, которой Тад обычно пользовался, на этот раз была снята со стола и убрана в угол кабинета.

Тад сам принес складной туристский стул из чулана в холле, и кабинет приобрел ту двойственность, которая удивила и неприятно поразила Лиз. Это была все та же сцена зеркального отражения, которую ей уже пришлось наблюдать в момент приезда Тада. Перед ней стояли два стула вместо привычного одного, два маленьких рабочих места вместо одного, и все это находилось бок о бок. К тому же то, привычное место в кресле, занимаемое при работе над рукописью Тадом

(наилучшее)

и столь привычное и ему, и ей, на этот раз оказалось занятым Старком, а сам Тад разместился в складном стуле, словно для того, чтобы еще более дезориентировать Лиз. Она ощутила нечто похожее на приступ морской болезни.

У каждого из них на коленях сидело по близнецу.

— Сколько нам может быть отпущено времени, пока кто-то не решит проверить это местечко? — спросил Алана Тад, обращаясь и к нему, и к стоявшей в дверном проеме Лиз. — Будьте честны и точны, насколько это возможно. Вы должны поверить мне, когда я говорю, что это — единственный наш шанс.

— Тад, *взгляни* на него! — громко выкрикнула Лиз. — Разве ты не видишь, что происходит с ним? Он же не хочет просто написать книгу! Он же хочет украсть твою жизнь! Разве ты этого не *понимаешь!*

— Тсс... — ответил Бомонт. — Я знаю, чего он хочет. И думаю, что с самого начала. Это единственный путь. Я знаю, что делаю. Так сколько времени у нас, Алан?

Шериф тщательно все взвесил. Он предупредил Шейлу, что собирается здесь все осмотреть, еще в офисе, а потом позвонил и отсюда. Поэтому нужно какое-то еще время до тех пор, когда она начнет беспокоиться. События могут ускориться, если появится Норрис Риджуик.

— Может быть, до тех пор, пока моя жена не позвонит мне на работу, чтобы выяснить, где я. Может быть, и не очень скоро. Она уже давно замужем за полицейским. Она привыкла долго ждать и не спать по ночам. — Ему самому не понравились свои слова. Это не соответствовало сценарию, это было прямо противоположно тому, что намечал шериф исполнить в этой пьесе.

Глаза Тада принудили Алана сделать это Старк, казалось, и не слушал их вовсе, он взял папье-маше, которым была прижата сверху какая-то старая рукопись в углу стола и играл с ним.

— Я думаю, что не менее четырех часов. — А затем неохотно добавил: — Может, и вся ночь. Я оставил подежурить в своем кабинете Энди Клаттербука, а Клат — далеко не самый догадливый парень. Если кто и может заставить его встрепенуться, так это, возможно, тот парень Харрисон — один из охранников, от которых ты удрал, Тад — или еще один человек, мой приятель из полицейского управления в Оксфорде. Его зовут Генри Пейтон.

Тад посмотрел на Старка. — Этого нам хватит?

Глаза Старка, горевшие, как яркие камни на развалинах его лица, были далеки и безучастны. Его забинтованная рука продолжала машинально перекачивать папье-маше. Он положил в конце концов свою игрушку на место и улыбнулся Таду. — А что ты думаешь? Ты же знаешь об этом ровно столько, сколько и я.

Тад обдумал ситуацию. *Мы оба понимаем, о чем идет речь, но я не думаю, что кто-либо из нас сможет это выразить словами. Мы ведь собираемся здесь заниматься не писаниной, на самом деле. Писанина — это лишь ритуал. Мы говорим о своего рода передаче эстафетной палочки. Обмене силами. Или, точнее, о сделке: жизнь Лиз и близнецов в обмен на... что? Что именно?*

Но он и это знал, конечно. Было бы странно, если бы он не знал, затратив столько времени за последние дни на все размышления именно по этому поводу. Старк хотел получить его глаз — нет, не хотел, а требовал. Тот странный третий глаз, запрятанный в мозг Тада, который мог видеть только внутрь, а не наружу.

Тад вдруг снова ощутил тот знакомый зуд — и сбросил его. *Нечестно заниматься подглядыванием, Джордж. Ты раздобыл огнемёт, а у меня всего лишь кучка мелких пташек. Так что не надо.*

— Я думаю, что, вероятно, хватит, — сказал Тад. — Мы ведь узнаем, когда это произойдет?

— Да.

— Как качели, когда один конец доски идет вверх... то другой идет вниз.

— Тад, что ты скрываешь? Что ты скрываешь от меня?

В кабинете на секунду воцарилась напряженная тишина, а сама комната показалась слишком маленькой, чтобы вместить все те эмоции, которые в ней бушевали сейчас.

— Я могу задать тебе тот же вопрос, — заявил, наконец, Тад.

— Нет, — возразил Старк медленным голосом. — Все *мои* карты на столе. Скажи мне, Тад. — Его холодный, липкая рука схватила запястье Тада и сжала его с неожиданной силой, словно наручники. — *Что ты скрываешь?*

Тад заставил себя повернуться к Старку и взглянуть прямо ему в глаза. То зудящее ощущение теперь разлилось по всему его телу, но оно было сконцентрировано в ране на руке.

— Ты хочешь работать над книгой или нет? — спросил Бомонт.

Впервые Лиз увидела выражение подчиненности на лице Старка — не на нем, но в *нем* произошла перемена. Вдруг промелькнула какая-то неуверенность. И страх? Может быть. Может быть, и нет. Но даже если и нет, то что-то очень близкое к нему, а страх обязательно тоже должен прийти.

— Я не приехал сюда, чтобы кормиться кашкой, Тад.

— Тогда ты выброси все свои подозрения, — Тад заявил это уверенным тоном. Лиз услышала прерывистый вздох и только потом осознала, что вздохнула она.

Старк мельком глянул на нее, а затем снова повернулся к Таду. — Не пытайся меня одурачить, Тад, — мягко сказал он. — Ты же не хочешь одурачить меня, дружище.

Тад рассмеялся. Смех был холодным и отчаянным, но не без доли юмора. И это было самым худшим. Смех не без веселья, и Лиз услышала Джорджа Старка в этом смехе, точно так же, как вдруг увидела Тада Бомонта в облике Старка, когда тот играл с близнецами.

— Почему бы и нет, Джордж? Я знаю, что я должен потерять. Оно тоже на столе. А теперь ты хочешь продолжать болтовню или мы будем работать?

Старк оценивающе посмотрел на Тада, и довольно долго его безжизненные, но пристальные глаза ощупывали лицо Тада. Наконец он ответил: — Ах, черт с ним. Давай начнем.

Тад улыбнулся. — Почему бы и нет.

— Ты и коп уйдите. — обратился Старк к Лиз. — Здесь остаются только мальчики. Мы приступаем.

— Я заберу детей, — сказала Лиз, а Старк рассмеялся.

— Это просто забавно, Бет. У-гу. Дети — наша страховка. Как защита записи на дискете, ведь так, Тад?

— Но... — начала было Лиз.

— Все о'кей, — перебил ее Тад. — Все с ними будет в порядке. Джордж присмотрит за ними, когда я отвлекусь работой. Они его любят. Ты разве не заметила?

— Конечно, я заметила, — сказала Лиз тихим и наполненным ненавистью голосом.

— Только не забывайте, что они здесь с нами, — сказал Старк, глядя уже на Алана. — Держи это у себя в башке, шериф. Не занимайся всякими изобретениями. Если ты попытаешься здесь что-нибудь выкинуть, то это приведет к большой беде. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответил Пэнборн.

— И закройте дверь, когда уйдете отсюда. — Старк повернулся к Таду. — Пора.

— Правильно, — ответил Бомонт и взялся за карандаш. Он тоже повернулся на секунду к Лиз и Алану, и те увидели, что на них смотрят глаза Джорджа Старка с лица Тада Бомонта. — Идите. Выметайтесь.

8

Лиз остановилась на половине лестницы. Алан почти наткнулся на нее. Она пристально к чему-то присматривалась через стеклянную стелу гостиной.

Весь мир вокруг дома был заполнен птицами. Лоджия была просто забита воробьями, уклон к озеру почернел от них, а небо над озером было покрыто тучами птиц, летящих с запада к дому Бомонтов.

— О, мой Бог, — только и произнесла Лиз.

Алан схватил ее за руку. — Будь потише. Не дай ему услышать тебя.

— Но что...

Шериф повел ее вниз по лестнице, по-прежнему крепко держа за руку. Когда они оказались в кухне, Алан рассказал Лиз остальную часть переданной ему сегодня утром информации от доктора Притчарда. Тот разговор сейчас казался ему столь давним, словно тысячу лет назад.

— Что же это означает? — прошептала Лиз. Ее бледное лицо стало серым. — Алан, я так боюсь.

Он взял ее за руки, будучи уверенным, что если он сам не менее сильно испуган, этот жест все же должен успокаивающе действовать на абсолютное большинство женщин.

— Я не знаю, — сказал шериф, — но уверен, что воробьи здесь, потому что либо Тад, либо Старк призвали их. Я почти уверен, что это Тад. Потому что он должен был их видеть, когда приехал. Он их видел, но не упомянул об этом.

— Алан, он уже не прежний Тад.

— Я знаю.

— Часть его любит Старка. Часть его любит Старка... его темная часть.

— Я знаю.

Они подошли к окну холла около телефонного столика и выглянули наружу. Подъездная дорожка была усеяна воробьями, и все деревья, и та тропинка, которая окружала сарай, где по-прежнему лежал револьвер. «Фольксваген» Роули попросту исчез под живым ковром из воробьев.

Но на «Торнадо» Джорджа Старка воробьев совсем не было видно. И даже на ближайшей к машине части дорожки их тоже не было. Словно кто-то провел круглую границу запретной зоны, которая защищала это место от вторжения птиц.

Птица ударилась о стекло с мягким и глухим стуком. Лиз издала легкий крик. Другие воробьи неустанно прибывали и прибывали — огромная их волна словно захлестнула холм — и их число все увеличивалось.

— Даже если они пришли на помощь к Таду, — сказала Лиз, — он не сможет их применить против Старка. Часть Тада безумна, Алан. Она *всегда* была безумной. Он... он любит ее.

Алан ничего не сказал, но он это тоже понимал. Он это чувствовал.

Все это подобно кошмарному сну, — сказала Лиз. — Я бы желала проснуться. Я бы желала проснуться и увидеть, что все идет, как и прежде, давно. Не так, как это было перед появлением Клоусона, а так, как это было до *Старка*.

Алан кивнул.

Она взглянула на него. — Так что мы должны сейчас делать?

— Мы будем заниматься тяжелым делом, — ответил Пэнборн. — Мы будем ждать.

9

Вечер, казалось, неотвратимо наступал, последние солнечные лучи еле мерцали на небе, солнце скрылось за горами на западной стороне озера, а сами эти горы словно расступились, чтобы обеспечить проезд президентскому кортежу в избирательный округ Нью-Гемпшира.

Оттуда прилетали последние отряды воробьев, спешивших присоединиться к огромной армии своих пернатых собратьев. Алан и Лиз могли почувствовать их огромное скопление на крыше дома, но все птицы молчали. Они тоже ждали.

Когда Лиз и Алан двинулись по комнате, их головы непроизвольно повернулись кверху, словно радары в поисках какого-то сигнала. Они прислушивались к шуму из кабинета, но за его экстравагантной стеклянной дверью не слышалось ни единого шороха. Лиз даже не смогла услышать гугуканье близнецов, при помощи которого они общались друг с другом. Она надеялась, что малыши спят, но ей никак не удавалось заглушить внутренний голос, который настаивал, что Старк уже убил их обоих, а заодно и Тада.

Тихо.

Бритвой, с которой он расставался.

Она сказала себе, что если бы что-то в этом роде произошло, воробьи бы уже знали об этом, они бы что-то сделали — и эта мысль помогла ей, но ненадолго. Воробьи были слишком великим неизвестным, окружившим их дом. Бог знает, то они будут здесь делать... или когда.

Сумерки медленно переходили в ночной мрак, когда Алан хрипло произнес: — Они ведь поменяются местами, если это продлится достаточно долго? Тад начнет слабеть, а Старк начнет регенерироваться.

Она была так потрясена, что почти выронила чашку кофе из рук.
— Да. Думаю, что так.

На озере прокричал лунь — единственный скорбный и резкий звук. Алан подумал о тех наверху, двух комплектах близнецов, один из которых пока отдыхает, а другой занят страшной схваткой в слившемся воедино их воображении.

Снаружи птицы наблюдали и ожидали наступления ночной темноты.

«Те качели уже начали раскачиваться, — подумал шериф. — Конец Тада поднимается, а конец Старка опускается. Там наверху за дверью, делящей вход на две половинки, началась эта перемена».

«Это почти все, — думала Лиз. — Так или иначе».

И словно ее мысль должна была что-то вызвать к действию, Лиз вдруг услышала, как задул ветер — странный, вихревой ветер. Только почему-то поверхность озера оставалась столь же тихой и гладкой, как у кухонного блюда. Она выглянула за стеклянную стену гостиной. «Алан», — попыталась произнести Лиз, и голос не послушался ее. Но дело было и не в этом.

Наверху раздался странный и непонятный свистящий звук, словно нота, извлеченная из сломанной флейты. Старк вдруг закричал резко и страшно: — Тад! Что ты делаешь? *Что ты делаешь?* — последовал короткий звук, словно выстрел игрушечного пистолета. Через мгновение Уэнди начала плакать.

А снаружи в кромешной тьме, воробьи, миллионы воробьев зама- хали крыльями, готовясь взлететь.

Глава 26 ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ

1

Когда Лиз закрыла дверь и оставила обоих мужчин наедине, Тад открыл свой блокнот и глянул на мгновение на его разлинованную страницу. Затем он взял один из отточенных карандашей.

— Я собираюсь начать с торта, — сказал он Старку.

— Да, — ответил Старк. Выражение страстного нетерпения заполнило все его лицо. — Это правильно.

Тад опустил карандаш на чистую страницу. Это был момент, всегда доставлявший наибольшее счастье — как раз перед первым ударом. Это была своего рода хирургия, в результате которой пациент почти всегда умирал, но вы все равно прибегали к ней. Потому что это было тем единственным, что вы могли сделать. Только это.

«Только помни, — подумал Тад. — Помни, что ты делаешь».

Но часть его — та часть, которая действительно хотела писать «Стального Мэшина» — запротестовала.

Тад нагнулся вперед и начал заполнять словами чистое пространство на бумаге.

СТАЛЬНОЙ МЭШИН

Джордж Старк

Глава I. Свадьба

Алексис Мэшин редко бывал эксцентричен, и для него иметь какие-либо эксцентричные мысли в подобной ситуации было чем-то небывалым, с чем он никогда ранее не сталкивался. И все же его вдруг осенило: «Из всех людей на земле — сколько их? — пять миллиардов — я могу стать единственным, кто будет стоять внутри свадебного торта со своим пистолетом-пулеметом Хеклер и Кох» в руках».

Он еще никогда так не кричал от радости. Воздух словно взорвался, но он бы не смог удержаться. Оболочка этого «троянского» торта была бы вполне реальной вещью, но внутри него можно было поместить тонкий слой гипсового изделия под названием «Нартекс» — типа высокосортного картона. Если он раздвинет этот ящик, то статуэтки жениха и невесты наверху торта, наверное, опрокинутся. Оболочка торта наверняка потрескается и...

Тад писал около сорока минут, увеличивая скорость по мере своего продвижения по бумаге, его сознание постепенно заполнялось образами и звуками свадебного вечера, который должен был завершиться столь сокрушительным, нокаутирующим ударом.

Наконец он отложил карандаш. Он слишком затупил его.

— Дай мне сигарету, — попросил Тад.

У Старка поднялись брови.

— Да, — повторил Тад.

На столе лежала пачка «Пэлл Мэлл». Старк вытряхнул одну сигарету, и Тад взял ее. Ощущение сигареты во рту показалось ему чуть странным после стольких лет... слишком большая, что ли. Но все равно, ощущение хорошее. Ощущение *правильное*.

Старк чиркнул спичкой и дал прикурить Таду, который глубоко затянулся. Дым заполнил легкие старым безжалостным, но необходимым сейчас образом. Он почувствовал, почти незамедлительно, какую-то слабость, но это не меняло общего ощущения.

«А теперь мне надо выпить», — подумал Тад. — *И если все это закончится тем, что я останусь жив, я сделаю это в первую очередь*».

— Я думал, что ты бросил курить, — заявил Старк.

Тад кивнул. — Я тоже. Что я могу сказать, Джордж. Я ошибался. — Он еще раз затянулся и выпустил дым из ноздрей. Он повернул к Старку блокнот. — Твоя очередь, — сказал Тад.

Старк нагнулся над блокнотом и прочел последний абзац, написанный Тадом; более этого читать не было никакой необходимости. Они оба знали, как должно идти повествование.

«В глубине дома Джек Рэнгли и Тони Вестерман находились на кухне, а Роллик должен был сейчас подняться наверх. Все твои были вооружены пистолетами-пулеметами «Штайр», единственным различным полуавтоматическим оружием, изготавливаемым в Америке. Даже если кто из охранников, замаскированных под гостей, проявит прыть и догадливость, их троих вполне достаточно, чтобы посеять огневой шторм, более чем удовлетворяющий все их потребности. Дайте мне только выбраться из торта, подумал Мэшин. Это все, что я прошу».

Старк сам закурил «Пэлл Мэллс», взял свой карандаш «Бэрол», открыл свой блокнот... и затем остановился. Он смотрел на Тада абсолютно честно и открыто.

— Я боюсь, старина, — сказал он.

И Тад ощутил большой прилив симпатии к Старку — несмотря на все, что он знал. «*Боишься. Да, конечно, — подумал Бомонт. — Только те, кто еще ничего не понимают — малыши — не боятся. Годы пройдут, а слова на бумаге не станут более темными... но и белые поля, уверен, не станут белее вокруг слов. Боишься? Ты был бы безумнее, чем есть, если бы не боялся*».

— Я знаю, — ответил Тад. — И ты знаешь, что это — единственный способ сделать требуемое.

Старк кивнул и наклонился к блокноту. Еще дважды он проверил написанный Тадом текст в последнем абзаце... и затем начал писать.

Слова сами собой формировались с ужасающей медлительностью в сознании Тада.

«Мэшин... никогда... не задумывался»...

Долгая пауза, затем почти взрыв, на одном дыхании:

...«что это такое — иметь астму, но если бы кто-то спросил его после всего произошедшего»...

Короткая остановка.

...«он бы вспомнил свое дело у Скоретти».

Старк прочел, что он написал, затем недоверчиво взглянул на Тада.

Тад кивнул. — Это звучит, Джордж. — Он пощупал угол рта, который вдруг начало саднить, и ощутил, что там появилась свежая язва. Тад взглянул на Старка и убедился, что эта язва перекочевала к нему со рта Старка, откуда она внезапно исчезла.

Это происходит. Это действительно происходит.

— Продолжай, Джордж, — сказал он. — Выбей дьявола из всего этого.

Но Старк уже сам снова склонился над блокнотом, и сейчас он писал куда быстрее.

2

Старк писал почти полчаса и наконец отложил карандаш с жестом удовлетворения.

— Это хорошо, — сказал он тихо, пожирая глазами написанное. — Это настолько хорошо, как только возможно.

Тад взял его блокнот и начал читать — причем, в отличие от Старка, он читал все написанное. То, что он искал, начало прорисовываться на третьей странице из тех девяти, которые успел исписать Старк.

«Мэшин слышал ликующие возгласы и замер, сжимая свой «Хеклер и Кох», а затем понял, что происходит. Гости — их было не менее двух сотен, — толпились у длинных столов, поставленных под гигантским сине-желтым шатром на досках, призванных защитить газон от острых шпилек женской обуви. Эти гости стоя и шумно приветствовали появление ввозимого торта, украшенного множеством воробьев».

«Он не знает, — подумал Тад. — Он пишет слово «воробьи» и не имеет ни малейшего... понятия о них».

Он слышал над собой, на крыше их безостановочное движение, назад и вперед, и близнецы несколько раз поглядывали на потолок перед тем, как уснуть, поэтому Тад знал, что и они тоже слышат птиц.

Но не Джордж.

Для него воробьи не существуют.

Тад вновь вернулся к рукописи. Слово «воробьи» стало попадаться все чаще и чаще, а в последнем абзаце весь текст был прямо-таки пропитан ими.

«Мэшин обнаружил позднее, что воробьи улетают, и единственными людьми, привязанными к нему, как воробьи на ниточке, были Джек Рэнгли и Лестер Роллик. Все же прочие воробьи, с которыми он летал десять лет, теперь взлетели в небо. Воробьи. И они начали летать еще до того, как Мэшин крикнул им на их воробьином языке».

— Хорошо? — Старк спросил о этом Тада с нескрываемой гордостью, когда тот положил блокнот на место. — Что ты думаешь?

— Я думаю, это прекрасно, — ответил Тад. — Но ты же знаешь это, ведь так?

— Да... но мне хотелось услышать это от тебя, старина.

— Я также думаю, что ты сейчас выглядишь намного лучше.

Что было правдой. Пока Старк был погружен в мрачный и ужасный мир Алексиса Мэшина, он начал исцеляться.

Язвы исчезли. Разрушенная и расплывшаяся кожа снова почти срослась; края этой новой кожи в нескольких местах полностью затянули раны и щели, в других — почти сошлись друг с другом в стремлении сомкнуться. Вновь появились брови. Капли гноя, которые прекратили рубашку Старка в какую-то клейкую желтую тряпку, подсыхали.

Тад поднял левую руку и пощупал появившуюся у него на левом виске язву. Он задержал ладонь перед глазами и посмотрел на пальцы. Они были влажные. Тогда он потрогал лоб. Кожа была ровной. Маленький белый шрам, память об операции, которую претерпел Тад Бомонт, начав реально жить в литературе, теперь исчез.

Один конец качелей поднялся, другой должен опуститься. Еще один закон природы, мальчик. Просто еще один закон.

Уже стемнело снаружи? Тад предположил, что да, должно быть так — темно ли почти темно. Он взглянул на свои наручные часы, но от них не было проку. Они остановились без четверти пять. Время не играло особой роли. Он должен будет это сделать очень скоро.

Старк вынул сигарету и положил ее в пепельницу. — Ты хочешь продолжить или сделаем перерыв?

— Почему ты не хочешь продолжать? — ответил Тад. — Я думаю, ты сможешь.

— Да, — ответил Старк. Он не смотрел на Тада. Его глаза были устремлены только на слова, слова, слова. Он запустил руку в свои светлые волосы, которые снова отросли на его голове. — Я тоже думаю, что смогу. Даже знаю, что смогу.

Он начал снова писать. Он только коротко взглянул вверх, когда Тад вылез из своего складного стула. И пошел к настенной точилке для карандашей, после чего снова уткнулся в работу. Тад заточил

один из карандашей «Бэрол» сделав его почти столь же острым, как бритва. И, пока он возвращался, он также вынул из кармана птичий манок, полученный от Роули. Тад зажал его в руке и снова сел, глядя в блокнот перед собой.

Время настало. Он знал это столь же хорошо и четко, как и то, во что превратилось его собственное лицо, ощупай он его рукой. Вопрос был лишь в том, хватит ли у него на эту попытку силы воли.

Часть Тада не хотела этого; часть его все еще была увлечена книгой. Но он сам был удивлен, выяснив, что это чувство было далеко не столь сильным, как ранее, когда Лиз и Алан покидали кабинет, и он предпологал даже, почему. Произошло отделение. Своего рода непристойное рождение. Это не была больше его книга. Алексис Мэшин находился рядом с тем человеком, который жаждал писать эту рукопись с самого начала.

Все еще крепко держа птичий манок в левой руке, Тад нагнулся над своим блокнотом.

«Я посредник», — написал он.

Наверху прекратилось безостановочное перетоптывание птиц.

«Я знаю», — написал он.

Весь птичий мир, казалось, прислушивался.

«Я хозяин».

Тад остановился и взглянул на спящих детей.

«Еще четыре слова, — подумал он. — Всего четыре».

И Тад обнаружил, что жаждет их написать так, как еще никогда в жизни не хотел писать что-либо.

Он хотел писать повести и романы... но куда больше этого, больше, чем он хотел вернуть те внутренние образы, которые иногда рисовал и показывал ему третий глаз, он хотел быть свободным.

Еще четыре слова.

Он поднял левую руку ко рту и вставил манок между губ, словно сигару.

Не смотри сейчас вверх, Джордж. Не смотри, не уходи из мира, который ты создаешь. Не сейчас. Прошу, дорогой Господи, не дай ему взглянуть сейчас на мир реальных вещей и событий.

На разлинованном листе в блокноте перед ним Тад написал слово «ПСИХОПОМПЫ» жирными прописными буквами. Он окружил его. Он нарисовал под кружком стрелку вниз, а под стрелкой написал «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ СНОВА».

Снаружи начал дуть ветер — только это не был ветер; это было движение миллионов крыльев. И оно же было внутри головы Тада. Вдруг третий глаз открылся в его сознании, открылся шире, чем когда-либо ранее, и Тад увидел Бергенфилд, штат Нью Джерси — пустые дома, пустые улицы, светлое весеннее небо. Он увидел воробьев повсюду, больше даже, чем видел их раньше. Мир, в котором он вырос, вдруг превратился в гигантский птичник.

Только это был не Бергенфилд.

Это было Эндсвилл.

Старк прекратил писать. Его глаза расширились от внезапной, запоздалой тревоги.

Тад вдохнул побольше воздуха и дунул в манок. Подарок Роули Делессепа издал странную, пронзительную ноту.

— Тад? Что ты делаешь? *Что ты делаешь?*

Старк кинулся за манком. Прежде чем он сумел коснуться его, послышался резкий удар и манок треснул во рту Тада, порезав ему губы. Звук разбудил близнецов. Уэнди начала плакать.

Снаружи шелест крыльев воробьев превращался в грохот. Они летали.

3

Лиз кинулась к лестнице, услышав плач Уэнди. Алан стоял на месте какой-то миг, потрясенный тем, что увидел снаружи дома. Земля, деревья, озеро, небо — все было словно стерты. Воробьи как бы поднимали гигантский занавес, затемнивший окно сверху донизу.

Когда первые маленькие тела обрушились на закаленное стекло, паралич Алана исчез.

— Лиз! — закричал он. — Лиз, ложись!

Но она не собиралась этого делать, ее ребенок плакал — и это было все, о чем она могла думать.

Алан рванулся через комнату к ней, показав ту поистине небывалую скорость, которая была и для него секретом, и повалил ее на пол, как раз в тот момент, когда вся стеклянная стена рухнула внутрь гостиной под весом двадцати тысяч воробьев. Еще двадцать тысяч последовали за ними, а вслед еще двадцать и еще двадцать тысяч. В какое-то мгновение вся гостиная уже была заполнена ими. Они были повсюду. Алан закрыл собой Лиз и затолкал ее под софу. Весь мир состоял из пронзительного чириканья воробьев. Теперь они могли слышать, как разбиваются и другие стекла в окнах, все окна. Дом содрогнулся от ударов тысяч и тысяч птиц-самоубийц. Алан выглянул наружу и увидел, что во всем мире вокруг царствует только коричнево-черная движущаяся масса.

Детекторы пожарной сигнализации начали выходить из строя, когда птицы стали врезаться в них. Еще где-то прозвучал чудовищный взрыв от разбиваемого телеэкрана. Везде раздавался треск и звон от падающих со стен картин и разбиваемой посуды.

И все еще можно было слышать детский плач и вопли Лиз.

— *Дай мне дорогу! Мои дети! Дай мне дорогу! Я ДОЛЖНА ПРОЙТИ К МОИМ ДЕТАМ!*

Она высунулась наполовину из-под софы, и вся открывшаяся птицам часть тела Лиз была тут же ими оседлана. Воробьи запутались в ее волосах и безумно размахивали крыльями. Она яростно отбива-

лась от них. Алан снова схватил ее и затолкал обратно. Через потемневший от тучи воробьев воздух гостиной ему все же удалось увидеть, что черная орда воробьев летит вверх к кабинету Тада.

4

Старк дотянулся до Тада, когда первые птицы начали биться в потайную дверь. За стеной Тад мог слышать дикие звуки разбиваемого стекла и керамики, грохот падающих металлических и деревянных предметов. Оба ребенка сейчас громко плакали. Их крики усиливались параллельно с усиливавшимся грохотом от неистовства воробьев, и оба эти шума раздавались с какой-то дьявольской гармонией.

— *Останови это, Тад!* — выкрикнул Старк. — *Останови это! Какого бы дьявола ты это не затеял, только останови!*

Он потянулся к револьверу, а Тад воткнул свой острый карандаш прямо в глотку Старка.

Кровь брызнула оттуда фонтаном. Старк повернулся к Таду, с разинутым ртом, разрываемым карандашом. Он колыхался вверх и вниз, словно Старк пытался проглотить этот карандаш. Наконец Старк схватил его и вытащил наружу.

— Что ты делаешь? — прокаркал он. — Что это?

На этот раз он уже слышал птиц, не понимал их, но слышал. Его глаза уставились на запертую дверь, и Тад заметил выражение настоящего ужаса в них впервые за все это время.

— Я пишу конец, Джордж, — сказал Тад тихим голосом, которого не могли услышать внизу ни Лиз, ни Алан. — Я пишу конец в реальном мире.

— Отлично, — сказал Старк. — Тогда давай напишем его для всех нас.

Он обернулся к близнецам с окровавленным карандашом в одной руке и 45-калибровым револьвером в другой.

5

На конце софы лежало сложенное афганское покрывало. Алан протянул к нему руку, и тут же почувствовал дюжину горячих укулов от клювов на ней.

— Проклятие! — воскликнул он и спрятал руку назад.

Лиз все еще пыталась выбраться из-под софы. Ужасающий свистящий звук ныне, казалось, заполнил всю вселенную, и Алан уже не мог слышать плач детей, но Лиз Бомонт по-прежнему его слышала. Она извивалась и отталкивалась. Алан схватил левой рукой ее за воротник и ощутил как разрывается ткань.

— *Подожди минуту!* — рявкнул он на нее, но это было бесполезно. Он не мог сказать ей ничего, что остановило бы ее, когда ее малыши

кричали. Элли была бы такой же. Алан снова протянул вверх правую руку и, не обращая внимания на сильную боль от клюющих ее птиц, стащил покрывало. Оно раскрылось пока падало с софы. Из спальни для взрослых раздался дикий грохот падающей мебели — видимо, шкафа. Алан своим обезумевшим рассудком все же попытался представить себе, сколько воробьев оказалось погребенными под мебелью, но не сумел.

«Сколько воробьев может забиться в электролампочку? — безумно спрашивало его сознание. — Три, чтобы уместиться в лампе, и три миллиарда, чтобы перевернуть дом!»

Он разразился бессмысленным смехом, а затем большая подвешенная люстра в центре гостиной взорвалась словно бомба. Приподнявшая было голову Лиз вскрикнула и на какой-то момент снова упала на пол, и Алан успел накинуть покрывало ей на голову. Он тоже накрылся им. Однако они были не одни даже под покрывалом; полдюжины воробьев уже успели туда проникнуть. Алан ощутил яростные взмахи крыльев у своей щеки и почувствовал болезненный клевок в левый висок. Он завернулся в покрывало и сделал в нем поворот. Воробей, придавленный его плечом, свалился на пол. Он схватил Лиз и закричал ей в ухо. — Мы сейчас пойдем! Пойдем, Лиз! Под этим шитом. Если ты попытаешься бежать, я тебя нокаутирую! *Кивни головой, если ты поняла меня!*

Она попыталась оттолкнуть его. Покрывало затрещало. Воробьи садились на него, чуть-чуть балансировали словно на трамплине, а затем снова взлетали. Алан повернул ее спиной к себе и постучал по ее плечу. Постучал сильно.

— Кивни, если поняла, черт тебя побери!

Он почувствовал ее волосы на щеке, когда она кивнула. Они выползли из-под софы. Алан крепко держал ее за плечи, боясь, что она может сорваться стрелой. И очень медленно они начали пробираться через кишмя кишашую воробьями комнату, через облака птиц, сводящих с ума своим писком и криком. Они выглядели со стороны как забавное карикатурное животное на сельской ярмарке — танцующий осел, в голове которого шагает Майк, а в хвосте — Айк.

Гостиная в доме Бомонтов была обширной с высоким сводчатым потолком, но сейчас в ней, казалось, не осталось места для воздуха. Они двигались сквозь удушливую атмосферу роящегося скопища птиц.

Мебель трескалась. Птицы бились о стены, потолки и приборы. Весь окружающий мир был наполнен птичьей вонью и странным перестукиванием.

Наконец они достигли лестницы и начали медленно ползти по ней вверх, закрывшись покрывалом, которое уже все обросло перьями и пометом. Когда они стали подниматься, наверху в кабинете прозвучал револьверный выстрел.

Теперь и Алан смог снова услышать близнецов. Они вопили.

Тад нащупал поверхность стола, когда Старк нацелился револьвером в Уильяма и наткнулся на пресс-папье, которым совсем недавно развлекался Старк. Это был увесистый образчик черно-серого сланца, отполированный на рабочей стороне. Тад мгновенно ударил им в запястье Старка до того, как светловолосый убийца спустил курок. Пресс-папье разбило кость и отклонило дуло книзу. Выстрел был оглушающим в небольшой комнате. Пуля вошла в пол в дюйме левой от ноги Уильяма, засыпав щепками его ноги в голубом спальном костюме. Дети начали вопить и, пока Тад приближался к Старку, он увидел, как близнецы обхватили друг друга руками, словно инстинктивно защищая друг друга.

«Гензель и Гретель» — подумал Тад, а затем Старк воткнул в его плечо карандаш.

Тад взвыл от боли и оттолкнул Старка. Старк перелетел через поставленную в углу машинку и упал на спину у стены. Он пытался переложить револьвер в правую руку... и уронил его.

Теперь шум птиц за дверью становился все более громким... а сама она стала медленно открываться внутрь на своем шарнире. Воробей с разбитым крылом влетел и упал, дергаясь, на пол кабинета.

Старк почувствовал ее в заднем кармане... и вытащил свою складную бритву. Он открыл лезвие зубами. Его глаза сверкали безумным блеском над сталью.

— Ты ее хочешь, старина? — спросил он, и Тад увидел, что на его лицо снова вернулась та же ужасающая маска, появившаяся сразу, подобно выгруженной гряде кирпичей. — Ты действительно хочешь? О'кей. Ты сейчас это получишь.

На полпути вверх и Лиз и Алан остановились. Они уткнулись в живую стенку из трепещущих в воздухе птиц и просто не могли ничего с ней поделать. Воздух был забит воробьями. Лиз закричала от ужаса и ярости.

Птицы не обращали на них внимания, не нападали на них, они просто мешали людям. Воробьи со всего мира, казалось, собрались сюда, в дом Бомонтов в Кастл Роке.

— *Вниз!* — Алан прокричал команду ей в ухо. — *Может быть, нам удастся проползти под ними!*

Они опустили на колени. Сперва им удалось чуточку продвинуться, хотя это было не самое приятное занятие, поскольку ползти приходилось по живому ковру из воробьев толщиной не менее восемнадцати дюймов. Но затем они опять натолкнулись на ту же живую стенку. Глядя вниз, под покрывало, Алан мог видеть сплошную массу из живых и мертвых воробьев. Воробьи внизу на ступеньках были раздавлены. Поверх этого

слоя находились слои других, еще пока живых, но тоже обреченных на смерть птиц. Еще выше — примерно в трех футах от ступенек лестницы — воробьи летали в своего рода зоне самоубийств, сотрясаясь и падая, некоторые снова взлетали вверх, но большинство птиц оставалось внизу, раздавленные своими же собратьями с переломанными ножками и крыльями. Воробьи, как вспомнил шериф, не могут парить в воздухе.

Откуда-то сверху, по другую сторону этого живого барьера, раздался мужской вопль.

Лиз в ужасе посмотрела на Алана, прижалась к нему плотнее. — *Что мы можем сделать?* — прокричала она. — *Что мы можем сделать, Алан?*

Он не ответил. Потому что отвечать было нечего. Они ничего не могли сделать.

8

Старк двинулся к Таду с бритвой в правой руке. Тад попятился к медленно открывающейся двери в его кабинет, не сводя глаз с лезвия. Он схватил еще один карандаш со стола.

— Это вряд ли тебе принесет пользу, старина, — сказал Старк. — Не сейчас.

Затем его глаза обратились к двери. Она уже открылась достаточно широко, и воробьи устремились в щель сплошной рекой... и они неслись на Джорджа Старка.

В одно мгновение на его лице появилось выражение ужаса и понимания.

— *Нет!* — завопил Старк, и начал полосовать их бритвой Алексиса Мэшина. — *Нет, я не хочу! Я не хочу возвращаться! Ты не можешь заставить меня!*

Он разрезал одного воробья точно пополам и в воздухе пронеслись вниз два трепещущих крыла. Старк яростно размахивал бритвой направо и налево вокруг себя. И Тад внезапно все понял

(Я не хочу возвращаться)

что здесь происходило.

Психопомпы, конечно, пришли, чтобы послужить эскортом для проводов Джорджа Старка в Эндсвилл, назад в страну мертвых.

Тад отшвырнул карандаш и кинулся к детям. Весь кабинет был заполнен воробьями. Дверь теперь была почти полностью открыта, река превратилась в поток.

Воробьи садились на широкие плечи Старка. Они садились на его руки, голову. Они ударялись об его грудь, сперва дюжинами, а затем сотнями. Он извивался в облаках падающих перьев и непрерывно размахивал бритвой, пытаясь не отдать то, что уже получил.

Они покрыли лезвие бритвы, ее дьявольски блестящая поверхность была утоплена в перьях, оставленных погибшими под ее ударами

птицами. Тад посмотрел на своих малышей. Они прекратили хныкать. Они смотрели вверх на кипящий и непрерывно содрогающийся воздух с одинаковым выражением удивления и удовольствия. Их руки были подняты, словно они проверяли, не идет ли дождь. Их крохотные пальчики были раздвинуты. Воробьи садились а них, но не клевали.

Зато они клевали Старка.

Кровь струилась по его лицу в сотне мест.

Один из его глаз был уже выклеван. Воробей сел на шею Старку и начал долбить рану на его горле, нанесенную карандашом Тада. Птица успела трижды клюнуть и очень быстро — «ра-ра-ра» — как очередь из пулемета, прежде чем Старку удалось схватить ее и раздавить с треском как живую клопушку.

Тад закрыл собой близнецов, и теперь птицы садились и на него. Но не клевали, а только сидели.

И наблюдали.

Старк исчез. Он превратился в живую, извивающуюся скульптуру из птиц. Кровь сочилась отовсюду, из всех щелей и дыр в его теле. Откуда-то снизу Тад услышал звук треска и разлома — дерево поддавалось напору птиц.

«Они пробили путь на кухню», — подумал он. Он мельком вспомнил о газопроводных трубках к печи, но эта мысль была очень быстрой и показалась не важной.

А теперь он все чаще слышал звук отдираемой от костей Старка живой плоти.

— Они пришли за тобой, Джордж, — услышал Тад собственный шепот. — Они пришли за тобой. Спаси тебя Бог.

9

Алан ощутил перед собой свободное пространство и посмотрел через ромбовидные дыры в покрывале. Птичий помет сполз ему на щеку, и он стер его. Лестничная клетка все еще была полна воробьями, но их количество резко уменьшилось. Большинство оставшихся в живых птиц видимо устремилось туда, куда они с самого начала держали путь.

— Пошли, — сказал он Лиз, и они начали подниматься по хрустящему ковру из мертвых птиц. Они только достигли второго этажа, как услышали возглас Тада: — *Берите его теперь! Берите его!* **ЗАБИРАЙТЕ ЕГО ОБРАТНО В АД, ОТКУДА ОН ПРИШЕЛ!**

И вихрь из птиц превратился в ураган.

10

Старк сделал последнюю агонизирующую попытку избавиться от них. Ему некуда было идти, некуда было бежать, но он все равно попытался. Это был его стиль.

Колонка птиц, облепивших его, двинулась вперед вместе с ним; огромные мощные руки, покрытые воробьиными перьями, головами и крыльями, поднялись в последнем усилении и яростно стали бить по торсу, пересекаясь на груди. Птицы частично раненные, частично мертвые, падали на пол, и в какой-то миг Таду представилась картина, которая преследовала его всю оставшуюся жизнь.

Воробьи пожирали Джорджа Старка живьем. Глаз у него уже не осталось, вместо них зияли пустые впадины. Нос сократился до ничтожного выступа. Его лоб и волосы были содраны начисто, обнажая белую поверхность черепа. Шей почти не осталось. Птицы расклевали его живот. Стая воробьев сидела на ногах Старка и со все большим усердием проклевывала в них дыры, подбираясь все выше и выше, собираясь добраться и до его внутренностей.

И Тад заметил еще кое-что.

Воробьи пытались поднять Старка. Они пытались... и очень скоро, когда они уменьшат вес его тела, им это удастся.

— Берите его теперь! Берите его! ЗАБИРАЙТЕ ЕГО ОБРАТНО В АД, ОТКУДА ОН ПРИШЕЛ! — закричал Тад.

Крики Старка прекратились после того как его горло было проклевано сотнями безжалостных клювов. Воробьи теперь перебирались на руки, и на секунду даже его ноги мелькнули на кровавом паркете.

Он махнул руками — тем, что от них осталось — вниз по бокам диким жестом, давая дюжины птиц... но дюжина дюжин рвалась занять место выбывших пернатых коллег.

Звук трескавшейся и расщепляемой древесины справа от Тада вдруг стал все усиливаться. Тад посмотрел туда и увидел что восточная стенка его кабинета разваливается подобно папиросной бумаге. Он за какой-то миг сумел рассмотреть тысячи желтых клювов, пробившихся сквозь дерево одновременно, а затем схватил близнецов и накрыл их собой, выгнув тело, чтобы защитить из от обломков, может быть, впервые и единственный раз в жизни проявив настоящую ловкость и проворство.

Стена рухнула внутрь кабинета, подняв пыльное облако из щепок и опилок. Тад закрыл глаза и прижал детей ближе к себе.

Он больше ничего не видел.

11

Но Алан Пэнборн это увидел, как и Лиз.

Они сбросили покрывало с плеч, как только туча птиц над ними и рядом с ними исчезла в кабинете Тада. Лиз начала пробираться в гостевую спальню по направлению к открытой двери в кабинет, и Алан спешил за ней.

Какой-то момент он ничего не смог разглядеть там из-за чернокоричневого облака, клубящегося в бешеной пляске. Затем это облако

приняло какие-то очертания — ужасную и узнаваемую форму. Это был Старк. Он был покрыт птицами, съедаям заживо, но еще жил.

Еще больше птиц появилось, затем еще и еще. Алан подумал, что этот стук клювов сведет его с ума. А затем он увидел, что они делают.

— Алан! — закричала Лиз. — Алан, они его поднимают!

Предмет, который раньше был Джорджем Старком, предмет, который сейчас был только неопределенно человеческим, поднимался в воздух на воробьиной подушке. Он двинулся через кабинет, почти упал, затем снова поднялся вверх. Он приблизился к огромной дыре в восточной стене кабинета.

Через нее влетело еще больше воробьев; все, которые еще находились в других помещениях, ринулись в кабинет.

Плоть стекала и падала со скелета Старка непрерывным дождем.

Тело Старка прошло через провал в стене окруженное воробьями, остервенело выщипывающими остатки волом с головы своей жертвы.

Алан и Лиз кинулись по ковру из погибших птиц внутрь кабинета. Тад медленно поднимался на ноги, держа в каждой руке по малышу. Лиз побежала и забрала их у него. Она ощупывала их, ища раны.

— О'кей, — сказал Тад. — Я думаю, они в порядке.

Алан подошел к проему в стене кабинета. Он выглянул наружу и увидел сцену, напоминавшую лишь сказочную. Небо было черно от птиц, и все же в одном его месте находилось словно *черное дерево*, как будто на цельной материи кто-то сделал прорезь.

Эта прорезь имела форму борющегося человека.

Птицы поднимали это все выше, и выше, и выше. Оно достигло верхушек деревьев и, казалось, остановилось там. Алан подумал, что ему слышится нечеловеческий вопль из центра этого птичьего облака. Затем воробьи двинулись снова. Наблюдение за ними напоминало зрелище прокручиваемой назад киноленты. Черные потоки воробьев взлетали из всех выбитых окон в доме, они очистили от своего присутствия подъездную дорожку, деревья и изогнутую крышу «Фольксвагена».

Все они направлялись к тому центральному темному облаку.

Контур человеческого тела начал снова двигаться... над деревьями... в темное небо... и наконец исчез из поля зрения.

Лиз сидела в углу, с близнецами на коленях, качая и лаская их — но ни один из них, видимо, особенно и не был уже опечален или расстроен. Они внимательно смотрели на ее изможденное и покрытое слезами лицо. Уэнди потрогала его, словно желая утешить мать. Уильям приподнялся, снял перо с волос Лиз и тщательно осмотрел его.

— Он ушел, — хрипло сказал Тад. Он присоединился к Алану, стоявшему все еще у проема в стене кабинета.

— Да, — сказал шериф. Он вдруг разрыдался. Он даже не мог понять, почему это случилось, просто произошло само собой.

Тад попытался обнять его, и Алан успокоился, его ботинки сухо хрустели на тушках мертвых воробьев.

— Нет, — сказал Пэнборн. — Я буду в порядке.

Тад посмотрел через проем снова в ночное небо. Из этой темноты вдруг появился воробей и сел на его плечо.

— Спасибо, — сказал ему Тад. — Спа...

Воробей клюнул его, внезапно и сильно, кровь потекла под самым глазом.

Затем он улетел, присоединяясь к другим птицам.

— Почему? — спросила Лиз. — Она смотрела на Тада, шокированная. — Почему он так сделал?

Тад не ответил, но подумал, что знает ответ. Он подумал, что и Роули Делессепс также знает этот ответ. То, что произошло, было достаточно мифическим... но ведь это была не сказка. Может быть, последний воробей и был послан той силой, которая посчитала, что Таду нужно напомнить об этом. Чтобы он надолго это запомнил.

Будь осторожен, Тадеуш. Ни один человек не может управлять агентами из загробного мира. Очень недолго — и всегда есть цена.

«Какую цену должен буду уплатить я? — подумал Тад. А затем: — Счет... когда он должен прийти?»

Но это был вопрос для другого времени, другого дня. А кроме того было еще и такое — может быть, счет уже был оплачен.

Может быть, он был навсегда отпущен.

— Он мертв? — спросила Лиз... почти умоляюще.

— Да, — ответил Тад. — Он мертв, Лиз.

Книга закрывается на Джордже Старке. Пошли, ребята — давайте выбираться отсюда.

ЭПИЛОГ

«Генри не поцеловал Мэри-Лу в тот день, но он не оставил ее без слова, хотя и мог так поступить. Он видел ее; он вытерпел ее раздражение и подождал, когда оно перейдет в то блокирующее молчание, которое он так хорошо знал. Он уже распознал, что большая часть этих печалей были ее личными, а потому не подлежали разделению с ним или даже обсуждению. Мэри-Лу всегда лучше всего танцевала, когда танцевала одна.

Наконец они пошли через поле и посмотрели еще разок на театр, где Эвелин умерла три года назад. Это было не очень много для прощания, но это было лучшим, что они могли сделать. Генри чувствовал, что это достаточно хорошо.

Он положил маленькие бумажные куколки-балерины, принадлежавшие некогда Эвелин, у высокую траву около разрушенной веранды, зная, что ветер унесет их отсюда достаточно скоро. Тогда и он с Мэри-Лу покинул это старое место в последний раз. Это не было хорошо, но все было правильно. Достаточно правильно. Он не был человеком, верящим в счастливые концы. И та ясность, которую он имел в мыслях, происходила главным образом от этого».

Тадеуш Бомонт.

«Неожиданные танцоры».

Сны людей — их настоящие сны, а не галлюцинации, которые могут приходиться во сне, а могут и не приходиться — кончаются в различное время. Сон Тада Бомонт о Джордже Старке закончился в четверть десятого вечером, когда психопомпы отнесли его темную половину в то место, которое было ему предназначено. Сон завершился черным «Торнадо», этим тарантулом, на котором Тад и Джордж всегда приезжали к дому в это постоянно возобновляемом ночном кошмаре.

Лиз и близнецы были наверху подъездной дорожки Бомонтов, там, где она соединялась с Лейк Лейн. Тад и Алан стояли около черного автомобиля Джорджа Старка, который уже и не выглядел черным. Теперь он стал серым от птичьего помета.

Алан не хотел смотреть на дом, но не мог отвести глаз. Это была разнесенная на клочки руина. Восточная часть — сторона кабинета — была снесена для наказания Старка, но и весь дом был разрушен дотла. Дыры и щели зияли повсеместно. Вокруг здания лежали груды мертвых птиц. Ими были заняты крыша и водосточные желоба. Взошла луна и

— Вы уверены, что с вами все о'кей? — спросил Тад.

Алан кивнул.

— Я спрашиваю, потому что нужно свидетельское показание.

Алан хрипло рассмеялся. — Разве кто-нибудь поверит, о чем это свидетельство?

— Думаю, что нет. — Тад помолчал и добавил: — Вы знаете, было время, когда я почувствовал, что вы как будто симпатизируете мне. Но больше я этого не чувствую. Совсем нет. Я этого не понимаю. Вы считаете меня ответственным за... все это?

— Меня это не затрагивает, — сказал Алан. — Оно кончилось. И это все, что меня теперь может занимать, мистер Бомонт. Именно сейчас, это единственная мысль во всем мире, которая меня как-то трахает.

Он увидел боль на усталом и помрачневшем лице Тада и сделал огромное усилие над собой.

— Ну, Тад. Это слишком много. Слишком много — и сразу. Я только что видел человека, уносимого в небо сворой воробьев. Дайте мне передохнуть, о'кей?

Тад кивнул. — Я понимаю.

«Нет, ты не понимаешь, — подумал Алан. — ты не понимаешь, что ты такое, и я сомневаюсь, что когда-нибудь поймешь. Твоя жена — может быть... хотя я очень удивлюсь, что все между вами будет в полном порядке после всего этого, если она когда-либо попробует понять это, или осмелится любить тебя снова. Твоих детей, может быть, когда-нибудь... но не тебя, Тад. Стоять рядом с тобой — все равно, что стоять у могилы, из которой вылезает какое-то кошмарное ночное создание. Монстр сейчас исчез, но тебе все же не хочется стоять слишком близко к тому месту, откуда он появился. Потому что может появиться и другой. Может быть, и нет; твоё сознание знает об этом, но твои чувства — они ведь играют на другой волне. Ох, парень. И даже, если могила навсегда пуста, есть сны. И воспоминания. Есть Хомер Гамаш, забытый до смерти своим же протезом. Из-за тебя, Тад. Все только из-за тебя».

Это было несправедливо, и часть Алана знала об этом. Тад не просил быть близнецом, он не уничтожил своего брата в утробе по преступному намерению («Мы же не говорим о Каине, убивающем камнем своего брата Авеля», как говорил доктор Притчард); Тад же не знал, какой монстр его поджидал, когда он начал писать как Джордж Старк.

И все же они были близнецами.

И Алан не мог забыть, как Старк и Тад смеялись вместе.

Тот безумный смех и выражение их глаз.

Он бы очень удивился, если бы и Лиз смогла забыть об этом.

Легкий ветер донес до них запах бензина из машины Старка.

— Давайте подождем это, — коротко сказал шериф. — Подождем все это. Меня не волнует, кто и что потом подумает. Вряд ли будет ветер, пожарные машины прибудут до того, как огонь сможет

куда-то распространиться. Если он коснется нескольких деревьев вокруг этого места, то тем даже лучше.

— Я сделаю это, — сказал Тад. — Вы идите вверх по дорожке с Лиз. Помогите ей с бли...

— Мы сделаем это вместе, — ответил Алан. — Дайте мне ваши носки.

— Что?

— Вы меня слышали — я хочу ваши носки.

Алан открыл дверцу «Торнадо» и заглянул внутрь. Да — стандартная ручная передача, как они думал. Естественный человек типа Джорджа Старка никогда не будет удовлетворен всеми этими автоматическими штучками; они были для таких типов, как Тад Бомонт.

Оставив дверцу открытой шериф стоял на одной ноге, снимая правый ботинок и носок. Тад посмотрел на него и начал делать то же самое. Алан надел ботинок на голую ногу и проделал ту же операцию с левой ногой. У него не было желания идти голыми ступнями по телам мертвых птиц, хотя бы одну секунду.

Сняв оба носка, шериф связал их вместе. Затем добавил еще к ним связанные носки Тада. Он обошел «Торнадо» сзади и открыл бак с горючим. Мертвые птицы хрустели под ногами. Он вынул затычку бензобака и опустил свой самодельный зажигательный шнур в горловину бака. Когда он вытянул связку носков обратно, они уже пропитались бензином. Шериф подошел к боковой стороне автомобиля и закрепил там пропитанный бензином фитиль, держа за сухой конец. Он повернулся к следовавшему за ним Таду: Алан залез в карман форменной рубашки и достал оттуда пачку бумажных спичек. Эти спички продаются в газетных киосках как приложения к сигаретам. Он не знал, где он раздобыл эти, но на их этикетке стоял рекламный штамп, столь почитаемый коллекционерами спичек.

На штампе была изображена птица.

— Зажигайте носки, когда машина поедет, — сказал Пэнборн. — Ни секундой ранее, понимаете меня?

— Да.

— Она поедет с ударом. Дом примет таран. Бензобак сзади. Когда пожарники прибудут сюда, все будет выглядеть так, будто ваш приятель не справился с управлением и врезался в дом, после чего машина взорвалась. По крайней мере, я так надеюсь.

— О'кей.

Алан обошел машину сзади.

— Что там происходит у вас внизу? — позвала Лиз, волнуясь. — Дети замерзнут!

— Еще одну только минутку! — отозвался Тад.

Алан забрался внутрь неприятно пахнущего салона «Торнадо» и убрал тормоз. — Подождите, когда он покатит, — бросил он через плечо.

— Да.

Алан нажал ногой сцепление и перевел ручку скоростей в нейтральное положение.

«Торнадо» сразу поехал.

Алан выскочил из машины и на какой-то миг подумал, что Тад не успел поджечь свой конец связки носков... но тут огонь показался позади машины, и побежал по фитилю, прочерчивая яркую линию в ночной темноте.

«Торнадо» медленно катил последние пятнадцать футов по дорожке, подпрыгивая на небольших асфальтовых выступах. Он уткнулся в боковую стену дома и остановился. Алан смог прочитать наклейку на бампере, ярко освещенную оранжевым пламенем:

«МОДНЫЙ СУКИН СЫН».

— Уже больше нет, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего. Пойдемте назад. Машина собирается взорваться.

Они отошли на десять корпусов, когда «Торнадо» превратился в огненный шар. Огонь ворвался через щели и дыры внутрь деревянного дома, превратив пролом в стене кабинета в черное глазное яблоко, оставившееся неизвестно куда.

— Пойдем, — сказал Алан. — Давайте двигаться к моей патрульной машине. Теперь, после того, как мы это сделали, нам надо дать сигнал пожарной тревоги. Нет нужды кому-либо на озере пострадать из-за этого.

Но Тад чуточку помедлил, и Алан — тоже вместе с ним. Дом Бомонта был из сухой древесины, покрытой щепой, и потому он вспыхнул почти сразу. Языки пламени, ворвавшиеся в кабинет Тада, стали захватывать и листы его рукописей. Эти листы стали разлетаться в разные стороны. При свете огня Алан смог увидеть, что они исписаны карандашом. Листы бумаги охватывались пламенем, съеживались и становились черными. Они летели в ночь под слабыми порывами ветра, подобно черным птицам.

«Раз они попали в тягу, — подумал Алан, — нормальный ветерок должен прихватить их. Прихватить и разнести подальше, может быть, даже на край земли».

«Хорошо», — затем подумал он и отправился по дорожке к Лиз с детьми, опустив голову.

Сзади него Тад Бомонт поднял руки и закрыл ими лицо.

Он стоял так довольно долго.

НОЧНАЯ СМЕНА

НОЧНАЯ СМЕНА

2 часа ночи, пятница.

Холл с наслаждением затягивался сигаретой, развалившись на небольшой скамье недалеко от элеватора. Скамья эта была единственным местом на третьем этаже, где можно было спокойно перекурить и ненадолго отвлечься от работы, не опасаясь появления начальства. Именно в этот момент и появился злобный Уорвик. Холл совершенно не ожидал увидеть шефа и был, естественно, совсем не рад этой неожиданной встрече, рассчитывая, что Уорвик может появиться там никак не раньше трех. Да и вообще, он редко показывался на рабочих местах во время ночной смены. Особенно на третьем этаже. В это время он предпочитал, обычно, отсиживаться в своем офисе и попивать кофе из своего любимого электрического кофейника, который стоял у него прямо на рабочем столе. Кроме того, в последнее время стояла ужасная жара и, в связи с этим, выше первого этажа Уорвик обычно не поднимался.

Этот июнь вообще был самым жарким месяцем за всю историю существования Гейтс Фоллз. Однажды уже в три часа утра (!), столбик термометра, висящего у элеватора, поднялся почти до 35°C! Можете представить себе, какое адское пекло стояло там в дневную смену.

Холл работал на подъемнике в старом, давно созревшем для свалки приспособлении, изготовленном какой-то кливлендской фирмой еще в 1934 году. Устроился он на этот завод совсем недавно, в апреле, что означало, что он получал по 1 доллару и 78 центов за час работы. Пока это его вполне устраивало — ни жены, ни постоянной подруги. Кормить и содержать ему, кроме себя, тоже было некого. За последние три года он, подобно бродяге, кочевал из города в город, нигде не задерживаясь дольше нескольких месяцев: Беркли (студент колледжа), Лейк Тахоу (водитель автобуса), Гэлвестон (портовый грузчик), Майами (помощник повара), Уилинг (таксист и мойщик посуды) и, наконец, Гейтс Фоллз (оператор подъемника). Здесь он собирался пробыть по крайней мере до первого снега. Человеком Холл был спокойным, склонным к уединению и очень любил поэтому те редкие часы работы завода, когда бешеный ритм производства немного утихал, давая ему возможность расслабиться и, улизнув на третий

этаж, предаться своим мыслям. Новое место работы его, в принципе пока устраивало.

Единственное, что ему здесь не нравилось, были крысы.

Третий этаж был длинным и пустынным. Освещен он был только мерцающими отблесками света с нижних этажей завода и был, в отличие от них относительно тихим и почти безлюдным, поскольку совершенно не был занят никакими производственными мощностями. Другое дело — крысы. Их здесь было немало. Единственным действующим механизмом на этом этаже, был грузовой лифт, которому безразлично есть ли что-нибудь на третьем этаже, нужен он здесь или нет. А здесь, в общем то, ничего и не было, кроме огромного количества девяностофунтовых ящиков с каким-то производственным волокном, давно ожидающих сортировки на предмет пригодности. Некоторые из них (особенно те, в которых было спутанное и порванное волокно) валялись здесь уже, наверное, несколько лет и были покрыты толстым темно-серым слоем жирной производственной пыли. Ящики эти были идеальным убежищем для крыс — отвратительных огромных и толстопузых тварей с дико сверкающими выпуклыми черными глазами. Эти отвратительные создания нагло сновали почти повсюду вокруг, опасаясь приближаться лишь к человеку. Но даже с такого расстояния в их шерсти отчетливо были видны крупные и не менее отвратительные вши или какие-то другие паразиты, в которых Холл разобрался хуже.

За то небольшое время, что Холл успел проработать на заводе, у него появилась одна немного странная привычка — он собирал все пивные банки, которые попадались ему на глаза и складывал их в кучу рядом с тем местом, куда он любил подниматься отдыхать. Этих банок была у него там уже целая куча. Даже не куча, а, скорее, некий арсенал, — поскольку иногда, чтобы развлечься или просто развеять тоску, он швырялся ими по спующим взад-вперед крысам, причиняя им этим довольно незначительное, впрочем, беспокойство.

За этим занятием его несколько дней назад незаметно застал управляющий завода мистер Формэн, тихо поднявшийся зачем-то на третий этаж по лестнице, а не на лифте.

— Чем это вы тут занимаетесь, Холл? — недоуменно спросил он.

— Крысы, — спокойно ответил Холл, понимая, насколько нелепо звучат его слова. — Я борюсь с ними с помощью банок из-под пива.

Крыс, в общем-то, почти и не было — почти все они попрятались от жары.

Точно такой же, слово в слово, вопрос задал сейчас и Уорвик. Получив такой же, как и несколькими строками выше, ответ, он машинально кивнул головой и замолчал на несколько секунд, пытаясь осмыслить неожиданные слова Холла. Уорвик занимал должность начальника участка и был крупным, коренастым, но немного тупова-

тым человеком. Рукава его почти полностью промокшей от пота рубашки были угрожающе закатаны, а галстук ослаблен и сдвинут набок. Поняв, наконец, что над ним смеются, он дико сверкнул глазами и рывкнул на спокойно развалившегося на лавке и почти не обращающего на него внимания Холла:

— Мы платим вам не за то, чтобы вы швырялись банками по крысам в рабочее время, мистер!

— Гарри не посылает запроса вот уже двадцать минут, — лениво отбрехиваясь, вяло огрызнулся Холл. — Я же не могу включать подъемника, не получив запроса.

Про себя же, тоже довольно спокойно, он подумал следующее: «Какого черта, паршивая ты задница, тебе не сидится в твоей дурацкой конторе Попивал бы лучше свой дурацкий кофе и не метал бы людям нервы своими дурацкими вопросами и воплями».

Уорвик резко дернул головой, давая этим понять, что разговор окончен и затопал вниз по лестнице, обиженно и возмущенно бубня себе под нос:

— Шайка бездельников! Сейчас загляну еще к Висконски. Ставлю пять против одного, что он наверняка почитывает сейчас какой-нибудь журналчик! А мы платим ему за это деньги!

Холл так и не сказал ему больше ни слова в свое оправдание, резонно решив, что это совершенно бессмысленное занятие.

Уорвик неожиданно остановился и снова затопал вверх.

«Что на этот раз», — устало подумал Холл.

Уорвик действительно собирался сказать что-то еще, но, увидев вдруг крысу, резко вскрикнул:

— Еще одна! Давай скорее!

Холл молниеносно метнул банку из-под «Нехи», которую уже держал в руке. Банка была пущена метко и толстая крыса, пучеглазо таравившаяся на них с одного из верхних ящиков, противно пискнула и с глухим звуком грохнулась на пол. Уорвик откинул голову назад и радостно захохотал, когда Холл встал для того, чтобы принести банку назад.

— Вообще-то я искал тебя специально для того, чтобы поговорить, — сказал, наконец, Уорвик, — на этот раз более дружелюбно.

— Неужели?

— Следующая неделя — четвертая неделя июля, — начал Уорвик. — Это значит, что для рабочих, работающих у нас больше года, с понедельника по субботу будут выходные. Для остальных же — сокращенный рабочий день и уборка цехов и территории. На это время у меня есть к тебе одно интересное предложение. Я набираю одну специальную команду. Хочешь неплохо подзаработать?

— Смотри что нужно делать, — почти не проявляя заинтересованности, пожал плечами Холл.

— Надо будет вычистить все подвальное помещение. Этим никто не занимался уже двенадцать лет. Работенка, конечно, адская, но мы собираемся использовать брандспойты и отсасывающие насосы.

— Так почему бы вам не заняться этим самому заодно с советом директоров, раз все так просто?

Уорвик зло сверкнул глазами:

— Согласен или нет? Два доллара в час сверх обычной платы. И двойная оплата за сверхурочное время.

Холл быстро прикинул, что сможет быстро заработать таким образом семьдесят пять долларов, которые как раз были бы ему сейчас очень кстати.

— Я согласен.

— Работать будем по ночам. Из-за жары. К понедельнику будь готов. Я на тебя рассчитываю.

С этими словами Уорвик опять затопал вниз по лестнице. Сделав несколько шагов, он остановился и снова обернулся к Холлу:

— Ты ведь учился в колледже, не так ли?

Холл кивнул.

— О'кей, студент. Буду иметь в виду.

Уорвик наконец ушел. Холл закурил еще одну сигарету и, сжав в руке банку из-под минеральной воды, стал дожидаться появления следующей крысы. Он попытался представить себе, что представляет собой подвал и в воображении его возникло непроглядная тьма, сырость плесень, зловонный запах гнили и... крысы. Огромное, невообразимое количество крыс. Может быть там есть даже и летучие мыши. Какая гнусность!

Холл с омерзением швырнул банку об стену и грустно и устало улыбнулся самому себе. Откуда-то издалека донесся зычный голос Уорвика, что есть силы распекающего бедного Висконски.

О'КЕЙ, СТУДЕНТ. БУДУ ИМЕТЬ В ВИДУ.

Вспомнив эту фразу, Холл мгновенно перестал улыбаться и сделал глубокую затяжку. Через несколько секунд поступил запрос от Висконски о подъеме груза нейлонового волокна и Холл отправился к своему рабочему месту. Крысы сразу же повывлазили из своих ящичков и расселись на их крышках, провожая его немигающими черными глазами. Выглядели они совсем как присяжные в суде.

11 вечера, понедельник.

Когда вошел Уорвик, одетый в старые рабочие джинсы и высокие резиновые сапоги, его дожидались уже около тридцати шести человек. В этот момент Холл как раз слушал краем уха нудную болтовню Висконски. Гарри Висконски был необычайно толстым, необычайно ленивым и необычайно угрюмым человеком.

— Ну и работенка нам подвалила, — ныл Висконски, когда вошел Уорвик. — Вот посмотрите, домой мы вернемся с рожками, которые будут чернее, чем самая черная ночь в Персии.

— О'кей, — бодро начал Уорвик. — Судя по плану подвала, внизу должен быть осветительный кабель с шестьюдесятью лампами. Вот новые лампы, так что света должно быть достаточно для того, чтобы видеть, чем вы там будете заниматься. Итак, парни, — он указал на группу рабочих, сидевших напротив больших сушащихся мотков промасленной бечевы. — Вы займетесь насосами и рукавами для откачки воды, а также рукавами брендспойтов. Рукава длинные. Разматывать их надо будет аккуратно и не менее аккуратно опускать вниз. Работающие с рукавами должны будут стоять вдоль них на расстоянии приблизительно метров в семьдесят. Думаю, будет достаточно. Тех, кто будет работать с брендспойтами, предупреждаю особо: будьте предельно осторожны и внимательно следите за тем, чтобы под струю воды не попал никто из людей, иначе его придется везти, в лучшем случае, в больницу.

— Кто-нибудь точно изувечится, — снова вполголоса начал канючить Висконски. — Вот посмотрите.

— А вы, парни, — Уорвик указал на другую толпу людей, в которой были и Холл с Висконски. — Вы будете сегодня головной командой. Разделитесь на пары. На каждую пару — по одной электрической вагонетке, в которых вы будете вывозить наружу то, что не всосет насос. В вагонетках сейчас старая рабочая одежда, всякие негодные железяки от станков и прочий хлам — вываливайте все это барахло у западной стены. Есть кто-нибудь, кто не умеет пользоваться вагонетками?

Руки никто не поднял. Электрические вагонетки представляли собой небольшие опрокидывающиеся узкоколейные вагончики, приводимые в движение электродвигателем, работающим от автономных аккумуляторов. От длительной эксплуатации у вагонеток отломилось почти все, что только могло отломиться, кроме самого необходимого — включая сидения для рабочих.

— О'кей, — продолжал тем временем Уорвик, не останавливаясь почти ни на секунду. — Все подвальное помещение разделено на несколько секций, каждая из которых должна быть тщательно вычищена к четвергу. В крайнем случае, закончить должны не позже пятницы. Есть у кого-нибудь вопросы?

Вопросов не было, все это время Холл пристально вглядывался в лицо шефа и у него почему-то появилось странное предчувствие, что в ближайшее время с Уорвиком обязательно должно что-нибудь произойти. Причем не просто что-нибудь, а что-нибудь очень нехорошее. Мысль эта понравилась Холлу. Уорвика он, мягко выражаясь, недолго любил.

— Ну и прекрасно, — закончил на этом Уорвик. — Тогда давайте начинать.

2 часа ночи, вторник.

Холл очень быстро утомился от бесконечной болтовни Висконски, а более всего — от его совершенно невыносимого нытья. «Напарник» был абсолютно неисправим. Ему не помогла бы, наверное, даже хорошая трепка — она стала бы, скорее, лишь очередным поводом для того, чтобы в очередной раз всласть похныкать.

Холл понял, что у него просто немного пошаливают нервы и попытался развеселить себя мыслью о том, как он отстегал бы Висконски ремнем по его жирной голой заднице. Такая страшная экзекуция его, наверное, просто убила бы. Несмотря на то, что картинка, нарисованная воображением Холла, получилась довольно забавной, она не вызвала у него даже слабой улыбки из-за очень сильного и малоприятного запаха, царящего вокруг — зловонной смеси запахов застоявшейся и гниющей воды, плесени, тошнотворно воняющих промышленных отходов и еще бог весть чего. В самом начале коридора, в котором они находились вдвоем с Висконски, Холлу сразу бросилась в глаза фантастически-огромная колония бледных поганок, растущих прямо из разрушающегося от времени и сырости бетона.

Случайно соскользнув с заевшей от ржавчины одной из шестерен вагонетки, которую Холл хотел проверить, его рука на мгновение коснулась плотных зарослей этих грибов. Они показались ему... теплыми и мягкими. Их прикосновение было подобно прикосновению человека, страдающего отеком кожи.

Шляпки грибов, никогда не видевших света, составляли огромный ковер равномерного бледно-желтого шелковистого цвета. То место подвала, в котором находились сейчас Холл и Висконски, имело очень высокий потолок (а выражаясь точнее — низкий пол) и было завалено огромными старыми вышедшими из строя станками, что придавало ему сходство с каким-нибудь кладбищем древних кораблей. Корпуса давно умерших станков, подобно полусгнившим бортам старинных судов, поросли пятнами желто-зеленого мха. Впечатление усиливалось еще больше доносящимся откуда-то издали шумом воды, с огромной силой вылетающей из брендспойтов. С равномерным шумом, напоминающим шум прибоя, вода эта стекала по полузасоренным дренажным стокам вниз по направлению к реке.

Вот, наконец, в поле зрения появились и крысы. Они были невероятно огромными, просто гигантскими!.. Обычные крысы — такие, как наверху — казались бы просто карликами по сравнению с этими чудовищами! Почти не шевелясь, они наблюдали, как потоками воды из работающих где-то на полную мощь брендспойтов смыв-

вает их жилища — коробки, ящики, большие жестяные футляры, ворохи бумаги и картона. Глаза их были огромными, выпученными и почти ничего невидящими оттого, что всю жизнь они прожили в кромешной тьме, а тут вдруг в их жизни неожиданно появился свет.

— Давай остановимся и перекурим, — дрожащим голосом предложил Висконски, совсем сбившись с дыхания от страха. Закурить действительно было кстати. Холл обернулся по сторонам и, убедившись в том, что их никто не видит, прислонился к вагонетке и достал из нагрудного кармана сигарету, протянув одну из них трясущемуся Висконски.

— Если бы знать раньше, что нас здесь ожидает, я никогда не дал бы Уорвику уговорить меня на такое безумие, судорожно затягиваясь, простонал Висконски. — Эта работа не для ЧЕЛОВЕКА! Но он налетел на меня как сумасшедший именно в тот момент, когда я решил несколько минут вздремнуть, пока не было работы. Он был просто безумен и страшен тогда и я думал, что он просто приберет меня.

Холл слушал эту болтовню молча, но тоже думал о Уорвике. О Уорвике... и о крысах. Мысли о них каким-то странным образом переплетались в его сознании, составляя неразделимое целое.

Судя по всему, крысы видели людей впервые. Они, казалось, относились к их появлению совершенно спокойно и не испытывали никакого страха. Внешне, по крайней мере, это никак пока не проявлялось. Вдруг одна из них приподнялась на задних лапах, совсем как белка, и, приготовившись к нападению, неожиданно метнулась в сторону Холла. Несмотря на то, что их разделяло несколько метров, она преодолела это расстояние одним прыжком и впилась своими острыми зубами в толстую, к счастью, и грубую кожу его левого рабочего ботинка. В какую-то ничтожно-малую долю секунды Холл, наконец, молниеносно осознал, что этих чудовищ здесь не сотни и даже не тысячи, а много более. Вспомнил он и какие ужасные инфекционные заболевания переносятся этими тварями. На какой-то миг в его воображении возникла и отвратительная физиономия Уорвика... Но уже в следующее мгновение, не размышляя слишком долго, он резким и сильным ударом правой ноги отбросил громко взвизгнувшую крысу далеко в темноту.

Наблюдавший эту сцену широко раскрытыми глазами Висконски снова заскулил дрожащим от страха голосом:

— Мне нужны де-е-еньги!.. Но ей-богу, приятель, это работа НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА! Какие жуткие твари!..

Все время он продолжал испуганно оглядываться по сторонам, ежесекундно дергая головой:

— Мне кажется, что они понимают все не хуже нас с тобой... А представь себе, что было бы, если бы мы были маленькими, а они, наоборот, большими...

— Заткнись! — резким окриком оборвал его словесное недержание Холл.

Висконски приумолк на время и, испуганно посмотрев на своего напарника, проговорил только:

— Ну прости, приятель. Я просто...

Несколько секунд прошли в почти полной тишине, нарушаемой лишь их дыханием, гулким биением сердец и зловещей возней крыс в отдалении. Вдруг раздался пронзительный истеричный визг Висконски, окончательно вышедшего из равновесия:

— Господи, какая же здесь вонь! Я не могу так!! Эта работа НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА!!!

Зажмурившись и топя ногами как ребенок, он остервенело тряс вагонетку, схватившись в ее край обеими руками.

Холл совсем уж собрался отвесить ему хорошую оплеуху. Истерика была сейчас совершенно ни к чему. Вдруг из вагонетки на руку Висконски выполз огромный черный паук. Мгновенно прекратив орать, бедный Гарри совершенно оцепенел и уставился на паука широко раскрытыми от ужаса глазами. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что паука нужно сбросить. Черное мохнатое страшилище упало на рельс с отвратительным неожиданно громким стуком, чем повергло и без того перепуганного насмерть Висконски в настоящий шок, благодаря которому он, наконец, замолк. По-видимому, надолго.

— Пошли, — вывел его из оцепенения Холл. — Чем быстрее начнем, тем скорее закончим.

— Надеюсь, — промямлил еле слушающимся языком исстрадавшийся Висконски. — Надеюсь...

4 утра, вторник.

Перерыв на завтрак.

Холл и Висконски вместе с двумя или тремя другими мужчинами без особого аппетита жуют свои сэндвичи, держа их черными от почти несмываемой грязи руками. Грязь эту, глубоко въевшуюся в поры кожи, невозможно смыть сразу и до конца даже с помощью специальных сильнодействующих смывающих средств, которых на заводе предостаточно. Холл ест, поглядывая на конторку шефа, за стеклами которой Уорвик с аппетитом поглощает холодные гамбургеры, запивая их горячим кофе.

— Рэй Апсон работать больше не хочет и отправился домой, — послышался голос Чарли Брочу.

— Не может справиться с тошнотой? — спросил кто-то. — Меня тоже чуть не вырвало сначала.

— Нет. Прежде, чем его вырвало, его сильно поранила крыса. Просто растерзала ему почти всю правую руку, пока удалось ее прибить.

— Да ну! — удивился Холл, оторвав взгляд от Уорвика, которого пристально рассматривал до этого.

— Да, — кивнул головой Брочу. — Я был с ним в одной паре и то, что я увидел, было одной из самых жутких вещей, которые доводилось видеть мне в жизни. Крыса выскочила из дыры в одном из этих ящиков, в которых свалена старая рабочая одежда. Тварь эта была, пожалуй, даже больше, чем кошка. Одним прыжком она намертво вцепилась ему в руку зубами и когтями и с остервенением принялась рвать мясо так, что только клочья полетели.

— Господи! — прошептал, зеленея один из присутствующих.

— Да, — с шумом выдохнул Брочу. — Рэй визжал как женщина и я не осуждаю его за это. Даже нет — он верещал как свинья, которую режут. И вы думаете, эта тварь отцепилась от него? Нет, ребята. Мне пришлось три или четыре раза хорошенько огреть ее здоровенной доской, прежде чем удалось оторвать ее от бедного Рэя. Парень чуть с ума не сошел. Он выхватил доску у меня из рук и колотил ею по крысе, которая давно уже испустила дух, до тех пор, пока она не превратилась в кровавые клочья шерсти, Это было ужасно! Одно из самых мерзких зрелищ в моей жизни. Уорвик перевязал ему руку и отправил домой, посоветовав прямо с утра показать ее врачу.

— Ублюдок! — послышался чей-то голос. — Добреньким прикидывается.

Уорвик, как будто услышав сказанное в свой адрес, допил последний глоток своего кофе, встал, потянулся и вышел из своей конторки наружу.

— Пора за работу, ребята.

Люди поднимались на ноги медленно, не спеша дожевывая свои завтраки и изо всех сил стараясь оттянуть тот момент, когда надо будет снова спускаться вниз. Очень и очень неохотно брались они руками за поручни металлической лестницы, ведущей в подвал.

Уорвик, проходя мимо Холла, хлопнул его по плечу и, мило улыбнувшись, поинтересовался:

— Ну как, студент?

Ответа на свой вопрос он, конечно, не ждал,

— Пошевеливайся! — резко кинул Холл Висконски, возившемуся со шнурком своего ботинка. Они оставались уже почти последними из тех, кто еще не спустился в этот проклятый подвал.

7 утра, вторник.

Холл и Висконски поднимались наружу вместе. Глядя на этого потешного толстяка, Холл с удивлением поймал себя на мысли о том, что они начинают становиться похожими друг на друга. Похожими как-то странно и почти совсем неуловимо. Висконски, уныло тащившийся сзади, был комично грязен. Его толстое одутловатое лицо было

чумазым — совсем как у мальчишки, которому только что хорошо досталось в уличной потасовке.

Люди шли мрачной молчаливой толпой. Не было слышно даже обычных для такого момента грубых шуточек вроде того, кто пригрел сегодня жену Тони, пока ее муженек добросовестно добывал доллары в семейный бюджет. Не было слышно вообще ничего, кроме угрюмого сопения и усталого топота десятков ног. Время от времени кто-нибудь с омерзением сплевывал на и без того ужасно грязный пол.

— Хочешь, подброшу тебя до дома? — нерешительно спросил Холла Висконски.

— Спасибо.

За все время, пока они ехали по Милл-стрит до самого моста, они не обменялись ни единым словом. Только кинули друг другу «Пока», когда Холл выходил из машины у подъезда дешевых меблированных комнат, в которых он снимал тогда крохотную убогую каморку.

Холл направился сразу в душ, все еще думая о Уорвике и стараясь понять, почему мысли об этом человеке преследуют его так навязчиво и даже почти постоянно. Больше всего его тревожило то, что в последнее время у него появилось очень странное ощущение, что они связаны с ним теперь какой-то невидимой и очень прочной нитью.

Холл был измотан настолько, что заснул сразу же, как только коснулся головой подушки, но сон его был очень плохим и беспокойным: ему снились крысы.

Час ночи, среда.

Сегодня Холл опять работал в паре с Висконски, но на этот раз — на брандспойте. Это было намного лучше, чем копать в том дерьме, которым они уже успели пропитаться за два предыдущих дня. К тому же, намного безопаснее — крысы просто не осмеливались показываться в поле зрения Холла, держащего в руках насадку мощного брандспойта. Из нее вырывалась настолько сильная струя воды, что она вполне могла изувечить и даже убить человека, не то что крысу. Висконски сновал между Холлом и насосом, поправляя шланг и отключая время от времени давление, что означало недолгую паузу для перекура перед тем, как приступить к следующей секций.

Работа продвигалась медленно и Уорвик был очень недоволен. Закончить все к четвергу не удавалось уже никак.

В одной из очередных секций была дикая свалка самого разнообразного конторского оборудования и принадлежностей времен, наверное, прошлого века. Во всех углах этого довольно большого помещения были свалки из беспорядочно сваленных в кучи старомодных конторок с откидывающимися крышками, больших покрытых плесенью бухгалтерских книг, массивных связок платежных документов. Особенно много было стульев с отломанными ножками и продавленными или

вовсе оторванными сидениями — настоящий рай для крыс. Десятки этих тварей шныряли по невообразимым лабиринтам этих гигантских куч. Это видны были только десятки, а сколько их было внутри — просто страшно подумать. Все это непрерывно сопровождалось невообразимым и совершенно омерзительным гортанным писком этих гнусных созданий. После того, как двое из работавших неподалеку людей подверглись нападению с их стороны, все остальные работать отказались до тех пор, пока Уорвик не снабдил всех длинными перчатками из толстой резины, которые выдавались на заводе только людям, работавшим непосредственно с кислотами.

Холл и Висконски уже почти дотянули до этой секции свой шланг, как вдруг из двери навстречу им выскочил белобрый здоровяк Кармайкл, чуть не сбив обоих с ног. Кармайкл что есть силы колотил себя по могучей груди огромными кулаками.

Все произошло настолько быстро, что Холл не сразу даже заметил, что на груди у Кармайкла болтается огромная крыса с торчащей в разные стороны серо-седой шерстью и со страшными выпученными черными блестящими глазами. Крыса мертвой хваткой вцепилась зубами в грудь Кармайкла и с остервенением лупила его мощными задними лапами по животу. Кармайклу удалось, наконец, оглушить крысу и сбросить ее на пол. Но в ее зубах, кроме лоскута рубахи, остался огромный кусок мяса из груди ее жертвы. Из страшной глубокой раны Кармайкла почти у самой шеи сильно сочилась кровь. Лицо его было дико перекошено от боли и злости. Через несколько секунд его начало сильно рвать.

Чудом не растерявшийся Висконски успел тем временем сбегать назад и включить давление.

По рукаву зашелестел мощный поток воды. Холл направил насадку на лежащую на полу крысу. Крыса была, судя по облезавшей шерсти, очень старой, но, все же, необычайно большой. Оглушенная могучими кулаками Кармайкла, она валялась совершенно без движения и только судорожно подергивала лапами, крепко сжимая в зубах страшный кусок человеческого мяса.

Ревущая струя воды, со страшной силой вырвавшаяся из насадки брандспойта, почти разорвала ее пополам, а еще через мгновение то, что еще несколько секунд назад было страшным чудовищем, со звонким шлепком вцепилось в противоположную стену.

Тут вдруг неожиданно появился Уорвик. На его губах играла едва заметная зловещая ухмылка. Он подошел к Холлу и похлопал его по плечу:

— Это поинтереснее, чем швыряться пивными жестянками по безобидным крыскам наверху. А, студент?

— Эта еще не самая большая, — подобострастно поддакнул Висконски. — Чуть больше фута в длину.

— Направь-ка лучше струю вон туда, — Уорвик указал на огромную свалку сломанной мебели в углу. — А вы, парни, отойдите-ка подальше в сторону.

— С удовольствием, — неудачно попытался пошутить кто-то.

Кармайкл грозно шагнул в сторону Уорвика. Его побледневшее и еще больше искаженное от боли лицо было сурово и полно решимости постоять за себя.

— Я требую компенсации за это! — и он показал Уорвику свою ужасную рану. — Я требую...

— Разумеется, — противно улыбаясь, оборвал его на полуслове Уорвик. — Свое ты получишь. А сейчас пошел прочь, пока не попал под струю!

Кармайкл с достоинством отошел в сторону и, прижимая к груди руку, поплелся в сторону выхода из подвала. Холл направил норовившую все время вырваться у него из рук насадку на груды старой мебели. Мощная струя пенящейся воды с треском ударила в дерево и разнесла в щепки конторку и два стула, оказавшихся на ее пути первыми. В ту же секунду из кучи бросилось в разные стороны совершенно невообразимое количество крыс. Таких огромных крыс Холл не видел никогда в жизни. Все вокруг, как один, вскрикнули от отвращения и ужаса. Глаза у этих тварей были невероятно большими и блестящими, а туловища — жирными и лоснящимися. Взгляд Холла остановился на одном из этих омерзительных созданий природы. Размером оно было с полуторамесячного упитанного щенка какой-нибудь очень крупной породы собак. Холл, как замороженный, не мог отвести глаз от этого чудовища. Это был настоящий шок даже для такого сильного человека, как он. Холл, не отрывая взгляда от крысы, почувствовал, что в глазах у него начинает темнеть, а насадка брандспойта медленно опускается вниз в его слабеющих и трясущихся крупной дрожью руках.

— О'кей, — окликнул его Уорвик. — Продолжаем! Теперь давай вон по той куче!

Вдруг послышался громкий возмущенный голос одного из рабочих по имени Сай Иппестон:

— Я нанимался работать, а не для того, чтобы меня загрызли здесь эти твари!

Впервые Холл увидел этого парня на заводе всего с неделю назад и был знаком с ним совсем немного. Несмотря на свой высокий рост, Сай был, в общем-то, еще мальчишкой. Из тех, что вечно носят бейсболки и бейсбольные же рубашки.

— Это ты, Иппестон? — как бы не узнав его сразу, удивленно спросил Уорвик.

Парень немного смутился, но, все же, отважно вышел вперед из напряженно молчащей толпы угрюмо и испуганно озиравшихся по сторонам людей.

— Да, это я. С меня довольно крыс! Я нанимался чистить подвал и вовсе не хочу заразиться тифом или чем-нибудь еще в этом роде. Можете вычеркнуть меня из списка желающих.

Из-за спины его послышался одобрителный гул толпы. Висконски посмотрел на Холла, но тот в этот момент как раз возился с насадкой, проверяя плотность ее соединения с рукавом. Насадка эта выглядела как дуло сорокапятимиллиметрового артиллерийского орудия и даже при самом слабом напоре воды вполне могла отбросить человека струей на несколько метров.

— Так ты хочешь получить расчет, Сай? Я правильно тебя понял?

— Пожалуй, — ответил Иппестон.

Уорвик кивнул головой.

— О'кей, щенок. Проваливай. Убирайтесь все, кто считает так же, как этот недоносок! Здесь вам не профсоюз — не рассчитывайте! Проваливайте! И не вздумайте потом когда-нибудь возвращаться обратно! Я лично прослежу за тем, чтобы вас никогда больше не взяли на завод!

— Не слишком ли вы горячитесь, сэр? — невозмутимо промурлыкал пришедший, наконец, в себя Холл.

Уорвик резко обернулся к нему:

— Ты что-то сказал, студент?

В ответ Холл вежливо улыбнулся и произнес еще более отчетливо:

— Да нет, ничего, мистер Уорвик. Просто горло прочистил.

— Тебе что-то не нравится? — тоже пытаясь улыбаться, поинтересовался Уорвик.

Холл молчал.

— О'кей, продолжаем! — рявкнул Холл. — Теперь давай по той куче!

2 ночи, четверг.

Холл и Висконски работали сегодня опять на вагонетке, вывозя на ней мусор наружу. Груда этого мусора вперемешку со зловонной грязью у западной стены недалеко от вентиляционной шахты выросла уже до невообразимых размеров, а работа не была закончена еще и наполовину.

В этот день вся Америка наверху праздновала День Независимости.

— С праздником тебя, — поздравил Висконски Холла, когда они прервались для очередного перекура.

Работали они в этот момент рядом с северной стеной подвала, довольно далеко от выхода из него. Освещение было очень тусклым, а замысловатая акустика подвала создавала впечатление, что люди, работавшие там помимо Холла и Висконски, находились где-то, по крайней мере, в нескольких милях от них.

— Спасибо, — ответил Холл, прикуривая сигарету. — Что-то мало я видел крыс сегодня.

— И я тоже, — поддакнул Висконски. — И все остальные говорят, что они все куда-то запропастились. Может быть, они стали поумнее?

Холл и Висконски стояли в конце длинного извивающегося прохода, образованного беспорядочно наваленными в кучи огромными бухгалтерскими книгами многолетней давности, связками старых счетов и ящиками с изношенной когда-то еще очень давно рабочей одеждой. Были здесь еще два огромных ткацких станка.

— Этот Уорвик... — начал было, сплюнув, Висконски.

— Как ты думаешь, куда они все подевались? — перебил его Холл. Вопрос был обращен, скорее, к самому себе. — Не в кирпичные же стены...

Он посмотрел на влажную осыпашуюся кирпичную кладку, опирающуюся на огромные каменные блоки у основания. Это было, конечно, совершенно невозможно.

— Может быть, их всех смыло в реку и они утонули? — высказал придурковатое предположение Висконски.

Вдруг мимо них неожиданно пролетело что-то большое, черное и хлопающее крыльями. Висконски испуганно вскрикнул и прикрыл голову руками.

— Летучая мышь, — спокойно констатировал Холл, глядя на перепуганную физиономию Висконски, испуганно выглядывающую из под судорожно скрюченных рук.

— Летучая мышь... Летучая мышь... — тихо пробормотал бедный толстяк. — Что делать летучей мыши в подвале? Насколько я понимаю, они должны быть на чердаках, в...

— Довольно большая, — как будто не слыша его, задумчиво проговорил Холл. — Такое впечатление, как будто это была не летучая мышь, а летучая крыса.

— Господи! — простонал Висконски. — Откуда же...

— Откуда она взялась здесь? Может быть, оттуда же, куда ушли крысы?

— Что здесь происходит? — послышался издали голос приближающегося Уорвика. — Кто кричал? Где вы?

— Не беспокойтесь, все нормально! — крикнул Холл показавшемуся в дальнем конце коридора шефу. Глаза приближающегося Уорвика страшно вспыхивали в свете фонаря, который направил на него Холл.

— Это ты кричал, студент? — спросил Уорвик, подойдя к ним почти вплотную.

— Я, — улыбнулся Холл. — Ушиб коленку.

— И что же ты теперь хочешь за это? Орден Пурпурного Сердца? — противно гоготнул Уорвик.

— Зачем ты сказал это? — тихо прошептал Висконски, наклонясь к Холлу.

— Просто так. Смотрите-ка сюда, — и Холл указал лучом своего фонаря на деревянную крышку люка в мокром крошащемся бетоне прямо у них под ногами. — Как вы думаете, что это?

— Понятия не имею, — пробормотал Висконски.

Холл покачал головой.

— И вы тоже не знаете? — обратился он к Уорвику — тот тоже пожал плечами.

— Я могу сказать вам, что это, — выждав небольшую паузу, проговорил Холл. — Это деревянный люк. Я обратил внимание еще на несколько таких же не так далеко отсюда. А под ними — еще один этаж подвала, находящийся под фундаментом. Насколько я понимаю, о нем известно мало кому.

— Господи... — только и прошептал на это вконец перепуганный Висконски.

Половина четвертого утра, четверг.

Они приближались к одной из самых дальних секций подвала где-то в северо-восточной его части. Сзади шли Иппестон и Брочу. Они волокли за собой рукав одного из самых мощных брандспойтов, у которого было и еще одно очень важное преимущество. Насадка его имела кран, с помощью которого можно было произвольно регулировать напор струи и даже полностью перекрывать давление.

— Пришли. Вот он. — остановился, наконец Холл, показывая рукой на пол.

Это был большой и, судя по виду, довольно тяжелый деревянный люк, закрывавший вход в подземелье. В самом центре его было вделано массивное металлическое кольцо.

— Смой-ка с него все это дерьмо, Иппестон, — обернулся он к Саю Иппестону, уже приготовившемуся открыть кран.

Толстый слой грязи, которой был облеплен люк, был сброшен мощной струей воды в считанные секунды.

— Эй, Уорвик! Уорвик! — окликнул Холл шефа. — Подойдите-ка сюда на минуту.

Уорвик как раз оказался в ту минуту из-за ближайшего поворота. Увидев группу людей, столпившихся вокруг Холла и внимательно рассматривавших что-то у его ног, он, со своей постоянной отвратительной ухмылочкой, участливо поинтересовался:

— Что случилось, студент? Шнурок развязался?

Никому кроме него, однако, было не до смеха.

— Смотрите, — Холл пнул ногой люк. — Вход в нижний подвал...

— Ну и что? Какого черта, вообще-то, вы не работаете?! Сейчас, кажется, не время перерыва! — взорвался Уорвик.

— Там ваши крысы, — спокойно, как ни в чем не бывало, ответил Холл. — Они размножаются там тысячами! Может быть, сотнями тысяч и когда-нибудь, может быть — совсем скоро, начнут выбираться в город, неся страшные эпидемии! А вам, как я вижу, нет до этого совершенно никакого дела! Мы с Висконски видели здесь даже огромную летучую мышь размером со среднюю кошку!

К ним стали подходить и другие люди, работавшие неподалеку, привлеченные громким голосом Холла. Они молча собирались вокруг и угрюмо посматривали то на люк, то на опешившего Уорвика.

— Меня все это действительно совершенно не волнует! — скинув минутное оцепенение, повысил вдруг он голос. — Я нанимал вас чистить подвал, а не для того, чтобы вы мне тут...

— Да, это действительно так, — грубо оборвал его Холл. — Но нас было вначале, насколько я помню, тридцать шесть человек, а сейчас осталось уже не больше двадцати. Администрации завода придется хорошо раскошелиться на компенсации тем шестнадцати, которых вы, Уорвик, как старший, не уберегли. По головке, я думаю, вас за это не погладят.

— Вот повезло человеку! — гоготнул кто-то из толпы, которая уже колом стояла вокруг них.

Уорвик, раскрыв от изумления рот, молча смотрел на Холла...

— Не ожидал от тебя такого, студент, не ожидал... Ты оказался опаснее и умнее, чем я думал, — с оттенком уважения проговорил Уорвик. — Но неужели ты на самом деле думаешь, что меня действительно интересует, сколько там внизу крыс? Если ты так думаешь, то ошибаешься. Мне это совершенно безразлично.

— Ах безразлично?! — взорвался Холл. — Ну так послушай, ублюдок, я скажу тебе сейчас такое, что уж точно не будет тебе безразлично! Хорошо, кстати, что ты напомнил мне о том, что я был когда-то студентом — я был вчера в библиотеке мэрии и разыскал там кое-что интересное.

Я специально искал постановления муниципалитета, касавшиеся этого завода. Одно из них, датированное 1911-м годом, но действительное и поныне, показалось мне особенно интересным. Знаешь, о чем там говорится, Уорвик?

Глаза Уорвика были прищурены с нескрываемой ненавистью, а взгляд — холоден как лед.

— Ты уволен, студент. Можешь быть свободен.

— Так вот, — невозмутимо продолжал Холл, как если бы он ничего не слышал, — в этом постановлении говорилось об уголовной ответственности администрации завода, приведшую к появлению на заводе паразитов в количестве, превышающем допустимые санитарные пределы. Оговаривается там также и ответственность за непринятие против этого никаких профилактических мер и даже за недостаточную их

эффективность. Ты понял, Уорвик? Повторяю по буквам, если не понял — речь там шла О П-А-Р-А-З-И-Т-А-Х. Под паразитами подразумевались животные, переносящие опасные инфекционные заболевания. Они были даже конкретно перечислены там: простые и летучие мыши, сунсы, незарегистрированные бродячие собаки и крысы. Крысы — особенно! Крысы, мистер Уорвик, упоминались на двух страницах этого постановления четырнадцать раз! А теперь представьте себе только на минуту, что начнется, когда я, выйдя отсюда наверх, напрямик направлюсь к мэру города и в красках распишу ему все, что происходит здесь внизу, в подвальных помещениях...

Холл сделал небольшую паузу, наслаждаясь видом перекошенного ненавистью лица Уорвика.

— Я думаю, что как только я сообщу об это мэру, завод будет тут же, немедленно остановлен до выяснения причин, наказания виновных и полного истребления всех до единой крыс. А ты, Уорвик, в лучшем случае с треском вылетит отсюда не позднее этой субботы. Я уже слышу, какие слова скажет твой босс, прежде чем двинуть тебя коленом под зад. Так что, Уорвик, придется тебе добиваться временного пособия по безработице. ТЕБЕ, Уорвик, а не мне.

В бессильной злобе руки Уорвика сжались в кулаки. Закрыв глаза, он с шумом выдохнул воздух, думая про себя: «Вот так в переплет я попал! А ведь как чувствовал, что давно пора было вышвырнуть с завода этого бродягу! Под любым предлогом!» Открыв глаза, он увидел перед собой люк во второй уровень подвала и на его лице снова появилась вечная его улыбочка, говорящая о том, что он, наконец, пришел в себя.

— О'кей, студент. Считаю, что я пошутил. Ты не уволен.

— Ты тоже не настолько туп, как я думал, — похвалил его напоследок Холл.

Поверженному Уорвику оставалось только молча проглотить последний выпад Холла. Он только как бы благодарно кивнул с все той же натянутой и нервной гримасой, долженствовавшей означать ироничную усмешку.

— Ты так находчив и смел, Холл. Не спуститься ли тебе вниз и не посмотреть ли собственными глазами на то, что там происходит? Мы бы с интересом послушали бы потом мнение об этом образованного, в отличие от всех нас, человека. Возьми с собой и Висконски.

— Только не меня! — испуганно вскрикнул Висконски. — Только не я! Я... Я...

— Что «я...»? — свирепо сверкнув глазами, рывкнул на него Уорвик.

Висконски тут же заткнулся.

— Хорошо, я согласен. — бодро проговорил Холл. — Нам понадобятся три хороших мощных фонаря. Мне кажется, я видел целую

полку как раз таких, шестибатареечных, в главном помещении офиса. Не правда ли, Уорвик.

— Тебе, наверное, понадобятся помощники, — уклончиво ответил Уорвик. — Можешь выбрать их себе сам.

— Я выбираю тебя, Уорвик. — спокойно и вежливо проговорил Холл, пристально глядя ему прямо в глаза. — В конце концов, должны же быть представлены и администрация, как ты думаешь?.. Что ты так поблбднел, Уорвик? Неужели ты боишься этих паршивых крыс? Может быть, там их не так уж и много. Или вообще нет...

Кто-то (судя по голосу — Иппестон) громко и довольно гоготнул.

Уорвик обречено обвел взглядом плотно окружившую его толпу людей. Каждый из них мрачно смотрел себе под ноги.

— Брочу, — наконец произнес он упавшим голосом, — поднимись в офис и принеси три фонаря, о которых говорил Холл. Скажи сторожу, что это я послал тебя за ними.

— Зачем ты втягиваешь меня в это?! — простонал Висконски, с тоской глядя на Холла. — Ты же знаешь, я... Ты же знаешь, я...

— Это не я тебя втягиваю, — ответил Холл и мрачно посмотрел на Уорвика.

Уорвик встретил этот полный ненависти взгляд не менее мрачно, но долго не отводил глаз в сторону.

4 утра, четверг.

Через некоторое время вернулся Брочу с тремя защитными касками с вделанными в их переднюю часть мощными фонарями. Одну — Холлу, вторую — Висконски, третью — Уорвику.

— Иппестон, отдай свой брандспойт Висконски. — нервно бросил Уорвик.

Висконски, ни жив — ни мертв от страха, дрожащими руками принял тяжелую насадку.

— Ол райт, — обратился Уорвик к Висконски. — Смотри в оба и как только увидишь крыс — сразу лупи по ним самой мощной струей.

«Да уж конечно...» — подумал Холл. — «Эти два ополоумевших от страха кретина с перепугу наверняка увидят крыс только тогда, когда они уже вцепятся им в самый нос. Особенно Висконски. Даже если сказать ему, что он получит за эту работу дополнительно десять долларов — все равно, наверное, не поможет».

— Поднимайте люк, — приказал Уорвик двум стоявшим рядом рабочим.

Один из них крепко ухватился за кольцо и, крикнув от напряжения, стал тянуть. Люк не поддавался. В какой-то момент Холл подумал, что так вот запросто с люком не справиться. Но вдруг послышался чавкающий звук и один из краев люка приподнялся. Второй рабочий тут же схватился за него, но в то же мгновение

отдернул руки, вскрикнув от неожиданного испуга и боли — его кисти были облеплены огромными, слепыми и почти совершенно белыми от полного отсутствия в их жизни света жуками.

Все разом выдохнули от неожиданности, а тот, что тянул за кольцо, выпустил его и люк с гулом грохнулся обратно. Когда люк подняли во второй раз, уже с помощью валявшейся рядом трубы, — с его нижней части посыпались вниз, в темноту, сотни этих жуков. Некоторые упали на пол возле входа в подzemелье и тут же были с громким хрустом раздавлены каблуками. Таких огромных жуков Холл не видел раньше никогда в жизни. Да и никто из присутствовавших, наверное, тоже.

— Смотрите. — сказал Холл.

На нижней, внутренней стороне люка был ржавый и теперь уже сломанный усилиями нескольких мужчин замок. Замок был закрыт изнутри.

— Но он же не должен быть снизу. — удивленно произнес Уорвик. — Он должен быть наверху... Почему?..

— По многим причинам, — ответил Холл. — Но, скорее всего, это сделано для того, чтобы никто не мог открыть люк снаружи. Так, наверное, и было. По крайней мере тогда, когда замок был новым, а не проржавевшим до полной непригодности, как сейчас.

— Но кто же тогда запер его? — проявив «недюжинную» в его состоянии смекалку, спросил Висконски.

— Ну уж этого я не знаю. Тайна, — усмехнулся Холл и посмотрел на Уорвика.

— Слушайте... — прошептал вдруг Брочу.

— О, Господи!... — всхлипнул, услышав то, о чем говорил Брочу, Висконски. — Я не полезу туда!

То, что услышали теперь все, было мягким ровным шумом, издаваемым тысячами и тысячами когтей крысиных лап, цокающих по каменному полу. Довершал это ужасное цокание тоже очень равномерный в своей многоголосности совершенно жуткий писк этих тварей. Все просто оцепенели.

— Может быть, это просто лягушки? — послышался слегка подрагивавший от нервного напряжения голос Уорвика.

Холл громко рассмеялся.

Уорвик включил свой фонарь и направил его луч вниз, в темноту провала, начинавшегося за люком. К каменному полу, начинавшемуся несколькими метрами ниже, вела старая деревянная и сильно прогнившая лестница. Не было видно пока ни одной крысы.

— Это гнилье может не выдержать нашего веса. Наверняка не выдержит. — сказал он наконец.

Брочу (самый тяжелый из все присутствовавших) встал на первую ступень лестницы и осторожно попрыгал. Этого оказалось вполне

достаточно для того, чтобы убедиться, что лестница, по крайней мере первая ее ступень, хоть и скрипит и похрустывает, но не ломается.

— Что-то ты слишком ретив, Брочу. Я же не просил тебя делать это. — резко кинул ему Уорвик.

— Меня попросил бы сделать это Рэй, если бы был сейчас здесь, — сдержанно ответил Брочу.

— Пошли, — оборвал, наконец, затягивающуюся паузу Холл.

Уорвик бросил последний насмешливый, как ему казалось, взгляд на окружавшее их плотное кольцо людей и, вместе с Холлом и Висконски, подошел к краю люка. Висконски стоял между ними и просто-таки ходуном ходил от страха. Ему явно не хотелось спускаться вниз. Тем не менее, они скрылись в темном проеме люка сразу, один за другим — первым шел Холл, за ним Висконски, бледный и чуть не падающий в обморок от нервного перенапряжения, Уорвик был последним. Лучи их фонарей прыгали по ступеням, стенам подземелья, по полу, выхватывая из темноты резко контрастирующие неровности, отбрасывавшие четкие зловещие тени. Насадка брандспойта тряслась в руках у Висконски как отбойный молоток, а рукав, тянувшийся за ней подобно гигантской серой извивающейся змее.

Когда они, наконец, достигли пола, Уорвик решил оглядеться вокруг попристальнее. Медленно перемещавшийся луч его фонаря поочередно освещал какие-то полусгнившие фанерные и деревянные ящики да старые почерневшие от времени бочки и ничего больше. Кругом стояли неглубокие, не больше чем по щиколотку, но большие лужи просочившейся вниз и застоявшейся речной воды.

— Я что-то пока больше не слышу их, — прошептал Висконски.

Медленно, очень медленно отходили они от лестницы. В полной тишине слышались только хлопающие звуки их шагов. Холл вдруг остановился и осветил своим фонарем огромный деревянный ящик с полувыцветшими и полублупившимися белыми буквами на лицевой стороне.

— ЭЛИАС ВАРНИ, — прочитал он вслух. — 1841 год. Завод что, уже существовал в этом году — спросил он, обернувшись к Уорвику.

— Нет, — ответил тот. — Его постройка была закончена только к 1897-му. А какая разница?

Холл не ответил. Они снова двинулись вперед. Из-за очень густой темноты коридор этой части подземелья казался намного длиннее, чем был на самом деле. Зловоние здесь было еще более сильным, чем в верхней части подвала. Запах гниения был настолько ужасным, что казалось, что повсюду здесь, невидимые пока, лежат разлагающиеся трупы. К звуку шагов добавился еле слышимый таинственный и зловещий звук капающей воды. Совсем как в пещере.

— Что это, — удивленно спросил Холл, указывая лучом своего фонаря на длинную выпуклость, идущую вдоль потолка, а точнее —

свода подземелья. Была она довольно прямолинейной и выступала наружу примерно фута на два. Холлу вдруг показалось, что от этого выступа исходит едва различимый, но, все же заметный и очень странный звук. Даже не звук, а, скорее, едва уловимая вибрация. Подойдя поближе, Холл ощутил ее более отчетливо.

Уорвик задрал голову и пристально всмотрелся в то, что так заинтересовало Холла.

— Это... — начал было он, но вдруг неожиданно замолчал. —... Боже мой... Нет... Этого не может быть!.. — медленно выговорил он с широко раскрытыми глазами.

— А ведь это, судя по нашему местонахождению, — одна из наружных стен завода, — закончил за него Холл. — Точнее выражаясь — ее фундамент, стоящий... НА ВОЗДУХЕ... К тому же — ПРЯМО НАД НАМИ...

— Я возвращаюсь! — неожиданно скороговоркой произнес Уорвик и резко повернулся, чтобы поскорее добраться до выхода.

Холл как кошка молниеносно бросился ему вслед и, крепко сжав его шею обвитой вокруг нее рукой, с ненавистью прошипел в самое ухо:

— Никуда вы не возвращаетесь, мистер Уорвик...

Уорвик попытался высвободиться, но шея после этого оказалась еще больше стиснутой в стальном зажиме руки Холла. Вывернув на него глаза, Уорвик сдавленно прохрипел:

— Да ты же просто сумасшедший, студент! У тебя не все в порядке с головой, да?

— Веди-ка себя попокладистее, приятель! — совсем уже не ласково прикрикнул на него Холл. — Вперед! Не останавливаться!

— Холл... — простонал Висконски.

— Дай-ка сюда! — повернулся к нему Холл и свободной от Уорвика рукой вырвал у Висконски насадку брандспойта.

Тут он выпустил шею Уорвика, но тут же направил насадку прямо ему в лицо. Висконски порывисто развернулся и что было духу припустил к выходу наружу. Холл, казалось, даже не отреагировал на это. Не отрывая пристального взгляда от Уорвика, он холодно произнес:

— Вперед, мистер Уорвик. Я буду идти прямо за тобой.

Уорвик шагнул вперед, стремясь хотя бы поскорее уйти из-под этого смертельно опасного места, которое могло обрушиться на них весом многоэтажного завода в любую секунду... уже через несколько секунд у Холла появилось очень сильное и очень нехорошее предчувствие. Каким-то нутром он отчетливо почувствовал, что крысы уже совсем недалеко, хотя он еще не видел и не слышал их. Они действительно подобрались невидно и неслышно. Прибавив мощность своего фонаря и поведя лучом вокруг, Холл, наконец, увидел совер-

шенно невообразимое количество этих жутких тварей. Крысы незаметно сгрудились вокруг них подобно самой смерти. Молчаливо, не издавая ни единого звука, они, казалось, рядами толпились друг за другом как угрюмые солдаты какой-то страшной фантастической армии. Тысячи, сотни тысяч жадно горящих глаз уже просто пожирали двух невест как попавших сюда людей, не приблизившись к ним еще и на несколько метров. На самом деле, крысы просто слеповато щурились на ударивший им в глаза яркий свет фонарей. Остальные же, опустив головы, принюхивались к новым незнакомым запахам, принесенным сюда человеком, которого они никогда не видели. Это, однако, было малоутешительно — самые большие крысы были совершенно невероятных и леденящих кровь размеров. Высотой они были почти по колено взрослому человеку, не говоря уже об их длине и об общей численности этой «армии», которая исчислялась, наверное, многими сотнями тысяч настоящих кровожадных убийц.

Уорвик увидел их секундой позже и остановился как вкопанный.

— Они окружили нас, студент... — он все еще сохранял самообладание, голос был ровным и спокойным, но все же, уже начинал немного подрагивать — сказывалось сильное нервное напряжение.

— Вижу. — отозвался Холл. — Не останавливаться!

Они снова двинулись вперед. Холл сзади, Уорвик — перед ним, подталкиваемый иногда в спину насадкой брандспойта. Оглянувшись назад, Холл увидел, что крысы молчаливо и неотступно следуют за ними. Тяжело переваливая свои жирные туши через толстый и, слава Богу, очень прочный рукав брандспойта. Одна из крыс, на которую попал луч фонаря Холла, подняла на него свою отвратительную остроносую морду и, казалось, злорадно ухмыльнулась, прежде чем опустить ее снова. Теперь Холл видел уже и летучих мышей. Огромные, размером с крупных воронов или грачей, они свисали со сводов подземелья прямо над их головами.

— Смотри! — сказал Уорвик, указывая лучом своего фонаря на что-то в нескольких футах впереди.

Это был позеленевший от плесени и совершенно изъеденный крысами человеческий череп. Он смотрел на них своими пустыми черными глазницами, а раскрытые в смертельном оскале челюсти будто бы смеялись над двумя безумцами, спустившимися в самое логово смерти. Рядом с черепом Холл разглядел локтевую кость, тазобедренный сустав и часть грудной клетки.

— Не останавливаться! — Холл еще раз сильно ткнул Уорвика насадкой в спину.

Холл почувствовал, как у него как будто что-то взорвалось внутри. Что-то страшное и черное, заволакивающее его сознание мрачной пеленой. «ТЫ СЛОМАЕШЬСЯ ПЕРВЫМ, МИСТЕР УОРВИК. Я

КРЕПЧЕ ТЕБЯ И Я ДОЛЖЕН ВЫДЕРЖАТЬ. — пульсировала в его мозгу одна-единственная мысль. — **ПОМОГИ МНЕ, ГОСПОДИ!»**

Они прошли мимо костей, инстинктивно задержав дыхание. Крысы следовали за ними неотступно, не приближаясь, однако, ближе определенного расстояния. Вдруг Холл увидел нечто такое, что просто приковало к себе его взгляд. Вначале он даже не поверил своим глазам, но, взяв себя в руки, понял, все-таки, что это не галлюцинация. То, что он увидел, было огромным подергивающимся крысиным хвостом толщиной... с телефонный кабель.

Хвост свисал из-за резкого возвышения в полу, представлявшего собой как бы перегородку, разделяющую коридор. Это была даже не перегородка, а как бы барьер высотой приблизительно по пояс. За ним не было видно пока ничего. Не было видно, но зато было слышно... Сквозь звон в ушах Холл явственно слышал затаившееся, но очень тяжелое и хриплое дыхание какого-то крупного животного, которого, может быть, никто из людей и не видел никогда... Мысль об этом пришла к Холлу одновременно с мыслью о том, что они ведь находятся всего в нескольких футах от этого затаившегося и явно прячущегося пока от них неизвестного зверя. Прячущегося, может быть, для того, чтобы наброситься на них в следующую секунду! Какой-то сумасшедший азарт и любопытство, которое всегда было исключительно сильно развито у Холла, взяла верх над его здравым смыслом. Он понял, что если он не увидит сейчас то, что ему так хотелось увидеть, то он не увидит этого уже больше никогда в жизни. Грубо подтолкнув Уорвика к барьеру, он подошел к нему и сам и увидел, наконец, то, что было скрыто за ним...

Увиденным оба были повергнуты в настоящий шок.

— Смотри... — только и сумел выдохнуть Уорвик. Он уже почти совсем не контролировал себя и, судя по тому, как он пошатывался и закатывал время от времени глаза, начинал терять сознание.

Холл видел все и сам, без подсказки Уорвика, но никак не мог поверить собственным глазам. За барьером были крысы... Но крысами назвать их было очень трудно... То, на что смотрел, не в силах пошевелиться от ужаса, Холл, было продуктом какой-то совершенно невообразимой, дикой мутации!.. Крысы были огромными, просто гигантскими... Некоторые из них были.... **НЕ МЕНЕЕ ТРЕХ ФУТОВ В ВЫСОТУ...** Они были как огромные свиньи. Сходство это усиливалось еще и тем, что кожа их была совершенно розовой и почти совсем лишенной шерсти. Эти монстры были, однако, абсолютно слепы — подобно своим летающим родственникам, летучим мышам, а задние лапы были крохотными как у домашних собачек и совершенно неразвитыми. Они даже не доставали до земли. Чудовища эти, со страшными хрипами и стонами, извиваясь и налезая друг на друга, уже не таясь, остервенело пытались перебраться через перегородку,

отчаянно работая жирными телами, хвостами и передними (по-видимому, очень сильными) лапами. Их отделяли от окончательно оцепеневших от ужаса людей всего каких-то несколько футов...

Уорвик обернулся к Холлу и, заставив себя улыбнуться, довольно спокойно произнес:

— Мы не можем идти дальше, Холл. Ты должен, наконец, понять это.

Услышав этот голос и увидев эту улыбку, Холл невольно поразился недюжинной, все-таки, выдержке этого человека. Направив на него насадку брандспойта и положив руку на кран, Холл холодно произнес:

— Ты должен обязательно познакомиться поближе с этими милашками, Уорвик. Посмотри, как они хотят этого...

Самообладание Уорвика пошатнулось и резко пошло на убыль. Он понял, наконец, что обречен.

— Пожалуйста, Холл, не надо! — заплакав как ребенок, взмолился он. — Пожалуйста!..

— Молчать! Вперед! — рявкнул Холл, поражаясь невесть откуда взявшейся жестокости.

— Холл!!! — взвыл Уорвик. — Если эти твари перегрызут рукав, нам же никогда не выбраться отсюда!!!

— Я знаю, — спокойно улыбаясь, произнес Холл. — Вперед!

— Ты сумасшедший, Холл!.. Ты просто сумасшедший...

Тут по ноге Уорвика пробежала крыса и он громко вскрикнул от напряжения и страха. Холл снова улыбнулся и огляделся, наконец, вокруг. Крысы были теперь уже повсюду кругом. Ближайшие — уже меньше, чем в метре от их ног. Холл сделал резкое движение ногами и насадкой — и крысы отпрыгнули.

— Господи! — простонал Уорвик. — Господи!....

Даже в почти непроглядной тьме Холл видел, насколько бледным было его лицо. Оно было совершенно белым. Ни капли крови.

Вдруг Уорвик резко повернулся и бросился бежать, но не успел сделать и двух шагов, как Холл, открыв кран насадки, сбил его с ног мощной струей воды. Струя была настолько сильной, что отбросила Уорвика к противоположной стене и через какую-то долю секунды он, с нечеловеческим криком, совершенно скрылся из глаз в темноте. Этот его протяжный вопль перекрывал даже оглушительный ревуший и грохочущий звук вырывающейся из насадки самой мощной струи воды, которая только могла быть. Вопль этот был поистине ужасным:

— ХО-О-ОЛЛ! А-А-А-А-А!!!.....

В этот момент Холл увидел, как одна из огромных крыс-свиней, выбравшись каким-то образом из своего «загона», дико извиваясь и издавая жуткий хриплый писк, похожий, скорее, на стон, с поразительной для нее скоростью ринулась на голос Уорвика и тоже скрылась в темноте точно в том направлении, в котором находился Уорвик.

— ХОЛЛ! РАДИ БОГА!!!....

Слышать предсмертные крики человека было просто ужасно. Даже для Холла. Они, казалось, осязаемо заполняли все окружающее пространство...

Наконец послышался другой, просто кошмарный звук и Холл понял, что крыса добралась до Уорвика. Звук этот был... хрустом и треском ломающихся под зубами этого чудовища человеческих костей — костей Уорвика... Крики его тут же стали тише, а через несколько мгновений стихли навсегда...

Вдруг Холл увидел, что вторая безногая крыса-свинья, тоже одна из самых крупных, остервенело перебирая передними лапами и извиваясь всем телом, стремительно приближается к нему самому. В следующее мгновение, не успев опомниться, он уже почувствовал ее тяжелую, дряблую и теплую тушу на себе — крыса сбила его с ног. Почти только инстинктивно, почти не имея времени на размышления, Холл направил ей насадку брандспойта прямо в брюхо. Струя с силой отбросила ее в сторону, разбросав повсюду кишки и развесив в воздухе мелкий кроваво-водяной туман. Слабеющим сознанием Холл отметил, все же, две важных вещи. Во-первых он понял, что эти слепые чудовища довольно сносно ориентируются в пространстве подобно летучим мышам. Во-вторых, он с ужасом отметил, что напор струи из брандспойта стал заметно менее мощным — крысы, по-видимому, все-таки прогрызли где-то довольно прочную, кстати, оболочку рукава. Может быть, даже не в одном месте...

Постоянно и напряженно озираясь по сторонам, Холл сделал несколько осторожных шагов в том направлении, в котором исчез Уорвик.

То, что представилось его взору, было настоящим шоком даже для такого сильного и выдавшего в своей жизни всякое человека, каким был Холл. Крыса была размером со здорового годовалого теленка. Кожа ее была почти совсем лишена растительности и имела отвратительный грязный розово-серый цвет. Она была совершенно слепа, а лапы ее, даже передние, были крайне неразвиты. Чудовище это было, тем не менее, самым крупным и самым сильным из всех остальных. По-видимому, это был вожак этой страшной стаи. Когда Холл осветил ее лучом своего фонаря, она, побеспокоенная и оторванная от пожирания тела Уорвика, издала недовольный и совершенно омерзительный полу-стон — полу-хрюканье, резко дернув головой в его сторону. Тело Уорвика казалось рядом с ней телом карлика. Тем более, что от него осталось уже чуть больше половины...

— Прощай, Уорвик. — прошептал Холл, покрываясь холодным липким потом и наблюдая широко раскрытыми глазами, как крыса одним движением отрывает левую руку своей жертвы.

Холл повернулся и стал быстро пробираться к выходу, расчищая себе путь все более и более слабеющей струей воды. Некоторым из

крыс удавалось, все-таки, прорываться и набрасываться на его ноги выше высоких рабочих ботинок из толстой кожи. Одна из них сумела даже взобраться по штанине до самого бедра и успела выдрать из них огромный клок материи, прежде чем Холл сильным ударом сбил ее на землю.

До выхода из подземелья оставалось где-то еще около трех четвертей пути, который они неразумно проделали, углубляясь в этот проклятый коридор. Пол имел небольшой уклон и Холл, напряженно всмотревшись вперед и вверх, попытался определить, хотя бы приблизительно, это расстояние. В этот момент в лицо ему неожиданно и сильно врезалась гигантская летучая мышь. Дико пища, она цепко обхватила голову Холла своими длинными перепончатыми лапами-крыльями и впилась острыми когтями в рубашку на его спине.

Холл, ничего не видя, несколько раз с силой ударил по обмякающему телу массивной насадкой брандспойта. Мышь, огромная как крупная кошка, упала и Холл принялся иступленно топтать ее ногами, смутно сознавая при этом, что он кричит как перепуганный до слез ребенок. Крысы совсем уже осмелели и, одна за одной, взбирались вверх по его штанинам.

Напор в брандспойте уже почти совсем иссяк и, отшвырнув бесполезную теперь насадку, Холл что было сил бросился в сторону выхода, стряхивая с себя на ходу совершенно уже озверевших крыс. Некоторые из них успевали, все-таки, вскарабкаться до живота, груди, спины. Холл отчаянно отдираал их от себя вместе с кусками одежды и кусками собственного мяса. Одна из них умудрилась даже добраться до его плеча и силой вдавить свой длинный и узкий нос в его правое ухо.

В этот момент в голову ему с огромной силой ударились вторая летучая мышь и, через секунду, хлестнув его крыльями по глазам, улетела, унося с собой половину скальпа с его головы.

Холл почувствовал, что в глазах у него темнеет, а тело начинает катастрофически быстро обмякать. В ушах появился дикий звон, как будто вокруг него гудели десятки колоколов. Он сделал еще одно отчаянное движение, пытаясь стряхнуть с себя облепивших его крыс и упал на колени. Последними звуками, которые издал Холл в этой жизни, перед тем, как умереть, были душераздирающие крики вперемежку с диким, леденящим душу хохотом.

Пять утра, четверг.

— Кто-нибудь должен спуститься туда еще, — решительно произнес Брочу.

— Только не я! — прошептал Висконски. — Только не я!

— Не ты, не ты, толстопузый, — презрительно обозвал его Иппестон.

— Ну, не будем терять времени, — слышался голос Броугана. — Вниз пойдут я, Иппестон, Дэнджерфилд и Недэу. Стивенсон, сходи в офис и принеси еще четыре новых фонаря.

Иппестон посмотрел вниз, в темноту и задумчиво произнес:

— Может быть, они просто остановились перекурить... Крыс я вижу пока всего несколько.

Через несколько минут вернулся Стивенсон с фонарями и вскоре все четверо быстро скрылись в зловеще-черном проеме люка.

Я — ДВЕРНОЙ
ПРОЕМ

Я — ДВЕРНОЙ ПРОЕМ

Ричард и я сидели на веранде моего небольшого домика на берегу моря и молчаливо наблюдали за прибоем. Дым от наших сигар был густым и душистым, что в некоторой степени спасало нас от роящихся кругом комаров, не подпуская их ближе определенного расстояния. Вода была прохладного голубовато-зеленоватого цвета, а небо — бездонным и сочно-синим. Очень красивое сочетание.

— Так значит, «дверной проем»... — задумчиво повторил Ричард. — Откуда у тебя такая уверенность в том, что мальчика убил именно ты? Может, тебе это, все-таки, просто приснилось?

— Да не приснилось мне это! Но и убил его не я — я же говорил тебе уже! Убили его они! Я был только дверным проемом...

Ричард вздохнул.

— Ты похоронил его?

— Да.

— Помнишь, где?

— Конечно, — мрачно ответил я, доставая из нагрудного кармана сигарету. Кисти рук, из-за наложенных на них повязок, были очень неуклюжими и, к тому же, отвратительно зудели. — Если хочешь посмотреть на это место, то лучше поехать туда на твоём багги. На этом, — я кивнул на кресло-каталку, — ты не дотолкаешь меня туда по песку.

Для езды по глубокому зыбкому песку у Ричарда была специально приспособленная для этого машина выпуска, кажется, 1959 года и совершенно непонятого происхождения — Ричард своими усовершенствованиями и нововведениями изменил ее внешний вид до неузнаваемости: он снимал с нее крылья, крышу и чуть-ли не все, что только можно было снять, а вместо обычных колес приспособил огромные дугые шины — специально предназначенные для езды по лобому песку. На этом чуде техники он разъезжал вдоль береговой черты и собирал принесенные прибоем доски, ветви и прочий деревянный хлам, из которого делал потом очень красивые и совершенно фантастические скульптуры. Скульптуры эти он продавал потом подешевке, за чисто-символическую плату, зимним туристам. Вообще, Ричард был моим другом и появился здесь, в Ки-Кэрэлайн, лет пять назад, выйдя в отставку и переехав сюда из Мэрилэнда.

Задумчиво глядя на прибор, он выпустил густой клуб сигарного дыма.

— Мне не все понятно. Расскажи-ка мне еще раз обо всем с самого начала.

Я вздохнул и попытался прикурить свою сигарету. Ричард взял коробок из моих неуклюжих рук и зажег спичку сам. Прикурив, я сделал две глубоких затяжки и попытался сосредоточиться. Зуд в пальцах стал уже совсем невыносимым.

— Ну хорошо, — начал я. — Прошлым вечером, часов в семь, я сидел, точно так же, как сейчас, здесь на веранде, любовался прибором и курил...

— Не с этого места, раньше, — мягко перебил меня Ричард.

— Раньше?

— Расскажи мне о полете.

— Ричард, я же рассказывал тебе о нем уже много-много раз! — устало затряс я головой.

Напряженно вслушиваясь в каждое мое слово, Ричард морщил лоб и был похож на какую-нибудь из своих необычных скульптур.

— Да, рассказывал. Но, может быть, ты не все вспомнил тогда, что-то упустил. А сейчас, может быть, вспомнишь — попробайся. Мне кажется, сейчас у тебя может что-нибудь получиться.

— Ты так думаешь?

— Ну а почему бы нет? А потом, когда ты закончишь, мы можем поехать поискать могилу.

— Могилу... — машинально повторил я. В моем воображении возникло огромное, пустотелое и ужасно-черное кольцо. Ничто не могло сравниться с ним в черноте... Такой непередаваемо-ужасной тьмы не видел я даже тогда, когда мы с Кори, пять лет назад, плыли по бесконечному космическому океану далеко-далеко от нашей планеты. Это была тьма... Настоящая тьма, тьма, тьма...

Пальцы под бинтами — мои новые глаза — слепо тарачились в эту тьму и зудели, зудели, зудели...

Кори и я были выведены на орбиту Земли на ракете-носителе Сатурн 16. Ракета была настолько огромной, что все журналисты и теле-радио-комментаторы называли ее не иначе, как Эмпайз Стейт Билдинг. Она действительно была просто фантастически-огромна. Старый носитель, Сатурн 1Б, выглядел бы по сравнению с ней просто игрушкой. Огромная пусковая площадка, выстроенная специально для Сатурна 16 на мысе Кеннеди, имела фундамент, уходящий на шестьдесят с лишним метров в землю!

Мы сделали несколько витков вокруг Земли, чтобы еще раз проверить все бортовые системы, сошли с земной орбиты и легли на рассчитанный курс — на Венеру. В сенате не утихали бурные споры по поводу дальнейших программ исследования космического про-

странства, люди из НАСА молились о том, чтобы наш полет не прошел даром, чтобы мы нашли хоть что-нибудь, а мы тем временем уплывали в открытый космос.

«Не важно, что! — любил повторять Дон Ловинджер, руководитель программы «Зеус», по которой мы тогда работали. — Ваш корабль просто напичкан различными новейшими техническими приспособлениями наблюдения и поиска, включая пять телевизионных камер повышенной мощности и разрешающей способности, а также принципиально новый телескоп с уникальной системой линз и радио-электронных фильтров. Найдите с их помощью золото и платину! Еще лучше будет, если вы найдете каких-нибудь разумных существ, этаких маленьких синеньких человечков. Найдите хоть что-нибудь! Хоть дух Хауди Дуди для начала...» Такой вот был веселый человек.

Эти напутствия были, однако, излишни — мы с Кори и сами были готовы и очень сильно хотели сделать все, что от нас зависело и что мы могли сделать. Тем более, что за последние несколько лет в программах космических исследований практически не было достигнуто сколько-нибудь существенных, кардинальных результатов. Начиная с Бормана, Андерса и Ловелла, которые высадились на поверхность луны в 68-м и нашли там только холодный, безжизненный и грязный песок. Перечень этот можно продолжить упоминанием об экспедиции на Марс Макхэна и Джекса одиннадцать лет спустя — там они тоже нашли только бескрайние пустыни холодного безжизненного песка и единственными организмами на них были лишь очень редкие и немногочисленные лишайники, не представляющие практически никакого интереса. Стоимость же исследований более глубокого космического пространства была, да и остается очень-очень высокой. Были и полеты, заканчивавшиеся просто трагически. На борту второго и последнего корабля Аполлон, например, с астронавтами Педерсеном и Лендерером, маршрут которого пролегал уже через несколько планет солнечной системы, при загадочных обстоятельствах вышли вдруг из строя все системы жизнедеятельности и управления полетом и корабль никогда уже больше не вернулся на Землю. А орбитальная обсерватория Джона Дэвиса была задета метеоритом... Одним словом, космические программы продвигались очень медленно и не очень успешно. Возможно, наш выход на орбиту Венеры был одной из последних попыток человечества изменить это положение вещей, по крайней мере в ближайшем обозримом будущем.

В полете мы находились уже шестнадцать суток и занимались почти только тем, что практически постоянно лопали какие-нибудь консервы, спали, играли в разнообразные игры, которые были специально предусмотрены на борту для того, чтобы мы не скучали, читали или шатались взад-вперед по кораблю (если так можно выразиться применительно к условиям невесомости) и глазели все время от времени в иллюминаторы, любуясь Млечным Путем.

На третий день полета у нас вышел из строя кондиционер воздуха, а вслед за ним отказал и дублирующий кондиционер. Неполладку эту нельзя считать крупной, но, все же, комфорта это не прибавляло. Тем более, что запас воздуха на борту был, все-таки, ограничен определенными пределами и пополнить его можно было только в плотных слоях атмосферы. Мы наблюдали, как Венера, по мере нашего приближения к ней, постепенно превращалась из звезды в очень красивую светящуюся планету, перекидывались шуточками во время сеансов связи с центром управления полетом в Хансвилле, слушали записи с музыкой Вагнера и Битлз, ставили кое-какие эксперименты по космической навигации, предусмотренные программой полета, делали необходимые контрольные измерения и так далее — обычные будничные занятия и заботы. Пару раз мы вносили корректировки в направление полета. Оба раза — лишь очень незначительные. Один раз, на девятый день полета, Кори вышел в открытое космическое пространство. Целью этого выхода было убрать сильно выступающую за обводы корпуса корабля высокочастотную передающую антенну ДЕСА — впредь до специального распоряжения с Земли о ее обратном выпуске и вводе в эксплуатацию. То есть, как я уже говорил, обычные будни. До тех пор, пока... — тут я ненадолго замолчал.

— Антенна ДЕСА, — напомнил мне Ричард. — Ты говорил об антенне ДЕСА. Что же было дальше?

— Да, так вот, антенна ДЕСА — специальная антенна для передачи высокочастотных сигналов в открытое космическое пространство. Сигналы эти имели очень большой радиус действия и были предназначены для возможных внеземных разумных цивилизаций. Эксперимент не удался...

Я нервно постучал пальцами о подлокотники кресла — стало еще хуже. Зуд становился все нестерпимее.

— Принцип действия этой антенны, — продолжил я, — был таким же, как и принцип действия радиотелескопа в Западной Вирджинии — того, ты знаешь, наверное, что предназначен для приема отдаленных и очень слабых радиосигналов от возможных внеземных цивилизаций. Только вместо приема антенна эта, тоже очень мощная работала на передачу. Ее действие, однако, было направлено прежде всего на самые отдаленные планеты солнечной системы — Юпитер, Сатурн и Уран.

— В открытый космос выходил только Кори?

— Да. И если бы он внес после этого на борт какую-нибудь инфекцию, радиацию или что-нибудь еще в этом роде — это немедленно было бы выявлено с помощью телеметрии...

— Ну и...

— Это не имеет совершенно никакого значения! — раздраженно оборвал я свой рассказ. — Сейчас для меня важно только то, что происходит здесь, сейчас! Прошлой ночью они убили мальчика,

Ричард! Это просто ужасно! Ужасно!.. Увидеть собственными глазами, как его голова... взорвалась!.. В одно мгновение разлетелась на кусочки как электрическая лампа... Как будто кто-то проник ему туда внутрь и одним движением разметал его мозги на десятки метров вокруг!..

— Ну, давай, успокаивайся и поскорее заканчивай свой рассказ. — снова подбодрил меня Ричард.

— Заканчивай!.. — горько усмехнулся я. — Что же можно добавить к этому еще?!...

Мы подошли к планете и вышли на ее орбиту. Расчетный радиус орбиты был семьдесят шесть миль. По программе полета нам предстояло побывать еще на трех предварительно рассчитанных орбитах, причем радиус уже следующей, второй орбиты, был на порядок больше первой. Мы побывали на всех четырех и имели возможность рассмотреть планету со всех необходимых точек и ракурсов. Было сделано более шестисот снимков и отснято невероятное количество киноплёнки.

Очень большая часть планеты была постоянно затянута метановыми, аммиачными и пылевыми облаками. Планета вообще была очень похожа на Гранд Каньон в очень сильную ветреную погоду. Судя по показаниям приборов, которые снял Кори, скорость ветра в некоторых местах достигала шестисот миль в час у поверхности, а некоторые наши телеметрические зонды, которые мы посылали вниз, подчас просто не выдерживали столь необычных атмосферных условий. В конце концов нам не удалось обнаружить никаких признаков жизни — ни животной, ни растительной. Спектроскопы зарегистрировали лишь наличие некоторых минералов, могущих иметь промышленное применение. Такова была Венера. Ничего. Совершенно ничего — но это, странным образом, почему-то и пугало меня больше всего. От этого я находился в очень странном, постоянном и очень сильном напряжении. Там, в глубоком космосе, я почему-то чувствовал себя как загнанный и обложенный со всех сторон зверь. Очень необычное, ни на что не похожее и крайне неприятное чувство... Я понимаю, что то, что я говорю, звучит, может быть, очень ненаучно и, возможно, даже истерично, но я пребывал в этом состоянии крайнего напряжения и почти животного страха до тех пор, пока мы не сошли с орбиты Венеры и не направились, наконец, к Земле. Думаю, что если бы это произошло немного позже, я бы сошел с ума и перерезал бы себе глотку или выкинул бы еще что-нибудь похуже... Венера произвела на меня просто страшное впечатление. Сравнить ее с луной не имеет совершенно никакого смысла. Луна — совсем другое дело. Она, если можно так выразиться, безлюдна и стерильна. На Венере же мы увидели мир, совершенно не похожий ни на что, виденное человеком прежде. Хорошо еще, я думаю, что видели мы не

все благодаря тому, что большая часть ее поверхности постоянно была скрыта облаками и туманами. Но то, что видеть нам, все-таки, удавалось, вызывало у меня очень сильную ассоциацию с человеческим черепом, вычищенным и отполированным. Почему — не знаю.

По пути на Землю мы узнали о том, что Сенат вынес постановление о сокращении финансирования космических программ вдвое. Кори прокомментировал эту новость чем-то вроде того, что «похоже, Арти, нам с тобой снова придется заняться метеорологическими спутниками». Но я был почти рад этому. По крайней мере, думал я тогда, я, скорее всего, уже никогда больше не буду послан на эту страшную планету. Несмотря на спадшее немного напряжение, меня, тем не менее, одолевало какое-то очень нехорошее и очень сильное предчувствие. Как выяснилось позже, оно не обмануло меня.

На двенадцатый день нашего возвращения на Землю Кори умер. Да и сам я был в состоянии, недалеко от смерти, но, все же, отчаянно боролся за жизнь. Вообще, все наши несчастья начались именно по пути домой. Они были похожи на грязный снежный ком, растущий прямо на глазах. А ведь мы пробыли в космосе в общей сложности больше месяца, побывали там, где до нас не было ни единой живой души и уже возвращались домой... И все это заканчивалось так бесславно только потому, что один парень в центре управления полетом слишком торопился устроить себе перерыв, чтобы попить кофе, и допустил из-за этого пару незначительных, казалось бы ошибок в расчетах по корректировке движения нашего корабля, что едва не привело к нашей мгновенной гибели от чудовищной перегрузки и закончилось тяжелыми увечьями для нас обоих, от которых Кори вскоре скончался, а я остался инвалидом на всю жизнь. Злая ирония судьбы, скажете вы? Пожалуй. Но настоящая причина здесь, я думаю, намного глубже...

Возвращение было очень трудным. Корабль был сильно выведен из строя. По словам пилота одного из вертолетов сопровождения, встречавших нас после входа в плотные слои атмосферы, он выглядел как гигантский, фантастически-уродливый и страшно изувеченный грудной младенец, мертво висящий под парашютом как на пуповине. Сразу же после приземления я потерял сознание. Оно просто отключилось. Встречающей нас команде не пришлось расстилать специально приготовленной для нашего прибытия красной ковровой дорожки, предназначенной для придания событию пущей торжественности.

Очнулся я только через несколько дней в реанимации в Портленде. Открыв глаза, я долго не мог понять, где я нахожусь и почему нигде не видно встречающих нас улыбающихся лиц и красной ковровой дорожки, по которой мы должны были пройти, выйдя из спускаемого аппарата. Говорят, у меня очень долго и очень сильно шла кровь — ртом, носом и ушами, которую едва удалось остановить...

— Возвращали меня к жизни постепенно, около двух лет в специализированной клинике НАСА в Бетесде. Я получил медаль НАСА «За выдающиеся заслуги» и «За исключительное мужество», получил кучу денег и инвалидное кресло-каталку. Через год, как ты знаешь, я переехал сюда и очень люблю теперь наблюдать со стороны за тем, как стартуют ракеты с находящейся здесь неподалеку стартовой площадки.

— Я знаю, — сказал Ричард.

Несколько минут мы сидели в полной тишине. Вдруг он неожиданно произнес:

— Покажи мне свои руки.

— Нет, — тут же ответил я, резко и даже грубо. — Я их никому не показываю. Никому и никогда. Ты же знаешь, я уже говорил тебе.

— Прошло уже пять лет, Артур. Почему ты не хочешь показать мне их сейчас? Ответь мне, хотя бы, почему?

— Я не знаю. Я не знаю! Все это очень непросто и мне самому трудно во всем этом разобраться. Могу я в конце концов, быть просто не готовым к этому? Могу я быть просто не в состоянии объяснить, что к чему?! В конце концов я просто имею право спокойно сидеть на собственной веранде собственного дома — уж это я знаю точно!

Ричард хорошо понимал, что я просто нервничаю. Поэтому он отнесся к этой моей вспышке спокойно и не обиделся, а лишь вздохнул и задумчиво посмотрел на море. Солнце уже клонилось к закату и вода была покрыта красновато-оранжевой рябью.

— Я пытаюсь понять тебя, Артур. И мне очень не хочется думать, что ты сходишь с ума...

— Если бы я сходил с ума, то руки я тебе показал бы, — сказал я и мне было очень трудно произнести эти слова. — Но только если бы я действительно сходил с ума.

Ричард поднялся и взял свою трость. Выглядел он в этот момент каким-то очень старым и больным.

— Я пойду схожу за багги. — тихо произнес он. — И поедем поищем могилу мальчика.

— Спасибо тебе, Ричард.

Идти нужно было недалеко. Дом Ричарда находился совсем недалеко от моего, прямо за Большой Дюной — длинным песчаным холмом, протянувшимся вдоль почти всего мыса Ки Кэрэлайн. Его дом даже видно немного с моей веранды, а сейчас я видел и крышу машины, за которой он ушел несколько минут назад. За эти несколько минут небо над заливом как-то очень быстро стало свинцово-серым и до моих ушей отчетливо донесся рокот грома.

Я не знал имени мальчика, но его лицо всплывало в моей памяти снова и снова. Я видел его худенькую фигурку, шагающую в ярких

лучах солнца вдоль берега моря. Под мышкой — крупная сетка для просеивания песка. Кожа — почти черная от каждодневного много часового пребывания под солнцем. Из одежды — только шорты из грубой парусиновой ткани. На дальнем конце Ки Кэрэлайн находится большой общественный пляж и там этот молодой изобретательный человек набирал за день долларов, может быть, по пять, просеивая через сетку песок и выискивая в нем десяти или двадцатипятиценто-вые монетки, вывалившиеся из карманов отдыхающих. Каждый раз, в своем воображении, я пытаюсь подойти к нему и каждый раз он испуганно шарахается в сторону и пытается затеряться в шумной толпе беспечных пляжников, приезжающих сюда на Кадиллаках и разгульно-бестолково соряющих деньгами. Думаю, что он жил в этой небольшой деревушке, что находится в полумиле отсюда, рядом с почтой.

В тот вечер, когда я увидел его, я, как всегда, неподвижно сидел на своей веранде и смотрел на залив. В тот день я никого уже не ждал к себе и снял уже повязки с кистей раньше, чем обычно. Зуд в пальцах был тогда особенно нестерпимым, но он всегда исчезал сразу же после того, как я снимал бинты и освобождал таким образом глаза на концах моих пальцев.

Ощущение это несравнимо ни с какими другими — я чувствовал себя неким каналом, через который кто-то наблюдал окружающий меня мир и выплескивал на него свою ненависть. Но главная беда была в том, что я сам как бы втягивался в этот канал зла и черной ненависти.

Представьте себе, хотя бы на несколько секунд, что ваше сознание отделено какими-то силами от вашего тела и помещено в тело мухи. И вот вы (не ваше тело, не ваши глаза, а именно вы, непосредственно ваше сознание) смотрите со стороны на ваше собственное лицо, в ваши глаза глазами этой мухи... А глаза мухи состоят, как известно, из тысяч крохотных глазок. Так вот, представьте себе, что вы смотрите на себя со стороны тысячами глаз. Если представили, то, может быть, поймете тогда, почему кисти моих рук постоянно перевязаны плотными бинтами. Даже когда вокруг, кроме меня, нет никого, кто мог бы их увидеть...

А начался этот кошмар в Майами не так уж много времени назад. Я, естественно, был в то время уже на пенсии, но приблизительно раз в год я, тем не менее, был обязан по долгу старой службы встречаться там с одним человеком по имени Крессуэлл. Этот Крессуэлл был научным сотрудником Департамента ВМС США. В его обязанности, в свою очередь, входило раз в год встречаться со мной и задавать мне в непринужденной беседе всякие дурацкие вопросы под видом того, что я в то время считался крупным специалистом по вопросам самых разнообразных космических программ, особенно по вопросам исследования дальнего космоса, а также под видом, того что правительство

США (в частности — министерство обороны) проявляют заботу о своих ветеранах и не оставляют их без внимания. Пенсия моя, надо отдать им должное, действительно вполне достаточна для безбедного существования. Я, правда, так и не понял до конца, что же, все-таки, нужно было этому Крессуэллу, что он искал, что вынюхивал и высматривал. Может быть, какое-нибудь таинственное свечение в моих глазах, которое я, возможно, привез из своей последней экспедиции на Венеру. Или какой-нибудь не менее таинственный знак на лбу или еще где-нибудь аналогичного, разумеется, происхождения. Бог его знает, что он выискивал. Я так и не понял. Скорее всего, он был просто агентом ФБР или ЦРУ. Или и того и другого сразу. Не знаю, одним словом.

Мы с Крессуэллом сидели тогда на террасе его номера в отеле и обсуждали возможное будущее американских космических программ. Было приблизительно начало четвертого пополудни. Вдруг в моих пальцах появился очень странный зуд, похожий на покалывание слабого тока. Такого со мной не случалось никогда раньше. Зуд появился не постепенно, а сразу, в одно мгновение. Это было настолько неожиданно и необычно для меня, что я сразу сказал об этом Крессуэллу.

— Не волнуйтесь, — успокаивающе улыбнулся он. — Судя по симптомам, на вас скорее всего попала пыльца какого-нибудь плющевого растения, которых, должно быть, полно на вашем чудном полуостровке и ваш организм, по-видимому, просто отреагировал на это такой вот аллергией. Не переживайте — это совершенно безобидно и скоро пройдет.

— Но в Ки Кэрэлайн не растет почти ничего, кроме карликовых пальм. Никаких плющей я там, по крайней мере, никогда не видел.

Я внимательно посмотрел на свои руки. Обычные руки, совершенно ничего особенного. Но зуд... зуд был просто невыносимым и очень испугал меня...

После того, как наша милая беседа была, наконец, закончена, я подписал обычную в таких случаях бумагу, в которой говорилось о том, что «Я обязуюсь не разглашать никакую информацию, полученную или переданную мной во время данного разговора, которая могла бы повредить государственной безопасности Соединенных Штатов...», ну и так далее. Покончив с этой формальностью, я попрощался с Крессуэллом и отправился домой в Ки Кэрэлайн. У меня был только старенький Форд с ручным управлением для инвалидов. Я очень любил эту машину — она позволяла мне чувствовать себя полноценным человеком.

Дорога до Ки Кэрэлайн была неблизкой и когда я, наконец, подъезжал к нему, уже начинало смеркаться. Зуд в пальцах был теперь настолько сильным, что я едва не сходил с ума от него. Если вы когда-нибудь бывали под ножом у хирурга, то вам наверняка

известно, как зудят заживающие перевязанные раны или швы, до которых нельзя дотрагиваться. Так вот, мой зуд был во много раз сильнее! Казалось, будто в кончиках моих пальцев шевелятся и пытаются выбраться наружу какие-то неведомые крохотные существа...

Я остановил машину. Солнце уже почти скрылось за горизонтом и для того, чтобы получше разглядеть свои пальцы, я включил внутреннее освещение салона. На каждом из десяти пальцев рук были яркие покраснения, очень похожие на те, которые появляются, когда начинаешь играть на гитаре и с непривычки болезненно натираешь себе пальцы о струны. Они были даже точно на тех же, передних местах пальцев — на самых их кончиках. Но самым удивительным было то, что покраснения эти были идеальной круглой формы. Менее яркие, более расплывчатые и даже бесформенные покраснения, похожие на воспаления, были и на всех фалангах пальцев, но зуда от них, почему-то, не было никакого. У меня есть одна привычка — когда я сильно волнуюсь или очень задумываюсь о чем-нибудь, я машинально дотрагиваюсь пальцами правой руки до губ. То же самое проделал я и в тот раз, но тут же, с болью и отвращением, резко отдернул руку от лица. Во мне волной поднялся немой ужас — прикосновение пальцев к губам было неожиданно обжигающе-горячим и напомидало мягкое прикосновение вздувшейся тонкой кожицы гниющего яблока... Но самое главное... я явственно почувствовал, как под этой кожицей моих собственных пальцев что-то шевелится!..

Остаток пути до дома я настойчиво пытался убедить себя в том, что я, все-таки, наверняка чем-нибудь отравился или перегрелся на солнце. Но где-то в глубине моего сознания у меня уже появилась другая, очень страшная мысль. Дело в том, что очень давно в детстве, у меня была тетя — сестра моей матери. Она жила в нашем доме на втором этаже и никогда не выходила из своей комнаты. Я почти никогда не видел ее, хотя мы прожили в одном доме несколько первых лет моей жизни. Еду наверх относил ей мама и даже упоминание ее имени было в нашей семье под негласным запретом. Только много позже, спустя уже несколько лет после ее смерти, когда я уже повзрослел, мне стало известно, что она была неизлечимо больна проказой, причем в очень тяжелой форме.

Едва добравшись до дома, я сразу же позвонил доктору Фландерсу. Трубку поднял его ассистент и заместитель доктор Боллэнджер и сказал мне что доктор Фландерс уехал недавно к больному в другой город. Я ни в коем случае не хотел делиться своими подозрениями ни с кем другим, кроме хорошо знакомого мне доктора Фландерса и поэтому спросил с плохо скрываемым волнением:

— Как скоро он обещал вернуться назад?

— Не позже полудня завтрашнего дня. Передать ему, что вы звонили?

— Да, обязательно.

Я медленно опустил трубку на рычаги, но тут же схватил ее снова и набрал телефон Ричарда. Я терпеливо выждал более десяти гудков, но трубка с той стороны так и не была поднята. Значит, Ричарда не было дома, иначе бы он обязательно подошел к телефону. Я положил трубку и просидел в нерешительности несколько минут. Зуд стал еще более сильным и терзал теперь уже само мясо под кожей пальцев.

Я подъехал на софем кресле-каталке к книжному шкафу и достал из него массивную медицинскую энциклопедию, к которой не прикасался уже очень давно. Я листал ее очень долго, но ничего более-менее определенного по вопросу, который волновал меня, я так и не нашел.

Поставив книгу обратно на полку, я закрыл глаза. В полной тишине на другой полке, у противоположной стены, гулко тикали старые корабельные часы. Краем уха, в полусознании, я слышал, как высоко в небе над моим домом пролетел самолет. «Наверное, из Майами! — почему-то подумал я. Кроме часов и самолета не слышно было больше ничего — только мое собственное хриплое подавленное дыхание.

Я вдруг отметил про себя, не открывая глаз, что все еще смотрю на книгу... Я мгновенно осознал, что все это не игра воображения — я действительно смотрел на книгу. От дикого, непередаваемого ужаса я совершенно оцепенел и мгновенно покрылся холодным липким потом. **ГЛАЗА МОИ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ, А Я ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЛ СМОТРЕТЬ НА КНИГУ...** Причем я видел ее как бы пятью парами глаз сразу. **НО ГЛАЗА МОИ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ!...** Это я понимал совершенно определенно - не было никаких сомнений.

К этому жуткому шоку, значение которого я даже еще не осознал до конца и просто еще не пришел в себя, добавился вдруг еще один — я явственно почувствовал, что смотрю на книгу не один. Не «как бы не один», а... **НЕ ОДИН...** Ясно осознавая, что в комнате, кроме меня, нет больше никого. Нет и быть не может.

Я медленно приоткрыл глаза, чувствуя, что сердце мое вот-вот выскочит наружу от страха. Приоткрыв их, я увидел книгу, под каким-то другим углом зрения. Вернее, не под каким-то, а под нормальным, обычным углом, — так, как я вижу ее каждый день. Это тот, первый взгляд был «каким-то». Это он смотрел на книгу под другим углом зрения, как-то немного снизу, как если бы я опустил голову на уровень подлокотника кресла, на которых лежали мои руки и смотрел бы на книгу оттуда. Но это был не мой, другой взгляд. Я смотрел на книгу своими собственными глазами и не хотел знать ничего другого, но... тот, другой взгляд, был, все-таки..... тоже моим... И не моим в то же самое время... Все это было выше моих сил и в определенный момент, уже на самой грани умопомешательства сработала защитная реакция моего мозга — я внушил себе (правда всего на несколько секунд), что все, что я вижу — просто галлюцинаторный бред в чистом

виде и мне немедленно надо показаться невропатологу или даже психиатру. В этой спасительной для моего перенапрягшегося мозга иллюзии я пребывал, однако, не долго. Посмотрев на руки, я увидел что мои пальцы дико растопырены от боли и чуть ли не выгнуты в обратную сторону от сводящих их судорог. Я сделал невероятное усилие, чтобы поднести руки к лицу и рассмотреть их поближе и тут случилось самое страшное... Я стал медленно падать навзничь — передо мной промелькнули книжный шкаф, потолок, показалась уже противоположная стена, которая была у меня за спиной. И в то же самое время... я отчетливо видел, что никуда не падаю, что все на месте и к моему лицу плавно поднимаются мои же руки...

Увидев то, что было на моих пальцах, я издал пронзительный вопль ужаса, который слышен был, наверное, всей округе.

Кожа и ткани на концах всех десяти моих пальцев лопнули и разошлись в стороны, а из этих кровоточащих разрывов... НА МЕНЯ СМОТРЕЛИ ДЕСЯТЬ НЕПЕРЕДАВАЕМО УЖАСНЫХ И ЗЛЫХ ГЛАЗ С ЯРКО ИСКРИВШИМИСЯ ЖЕЛТО-ЗОЛОТЫМИ РАДУЖНЫМИ ОБОЛОЧКАМИ!!!!...Я думал, что умру от ужаса в ту же секунду, но это было еще не все. Одновременно с тем, что я видел собственными глазами, я увидел и собственное лицо — теми же глазами, что были у меня на пальцах... Это лицо действительно было моим, но... это было лицо монстра.

На вершине холма показались багги Ричарда, а уже через несколько минут она с диким ревом влетела во двор и остановилась как вкопанная прямо напротив веранды. Движок был без глушителя, работал неровно и время от времени гулко стрелял выхлопными газами, выбрасывая снопы искр. Настоящее чудовище техники. Я тоже не заставил себя ждать и быстро спустился вниз по плоской дорожке, пристроенной сбоку от обычных ступеней лестницы специально для моего кресла-каталки. Заперев входную дверь, я подъехал к «машине» Ричарда и он помог мне забраться внутрь, а каталку забросил на заднее сиденье.

— Ол райт, Артур. Показывай, куда ехать.

Я молча показал рукой в сторону моря — туда, где Большая Дюна постепенно спускалась к земле на самом конце мыса. Ричард кивнул головой, включил скорость и энергично нажал на газ. Задние колеса с визгом сделали несколько оборотов на месте и лишь после этого машина резко рванула вперед, как будто бы мы собирались взлетать. У Ричарда такая сумасшедшая манера езды и обычно я поругиваю его за это, но тогда это меня совершенно не волновало — слишком многим в тот момент была занята моя голова, чтобы поучать Ричарда, как ему правильнее водить машину. Глаза на пальцах вели себя, к тому же, особенно беспокоило — они с силой тыкались в бинты, отрезавшие их от внешнего мира, как будто пытаюсь разглядеть сквозь них хоть что-нибудь. Они словно умоляли меня снять с них повязки.

Подпрыгивая на неровностях, багги стремительно неслась к морю, а с невысоких песчаных дюн даже, казалось, взлетала в воздух. Слева от нас, в кроваво-красном мареве, солнце начинало уже опускаться за горизонт. А прямо перед нами собирались тяжелые свинцово-серые грозовые тучи. Собирались и грозно надвигались прямо на нас. Вдруг в той стороне, довольно еще далеко, впрочем, от нас, между тучами и совершенно черной поверхностью воды под ними ослепительно вспыхнула очень сильная молния.

— Возьми правее, Ричард, — сказал я. — Вон к тому навесу. Ричард подъехал к навесу, объехал его вокруг и остановил машину. Выйдя наружу, он достал из багажника лопату. Увидев ее, я вздрогнул.

— Где? — спросил Ричард и внимательно посмотрел на меня.

— Здесь, — указал я ему пальцем точное место в нескольких метрах от машины.

Он подошел к нему медленными шагами, постоял несколько секунд в нерешительности и, наконец, осторожно воткнул лопату в песок. Копал он очень долго. А может, мне только так показалось. Песок, который он отбрасывал в сторону, выглядел очень сырым и тяжелым. Грозовые тучи, тем временем, росли прямо на глазах, наливались чернотой и охватывали уже довольно большую часть горизонта, грозно и неотвратимо надвигаясь на нас. Тонны воды, обрушивавшиеся с них в море, выглядели очень впечатляюще, да еще и подсвечивались с левой стороны зловещими кровавыми отблесками заходящего солнца.

Еще задолго до того, как Ричард закончил копать, я уже знал, что тела мальчика он там не найдет. Они убрали его отсюда. Прошлой ночью руки мои не были завязаны — следовательно, они могли видеть и действовать. Уж если они смогли использовать меня для того, чтобы убить мальчика, то, значит, они могли использовать меня и для того, чтобы перенести его тело в какое-нибудь другое место, даже если бы я спал в это время.

— Здесь нет никакого мальчика, Артур, — слышался голос Ричарда. Он подошел к машине, закинул лопату в багажник и устало опустился на свое сидение рядом со мной.

Показалась яркая почти ничем не закрытая луна. Быстро приближающаяся гроза была, по-видимому, настоящей бурей. То и дело нас ослепляли небывало яркие молнии и сотрясал оглушительный гром. На песок уже начали ложиться первые мрачные тени надвигающейся грозной стихии. Внезапно поднявшийся ветер швырял в машину песок с такой силой, что она ходила ходуном. В пальцах у меня появился сильный зуд — глаза очень хотели наружу.

— Значит, они все таки использовали меня и для того, чтобы перенести его тело в другое место, — взволнованно заговорил я скороговоркой, уставившись в одну точку. Каким, должно быть, бредом звучали мои слова для Ричарда — ведь он тогда почти совсем ничего не знал.

— Они могут управлять мной, — продолжал я. — Когда я развязываю руки, они получают возможность управлять мной. Они способны в любой момент подчинить меня полностью и могут манипулировать мной как угодно, направляя мои действия по своему усмотрению, даже если я находясь в бессознательном состоянии. Когда мои руки развязаны, я становлюсь для них как бы дверным проемом, каналом их связи с нашим миром. По несколько раз в день, когда руки у меня развязаны от нестерпимого зуда, я обнаруживаю себя стоящим в совершенно, порой, неожиданных для меня местах — в саду, например, или перед картиной, которая висит меня в гостиной. Все эти места и предметы хорошо знакомы мне, но я совершенно не помню, как я к ним попал. В памяти начисто отсутствуют довольно большие промежутки времени. Они просто отключают на это время мое сознание. Это ужасно, Ричард... Я больше не в силах жить в этом кошмаре!..

— Артур. — Ричард успокаивающе положил мне руку на плечо. — Пожалуйста, Артур, не надо. Перестань.

В слабом отблеске заката я увидел, что его лицо, повернутое ко мне, полно сострадания.

— Ты сказал, что ты там где-то «стоял» перед чем-то, что ты «перенес» тело мальчика... Но это же невозможно, Артур! Ты же не можешь двигаться, кроме как на кресле-каталке. Вся нижняя половина твоего тела мертва!

— Она тоже мертва, — сказал я, — положив руку на приборную панель машины. — Но ты садишься в нее и заставляешь ее ехать. Ты можешь, если захочешь, убить ее, пустив с обрыва в пропасть и она ничем не сможет помешать тебе в этом, даже если захотела бы!

Я слышал, что мой голос поднялся уже очень высоко и звучал теперь совершенно истерично, но мне было не до этого в тот момент.

— Я — дверной проем! — кричал я ему в самое лицо. — Как ты не можешь понять?! Они убили мальчика, Ричард! Убили моими руками! И моими же руками перетащили его тело в какое-то другое место!

— Я думаю, тебе необходимо срочно показаться врачу, — стараясь говорить спокойно, ответил мне на это Ричард. — Поехали назад. Хочешь, я сам отвезу тебя завтра или даже сегодня к одному своему знакомому очень хорошему докто...

— Подожди, Ричард! Ты можешь проверить! Разузнай насчет этого мальчика! Ведь он действительно не вернулся вчера домой! Он мертв, говорю я тебе! Мертв!

— Но ты же сказал, что не знаешь его имени,

— Он наверняка из той деревушки что начинается сразу за почтой! Спроси...

— Я уже говорил об этом сегодня вечером по телефону с Мод Харрингтон. Это местная сплетница с самым длинным и любопытным

во всем штате носом. Уж она знала бы об этом наверняка. Тем более, что прошли уже целые сутки. Но она сказала, что ничего не слышала и ничего не знает о том, что кто-то пропал прошлой ночью.

— Но это же местный парнишка! Его исчезновение просто не может остаться незамеченным?

Ричард потянулся, чтобы включить зажигание, но я остановил

— Смотри! — выкрикнул я и начал развязывать руки.

Над заливом, совсем уже недалеко от нас, вспыхнула ослепительная молния невероятной яркости и грохнул оглушительный гром.

Я не пошел к доктору и не стал звонить Ричарду еще раз. Вместо этого я провел три недели дома, почти не выходя на улицу. Всякий раз, когда по необходимости, все-таки, приходилось это делать, я плотно перевязывал свои кисти несколькими слоями бинтов. Три недели. Три недели слепой надежды на то, что эта страшная напасть оставит меня... Уверен, что поступил тогда правильно. По крайней мере — рационально для самого себя. Если бы я был здоровым полноценным человеком, которому не нужно кресло-каталка и который ведет обычный образ жизни и имеет нормальное окружение, то я, может быть, отправился бы к доктору Фландерсу или, по крайней мере, рассказал бы обо всем Ричарду. Я мог бы, наверное, сделать это и без всех этих оговорок, в том состоянии, в котором я находился тогда на самом деле, но всякий раз, когда появлялась эта мысль, я вспоминал о трагической судьбе тети, которая из-за болезни проказой была обречена оставаться практически всю свою жизнь совершенно изолированной от людей пленницей и, в конце концов, была съедена заживо своей болезнью, одиночеством и, в результате, — безумием... Мысли о том, что такая же печальная участь может постигнуть и меня, заставляли меня сохранять все в глубокой тайне и молиться, молиться, молиться за то, чтобы, проснувшись когда-нибудь утром, я посмотрел на свои чистые пальцы и вспоминал обо всем этом как о дьявольском сне.

Все это были, конечно, безнадежные наивные мечты.

Постепенно я почувствовал ИХ. ИХ... Незвестный неземной разум. Меня никогда не интересовало, как они выглядят и откуда они пришли. Я был их дверным проемом, их окном в этот мир. Я слишком хорошо понимал, насколько они опасны, отвратительны и страшны, как несоизмеримо их мир отличается от нашего. Слишком хорошо чувствовал их страшную слепую ненависть. И все это время они вели молчаливое мрачное наблюдение за нашим миром. А я невольно помогал им в этом, не в состоянии никак воспротивиться. Постепенно я начал понимать, что они просто используют меня в своих целях, что они просто-напросто управляют мною.

Когда в тот вечер мальчик, как обычно, возвращался мимо, моего дома с пляжа, он приветливо помахал мне рукой и улыбнулся. Судя по его виду, своим сегодняшним уловом он был вполне доволен. Я

сидел, как всегда, на веранде и, мрачно размышляя о своих проблемах, решил, наконец, связаться по телефону с мистером Крессуэллом из департамента ВМС США. Я пришел, все-таки, к выводу, что то, что случилось со мной, началось именно во время нашей экспедиции на Венеру пять лет назад. «Пускай, — думал я, — они изолируют меня на всю оставшуюся жизнь от людей, пусть обследуют меня сколько и как угодно, пусть вообще делают со мной все, что захотят — лишь бы положить конец этим безумным ночам, когда я просыпаюсь в совершенно неожиданных для меня местах, а руки мои живут как бы сами по себе и наблюдают, наблюдают, наблюдают...

Однажды я пытался, дойдя до отчаяния, выколоть эти ужасные глаза первым же попавшимся под руку острым предметом. Подвернулся остро заточенный карандаш, но как только он приблизился к первому глазу, руки мои пронзила резкая мучительная боль, разом охватившая и все мое тело. Я думал, что умру от нее через пару секунд. Карандаш упал на пол и боль, не сравнимая совершенно ни с чем, утихла очень долго. Таких адских страданий я не испытывал раньше никогда в жизни и подобных экспериментов больше не устраивал.

Вместо того, чтобы тоже ответить мальчику приветливым взмахом, обе мои руки, помимо моей воли, вдруг разом судорожно потянулись к нему и я с ужасом вспомнил, что они у меня не забинтованы... Все десять глаз, светясь в сумерках, разом утавилились на бедного перепуганного мальчугана. Он остановился как вкопанный и смотрел на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Я почувствовал, как мое сознание быстро заволакивается густой непроницаемой пеленой и уже в следующее мгновение я полностью утратил контроль над собой. Дверь открылась... и я стал дверным проемом. Слепым исполнителем чужой неведомой воли. Не помня себя, я оказался на улице и кинулся по песку за ударающим что было силы насмерть перепуганным парнишкой. Ноги были как деревянные и слушались очень плохо, но, все же, бежал я довольно быстро. Мои собственные глаза были закрыты и все, что я видел, я видел глазами моих пальцев. Картина эта была совершенно фантастической. Впереди мелькала худенькая фигурка убегающего от меня в сторону общественного пляжа мальчонки. Все цвета и даже формы были каким-то фантастическим образом искажены, что придавало происходящему особенный монструозный оттенок. Мыс, например, выглядел как гигантская гипсовая декорация, а небо над ним было неестественного сочного пурпурного цвета. Глаза на пальцах просвечивали мальчишку как мощный рентгеновский аппарат — я видел перед собой бегущий скелет с ярко светящимися костями, скелет, цепко держащий левой рукой свою металлическую сетку для просеивания песка. Плоти не было видно почти совсем.

О чем, интересно думал этот бедный безымянный мальчонка в последние минуты перед смертью? О чем он думал, рассыпая на

бегу набранную за несколько часов кропотливого труда мелочь и даже, наверное, не замечая этого, цепко держа в руке свою сетку и почти ежесекундно оборачиваясь на настигающего его страшного человека, который, спотыкаясь и ковыляя, упорно преследовал его, зажмурив глаза и вытянув вперед руки как слепой? Что он думал, видя на тянущихся к нему руках ужасные желто-золотые глаза? И что он подумал за секунду до смерти, когда эти страшные руки с глазами взметнулись вверх и сделали так, что в следующее мгновение его голова разлетелась мелкими брызгами на десятки метров вокруг?..

Я не знаю...

Зато я знаю, о чем думал я.

Я думал, насколько это позволяли мои мозги о том, что только что побывал у ворот в ад и что скоро я отправлюсь туда насовсем.

Ветер с силой трепал повязки, когда я разматывал их. Как будто пытался помочь мне.

На жуткие черные грозовые тучи, которые были уже почти над нами, падали последние багровые отблески заходящего солнца. Буря надвигалась стремительно и вот-вот должна была обрушиться на нас страшные массы воды и ураганный ветер. Но мы как будто даже не замечали этого.

— Ты должен пообещать мне, Ричард, — склонился я к его уху, перекрикивая ветер. — Ты должен пообещать мне, что как только ты почувствуешь что-то неладное, ты убежишь... Как только тебе покажется, что я могу... причинить тебе какой-нибудь вред... Ты понимаешь меня?

Ветер с силой трепал ему волосы и ворот рубашки. Все лицо было напряжено, а глаза превратились в маленькие щелочки от хлеставшего в них песка.

Я решительным движением сдернул последние повязки с глаз на пальцах и внимательно посмотрел на Ричарда. Все десять глаз вытаращились, конечно же, тоже на него.

— Теперь ты видишь их сам, собственными глазами! — хрипло крикнул я.

Лицо Ричарда, лицо, которое я так хорошо знал, лицо несомненно смелого, бесстрашного человека мгновенно вытянулось, а нижняя челюсть отвисла. Он инстинктивно отпрянул от меня и выскочил из машины. Вспыхнула ослепительная молния и гром ахнул прямо над нашими головами. В следующее мгновение на нас обрушился адский поток воды.

— Артур... — прочитал я по беззвучно двигавшимся на искаженном ужасом лице губам Ричарда.

Как он был напуган!.. Как мог я подвергнуть его такому жестокому испытанию, такому страшному шоку?!

— Беги! Беги, Ричард!

И он побежал. Длинными стремительными скачками. Он был очень похож на человека, приговоренного к смертной казни, который уже возведен на эшафот и хорошо понимает, что через несколько секунд он умрет, но прощаться с жизнью он, тем не менее, очень не хочет и все еще на что-то надеется.

Я вышел из машины и мои руки резко взлетели вверх над головой, а пальцы судорожно вытянулись к единственному, что было им хорошо знакомо в этом мире — тучам.

И тучи ответили им.

Они ответили им огромной, чудовищно сильной, ослепительной бело-голубой молнией, увидев которую, я подумал, что наступил конец света. Эта невероятная молния ударила прямо в Ричарда... В одно мгновение от него не осталось даже пара.

Последнее, что я запомнил перед тем, как мое сознание отключилось окончательно, был сильный запах озона...

Пришел в себя я только на следующий день рано утром. Я сидел на своей веранде и отрешенно смотрел на Большую Дюну. Ураган уже прошел. С моря дул мне в лицо приятный прохладный ветерок. На серо-голубом пасмурном небе еще видна была бледная серебристая луна. Я смотрел вдаль на то место, где вчера погиб Ричард — там не было ничего, кроме небольшого пятна черного песка в том месте, куда ударила молния. Машины Ричарда не было, почему-то, тоже, но тогда это не имело совершенно никакого значения.

Я медленно опустил взгляд на свои руки. Глаза на пальцах были открытыми, но какими-то остекленевшими и неподвижными. Они, судя по всему, устали и дремали.

С неожиданной ясностью я вдруг понял, что именно мне необходимо сделать. Сделать немедленно, не теряя ни секунды, пока они дремали. Пока дверь была закрыта и пока я снова не стал безвольным дверным проемом. Я, наконец, понял, что я должен сделать для того, чтобы эта дверь не открылась больше никогда. Никогда!

Мне нужно было торопиться. Я уже заметил первую слабую реакцию глаз на мои мысли. Они вздрогнули, но, слава Богу, не проснулись. Кисти рук медленно сжались в кулаки, как бы пряча глаза от какой-то непонятной еще смутной угрозы.

В моей гостиной есть небольшой камин, который я затапливал иногда в холодную погоду. Быстро и решительно я растопил его, изо всех сил стараясь не думать о том, что я замыслил сделать — ведь они без труда читали все мои мысли. Я должен был сделать все как можно быстрее — до того, как они заподозрят что-то не ладное и смогут помешать мне.

Когда дрова, наконец, разгорелись достаточно хорошо, а в трубе загудел поднимающийся кверху сильный поток теплого воздуха я, не теряя ни секунды, быстро сунул обе руки в самое пекло...

Глаза проснулись в то же мгновение и, агонизируя, стали с удивительной силой рваться назад из камина. Мне стоило огромных усилий не выпустить их обратно, не говоря уже о моей собственной боли. Я держал руки в огне до тех пор, пока окончательно не убедился, что глаза погибли, сгорели вместе с моими пальцами...

Я сделал то, что должен был сделать уже давно.

С тех пор прошло уже семь лет.

Я все еще живу в том же маленьком домике и наблюдаю за тем, как взлетают ракеты. В последнее время их старты заметно участились — нынешняя администрация уделяет развитию космических программ гораздо больше внимания, чем предыдущая. Я слышал даже, что планируется большая серьезная экспедиция на Венеру.

Имя мальчика я, кстати, разузнал, но теперь уже позабыл. Он действительно оказался из той деревушки, о которой я и думал. В тот злополучный для него день мать отпустила его погостить на выходные к другу в соседнюю деревню. Поэтому тревога была поднята только в понедельник утром. Ричард? Его, почему-то, все здесь считали просто старым индейком и никто даже особенно не обратил внимания на его исчезновение. А те, что обратили, подумали, наверное, что он уехал в Мэрилэнд и тоже со временем совершенно забыли о нем.

Что же касается меня самого, то о себе мне сказать почти нечего. Здесь меня, однако, считают, несмотря на мою замкнутость, очень эксцентричным человеком. Иногда я, так же, как и многие другие бывшие астронавты, пишу письма в Вашингтон со старчески-наивными просьбами направить деньги, выделенные на космические исследования, хотя бы их часть, на решение гораздо более насущных земных проблем.

Вместо пальцев у меня теперь остались специальные крюки из нержавеющей стали. Управляюсь я ими довольно ловко. Человек вообще быстро привыкает почти ко всему. Я, например, запросто держу ими бритву, когда бреюсь и даже завязываю шнурки. Получается вполне сносно. По крайней мере, у меня не будет никаких проблем, когда мне нужно будет нажать на курок и застрелиться, вложив дуло пистолета в рот...

То, что вы уже знаете, началось со мной снова около трех недель назад.

На груди у меня появилось идеально правильное кольцо из двенадцати уже известных вам пронзительно ярких желто-золотых глаз.

С о д е р ж а н и е

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА	6
Перевод В.Сухорукова	
НОЧНАЯ СМЕНА	384
Перевод А.Мясникова	
Я — ДВЕРНОЙ ПРОЕМ	412
Перевод А.Мясникова	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

Выпуск 4

Сдано в набор 01.11.92. Подписано в печать 12.01.93.
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 115 000 экз.
Заказ 1125.

Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74
Издание осуществлено совместно
с издательской фирмой «Татьяна».

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

СТИВЕН КИНГ

В пятом выпуске нашей серии будет впервые опубликован роман Стивена Кинга «Жребий Иерусалима». Написанный с большим вдохновением роман продолжает традицию Брема Стокера, описывая жизнь вампиров в современном американском обществе. По признанию автора, это его самое любимое произведение.